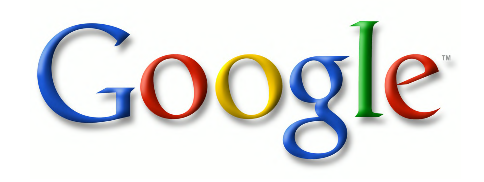

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОЧЕРКИ

ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX СТОЛѢТІЯ

Н. И. Петрова.

Кіевъ.
Въ типографіи И. и А. Давиденко, Мало-Житомирская улица, собствен. домъ.
1884.

Печат. съ разрѣшенія Совѣта Кіевской Духовной Академіи 13 сентября 1883 г.
Ректоръ А. Сильвестръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Украинская литература до сихъ поръ не получила полнаго права гражданства въ нашемъ отечествѣ и періодически подвергалась враждебнымъ нападкамъ со стороны извѣстныхъ литературныхъ партій и даже правительственнымъ запрещеніямъ. Вслѣдствіе этого въ разное время являлись—съ одной стороны тенденціозность во взглядахъ на украинскую литературу, съ другой—раздражительность и вмѣстѣ какая-то боязливость украинскихъ писателей, часто печатающихъ свои произведенія за границей, или скрывающихъ свои подлинныя фамиліи за псевдонимами. Оба эти явленія одинаково препятствуютъ серьезному изученію украинской литературы. Изслѣдователь постоянно встрѣчается съ самыми противоположными и притомъ неустойчивыми взглядами на исторію украинской литературы, затемняющими сущность дѣла. Тогда какъ одни, и именно недоброжелатели украинской литературы, относятся къ ней пренебрежительно, обзываютъ ее хохлацкою, хохломанскою и хлопоманскою литературою и не считаютъ достойною серьезнаго изученія,—другіе, преимущественно изъ украинцевъ, замѣчаютъ въ ней особую свѣжесть, дѣвственность и оригинальность, ставятъ ее несравненно выше сѣверно-русской искусственной литературы и даютъ ей почетное мѣсто между литературами другихъ славянскихъ племенъ и другихъ народовъ. Въ томъ и другомъ лагерѣ не достаетъ спокойнаго изученія историко-литературныхъ фактовъ и даже надлежащей полноты этихъ фактовъ, необходимой для правильнаго уразумѣнія украинской литературы.

Между тѣмъ, историческое изученіе украинской литературы нынѣшняго вѣка, и только оно одно, можетъ развязать гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній между обѣими отраслями русской литературы, который силятся, по временамъ, разрубить насильственнымъ образомъ. Историческое изученіе украинской литературы показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало-бы ту почву, на которой она прозябаетъ, и опредѣлило-бы, насколько устойчива и питательна эта

почва, и потому имѣетъ ли свою будущность украинская литература, или не имѣетъ ея.

Въ виду тенденціозности существующихъ взглядовъ на украинскую литературу и важности объективнаго изученія ея, мы рѣшаемся сдѣлать опытъ такого изложенія украинской литературы нынѣшняго вѣка, въ которомъ менѣе всего было бы апріорныхъ взглядовъ и побольше фактическихъ данныхъ, служащихъ къ уясненію вопроса объ украинской литературѣ. Съ этою цѣлію мы постараемся ввести въ наши очерки украинской литературы не только важнѣйшихъ, но и второстепенныхъ писателей украинскихъ, изложить содержаніе доступныхъ намъ, болѣе замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи сочиненій, сопоставить важнѣйшіе критическіе отзывы объ этихъ сочиненіяхъ, иногда совершенно противоположные между собою, и привести ихъ къ одному знаменателю. При всемъ томъ, мы далеки отъ претензіи на совершенную полноту историко-литературныхъ фактовъ и на спокойную объективность представленія ихъ, которую можетъ нарушить, помимо воли и сознанія автора, иноплеменное происхожденіе его.

Главными источниками для изученія новѣйшей украинской литературы должны служить самыя произведенія ея и отчасти критическіе отзывы о нихъ. Но при этомъ неизлишне будетъ принять во вниманіе и тѣ немногочисленные указатели, обзоры украинской литературы и взгляды на нее, какіе извѣстны въ нашей литературѣ, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, исходную точку для установленія общаго взгляда на исторію новѣйшей украинской литературы и періоды ея развитія.

Прежде всего, въ составъ исторіографіи украинской литературы входятъ справочные указатели по исторіи новѣйшей украинской литературы у Кеппена (Словарь харьковскихъ писателей), архіеп. Филарета Черниговскаго, Межова, Геннади и Ильницкаго (въ „южно-русскомъ отдѣлѣ“ каталога книгъ и періодическихъ изданій его библіотеки въ Кіевѣ). Выше ихъ стоитъ „Покажчикъ новоі украінськоі літератури“ М. Комарова, 1883 г., составляющій необходимое пособіе для каждаго спеціалиста и любителя Но эти обзоры сами по себѣ не даютъ цѣльнаго представленія о ходѣ и направленіи украинской литературы и только съ большею или меньшею полнотою указываютъ отдѣльныя литературныя явленія. Будучи необходимы для спеціалистовъ, эти указатели неинтересны для читающей публики.

Интереснѣе ихъ частные обзоры или одного какого нибудь отдѣла украинской литературы, или одного періода въ ея историческомъ развитіи. Таковы: „Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ Из. И. Срезневскаго въ „Ученыхъ запискахъ московскаго университета“ за 1834 годъ; „Лицей князя Безбородко“, 1859 года, гдѣ изложены біографіи и перечислены труды литераторовъ изъ бывшихъ

преподавателей и воспитанников лицея [1]); „Указатель источников для изученія малороссійскаго края“, А. Лазаревскаго, 1858 года; „Украинская старина“ Гр. Данилевскаго, 1869 г., въ которой заключаются біографическія свѣдѣнія о Сковородѣ, Каразинѣ и Квиткѣ-Основъяненкѣ; „Критическій обзоръ украинской драматической литературы“ М. К., въ львовской „Русалкѣ“ за 1866 годъ; „Малороссія въ ея словесности“ Прыжова, 1869 года [2]); „Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій,—культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ“, М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1874 годъ, гдѣ есть воспоминанія о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ, А. Метлинскомъ, Н. Костомаровѣ, Я. Щоголевѣ и др.; „Передне слово про галицко-русске письменство“, М. Драгоманова, къ изданію повѣстей Федьковича, 1876 г.; „Русинская литература“ въ III томѣ „Исторіи всемірной литературы“ В. Зотова, 1881 г. [3]).

Есть, наконецъ, и цѣльные обзоры украинской литературы нынѣшняго вѣка. Изъ нихъ доступны для насъ были слѣдующіе обзоры: „Малороссійскія повѣсти, разсказываемыя Грыцькомъ Основъяненкомъ“, Г. Мастака (Бодянскаго, по другимъ—Венелина), съ краткимъ очеркомъ предшествовавшей украинской литературы, въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета“, за октябрь, 1834 г.; „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“, Іереміи Галки (Н. И. Костомарова), въ „Молодикѣ“ за 1844 годъ; „Обозрѣніе собранныхъ и напечатанныхъ этнографическихъ, или народо-описательныхъ свѣдѣній и матеріаловъ относительно здѣшняго и вообще южно-русскаго края“, А. Метлинскаго, при его извѣстіи объ изданіи „Южнаго Русскаго Сборника“, 1848 г., въ харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и особой брошюрой; „Литературныя замѣтки по поводу сочиненія Г. Данилевскаго объ Основъяненкѣ“, Скубента Чупрыны (студента А. А. Котляревскаго), въ 41 № литературнаго отдѣла Московскихъ Вѣдомостей за 1856 годъ „Взглядъ на происхожденіе рѣчи люда козацко-русскаго и его украинъ“, Н. Гатцука, въ его „Ужинкѣ рідного поля“, 1857 г.; эпилогъ къ исторической повѣсти г. Кулиша „Чорна Рада“, 1857 г. [4]); „Взглядъ

---

[1]) Второе изданіе—въ 1881 году.

[2]) Объ этомъ сочиненіи см. критическую статью М. Драгоманова въ „Вѣстникѣ Европы“, за іюль, 1870 г.

[3]) Кромѣ того, извѣстны еще слѣдующіе очерки нѣкоторыхъ отдѣловъ и періодовъ украинской литературы: „Очерки украинской драматической литературы: Котляревскій, Гоголь—отецъ, Кухаренко“, К. Маруси, въ „Русской Сценѣ“, 1865 года, № 6 и 7; „Харьковская письменная и словесная старина“, въ прибавл. къ харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ за 1867 годъ.

[4]) По поводу этой повѣсти и эпилога къ ней отрицательный взглядъ на украинскую литературу высказанъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, 1857, т. 146.

на малорусскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги „*Народні оповідання Марка Вовчка*“, того-же Кулиша, въ XI томѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1857 годъ; „Взглядъ на украинскую словесность“ въ предисловіи къ альманаху „Хата“ Кулиша, 1860 г. [1]; „Обзоръ украинской словесности“ того-же Кулиша, въ журналѣ „Основа“, за 1861 годъ; „Краткій очеркъ исторіи украинской литературы“ П. Петраченка, въ его „Исторіи русской литературы“ 1861 года [2]; „Малороссы“ въ „Обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, 1865 года; „Украинофильскія движенія въ юго-западной Россіи“, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ [3]; „Малорусская литература“, Н. И. Костомарова, въ „Поэзіи славянъ“ Гербеля, 1871 года; „Литература россійска, великорусска, украиньска и галицка“ въ галиційской „Правдѣ“ за 1874 годъ [4]; „Южноруссы“, въ 1-мъ томѣ втораго изданія „Исторіи славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, 1879 года [5]).

Но и эти болѣе или менѣе цѣльные обзоры украинской литературы нынѣшняго вѣка далеко не всѣ отличаются полнотою и обстоятельностью. Первые по времени обзоры украинской литературы, полные для своего времени, не приходятся по мѣркѣ современной украинской литературѣ, выросшей изъ этихъ обзоровъ. Нѣкоторыя позднѣйшія обозрѣнія украинской литературы составлены самыми видными ея дѣятелями, напр. Н. И. Костомаровымъ и Кулишомъ, которые, по весьма понятной причинѣ, умалчивали о самихъ себѣ и своихъ литературныхъ трудахъ и потому не доводили исторіи украинской литературы до конца. Не могли владѣть полнотою литературныхъ фактовъ и сѣвернорусскіе писатели, рѣшавшіеся обозрѣвать исторію украинской литературы; въ большей или меньшей мѣрѣ они зависѣли отъ малороссовъ. Къ этому присоединилось еще различіе вкусовъ и направле-

---

[1]) О „Хатѣ“ см. рецензію въ „Свѣточѣ“, 1860 г., кн, IV.

[2]) Критическая статья о немъ—въ „Основѣ“, за мартъ, 1862 г.

[3]) Перепечатана въ „Кіевлянинѣ“ за тотъ-же годъ. съ примѣчаніями редакціи.

[4]) Критическая статья—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за мартъ, 1875 г.

[5]) Критич. статья А. Будиловича въ „Журн. Мин. Народ. Просв.“, за іюнь, 1879 года. Кромѣ перечисленныхъ, извѣстны еще слѣдующіе обзоры украинской литературы: 1) Біограф. свѣдѣнія о духовныхъ и свѣтскихъ писателяхъ, уроженцахъ здѣшняго края (Малороссіи), въ полтав. губерн. вѣдом., за 1846—1847 гг.; 2) „Указаніе библіографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи“, Гр. Милорадовича, въ черниг. губерн. вѣдом., за 1855, 1856 и 1859 гг.; 3) „Біографіи достопамятныхъ малороссіянъ“, тамъ-же, за 1860 г., и 4) „Малорусская литература“ въ Одесскомъ Вѣстникѣ за 1861 г. О заграничныхъ обзорахъ Онышкевича, Франка, Кошоваго и др. см. въ „Покажчикѣ“ М. Комарова, 1883 г.

ній обозрѣвателей украинской литературы, которые обращали преимущественное вниманіе только на такіе литературные факты, которые подтверждали ихъ теоретическіе взгляды, и затѣмъ игнорировали и опускали всѣ другіе факты. Относительно большей или меньшей полноты литературныхъ фактовъ и направленія обзоровъ украинской литературы, въ исторіографіи этой литературы можно различить три группы. Къ первой относятся обозрѣнія украинской литературы въ національно-романтическомъ духѣ, до 1857 года; вторую группу составляютъ обзоры съ оттѣнкомъ украинскаго славянофильства, съ 1857 г. до начала 1870-хъ годовъ; къ третьей группѣ принадлежатъ новѣйшіе обзоры украинской литературы смѣшаннаго характера.

Къ первой группѣ обозрѣвателей украинской литературы относятся: І. Мастакъ, Іеремія Галка (Н. Н. Костомаровъ), А. Метлинскій, Гатцукъ и Чупрына (А. А. Котляревскій). Ихъ обзоры дорожатъ всякимъ, даже маловажнымъ явленіемъ въ области украинской литературы, тогда еще очень бѣдной, и отличаются извѣстною долею панегиризма. Всѣ они писаны въ періодъ пресловутаго когда-то слиянія классицизма и романтизма въ принципѣ народности и разсматриваютъ произведенія украинской литературы съ художественно-національной точки зрѣнія. Разница между ними въ этомъ отношеніи незначительная. Мастакъ, по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома малороссійскихъ повѣстей Основъяненка, обращаетъ преимущественное вниманіе на прозаическія украинскія сочиненія и съ похвалою отзывается о „Дворянскихъ выборахъ" и „Шельменкѣ" Квитки-Основъяненка, которымъ мы не встрѣчаемъ похвалъ у позднѣйшихъ украинскихъ писателей. Онъ снисходительно говоритъ даже объ оперѣ-водевилѣ „Козакъ-Стихотворецъ" Шаховскаго, осужденномъ малороссами при первомъ появленіи его на свѣтъ. Іеремія Галка въ своемъ „Обзорѣ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ", одинаково говоритъ какъ о прозаическихъ, такъ и поэтическихъ украинскихъ произведеніяхъ, но съ гораздо большею разборчивостью и эстетическимъ чутьемъ: онъ преимущественно стоитъ на художественной точкѣ зрѣнія. А. Метлинскій перечисляетъ литературныя произведенія и этнографическія изданія съ самой краткой характеристикой ихъ, но въ своемъ перечнѣ упоминаетъ о такихъ изданіяхъ, о которыхъ не говорится въ другихъ обзорахъ украинской литературы. Между прочимъ, у него упоминаются: 1) „Маруся", повѣсть въ стихахъ, неизвѣстнаго. Одесса 1834. 2) „Явтухъ Горемыка", опера. Таганрогъ. 1846. 3) „Мотыль", стихотворенія Меха. Львовъ. 1841. Н. Гатцукъ въ своемъ перечнѣ украинскихъ писателей помѣщаетъ даже польско-украинскаго писателя Чайковскаго. Но ни Мастакъ, ни Іеремія Галка, а тѣмъ болѣе Метлинскій и Гатцукъ, не имѣли въ виду дать въ своихъ обзорахъ сравнительную оцѣнку каждому изъ украинскихъ писателей и указать имъ

мѣсто въ прогрессивномъ развитіи украинской литературы. Выполнить эту задачу задумалъ г. Чупрына (А. А. Котляревскій). Небогатая съ фактической стороны, его замѣтка по поводу сочиненія Г. Данилевскаго объ Основъяненкѣ пытается уловить оттѣнки между однородными, повидимому, писателями украинскими и показать ходъ прогрессивнаго развитія украинской литературы, въ связи ея съ общерусскою.

Вторую группу обозрѣвателей украинской литературы, съ оттѣнкомъ украинскаго славянофильства, составляютъ Кулишъ и его послѣдователи и нѣкто Волынецъ. У нихъ уже ясно обозначаются два періода въ развитіи украинской литературы, и нѣкоторые литературные авторитеты теряютъ теперь свое прежнее значеніе. Эта группа открывается г. Кулишомъ, который началъ съ отрицанія авторитета Гоголя и мало по-малу дошелъ до отрицанія другихъ прежнихъ авторитетовъ украинской литературы. Въ эпилогѣ къ своей исторической повѣсти „Чорна Рада“, 1857 года, Кулишъ старался выставить несостоятельность прежнихъ опытовъ историческихъ романовъ и особенно украинскихъ повѣстей Н. В. Гоголя. „Судя строго,—говоритъ здѣсь Кулишъ, малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбою“, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ“. „Во время Гоголя,—продолжаетъ Кулишъ,—не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь“. Повѣсть Кулиша, съ эпилогомъ къ ней, вызвала нѣсколько критическихъ статей въ тогдашнихъ журналахъ, и между прочимъ статьи М. А. Максимовича и нѣкоего Е. К. въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Отвѣчая послѣднему въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, г. Кулишъ невыгодно отозвался о многихъ прежнихъ и современныхъ ему украинскихъ писателяхъ. Имена Квитки-Основъяненка, Шевченка и Марка Вовчка онъ ставитъ на первомъ планѣ, а на второмъ—имена Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Гребенки. За ними слѣдуетъ довольно длинный рядъ отдѣльныхъ книгъ и сборниковъ на малороссійскомъ языкѣ; но всѣ они, за немногими исключеніями, составляютъ больше предметъ библіографіи, нежели критики. „Теперь намъ нечего дѣлать,—говоритъ Кулишъ,—съ сочиненіями Иська Материнки (Бодянскаго), Іереміи Галки, Амвросія Могилы (Метлинскаго), хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти 5—6 стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины. Еще менѣе зай-

мутъ насъ произведенія Кирила Тополи, который въ первой своей пьесѣ „Чары" обѣщалъ что-то похожее на талантъ, но въ слѣдующихъ затѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность,—тупыя басни г. Льва Боровиковскаго, унизительныя для Малороссіи вирши г. Морачевскаго подъ заглавіемъ „До чумака", стихи г. Забилы, напоминающіе языкъ, которымъ говорятъ въ Малороссіи цыгане, и сочиненія г. Шишацкаго-Илличa, собирателя пѣсенъ и преданій, который возжелалъ славы поэта и, вмѣсто пегаса, осѣдлалъ осла. Пустился онъ въ догонку за Шевченкомъ, подражая ему до нестерпимости, и кончилъ тѣмъ, что передразнилъ его въ своихъ поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ самымъ обиднымъ образомъ. Остается упомянуть еще, какъ о замѣчательныхъ по отсутствію какого либо дарованія, сочиненіяхъ братьевъ Карпенковъ, между которыми трудно рѣшить, кто кого превосходитъ бездарностью и какимъ-то цинизмомъ пошлости. Въ „Южномъ Русскомъ Зборникѣ" Метлинскаго, 1848 г., напечатано много стиховъ гг. Петренка и Александрова; но эти стихи не лучше тѣхъ, какими г. Максимовичъ передразнилъ древняго пѣвца Игорева. Десятилѣтіе отъ 1847 до 1857 года было самое безплодное въ малороссійской словесности. Исключеніе составляютъ развѣ басни Глѣбова и поэма покойнаго Макаровскаго „Натачисленная". Тѣже мысли Кулишъ развивалъ въ предисловіи къ альманаху „Хата", 1860 года, и въ „Обзорѣ украинской словесности" въ журналѣ „Основа" за 1861 годъ. Въ послѣднемъ, унизивъ еще болѣе Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и особенно украинскія повѣсти Н. В. Гоголя, Кулишъ началъ исторію украинской литературы собственно съ Квитки-Основъяненка. Но этотъ обзоръ, предпринятый, повидимому, въ видахъ полемики съ М. А. Максимовичемъ, остановился на бранчивомъ разборѣ украинскихъ повѣстей Гоголя и не продолжался въ слѣдующемъ году существованія журнала „Основы", можетъ быть потому, что далѣе пришлось-бы г. Кулишу говорить о самомъ себѣ. Во всякомъ случаѣ, его бѣглые и незаконченные обзоры украинской литературы ясно разграничили два періода въ развитіи этой литературы: прежній, отжившій свою пору, и новый, представителями котораго являются Квитка-Основъяненко, Шевченко и Марко-Вовчокъ.

Ближайшими послѣдователями Кулиша въ исторіографіи украинской литературы были Петраченко и Пыпинъ. Первый изъ нихъ исключительно слѣдовалъ взглядамъ Кулиша и въ свой „краткій историческій очеркъ украинской литературы" включилъ только рекомендован-

[1]) „Взглядъ на малороссійскую словесность, по случаю выхода въ свѣтъ книги „Народні Оповідання Марка Вовчка", въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1857 года, т. XII.

ныхъ Кулишомъ писателей втораго періода—Квитку, Шевченка и Марка-Вовчка, присоединивъ къ нимъ и самого Кулиша. Что-же касается г. Пыпина, то въ первомъ изданіи его „Очерка исторіи славянскихъ литературъ", 1865 года, хотя онъ и пользовался разнообразными источниками, но тоже въ значительной мѣрѣ подчинился вліянію взглядовъ Кулиша. Вслѣдъ за послѣднимъ, г. Пыпинъ дѣлитъ новѣйшую украинскую литературу на два періода: предуготовительный, съ недостаткомъ элементовъ народности, до Квитки-Основьяненка, и періодъ собственно народной украинской литературы съ Квитки до позднѣйшаго времени. Къ первому отнесены писатели XVIII вѣка—Климентій Зиновіевъ и Сковорода, и XIX вѣка—И. П. Котляревскій и П. П. Гулакъ-Артемовскій. Второй періодъ открывается Квиткой-Основьяненкомъ, около котораго группируются второстепенные писатели—Боровиковскій, Гребенка, Бодянскій, Тополя и Метлинскій, продолжается въ дѣятельности Іереміи Галки, Кулиша и Шевченка и завершается повѣстями Марка-Вовчка. „Это было продолженіемъ пріема Основьяненка,—говоритъ г. Пыпинъ,—но продолженіемъ гораздо болѣе непосредственнымъ и настолько болѣе совершеннымъ, насколько разнятся два литературныя поколѣнія".

Но ни у Кулиша, ни у его ближайшихъ послѣдователей не указаны ясно отличительныя черты двухъ намѣченныхъ ими періодовъ въ развитіи украинской литературы. Попытку указать спеціальный, отличительный характеръ обоихъ этихъ періодовъ представляютъ статьи Волынца, подъ заглавіемъ „Украинофильскія движенія въ Юго-Западной Россіи", которыя направлены были противъ ходячаго въ русскомъ и польскомъ обществахъ мнѣнія, будто украинская литература возникла подъ вліяніемъ польской и представляетъ изъ себя ея видоизмѣненіе или слабое отраженіе. Авторъ старается доказать, что украинское направленіе возникло не подъ вліяніемъ польскимъ. „Украинское направленіе, говоритъ Волынецъ,—явилось болѣе 50-ти лѣтъ назадъ, и притомъ въ Харьковѣ и Полтавѣ, гдѣ со временъ Мазепы польскаго вліянія не было замѣтно. Стремленіе къ изученію прошлаго и народности Украины и желаніе выражать украинскую жизнь на украинскомъ языкѣ явилось еще въ концѣ прошлаго вѣка, потомъ развилось вслѣдъ за открытіемъ въ Харьковѣ университета и попало въ тактъ общему въ первой четверти XIX вѣка обращенію къ народности". Представителями этого направленія украинской литературы являются—Котляревскій, Гулакъ Артемовскій и Квитка. Къ нимъ нужно причислить Боровиковскаго, Гребенку, Иська Материнку и др. Всѣ эти писатели—уроженцы лѣваго берега Украины. На правомъ берегу родился только Шевченко. Начавшееся въ Харьковѣ, литературное движеніе перешло на правый берегъ Днѣпра только въ сороковыхъ го-

дахъ. „Въ теченіи сороковыхъ годовъ оно поддерживалось въ Кіевѣ лѣвобережными украинцами, преимущественно переселившимися изъ Харькова (М. Максимовичъ, начавшій писать въ Москвѣ, Н. Костомаровъ и А. Метлинскій,—сначала харьковскіе, а потомъ кіевскіе профессора). Оно усилилось, когда въ Петербургѣ стали выходить произведенія Шевченка. Выражалось это направленіе преимущественно въ стихотворной формѣ, какъ и тогдашнее славянофильство. Сказавъ, затѣмъ, о судьбѣ кирилло-меѳодіевскаго кружка, образовавшагося въ Кіевѣ въ 1847 году, и о важнѣйшихъ его представителяхъ, главная цѣль коихъ была археологическая, съ примѣсью мистическаго оттѣнка, Волынецъ продолжаетъ: „на нѣсколько лѣтъ было пріостановлено печатаніе на малорусскомъ языкѣ; но скоро явился сборникъ пѣсенъ А. Метлинскаго, а затѣмъ и литературныя произведенія его-же и другихъ. Съ 1856—1857 гг., въ числѣ другихъ направленій, съ новою силой поднялось славянофильство. Къ нему примкнуло и украинское направленіе. Изъ дневника Шевченка видно, какъ покровительствовали ему Хомяковъ, Аксаковъ, Кирѣевскій, и „Русская Бесѣда“ радовалась появленію проповѣдей о. Гречулевича. Въ Русской же Бесѣдѣ появилась первая статья, которая пыталась доказать законность и необходимость украинскаго движенія въ литературѣ,— „Эпилогъ къ Черной Радѣ“ г. Кулиша. Впрочемъ, украинское движеніе не имѣло крайностей славянофильства, а потому къ нему относились сочувственно и западники. Русскій Вѣстникъ печаталъ переводы повѣстей Марка-Вовчка и даже „Майора“ г. Кулиша, разсказъ, въ основѣ котораго лежитъ крайняя мысль о необходимости образованнымъ классамъ соединиться съ народною жизнью даже въ самыхъ мелочныхъ бытовыхъ чертахъ“. Все это подготовляло собою появленіе журнала „Основы“, украинскаго органа Этотъ журналъ любилъ доказывать возможность всесторонней малорусской литературы. Практическія цѣли украинофильства, какимъ оно является въ „Основѣ“, были слѣдующія: 1) „изученіе историческое, этнографическое и экономическое юга Россіи; 2) художественное изображеніе малорусскаго народнаго быта на малорусскомъ же языкѣ и 3) изданіе на этомъ же языкѣ книгъ для элементарнаго образованія“. Эти цѣли считала законными и газета „День“.—Со времени перенесенія центра дѣятельности на правый берегъ Днѣпра, украинофильское движеніе приходитъ въ столкновеніе съ польскими тенденціями, и въ борьбѣ съ ними вырабатывается типъ народолюбцевъ изъ среды самихъ же поляковъ, который окрестили они названіемъ „хлопоманства“. Представителями этого типа являются Ѳ. Рыльскій и В. Антоновичъ, тоже примыкавшіе своею дѣятельностью къ „Основѣ“. Поляки всячески старались очернить этихъ хлопомановъ и скомпрометировать ихъ предъ обществомъ

отличаются слабостью, повтореніемъ избитыхъ мотивовъ о родинѣ, объ ея ворогахъ, о славѣ козацкой, о волѣ, безъ указанія,—какою она должна быть,—о несчастной долѣ Украины [1]). Послѣдній періодъ украинской литературы и долженъ быть, по идеѣ автора, съ реально-соціальнымъ направленіемъ.

Послѣдній изъ очерковъ украинской литературы принадлежитъ г. Пыпину во второмъ изданіи „Исторіи славянскихъ литературъ", 1879 года, вновь переработанномъ и дополненномъ. Хотя г. Пыпинъ и не имѣлъ внутреннихъ побужденій увлекаться національными украинскими интересами, но, обращаясь за источниками и пособіями къ украинскимъ писателямъ, особенно новѣйшимъ, онъ невольно подчинился ихъ взглядамъ и, по справедливому замѣчанію критики, въ своемъ обзорѣ украинской литературы измѣнилъ своему основному взгляду на исторію славянскихъ литературъ. Въ такомъ видѣ обзоръ украинской литературы г. Пыпина можетъ быть отчисленъ къ третьей группѣ исторіографіи украинской литературы и служить ея завершеніемъ. Въ новомъ изданіи своемъ г. Пыпинъ слѣдуетъ болѣе Костомарову и его отзывами умѣряетъ рѣзкія выходки Кулиша противъ нѣкоторыхъ украинскихъ писателей. Повидимому, онъ пользовался и устными совѣтами г. Костомарова и потому особенное вниманіе обратилъ на эпоху украинофильства, разсматривая ее глазами Костомарова. Въ новомъ своемъ обзорѣ украинской литературы г. Пыпинъ удерживаетъ прежнее свое дѣленіе украинской литературы на періоды, но въ этихъ періодахъ указываетъ частнѣйшіе оттѣнки литературныхъ направленій и въ этомъ отношеніи сближается съ авторомъ статей: „Литература россійская, великорусская, украинская и галиційская". Первый періодъ украинской литературы идетъ у Пыпина до конца тридцатыхъ годовъ и обнимаетъ собою Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Гоголя—отца и даже Квитку съ его послѣдователями. Но тогда какъ у первыхъ изъ этихъ писателей замѣчается комически-каррикатурное изображеніе малорусской жизни или преувеличенная сентиментальность,—Квитка-Основьяненко искренно любилъ свой народъ и сочувственно рисовалъ его этнографическій бытъ и нравственныя черты и сталъ ступенью отъ первыхъ начинателей малорусской литературы къ новому направленію ея съ конца тридцатыхъ годовъ, въ духѣ славянскаго возрожденія. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ малорусской литературѣ обнаруживаются всѣ особенности славянскаго возрожденія: вопервыхъ, усиленная литературная дѣятельность, усердное стихотворство и повѣст-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ", за февраль, 1875 г. „Современное украинофильство", стр. 831 и сл.

вованіе на народномъ языкѣ,—отчасти повтореніе народныхъ мотивовъ, отчасти стремленіе передавать на народномъ языкѣ литературныя идеи высшаго порядка; вовторыхъ, усиленный интересъ къ этнографическимъ изученіямъ; въ третьихъ, столь же сильный интересъ къ преданіямъ исторической жизни своего народа, и здѣсь именно къ тѣмъ, которыя принадлежали спеціально новой южно-русской формаціи, къ преданіямъ времени козачества и борьбы за національную свободу. Къ писателямъ этого времени относятся—Боровиковскій, Гребенка, Бодянскій, Тополя, Метлинскій, Писаревскій, Петренко, Корсунъ, Щоголевъ, и др. Малорускойэтнографіей и исторіей занимались князь Цертелевъ, псевдо-Конисскій, Метлинскій, Бодянскій, Срезневскій, Максимовичъ и др. Къ концу тридцатыхъ годовъ является тріада замѣчательныхъ талантовъ—Костомарова, Кулиша и Шевченка, дѣятельность которыхъ, съ перерывомъ въ сороковыхъ годахъ, составляетъ крупнѣйшее явленіе послѣднихъ десятилѣтій. Это было настоящее начало такъ называемаго новѣйшаго украинофильства, представителей котораго интересовали,—мысль о славянствѣ, мысль о просвѣщеніи народа, мысль о защитѣ малорусскихъ народныхъ элементовъ отъ господства польскаго элемента. Такова была общественно-политическая подкладка литературнаго движенія, возникшаго въ сороковыхъ годахъ. Послѣ промежутка десятилѣтняго молчанія, тѣ же идеи возобновились и нашли, болѣе или менѣе, выраженіе въ „Основѣ" и другихъ трудахъ ея главныхъ дѣятелей. При освобожденіи крестьянъ, всѣмъ разумнымъ людямъ была ясна мысль о необходимости работать для народа, его просвѣщенія, для поднятія его положенія. Новое поколѣніе, какъ обыкновенно бываетъ, приняло идеи стараго украинства съ жаромъ, еще не охлажденнымъ опытами, вело ихъ изъ отвлеченной области въ практическую жизнь, отдавало имъ искренній энтузіазмъ и вызвало въ неразвитомъ большинствѣ обвиненія, создавшія тягостную атмосферу, матеріальную и нравственную. Изданіе „Основы" вызвало къ дѣятельности многихъ, болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, которые занялись изображеніемъ народнаго южно-русскаго быта, отчасти продолжая прежнюю нить малорусской литературы (съ Основъяненка), отчасти въ связи съ русской реалистической школой. Къ болѣе замѣчательнымъ украинскимъ писателямъ новѣйшаго времени у Пыпина отнесены: Марко-Вовчокъ, А. П. Стороженко, Л. И. Глѣбовъ, А. Нечуй-вітеръ, Ст. Руданскій, М. Т. Номисъ (Симоновъ), А. Конисскій, Ѳ. Г. Кухаренко, Д. Олельковичъ (псевдонимъ), Ст. Носъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Гатцукъ, Ив. Левицкій (Нечуй) и М. Старицкій [1]).

---

[1]) Со взглядами Онышкевича, Франка и Кошоваго на украинскую литературу мы, къ сожалѣнію, не могли познакомиться.

Большая часть этихъ обзоровъ и въ настоящее время можетъ имѣть значеніе при оцѣнкѣ отдѣльныхъ явленій украинской литературы и уясненіи прагматической связи ихъ между собою. Но для установленія общаго взгляда на исторію украинской литературы особенно важное значеніе имѣютъ обзоры Костомарова и Пыпина во второй редакціи, а также Волынца и Украинца. Первые двое представляютъ всю новѣйшую украинскую литературу продуктомъ пробудившагося у славянъ стремленія къ самобытному развитію, а Волынецъ и Украинецъ ограничиваютъ эту мысль Костомарова и Пыпина воздѣйствіемъ на украинскую литературу сосѣднихъ литературъ польской и русской. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что украинцы воспитали свои идеи и направленія въ духѣ славянскаго возрожденія подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературъ польской и русской, отрицательнымъ ли то, или положительнымъ. Волынецъ въ своихъ статьяхъ—„Украинофильскія движенія въ юго-западной Россіи" старается доказать только отрицательное воздѣйствіе полонизма на украинскую литературу со времени перенесенія ея съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра и столкновенія съ польскими стремленіями, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Но нѣтъ сомнѣнія, что польское вліяніе воздѣйствовало на украинскую литературу гораздо раньше этого времени, и притомъ не только отрицательнымъ, но и положительнымъ образомъ. Необходимо имѣть въ виду, что стародавнія враждебныя отношенія между Украиной и Польшей составляютъ существенную часть содержанія украинской народной литературы. Эти стародавнія отношенія живо припоминались украинцами при каждой новой попыткѣ поляковъ къ возстановленію своей народности, такъ что всѣ эпохи наибольшаго возбужденія украинской литературы нынѣшняго вѣка совпадаютъ съ эпохами такого же возбужденія польскихъ тенденцій, предшествуя польскимъ движеніямъ, или непосредственно слѣдуя за ними. Такъ напр., въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ явился цѣлый рядъ историческихъ романовъ изъ жизни Малороссіи, съ цѣлію опровергнуть поляковъ, которые называли козаковъ просто разбойниками. Въ то же время Исько Материнка издаетъ украинскія сказки, „щобъ якій врагъ нетруженый нашею батькивщиною не пожывывся", а М. А. Максимовичъ разъясняетъ въ своемъ „Кіевлянинѣ" историческія отношенія кіевской земли къ полякамъ. Къ концу сороковыхъ годовъ, предъ новымъ польскимъ движеніемъ, учреждается въ Кіевѣ правительственная коммиссія для разбора древнихъ актовъ, съ цѣлію доказать, что этотъ край—русскій, а не польскій, а вслѣдъ за коммиссіею образуется въ Кіевѣ и кирилло-меѳодіевскій кружокъ съ панславистскими и украинофильскими стремленіями, враждебными полонизму. Къ концу пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ послѣднимъ

польскимъ повстаніемъ, снова и съ большею силою возникаетъ украинофильство и въ журналѣ „Основа“ съ замѣчательною прозорливостью начинаетъ громить польскую интригу, еще тогда не обнаружившуюся съ достаточною ясностью.—Такимъ образомъ, значительную долю участія въ развитіи новѣйшей украинской литературы имѣла и борьба ея съ польскими тенденціями, наложившая на нее особенный характеръ. Борющіеся нерѣдко пользовались орудіемъ врага и волей-неволей ассимилировались съ нимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стоя на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія. П. П. Гулакъ-Артемовскій во вступительной лекціи своей къ преподаванію польскаго языка въ харьковскомъ университетѣ говорилъ, между прочимъ, что „языкъ польскій есть столь новый и столь обильный для россійской словесности источникъ, котораго выразительность и сходство съ нашимъ россійскимъ языкомъ никакими другими языками замѣнена быть не можетъ“, и что „отечественной нашей литературѣ ...польскій языкъ съ прочими единобратними можетъ содѣйствовать болѣе, нежели какой либо иностранный [1]). Эти слова украинскаго писателя вполнѣ примѣнимы къ украинской новѣйшей литературѣ, въ которой мы видимъ цѣлый рядъ переводовъ и передѣлокъ съ польскаго и подражаній польскимъ образцамъ. Южнорусскія интерлюдіи XVIII вѣка, послужившія исходнымъ пунктомъ для развитія новѣйшей украинской литературы, по всей вѣроятности, возникли подъ вліяніемъ польскихъ образцовъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ Гулакъ-Артемовскій и Л. Боровиковскій переводятъ на украинскій языкъ поэмы и баллады Мицкевича; А. Метлинскій переводитъ стихи Вѣтвицкаго, Суходольскаго, Одынца и др ; Аѳанасьевъ-Чужбинскій издаетъ „Галлерею польскихъ писателей“; въ „Скарбѣ“ 1859 г. помѣщенъ переводъ повѣсти Крашевскаго. Даже у самого Шевченка и въ журналѣ „Основа“ мы находимъ нѣсколько переводовъ изъ польскихъ писателей—Мицкевича, Ленартовича, Нѣмцевича, Антонія Совы и др.—Но, при всемъ томъ, это польское вліяніе на украинскую литературу значительно перевѣшивалось вліяніемъ на нее русской литературы, вслѣдствіе племеннаго родства и политическаго соединенія Малороссіи съ Россіей. Поэтому, справедливо замѣчаетъ Украинецъ, что въ украинской письменности отражались всѣ тѣ мотивы и направленія, которые по временамъ господствовали въ общерусской литературѣ, какъ-то: сентиментализмъ, романтизмъ, націонализмъ (славянофильство) и демократизмъ. Вообще-же отношеніе южноруссовъ и ихъ литературы къ Россіи и Польшѣ можно характеризовать слѣдующими словами Н. И Костомарова: „Южнорусское племя справедливо должно было усту-

---

[1]) Рѣчь эта—въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, за февраль, 1819 г.

нить племени великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачею общей русской исторіи было составленіе государства... Совсѣмъ другое отношеніе южнорусской народности къ польской. Если южнорусскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера... Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа: поляки и южноруссы—это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе—мужицтва" [1]).

Такимъ образомъ, точка зрѣнія на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія отношенія ея къ Польшѣ и Россіи, и притомъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы. Съ этой точки зрѣнія въ исторіи новѣйшей украинской литературы можно различать слѣдующіе моменты ея развитія:

I. Періодъ украинскаго псевдоклассицизма и пародированныхъ поэмъ и одъ, комическихъ оперъ и т. п., открывающійся И. П. Котляревскимъ.

II. Періодъ сентиментальной украинской литературы, главнымъ представителемъ которой является Квитка-Основъяненко.

III. Періодъ романтико-художественной литературы, развившейся подъ обоюднымъ вліяніемъ русскихъ и польскихъ поэтовъ-художниковъ: Пушкина, Мицкевича и др. Сюда относятся А. Метлинскій, М. Н. Петренко, В. Забѣлла, А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій и др.

IV. Періодъ національной литературы, которая понималась какъ соединеніе классицизма и романтизма въ принципѣ народности, а въ дѣйствительности была отраженіемъ темныхъ славянофильскихъ стремленій. Сюда относятся прежде всего собиратели украинскихъ народныхъ произведеній и историческихъ матеріаловъ, какъ напр. Максимовичъ, Бодянскій и др. Въ литературномъ отношеніи это направленіе выразилось въ историческихъ романахъ и драмахъ изъ украинской жизни и особенно въ украинскихъ повѣстяхъ Н. В. Гоголя и его подражателей [2]).

V. Періодъ украинскаго славянофильства, съ конца 40-хъ годовъ и до начала 60-хъ, имѣющій связи съ русскимъ славянофильствомъ и

---

[1]) „Основа", за мартъ, 1861 г.: „Двѣ русскія народности". См. монографіи г. Костомарова.

[2]) Первые четыре періода и шестой изложены были авторомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1880, 1881, 1882 и 1883 годы. Теперь они предлагаются здѣсь въ исправленномъ и дополненномъ видѣ; пятый-же періодъ появляется въ печати въ первый разъ.

враждебный полонизму. Главными представителями его были—Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко.

VI. Періодъ новѣйшаго украинофильства, съ 60-хъ годовъ и до позднѣйшаго времени. Среди разнообразія мотивовъ и направленій этого періода, въ немъ мало по малу пробивается демократическое направленіе, которое встало въ оппозицію польскому шляхетству и имѣло связи съ русской реалистической школой.

Впрочемъ, намѣчая эти періоды въ развитіи украинской литературы, мы должны оговориться, что по нимъ нельзя строго распредѣлить всѣхъ украинскихъ писателей. При быстрой смѣнѣ литературныхъ понятій и вкусовъ, объясняемой подражательностію украинской литературы, часто одинъ и тотъ же украинскій писатель пробовалъ себя въ разныхъ родахъ и направленіяхъ литературы, такъ что его дѣятельность можетъ быть раздроблена между нѣсколькими періодами. Поэтому, желая сохранить цѣльное представленіе о всей литературной дѣятельности извѣстнаго писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ указать въ немъ родовыя черты извѣстнаго періода, мы будемъ дѣлать сначала общій обзоръ извѣстнаго періода украинской литературы, а потомъ—обзоръ дѣятельности каждаго отдѣльнаго писателя, отчисляя его къ извѣстному періоду по преобладающему характеру его произведеній.

I.

Псевдоклассическая украинская литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдоклассицизму.

Начало украинской литературы нынѣшняго вѣка коренится въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Украинскую литературу нѣкоторые возводятъ къ древнѣйшимъ временамъ существованія россійскаго государства и видятъ отраженіе ея на „Словѣ о полку Игоревѣ“, волынской лѣтописи, актахъ и грамотахъ, начиная съ XIV вѣка, судебникѣ великаго князя Казиміра (1468 г.), Литовскомъ Статутѣ, библіи Франциска Скорины (1517—1519 гг.), литовской метрикѣ и т. п. [1]). Мы съ своей стороны прибавимъ къ этимъ памятникамъ „Четью“ 1489 года, писанную въ Каменцѣ поповичемъ Березкою, съ явными признаками слагавшагося уже тогда западнорусскаго нарѣчія [2]). Еще опредѣленнѣе выступаетъ южнорусское нарѣчіе со второй половины XVI вѣка частью въ цѣломъ рядѣ письменныхъ и печатныхъ памятниковъ, каковы напримѣръ пересопницкое евангеліе 1556—1561 гг., евангеліе на славянскомъ и малороссійскомъ языкахъ, напечатанное въ типографіи Тяпинскаго около 1580 г., четвероевангеліе въ южнорусскомъ переводѣ Нехорошевскаго около того-же времени, находящееся въ библіотекѣ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, и др., частію въ козацкихъ думахъ, идущихъ непрерывно до самаго конца XVIII вѣка. Были даже опыты соединенія обоихъ этихъ теченій украинской литературы, устной и письменной, въ малороссійскомъ вертепѣ, который въ извѣстныхъ теперь редакціяхъ восходитъ своимъ началомъ къ половинѣ XVII вѣка и, несмотря на школьное происхожденіе свое, воспринимаетъ въ себя эле-

---

1) „Исторія славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, т. 1, 1879 года.

2) См. о ней „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, 1881 года, кн. 4, стр. 54; но здѣсь ошибочно выставленъ 1397 годъ вмѣсто 1489.

ментъ козацкихъ думъ и народныхъ пѣсенъ и преданій [1]). Но эти опыты долго оставались въ тѣни и заглушались общимъ направленіемъ книжной южнорусской литературы XVII и XVIII вв., частью слѣдовавшей латино-польскимъ образцамъ, частію подчинявшейся вліянію русской литературы, пока, наконецъ, съ 30-хъ годовъ XVIII в. не явилось вновь цѣлаго ряда попытокъ дать въ книжной литературѣ права гражданства украинской рѣчи и украинскимъ народнымъ преданіямъ. Мы преимущественно имѣемъ здѣсь въ виду комическія малорусскія интерлюдіи къ школьнымъ драматическимъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго, Танскаго, Георгія Конисскаго и др., у которыхъ малорусскій народный языкъ является почти на той же степени развитія, на которой онъ находится и въ настоящее время [2]). Въ вѣкъ Екатерины II южнорусскія интерлюдіи стушевываются и почти забываются. Южнорусская литература совершенно подчиняется общерусской, въ которой господствовалъ тогда псевдоклассицизмъ, смягчаемый просвѣтительными идеями XVIII вѣка. Молодые люди изъ малороссовъ, какъ напримѣръ Рубанъ, Капнистъ, Богдановичъ, Гнѣдичъ и другіе, пишутъ въ общерусскомъ направленіи. Повидимому, южнорусская литература не имѣла уже будущности. А между тѣмъ въ самой общерусской литературѣ того времени былъ такой пунктъ, который послужилъ потомъ точкою отправленія для новѣйшей украинской литературы. Это были гуманныя просвѣтительныя идеи XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ русскіе писатели мало по малу стали отвыкать отъ изображенія знаменитыхъ героевъ и знаменитыхъ подвиговъ и спускаться въ низменныя сферы человѣческой жизнедѣятельности. Въ литературѣ поворотъ этотъ выразился въ наибольшемъ развитіи комедіи со временъ Сумарокова и въ пародированныхъ поэмахъ въ простонародномъ духѣ, напримѣръ у Осипова и Котельницкаго. Этому литературному движенію не остались чужды и писатели изъ украинцевъ. Богдановичъ перевелъ въ шутливомъ духѣ Психею Лафонтена, назвавъ ее „Душенькой", и, по выраженію г. Галахова, представилъ ее какъ-бы комической пародіей миѳа, въ которомъ нѣтъ ничего комическаго, Психеей, вывороченной наизнанку, и тѣмъ подорвалъ значеніе псевдоклассическаго торжественнаго эпоса. Другой тогдашній писатель изъ украинцевъ Капнистъ, написавшій въ 1783 году скорбную оду на закрѣпощеніе малороссіянъ

---

[1]) „Кіевская Старина", за декабрь 1882 г.: „Старинный южнорусскій театръ и въ частности вертепъ".

[2]) Объ интерлюдіяхъ см. изслѣдованіе автора: „Кіевская искусственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая", Кіевъ, 1881 года.

за помѣщиками [1]), въ своей комедіи „Ябеда" изображаетъ чиновный міръ такими красками, сквозь которыя нельзя не видѣть въ комедіи отраженія малорусской дѣйствительности съ ея чиновничествомъ, взятками и кляузами, получившей художественное выраженіе въ „Повѣсти о томъ, какъ посорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", и въ „Ревизорѣ" Гоголя. Отсюда уже недалекъ былъ переходъ къ изображенію малорусской дѣйствительности на малорусскомъ языкѣ. Въ 1777 году Григорій Калиновскій издаетъ въ С.-Петербургѣ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ" и проч. Въ 1794 году нѣкто Лобысевичъ, бывшій воспитанникъ кіевской академіи, прося у архіепископа Георгія Конисскаго интерлюдій къ его трагедіи о воскресеніи мертвыхъ, сочиненныхъ или самимъ Конисскимъ, или славнымъ природнымъ стихотворцемъ Танскимъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ, писалъ о нихъ слѣдующее: „какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столько свѣтовъ выпустившей для любимаго нашего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу Вашего Преосвященства велико одолжить меня—интерлюдіи Танскаго то, или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ С.-Петербургъ доставить, да дастъ величіе отечеству своему нашъ *Плавтъ*, нашъ *Мольеръ*, ежели что не болѣ" [2]). Но самъ Георгій Конисскій, повидимому, иначе смотрѣлъ на эти интерлюдіи, не считалъ ихъ достойными ставить на ряду съ тогдашними лоскированными псевдоклассическими произведеніями и не допустилъ ихъ къ обнародованію. Ихъ площадной, грубый тонъ и силлабическое стихосложеніе не могли мириться съ изысканностью и внѣшнимъ лоскомъ тогдашнихъ псевдоклассическихъ произведеній русскихъ. Чтобы поставить малорусскую рѣчь на высотѣ тогдашней литературы, для этого нужно было подчинить ее литературнымъ пріемамъ и формамъ господствующей русской литературы. А это мы и находимъ въ сочиненіяхъ Ив. Петр. Котляревскаго и его ближайшихъ послѣдователей. Котляревскій первый ввелъ въ украинскую рѣчь тоническое стихосложеніе вмѣсто сил-

---

[1]) См. эту оду въ журналѣ „Основа", за мартъ, 1861 г.

[2]) Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, т. II, стр. 147. Самыя интерлюдіи Г. Конисскаго или Танскаго напечатаны въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія", за ноябрь, 1878 года.

лабическаго, господствовавшее здѣсь до А. Метлинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подчинилъ украинскую словесность формамъ господствующей русской литературы и написалъ свою „Энеиду" по образцу пародированной Энеиды Осипова и Котельницкаго и комедію „Москаль-Чарівникъ" по образцу такихъ же русскихъ комедій Фонвизина, Капниста, Аблесимова, Крылова, кн. Шаховскаго и др. Содержаніе или, по крайней мѣрѣ, общій колоритъ этихъ произведеній Котляревскаго и рѣчь ихъ остались малорусскими, какъ и въ интерлюдіяхъ XVIII вѣка; но они получили болѣе приличную форму и отдѣлку, и малорусская рѣчь впервые получила право гражданства въ русской литературѣ. Недаромъ съ Котляревскаго нѣкоторые и начинали украинскую литературу. Вслѣдъ за нимъ появляются и другіе украинскіе писатели, и притомъ писавшіе въ тѣхъ же родахъ словесности, къ какимъ относятся и сочиненія И. П. Котляревскаго. Сюда относятся: во первыхъ, пародированныя переложенія на украинскую рѣчь классическихъ поэмъ и одъ, какъ напр. „Горпинида" П. П. Белецкаго-Носенка, Гораціевы или Гараськины оды П. П. Гулака-Артемовскаго, „Жабомышодраківка" К. Д. Думитрашкова и отчасти „Патретъ" Квитки-Основъяненка; во вторыхъ, комедія и оперы Гоголя—отца, Я. Кухаренка и др. Но какъ самъ И. П. Котляревскій, такъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи не остановились на однѣхъ шутливыхъ пародіяхъ и смѣшливыхъ комедіяхъ и операхъ изъ простонароднаго быта, но, вслѣдъ за русской и отчасти польской литературой, пошли далѣе, къ изображенію положительныхъ свойствъ украинской жизни, внутреннихъ чувствъ украинца и его возвышенныхъ идеаловъ. Котляревскій пишетъ „Наталку-Полтавку" и собираетъ пословицы и пѣсни украинскія; Григорій Кошицъ-Квитницкій печатаетъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1807 годъ „оду, сочиненную на малороссійскомъ нарѣчіи по случаю временнаго ополченія" (№ 9); П. П. Гулакъ-Артемовскій переводитъ или передѣлываетъ басни и сатиры польскаго писателя Красицкаго въ псевдоклассическомъ духѣ; П. П. Белецкій-Носенко пишетъ историческій романъ и драматическій разсказъ и собираетъ этнографическіе и лингвистическіе матеріалы; П. П. Гулакъ Артемовскій и К. Д. Думитрашковъ, переворачивая на украинскую рѣчь Горація и Жабомышодраківку непосредственно съ классическихъ оригиналовъ, свободнѣе своихъ предшественниковъ относились къ своимъ источникамъ и удачнѣе примѣняли ихъ къ быту и обстановкѣ малороссіянъ и отъ этихъ пародированныхъ переложеній перешли къ переводамъ на украинскую рѣчь нѣкоторыхъ романтическихъ художественныхъ произведеній. На этомъ пути одни переходятъ уже въ слѣдующіе періоды развитія украинской литературы.

I.

Иванъ Петровичъ Котляревскій [1].

Иванъ Петровичъ Котляревскій (1769—1838 г.) родился въ Полтавѣ 29 августа, 1769 года. Родители его, хотя принадлежали къ дворянскому роду, но были весьма недостаточнаго состоянія. Послѣ домашней дьячковской науки, его отдали учиться въ полтавскую семинарію, гдѣ онъ сошелся и подружился съ извѣстнымъ переводчикомъ Иліады Гомера, Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ. Еще на семинарской скамьѣ онъ писалъ стихи и за искусство подбирать риѳмы прозванъ былъ риѳмачемъ. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился въ нѣсколькихъ помѣщичьихъ домахъ при дѣтяхъ учителемъ и, какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ украинскіе стихи. Нерѣдко онъ ходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерницы и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ представилъ съ комической стороны въ „Энеидѣ". Хорошія познанія въ польскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ; но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи и дослужился здѣсь до губернскаго регистратора. Въ 1796 году онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ въ военную; участвовалъ въ кампаніи противъ турокъ въ 1806—8 гг. и въ 1808 году вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ отправился въ С.-Петербургъ, долго здѣсь терпѣлъ нужду и таскался по переднимъ сильныхъ міра, пока наконецъ не удалось ему, благодаря протекціи одного значительнаго лица, въ іюнѣ 1810 года, получить должность надзирателя полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ, въ которомъ воспитывалось тогда отъ 200 до 250 дѣтей.

---

[1] Главные источники: 1) „Молодикъ", 1844 г.; 2) „Обзоръ украинской словесности", Кулиша, въ „Основѣ", за январь 1861 г.; 3) „Иванъ Петровичъ Котляревскій", А. В. Терещенка, тамъ-же, февраль 1861 г.; 4) „Поэзія славянъ" Гербеля, 1871 г.; 5) предисловіе къ собранію сочиненій Котляревскаго, Сергѣя И. Катранова, Кіевъ, 1875 г.; 6) „Исторія славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, 1 изд., т. I, 1879 г., стр. 357—8; 7) „Столѣтній юбилей И. П. Котляревскаго" С. Стеблина-Каменскаго, въ 38 № харьков. губерн. вѣдом. за 1869 годъ; 8) „Кіевская Старина", за май 1883 г. Другіе источники и пособія указаны въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 г.

Котляревскій весьма заботился объ улучшеніи дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназіи, вошли также военныя упражненія, ситуація, черченіе и танцованіе. 5 октября, 1817 года, по истеченіи семи лѣтъ со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ, за улучшеніе дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, чиномъ маіора, брилліантовымъ перстнемъ и по смерть пенсіономъ въ 500 рублей ассигнаціями.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Я. Н. Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и директоромъ его является И. П. Котляревскій. Играли преимущественно комедіи Княжнина. Часто и Котляревскій являлся на сценѣ въ роляхъ бывшихъ тогда въ славѣ комедій и оперъ. Онъ отлично игралъ въ „Сбитеньщикѣ" и „Кутерьмѣ, или безъ обѣду домой не ѣду". Кромѣ того, между бумагами Котляревскаго найдена комедія И. А. Крылова „Трумфъ", переписанная рукою самого Котляревскаго и, вѣроятно, назначавшаяся для полтавскаго театра. Въ 1817 году на полтавскомъ театрѣ поставлена была опера князя Шаховскаго „Казакъ стихотворецъ", повидимому, заимствованная изъ малорусскаго быта; но при второмъ объявленіи о постановкѣ этой оперы многіе полтавцы отзывались о ней такъ: „чего итты въ кіатръ? Хиба слухать, якъ за наши гроши да насъ же будуть и лаять?" [1]). Можетъ быть, неуспѣхъ этой оперы, имѣвшей претензію на изображеніе украинскаго быта, и побудилъ Котляревскаго написать свою „Наталку-Полтавку", которая и явилась на сценѣ въ 1819 году, благодаря содѣйствію бывшаго малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина. Черезъ нѣсколько времени на полтавскомъ театрѣ показался водевиль Котляревскаго „Москаль-Чарівникъ". Обѣ пьесы приняты были съ громкимъ одобреніемъ и похвалою, но напечатаны были только въ 1837 и 1841 годахъ.

25 августа, 1827 года, Котляревскій былъ назначенъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Подъ старость Иванъ Петровичъ сталъ хворать и сдѣлался раздражителенъ. Онъ, какъ вообще люди стараго времени, былъ требователенъ, а подъ конецъ своей службы, говорятъ, считалъ за обязанность наказать пойманнаго имъ воспитанника, котораго товарищи поставили сторожить пріѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Котляревскій былъ уволенъ 31 января,

---

[1]) „Украинскій Вѣстникъ", за декабрь, 1817 г. стр. 369.

1835 года, и, по положенію комитета министровъ, ему назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 руб. въ годъ. Онъ умеръ 29 октября 1838 года, на 70 году жизни. Женатъ онъ не былъ и еще до кончины отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество роздалъ роднымъ и пріятелямъ. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою переводчика Иліады, Н. И. Гнѣдича.

Кромѣ „Энеиды", „Наталки-Полтавки" и „Москаля-Чарівника", Иванъ Петровичъ занимался собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и нѣкоторыя изъ нихъ помѣщалъ въ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторые изъ лично знавшихъ поэта разсказываютъ, что имъ неразъ приходилось слышать читанныя и переведенныя Котляревскимъ басни Лафонтена. П. Ефименко сообщаетъ, что изъ 120 малорусскихъ пословицъ, помѣщенныхъ въ изданіи И. Снегирева „Русскіе въ своихъ пословицахъ", 1831 г., часть перепечатана изъ грамматики Павловскаго, 1818 г., а другая часть доставлена Котляревскимъ, авторомъ „Энеиды" [1]). Извѣстны также слѣдующія произведенія и записки его, не напечатанныя въ свое время: ода малороссійскому губернатору князю А. Б. Куракину, 1805 года [2]), „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса, 1806 года", въ трехъ тетрадяхъ, составленный по порученію барона Мейендорфа; „Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. евангеліи Луки",—переводъ съ французскаго, сдѣланный по порученію княгини В. А. Репниной, бывшей попечительницы полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ; „Собраніе анекдотовъ"; „Замѣтки о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ", и проч.

Слава И. П. Котляревскаго, какъ украинскаго писателя, основывалась и основывается на трехъ важнѣйшихъ его произведеніяхъ— „Энеидѣ", „Наталкѣ-Полтавкѣ" и „Москалѣ-Чарівникѣ", хотя въ недавнее время и старались нѣсколько уменьшить эту славу. Нечего и говорить, что современники Котляревскаго приняли его произведенія съ энтузіазмомъ [3]). Полное уваженіе къ Котляревскому, какъ къ писателю, сохранилось и въ слѣдующемъ поколѣніи. Въ 1841 году Т.

---

1) Основа, октябрь, 1862 г., стр. 40.

2) Изд. въ Основѣ, за январь, 1861 г.

3) Объ этомъ отчасти свидѣтельствуетъ количество изданій его сочиненій. „Энеида" въ первый разъ издана въ трехъ частяхъ въ 1798 г.; въ четырехъ частяхъ въ 1808 и 1809 гг. и въ шести частяхъ въ 1842 году. Объ изданіи „Наталки-Полтавки" и „Москаля-Чарівника" мы уже упоминали. Полное собраніе сочиненій издавалось въ 1872, 1875 и 1876 гг. Въ 1883 г. вышло новое изданіе „Наталки-Полтавки".

Г. Шевченко въ стихахъ „На вічну память Котляревському“ писалъ слѣдующее:

Недавно, недавно у насъ на Вкраіні
Старый Котляревский отакъ щебетавъ,
Замовкъ неборака, сиротами кинувъ
И гори и море, де перше співавъ,
Де ватагу пройдисвіта (Энея)
Водивъ за собою,
Все осталось, все сумуе,
Якъ руіни Троі...
Все сумуе—тільно слава
Сонцемъ засіяла,—
Не вмре кобзарь, бо на віки
Его привітала.
Будешъ, батьку, пановати,
Поки живуть люде:
Поки сонце зъ неба сяе,
Тебе не забудуть [1]).

Но послѣ Шевченка малорусскіе критики разошлись въ своихъ мнѣніяхъ о Котляревскомъ: одни порицаютъ его за насмѣшливое, каррикатурное, или же сентиментальное изображеніе малорусской дѣйствительности и, давая произведеніямъ его лишь историческое значеніе, считаютъ ихъ анахронизмомъ для настоящаго времени; другіе, наоборотъ, возвышаютъ его на степень истиннаго поэта и видятъ въ его произведеніяхъ неувядаемую прелесть. Приведемъ важнѣйшіе отзывы о Котляревскомъ гг. Костомарова, Кулиша и Катранова.

Въ 1844 году, въ „Обзорѣ сочиненій, написанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“, г. Костомаровъ писалъ о Котляревскомъ слѣдующее: „во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, вкусъ общества портился и принялъ самое странное направленіе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣтные предразсудки, не смѣли принять формъ новаго рода, казавшихся еще дикими,—смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерѣшительности явился особенный родъ сочиненій—пародій. Писатель бралъ предметы классическіе, одѣвалъ ихъ въ романтическую одежду и такимъ нескладнымъ нарядомъ смѣшилъ публику. Такова „Энеида“ Котляревскаго. „Энеида“, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но та же

[1]) „Ластовка“, Гребенки, 1841 г., стр. 309—320. Малорусскій текстъ мы вездѣ будемъ приводить съ тѣмъ правописаніемъ, съ какимъ онъ находится въ изданіяхъ, которыми мы пользовались.

самая „Энеида", какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоцѣнное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыя были скрыты отъ современныхъ читателей „Энеида", разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, имѣетъ для насъ три неотъемлемыя достоинства. Во-первыхъ, мы видимъ въ ней вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссію, жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него передъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ—истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ его пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоцѣнна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада,—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едва ли у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ который онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости Что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онѣ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ; тогда думали, что все отвратительное можетъ забавлять".)—„Не ограничиваясь „Энеидой",—говоритъ г. Костомаровъ въ другомъ своемъ обзорѣ 1871 г.,—Котляревскій написалъ еще двѣ драматическія пьесы: „Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чарівника". Обѣ эти пьесы долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а послѣдняя въ столицахъ, гдѣ она и до сихъ поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ ничего такого, что бы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи. „Наталка" очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными".

Г. Кулишъ произнесъ надъ И. П. Котляревскимъ и его произведеніями строгій судъ. Особенно ему не нравится перелицованная „Энеида" Котляревскаго. „Его воспитаніе,—говоритъ Кулишъ,—совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма,—протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣяніемъ боговъ и героевъ. По преданію, онъ еще въ семинаріи началъ перелицовывать „Энеиду" Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это

занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступая въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхохотались надъ „Энеидою" не хуже офицеровъ; расхохотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнію и съ кого списаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до „Энеиды"... Тотъ вѣкъ былъ вообще послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало по малу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго... Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ сокровищамъ народной поэзіи и заговорилъ впослѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги „Энеиды" съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру". Это объясняется тѣмъ, „что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся уже безъ искренности".

„Будучи созданіемъ своего вѣка и общества и не обладая способностями геніальными, Котляревскій былъ не въ силахъ возвыситься надъ современниками такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня „Віютъ вітри", вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, недалеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ ея и голосъ провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсенъ народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи впослѣдствіи частымъ гостемъ—анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: „Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чарівника". Обѣ онѣ говорятъ много

въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившей всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбиныхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсенъ... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самихъ монологахъ. Все-таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ „Энеидѣ", къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили „Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чарівника" выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность, въ аффектацію и сентиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель".

Вотъ сущность отзыва г. Кулиша о произведеніяхъ И. П. Котляревскаго! Въ противоположность ему, г. Катрановъ даетъ произведеніямъ Котляревскаго весьма важное значеніе даже и для настоящаго времени. „Кто,—говоритъ онъ,—изъ малороссовъ неразъ плѣнялся этимъ умнымъ и веселымъ, исполненнымъ наблюдательной остроты и въ то же время глубокаго и свѣтлаго пониманія народной жизни стихомъ „Энеиды"? А „Наталка-Полтавка", эта художественная по постановкѣ и изложенію пьеса, отъ начала до конца изобилующая своими дивными и плѣнительными, за сердце хватающими аріями? Есть ли подобное,—говоримъ только *подобное*,—что нибудь ей въ нашей украинской литературѣ? Все, что есть и что было, обветшало и, уступивъ времени, сошло со сцены... А „Наталка" и до сихъ поръ не сходитъ со сценъ не только нашихъ провинціальныхъ театровъ, но даже и въ столицахъ она имѣетъ полный успѣхъ. Мы уже не говоримъ о томъ неподражаемомъ комизмѣ, который, напримѣръ, на каждомъ шагу проглядываетъ въ „Москалѣ-Чарівникѣ", имѣющемъ въ репертуарѣ почти каждаго театра значеніе одного изъ лучшихъ дивертисментовъ... А почему? Потому, что все, писанное незабвеннымъ Иваномъ Петровичемъ, взято изъ жизни, схвачено съ натуры, да еще, нужно прибавить, съ неподражаемымъ, чисто талантливымъ искусствомъ. Не дорогъ ли становится послѣ этого намъ, малороссамъ, Иванъ Петровичъ Котлярев-

скій, и не возвышают ли его произведенія на степень *истиннаго поэта*, и притомъ поэта двигателя"?

Чтобы найтись среди разнорѣчивыхъ отзывовъ о Котляревскомъ самихъ земляковъ его и установить правильную точку зрѣнія на его произведенія, обратимъ вниманіе на предшествовавшіе литературные элементы, служившіе пробнымъ камнемъ для поэтическаго таланта Котляревскаго, и на отношеніе его къ современной малорусской жизни.

Въ своей „Энеидѣ" Котляревскій далеко не первый сталъ пародировать малорусскую народную жизнь на родномъ нарѣчіи: онъ только первый облагородилъ прежнее каррикатурное изображеніе простонародной жизни и сообщилъ ему лучшую техническую постройку и болѣе чистый и правильный языкъ. Мы уже упоминали о комическихъ интермедіяхъ или интерлюдіяхъ къ школьнымъ драматическимъ пьесамъ XVIII вѣка. Эти интерлюдіи, по всей вѣроятности, имѣли въ виду воспроизведеніе комическихъ малорусскихъ сказокъ, но утрировали до крайности народный комизмъ и допускали иногда такія плоскія и грязныя шутки, которыя не могутъ быть пропущены въ современной печати: сокращеніе пасхальныхъ интерлюдій Митрофана Довгалевскаго, 1737 г., не могло быть напечатано по неприличію содержанія ихъ [1]). Если прибавить къ этому неуклюжую силлабическую форму интерлюдій и другихъ южнорусскихъ стихотвореній XVIII вѣка, то для насъ будетъ весьма понятно, что комическія интерлюдіи, не смотря на свой народный языкъ, не могли выдержать конкуренціи съ лоскированной, благоприличной русской литературой временъ Екатерины II и постепенно вытѣснялись этой литературой. Въ такомъ положеніи засталъ Котляревскій отечественную литературу на югѣ Россіи. Слѣдуя за ходомъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ или увлечься языкомъ и формами сѣвернорусской литературы, отказавшись отъ украинскаго нарѣчія, или же удержать послѣднее вмѣстѣ съ силлабическимъ стихосложеніемъ и схоластическими формами и навсегда застынуть въ кругѣ понятій и формъ схоластики. Къ чести Котляревскаго, онъ не остановился ни на томъ, ни на другомъ, и сдѣлалъ смѣлую попытку соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію большую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія. Онъ удержалъ въ своихъ произведеніяхъ малорусскую рѣчь XVIII вѣка, но очистилъ ее отъ слишкомъ грубаго содержанія и макаронизмовъ и подчинилъ требованіямъ и формамъ современной русской лите-

---

[1]) Извлеченіе изъ рождественскихъ интерлюдій Довгалевскаго издано въ „Трудахъ кіев. дух. акад.", за февраль 1865 г.

ратуры. Достаточно сличить интерлюдіи Довгалевскаго и Г. Кониссскаго или Танскаго съ „Энеидой" Котляревскаго, чтобы видѣть неизмѣримое преимущество послѣдней предъ интерлюдіями въ отношеніи сдержанности и приличія. Изъ „Энеиды" изгнаны и прежніе макаронизмы рѣчи и являются лишь въ видѣ насмѣшки надъ уснащенною латинскими фразами рѣчью южнорусскихъ школьниковъ XVIII вѣка. Такова, напримѣръ, рацея старшаго изъ Энеевыхъ пословъ предъ царемъ Латиномъ:

Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный *Троянорумъ* князь,
Шмыглявъ по морю якъ *цыганусъ*,
Адъ те, о рексъ! прыславъ *нункъ* насъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнее силлабическое стихосложеніе замѣняется новымъ тоническимъ, по образцу сѣвернорусской литературы. Мы имѣемъ основаніе полагать, что самая идея перелицованной „Энеиды" не принадлежитъ Котляревскому и заимствована у „Энеиды, вывороченной на изнанку", Осипова и Котельницкаго, 1791—1807 гг. Но „у Котляревскаго,—по словамъ одного малорусскаго критика,—вездѣ живыя картины народнаго быта; напротивъ, Осиповъ и Котельницкій хотятъ представить міръ великорусскій, но только сочиняютъ грубо прозаически, тускло и многословно". Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Котляревскій превзошелъ своихъ современниковъ и учителей.

Конечно, первые шаги Котляревскаго на новомъ для него и для всѣхъ малороссовъ поприщѣ не всегда были удачны: такъ и должно быть по естественному порядку вещей, и всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія. Но чѣмъ дальше шелъ онъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь. Уже въ раннихъ частяхъ своей „Энеиды" Котляревскій высказывалъ глубокое сочувствіе къ бѣдному классу народа. Таково его описаніе праведныхъ въ третьей части „Энеиды", которое приводимъ здѣсь по первому изданію, съ соблюденіемъ его правописанія:

Не думай, щобъ були чыновны,—
Сивилла сей дала отвѣтъ:
Або що грошей скрини повны,
Або въ якихъ товстый живитъ.
Не тѣ се, що въ цвѣтныхъ жупанахъ,
Въ кармазинахъ, або въ сапьянахъ.
Не тѣ жъ, что съ книгами въ рукахъ;
Не рыцари, не росбишаки;
Не тѣ се, що кричать *ипаки*,
Не тѣ, що въ золотыхъ шапкахъ.

Се бѣдви нищи, навижены,
Що дурнями считали ихъ,—
Старци, хромы, слѣпорожденны,
Зъ якыхъ бувъ людьскій глумъ и смѣхъ;
Се, що съ порожними сумками
Жили голодны пидъ тынами,
Собакъ дражнили по дворахъ;
Се тѣ, якихъ выпровожали
Въ потылицю и по плечахъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ поэта, жизненная струя его поэзіи должна была получить еще большее развитіе Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ послѣднихъ частяхъ „Энеиды" г Кулишъ отмѣтилъ одно мѣсто, рекомендующее патріотическія чувства Котляревскаго. Это мѣсто слѣдующее:

Такъ, вічной памяти, бувало,
У насъ въ Гетьманщині колись,
Такъ просто військо шиковало,
Не знавши: стій, не шевелись!
Такъ славніи полки козацькі:
Лубенскій, Гадяцкий, Полтавськый,
Въ шапкахъ, було, якъ макъ цвітуть...
Якъ грянуть, сотнями ударять,
Передъ себе списи наставлять,
То мовъ метлою все метуть.

Еще болѣе жизненнаго народнаго элемента замѣчается въ драматическихъ пьесахъ Котляревскаго—,,Наталкѣ-Полтавкѣ" и ,,Москалѣ-Чарівникѣ", хотя и въ этихъ произведеніяхъ нужно отличать отрицательные типы отъ положительныхъ. Какъ и въ ,,Энеидѣ", Котляревскій осмѣиваетъ здѣсь отживающихъ свой вѣкъ представителей рутины и схоластики XVIII в. и, въ противоположность имъ, указываетъ на свѣжую, здоровую жизнь и рѣчь простолюдина, изображаемаго въ сентиментальномъ вкусѣ карамзинской школы. Представителями старой рутины являются: въ ,,Наталкѣ-Полтавкѣ"—Выборный и Возный, а въ ,,Москалѣ-Чарівникѣ"—судовый панычъ Финтикъ. Имъ противопоставляются: въ ,,Наталкѣ-Полтавкѣ—Микола, Петро и сама Наталка, а въ „Москалѣ-Чарівникѣ", пожалуй, Тетяна и Михайло Чупрунъ.

Ходъ оперы ,,Наталка-Полтавка" слѣдующій. Наталка-Полтавка любитъ Петра, бѣднаго парубка, который обѣщалъ жениться на ней и отправился на чужую сторону зарабатывать деньги на свадьбу и обзаведеніе хозяйствомъ. Въ его отсутствіе Наталка однажды идетъ за водой и въ раздумьи поетъ пѣсню: „Віютъ вітри". На обратномъ пути къ ней пристаетъ Возный и объясняется ей въ любви канцеляр-

скимъ языкомъ, котораго Наталка не понимаетъ. Возный задумываетъ жениться на Наталкѣ, встрѣчается съ Выборнымъ и уговариваетъ его идти, въ качествѣ свата, къ Терпилихѣ, матери Наталки. Въ антрактахъ Возный и Выборный поютъ пѣсни Сковороды, переносящія насъ въ XVIII вѣкъ, а именно: „Всякому городу нравъ и права" и „Ой, доля людская—доля есть слипая". Между тѣмъ, у бѣдной вдовы Терпилихи происходитъ объясненіе съ дочерью, которой она жалуется на свою крайнюю нужду и даже попрекаетъ ее неизмѣнной любовью къ бѣдному Петру, который, притомъ, можетъ быть, и не воротится съ чужой стороны. Наталка даетъ матери слово выйти замужъ за перваго попавшагося жениха, но сама тайно грустить. Въ это время является Выборный сватать Наталку за Возного и получаетъ ея согласіе. Но скоро возвращается Петръ съ чужой стороны, и дѣло принимаетъ другой оборотъ. Возный получаетъ отказъ и настолько примиряется съ своей судьбой, что самъ даже содѣйствуетъ устроенію брака Наталки съ Петромъ. Пьеса оканчивается похвалой миролюбію полтавцевъ.

Нѣкоторыя мѣста въ этой оперѣ запечатлѣны жизненною правдой. Такова особенно, по нашему мнѣнію, сцена объясненія Терпилихи со своей дочерью Наталкой. Самыя пѣсни молодыхъ людей—Наталки, Петра и Миколы (играющаго въ пьесѣ невидную роль), не смотря на сентиментальный оттѣнокъ, повидимому, представляютъ изъ себя передѣлку народныхъ малорусскихъ пѣсенъ или вольное подражаніе имъ. Таковы, напримѣръ, пѣсня Наталки „Віютъ вітри", напоминающая своимъ содержаніемъ чумацкую пѣсню „Забіліли сніги, заболіло тѣло", и пѣсня Миколы „Гоминъ, гоминъ по диброві", тоже напоминающая собою одну чумацкую пѣсню" [1]).

Не менѣе, если не болѣе, находимъ народнаго элемента и въ водевилѣ Котляревскаго „Москаль-Чарівникъ", не смотря на то, что г. Кулишъ не очень одобрительно отзывается объ этомъ произведеніи Котляревскаго. Ходъ водевиля слѣдующій. Тетяна, въ отсутствіе своего мужа, чумака [2]) Чупруна, принимаетъ у себя судоваго панычa Финтика, который объясняется Тетянѣ въ любви и поетъ ей силлабическій романсъ: „Не прельщай меня, драгая"! Этотъ романсъ, въ полномъ видѣ, мы нашли въ рукописи, писанной около 1760 года, и слѣдовательно онъ, по намѣренію автора, рекомендуетъ Финтика, какъ послѣдователя отсталой школьной версификаціи XVIII вѣка. Тетяна съ Финтикомъ собираются вечерять; но имъ помѣшалъ подпившій немного солдатъ, поставленный на квартиру къ Тетянѣ. Притворившись спя-

[1]) „Чумацкія пѣсни", И. Рудченка, Кіевъ, 1874 г., №№ 32 и 41.

[2]) Чумаками назывались украинцы, ѣздившіе за солью и рыбою въ Крымъ и на Донъ.

щимъ, онъ подслушиваетъ, какъ Тетяна разсказывала Финтику, гдѣ припрятала она приготовленное для него угощеніе—пряженую колбасу, печеную курку и пляшку запеканой. Между тѣмъ возвращается мужъ Тетяны, Михайло Чупрунъ, отъ котораго Финтикъ прячется подъ припечокъ. Чупрунъ спрашиваетъ у жены поѣсть чего нибудь; но получаетъ отказъ. Тогда проснувшійся яко-бы солдатъ, выдавая себя передъ Чупруномъ за чародѣя, находитъ припрятанное для Финтика угощеніе, подчуетъ себя и Чупруна и выгоняетъ самого Финтика, заставивъ его принять на себя роль чорта. Водевиль заключается слѣдующимъ нравоученіемъ: „поэтому, правда, что шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія".

Г. Кулишъ, сравнивая „Москаля-Чарівника" съ пьесой Гоголя—отца „Простакъ", имѣющей почти тоже самое содержаніе, не совсѣмъ выгодно отзывается о первомъ· „У Котляревскаго,—говоритъ онъ,—хозяинъ хаты—зажиточный мужикъ, а роль ловеласа играетъ судовый панычъ. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего, что бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относится къ народу, какъ отецъ гоголя. Молодая женщина, принимающая у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго канцеляриста, у него—женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того... Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играетъ у Котляревскаго роль простака вовсе неумѣстно. Чумаки въ нашемъ простонародьи—самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы они въ домашнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ Котляревскаго въ комедіи" [1]).

Не входя въ сравненіе комедіи Гоголя—отца „Простакъ" съ „Москалемъ-Чарівникомъ" Котляревскаго, замѣтимъ только, что обѣ эти комедіи заимствованы изъ украинскихъ народныхъ преданій и разрабатываютъ ихъ съ нѣкоторыми варіаціями. Нарушеніе супружеской вѣрности женами чумаковъ есть обычный мотивъ чумацкихъ пѣсенъ. Такъ, въ одной изъ нихъ, записанной въ полтавской же губерніи, говорится слѣдующее:

Святий Боже, святий кріпкий,
Святый безсмертний!
Полюбила чумаченька—
Треба зъ жалю вмерти.
Не сама ж я полюбила,
Полюбила мати,

---

[1]) Основа, февраль, 1862.

Що звеліла за чумаченька
Рушники отдати.
Не літувавъ чумаченько,
Нейде й зімовати,—
Прийде нічка осінняя,
Ні з ким розмовляти.
Обізвався дячокъ з Нащох;
— Ось де я гулящій!
— Прийди, дяче, вечеряти,
То будешъ найкращий.

Дьякъ, конечно, воспользовался приглашеніемъ; но, на его бѣду, въ тоже время—

Прийшовъ чумакъ з Крыму.
— „Ой здорова, моя мила!
Чи все гаразд дома?“
— „Ой все гаразд, ой все гаразд,
Тільки одно ні на-що:
Виглядае вражий дячок
Із-запічка часто...“

Послѣдніе шесть стиховъ представляютъ юмористическую передѣлку словъ изъ исторической пѣсни о Савѣ Чаломъ.

Чумакъ очень „засмутився“, но особеннаго вида о присутствіи дьячка не подалъ, чтобы тотъ „не догадався“. Выходитъ чумакъ на дворъ будто бы выпрягать воловъ, но вмѣсто того—

Якъ ухопить чумаченько
Од воза бичину,—
Побив—побив, помолотив
Та дякові спину,

приговаривая, чтобы тотъ не ходилъ „до чужіх жінок“. Дьякъ, вырвавшись послѣ побоевъ, заявляетъ:

Далась мині біда знати,
Аж у третій хаті,
Через тини тікаючи,
Що й сліду не знати.

Очевидно, интрига водевиля „Москаль-Чарівникъ“ въ сущности та же, что и въ чумацкой пѣснѣ, сейчасъ приведенной, съ тою незначительною разницею, что вмѣсто дьяка является у Котляревскаго „судовый паничъ“, помазанный, однако, однимъ и тѣмъ же масломъ; слѣдовательно, водевиль Котляревскаго въ этомъ отношеніи имѣетъ бытовую народную почву.

Г. Кулишу кажется несообразнымъ съ дѣйствительностью малорусской жизни, чтобы пройдоха москаль (солдатъ) одурилъ бывалаго и

умнаго чумака, какимъ долженъ быть, по мысли Кулиша, Чупрунъ въ „Москалѣ-Чарівникѣ". Но малорусская поэзія не слушаетъ резоновъ г. Кулиша и нерѣдко представляетъ москаля обманщикомъ, а чумака обманутымъ. Достаточно указать на малорусскую сказку „Москаль-рыбалка", въ которой разсказывается о солдатахъ, какъ одинъ изъ нихъ, чтобы одурить проѣзжавшихъ съ рыбою чумаковъ, сталъ ловить рыбу долотомъ и привлекъ къ себѣ ихъ вниманіе, а другой, собравши душъ пять товарищей, позабиралъ изъ возовъ у чумаковъ всю рыбу [1]).

Впрочемъ, какъ ни строго судилъ Кулишъ произведенія Котляревскаго, но и онъ признавалъ большое значеніе ихъ для современнаго и послѣдующихъ поколѣній малороссовъ. „Своей пародіей и двумя театральными пьесами,—говоритъ Кулишъ, — Котляревскій напомнилъ украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобы выбранить неисправнаго мужика... „Энеида" Котляревскаго пріохотила къ народному языку даже тѣхъ грамотныхъ во всѣхъ слояхъ общества, кто или мало зналъ, или чуждался его: доказательствомъ тому—что эта пародія, будучи печатаема въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, расходилась въ Малороссіи въ огромномъ множествѣ списковъ и попадалась и у селянъ, и у горожанъ, и у полупанковъ, и у пановъ. „Наталка-Полтавка" и „Москаль-Чарівникъ", вѣрныя дѣйствительности, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и даже въ наше время, возбуждали смѣхъ и слезы зрителей не только въ провинціальныхъ, но и въ столичныхъ театрахъ. Даже и его пѣсня „Віють вітри" имѣетъ свое историческое значеніе: отчужденнымъ отъ народа панночкамъ временъ Котляревскаго не стыдно было спѣть ее за фортепіано: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романсахъ Капниста. А эта пѣсня могла провести за собой не одну народную пѣсню въ тогдашнее общество. По крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленію украинской простонародной рѣчи на бумагѣ и произвели подражанія. Въ концѣ „Грамматики малороссійскаго нарѣчія" Павловскаго, 1817 года, помѣщены были малорусскіе стихи, подъ заглавіемъ „Вакула Чмиръ", составленные въ духѣ „Энеиды".

Но вліяніе произведеній Котляревскаго на послѣдующую украинскую литературу не ограничивалось этими мелочами и, въ большей или меньшей мѣрѣ, непосредственно или посредственно, отразилось почти на всѣхъ важнѣйшихъ представителяхъ украинской литературы до конца пятидесятыхъ годовъ Ближайшими послѣдователями или преем-

---

1) „Народныя южнорусскія сказки", И. Рудченка, вып. 2, № 40.

никами литературной дѣятельности Котляревскаго были—П. П. Белецкій-Носенко, П. П. Гулакъ-Артемовскій, К. Д. Думитрашковъ, В. Н. Гоголь, Я. Г. Кухаренко и др. Первые трое составляли пародированныя поэмы и оды въ духѣ „Энеиды" Котляревскаго, а послѣдніе двое писали комедіи и комическія оперы, похожія на „Наталку-Полтавку" и особенно на „Москаля-Чарівника". Тѣ и другіе, впрочемъ, не были слѣпыми подражателями Котляревскаго, подчинялись и другимъ литературнымъ вліяніямъ, и нѣкоторые изъ нихъ пошли далѣе Котляревскаго въ пониманіи и изображеніи народной жизни, какъ это и должно быть по естественному порядку вещей, и въ свою очередь подготовляли почву для литературной дѣятельности послѣдующихъ поколѣній.

2.

Павелъ Павловичъ Белецкій-Носенко [1].

Павелъ Павловичъ Белецкій-Носенко, изъ дворянъ помѣщиковъ нынѣшней полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда, производилъ свой родъ отъ князя луцкаго Александра Носа. Одинъ изъ потомковъ этого князя Іоаннъ Носъ, владѣвшій имѣніемъ въ Малороссіи, но во время войнъ удалившійся въ Польшу, въ 1650 году снова получилъ достояніе свое, а особливо земли, съ обязательствомъ присягнуть Малороссіи на вѣрность и отбывать всѣ повинности съ имѣній своихъ. Ему пожаловано потомъ въ 1694 году царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ прилуцкомъ полку въ вѣчное и потомственное владѣніе село Голубовка, за вѣрныя службы „отцу нашему, брату нашему и намъ", какъ сказано въ грамотѣ. Потомъ, онъ пожалованъ императоромъ Петромъ Великимъ въ 1708 году полковникомъ прилуцкимъ за то, что способствовалъ князю Меньшикову взять укрѣпленный городъ Батуринъ. Отъ внуки его, Анны Петровны Носенковой, родился россійскій

---

[1]) Источники: 1) „Извѣстія о трудахъ П. П. Белецкаго-Носенка" въ Москвитянинѣ, 1855 г., № 8, стр. 132. 2) „Горпинида", Кіевъ, 1871 г. 3) „Приказки", Кіевъ, 1871 г. 4) „Гостинець землякамъ і співы въ образніх річах", Кіевъ, 1872 г. 5) Рукописныя сочиненія, пріобрѣтенныя покойнымъ И. П. Новымъ. Кромѣ того, мы пользовались отрывкомъ изъ біографіи П. П. Белецкаго-Носенка, предназначавшейся къ печати, найденнымъ въ бумагахъ покойнаго М. Г. Щербака. Мы пишемъ фамилію г. Белецкаго-Носенка такъ, какъ онъ самъ подписывался.

фельдмаршалъ графъ Ив. Васильевичъ Гудовичъ. „Я обязанъ почтить память моего предка“,—говоритъ П. П. Белецкій-Носенко. Мать Павла Павловича приходилась племянницею знаменитому духовному писателю XVIII вѣка Георгію Конисскому. По словамъ старожиловъ, Павелъ Павловичъ воспитывался въ одномъ изъ столичныхъ пансіоновъ и, по обычаю дворянъ того времени, поступилъ въ военную службу. Когда это случилось,—съ точностью неизвѣстно, но, кажется, въ 1788 году онъ уже состоялъ въ военной службѣ и былъ подъ Очаковомъ, какъ можно заключать изъ одного разсказа его объ одномъ обстоятельствѣ изъ исторіи осады этого города. Въ 1794 году онъ участвовалъ въ штурмѣ г. Праги, получивъ за то установленный штурмовой крестъ, и около 1798 года оставилъ военную службу въ чинѣ капитана и навсегда поселился въ родномъ своемъ городѣ Прилукахъ [1]). Здѣсь въ октябрѣ 1789 года открыто было малое народное училище, состоявшее изъ двухъ классовъ, которое преобразовано было 14 сентября 1812 года въ повѣтовое или уѣздное училище,—и Павелъ Павловичъ является сначала штатнымъ смотрителемъ двукласснаго училища, а потомъ, по преобразованіи его въ трехклассное, почетнымъ его смотрителемъ, каковое званіе сохранялъ приблизительно до 1840 года. Вѣроятно, еще будучи штатнымъ смотрителемъ, онъ учредилъ частный пансіонъ, существовавшій еще въ 1831 году, и въ этомъ пансіонѣ получилъ первоначальное образованіе другой малороссійскій писатель Н. А. Маркевичъ [2]).

Въ педагогической своей дѣятельности Павелъ Павловичъ старался развивать въ каждомъ воспитанникѣ врожденныя его способности. Замѣтивъ въ одномъ изъ своихъ учениковъ охоту и способность къ танцеванію, онъ платилъ за обученіе его танцамъ „одной искусной танцмейстершѣ“, пока тотъ не сталъ танцевать съ совершенствомъ [3]). При такомъ свободномъ направленіи образованія, Павелъ Павловичъ совершенно иначе, чѣмъ его современники, смотрѣлъ на воспитаніе: не только у себя дома, „въ своемъ маленькомъ пансіонѣ“, онъ допускалъ полную волю рѣзвости мальчикамъ, лишь бы она не переходила за должные предѣлы, но и въ уѣздномъ училищѣ онъ вывелъ строгое и суровое обращеніе съ учениками. По его мнѣнію, неприлично было мальчику въ десять лѣтъ казаться степеннымъ человѣкомъ, а каждый долженъ казаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и поэтому даже должно на-

---

[1]) Около 1845 года онъ писалъ о себѣ, что живетъ въ Малороссіи болѣе 45 лѣтъ. Въ 1798 году онъ уже былъ въ Малороссіи и слушалъ отъ Гоголевскаго сотника Шума историческое преданіе объ Иванѣ Золотаренкѣ.

[2]) Основа, январь, 1861 годъ: „Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ“.

[3]) Письмо къ В. В. К—чу въ 1831 г,

слаждаться безпечностью своихъ счастливыхъ лѣтъ. Павелъ Павловичъ не любилъ прибѣгать къ наказаніямъ. Единственнымъ, можно сказать, наказаніемъ было—не пускать дѣтей домой, когда за ними присылали на праздники. Тѣлесныя наказанія онъ совсѣмъ не признавалъ нужными въ системѣ воспитанія; онъ говорилъ, что это не его способъ воспитанія, и если, употребивши всѣ возможныя для него мѣры, онъ видѣлъ, что ученикъ его все-таки не исправлялся, то просилъ родителей взять его назадъ.

Обладая обширными познаніями, Павелъ Павловичъ самъ преподавалъ всѣ предметы. Изъ одного письма его мы можемъ видѣть, чему онъ училъ своихъ воспитанниковъ. „Всякое утро до обѣда,—писалъ онъ,—выключая четверга, мы упражняемся въ латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ по правиламъ грамматическимъ и въ переводахъ какъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, такъ и съ этого на французскій и нѣмецкій. Утро четверга опредѣлено для рисованья. Въ понедѣльникъ и среду по полудни отъ двухъ часовъ и до четырехъ мы занимается математикою, а именно: ариѳметикою и геометріею. Въ четвергъ, пятницу и субботу по полудни отъ двухъ до четырехъ часовъ—географія; въ понедѣльникъ отъ пяти до семи—реторика и поэзія, и миѳологія; во вторникъ, среду, четвергъ, пятницу и субботу отъ пяти до семи часовъ—исторія всеобщая, древняя и россійская. Въ праздники и воскресные дни—законъ Божій и св. писаніе ветхаго и новаго завѣта, а по вечерамъ занимаемся чтеніемъ лучшихъ писателей всякаго рода, какъ отечественныхъ, такъ и французскихъ. Изъ этого вы можете заключить, что мы не тратимъ времени, и если бы бренность тѣла нашего позволяла, а особливо нѣжность дѣтскаго возраста, я бы еще отдѣлилъ время отъ ночи“ [1]). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „основаніе нашего образованія есть законъ Божій, уставы гражданскій и военный, слѣдовательно—нравственность. Всякій праздникъ и воскресный день дѣтямъ изъясняю законъ Божій, одну исторію ветхаго и новаго завѣта и одну главу изъ уставовъ. Прочія науки преподаются у меня: языки русскій, латинскій, французскій и нѣмецкій. Успѣвшіе уже обучаются риторикѣ, поэзіи и эстетикѣ; математикѣ, т. е. ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ; артиллеріи и фортификаціи; особо съемкѣ плановъ и ситуаціи; географіи математической, древней и новой, всеобщей и въ особенности частной россійскаго государства; физикѣ, естественной исторіи и рисованію“ [2]). Кромѣ этихъ предметовъ, онъ преподавалъ еще исторію живописи и

---

[1]) Письмо къ И. О. Т—му, 1809 года.
[2]) Письмо къ П. С. Т—рѣ въ 1817 году.

скульптуры, излагая ее въ видѣ біографій славныхъ художниковъ, архитектуру военную и гражданскую, перспективу и теорію свѣта и тѣней. Изъ этого видно, что курсъ образованія, которое Павелъ Павловичъ давалъ своимъ ученикамъ, былъ весьма обширенъ: онъ не ограничивался только предметами общечеловѣческаго образованія, но простирался дальше. Павелъ Павловичъ подготовлялъ своихъ учениковъ къ спеціальнымъ занятіямъ не только развитіемъ ихъ ума и пріученіемъ къ труду, но и изученіемъ тѣхъ наукъ, которыя непосредственно относятся къ ихъ будущей спеціальности. Большая часть учениковъ Павла Павловича поступила въ военную службу. Это обусловливалось положеніемъ тогдашняго высшаго, такъ называемаго образованнаго общества.

Со времени поселенія въ Прилукахъ и учебно-педагогической службы и дѣятельности Белецкаго-Носенка начинается и его ученолитературная дѣятельность. Первымъ его литературнымъ трудомъ былъ переводъ съ французскаго романа „Семейство фонъ-Гальденъ“, Августа Лафонтена, въ 4-хъ частяхъ, сдѣланный въ 1808 году. Вѣроятно, въ бытность его штатнымъ смотрителемъ прилуцкаго училища написана имъ „Горпинида чи вхопленная Прозерпина“, какъ можно заключать изъ конца этой поэмы, писанной между дѣломъ, въ рождественскіе праздники. Гораздо болѣе свободнаго времени оставалось Павлу Павловичу послѣ переименованія его въ почетные смотрители училища. Правда, и на эту номинальную должность свою Павелъ Павловичъ смотрѣлъ сначала серьезно и „по долгу службы своей и по совѣсти почиталъ себя въ-правѣ содѣйствовать улучшенію училища въ учебнопедагогическомъ отношеніи“. Но скоро онъ убѣдился на опытѣ, что не требуютъ и не желаютъ отъ него дѣятельнаго участія въ судьбахъ училища и предоставляютъ ему только право дѣлать пожертвованія на училище. Въ 1818 году П. П. Белецкій-Носенко писалъ къ ректору харьковскаго университета Ив. Петровичу Рижскому, что представленія почетныхъ смотрителей „въ пользу просвѣщенія нимало не уважаются, и многія важныя распоряженія въ пользу училищъ, которыя бы должно онымъ сообщать, никѣмъ не сообщаются; и я скажу о себѣ, что въ теченіе сего года я получилъ по должности моей только одну бумагу отъ г. директора, и то оскорбительную для меня“. Какъ бы понявъ, послѣ этого, прямыя свои обязанности по отношенію къ училищу, Павелъ Павловичъ въ томъ же году „принесъ въ даръ для библіотеки прилуцкаго училища книгъ на 1000 рублей“, жалуясь при этомъ, что о прежнихъ его пожертвованіяхъ не было донесено высшему начальству. Но чѣмъ болѣе нашъ авторъ устранялся отъ училищныхъ дѣлъ, тѣмъ шире становился кругъ его ученой и литературной дѣятельности. Съ 1812 года онъ завязываетъ сношенія съ различными

учеными учрежденіями въ Россіи, именно: съ обществомъ наукъ при императорскомъ харьковскомъ университетѣ, императорскимъ московскимъ обществомъ испытателей природы, императорскою россійскою академіею, императорскимъ с.-петербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ и др., и пишетъ рѣшенія на всевозможныя задачи и преміи, хотя и рѣдко имѣетъ успѣхъ. Болѣе прочныя связи онъ имѣлъ съ обществомъ наукъ при императорскомъ харьковскомъ университетѣ и императорскимъ с.-петербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, въ званіи члена ихъ. Съ первымъ онъ велъ дѣятельную корреспонденцію съ 1813 по 1826 годъ, а со вторымъ съ 1826 по 1839 годъ. Перечислимъ нѣкоторыя изъ его сочиненій, относящихся къ этому времени.

1) „Сказки на малороссійскомъ языкѣ", (23), около 1812 г.

2) „Метаполитическое экономическое разсужденіе, что выгоднѣе для хозяина,—обрабатывать земли наемными людьми, гдѣ ихъ найти можно, или собственными крестьянами? или отвѣтъ на осьмую задачу, предложенную отъ императорскаго с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества на 1812 годъ", 1812 г.

3) „Исторія о началѣ училищъ въ г. Прилукахъ и прилуцкомъ повѣтѣ", съ краткимъ обозрѣніемъ „начала народнаго просвѣщенія въ Россіи вообще и распространенія онаго", послѣ упоминаемаго здѣсь 1815 года.

4) „Словарь нѣмецкихъ писателей", 1816 года.

5) „Лингвистика", съ объясненіемъ словъ— *колъ*, *волкулака* и *лемешъ*, рефератъ, посланный въ общество наукъ при харьковскомъ университетѣ 10 апрѣля, 1817 года.

6) „Эстетика,—о подражаніи природѣ", 20 сентября, 1817 года, посланная въ харьковское общество наукъ.

7) „Разсужденіе объ одѣ *Богъ* сочиненія г. Державина", около 1818 года.

8) „Ломоносовъ и Державинъ, величайшіе лирики россійскіе,—сравненіе", 1818 года. Это сравненіе, въ дополненномъ видѣ, послано было въ 1829 году въ императорскую россійскую академію, въ качествѣ рѣшенія на задачу, предложенную обществомъ любителей россійской словесности въ 1817 году.

9) „Пасѣчникъ, или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи", 1818 года, съ предисловіемъ и добавленіями на поляхъ, сдѣланными около 1845 года.

10) „Полезно ли критиковать великихъ писателей?" по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, вскорѣ послѣ 1818 года.

11) „Толкованіе нѣкоторыхъ старинныхъ словъ въ лѣтописяхъ, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ „Исторіи Государства Россійскаго", соч. Н. М. Карамзина", около того же времени.

12) „Существенныя свойства поэзіи и реторики", 1821 года.

13) Логика, 1821 года.

14) Баллады на малороссійскомъ языкѣ (числомъ 15), писанныя между 1822 и 1829 годами.

15) „Басни (числомъ 333), передѣланныя на малороссійскій языкъ съ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ баснописцевъ, также и собственнаго своего сочиненія, въ четырехъ частяхъ".

16) „Начальное основаніе римскаго права", представленное 20 іюня 1826 года министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, вслѣдствіе предложенія его чиновникамъ его вѣдомства отъ 26 января 1821 года и 12 февраля 1826 года; но въ 1831 году оно возвращено автору, такъ какъ „сочиненіе сіе, по разсмотрѣніи, не признано учебнымъ".

17) „Полный переводъ литовскаго статута".

18) Рѣшеніе на данную с.-петербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1825 году задачу: „извѣстно, что въ новороссійскихъ, малороссійскихъ и слободско-украинской губерніяхъ при посѣвѣ озими рѣдко употребляютъ унавоживаніе, полагая оное вреднымъ; между тѣмъ частые неурожаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣхъ губерній подаютъ причину сомнѣваться въ основательности сего мнѣнія. Общество предлагаетъ въ награду большую серебряную медаль тому поселянину, который въ тѣхъ губерніяхъ унавоживаніемъ озимой пашни получитъ урожай гораздо лучше своихъ сосѣдей, не смотря ни на какую погоду и мѣстоположеніе". Рѣшеніе послано въ закрытомъ пакетѣ 15 октября 1829 г.

19) „Зиновій Богданъ Хмельницкій. Историческая картина событій, нравовъ и обычаевъ XVII вѣка въ Малороссіи", въ трехъ частяхъ, 1829 года, съ позднѣйшими дополненіями.

20) „О заразительной болѣзни холерѣ", посланное въ 1831 году въ харьковское общество наукъ, въ с.-петербургское вольное экономическое общество и министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому, приглашавшему сообщать о способахъ леченія холеры, съ обѣщаніемъ вознагражденія въ 2500 рублей. Но медицинскій совѣтъ нашелъ, что объясненіе г. Белецкимъ-Носенкомъ происхожденія холеры весьма неправильно, а указываемыя имъ средства, извѣстныя и совѣту, дѣйствительно могутъ оказывать пользу въ началѣ болѣзни.

21) „Словарь герменевтическій, лингвистико-историческій, географическій, съ изъясненіемъ истиннаго смысла словъ застарѣлыхъ, вы-

шедшихъ изъ употребленія, находящихся въ лѣтописяхъ россійскихъ“, и проч., 1832 г., громадный фоліантъ.

22) „Иванъ Золотаренко“, драматическій разсказъ (истинное происшествіе), въ одномъ дѣйствіи, и „Историческія преданія о Иванѣ Золотаренко“, 1839 года.

Послѣ 1839 года мы не видимъ въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ П. П. Белецкаго-Носенка никакихъ корреспонденцій съ учеными обществами; но его учено-литературная производительность не прекращалась до 1846 года. Въ этотъ періодъ времени имъ составлены или окончены: 1) „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями“, 1839—1840 гг.; 2) „Эстетика“, 1840 года, съ позднѣйшими дополненіями, сдѣланными около 1845 года; 3) „Словарь малороссійскаго или юго-восточнаго русскаго языка, филологическій, этимологическій, съ показаніемъ частей рѣчи, окончательныхъ корней словъ, метаплазмовъ, идіотизмовъ, со сводомъ синонимовъ, съ пословицами и поговорками, составленный по произношенію, какъ говорятъ въ Малой Россіи и Южной Россіи“, 1841—1842 гг., съ предувѣдомленіемъ „о языкѣ малороссійскомъ“, заключавшій въ себѣ болѣе 20,000 статей; 4) „Грамматика малороссійскаго языка“.

Неизвѣстно, къ какому времени относятся переводы Павла Павловича на русскій языкъ слѣдующихъ произведеній: 1) Ода на счастіе, Руссо; 2) Бой съ дракономъ, Шиллера; 3) Гробница Агамемнона, баллада; 4) Сто басенъ, Мольво; 5) Лизморъ или замокъ клостернскій, романъ въ двухъ частяхъ, Шеридана,

Въ 1855 году П. П. Белецкій-Носенко былъ уже глубокимъ старцемъ и въ первый разъ удостоился печатнаго сочувственнаго отзыва о своихъ учено-литературныхъ трудахъ. Въ „Москвитянинѣ“ за этотъ годъ, въ „извѣстіи о трудахъ П. П. Белецкаго-Носенка“, между прочимъ, сказано: „сколько есть по мѣстамъ достойныхъ тружениковъ, которыхъ важные труды покоятся подъ спудомъ за недостаткомъ гласности, между тѣмъ какъ другіе, за ея излишкомъ, получаютъ незаслуженную извѣстность, даже славу, хоть и преходящую. Редакція недавно имѣла случай узнать о слѣдующихъ сочиненіяхъ и переводахъ одного престарѣлаго малороссійскаго литератора“. Перечисливъ важнѣйшія изъ этихъ сочиненій и переводовъ, „Москвитянинъ“ совѣтуетъ почтенному автору войти въ сношеніе съ академіей наукъ и отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, которое, вѣроятно, найдетъ средства воспользоваться такими важными трудами“. Но авторъ не воспользовался совѣтомъ „Москвитянина“ и, вѣроятно, вскорѣ умеръ. Въ 1871 и 1872 годахъ изданы были въ Кіевѣ его „Горпинида“ и „Приказки“, „Гостинецъ землякамъ і співи въ образнихъ річах“ и „Пасѣчникъ, или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи“, и

притомъ безъ всякихъ свѣдѣній о жизни автора и времени написанія этихъ сочиненій.

Нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію сочиненій П. П. Белецкаго-Носенка. Пересматривая длинный списокъ его переводовъ и сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія (свыше 60), невольно задаешься вопросомъ,—какая же собственно была его спеціальность? Онъ является въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ и эстетикомъ, и романистомъ, и философомъ, и историкомъ, и филологомъ, и этнографомъ, и врачемъ, и сельскимъ хозяиномъ, и проч. Недоумѣніе рѣшается просто, если мы припомнимъ время воспитанія Белецкаго-Носенка, эпоху царствованія Екатерины II, когда старались дать юношеству энциклопедическое образованіе и сдѣлать его способнымъ къ государственной службѣ всякаго рода. Для примѣра, достаточно указать на сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, въ которомъ, по уставу 1766 года, обучали всѣмъ наукамъ, художествамъ и гимнастическимъ искусствамъ, необходимымъ для совершеннаго образованія въ воинскомъ и гражданскомъ званіи, такъ чтобы „они могли, по выраженію Екатерины II, оставя предводительство надъ арміями, засѣдать въ сенатѣ, и оставя сенатъ, начальствовать надъ арміями". Конечно, такое универсальное образованіе имѣло ту невыгоду, что производило все-знаекъ, не имѣющихъ спеціальныхъ познаній ни по какой отрасли; но оно же сообщало широкій кругозоръ и извѣстнаго рода эластичность мысли, чуткость и воспріимчивость къ новымъ явленіямъ исторической жизни. Выгоды и невыгоды энциклопедическаго образованія испыталъ на себѣ и П. П. Белецкій-Носенко. Оставивъ военную службу, онъ вступилъ на учено-педагогическое поприще и пробовалъ себя во всѣхъ отрасляхъ знанія, но весьма часто терпѣлъ неуспѣхъ, потому что ни въ одной почти области знанія не съумѣлъ оріентироваться надлежащимъ образомъ. Съ другой стороны, универсальность его образованія дѣлала его весьма чуткимъ ко всякой новой мысли, ко всякому соціально-общественному и учено-литературному явленію. Онъ съ удивительною для нашего времени внимательностію слѣдилъ за движеніемъ современной ему науки и литературы въ Россіи и потому не остановился въ своихъ познаніяхъ и понятіяхъ на точкѣ замерзанія, какъ это часто бываетъ съ другими писателями, а постоянно старался идти въ уровень съ развитіемъ общественной и научно-литературной мысли. Это нужно сказать какъ о соціально-общественныхъ его убѣжденіяхъ, такъ и его учено-литературной дѣятельности.

Для характеристики первыхъ, мы обратимъ вниманіе на отношенія нашего автора къ крестьянскому вопросу. Свое разсужденіе о томъ, что выгоднѣе для хозяина, обработывать земли наемными людьми, или собственными крестьянами, онъ написалъ въ 1812 году, „будучи под-

стрекаемъ благостію мужей отличнѣйшихъ рвеніемъ для пользы общей и желая въ ней участвовать по возможности своихъ способностей". Здѣсь онъ прямо и рѣшительно старается доказать законность и государственную пользу крѣпостничества. ,,Какъ бѣдна та монархія,— восклицаетъ онъ,—гдѣ подданные своевольны! Какъ непрочно она соединена! Мы видѣли изъ переворотовъ имперій, сохраненныхъ намъ исторіей, и малыхъ владѣльцевъ, которые воздѣлываютъ свои поля наемниками. Такой владѣлецъ подобенъ главѣ какой-то демократической республики, или луккскому гольфалоніере, котораго наемники избираютъ на одинъ или на нѣсколько дней своимъ господиномъ; подчиненные его не страшатся, ибо они, когда захотятъ, могутъ его оставить. Напротивъ того, помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ... Не на этой ли благодѣтельной власти этихъ малыхъ монарковъ отчасти покоится непоколебимо дѣятельное могущество и слава Россіи?.. Самое то государство, въ которомъ помѣщики воздѣлываютъ свои земли собственными крестьянами,—дѣятельнѣе, богатѣе и, слѣдовательно, могущественнѣе". Но впослѣдствіи времени, подъ вліяніемъ новыхъ идей, тотъ же П. П. Белецкій-Носенко въ своихъ этнографическихъ этюдахъ высказывалъ просвѣщенное сочувствіе къ быту крестьянъ и даже выставлялъ на видъ дурныя наклонности и привычки помѣщиковъ. Говоря о ,,куницѣ", или выводныхъ деньгахъ за дѣвку, выдаваемую замужъ изъ владѣній помѣщика въ чужія руки, П. П. Белецкій-Носенко замѣчаетъ, что нѣкоторые подъ куницею разумѣютъ jus primae noctis. ,,Мнѣ извѣстно,—прибавляетъ онъ,—что одинъ покойный панъ хвалился самъ, что онъ не бралъ съ своихъ крестьянокъ куницу деньгами, а натурою, по праву господина въ Вольтеровой комедіи Le droit du Seigneur. Теперь бы онъ, вѣроятно, не поживился такою куницею". Неизвѣстный для насъ біографъ П. П. Белецкаго-Носенка передаетъ слѣдующій разсказъ о гуманныхъ отношеніяхъ нашего автора къ крестьянамъ. Однажды Павелъ Павловичъ встрѣтилъ на дорогѣ партію крестьянъ, изъ которыхъ одинъ ревѣлъ благимъ матомъ, и обратился къ его спутникамъ съ просьбой унять несчастнаго. ,,Да ні, добродію,—отвѣчали они,—це бачьте така оказія: прівівъ неботелицю на ярмарокъ, продавъ іі за десять рублівъ, да й сховавъ за пазуху червоний билетикъ. Отъ якъ прийшлось пить могоричъ, купивъ гарячу паляницу, одломивъ шматокъ, а решту й засунувъ зновъ за пазуху. Ість собі, балакае, почавъ й остатню половину істи; ажъ люде чогось зареготались, да й кажуть ему: що се ти, чоловіче, ісиш? дивись, якась папирка пріліпилась!.. Бідолага зіркъ, ажъ справді—бильшу половину чірвоного білетика умявъ вінъ зъ паляницею... Отъ и пійшовъ тоді репетувати". Послѣ такого объясненія, ,,червоний билетикъ" вылетѣлъ изъ

бумажника Павла Павловича, и неистовые крики замѣнились „щирою дякою“.

Еще болѣе прогрессивнаго развитія мы замѣчаемъ въ учено-литературной и собственно литературной дѣятельности нашего автора. Сначала П. П. Белецкій-Носенко былъ врагомъ малороссіянизма. Въ 1804 году А. Г—скій писалъ ему слѣдующее: „продолжайте вашу переписку со мною: она приноситъ мнѣ безмѣрное удовольствіе, ибо она не пахнетъ этимъ духомъ малороссіянизма, который я ненавижу“. Но, поселившись и живя въ Малороссіи, П. П. Белецкій-Носенко впослѣдствіи полюбилъ украинскій языкъ и литературу и старался идти въ уровень съ ихъ развитіемъ. Изъ его произведеній къ области украинской литературы относятся: 1) Горпинида; 2) Сказки, баллады, басни и пѣсни на малороссійскомъ языкѣ; 3) „Зиновій Богданъ Хмельницкій“—историческій романъ; 4) „Иванъ Золотаренко“; 5) „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями“, и 6) Словарь и грамматика малороссійскаго языка. Въ сферѣ этихъ произведеній мы можемъ различать три стадіи въ развитіи литературныхъ понятій и вкусовъ нашего автора, обусловливаемыя историческимъ ходомъ развитія малорусской литературы. Свою „Горпиниду“ Павелъ Павловичъ написалъ по подражанію „Энеидѣ“ Котляревскаго; его баллады и пѣсни явились подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, а въ историческихъ сочиненіяхъ „Зиновій Богданъ Хмельницкій“, „Иванъ Золотаренко“ и въ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ онъ является однимъ изъ провозвѣстниковъ славянскаго возрожденія и украинофильства.

„Горпинида чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэма въ трехъ писняхъ“ приготовлена была самимъ авторомъ для печати, хотя и не была издана при его жизни. Она есть не что иное, какъ переложеніе съ русскаго языка на украинскую рѣчь „Похищенія Прозерпины“ Котельницкаго, 1795 года. Да и это переложеніе сдѣлано было по образцу перелицованной „Энеиды“ Котляревскаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Горпиниды“:

Сміешся, жвава Піерида!
Дмухни въ мене тотъ самый жаръ,
Зъ якимъ спивалась *Енеида*.

Сюжетомъ ея служитъ пародированный миѳъ о похищеніи Плутономъ Прозерпины,—дочери Цереры, о поискахъ Цереры за нею и о свадьбѣ Плутона съ Прозерпиною. Какъ и Энеида Котляревскаго, Горпинида обладаетъ частными орнаментами, изображающими комическую сторону малорусской жизни, и намеками на современныя общественныя явленія. Прозерпина превращается здѣсь въ сельскую красавицу Горпину и собирается съ подругами въ лѣсъ на гулянье. Мать Церера

даетъ ей наставленіе, которое авторъ считалъ особенно пикантнымъ и повторялъ его нѣсколько разъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Церера говоритъ:

Що-сь дуже николи тоби!
Дивись! куда се захапалась?..
Охъ, доньку, цноты не згубы!
Избави Боже понедiлка,
Якъ витече криэь дно горилка!
Щобъ хомута не надѣвать... [1])
Нема якъ цнота для дивчины,
На зло й виситъ на волосини;
Якъ плюнуть—латво одырвать.
— А що-то, мамо, тая цнота?
Дочка у матери пита;
Я чула, кажуть, се пустота:
Чи прійде гарная въ літа,
Соби и знайде парубику,
Жартуя звяже те до вику,
Що вже нельзя іи згубить.
— Иди жъ, гуляй, моя Горпинка!
Якъ бачу, ты вже не дитинка:
Чи вже самій ни розсудить?

Когда дѣвицы гуляли въ лѣсу, въ это время Плутонъ, богъ ада, поѣхалъ въ Сицилію заткнуть провалъ, образовавшійся въ Этнѣ. Дорогой онъ заѣзжалъ въ Грѣхополь, любимый свой городъ.

Тамъ всяки знахорки, шептухи,
Що любощи дивкамъ даютъ;
Судьи, що для безвинныхъ глухи,
За гроши казятъ нашъ статутъ;
Вдовицъ и сиротъ обиждаютъ
И такъ на свитъ той спроважаютъ,
Покиль самихъ не стриска бисъ.
Тамъ душепагубны пранцюзы,
Що дома гнили на ланцузи,
А въ насъ зъ дитей псуютъ гульвисъ.
Багато е ліохивъ шальпанськихъ,
Де ядъ за вина продаютъ.

---

[1]) Въ понедѣльникъ, т. е. на другой день послѣ свадьбы, справляемой обыкновенно въ воскресенье, если молодая потеряла до брака цѣломудріе, матери ея подносили водку въ рюмкѣ съ заткнутой дырой и водили ее по селу въ хомутѣ. На эти обычаи и намекается здѣсь.

Въ заключеніе перелагатель обращается къ музѣ и говоритъ:

Покуда годи, муза жвава,
Повисьмо кобзу на гвоздокъ!
Се одъ бездилья лишь забава;
Прощай до будучихъ святокъ!
Бачъ, прійимаюсь зновъ за дило...
Тогди лети до мене смило,—
Мы зновъ заграемо зъ тобой,
Якъ вдохновенья жаръ почуемъ,
Для Вкрайны нове зкомпонуемъ
На наськой мови дидовской.

Но къ пародированнымъ поэмамъ нашъ авторъ не возвращался болѣе. Нѣкоторое время его занимала нѣмецкая эстетика и нѣмецкая литература. Въ его бумагахъ мы нашли двѣ эстетики въ нѣмецкомъ духѣ и „Словарь писателей нѣмецкихъ" за 1816 годъ. Плодомъ этихъ занятій въ литературномъ отношеніи были его баллады и пѣсни, большею частію переведенныя или передѣланныя съ нѣмецкихъ подлинниковъ. Болѣе раннее изъ этихъ произведеній есть романсъ „Завитная люлька", 1822 г., о которомъ прямо сказано, что онъ составленъ въ подражаніе нѣмецкому. Въ немъ выводится на сцену старый, искалѣченный гусаръ, идущій на богомолье въ Кіевъ. Голодный и усталый, онъ присѣлъ подъ тѣнью отдохнуть и закурилъ трубку, съ янтаремъ на мундштукѣ. Въ это время проѣзжалъ мимо въ каретѣ какой-то господинъ. Гусаръ-калѣка протянулъ къ нему руку за милостыней. Проѣзжій замѣтилъ у гусара дорогую трубку и посовѣтовалъ ему продать ее, вмѣсто того, чтобы просить подаянія; но инвалидъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ завѣтною трубкою, такъ какъ получилъ ее въ подарокъ отъ своего храбраго маіора, дѣлившаго съ нимъ боевыя опасности и убитаго подъ Измаиломъ. Оказалось, что храбрый маіоръ приходился дѣдомъ проѣзжему господину, который послѣ этого взялъ къ себѣ инвалида на содержаніе, а инвалидъ передалъ ему въ наслѣдіе „завѣтную люльку".—Баллада „Ивга" написана у Белецкаго-Носенка тою мѣрою, какъ по-нѣмецки написалъ ее Бюргеръ.

Языкъ этихъ стихотвореній, равно какъ и „Горпиниды", довольно нечистъ и тяжеловатъ и притомъ же скованъ размѣрами тоническаго стихосложенія. Для примѣра, приведемъ его „Романсъ, подражаніе Гете", посвященный соотечественницамъ, съ эпилогомъ изъ И. Козлова: „Милъ напѣвъ земли родной изгнаннику въ странѣ чужой".

Я згадую тебе, ты на уми одна:
Якъ зирька ясная на всходи загорытся;
Якъ мисяца чоло жемчужне, въ добу сна,

Кризь легкихъ хмаръ въ води, задумавшись глядытся,—
Ты на уми одна!
Тебе лишъ бачу я, ты все въ моихъ очахъ:
Де витеръ на шляху густую пыль здыймае,
Де тинь дорижніого, по стежци на горахъ,
Манячить и мелька, якъ сонечко сидае,—
Ты все въ моихъ очахъ!
Я прислухаюся, твій чую голосокъ:
Якъ рудка въ осоци крій берега хвылытся;
Якъ шепчется въ садку зъ трояндой витерокъ,
Або, якъ соловій крій него голосытся,—
Твій чую голосокъ!
Ой де бъ ты ни була, нема разлуки намъ:
Усе крій мене ты, якъ ангелъ легкокрылый!..
Живу съ тобою туть—съ тобою буду тамъ,
Де непробудный сонъ—пидъ дерпью у могилы
Нема разлуки намъ!..

Впослѣдствіи времени Павелъ Павловичъ, кажется, вовсе перестал писать стихи и обратился къ историческимъ романамъ и драматическимъ разсказамъ. Переворотъ этотъ совершился въ немъ съ одной стороны подъ вліяніемъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, пролившей новый свѣтъ на прошедшія судьбы нашего отечества, съ другой стороны—подъ вліяніемъ историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, Загоскина, Булгарина и др. Плодомъ этихъ вліяній были, главнѣйшимъ образомъ, два произведенія нашего автора: „Зиновій Богданъ Хмельницкій, историческая картина событій, нравовъ и обычаевъ XVII вѣка въ Малороссія", 1829 года, съ позднѣйшими дополненіями, и „Иванъ Золотаренко, драматическій разсказъ (истинное происшествіе) въ одномъ дѣйствіи", 1839 года.

Въ предисловіи къ роману „Зиновій Богданъ Хмельницкій" авторъ говоритъ о немъ слѣдующее: „любители изящной словесности читаютъ съ удовольствіемъ историческія картины Вальтеръ-Скотта, Булгарина, Загоскина, и справедливо хвалятъ ихъ: они переносятъ воображеніе въ тѣ любопытныя времена, кои они живописали, и заставляютъ насъ принимать живѣйшее участіе въ нихъ. Исторія повѣствуетъ съ важностью для соображеній одного разума достопамятнѣйшія происшествія; но романтическія картины, живописуя нравы и духъ времени, занимаютъ разумъ и воображеніе, чтобы кроткими страстями согрѣть сердце. Кліо важная, пламенная Мелпомена, веселая Талія согласно ихъ составляютъ. Я осмѣливаюсь представить любителямъ отечественной старины опытъ подобной исторической картины нравовъ и обычаевъ XVII вѣка. Почту себя счастливымъ, если принесу удовольствіе

имъ. Цѣль сего сочиненія, притомъ, оправдать предъ лицемъ свѣта народъ и предводителя его, коихъ историки польскіе, французскіе и нѣмецкіе, переписывавшіе одинъ у другаго клеветы, описали самыми черными красками: называютъ просто разбойниками, сокрывъ истинныя причины, принудившія ихъ поднять оружіе противъ своихъ угнетателей, сражаться болѣе 60-ти лѣтъ, освирѣпѣть не хуже того, какъ и всѣ обитатели западной Европы того времени [1]).

Соотвѣтственно съ своею цѣлью, онъ прежде всего обратился къ историкамъ и историческимъ матеріаламъ и, кромѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, пользовался „Исторіей Малой Россіи“ Н. Бантышъ-Каменскаго и особенно лѣтописью съ именемъ Георгія Кониссскаго, тогда еще не изданною. Для оживленія же историческаго матеріала нашъ авторъ нерѣдко прибѣгалъ къ народнымъ историческимъ преданіямъ. При помощи этихъ источниковъ и средствъ, онъ представилъ Богдана Хмельницкаго и его сподвижниковъ истинными патріотами, которые, желая блага Украинѣ, видѣли невозможность этого блага подъ владычествомъ польскимъ и сознательно стремились къ возсоединенію Малороссіи съ Россіей. Существенная причина и цѣль козацкихъ войнъ съ поляками при Богданѣ Хмельницкомъ выражены въ романѣ въ слѣдующемъ разговорѣ между Дамьяномъ Многогрѣшнымъ и Максимомъ Кривоносомъ:

„*Дамьянъ*. Знаешь ли, на чемъ основана эта война? Мы одни дѣйствуемъ прямодушно: мы защищаемъ наши пепелища, истинную вѣру и права. Враги наши, подъ личиною своей ложной вѣры или изувѣрства, дѣйствуютъ страстями: корыстолюбіе и слѣпая месть ими управляютъ. Король же думаетъ въ мутной водѣ ловить рыбу: ему хочется пріобрѣсть надъ буйными головами вельможъ самовластіе. Онъ изъ-подъ руки ласкаетъ насъ; ибо знаетъ, что съ помощью русской сабли ему легко покорить Польшу и даже Швецію. Столько страстей нельзя согласить. Всякій думаетъ: лишь бы мнѣ хорошо, пусть остальное гибнетъ.

Максимъ. Ты мнѣ открылъ глаза. Это безконечная война“.

Тогда какъ Польша страдала разнузданностью страстей и безурядицею, самодержавная Москва, напротивъ, не смотря на грубость своихъ нравовъ, представляла всѣ выгоды единодушія государственныхъ сословій, хотя и пассивнаго, справедливости, тишины и спокойствія. Эти нравственныя преимущества московскаго государства, въ связи

---

[1]) Преимущественно, кажется, онъ имѣлъ въ виду Annales de la petite Russie ou Historie des Casaques Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, et caet. par Jean Benoit Scherer, et caet. Paris. 1788.

съ единовѣріемъ, окончательно склонили Малороссію и Богдана Хмельницкаго въ пользу Россіи.

Обращаясь къ частностямъ романа, мы и въ нихъ нерѣдко видимъ яркую тѣнь исторической правды, но далеко не всегда. Рѣзко бросаются въ глаза историческіе анахронизмы романа, въ родѣ того, напримѣръ, что Семенъ Палѣй является младшимъ сотрудникомъ Богдана Хмельницкаго, и что во время жизни этого гетмана будто бы вполнѣ образовался старообрядческій расколъ въ московскомъ государствѣ. Нельзя думать, чтобы самъ П. П. Белецкій-Носенко не замѣчалъ подобныхъ историческихъ несообразностей: онъ сознательно, кажется, допускалъ ихъ, по обычаю того времени, чтобы представить полную картину русскихъ нравовъ и обычаевъ всего XVII вѣка, хотя бы на основаніи и разновременныхъ фактовъ. Поэтому у него вокругъ Богдана Хмельницкаго сгруппированы всѣ важнѣйшіе малорусскіе дѣятели XVII вѣка, хотя многіе изъ нихъ и не имѣли непосредственныхъ связей съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Страннѣе для насъ кажется анахронизмъ литературный въ романѣ Белецкаго-Носенка, который позволилъ себѣ помѣстить здѣсь переводныя басни и баллады Лафонтена и Бюргера и даже выдержки изъ собственной поэмы „Горпинида", написанныя, притомъ же, тоническимъ размѣромъ. Кажется, этотъ грѣхъ сознавалъ за собою и самъ Белецкій-Носенко и старался загладить его со временемъ. Уже въ первой редакціи романа записано много народныхъ историческихъ преданій, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о разумномъ взглядѣ автора на дѣло. Эти преданія легко отдѣлить при помощи позднѣйшихъ этнографическихъ и лингвистическихъ замѣтокъ автора, въ которыхъ они повторяются въ болѣе исправномъ и чистомъ видѣ. Таковы преданія объ Иванѣ Золотаренкѣ, о насиліяхъ уніатовъ, о княгинѣ Сангушкиной, запершей разбойниковъ въ подвалъ, о гадячской полковницѣ, обреченной толпою на сожженіе за чародѣйство, о топленіи вѣдьмъ въ Гадячѣ при полковникѣ Гладкомъ, и проч. Но въ позднѣйшихъ добавленіяхъ къ этому роману, писанныхъ около 1839 года, еще болѣе замѣтно заимствованія изъ народныхъ преданій. Ко второй главѣ второй части романа приписанъ поэтическій разсказъ о козакѣ Оманѣ, который покумился со смертью и при помощи ея исцѣлялъ людей, а въ заключеніе самъ сдѣлался ея жертвою, послѣ двукратнаго предостереженія, какое давала ему смерть въ видѣ сѣдыхъ волосъ и потери зубовъ.

Мы приведемъ одно историческое преданіе, встрѣчающееся въ романѣ „Зиновій Богданъ Хмельницкій", которое легло потомъ въ основаніе драматическаго разсказа „Иванъ Золотаренко", не дошедшаго до насъ въ полномъ видѣ. Преданіе это разсказывали автору мать его,

племянница архіепископа Георгія Конисскаго, и бывшій Гоголевскій сотникъ Шумъ, женатый на сестрѣ того же Георгія, въ 1798 году. „Иванъ Никифоровичъ Золотаренко, славный впослѣдствіи наказный гетманъ малороссійскій при взятіи Смоленска въ 1654 году, сентября 10, родился въ Корсунѣ отъ дворянина, обучался въ кіево-братской академіи, былъ ума необыкновеннаго, чрезвычайно изобрѣтательнаго, такъ что въ тотъ темный вѣкъ прослылъ волшебникомъ. Разсказываютъ о безчисленныхъ его проказахъ съ поляками, жидами и гайдамаками, которыхъ онъ всегда преслѣдовалъ и губилъ, когда находилъ къ тому случай. Между прочимъ повѣствуютъ, какъ онъ волшебнымъ фонаремъ, который самъ случайно изобрѣлъ и сдѣлалъ, при помощи такихъ же шалуновъ, какъ самъ, напугалъ и выгналъ монаховъ католическихъ, которые насильно овладѣли однимъ православнымъ монастыремъ въ Кіевѣ. Наконецъ, послѣ многихъ его проказъ и фокусовъ, которыми изумлялъ всѣхъ, его всѣ признали волшебникомъ и, по повѣрью того времени, хотѣли пытать и сжечь живымъ на кострѣ. Золотаренко принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Кіева въ Запорожье. Однажды на ночлегѣ пришли въ ту корчму, гдѣ онъ отдыхалъ, разбойники. Онъ ихъ одурачилъ мнимыми волшебствами и, ослѣпивъ, связалъ и предалъ въ руки правосудія. Непостижимая храбрость его пронесла о немъ молву, даже между поляками, будто его не беретъ ни пуля, ни ядро пушечное. Его убилъ въ Старомъ Быховѣ подкупленный органистъ Томашъ серебряною пулею, освященною въ чашѣ причащенія съ латинской надписью изъ священнаго писанія“.

Это замѣчательное преданіе объ Иванѣ Золотаренкѣ, разсказанное еще въ XVIII вѣкѣ, показываетъ, какой драгоцѣнный запасъ историческихъ народныхъ преданій хранился въ памяти Белецкаго-Носенка, и какую важную услугу онъ могъ бы оказать малорусской этнографіи и исторіи. Подъ старость лѣтъ, благодаря пробудившемуся тогда стремленію къ изученію славянскихъ народностей, Белецкій-Носенко сталъ собирать малорусскія слова и записывать народные обычаи, обряды и суевѣрія и, кромѣ мелкихъ замѣтокъ, составилъ довольно капитальные труды: „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ“ и „Словарь малороссійскаго или юго-восточнаго русскаго языка“, съ историческимъ предисловіемъ и „Грамматикой малороссійскаго языка“, до насъ не дошедшей. Въ предувѣдомленіи къ словарю онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Живя и служа въ Малороссіи болѣе 40 лѣтъ, я могъ постигнуть духъ народа и языка его, и когда я увидѣлъ на западѣ и юго-западѣ движеніе всѣхъ славянскихъ племенъ возродить свою письменность, я почувствовалъ въ себѣ смѣлость приняться за составленіе частной грамматики и словаря малоруссовъ, какъ языка одного изъ богатѣйшихъ нарѣчій славянскихъ“.

Особенное значеніе имѣютъ для насъ „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ". Принадлежа по своему воспитанію къ XVIII вѣку, Белецкій-Носенко описываетъ здѣсь не только то, что самъ видѣлъ, но и то, что происходило не за его память; слѣдовательно, его свѣдѣнія о народныхъ обычаяхъ, обрядахъ и суевѣріяхъ отличаются глубокою стариною, теперь уже вымершею или вымирающею. Въ иныхъ случаяхъ этнографическія его свѣдѣнія еще носятъ отпечатокъ удалаго и безшабашнаго козачества и могутъ служить къ уясненію этнографическаго элемента въ болѣе раннихъ малорусскихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненка, Гоголя, Олексы Стороженка и др. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ труда Белецкаго-Носенка.

„Въ Ивановскую ночь всѣ вѣдьмы, намазавшись сокомъ изъ мнимой травы *тирличъ*, вылетали сквозь печную трубу, иная на ухватѣ, другая на помелѣ или на лушнѣ отъ воза, другая верхомъ на упыряхъ, и собирались въ Кіевѣ на Лысую гору или въ садъ Кучинскаго совершать оргіи съ бѣсами и вѣдьмами. Когда вѣдьма больна и не можетъ ѣхать верхомъ, то для спокойной ѣзды садится въ простую ступу, въ которую впрягаетъ двухъ упырей или нетопырей. Когда умираетъ, то не можетъ испустить духъ, доколѣ не взорвутъ надъ нею потолка. Когда она бродитъ въ ночи доить коровъ, распускаетъ свои волосы и намитку и представляетъ бѣлое привидѣніе, отъ котораго всѣ убѣгаютъ или прячутся; собаки съ воемъ и поджатымъ хвостомъ прячутся отъ нея и не смѣютъ на нее бросаться: она знаетъ, какъ ихъ проучить. Въ глазахъ пьяныхъ она превращается въ бѣлую кошку, въ свинью и въ собаку, а чаще въ клубокъ, который прямо катится подъ ноги и бѣдныхъ сшибаетъ въ грязные рвы и лужи. Иногда, обмывши больной членъ непочатою водою *трійчи, двійчи, разъ*, показываетъ въ мискѣ кровь; она также читаетъ ночью по *зирямъ* (звѣздамъ), какъ дьячекъ псалтирь. *Не за нашей* памяти вѣрили, что она можетъ превращаться въ дымъ и летать сорокою; огненный змѣй приноситъ къ ней клады. Говорятъ, что однѣ бываютъ *родимыя*, у которыхъ есть хвосты, и другія *ученыя*, хитрыя и злыя, наученныя разславлять о себѣ всякій вздоръ и всегда дѣйствовать отважно, будучи увѣренными, что ихъ всѣ боятся и отъ нихъ бѣгутъ, потому что на нихъ не дѣйствуетъ никакое оружіе, ни дерево, кромѣ осиноваго, изъ котораго можно сдѣлать тонкую палочку и должно бить не прямо, а на отмахъ назадъ, что не всякій знаетъ, и въ торопяхъ очень неловко. Не будучи одарены хвостомъ, онѣ не могутъ летать на Лысую гору. Всѣмъ извѣстно, какъ онѣ крадутъ дождь на дно колодязей, и какъ въ засухи собирали всѣхъ старыхъ бабъ въ прошедшемъ столѣтіи не только у насъ въ Малороссіи, но и въ Германіи и во Франціи, и топили ихъ, чтобы вынудить дождь, или открыть виноватую вѣдьму, которая, будучи

связана за руки и ноги на-крестъ, всплываетъ непремѣнно, какъ коровай свинаго сала. Вѣдьмы снимаютъ также *зирки*, перечищаютъ ихъ и опять на небо вставляютъ. За 40 лѣтъ прежде того въ одномъ полковомъ городѣ (Гадячѣ) козаки и жены ихъ среди площади складывали костеръ дровъ, таскали сухой хворостъ и солому, чтобъ сжечь свою полковницу, которая возбудила своею красотою и богатствомъ одеждъ и уборовъ общую зависть, по доносу нѣсколькихъ бабъ, на сходкѣ у колодца. Основываясь на законѣ того времени—„два козака судятъ третьяго, а паче громада", „громада—великій панъ", бѣшеныя бабы принудили своихъ козаковъ, не смотря на могущество и власть своего полковника, осудить на всесожженіе его супругу. Весь городъ взволновался. Несчастный мужъ прибѣгнулъ къ помощи *благочестиваго* (православнаго) соборнаго протоіерея, котораго всѣ боялись и почитали. Старецъ вышелъ къ народу въ церковномъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ; знаменіемъ крестнымъ укротилъ волненіе и сильнымъ поученіемъ погасилъ возгорѣвшійся костеръ. Въ чемъ же состояло обвиненіе? У гетманши [1]) не было дѣтей. Этому причина была полковница: она сняла *зирку*, засадила ее въ *глекъ* (кувшинъ), заткнула пеленою и такъ закопала въ криницѣ, что подъ горою Никольскаго монастыря".

Около 1800 года Белецкій-Носенко наблюдалъ малороссійскіе свадебные обряды и записалъ нѣкоторые такіе, кои могли имѣть мѣсто только въ XVIII вѣкѣ. „Въ городѣ полковомъ,—говоритъ онъ,—у богатыхъ гражданъ и чиновниковъ совершалось таинство вѣнчанія торжественнѣе: молодыхъ передъ папертью церковною встрѣчали команда пѣшихъ козаковъ съ ружьями, *сурначи* (трубачи) и *довбишъ* съ *накрами* (литаврщикъ съ литаврами), съ честью. Молодымъ подстилали въ церкви коверъ, на него подъ ноги клали серебряныя деньги, которыя застилали кускомъ шелковой матеріи. По выходѣ изъ церкви, козаки опять отдавали молодымъ честь; сурны и накры и стрѣльба изъ ружей оглашали воздухъ. Зимою, послѣ брачнаго обѣда, въ городахъ, у богатыхъ, устраивали нѣчто въ родѣ маскерада. Связываютъ вмѣстѣ нѣсколько *гринжалъ* (большихъ полозьевъ), замащиваютъ ихъ досками, застилаютъ коврами, ставятъ накрытые столы съ напитками и скамьи, впрягаютъ нѣсколько паръ воловъ съ позолоченными рогами, у которыхъ на лбу навязаны красныя ленты и пучки барвинку и калины. Гости, переодѣвшись въ разные смѣшные костюмы, садятся на нихъ и

---

[1]) Белецкій-Носенко допустилъ анахронизмъ: за 40 лѣтъ передъ тѣмъ не было уже гетмана. Подобное было, по свидѣтельству лѣтописи Самовидца, въ концѣ XVII вѣка, при гетманѣ Самойловичѣ.

съ музыкантами проѣзжаются по улицамъ: все пляшетъ и смѣется при стеченіи народа".

„Въ настоящее время вышли изъ употребленія и *чуберачки*. Въ старинныя времена дѣды наши совершали подъ этимъ названіемъ вакханаліи (попойки). Это слово составлено изъ двухъ: *чубъ* (хохолъ, обритая голова) и *рачки* (ползкомъ, подобно раку). *Чубе*—звательный падежъ, требующій глагола въ повелительномъ наклоненіи: ползай, кланяйся въ поясъ, пресмыкайся. Гуляли такъ: постилали на полу среди комнаты коверъ, ставили чашку съ вареною, т. е. наливкой, сваренной съ медомъ или сахаромъ, съ пряными кореньями; кругомъ чаши ставили кубки и чары. Вся честная компанія ложилась на коврѣ съ бакхическими пѣснями, у которыхъ припѣвомъ было: *чубе-рачки*! Гуляли, плясали и пили *до положенія ризъ*, какъ тогда выражались, просто на-повалъ, потому что тутъ же засыпали и проводили ночь. Были примѣры, что въ такихъ оргіяхъ участвовали и женщины, хотя по выраженію *чубе-рачки* касалось это только до чубовъ, а не до *очипковъ* (чепцовъ); но дѣвицы—никогда".

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о малорусскомъ словарѣ П. П. Бѣлецкаго-Носенка или, скорѣе, о предисловіи къ этому словарю. „Я не вносилъ въ мой словарь,—говоритъ авторъ,—тѣхъ словъ, которыя принадлежатъ безъ всякаго различія языку великорусскому и малорусскому, а только тѣ, которыя или совершенно отличны, или разнятся произношеніемъ и слѣдовательно правописаніемъ. Я придерживаюсь строго произношенія обитателей полтавской губерніи и прикосновенныхъ къ ней кіевской, волынской, подольской, южной части черниговской, екатеринославской, харьковской и проч., какъ потомковъ древнихъ Полянъ и Угличей. Вотъ причина, почему словарь мой содержитъ въ себѣ только нѣсколько десятковъ тысячъ словъ".— Исторія малороссійскаго языка можетъ быть раздѣлена на три періода: I) отъ самодревнѣйшихъ временъ до покоренія Кіева монголами; II) до присоединенія Южной Россіи къ Польшѣ при великомъ князѣ литовскомъ Ягеллонѣ 1383 гоода и подъ игомъ Польши и уніи до славнаго гетмана Богдана Зиновія Хмельницкаго, поддавшагося Россіи въ 1654 году, и наконецъ III) новѣйшій отъ Хмельницкаго до нашихъ временъ.

„Періодъ I. Искони надъ славянами-Полянами, Угличами и другими владѣли Готөы, до временъ Эрманариха ихъ короля, котораго побѣдилъ бичъ Божій Атила, гуннскій царь, наложившій дань впослѣдствіи на обѣ римскія имперіи. Отъ владѣній Готөовъ остались въ языкѣ безчисленные лингвистическіе памятники словъ, необходимыхъ въ просторѣчіи, напримѣръ: плугъ—pflug; хлибъ въ Ульфиловой библіи—chlaibs; гараздъ—garazds; муснти—müssen; мандровати, вандровати—

wandern; паламарь (пономарь)—palmer; мордовати—morderu, и проч. Когда тѣже Готѳы, подъ названіемъ варягоруссовъ или норманновъ, положили основаніе русскому государству (въ 862 году), то множество ихъ словъ еще болѣе усвоилось языку Полянъ; а до того вкрались въ него многія азіатскія выраженія отъ Гунновъ, Козаровъ, Печенеговъ, Касоговъ, Торковъ, Берендѣевъ, Черныхъ Клобуковъ и проч., построившихъ города на Днѣпрѣ и Роси, а впослѣдствіи отъ Половцевъ, Монголовъ и Крымцевъ. Вотъ нѣкоторыя изъ очень многихъ азіатскихъ словъ: сарай, амбаръ, башка, базаръ, буздыгарня, бардакъ, бурдюгъ, кавунъ, гарбузъ, баштанъ, козакъ, гайдамакъ и проч. Со введеніемъ православной вѣры равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ (988 г. по Р. Хр.), съ новыми понятіями явились и новыя слова изъ греческаго,—богословскія, догматическія и церковныя. Изъ нихъ многія остались въ испорченномъ видѣ у простаго народа, напримѣръ: бискупій, проскура, пипъ, архипатрика, крутопипъ, калугеръ, катавласія, типикъ, вовкулака (изъ врохулахасъ), крилосъ, опитемья и проч.

„II Періодъ польско-запорожскій. Запорожцы составили себѣ особое условное нарѣчіе, смѣсь изъ всѣхъ славянскихъ, принявшихъ общую опоку (форму) этимологическую славяно-церковнаго. Для окончательныхъ корней отношеній стали превращать разные звуки въ иные, ввели многіе метаплазмы, т. е. усѣченія и вставки, безъ перемѣны значенія, и проч. Такимъ образомъ въ южной Россіи отразилось новое нарѣчіе простонародное, и вошло въ употребленіе говорить: вмѣсто медвѣдь—ведмидь, рыцарь—лыцарь, воробей—горобець, мописто—намисто, и проч. Къ этому присоединилось еще вліяніе польскаго и еврейско-нѣмецкаго языковъ. Доказательствомъ польскаго вліянія служатъ многіе универсалы (грамоты, манифесты) и акты судебные, тогда писанные. Здѣсь открылось свободное поле писарямъ (секретарямъ) повѣтовымъ, полковымъ, войсковымъ, показать сколько можно своей бойкости и запестрить свой слогъ польско-латинскими оборотами и словами, чтобы отмѣниться отъ языка поспольства (простонародья). Вкралось также множество испорченныхъ нѣмецко-жидовскихъ словъ, напримѣръ: кгвалтъ, шинкъ, оренда, ранда, оландаръ, лихтарь, мешензъ, пранциберъ, рахунокъ, талирка, кварта, кербель и проч.

„III новѣйшій періодъ отъ Богдана Хмельницкаго (1654) до нашихъ временъ. Въ это время южно-русскій или малороссійскій языкъ принялъ первобытную чистоту славяно-церковнаго, сроднился съ чистымъ россійскимъ, очистился отъ несвойственнаго, испорченнаго латинизма, смягчился и сдѣлался способнымъ такъ, что на немъ можетъ быть выражено все, что есть написано на всѣхъ языкахъ“.

Лингвистическіе труды П. П. Белецкаго-Носенка представляются для нынѣшнихъ филологовъ наивными и устарѣлыми; но не слѣдуетъ

забывать, что они составлены еще въ 1841—1842 годахъ, и что самъ Белецкій-Носенко по своему воспитанію принадлежитъ къ эпохѣ царствованія Екатерины II.

3

Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій [1]).

Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій (1790—1865 г.), сынъ священника, родился 16 января, 1790 года въ м. Смѣлой, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи. Н. И. Костомаровъ, жившій у Петра Петровича во время своего студенчества, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него неразъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла принадлежала еще Польшѣ, отличался горячею привязанностью къ Россіи, за то, что въ 1789 году, во время смутъ, бывшихъ въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны поляковъ. Въ память этого событія, старикъ до смерти хранилъ тотъ пукъ розогъ, которымъ его истязали, въ кіотѣ, какъ святыню, вмѣстѣ съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ послѣ смерти отца этотъ пукъ розогъ, вмѣстѣ съ кіотомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, причемъ входилъ во всѣ подробности приключенія. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отданъ въ кіевскую академію, гдѣ натерпѣлся всего, и даже однажды, послѣ большаго пожара (1811 г.), который истребилъ чуть не половину Кіева, дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя онъ собиралъ на базарной площади. Въ кіевской академіи Артемовскій не окончилъ курса, по случаю закрытія ея предъ преобразованіемъ въ 1819 году, и въ 1817 г. перешелъ въ харьковскій университетъ, попечителемъ котораго состоялъ польскій магнатъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Здѣсь Артемовскій записался вольнослушателемъ университетскихъ лекцій и въ тоже время опредѣлился препо-

[1]) Источники указаны въ „Покажчикѣ новоі украинськоі літератури" М. Комарова, Кіевъ, 1883 г. Къ нимъ можно прибавить еще: „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ", Геннади, т. I, Берлинъ, 1876 г., стр. 47, и брошюру Д. Мордовцева „За крашанку писанка", С.-Петербургъ, 1882 года, стр. 12, гдѣ приводится отрывокъ изъ одного стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго.

давателемъ польскаго языка. Въ 1818 году онъ является преподавателемъ въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а съ 1820 года читаетъ въ университетѣ лекціи русской исторіи, географіи и статистики. Въ этомъ же году онъ выдержалъ кандидатскій и затѣмъ магистерскій экзаменъ, защитивъ въ 1821 году диссертацію „О пользѣ исторіи всеобщей и преимущественно отечественной и о способѣ преподаванія послѣдней". Въ январѣ 1823 года онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ, чему будто бы обязанъ былъ своей институтской службѣ. Съ 1831 года Артемовскій былъ инспекторомъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, а съ 8 декабря 1841 года, до выхода въ отставку въ 1849 году, и ректоромъ университета. За это время г. де-Пуле представляетъ его намъ какъ плохаго профессора, представителя чиновной, казенной учености, которою онъ импонировалъ вездѣ и всюду, и на администрацію, и на все тогдашнее харьковское общество. Но оставивъ университетъ по поводу непріятной исторіи съ однимъ студентомъ-грузиномъ, Артемовскій не оставлялъ института; въ началѣ 1854 года онъ производитъ экзаменъ въ полтавскомъ институтѣ. Артемовскій умеръ въ 1865 году.

Кромѣ магистерской своей диссартаціи, П. П. Гулакъ-Артемовскій напечаталъ: рѣчь при открытіи курса его, во 2 № ,,Украинскаго Вѣстника", за 1819 годъ; рѣчь 1 сентября 1828 года отдѣльной брошюрой, и диссертацію De expediendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis, 1827 года. Но въ область литературной исторіи онъ входитъ своими стихотвореніями, которыхъ насчитывается свыше сорока.

Первыя его стихотворенія были писаны на русскомъ языкѣ и помѣщались въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" за 1817 годъ. Это были переводы съ иностраннаго на русскій языкъ, какъ напримѣръ: „Ослѣпленіе смертныхъ", изъ Жанъ-Жака Руссо, „Мученіе Сатаны при воззрѣніи на Эдемъ", изъ Мильтонова „Потеряннаго рая" и „Пророчество Іодая" изъ Расиновой „Гоѳоліи". Но не смотря на то, что переводъ этихъ произведеній былъ вольный, языкъ его отличается напыщенностію и тяжеловатостію. Вотъ какъ, напримѣръ, Артемовскій начинаетъ свой переводъ ,,Пророчества Іодая":

Но что? куда мой духъ смущенный воспаряетъ?
Какой священный страхъ составъ мой потрясаетъ?
Не духъ ли Еговы, во образѣ огня
Объемля грудь мою, вдругъ озарилъ меня?

Гулакъ-Артемовскій и самъ чувствовалъ неуклюжесть своихъ переводовъ и задавался вопросомъ объ отношеніи церковно-славянскаго языка къ чистому русскому въ литературныхъ произведеніяхъ. Посылая „Пророчество Іодая" въ „Украинскій Вѣстникъ", онъ писалъ издателямъ его слѣдующее: ,,Вы мнѣ скажете, что въ сей піесѣ есть

много славянскихъ выраженій. Это правда. Но мнѣ казалось, что въ подобныхъ случаяхъ онѣ неизбѣжны, и не взирая на нынѣшнія усилія замѣнить ихъ чистымъ русскимъ языкомъ, я осмѣливаюсь предполагать, что или изгнаніе славянскаго языка изъ круга нашей словесности (разумѣется, въ духовныхъ матеріяхъ) не принадлежитъ нашему вѣку, или заставитъ вѣкъ нашъ жалѣть объ изгнаніи онаго. Одно только время можетъ пріучить народное ухо съ такимъ же благоговѣніемъ слушать пророковъ, говорящихъ по-русски, съ какимъ оно внимаетъ имъ, выражающимъ высокія, божественныя и таинственныя истины на славянскомъ языкѣ" [1]). Очевидно, въ этихъ словахъ выразилось колебаніе автора между шишковцами и карамзинистами. Съ дѣтства привыкнувъ къ украинской рѣчи и воспитавшись на церковно-славянскихъ книгахъ, Артемовскій не могъ хорошо владѣть живою литературною рѣчью русскою и всегда отличался напыщенностію и высокопарностію своихъ выраженій на русскомъ языкѣ, а потому въ приведенномъ письмѣ, повидимому, склонялся на сторону шишковцевъ и считалъ необходимымъ участіе церковно-славянскаго языка въ литературной рѣчи. Но скоро, даже въ томъ же 1817 году, онъ началъ писать свои малорусскіе стихи, которые были прямымъ осуществленіемъ правила карамзинистовъ „писать какъ говорятъ, и говорить какъ пишутъ", въ примѣненіи этого правила въ украинской литературѣ. Эти-то малорусскіе стихи, печатавшіеся въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", „Славянинѣ" 1827 г. и „Утренней Звѣздѣ" 1834 г., собственно и доставили Артемовскому литературную его славу. Они пріобрѣли чрезвычайную популярность,—и можно встрѣтить много малороссовъ, знающихъ большую часть ихъ наизусть. „Артемовскій-Гулакъ,—по словамъ Н. И. Костомарова,—былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова было обратился къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ".

Изъ малорусскихъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія: 1) Справжня добрість (до Грицька Основъяненка), 17 сентября 1817 года; 2) Панъ та собака (казка), 2 декабря, 1818 г., съ эпилогомъ изъ польскаго писателя Красицкаго: Pies szczekał na złodzieja, całę noc się trudnił; 3) Супплика до Грицька Основъяненка, при посылкѣ ему казкі „Панъ та собака"; 4) Солопій та Хивря, або горохъ при дорозі (казка), 25 сентября,

---

[1]) „Украинскій Вѣстникъ". 1817 г., стр. 224 и сл.

1819 г.; 5) Тюхтій та Чванько (подбрехенька), 1 ноября, 1819 г.; 6) Де-що про того Гараська (Горація), 2 ноября 1819 года; 7) Три приказки: „Ликарь и здоровье“, „Цикавий и Мовчунъ“ и „Дурень и Розумный“, 1 декабря 1820 г.; 8) Твердовскій, малороссійкая баллада, напечатанная въ 1827 году; 9) Рибалка (баллада), съ эпилогомъ изъ Гете, 26 октября 1827 г.; 10) Батько та синъ, 29 октября 1827 г.; 11) Дві пташкі в клітці, 1 ноября 1827 г,; 12) Пліточка (байка), 4 ноября 1827 года; 13) До Пархіма, два посланія, 4 и 5 ноября 1827 14) Раскаяніе Охрима (до Грицька Основъяненка), съ эпилогомъ изъ Горація, 26 февраля 1828 г.; 15) До Терешка, съ эпилогомъ изъ Горація, 1831 г.; 16) До Грицька Основъяненка, съ эпилогомъ изъ Горація, 20 февраля 1832 г.; 17) До Любки, съ эпилогомъ изъ Горація, 16 марта 1856 г., переведенное Фетомъ на русскій языкъ; 18) Текла річка невеличка,—стихи, переложенные на ноты харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ († 1883 г.), неизвѣстнаго года; 19) Упадокъ вѣка, съ эпилогомъ изъ Лермонтова „печально я гляжу на наше поколѣнье“, 24 марта 1856 г., и 20) стихи П. А. Кулишу, писанные незадолго передъ смертью.

Мысль примѣнить карамзинское правило къ украинской рѣчи, вѣроятно, навѣяна была Гулаку-Артемовскому не одними впечатлѣніями его дѣтства, но и примѣромъ Котляревскаго, написавшаго свою пародированную „Энеиду“ украинской рѣчью. Литературное родство Гулака-Артемовскаго съ Котляревскимъ признаютъ почти всѣ украинскіе критики, хотя и отдаютъ предпочтеніе первому изъ этихъ писателей. „Подобно Котляревскому,—говоритъ Костомаровъ,—и Гулакъ-Артемовскій сперва имѣлъ намѣреніе посмѣшить, позабавить, и началъ пародіями на оды Горація, приспособляя воззрѣнія римскаго поэта къ понятіямъ малорусскихъ поселянъ“. Гулака-Артемовскаго „ставятъ въ числѣ подражателей Котляревскаго,—говоритъ г. Чупрына,—и указываютъ на единственную его пьесу *Рыбалка* Гете, какъ на исключеніе, не подходящее подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы отличаются стремленіемъ къ пародіи. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы произведенія Гулака-Артемовскаго были совершенно чужды пародіи; но она является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма: содержаніе уже измѣнилось, и стоитъ только сравнить перелицованную „Энеиду“ Котляревскаго съ передѣлками Гораціевыхъ сатиръ г. Артемовскаго, чтобы увидѣть всю разницу между ними. По нашему мнѣнію,—продолжаетъ Чупрына,—въ ходѣ украинской литературы произведенія Гулака-Артемовскаго представляютъ значительный шагъ впередъ. Правда, что заключенныя въ тѣсномъ кругу переводовъ или передѣлокъ изъ древнихъ писателей, они не были богаты внутреннимъ содержаніемъ и не представляли ничего полнаго, художественнаго; но вы

не встрѣтите въ нихъ ни одной черты, которая бы могла обличить ихъ немалороссійское происхожденіе. Подъ бойкимъ перомъ его, какъ бы наперекоръ историческимъ условіямъ, латинскій нарядъ пришелся по вкусу малороссійской литературѣ: она въ немъ немного странна на первый взглядъ съ ея философскими увѣщаніями оставить жизнь и смерть въ покоѣ, да подумать о томъ, есть ли горѣлка, (съ ея забавными шутками; но все это искренно и чуждо циническихъ продѣлокъ предшествовавшей пародіи и такъ согласно съ малороссійскимъ народнымъ характеромъ, что нельзя отказать въ особенномъ значеніи передѣлкамъ г. Гулака-Артемовскаго и не признать ихъ въ тѣсномъ смыслѣ народными". Въ примѣръ подобныхъ переложеній изъ Горація, приведемъ пьесу г. Артемовскаго „До Пархіма":

Пархиме! въ щасти не брыкай!
Въ нудьзи прытьмомъ не лизь до неба,
Людей пытай—свій розумъ май;
Якъ не мудруй, а вмерты треба!
Чы каратаешъ викъ въ журби,
Чы то за поставцемъ горилки
Въ шынку наризують тоби
Цымбалы, кобзы и сопилка,
Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачкы
И жинку макогономъ бъешъ,
Чы самъ товчесся на вкулачкы;
Оры и засивай ланы,
Косы шыроки перелогы,
И грошыкы за баштаны
Лупы,—та все одкынешъ ногы,
Покинешъ все—стижкы й скырты,
Вси ласощы—паслинъ, цыбулю;
Загарба иншый все, а ты
Ззисы за гирку працю дулю...
Чы соцькымъ батько твій въ сели,
Чы самъ на панщыни працюе,—
А смерть зривняе всихъ въ земли:
Ни зъ кымъ скажена не жартуе...
„Чы читъ, чи лышка?" загука.
Ты крыкнешъ: *читъ!*— „Ба, брешешъ, сыну!"
Озветця паплюга зъ кутка,
Та й зцупыть зъ печи въ домовыну.

Слѣды подражанія Котляревскому г. Кулишъ видитъ даже въ басняхъ Гулака-Артемовскаго, считающихся болѣе самостоятельными и

лучшими его произведеніями, и даже указываетъ въ нихъ почти буквальное заимствованіе изъ „Энеиды“ Котляревскаго. Басня „Панъ та Собака“ у Гулака-Артемовскаго начинается такъ:

На землю злиза ничь... нигде а ни шышырхне,
Хыба то де-куды кризь сонъ що-небудь пырхне.
Хочъ въ око стрель соби—такъ темно на двори!
Уклався мисяць спать, нема а ни зори,
И ледви крадькома яка маленька зирка
Зъ-за хмары выгляне, неначе мышъ зъ засѣка.

Эти стихи написаны такимъ же тоническимъ размѣромъ, какъ и „Энеида“ Котляревскаго, и имѣютъ почти буквальное сходство съ слѣдующими стихами послѣдней:

Якъ тілько та сумрачна, темна
Изъ неба злізла чорна ніччъ,
Година жъ стала дуже певна,
Якъ повтікали зірки пріччъ...

Но, состоя въ литературномъ родствѣ съ авторомъ перелицованной „Энеиды“, Артемовскій, „не смотря на то,—говоритъ Кулишъ,—одной ужъ темой перваго (?) своего печатнаго произведенія („Панъ та Собака“) придалъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ Артемовскаго-Гулака также далеко чище и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе Рябка смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру; да и самъ авторъ ужъ далекъ отъ смѣха Котляревскаго; каждая черта въ его юмористической живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. И при этомъ вся сфера дѣйствія опредѣлена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету“.

Не отрицая вліянія „Энеиды“ Котляревскаго на басни Гулака-Артемовскаго, по крайней мѣрѣ съ внѣшней ихъ стороны и языка,—мы, однако, имѣемъ основаніе полагать, что едва-ли не болѣе сильное вліяніе на эти басни имѣла польская литература, которая была ему извѣстна, какъ преподавателю польскаго языка въ харьковскомъ университетѣ, и именно сочиненія Красицкаго (1735—1801 г.). Изъ его сочиненій Гулакъ-Артемовскій взялъ эпилогъ къ своей баснѣ „Панъ та Собака“, приведенный нами выше, который однако же не помѣщается при печатныхъ изданіяхъ ея. Не смотря на свой епископскій санъ, Красицкій былъ ревностный приверженецъ той философіи XVIII столѣтія, которая, затѣявъ войну на-смерть со средними вѣками и вѣруя въ силу разума и въ свободу человѣка, мечтала о радикальномъ преобразованіи

всего человѣчества, безъ крови и насилія, посредствомъ одного только знанія и успѣховъ просвѣщенія. Онъ содѣйствовалъ успѣхамъ этой философіи больше, чѣмъ всѣ остальные современные ему польскіе писатели, вмѣстѣ взятые Красицкій сначала пробовалъ себя въ героическомъ эпосѣ, но неудачно. Гораздо лучше героическаго удался ему эпосъ шуточный, происходящій въ мірѣ животныхъ или заимствованный изъ быта монастырскаго. И по складу своего ума, и по духу времени, занятаго разрушеніемъ всякаго рода кумировъ, Красицкій былъ сатирикъ и только тамъ чувствовалъ себя на просторѣ, гдѣ могла разыграться его наивная веселость и тонкая иронія, опирающаяся на необыкновенно мѣткую наблюдательность. Къ разряду такихъ шутливыхъ эпическихъ произведеній принадлежатъ три поэмы: „Мышеида", „Монахомахія" или война монаховъ и „Антимонахомахія". Въ полнѣйшемъ же блескѣ сатирическій талантъ Красицкаго выражался въ его басняхъ, посланіяхъ, особенно въ сатирахъ, которыя исполнены тонкой скептической ироніи въ отношеніи къ тѣмъ вѣкамъ варварства и суевѣрія, когда „лавники съ бурмистромъ жгли вѣдьмъ на площади, между тѣмъ какъ помощникъ старосты, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ виновности, опускалъ ихъ на веревкѣ въ прудъ; когда старухи снимали съ дитяти зароки, когда чортъ плясалъ нѣмчикомъ на развалившейся башнѣ, когда свирѣпствовалъ колтунъ вслѣдствіе чарованій и болтали по-французски бѣснующіяся бабы или, чихая на папертяхъ церквей по св. мѣстамъ, наводили неисповѣдимый страхъ на жителей". Но, по отзыву г. Спасовича, „элегантная сатира Красицкаго была самаго незлобнаго характера; она одѣта въ кружева, носитъ пудру и манжеты и невиннымъ образомъ подсмѣивается, выставляя на показъ общіе пороки и недостатки переживаемаго вѣка" [1])

Мы достали только сатиры Красицкаго въ изданіи 1779 года, и хотя не нашли здѣсь его стиха, послужившаго эпилогомъ къ баснѣ Гулака-Артемовскаго „Панъ та Собака", но за то нашли сатиру подъ заглавіемъ „Pan niewart slugi", совпадающую содержаніемъ своимъ съ этою баснею. Въ этой сатирѣ, между прочимъ, изображается панъ Мацѣй, выскочившій въ паны изъ лакеевъ и жестоко обращающійся со своимъ слугой Мартыномъ „Спитъ его милость въ полдень, хоть и не трудился,—говоритъ сатира; не спитъ Мартынъ, всю ночь не смыкалъ и глазъ: панамъ можно и нисколько не вредитъ имъ, хоть немножко не годится для бѣдной челяди. Проснулся его милость; Мартынъ слышалъ это, усердно возится, хочетъ какъ можно лучше угодить. Напрасное

---

[1]) „Исторія славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, т. II, Спб., 1881 г., стр. 563—572.

стараніе! Кто же угодитъ панамъ? Какъ легъ, такъ и всталъ недоволенъ его милость господинъ: все ему не по вкусу; ночь проигралъ въ карты; все худо, проигрался, вчера заложилъ клейноты. Пришелъ купецъ съ роспиской, напоминаетъ срокъ; нужно отдать, а нечѣмъ; сто нагаекъ Мартыну! Онъ плачетъ въ уголку, рыдаетъ; послѣ нагаекъ спрятался, а далѣе—въ другой разъ—вдвойнѣ, почему не благодарилъ! Онъ благодаритъ и плачетъ; панъ за это разсердился, и Мартыну не пришлось бы послѣ другихъ нагаекъ получить и третьи. Несчастные вы, служащіе игрушкой для злости палачей вашихъ, а не пановъ! Скоты по работѣ, а слуги по названію! И плакать вамъ нельзя, а говорить—еще хуже! Тѣмъ скорѣе придетъ за словомъ жестокая месть [1]). Тотъ же слуга Мартынъ является и у Гулака-Артемовскаго, только въ собачьей шкурѣ. Въ его баснѣ „Панъ та Собака" разсказывается о дворовой собакѣ Рябкѣ, которая всю ночь стерегла господское добро и безустанно лаяла, но, вмѣсто ожидаемой награды за усердіе, была больно выбита по приказанію своего господина, который проигрался въ эту ночь въ карты и по-утру не могъ заснуть будто бы отъ лая Рябка. Послѣ побоевъ Рябко забрался въ уголокъ и пересталъ по ночамъ лаять, чтобы не будить барина, и опять попался въ бѣду: онъ допустилъ воровъ обокрасть дворъ и выбитъ былъ еще больнѣе.

Чорты бъ убывъ твого, Явтухъ, зъ панамы батька
И дядыну, и дядька
За ласку ихъ! сказавъ Рябко тутъ на-одризъ.
Нехай имъ служыть бильшъ рябый въ болоти-бисъ!
Той дурень, хто дурнымъ иде панамъ служыты,
А бильшый дурень—хто имъ дума угодыты!
Годывъ Рябко имъ, мовъ болячци й чыряку,
А що жъ за те Рябку?
Сяку мать та таку!
А до того ище спороли батогамы,
А за выслугу палюгамы.
Чы гавкае Рябко, чы мовчкы спыть,
Все выпада—такы Рябка прытьмомъ побыть...
Зъ ледачымъ все бида: хочъ верть-круть, хочъ круть-верть,
Винъ найде все тоби хочъ въ черепочку смерть.

Въ свое время басня „Панъ та Собака" вызвала довольно удачную пародированную эпиграмму въ „Телеграфѣ" Полеваго, которая гласитъ такъ:

Пускай въ Зоилѣ сердце ноетъ,—
Онъ Артемовскому вреда не принесетъ:

[1]) Satyry. Warszawa, 1779, kart. 96—97.

Рябко хвостомъ его прикроетъ
И въ храмъ безсмертья унесетъ.

Г. де-Пуле передаетъ, что Гулакъ-Артемовскій никакъ не могъ простить Полевому этого четверостишія и на своихъ университетскихъ лекціяхъ старался втоптать въ грязь его „Исторію русскаго народа". Между тѣмъ, это четверостишіе дѣйствительно было пророчественнымъ. Послѣдующее поколѣніе выше всего цѣнило басню Артемовскаго „Панъ та Собака" и на ней особенно основывало литературную славу ея автора. „Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ имъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—„Панъ та Собака", по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что она выражаетъ болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества". „Сцены дикаго произвола,—говоритъ Кулишъ,—подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣйшія натуры: иначе, эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія".

Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны уменьшить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польскаго оригинала. Заслуга Артемовскаго состоитъ развѣ въ томъ только, что онъ сообщилъ этой баснѣ народный украинскій колоритъ и явился съ нею весьма кстати. Въ то время въ Россіи, въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ, поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Многіе тогда стояли за крѣпостничество и между ними нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ. Мы видѣли, какъ Белецкій-Носенко, самъ владѣвшій крестьянами и „будучи подстрекаемъ благостію мужей отличнѣйшихъ", доказывалъ пользу крѣпостничества политическими соображеніями. Но Гулакъ-Артемовскій не былъ помѣщикомъ, не имѣлъ интереса защищать крѣпостничество и дѣйствительно направилъ свою басню противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. А для этого все-таки нужно было гражданское мужество, свидѣтельствующее о твердости и благородствѣ души нашего автора.

Согласно съ общимъ направленіемъ сатирическихъ сочиненій Красицкаго написана и другая басня Гулака Артемовскаго—„Солопій та Хивря, або горохъ при дорози". Содержаніе ея слѣдующее. Солопій добылъ весною гороху и совѣтовался съ женою своею Хиврею, что дѣлать съ горохомъ,—продать ли его, или посѣять? Порѣшили посѣять; но гдѣ посѣять, насчетъ этого разошлись во мнѣніяхъ: Хивря совѣтовала посѣять при дорогѣ, не считая важнымъ, если ребятишки и будутъ таскать его понемногу, а Солопій думалъ посѣять его гдѣ

нибудь вдали отъ дороги, за пашнею. На первый разъ онъ, однако, уступилъ женѣ и, не смотря на убыль отъ ребятишекъ, все таки получилъ пять мѣшковъ гороху чистой прибыли; но на другой годъ онъ настоялъ на своемъ и посѣялъ горохъ между пшеницею и рожью. Однако, на селѣ все таки узнали, гдѣ Солопій посѣялъ горохъ, стали ходить туда черезъ пшеницу и рожь и совершенно смяли ихъ У Солопія не стало ни гороху, ни хлѣба, и онъ пошелъ съ торбою по-міру Басня заключается такимъ нравоученіемъ:

Послухайте мене, вы вси Солопіи,
Що знай мудруете и головы свои
Чортъ батька зна надъ чымъ морочыте до ката,
Якъ въ борщъ, замисць курчятъ, намъ класты кошенята,
Якъ грушы на верби и дули вамъ ростуть;
Якъ исты *дазьбига*, та ще й гладкымы буть;
Якъ локшыну варыть для війска изъ папeру,
Якъ квашу намъ робыть зъ чорныла и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ языкомъ,
Якъ бджолы годувать безъ меду часныкомъ,
Якъ кохвы пыть панамъ зъ квасоли зъ буряками;
Якъ нывы засивать безъ симъя кизяками,
Якъ сино намъ перомъ косыть, якъ киньмы жать,
Щобъ людямъ и снипка не дать на заробитокъ
И пташци ни зерна погодоваты дитокъ...
Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, брехню.
Де треба рукы грить, тамъ треба и огню!
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбамы!..

Г. Кулишъ не очень высоко цѣнитъ эту сказку Гулака-Артемовскаго и замѣчаетъ, что она имѣетъ общій смыслъ, заключающійся въ недовѣріи тогдашняго провинціальнаго общества къ новѣйшимъ способамъ жизни. Пиша по-украински, Гулакъ-Артемовскій необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Но намъ кажется, что какъ эта сказка, такъ и большая часть произведеній Гулака-Артемовскаго писаны на извѣстные случаи и явленія, между дѣломъ. Этимъ объясняется ихъ малочисленность и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ живой, индивидуальный характеръ. Басня „Солопій та Хивря“, по нашему мнѣнію, имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ „Филотехническому обществу домоводства“, учрежденному въ Харьковѣ въ 1811 году по мысли и старанію В. Н. Каразина и существовавшему до 1818 года. Оно имѣло задачею своею „распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской имперіи“. Самъ В. Н. Каразинъ, душа этого

общества, занимался улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому, имъ придуманному способу,—теплотою водяныхъ паровъ, сушенія червца, т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта, опытами надъ красильными травами и минераллами, выращиваніемъ у себя иностранныхъ житъ, опытами унавоженія своихъ полей, проэктами новыхъ хлѣбныхъ хранилищъ, новаго изобрѣтеннаго имъ украинскаго овина, усовершенствованнаго имъ китайскаго молотильнаго катка и опытомъ въ собраніи общества надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вокругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ мясными консервами. Онъ дѣлалъ также опыты надъ превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя и въ 1813 году предлагалъ русской арміи поставку питательной вытяжки, родъ сухаго бульона, на что почти прямо указываетъ Гулакъ-Артемовскій словами:

Якъ локшину варить для війска изъ паперу.

Вообще, каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила свое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него собственныя деньги и своими затѣями постепенно разстраивалъ свои хозяйственныя дѣла [1]). Поэтому во всей силѣ къ нему должны быть отнесены заключительныя слова басни Гулака-Артемовскаго:

Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесами;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбамы!

Доселѣ мы разсматривали стихотворенія Гулака-Артемовскаго, вращающіяся въ области классицизма, преимущественно шутливаго и сатирическаго характера. Но Артемовскій имѣетъ значеніе въ исторіи украинской литературы не только какъ комическій и сатирическій писатель въ классическомъ стилѣ, но и какъ одинъ изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма. Въ западной Европѣ романтизмъ или новоромантизмъ имѣлъ важнѣйшими представителями своими Гёте, Шиллера и Байрона и отразился у насъ въ Россіи въ поэзіи Пушкина и Лермонтова, а у поляковъ—въ поэзіи Мицкевича. Этотъ-то романтизмъ, затрогивающій лучшія стороны человѣческаго бытія, но безъ опредѣленныхъ очертаній, нашелъ себѣ долю сочувствія въ сердцѣ Гулака-Артемовскаго и вызвалъ въ его поэзіи новыя струны, болѣе задушевныя и симпатичныя. Въ этомъ отношеніи Гулакъ-Артемовскій из-

---

1) „Украинская Старина“, Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 года, стр. 133, 140 и сл.

вѣстенъ намъ своими переводами и передѣлками изъ Мицкевича, Лермонтова и Гёте и самостоятельными стихотвореніями въ романтическомъ духѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые опыты Гулака-Артемовскаго въ романтическомъ направленіи не были совершенно чужды нѣкотораго рода балагурства и пародіи, хотя послѣдняя и является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма. Мы разумѣемъ здѣсь его переводъ баллады Мицкевича „Панъ Твардовскій" и передѣлку думы Лермонтова: „Печально я гляжу на наше поколѣнье". Баллада Мицкевича уже сама по себѣ заключала долю комическаго элемента и въ переводѣ Гулака-Артемовскаго получаетъ только сильный украинскій оттѣнокъ. „Предметъ ея,— говоритъ г. Костомаровъ,—тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій варіантъ отличается большею образностью и народнымъ комизмомъ, чѣмъ польскій". Иначе хотѣлъ поступить Артемовскій съ думою Лермонтова и думалъ написать только пародію на нее; но онъ не могъ измѣнить основнаго ея тона, и потому его пародія мѣстами превращается въ грустную иронію. Въ своей пародированной думѣ „Упадокъ вѣка" Гулакъ-Артемовскій комически-печально смотритъ на теперешнее поколѣніе людей, которые не пьютъ горѣлки, какъ пили отцы и дѣды ихъ, слабосильны, болѣзненны и неспособны къ серьезному труду и домовитости.

З похмілля нудяться, ідять за горобця,
Об Семені дрижать, об Петрі зранку мліють;
А схопить трясця... гвалтъ! покличте панотця!
Хай сповіда!.. притьмом конають и дубіють!

Но заключительные стихи этой пародированной думы, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ выраженій, такого рода, что они нисколько не нарушили бы общаго впечатлѣнія, производимаго „Думой" Лермонтова:

И марно як жили, такъ марно и помруть,
Як ті на яблуни червиві скороспілки,
Що рано одцвіли, та рано й опадуть;
Ніхто по іх душі та й не лизне горілки.
И років через сто на цвинтарь прийде внук,
Де грішни кости іх в одну копицю сперли;
Поверне череп іх, та в лоб ногою—стук!
Та й скаже: „як жили, так дурнями и вмерли!

Но къ чистѣйшимъ звукамъ романтизма въ поэзіи Гулака-Артемовскаго относится переводъ его Гётевой баллады „Рыбакъ". „Это— безспорно лучшее произведеніе г. Артемовскаго,—говоритъ г. Чупрына: оно сдѣлало-бы честь любому изъ малороссійскихъ писателей. Осо-

бенно замѣчательна здѣсь та свободная гибкость стиха, съ какою авторъ передаетъ трудности нѣмецкаго произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ—большой мастеръ своего дѣла, и то, что на языкѣ другаго явилось бы непремѣнно въ простонародной одеждѣ, у него получаетъ простую, но изящную форму". Приводимъ здѣсь самую балладу въ переводѣ Гулака-Артемовскаго:

Вода шумыть!.. вода гуля!..
На берези Рыбалка молоденькый
На поплавець глядыть и прымовля:
Ловитця, рыбонькы, велыки и маленьки!

—

Що рыбка смыкъ, то серце тёхъ!..
Серденько щось Рыбалочци вищуе:
Чы то тугу, чы то переполохъ,
Чы то коханнячко?.. Не зна винъ, а сумуе.

—

Сумуе винъ, ажъ ось реве!
Ажъ ось гуде! и хвыля утикае!..
Ажъ—гулькъ!.. Зъ воды дивчынонька плыве,
И косу счисуе, и бривками моргае...

—

Вона й морга, вона й кива:
„Гей! гей! не надь, Рыбалка молоденькый,
На зрадный гакъ ни щукы, ни лына!..
На що ты нивечышъ мий рідъ и плидъ любенькый?

—

Колы бъ ты знавъ, якъ Рыбалкамъ
У мори жыть изъ рыбками гарненько,
Ты бъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ
И парубоцькее оддавъ бы намъ серденько.

—

Ты жъ бачышъ самъ, не скажешъ: ни,—
Якъ сонечко и мисяць червоненькый
Хлюпощутця у насъ въ води на дни
И изъ воды на свитъ выходять веселенькы!

—

Ты жъ бачышъ самъ, якъ въ темну ничъ
Блыщать у насъ зироньки пидъ водою;
Ходы жъ до насъ, покынь ту удку причъ!
Зо мною будешъ жыть, якъ братъ жыве зъ сестрою.

—

Зирны сюды!.. чы се жъ вода?..
Се дзеркало: глянь на свою уроду!..

Ой, я не за тымъ прыйшла сюды,
Щобъ намовлять зъ воды на парубка незгоду!"

—

Вода шумыть!.. вода гуде!..
И ниженьки по кисточкы займае!..
Рыбалка вставъ, Рыбалка йде,
То спынытця, то впять все глыбшенько пирнае!..

—

Вона жъ морга, вона й спива...
Гулькъ!.. прыснули на сынимъ мори скалкы!..
Рыбалка хлюпъ!.. За нымъ шубовсть вона!..
И бильше вже нигде не бачылы Рыбалки!

Было время, когда эту переводную балладу Артемовскаго считали исключеніемъ, не подходящимъ подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы вообще отличаются стремленіемъ къ пародіи. Но такъ думали при жизни автора, когда еще не завершился и не опредѣлился весь кругъ его стихотвореній, которыя, притомъ же, онъ печаталъ весьма неохотно и рѣдко. Теперь мы можемъ указать и другія стихотворенія Гулака-Артемовскаго, въ которыхъ менѣе всего заключается насмѣшки и пародіи и которыя по тону своему ближе всего подходятъ къ его балладѣ „Рыбалка". Таковы его стихотворенія: „Справжня Добрість"—посланіе къ Квиткѣ; „Дві пташкі в клітці"; „Пліточка"; „До Любки", и пѣсня „Текла річка невеличка".

Не знаемъ, по какому поводу написано посланіе къ Квиткѣ, подъ заглавіемъ „Справжня Добрість"; но по содержанію этой пьесы можно заключить, что она служила какъ бы одобреніемъ Квиткѣ, оставившему монастырскую жизнь, и старалась доказать, что истинная доброта возможна и въ мірской жизни, при гармоническомъ сочетаніи людскихъ наклонностей и страстей.

Хто Добрість, Грицьку, намъ намалевавъ плаксиву,
Понуру, мов чернець турецкій, и сопливу,
Той далебі—що москаля підвіз;
Той Добрісти не зна, не бачив и не чуе,
Не пендзлем той її, але квачем малюе;
Той Добрість обікрав. Не любить Добрість сліз;
Вона на всіх гладить так гарно й веселенько,
Як дівка, од свого идучи панотця
До церкви до вінця,
Гладить на парубка, мов ясочка, пильненько
Не квасить Добрість губъ, бо изъ її очей
Палае ласка до людей.
Вона регоче там, де и другі регочуть;

Сокоче, без брехні, де и други сокочуть,
И не цураетця гульні и вечерниць,
Чорнявеньких дивчат и круглих молодиць.
Вона й до милого пригорнетця по-волі,
Та ба! та не дае рукам свавильним волі.
Вона й горілочки ряди—вгоди хлисне,
Та носом—мов свиня—по улиці не рие,
По соромицькому не кобинить, не вие,
Під лавкою в шинку—мов, цуцик—не засне.
Вона, де треба, пожартуе,
Та з глуздом жарти всі и з розумом миркуе...

Въ другомъ мѣстѣ пьесы говорится:

По сему ж, Грицьку, тут и Добрість пізнають:
Клеймо їй—канчуки, имення їй—терпіння;
Хто їх не коштував, нехай не жде спасіння;
Того нехай поміж святими не кладуть!

Такъ и кажется, что въ этой характеристикѣ доброты у Артемовскаго представленъ первообразъ женскихъ типовъ въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки-Основъяненка, его Марусь, Оксанъ, Ганусь и проч.

Въ баснѣ „Пліточка" маленькая плотичка жаловалась на судьбу за то, что своимъ ротикомъ не можетъ захватить червячка, надѣтаго на уду. Щука схватила червячка и вмѣстѣ съ нимъ очутилась на сушѣ. Плотичка испугалась—

И бильшъ не скаржылась на долю плиточокъ
За ласенький на удочци шматокъ:
Що Богъ пославъ, чы то багато, чи то трошки—
Въ куширъ зализши, ила мовчкы.

Въ другой баснѣ „Дві пташкі въ клітці" старый снигирь упрекаетъ молодаго за то, что онъ имѣетъ всего вдоволь, и сѣмечка, и проса, и пшеницы, и все таки нарекаетъ на свою долю.

„Ой, дядьку, не глузуй!" озвався молодий.
Не дарма я журюсь и слізонькой вмиваюсь,
Не дарма я присьця и сім'ячка цураюсь!
Ти рад пожарні сій, бо зріс в ній и вродився—
Я ж вільний був, тепер в неволі опинився!"

Стихотвореніе „До Любки" написано, вѣроятно, на какой либо случай изъ семейной жизни и нѣжными красками изображаетъ невинную застѣнчивость дѣвицы-невѣсты или новобрачной:

На що ты, Любочко, козацьке серце сушиш?
Чого, як кізонька маненька та в бору,
Що, чи то ніжкою сухенький лист зворушить,
Чи вітерець шепне, чи жовна де кору

На липі подовбе, чи ящирка зелена
Зашелестить въ кущі,—вона, мов тороплена,
Дрижить, жахаетця, за матірью втіка:
Чого ж, як та, и ти жахливая така?
Як зуздриш, то й дріжиш! себе й мене лякаеш!
Чи я до тебе,—ти як від мари втікаеш!
Та я-ж не вовкулак, та й не медвідь-бортняк
З Литви; вподобав я не з тим твою уроду,
Щоб долею вертіть твоею сяк и так
И славу накликать на тебе и незгоду!
Ой час-бы дівчині дівоцьку думку мать:
Не вік же ягоді на гільці червоніти,
Не вік при матері и дівці дівовать...
Ой час теляточко від матки одлучити...

Какъ одно изъ лучшихъ произведеній Гулака-Артемовскаго, это стихотвореніе переведено г. Фетомъ на русскій языкъ.

Вѣроятно, по поводу какого либо семейнаго событія написана Артемовскимъ и слѣдующая граціозная пѣсенка:

Текла річка невеличка
Та й понялась моремъ;
Була радість хоч на старість,
Та й узялась горемъ.

—

Нема пташки-полінашки,
Нема й співів рідних;
Полетіла, не схотіла
Тішити насъ бідних.

Эта пѣсня переложена была на ноты харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ.

Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Гулакъ-Артемовскій является передовымъ дѣятелемъ украинской литературы и пролагаетъ въ ней путь новому романтическому направленію. Къ его послѣдователямъ въ этомъ отношеніи принадлежатъ К. Думитрашковъ, Л. Боровиковскій, отчасти Квитка-Основъяненко и другіе.

4.

Константинъ Даниловичъ Думитрашковъ.

Константинъ Даниловичъ Думитрашковъ, сынъ священника полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, воспитывался въ полтавской семинаріи и въ кіевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1839 году со степенью магистра. По окончаніи курса въ академіи, онъ назначенъ былъ преподавателемъ въ кіевскую духовную семинарію, въ 1870 году избранъ секретаремъ совѣта кіевской академіи, а съ 1872 года состоитъ библіотекаремъ той же академіи.

К. Д. Думитрашковъ много писалъ въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ; но эти труды его не относятся къ исторіи украинской литературы. Насъ интересуютъ болѣе ранніе его опыты, писанные по-малорусски, которые онъ началъ писать еще на академической скамьѣ, слѣдовательно въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Изъ печатныхъ малорусскихъ его сочиненій извѣстны: три стихотворенія въ журналѣ „Маякъ" за 1843 годъ, подъ псевдонимомъ К. Д. Копытька, и „Жабомышодраківка (βατραχομυομαχια) зъ греческаго лиця на казацькій вывороть на швидку нитку перештопана", С.-Петербургъ, 1859 года. Кромѣ того, остаются неизданными нѣсколько его стихотворныхъ легендъ и балладъ, думъ, переводовъ съ нѣмецкаго и другихъ мелкихъ стихотвореній. Всѣ эти произведенія его не пролагаютъ новыхъ путей въ исторіи украинской литературы и должны занять въ ней скромное мѣсто. И по формѣ, и по содержанію и тону, его стихотворенія представляютъ отчасти подражаніе стихотвореніямъ И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго, отчасти дальнѣйшее развитіе ихъ дѣятельности въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Относительно формы своего стиха К. Д. Думитрашковъ говоритъ слѣдующее: „Народныя малороссійскія думы и пѣсни составлены силлабическимъ размѣромъ. Котляревскій и Гулакъ-Артемовскій прекрасными своими стихами показали, что малорусскому стихосложенію свойственъ и тоническій размѣръ такъ же, какъ и русскому. Но они писали преимущественно ямбомъ, употребительнѣйшимъ въ ихъ время у русскихъ поэтовъ. Здѣсь представляются опыты и другихъ размѣровъ тоническаго стихосложенія, какими пишутся русскіе стихи. *Ватрахоміомахія* переложена гекзаметромъ. Правописаніе употреблено повозможности церковно-славянское". Въ самыхъ стихотвореніяхъ К. Д. Думитрашкова мы дѣйствительно находимъ примѣненіе всѣхъ размѣровъ тоническаго стихосложенія къ малорусскому стиху, а именно: ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ и амфибрахій. „Ватрахоміо-

махія" переложена примѣнительно къ размѣру подлинника, съ которымъ перелагатель непосредственно имѣлъ дѣло, вѣроятно по подражанію Гнѣдичу въ его переводѣ Гомеровой „Иліады".

И по содержанію стихотворенія К. Д. Думитрашкова имѣютъ родство съ произведеніями Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, но въ извѣстныхъ отношеніяхъ и отличаются отъ послѣднихъ. Мысль о переложеніи „Ватрахоміомахія" на украинскую рѣчь очевидно навѣяна автору „Энеидой" Котляревскаго, но не отличается той безцѣльной пародіей на малорусскій простой народъ, въ какой обвинялъ Котляревскаго г. Кулишъ. „Жабомышодраківка" имѣетъ своею цѣлью изобразить взаимныя политическія отношенія между малороссами, поляками и русскими; и слѣдовательно стоитъ на историко-политической почвѣ. По словамъ перелагателя, жабамъ данъ характеръ сѣчевыхъ козаковъ, а мышамъ—ляховъ прежнихъ, потому что и Гомеровы жабы и мыши очень похожи характеромъ на козаковъ и ляховъ. Мы съ своей стороны прибавимъ, что явившіеся въ концѣ поэмы раки похожи на русскія войска, положившія конецъ вѣковымъ столкновеніямъ козаковъ съ поляками. И не смотря на общій шутливый тонъ „перештопанной Жабомышодраківки", очевидно сочувстіе перелагателя къ лягушкамъ и ракамъ, т. е. козакамъ и москалямъ. Видя перевѣсъ мышей, Юпитеръ бросилъ съ неба молнію, которая перепугала сражающихся и заставила ихъ спрятаться по своимъ мѣстамъ.

Тильки жь недовго одъ блискавки миши завзяти жахались,
Дружно взялися упьять, щобъ жабъ у кінець доконати.
Те бъ и було, та Сатурновичъ жабамъ велику підмогу,
Мовъ бы изъ неба, изъ озера выславъ мышамъ на погибель.
Выйшовъ шкадронъ карасірівъ страшнихъ, якъ марюка пекельный,
Въ чорныхъ мундирахъ и штаняхъ, а хто гарячішій — въ червонихъ,
Спина—ковадло, а ноги якъ кліщи, а въ роті два списи,
Мяса чортъ мае зверху, одна шкаляруща изъ кістки.
Тихо пишли клешоноги, хоть нігъ до стогаспіда мали,—
То були раки; мышей вони кліщами дуже щипали,
И поламали ихъ ратищи и покололи муницю,
Басъ увірвався мышамъ, и одъ раківъ дали вони драла.
Сонечко въ дальній байракъ спочивати лягало, а раки
Жабъ и мышей пороспуживали и війну порішили.

Легенды и баллады, думы и другія мелкія стихотворенія К. Д. Думитрашкова примыкаютъ своимъ содержаніемъ и тономъ къ стихотвореніямъ П. П. Гулака-Артемовскаго. У послѣдняго мы видѣли подражанія римскому поэту Горацію или, какъ онъ называетъ его, Гараськѣ, балладу „Твардовскій", переведенную изъ Мицкевича, и „Рыбалку",—

переводъ изъ Гете. И у Думитрашкова есть параллельныя имъ стихотворенія, какъ то: стихотвореніе „И дома и въ гостяхъ", написанное по подражанію метаморфозамъ Овидія, шесть легендъ или балладъ и „Молитва Маргариты",—переводъ изъ Гетева Фауста. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній—юмористическаго характера и напоминаютъ юморъ Гулака-Артемовскаго; но большая часть ихъ отличается серьезнымъ содержаніемъ и даже иногда грустнымъ тономъ. Послѣднія проникнуты духомъ любви къ низшему классу народа, соединенной съ нѣкоторою насмѣшкой надъ его притѣснителями, какъ и у Гулака-Артемовскаго въ его баснѣ „Панъ та Собака". Для примѣра, приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія „Доля", напоминающаго нѣкоторыми выраженіями своими Гулака-Артемовскаго:

Иде мольба до неба и хула
Изъ сілъ и городівъ, якъ пара зъ гною:
Той долі радъ за те, що вже дала,
Той сваритьця зъ годиною лихою,
Той въ ченці йде, другій женитьця радъ;
Одинъ одъ немочи, другій одъ пуза кревче;
Той родытьця, другій бажа вмирать,
Бо дума—на тімъ світі буде легче.
Той дметьця вверхъ, щобъ лопнуть якъ пузырь,
А той, якъ вьюнъ хвостомъ вила въ болоті,
Въ мороці, тузі и трудахъ ввесь міръ
И вікъ немовъ бы въ катаржній работі.
И всімъ на світі, кажуть, важко жить,
Не хочетьця остатню тратить силу,
Осточортіло все робить—робить,
И щобъ спочить, здаетьця бъ лігъ въ могилу.
Отъ, тілько кажуть, що панамъ багатымъ
Ніколы и на умъ нейде вмирати.
Але хочъ багатырь еси, та ба!
Не підешь мабуть прудко противъ Бога:
Бо якъ придавить дядина судьба,
То все-таки одкинешь, брате, ноги!
Вже, *що написано намъ на роду,*
То те и буде; такъ скачи же, враже,
Підъ дудку долі, грай до-ладу!
Такъ нумо жъ те робить, що доля скаже!
А доля каже: дурни навісни!
Хіба не знаете, що Божа воля
Все робыть на світі, а вы, дурны,
Говорите, що все те робить доля...

Означенные курсивомъ стихи напоминаютъ собою нѣкоторыя выраженія въ двухъ стихотвореніяхъ Гулака-Артемовскаго „До Пархома“.

Легенды и баллады К. Д. Думитрашкова частію имѣютъ книжное происхожденіе, но больше всего заимствованы изъ быта и вѣрованій простаго народа. Легенда „Заклятый“ заимствована изъ разсказа Петра Могилы о разрѣшеніи имъ въ Вильнѣ проклятаго самозванца, тѣло котораго найдено неразложившимся. Баллада „Поминки“ начинается разсказомъ о самомъ обычномъ явленіи въ приднѣпровской жизни, какъ одного утопленника литвина, конечно, сплавлявшаго весною лѣсъ по Днѣпру, принесло къ сельской мельницѣ, „мовъ бы на пакость народу“. Никто изъ крестьянъ не рѣшался вытащить его изъ воды; только дѣдъ Степанъ вытащилъ его оттуда, привезъ до своего двора, сдѣлалъ для него гробъ и нанялъ дьячковъ читать надъ покойнымъ псалтирь, пока выѣдетъ судъ и дастъ приказаніе похоронить его. Но судъ не выѣхалъ, а „замісь себе прославъ вінъ бумагу“,

А въ папері тому
Не велівъ никому
Самовольно въ Дніпрі утопати,
А мярцвя литвинка,
Безъ попа, безъ дяка
Приказавъ крій села поховати.

Дѣдъ Степанъ похоронилъ литвина, какъ слѣдуетъ, и поминалъ его, какъ родное дитя. Въ сороковую ночь онъ видитъ во снѣ, будтобы находится въ Кіевѣ и вмѣстѣ съ другими спѣшитъ въ пещеры. Между богомольцами очутился и утопленникъ литвинъ. Онъ поблагодарилъ дѣда Степеана за его молитвы о себѣ и сказалъ ему:

И прійшовъ я теперь
Ажъ до дальнихъ пещеръ,
Відкіль водять въ небеснее царство,
Бо зъ пещеръ намъ ити
По узькому пути
Ажъ до самого Божого неба.

Попросивъ снова молитвъ дяди Степана, литвинъ прощается съ нимъ въ полной надеждѣ увидѣться на томъ свѣтѣ.

Баллада „Змій“ взята изъ народныхъ вѣрованій о летаніи огненныхъ зміевъ къ женщинамъ и сожительствѣ съ ними. Въ селѣ Драбивцахъ была молодица, „уродою наикраща всіхъ въ селі“, и неудивительно: мать ея на одного „панка дивилась, дочка въ неи якъ панна уродилась“. И дочь Марина тоже не любила никого изъ простыхъ мужиковъ, а заглядывалась на панковъ, „и замужъ по закону хочъ пішла, да зъ чоловікомъ довго не жила“. Сельскій голова, имѣвшій виды на Марину, отдалъ ея мужа въ солдаты. Оставшись не вдовой и

не молодушкой, Марина втайнѣ желала смерти мужа въ какомъ либо сраженіи и мечтала пріобрѣсть любовь сосѣдняго пана. Мечты ея, повидимому, сбылись,—сосѣдній панъ навѣщалъ ее каждую ночь; но впослѣдствіи оказалось, что то былъ не панъ, а принимавшій его видъ огненный змѣй. Узнавъ объ этомъ, мать Марины трижды окурила ея хату ладономъ; но огненный змѣй зажегъ хату, вмѣстѣ съ которою сгорѣла и Марина—

Отъ-то за те, щобъ пана не любила.

Но почерпая свое содержаніе изъ народныхъ вѣрованій и преданій, баллады Думитрашкова не воспроизводятъ ихъ въ натуральномъ видѣ и носятъ замѣтный слѣдъ искусственности и морали.

„Молитва Маргариты" изъ Гетева Фауста переведена Думитрашковымъ съ нѣмецкаго подлинника, но, вѣроятно, по примѣру Гулака-Артемовскаго. Мы приведемъ эту молитву сполна, какъ лучшее стихотвореніе Думитрашкова:

Владычице многоскорбящая!
Ты дивишься, зчепивши руки,
На Сынови смертельни муки
Коло хреста животворящого.
О милосердная! схились,
На мене бідну подивись!
Хіба жъ Ты воздыхаешь
И слезы проливаешь
Усе тілько за Сына одного?
Охъ, а колы бъ Ты знала,
Якъ тяжко я страдала,
Схилилась бы до горя Ты мого!
Да хтожъ и знае більше, якъ не Ты,
Яка въ мене на серці туга,
Яка въ души мойй недуга?!
Пречистая, спаси мене й прости!
Куды не повернуся,
Нигде не розминуся
Зъ годиною лихою.
На що жъ я літа трачу?
Я плачу, плачу, плачу,
Одъ долі плачу злои.
До зіроньки вставала
И квітки поливала
Слезами дрібными, немовъ водою,
Нарвала ихъ раненько,
Звязала ихъ гарненько,

Щобъ ихъ поставити передъ Тобою.
А скільки досхідъ сонця
Зъ постели я зхоплялась,
Сідала у віконця,
Слезами обливалась!
Заступнице усердная,
Избави одъ напасти!
Помилуй, милосердная,
Не дай души пропасти!

Этимъ стихотвореніемъ своимъ К. Д. Думитрашковъ подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ.

5.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь.

В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко являются продолжателями другой стороны литературной дѣятельности Котляревскаго, именно его комическихъ оперъ.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь [1]), сынъ полковаго писаря, отецъ Н. В. Гоголя, по женской линіи имѣлъ предками своими Танскихъ, изъ которыхъ одинъ, въ соровыхъ годахъ прошлаго вѣка, извѣстенъ былъ, „какъ славный поэтъ"—писатель интерлюдій въ простонародномъ украинскомъ духѣ [2]). Самъ Василій Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный; обладалъ даромъ разсказывать занимательно, о чемъ ему ни вздумалось, и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича Гоголя, 19 марта 1809 года, Василій Аѳанасьевичъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассессора, „что въ провинціи,—говоритъ Кулишъ,—еще въ тогдашней провинціи, было рѣшительнымъ доказательствомъ—во пер-

---

1) Біографическія свѣдѣнія—въ „Запискахъ о жизни Гоголя", Кулиша. С.Петербургъ, 1856 года. Библіографическія свѣдѣнія—въ „Покажчикѣ" М. Комарова.

2) См. „Лицей князя Безбородко", 1859 года, отд. 2, стр. 29. Сл. Сборникъ „Древняя и Новая Россія", за ноябрь 1878 года: „Драматическія сочиненія Г. Конисскаго".

выхъ умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ—бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности—теоретической, или практической, все равно". Положимъ, въ чинъ коллежскаго ассессора онъ могъ быть переименованъ, при уничтоженіи гетманщины, изъ соотвѣтствующаго козацкаго чина; но все-таки нужно признать за Василіемъ Аѳанасьевичемъ извѣстную долю образованія. Положительнымъ доказательствомъ умственнаго его развитія служитъ драматическая его дѣятельность. Въ сосѣдствѣ съ В. А. Гоголемъ, именно въ селѣ Кибинцахъ, поселился съ 1822 года извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который изъ бѣднаго козацкаго мальчика своими способностями и заслугами съумѣлъ возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго. Между прочимъ, Трощинскій устроилъ домашній театръ въ Кибинцахъ, въ репертуарѣ котораго мы находимъ рукописную комедію Грибоѣдова „Горе отъ ума" [1]). Собственная ли это была затѣя Трощинскаго устроить театръ, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву, не знаемъ; только старикъ Гоголь былъ дирижоромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Извѣстны двѣ его комедіи: „Собака—Вивця" и „Романъ и Параска", иначе „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ", которыя Гоголь—сынъ въ письмѣ къ матери прямо называетъ папенькиными комедіями. Василій Аѳанасьевичъ умеръ въ началѣ 1825 года; слѣдовательно, его комедіи, назначавшіяся для домашняго театра Трощинскаго, написаны были между 1822 и 1825 годами.

Первая комедія не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ: содержаніе ея записано со словъ Гоголихи. Солдатъ, квартируя у мужика, видѣлъ, какъ тотъ повелъ овцу на ярмарку для продажи, и вздумалъ овладѣть ею. Товарищъ этого солдата забѣжалъ впередъ, на встрѣчу мужику.

— Ба, мужичокъ, сказалъ онъ, гдѣ ты ее нашелъ?

— Кого? отвѣчаетъ мужикъ: вивцю?

---

[1]) См. „Каталогъ антикварной библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго", Кіевъ, 1874 г., № 4222.

— Нѣтъ, собаку.

— Яку собаку?

— Нашего капитана. Сегодня сбѣжала у капитана собака, и вотъ она гдѣ! Гдѣ ты ее взялъ? Вотъ ужъ обрадуется капитанъ!

— Та се, москалю, вивця,—говоритъ мужикъ.

— Богъ съ тобою! какая вивця?

— Та що бо ты кажешъ? А кличъ же, чи пиде вона до тебе?

Солдатъ, показывая сѣно изъ подъ полы, говоритъ: „цуцу! цуцу!“

Овца начала рваться отъ хозяина къ солдату. Мужикъ колеблется, а солдатъ началъ ему представлять такіе резоны, что разувѣрилъ его окончательно. Мало того: онъ обвинилъ его въ воровствѣ, и тотъ, чтобъ только отвязаться, отдалъ солдату овцу и еще копу грошей [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что мотивъ этой комедіи заимствованъ отцомъ Гоголемъ изъ народныхъ преданій. О подобной продѣлкѣ солдата съ малорусскимъ мужикомъ мы находимъ нѣсколько народныхъ разсказовъ. По одному изъ нихъ, мужикъ Хома, по настоянію жены своей, пошелъ на ярмарку покупать лошадь и купилъ за четыре рубля „таку шкапу, що здыхать збіралась“. Онъ повелъ ее домой и съ усиліемъ тянулъ за поводъ. Гдѣ ни взялись два москаля. Одинъ изъ нихъ перерѣзалъ поводъ, на которомъ велъ мужикъ клячу, передалъ ее другому москалю, а самъ ухватился за конецъ повода, оставшійся въ рукахъ мужика, и пошелъ за нимъ, упираясь какъ кляча. Около заставы люди стали спрашивать Хому, зачѣмъ онъ тащитъ за собой москаля на веревкѣ. Хома какъ глянулъ, такъ и похолодѣлъ, и въ перепугѣ бросилъ веревку и москаля и убѣжалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ встрѣтился съ кумомъ Омелькомъ и снова отправился съ нимъ на ярмарку. Смотритъ Хома, а кляча, перевернувшаяся у него въ москаля, опять стоитъ на томъ же мѣстѣ. Кумъ Омелько сталъ было торговать ее, но Хома толкнулъ его подъ бокъ и тихонько сказалъ: „Омельку, дядьку! відчепись та від сеейі шкапи: се не коняка, а москаль“ [2]). По другому разсказу, записанному Я. Г. Кухаренкомъ, лошадь такимъ же способомъ превратилась въ монаха [3]).

Комедія „Простакъ“ издана Кулишомъ въ „Основѣ“ [4]), вѣроятно съ рукописи, хранящейся въ бывшей библіотекѣ Д. П. Трощинскаго [5]),

---

1) „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, 1856 г., т. 1. стр. 15—16.

2) „Народныя южнорусскія сказки“ Рудченка, вып. 2. Кіевъ. 1870 года, № 41.

3) „Основа“, за октябрь, 1861 г.

4) Тамъ же, за февраль, 1862 г.

5) „Каталогъ антикварной библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“, Кіевъ, 1874 года, № 4222.

и отсюда трижды перепечатывалась въ особыхъ изданіяхъ и сборникахъ. Содержаніе этой пьесы почти то же самое, что у Котляревскаго въ „Москалѣ-Чарівникѣ". „Мы не знаемъ навѣрное,—говоритъ Кулишъ,—которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если „Простакъ", то комедія Гоголя—отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго; если же Гоголь—отецъ взялъ сюжетъ „Москаля-Чарівника" и обработалъ его посвоему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устраняли ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь". Мы съ своей стороны не считаемъ нужнымъ ставить пьесы Котляревскаго и Гоголя—отца въ генетическую связь между собою и думаемъ, что обѣ онѣ, независимо одна отъ другой, могли возникнуть изъ народныхъ источниковъ, о которыхъ мы говорили выше при разборѣ „Москаля-Чарівника". Эти народные источники могли оразнообразиться тѣми случаями изъ бытовой, дѣйствительной жизни, которые подали Котляревскому и Гоголю—отцу мысль написать свои комедіи. По крайней мѣрѣ о пьесѣ Гоголя—отца тотъ же Кулишъ передаетъ, что въ ней представлены дѣйствительныя лица, мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованьи, или на другихъ условіяхъ, и принадлежавшіе, какъ видно, къ высшему лакейству. Они явились въ комедіи подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянскомъ быту, и хотя разыгрывали почти то же, что случалось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ. Трощинскій былъ человѣкъ екатерининскаго вѣка и любилъ держать при себѣ шутовъ; но этотъ Романъ былъ смѣшонъ только своимъ тупоуміемъ, которому бывшій министръ юстиціи не могъ достаточно надивиться. Что касается до жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умѣла водить мужа за носъ [1]).

Дѣйствіе происходитъ въ малороссійской хатѣ, убогой, но чистенькой. Параска выпроваживаетъ Романа въ поле за зайцами и вмѣсто гончей собаки даетъ ему поросенка, увѣряя, что кумъ всегда ловитъ зайцевъ поросятами, а сама, между тѣмъ, въ отсутствіе мужа собирается погулять съ дьякомъ Хомой Григоровичемъ. Является дьякъ и объясняется съ Параской книжнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, котораго она вовсе не понимаетъ; но ихъ объясненія прерваны были появленіемъ соцкаго, который велъ къ Параскѣ солдата на постой. Параска спрятала дьячка подъ прилавокъ и закрыла рядномъ. Соцкій, увидѣвъ на столѣ водку, приготовленную для Хомы Григоровича, выпиваетъ ее съ солдатомъ и Параской, платитъ деньги за водку и ухо-

[1]) „Записки о жизни Гоголя", 1856 г., т. I, стр. 13.

дить, а солдатъ ложится будто бы спать. Но не успѣлъ Хома Григоровичъ выйти изъ своей засады, какъ возвращается Романъ, разсерженный неудачной охотой на зайцевъ: его поросенокъ убѣжалъ куда-то. Параска показываетъ Роману заранѣе приготовленнаго зайца и увѣряетъ своего глупаго мужа, что поросенокъ дѣйствительно перенялъ зайца и принесъ его домой. Но не удалось ей провести хитраго москаля. Проснувшись, солдатъ проситъ у хозяюшки поѣсть чего нибудь и, получивъ отказъ, самъ вызывается накормить хозяина; ставитъ его середь хаты съ закрытыми глазами, а между тѣмъ выноситъ и ставитъ на столъ кушанье и варену, приготовленныя для Хомы Григоровича. Романъ со страхомъ приступаетъ къ волшебному кушанью, которое, по его предположенію, варилось въ аду. Послѣ того Параска упрашиваетъ солдата выпустить дьяка, и солдатъ соглашается. Подъ видомъ изгнанія изъ хаты чертей, приготовлявшихъ кушанье, солдатъ ставитъ супруговъ среди хаты, завязываетъ имъ глаза, связываетъ руки и велитъ произносить волшебныя будто бы слова, а самъ въ это время раздѣваетъ дьячка, намазываетъ его сажей и, развязавши глаза супругамъ, выгоняетъ его изъ хаты.

Дьякъ, выпачканный, черезъ сцену уходитъ вонъ.

Романъ дрожитъ и крестится. „Який же страшний".

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналъ, а гнѣздо себѣ возьму (прибираетъ дьяково платье).

Романъ. О, спасибі тобі, добродію служивий! тильки прошу не въ гнівъ: скажить, будте ласкаві, я чувъ, що нечистий духъ зъ рогами, а у сего и ріжківъ нема.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! (хватаетъ себя за лобъ).

Солдатъ. Ничего, Романъ! (Трепля Романа по плечу). И получше тебя бываютъ съ рогами.

Романъ. Парасю! що жъ міні робити?

Параска. Якъ би ти не лежавъ зранку до вечора та робивъ такъ, якъ люде роблять, то бъ не було сего нічого; а то поти лежавъ, поки вылупивъ чорта. Я тобі скілько казала: „Эй, Романе, не лінуйся! Ліность до добра ніколи не приводить".

Гоголь—отецъ искусно почерпнулъ изъ роднаго быта содержаніе своей комедіи. „Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе,—говоритъ Кулишъ. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями,

которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія“.

„Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ еще болѣе властительныхъ лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая, молодая женщина, очутясь женою глуповатаго и лѣниваго старика, говоритъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, тѣмъ болѣе, что дьячки, при тогдашнемъ состояніи бурсъ, были большею частью люди изуродованные навѣки. Солдатъ, служившій впроголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, попавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... Pauvre diable, онъ пускается на смѣшныя штуки; иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ“ [1]).

Кромѣ внутренняго своего достоинства, комедіи Гоголя—отца имѣютъ значеніе для послѣдующаго развитія украинской литературы. Гоголь—сынъ интересовался комедіями своего отца, выписывалъ изъ нихъ эпиграфы къ своимъ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки“ и воспроизводилъ здѣсь нѣкоторыя отдѣльныя сцены изъ этихъ комедій.

6

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко [2]).

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко воспитывался въ Харьковѣ и здѣсь познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, приблизительно въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка [3]). Въ 1836 году Кухаренко написалъ оперетту „Черноморськиий побитъ“. Т. Г. Шевченко очень хвалилъ эту пьесу, самъ отдалъ ее въ 1842 г. въ цензуру и желалъ видѣть ее въ печати; но она неиздава была въ то время. Много разъ пробовалъ Кухаренко свое перо и посылалъ пробы къ своему харьковскому пріятелю для

---

1) Основа, за февраль, 1862 г.,

2) Источники: „Основа“, за 1861 и 1862 гг.; 2) „Збірникъ творівъ“ Я. Кухаренка. Кіевъ. 1880 г. 3) „Покажчикъ“ М. Комарова, Кіевъ, 1883 г.

3) „Основа“, за октябрь 1862 г., рѣчь З. Ѳ. Недоборовскаго.

печати; но въ теченіи многихъ лѣтъ ни одна строка не была предана тисненію [1]). Къ концу срока ссылки Шевченка, Яковъ Герасимовичъ переписывался съ нимъ и высылалъ ему денежное пособіе; а Шевченко, по освобожденіи изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, думалъ было заѣхать къ Кухаренку въ гости. Вѣроятно, близкія, дружескія отношенія Кухаренка къ Шевченку были причиною того, что на произведенія перваго стали смотрѣть теперь снисходительнѣе: журналъ „Основа" любезно открылъ для него свои страницы. Въ этомъ журналѣ помѣщены были слѣдующія сочиненія Я. Г. Кухаренка: 1) „Вороний кінь" [2]); 2) „Черноморськый побитъ,—оперетта, часть первая" [3]); 3) „Пластуни" [4]); 4) „Вівці і чабани въ Черноморіи" [5]). Кромѣ того, Я. Г. Кухаренко намѣревался писать о многомъ, что хранила его память, изъ военнаго и гражданскаго быта родной Черноморіи, и все написанное сообщать въ „Основу", которой передалъ также вторую часть „Черноморського побиту" и кой-какія свои замѣтки. Вторую часть „Черноморського побиту" Яковъ Герасимовичъ думалъ было исправить. Но неожиданная трагическая смерть прервала его литературныя занятія. Будучи начальникомъ одного изъ закубанскихъ отрядовъ, генералъ-маіоръ Кухаренко вызванъ былъ командующимъ войсками кубанской области, по дѣламъ службы, изъ Черноморіи въ Ставрополь и 19 сентября 1862 года, на почтовомъ трактѣ по Кубани, подвергся внезапному нападенію партіи конныхъ абаздеховъ и взятъ въ плѣнъ, послѣ краткой обороны одного противъ восьми. Связанный по рукамъ и по ногамъ, онъ принужденъ былъ двѣ ночи мчаться почти двухсотверстное разстояніе, трижды или болѣе падалъ съ коня и умеръ въ плѣну, въ абаздехскомъ аулѣ. Тѣло его было выкуплено сыномъ его Степаномъ Кухаренкомъ и 6 октября 1862 года предано землѣ на екатеринодарскомъ загородномъ кладбищѣ [6]). Вскорѣ послѣ смерти Я. Г. Кухаренка умерла и „Основа", и потому не были въ ней напечатаны остальныя сочиненія Кухаренка, равно какъ и его біографическій очеркъ, приготовлявшійся сыновьями покойнаго для „Основы".

Изъ напечатанныхъ сочиненій Я. Г. Кухаренка „Пластуни" и „Вівці і чабаны в Черноморіи" имѣютъ чисто этнографическій интересъ; „Вороний кінь"—есть не что иное, какъ пересказъ народной сказки, похожей на комедію Гоголя—отца „Собака—Вивця". Собственно

---

1) Тамъ же, за ноябрь и декабрь 1861 г.
2) Тамъ же, за октябрь 1861 г.
3) Тамъ же, за ноябрь и декабрь 1861 г.
4) Тамъ же, за февраль 1862 г.
5) Тамъ же, за май, 1862 г.
6) Тамъ же, за сентябрь и октябрь 1862 г.

литературное значеніе имѣетъ оперетта „Черноморський побитъ", характеризующая бытъ кубанскихъ козаковъ между 1794 и 1796 годами, во время первоначальнаго заселенія прикубанскихъ равнинъ остатками разбѣжавшихся запорожцевъ и другими выходцами изъ Украины.

Нравы и обычаи тогдашней Черноморіи были вообще тѣ же самые, что и въ украинской Руси, но отличались нѣкоторою грубостью, по причинѣ рѣзкости характеровъ, которые выдавались изъ массы населенія и нерѣдко были съ нею въ разладѣ. Тутъ, между прочимъ, запорожская привычка къ бурлацкой безженной жизни столкнулась съ необходимостью жениться и вести жизнь семейную. И такъ какъ мѣстныя власти прилагали попеченіе о размноженіи семействъ, то брачные союзы заключались иногда невзначай, безъ соблюденія всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которыми они сопровождались и сопровождаются въ Украинѣ. Сами священники черноморскіе были, такъ сказать, импровизированнымъ духовенствомъ. Черноморія подлежала въ то время вѣдомству ѳеодосійскаго епископа. Довольно было аттестаціи со стороны старшины черноморской, чтобы присланный къ нему грамотный козакъ былъ рукоположенъ въ іереи. Такъ какъ черноморскіе козаки головы и бороды брили, оставляя только чубъ и усы, то долго еще послѣ рукоположенія сохраняли воинственный видъ свой; но это не мѣшало прихожанамъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою же увѣренностію въ дѣйствительности ихъ служенія, какъ и къ старымъ попамъ. Случалось и такъ еще, что войсковая старшина, видя стараго, заслуженнаго козака неисправимымъ въ задорной, безпокойной для общества жизни, приговаривала его, въ видахъ исправленія нравственности, къ рукоположенію въ священники. Разсчетъ здѣсь былъ тотъ, что козакъ, уважая въ себѣ духовный санъ, опомнится и начнетъ вести жизнь порядочную. И дѣйствительно, не было, говорятъ, примѣра, чтобы поставленный такимъ образомъ попъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ. Эти-то и другія подобныя черты черноморскихъ нравовъ и обычаевъ,—говорится въ примѣчаніи къ опереттѣ,—представлены г. Кухаренкомъ въ его очень интересной и очень живой, характерной пьесѣ, съ замѣчательнымъ пониманіемъ сценическаго искусства.

Содержаніе первой части оперетты „Черноморський побитъ" слѣдующее. Маруся, дочка Явдохи Драбинихи, любитъ молодаго козака Ивана Прудкаго, тогда какъ сама Явдоха имѣетъ въ виду другаго жениха для своей дочери. Между тѣмъ Иванъ Прудкій отправляется за Кубань на черкесовъ; но, прощаясь съ Марусей, онъ узнаетъ отъ нея о намѣреніяхъ ея матери и поручаетъ свою Марусю надзору брата своего Илька и покровительству своего крестнаго отца, сотника Тупицы. Предосторожности оказались неизлишними. Явдоха дѣйствительно задумала выдать свою дочь за богатаго старика Кабицю, который безобраз-

ничалъ цѣлую ночь на досвіткахъ и поутру явился въ пьяномъ видѣ сватать Марусю. Не смотря на отказъ послѣдней, мать Явдоха настаиваетъ на своемъ и приглашаетъ на заручины безшабашныхъ супруговъ Цвіркуна и Цвіркунку, послѣ чего Кабиця отправляется къ попу, недавно поставленному изъ козаковъ, и улаживаетъ съ нимъ дѣло относительно свадьбы. Но сотникъ Тупица разстраиваетъ ихъ планы и, напоивъ Кабицю пьянымъ, женитъ его на некрасивой дѣвицѣ Кулинѣ, а Марусю сберегаетъ для своего крестника Ивана Прудкаго, который и женится на ней по возвращеніи изъ похода.

Ходъ пьесы напоминаетъ собою „Наталку-Полтавку" Котляревскаго. Тамъ и здѣсь героиня любитъ молодаго человѣка, оставляющаго на время свою родину, и принуждается своею матерью выйти замужъ за богатаго, но безпардоннаго старика; та и другая пьеса оканчивается желаннымъ соединеніемъ молодыхъ людей. Самые отрицательные типы обѣихъ пьесъ походятъ одни на другихъ, какъ родные братья. Замѣтную особенность „Черноморського побита" составляетъ развѣ введеніе въ пьесу народныхъ историческихъ думъ изъ появившихся тогда сборниковъ ихъ, напримѣръ думъ о Савѣ Чаломъ, Гнаткѣ, Харкѣ и др., и характеристическія отличія черноморскаго быта; но и эти отличія составляютъ только фонъ пьесы, а не существенное содержаніе, которое въ обѣихъ пьесахъ сходно. Поэтому мы полагаемъ, что оперетта „Черноморський побитъ" написана по подражанію оперѣ Котляревскаго „Наталка-Полтавка", и обѣ эти пьесы должны быть разсматриваемы и оцѣниваемы съ одинаковой точки зрѣнія,—первая какъ подражаніе, а послѣдняя какъ оригиналъ.

Въ 1878 году оперетта Кухаренка появилась въ передѣлкѣ г. Старицкаго подъ заглавіемъ „Чорноморці", съ музыкой М. Лисенка; но и эта передѣлка не имѣла успѣха въ малорусской публикѣ.

II.

Сентиментальная украинская литература нынѣшняго вѣка.

Сентиментальная литература представляетъ прямую противоположность классической и псевдоклассической литературѣ. Взамѣнъ высокаго и торжественнаго содержанія и тона послѣдней, сентиментальная литература имѣетъ своимъ предметомъ вседневную жизнь съ ея радостями и страданіями, съ ея мелкими случайностями и великими, не всегда и для всѣхъ замѣтными жертвами. Она возникла въ западной Европѣ непосредственно за развитіемъ средняго сословія, явилась на смѣну псевдоклассицизму и выражалась въ различныхъ формахъ— сентиментальной повѣсти, семейномъ и нравственномъ романѣ и мѣщанской драмѣ. Представляя одинъ изъ моментовъ общечеловѣческаго развитія, сентиментальность, безъ ея крайностей и увлеченій, или истинная чувствительность, занимаетъ извѣстное мѣсто и въ жизни отдѣльнаго лица, и въ жизни цѣлаго народа или племени, причастнаго общечеловѣческому развитію. Если примѣнить это общее положеніе къ украинской литературѣ, то нужно признать, что и въ ея исторіи былъ періодъ, запечатлѣнный особенною чувствительностью или сентиментальностью въ сравненіи съ другими ея періодами. Украинская литература въ своемъ развитіи шла о бокъ съ сосѣдними литературами,— польскою и особенно русскою, и отражала на себѣ какъ всѣ другія литературныя направленія ихъ, такъ и сентиментальное. Еще у И. П. Котляревскаго въ его оперѣ „Наталка-Полтавка“ замѣчается значительное присутствіе сентиментальнаго элемента, роднящаго ее съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго. Полнѣе же выразилось сентиментальное направленіе въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драматическихъ пьесахъ Квитки или Основьяненка. Но въ то время, когда писалась „Наталка-Полтавка“ Котляревскаго, въ русской литературѣ сен-

тиментализмъ дошелъ уже до своихъ крайностей и замѣтно переходилъ въ новое направленіе—романтическое. Жуковскій, написавъ свою „Марьину рощу“ по примѣру „Бѣдной Лизы“ Карамзина, въ другихъ своихъ повѣстяхъ и балладахъ является уже представителемъ романтизма, сущность котораго составляли—стремленіе души къ христіанскимъ идеаламъ, нравственная чистота, непоколебимая вѣра, семейныя добродѣтели, искреннія сердечныя привязанности и проч. Въ правильной постановкѣ новыхъ идеаловъ поэзіи, въ предпочтеніи идеальнаго реальному, нравственнаго матеріальному, въ стремленіи души къ небесному, въ грустномъ чувствѣ отъ неизбѣжныхъ сердечныхъ утратъ заключается главная, существенная сторона романтизма Жуковскаго. Она нисколько не противорѣчитъ сентиментализму, напротивъ восполняетъ и завершаетъ его. Кромѣ того, въ романтизмѣ Жуковскаго отмѣчаютъ обыкновенно еще одну сторону второстепенной важности, а именно—особенную любовь Жуковскаго къ средневѣковымъ рыцарскимъ преданіямъ и къ средневѣковымъ суевѣріямъ, привидѣніямъ, мертвецамъ и проч. Обѣими этими сторонами романтизмъ Жуковскаго имѣлъ вліяніе и на украинскую литературу въ лицѣ Квитки и его ближайшихъ послѣдователей и умѣрялъ крайности его сентиментальнаго направленія. Среди повѣстей и разсказовъ идеально-нравственнаго характера, у Квитки встрѣчаются повѣсти, захватывающія таинственный міръ демонологіи и волшебства, какъ напримѣръ „Мертвецькій великъ-день“, „Отъ тоби й скарбъ“, и проч. Но ближайшіе послѣдователи Квитки не останавливаются и на этомъ идеально-сентиментальномъ мірѣ и, оставаясь вѣрными основному принципу, въ значительной мѣрѣ подчиняются вліянію Пушкина и подаютъ руку романтико-художественному направленію русской литературы. Такимъ образомъ, сентиментальное направленіе въ украинской литературѣ, начинаясь подражаніями сентиментальнымъ повѣстямъ Карамзина и Жуковскаго, въ конечномъ своемъ развитіи граничитъ съ художественнымъ романтизмомъ Пушкина. Центромъ или фокусомъ этого сентиментальнаго направленія въ украинской литературѣ служитъ Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко.

1.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка (Основъяненко) [1]), родился въ подгородномъ харьковскомъ селѣ Основѣ, отъ котораго заимствовалъ впослѣдствіи свой псевдонимъ Основъяненка. Родъ Квитки вышелъ изъ

[1]) Важнѣйшіе источники: 1) „Москвитянинъ“, 1843 г., № 10, ст. К. М. Сементовскаго; 2) „Южный русскій сборникъ“, Метлинскаго, 1848 г.; 3) „Гри-

приднѣпровской Украйны и принадлежалъ къ стариннымъ дворянскимъ родамъ въ Харьковѣ. Старшій братъ нашего писателя, Андрей Ѳедоровичъ, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ и около 25 лѣтъ сряду состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Григорій Ѳедоровичъ родился 18 октября, 1778 года, и съ первыхъ дней своей жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ и отъ золотухи потерялъ зрѣніе. Исцѣленіе его произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій монастырь на богомолье. Это обстоятельство, въ связи съ семейными преданіями рода Квитокъ, къ которому принадлежали архимандритъ Палладій Квитка и, по женской линіи, бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Горленко, опредѣлило навсегда его религіозно-нравственное настроеніе и влекло въ тишину монастырскаго уединенія. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ подъ руководствомъ дяди своего, настоятеля Куряжскаго монастыря, архимандрита Палладія Квитки, и, достигнувъ 12 лѣтъ, изъявилъ желаніе поступить въ монашество. Но, по неотступнымъ просьбамъ матери, онъ оставался въ теченіи двухъ лѣтъ въ домѣ родителей, потомъ числился нѣсколько времени въ военной и гражданской службѣ, и только на 23 году своей жизни исполнилъ завѣтное свое желаніе и поступилъ въ Куряжскій монастырь послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками, около четырехъ лѣтъ. Здѣсь онъ исполнялъ разныя послушанія, ходилъ за монастырскими лошадьми и проч. По другому преданію, Григорій Ѳедоровичъ Квитка и въ монастырѣ пользовался нѣкоторыми льготами и игралъ на фортепіано въ своей келліи. О томъ, какъ онъ оставилъ монастырь, разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Будто бы однажды Квитка повезъ на парѣ воловъ въ Харьковъ продавать сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень, и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и засѣлъ въ грязь. Мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали моло-

---

горій Квитка и его повісті",—слово на новий виходъ Квитчинихъ повістей", Кулиша, С.-Петербургъ, 1858 г.; 4) „Украинская Старина", Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г.; 5) „Поэзія славянъ", Гербеля, С.-Петербургъ, 1871 года; 6) Краткій очеркъ жизни и литературныхъ заслугъ Г. Ѳ. Квитки",—изложеніе реферата В. Науменка, въ №№ 143—4 „Кіевлянина" за 1878 годъ; 7) „Григорій Ѳедоровичъ Квитка,—біографическій очеркъ", А—ра, Одесса, 1878 года; 8) „Древняя и Новая Россія", за апрѣль 1879 года; 9) „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, изд. 2, т, 1, С.-Петербургъ, 1879 года, и 10) „Г. Ѳ. Квитка", Н. Маркова, и три письма Г. Ѳ. Квитки къ М. А. Максимовичу, въ „Кіевской Старинѣ", за іюнь, 1883 г. Остальные источники показаны въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 года. По слухамъ, въ Харьковѣ приготовляется собраніе сочиненій Г. Ѳ. Квитки, подъ редакціей профессора Потебни.

даго человѣка и стали кричать: Квитка! Квитка!.. Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился въ Основу.

Съ этой поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта, но религіозно-нравственное настроеніе удержалось въ немъ навсегда и проглядываетъ въ большей части его литературныхъ произведеній. Между тѣмъ, здоровье Квитки совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ, и хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, взрывомъ пороха опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ, но началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ по возвращеніи изъ монастыря дичился. Молодость взяла свое,—и у него явилась веселость. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 годовъ, Квитка занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, при чемъ обыкновенно выбиралъ для себя роли самыя веселыя и трудныя. Въ 1806 году онъ снова и въ послѣдній уже разъ опредѣлился въ военную службу и оставался въ ней одинъ только годъ.

Между тѣмъ, въ 1805 году въ Харьковѣ открытъ былъ университетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось въ городѣ сильное умственное и общественное движеніе. Явились театръ, клубы, литературные вечера, литературныя періодическія изданія, разныя общества и учрежденія. Григорій Ѳедоровичъ Квитка, безъ сомнѣнія, многимъ обязанъ былъ въ своемъ развитіи этому умственному и общественному движенію и вскорѣ самъ принялъ въ немъ дѣятельное и видное участіе. Въ началѣ 1812 года въ Харьковѣ возникъ правильный и постоянный городской театръ, и директоромъ его вскорѣ явился Квитка. Званіе директора театра онъ бросилъ по случаю занятій по женскому институту, который тоже открытъ былъ по его мысли харьковскимъ „Благотворительнымъ обществомъ“. Даже литературное поприще свое Г. Ѳ. Квитка началъ статьями, замѣтками и отчетами о названныхъ учрежденіяхъ. Особенно близкія связи онъ имѣлъ съ институтомъ. „Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ“ открытъ былъ въ 1812 году. Квиткѣ ввѣрено было главное управленіе дѣлами института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, „принесъ въ жертву почти все достояніе свое“. Чревъ отношенія къ нему онъ тѣсно сблизился съ талантливымъ украинскимъ писателемъ П. П Гулакъ-Артемовскимъ, который, состоя лекторомъ и потомъ профессоромъ харьковскаго университета, съ 1818 года былъ и преподавателемъ института, и познакомился съ одной изъ достойнѣйшихъ классныхъ дамъ института, Анной Григорьевной Вульфъ, которая около 1818 года пріѣхала изъ Петербурга въ Харьковъ на мѣсто классной дамы изъ пепиньерокъ Екатерининскаго института. Тогда Квиткѣ было уже подъ 40 лѣтъ. Черезъ два года по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, Анна Гри-

горьевна вышла за Квитку замужъ. И Гулакъ-Артемовскій, и Анна Григорьевна имѣли весьма важное значеніе въ литературной жизни Основьяненка: первый написалъ нѣсколько стихотворныхъ посланій къ Квиткѣ и имѣлъ значительную долю вліянія на выборъ предмета и характеръ нѣкоторыхъ его произведеній; Анна Григорьевна принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ своего мужа, лелѣяла его жизнь, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, выслушивала и поправляла его сочиненія и даже давала иногда темы для его украинскихъ повѣстей. По институтскому образованію своему, она склонна была къ чувствительности и къ моднымъ въ то время сентиментальнымъ повѣстямъ, въ родѣ повѣстей Карамзина и Жуковскаго, и ея-то вліянію, безъ сомнѣнія, много обязаны украинскія повѣсти Квитки своею задушевностію и теплотою чувства. Въ послѣдствіи времени и В. А. Жуковскій руководилъ Квитку своими совѣтами.

При всемъ томъ, Г. Ѳ. Квитка не былъ слѣпымъ орудіемъ стороннихъ вліяній, но, какъ человѣкъ талантливый, способенъ былъ и самъ понимать явленія окружающей его жизни и давать имъ посильную оцѣнку и художественное выраженіе. А жизнь Квитки поочередно раздѣлялась между городомъ и селомъ и представляла для его наблюденія самые разнообразные, даже противоположные типы: съ одной стороны—чиновный міръ, выкроенный по одной формѣ и возвышающійся надъ масою народа, если не образованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, положеніемъ; съ другой—патріархальныя, идиллическія картины сельскаго быта. Съ 1817 по 1829 годъ Григорій Ѳедоровичъ занималъ должность предводителя дворянства харьковскаго уѣзда и проживалъ въ самомъ Харьковѣ; но около 1831 года онъ переселился въ Основу на свой хуторъ, и хотя съ 1832 года состоялъ совѣстнымъ судьею Харькова, а съ 1840 года—предсѣдателемъ харьковской палаты уголовнаго суда, но навѣдывался въ Харьковъ только по дѣламъ службы. Онъ умеръ въ 1843 году. Эти два періода въ жизни Г. Ѳ. Квитки,—городской и сельской,—наложили рѣзкую печать на произведенія нашего автора и раздѣлили ихъ на двѣ группы: къ первой относятся комедіи и нравоописательные романы его на русскомъ языкѣ, въ которыхъ изображаются отрицательные типы изъ чиновничьей и дворянской среды; ко второй—малорусскія драматическія произведенія и чувствительныя повѣсти изъ простонароднаго быта. Впрочемъ, обѣ эти группы подходятъ подъ общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городскою изысканною и сельскою простою жизнью и преувеличенную наклонность автора къ послѣдней. Поэтому, обѣ означенныя группы Квиткиныхъ сочиненій должны быть разсматриваемы съ одной точки зрѣнія, какъ члены одного общаго цѣлаго.

Изъ комическихъ и нравоописательныхъ произведеній Квитки на русскомъ языкѣ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: 1) комедія „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ", написанная въ 1827 году, но напечатанная лишь въ 1840 году; 2) „Дворянскіе выборы", 1829 года; 3—4) комедіи „Шельменко-писарь", 1831 года, и „Шельменко-деньщикъ", на смѣшанномъ русско-украинскомъ языкѣ, и 5—6) два нравоучительные романа „Панъ Халявскій", 1839 года, и „Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ", 1841 года, но задуманные и начатые гораздо раньше означенныхъ годовъ.

Небезъинтересна по своей судьбѣ первая комедія Квитки—„Пріѣзжій изъ столицы", по сюжету имѣющая сходство съ „Ревизоромъ" Гоголя. У Квитки такъ же, какъ и въ „Ревизорѣ" Гоголя, дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, не окончившій ученія и ненадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь такія же: и судья Спальникъ, и почтовый экспедиторъ Печаталкинъ, который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣздныхъ училищъ Ученосвѣтовъ, и частный приставъ Шаринъ, напоминающій Держиморду, и, наконецъ, двѣ пріятныя дамы—сестра городничаго Трусилкина и племянница его, которыя также влюбляются въ „милашку ревизора". Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ занимаетъ у нихъ деньги отъ 27 руб. 80 коп. до 500 руб. асс.,—значительнаго куша, взятаго у городничаго. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества и о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ, при развязкѣ также происходитъ, по словамъ Основьяненка, нѣмая сцена, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: „Вотъ бумаги отъ губернатора, съ жандармомъ присланныя!" Вслѣдствіе такого сходства между обѣими комедіями, явившимися въ печати почти одновременно, въ 40-хъ годахъ ходили разные толки о взаимномъ отношеніи ихъ между собою: одни считали комедію Квитки подражаніемъ „Ревизору" Гоголя, не зная, что „Пріѣзжій изъ столицы" написанъ былъ еще въ 1827 году; другіе съ большимъ основаніемъ утверждали, что Квитка въ этой суматохѣ многое подмѣтилъ до „Ревизора" и донесъ ему о разныхъ безпорядкахъ въ губерніи къ свѣдѣнію. Самъ Гоголь утверждалъ, что мысль „Ревизора" передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго событія во время его поѣздки за матеріалами для исторіи пугачевскаго бунта въ Оренбургъ, и что Пушкинъ сообщилъ ему—Гоголю о подоб-

ной же исторіи, случившейся съ Свиньинымъ во время его поѣздки въ Бессарабію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь передавалъ Аксакову, что онъ слышалъ о комедіи Квитки, хотя и не читалъ ее. Конечно, на основаніи этого показанія Гоголя, С. Т. Аксаковъ разрѣшилъ недоумѣніе слѣдующимъ образомъ: „не подлежитъ сомнѣнію, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варьяціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ“.

Конечно, комедія Квитки не можетъ въ художественномъ отношеніи и сравниваться съ комедіей Гоголя, но, представляя для своего времени весьма интересное изображеніе окружающей дѣйствительности, она свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ относился Квитка къ извѣстнымъ сторонамъ этой дѣйствительности, въ которой чуть не всѣ „служащіе“ могли попадать въ положеніе чиновниковъ комедіи Гоголя, по пословицѣ— „на ворѣ и шапка горитъ“. Отнесясь отрицательно къ окружающему, Квитка проявилъ уже въ своей первой комедіи и достаточно живую наблюдательность, и остроуміе, что еще больше сказалось въ другой его комедіи „Дворянскіе выборы“, которая попала нѣкоторымъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. „За „Выборы“ теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ“, писалъ Квитка Плетневу. По поводу этой комедіи, В. А. Жуковскій совѣтовалъ автору продолжать въ тотъ же тонѣ и съ тою же цѣлью. „Когда же я,—говоритъ Квитка,—изъяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ“. Результатомъ совѣтовъ В. А. Жуковскаго явились два нравоописательные романа Квитки— „Панъ Халявскій“ и „Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова“ (Пустолобова), которые, поэтому, являются прямымъ и естественнымъ продолженіемъ его комедій. Первый изъ этихъ романовъ „начатъ,—говоритъ Квитка,—по порученію Василія Андреевича, прореданному мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника Панина, чтобы описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все до послѣдняго... Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процессы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч “ Краски для романа взяты изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и даже изъ собственнаго житейскаго опыта Квитки. Другой романъ „Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова“ тоже имѣлъ въ виду осмѣяніе общественныхъ недостатковъ. „Давно я приступилъ къ описанію жизни Пустолобова (тоже, что Столбикова), имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ, говоритъ Квитка. Онъ простачекъ, не получившій образованія, чудно мыслитъ, будто понимаетъ дѣло, но превратно отъ общихъ разумѣній.

Въ малолѣтствѣ остался сиротою. Его имѣніе раззоряютъ судьи, опекуны; его развращаютъ, поручаютъ въ пансіонъ мадамъ Филу; пансіонъ и потомъ дальнѣйшія его похожденія, участіе въ выборахъ и много—много". „При первой мысли я сообразилъ,—пишетъ Квитка Плетневу,—что, по выходѣ этой книги, всѣ опекуны, судьи, содержатели пансіоновъ, предводители и всѣ описанныя мною по именованіямъ лица, всѣ возстанутъ на меня. Здѣсь пречудный народъ! Вышла „Козырь-дівка", и судья сердится на меня, что никогда бубликовъ не принимаетъ отъ просителей; за „Выборы" теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ. Въ „Новогодникѣ" вышла статья „Скупецъ" (отрывокъ изъ романа), и всѣ додумываются, кого это я описалъ? Что же будетъ, когда выйдетъ сатира на всѣ злоупотребленія, дѣлаемыя людьми во всѣхъ званіяхъ?" Такою именно сатирою Квитка хотѣлъ сдѣлать свой романъ „Жизнь и похожденія Столбикова".

Нельзя не обратить вниманія на тѣсную связь, хотя и слабыхъ въ художественномъ отношеніи, произведеній Квитки на русскомъ языкѣ съ дѣйствительною жизнью, съ живыми интересами провинціальнаго общества. Въ этомъ отношеніи много помогла ему и его служебная дѣятельность, представлявшая обширное поле для наблюдательности. „Безъ всякаго научнаго образованія,—говоритъ о Квиткѣ одинъ изъ его біографовъ,—благодаря лишь труду, природному здравому смыслу и пламенной любви къ просвѣщенію, онъ съумѣлъ понять значеніе литературной дѣятельности, какъ служенія общему благу, и употребляетъ ее съ цѣлью обличенія отрицательныхъ сторонъ окружавшей его дѣйствительности".

Къ сожалѣнію, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ біографомъ Квитки, будто обличительныя произведенія его имѣли живой интересъ для провинціальнаго общества, возбуждая въ немъ всякаго рода толки, обсужденіе не однихъ только личныхъ, но и разнаго рода общественныхъ вопросовъ. Сатира его скользила только по поверхности провинціальной жизни, вырывала изъ нея частныя явленія и не приносила обществу существенной пользы, не преобразовывала его въ новое, лучшее бытіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, судитъ о сатирическихъ сочиненіяхъ Квитки на русскомъ языкѣ большинство его біографовъ и рецензентовъ, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Нѣкоторые изъ малорусскихъ критиковъ приписываютъ неудачливость обличительныхъ сочиненій Квитки на русскомъ языкѣ вліянію на него чуждой русской литературы, между тѣмъ какъ русскіе критики объясняютъ ее недоразвитостію автора. Г. Кулишъ, напримѣръ, о русскихъ сочиненіяхъ Квитки говоритъ слѣдующее: „занимаясь общественными дѣлами, онъ началъ еще съ 1816 года писать для харьковскаго журнала статьи объ институтѣ, записки, письма, комедіи для театра и всякую всячину; а, получивши доступъ

въ столичные журналы, по совѣту пріятелей, писалъ романы по образцу журнальныхъ. И какъ все это дѣлалось для однихъ господъ, то и стало минутной забавой барскаго общества. Больше господа не знали, чего домогаться отъ Квитки; взяли они съ него, что хотѣли; онъ угождалъ всякой ихъ просьбѣ, всякому совѣту. Заплатилъ Квитка великую и тяжкую дань своему вѣку, и если бы былъ у него меньшій даръ, то онъ потонулъ бы и совсѣмъ исчезъ между современниками, потомство не знало бы его и не считало великимъ писателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же теперь станетъ читать его недоносковъ Халявскихъ, Столбиковыхъ и всякіе другіе разсказы на иноязычной рѣчи!"

Казалось-бы, если Квитка писалъ свои комедіи и романы иноземной, т. е. русской рѣчью и по требованію русскихъ господъ (Жуковскаго), то онъ долженъ бы угодить ими русскимъ читателямъ и критикамъ, какъ впослѣдствіи угодилъ имъ Гоголь. Но оказывается, что и русскіе читатели и критики холодно и даже несочувственно отнеслись къ сочиненіямъ Квитки на русскомъ языкѣ. Исключеніе составляетъ развѣ комедія „Шельменко", долго державшаяся на Александринскомъ театрѣ. Значитъ, дѣло тутъ не въ иноязычной рѣчи и не во вкусахъ русскихъ господъ, а въ чемъ-то другомъ. Это другое что-то и указываетъ г. Пыпинъ, когда говоритъ, что „Основъяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія и степенью своего общественнаго пониманія, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ, или за поученіе народа въ „Листахъ до любезныхъ земляковъ". Особенно доставалось въ свое время Квиткѣ за его романы „Панъ Халявскій" и „Похожденія Столбикова", и притомъ изъ самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагерей. „Есть разнаго рода остроумія,—говорилось въ „Библіотекѣ для чтенія" о панѣ Халявскомъ,—болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство—пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними,—весь этотъ дрянной, выдохлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валящіяся на-земь въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка! и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества, на лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ

зеркаломъ: все это можетъ казаться замысловатымъ какой нибудь ярмаркѣ, какому нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи, но я не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе". О „Похожденіяхъ Столбикова" Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Не понимаемъ, что за охота такому почтенному и талантливому писателю, какъ г. Основъяненко, тратить время и трудъ на изображеніе глупцовъ, подобныхъ Столбикову. Петръ Столбиковъ самъ, отъ своего лица, разсказываетъ исторію своей жизни и въ этомъ разсказѣ не всегда бываетъ вѣренъ собственному характеру: изъ пошлаго глупца, идіота, иногда вдругъ становится онъ умнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, а потомъ опять дѣлается глупцомъ. Въ поступкахъ онъ также противорѣчитъ самому себѣ: то умно управляетъ имѣніями помѣщиковъ, то, сдѣлавшись предводителемъ дворянства, подаетъ губернатору проэктъ объ истребленіи саранчи такимъ образомъ: пусть она ѣстъ хлѣбъ, а мужики должны въ это время обрѣзать у ней крылья, или что-то въ этомъ родѣ. Столбиковъ г. Основъяненка не потому не могъ добиться отличать въ картахъ масть отъ масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу, даже не потому, что мошенникъ опекунъ дурно воспитывалъ его, а потому, что оный Столбиковъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у француза Филу.—„Эти „Похожденія",—писалъ Сеньковскій,—не что иное, какъ тяжелое подражаніе тяжелымъ романамъ покойной школы Жиль-Блаза. Есть даже мѣста, въ которыхъ все заимствовано у этого писателя, исключая главнаго, что составляетъ романъ, т. е. исключая слога".

Значеніе Квитки, какъ писателя, основывается собственно на его сочиненіяхъ на малорусскомъ языкѣ, за которыя земляки Квитки даютъ ему значеніе первоклассного малорусскаго писателя. „Имя Квитки,—говоритъ Сементовскій,—лучшее украшеніе страницы малорусской литературы,—перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію завѣтное сокровище, неоцѣненный перлъ".

По счету Н. И. Костомарова, Квитка написалъ по-малорусски двѣнадцать повѣстей и пять драматическихъ произведеній. Повѣсти—слѣдующія: „Салдацькый патретъ", „Маруся", „Мертвецькый велыкъдень", „Добре роби—добре й буде", „Конотопська відьма", „Отъ тоби й скарбъ", „Козырь-дивка", „Перекоти-поле", „Сердешна Оксана", „Пархимово снидание", „Божи дити", „Щира любовь" [1]), къ которымъ нужно присоединить еще разсказы „Пидбрехачъ" и „Напу-

[1]) Впрочемъ, „Щира любовь", насколько мы знаемъ, не была напечатана на малорусскомъ языкѣ.

щанья якъ завязано" и повѣсть „Ганнуся". Къ драматическимъ произведеніямъ Квитки на малорусскомъ языкѣ г. Костомаровъ отчисляетъ: комедіи — „Шельменко-писарь" и „Шельменко-деньщикъ", „Сватання на Гончаривці", „Щира любовь" и „Бой-жинка", изъ которыхъ послѣдняя не была напечатана, но игралась на харьковской сценѣ.

Всѣ почти эти украинскія произведенія Квитки переведены были и на русскій языкъ, но въ русскомъ переводѣ значительно утратили свою первоначальную свѣжесть. Самъ Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу слѣдующее: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски, и совершенно по-русски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи, — и что же? Малороссы — не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ: выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія — національности, дѣйствія — характерамъ, мыслящимъ по-своему". Подобнымъ образомъ отзывался о русскихъ переводахъ малорусскихъ произведеній Квитки и Даль-Луганскій. „Я думаю, говорилъ онъ, что Квитка — одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разсказщиковъ на народномъ нарѣчіи своемъ. Многословная болтовня его на родномъ языкѣ всегда простодушна и умна, на русскомъ же — нерѣдко пошловата". Изъ этого мы заключаемъ, что главное достоинство украинскихъ произведеній Квитки заключается въ томъ, что онѣ писаны не „иноязычной рѣчью", а на украинскомъ же языкѣ, который въ первый разъ примѣненъ у него къ повѣстямъ. Правда, этотъ языкъ изобилуетъ у Квитки харьковскими провинціализмами, но этотъ недостатокъ значительно искупается сочувствіемъ автора къ простому народу и желаніемъ освѣтить и возвысить его убогую жизнь. Из. И. Срезневскій говорилъ о Квиткѣ: „худо бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказщика-наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, не въ томъ, однако, его истинная заслуга. Заслуга его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться, и любовью къ книгѣ — душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ своемъ простомъ, сельскомъ быту". „Взялъ онъ для разсказа, — говоритъ Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Квитки, — самую низшую матерію изъ всѣхъ, какія были у него предъ глазами: покинулъ дворянъ, покинулъ суды, институты, монастыри, взялъ неграмотнаго, темнаго,

простаго земледѣльца и разсказалъ его же рѣчью, что дѣлается въ его хозяйствѣ, въ сельской околицѣ и въ хатѣ между бабьемъ. И вышелъ у него прекрасный Божій міръ какъ будто еще прекраснѣе, нежели у насъ передъ глазами". „Этими достоинствами Квитка имѣлъ,— по словамъ г. Костомарова,—громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда читали ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ".

Но писатель можетъ питать горячее сочувствіе къ низшему классу народа и вызывать у читателей слезы и все-таки не совсѣмъ вѣрно изображать народную жизнь: доказательствомъ тому служатъ сентиментальныя, слезливыя русскія повѣсти, начиная съ „Бѣдной Лизы" Карамзина. Поэтому спрашивается,—вѣрно-ли и насколько вѣрно изображается въ украинскихъ произведеніяхъ Квитки малорусская народная жизнь? Вопросъ этотъ рѣшался и рѣшается различно. „Русскимъ читателямъ,—говоритъ г. Пыпинъ,—повѣсти Основьяненка казались вообще сентиментальными идилліями, его женскіе народные характеры слишкомъ идеализированными, фраза слишкомъ манерной и болтливой; но его соотечественники до сихъ поръ сохранили о немъ то же выгодное мнѣніе, какое произвели въ нихъ повѣсти Основьяненка при своемъ первомъ появленіи". Приведемъ отзывы наиболѣе видныхъ представителей сѣверно-русской и южно-русской литературъ объ украинскихъ произведеніяхъ Квитки. По-поводу оперетки нашего автора—„Сватання на Гончаривці"—Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка; слѣдственно, много нужно таланта, чтобъ идеализировать ее до поэзіи... Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило". Г. Костомаровъ, напротивъ, во всѣхъ украинскихъ произведеніяхъ Квитки видитъ вѣрное изображеніе мѣстной народной жизни, чуждое всякой идеализаціи и преувеличенія. „Трудно опредѣлить превосходство одной его повѣсти предъ другою,— говоритъ онъ, потому что каждая имѣетъ свои достоинства и представляетъ то ту, то другую сторону народнаго быта, нравовъ и взглядовъ. Если въ „Солдатскомъ портретѣ" Квитка, описывая сельскую ярмарку, рисуетъ простодушіе поселянина до того комически, что возбуждаетъ смѣхъ въ самомъ серьезномъ читателѣ, то въ „Марусѣ", „Сердечной Оксанѣ", и въ „Божьихъ дѣтяхъ", при разнообразіи отношеній и положеній, выражаетъ такую полноту, глубину и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу у самаго веселаго и безпечнаго. Въ повѣстяхъ „Конотопська видьма", „Отъ тоби й скарбъ", „Мертвецькій великъ-день" онъ выставляетъ самыя затѣйливыя фантастическія представленія; въ повѣстяхъ „Добре роби—добре й буде", „Перекоти-

поле"—изображаетъ народныя нравственныя понятія; въ „Козырь-дивкѣ" выводитъ отношенія, въ которыхъ народная сельская жизнь сталкивается съ властью и администраціей; и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художественномъ построеніи". Чтобы отклонить упреки, дѣлаемые великорусскими критиками Квиткѣ за искусственную сентиментальность, которую онъ будто бы навязываетъ изображаемому имъ народу, и вмѣстѣ обезоружить этихъ критиковъ, г. Костомаровъ неразъ утверждаетъ, что „именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу нѣтъ: незаслуженный упрекъ происходитъ отъ того, что критики не знали народа, который изображалъ малороссійскій писатель!"

Впрочемъ, и нѣкоторые изъ авторитетныхъ малороссовъ находили извѣстную долю искусственной сентиментальности въ украинскихъ произведеніяхъ Квитки. Г. Чупрына (А. А. Котляревскій) говоритъ о Квиткѣ слѣдующее: „Сфера чувства, такъ сказать сердечная, дотолѣ почти невѣдомая въ малороссійской словесности, широко раскрывается во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Основьяненка, и съ этой стороны его можно назвать вполнѣ народнымъ романистомъ. Но, отдавая справедливость достоинствамъ и заслугамъ Основьяненка, не забудемъ и его недостатковъ: они по большей части состоятъ въ невыдержанности характеровъ. Дѣло въ томъ, что онъ не былъ художникомъ. Оттого при изображеніи любви простой украинской „дивчыны" онъ такъ часто сбивается на искусственную сентиментальность, едва ли возможную въ быту простолюдина". Да и самъ г. Костомаровъ въ 1844 году находилъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Квитки неестественность и сентиментальность, какъ напримѣръ въ изображеніи характера Василя въ Квиткиной повѣсти „Маруся". К. Шейковскій замѣчаетъ о повѣстяхъ Квитки, что онѣ замѣчательны не въ художественномъ отношеніи, а какъ слабые матеріалы для изученія народнаго быта. И только въ послѣдствіи времени, сопоставляя Квитку съ Шевченкомъ, украинскіе критики стали игнорировать эти недостатки Основьяненка и приписывать ему то, чего онъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Г. Кулишъ необинуясь говоритъ, что „когда осіяла Квитку съ его простодушными твореніями огненная поэзія Шевченка, тогда понятно стало намъ, что Наумъ Дротъ (въ „Марусѣ" Квитки)—тотъ же Кішка Самійло народный, потому что выдержалъ онъ пробу не меньше Самойловой, живучи дома на чужинѣ, и, бѣдуя вѣкъ за вѣкомъ, не погнулся, не унизился духомъ твердымъ и высокимъ". Но, вѣдь, Квитка и Шевченко—не сіамскіе близнецы, и каждый изъ этихъ писателей долженъ быть оцѣниваемъ съ исторической точки зрѣнія.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что искусственную сентиментальность признають далеко не за всѣми украинскими произведеніями Квитки, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ дѣйствительно является вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ украинскія произведенія Квитки можно раздѣлить на два разряда: 1) веселыя, насмѣшливыя, комическія повѣсти и драматическія пьесы, съ замѣтнымъ этнографическимъ колоритомъ, и 2) трогательныя, чувствительныя повѣсти и пьесы, съ легкимъ этнографическимъ оттѣнкомъ, въ которыхъ естественный элементъ чувства доводится иногда до преувеличенія и крайностей. Къ первымъ относятся „Солдацькій патретъ", „Мертвецькый великъ-день", „Конотопська видьма", „Отъ тоби й скарбъ", „Купованый розумъ", „Пархимово снидание", „Пидбрехачъ", „Напущаньня якъ завьязано"; ко вторымъ—всѣ остальныя украинскія произведенія Квитки. Разсмотримъ тѣ и другія отдѣльно.

Еще г. Мастакъ, различая у Квитки комическія и трогательныя украинскія повѣсти и драматическія пьесы, сопоставлялъ первыя съ русскими комедіями Квитки „Дворянскіе выборы" и „Шельменко" и находилъ между ними родство. Въ самомъ дѣлѣ, эти комическія украинскія произведенія Квитки суть не что иное, какъ продолженіе его русскихъ комедій, постепенно углубляющееся въ малорусскую народную почву. Въ первой его комической повѣсти „Солдацькій патретъ" еще замѣтны литературные пріемы И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго и отчасти каррикатурное изображеніе малорусской жизни; но въ дальнѣйшихъ повѣстяхъ этого рода Квитка иногда прямо беретъ содержаніе для себя изъ народныхъ преданій и народной жизни, подвергая лишь незначительной передѣлкѣ.

Повѣсть „Солдацькій патретъ" имѣетъ еще слѣдующее добавочное заглавіе: „Латыньска побрехенька, по-нашему разсказана". По словамъ Мастака, „основаніемъ этой повѣсти послужила извѣстная латинская пословица: ne sutor ultra (supra) crepidam [1]). Мы съ своей стороны прибавимъ, что эта повѣсть напоминаетъ намъ также басню Эзопа — Momi censura. Во всякомъ случаѣ, повѣсть основана на латинскихъ источникахъ, между тѣмъ какъ самъ Квитка не владѣлъ латинскимъ языкомъ. Потому позволительно предположить, что самая идея повѣсти внушена Квиткѣ кѣмъ либо другимъ и именно другомъ его, П. Гулакомъ-Артемовскимъ, который извѣстенъ своими переложеніями съ латинскаго языка на малорусскій,—и повѣсть во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою литературную манеру Гулака-Артемовскаго и отчасти И. П. Котляревскаго и Гоголя—отца. Въ ней разсказывается объ одномъ искус-

---

1) См. „Ученыя записки московскаго университета", октябрь, 1834 г.

номъ малороссійскомъ малярѣ (живописцѣ) Кузьмѣ Трохымовичѣ, который подрядился одному господину написать солдата, да такого, который былъ бы какъ живой и пугалъ воробьевъ на огородѣ. Кузьма Трохымовичъ написалъ солдата, но предварительно отправился съ нимъ на ярмарку, чтобъ выставить его тамъ и выслушать, что будутъ говорить люди. Здѣсь сначала всѣ принимали солдатскій портретъ за живаго солдата и только впослѣдствіи разсмотрѣли, въ чемъ дѣло. Позже всѣхъ проходила мимо портрета толпа парней, большею частію занимавшихся какимъ нибудь ремесломъ. Предводитель ихъ „швець" (сапожникъ) Терешко сначала отдалъ портрету честь, какъ живому; но, пристыженный другими, говорилъ, будто онъ нарочно поклонился портрету, чтобы подразнить маляра, но что на самомъ дѣлѣ портретъ плохо написанъ, такъ какъ неправильно изображены голенище, подборы и подъемъ. Кузьма Трохымовичъ нашелъ справедливымъ замѣчаніе швеца и тотчасъ же, по уходѣ парней, исправилъ у солдата обувь. Между тѣмъ парни воротились назадъ и замѣтили, что маляръ послушался Терешки. „Эге! еще бъ то не послухавъ,—замѣтилъ самодовольный Терешко и, подбочěнясь, продолжалъ: я вже сылу знаю и заразъ побачу, що недошныты. Чоботы теперъ якъ чоботы, якъ я навчывъ,—такъ мундѣръ не туды дывыцьця. Треба, щобъ рукава ось такъ..."—„А зась, не знаешь!"—крикнулъ Кузьма Трохымовичъ изъ своего шалаша: „швець знай свое шевство, а у кравецство не мишайся!" Г-ну Мастаку особенно нравился въ этой повѣсти „мастерской очеркъ сельской малороссійской ярмарки" и эпизодъ о похожденіяхъ дивчатъ, „вышедшихъ на ярмарку поглявѣть,—та щобъ чи не пожартують парубкы зъ нымы". Нужно, впрочемъ, замѣтить, что парни и дѣвушки ведутъ себя на ярмаркѣ не совсѣмъ-то скромно и прилично, и вся ярмарка представлена Квиткой въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ. Пародіей отзываются и слѣдующіе разсказы Квитки: „Пархимово снидання", „Купованый розумъ", „Пидбрехачъ" и нѣкоторые другіе. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ Пархомъ—такой же набитый дуракъ, какъ и Романъ въ комедіи Гоголя—отца „Простакъ". Замѣтивъ шашни своей жены, Пархомъ требуетъ отъ нея нѣсколько копѣекъ на лакомства, но по своей глупости покупаетъ хрѣну и съѣдаетъ его. „Пидбрехачъ" это—человѣкъ, помогающій свату врать о достоинствахъ жениха; но, по глупости, онъ преувеличиваетъ не только достоинства, но и недостатки жениха. „Купованый розумъ" представляетъ намъ школьника, доучившагося до совершеннаго отупѣнія.

Выше этихъ пародированныхъ произведеній Квитки стоятъ его комическія повѣсти и разсказы, заимствующіе свое содержаніе изъ народныхъ преданій, какъ то: „Мертвецькій великъ-день", „Конотопська відьма" и „Отъ тобі й скарбъ". Правда, и въ нихъ есть отчасти карри-

катурный элементъ, но онъ заслоняется народнымъ содержаніемъ этихъ разсказовъ и повѣстей. „Мертвецькій великъ-день“ есть пасха мертвецовъ, которую они справляютъ въ четвергъ на святой недѣлѣ, собираясь въ свою приходскую церковь на ночное богослуженіе, которое совершаетъ умершій священникъ. И горе тому живому человѣку, который случайно попадетъ на ихъ праздникъ! Квитка воспользовался этимъ народнымъ повѣрьемъ и старался объяснить его происхожденіе хмѣльнымъ бредомъ пьяныхъ мужиковъ; но почему-то пріурочилъ „Мертвецкій великъ-день“ къ масляничному заговѣнью и чистому понедѣльнику, когда въ Малороссіи справляется собственно „полоскозубъ“. „Полоскозубъ“ состоитъ въ полосканіи зубовъ водкою, чтобы не осталось между ними масляничнаго сыра; въ противномъ случаѣ, за этимъ сыромъ придутъ вѣдьмы. Очевидно, Квитка смѣшалъ въ своей повѣсти эти два народные праздника. Повѣсть „Конотопська відьма“ основана на чисто малорусскомъ историческомъ преданіи. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ козацкій сотникъ Забреха и писарь Пистрякъ, не понимая прямыхъ своихъ обязанностей, занимались топленіемъ мнимыхъ вѣдьмъ въ прудѣ и сами сдѣлались жертвою мести этихъ вѣдьмъ и получили заслуженное наказаніе отъ своего начальства. „Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, говоритъ самъ Квитка, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи“. Объ этомъ обычаѣ говоритъ и современный Квиткѣ украинскій писатель П. П. Белецкій-Носенко. Повѣсть „Отъ тобі й скарбъ“ разсказываетъ о Хомѣ Маслякѣ изъ села Джигунивці, который помѣшался на отысканіи кладовъ, растратилъ на нихъ все свое состояніе и, наконецъ, рѣшился на послѣднее средство—продаться чорту, чтобы съ его помощію получить кладъ. Дѣло было какъ-разъ передъ пасхой, когда его односельчане приготовлялись къ этому свѣтлому празднику. Хома Maслякъ встрѣчается съ цыганкой и при помощи ея знакомится съ Юдуномъ, т. е. самимъ чортомъ. Черти заводятъ его въ непроходимыя болота и справляютъ съ нимъ свой чертовскій шабашъ. Хома едва выбрался отъ нихъ и добрался до своего села, но вскорѣ послѣ того умеръ. Нѣчто подобное разсказывается въ Малороссіи объ отысканіи кладовъ и въ настоящее время [1]); слѣдовательно, повѣсть Квитки основана на народныхъ малорусскихъ преданіяхъ. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что Квитка не остается вполнѣ вѣренъ народнымъ преданіямъ и нерѣдко измѣняетъ и перемѣшиваетъ ихъ; слѣдовательно, онъ смотрѣлъ на эти преданія только какъ на матеріалъ для своихъ повѣстей и разсказовъ и въ этомъ отношеніи посту-

1) См. „Малорусскія преданія и разсказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 43.

палъ точно такъ же, какъ И. П. Котляревскій въ своихъ операхъ и Гоголь—отецъ въ своихъ комедіяхъ.

Совершенно почти новымъ явленіемъ въ украинской литературѣ были повѣсти и драматическія пьесы Квитки съ сентиментальнымъ и трогательнымъ содержаніемъ. Раньше Квитки написана была въ этомъ тонѣ только „Наталка-Полтавка" Котляревскаго. Квитка далъ сентиментальности широкое развитіе и въ первый разъ сполна ввелъ ее въ украинскую повѣсть. Къ сентиментальнымъ и трогательнымъ произведеніямъ его относятся: „Маруся", „Сердешна Оксана", „Щира любовь", „Добре роби—добре й буде", „Козырь-дивка", „Перекати-поле" и др.

Содержаніе повѣсти „Маруся" слѣдующее. Жилъ-былъ Наумъ Дротъ, человѣкъ честный, трудолюбивый, хорошій хозяинъ, товарищъ, супругъ и отецъ; его жена Настя во всемъ была подъ-пару ему. Долго не было у нихъ дѣтей; наконецъ Богъ послалъ имъ дочь Марусю, тихую, скромную, добрую, червоную якъ панська рожа (роза). Въ нее-то влюбился парубокъ Васыль, горожанинъ, ремесломъ свытныхъ, увидѣвши ее разъ на свадьбѣ у одной ея подруги; онъ познакомился съ ней по дорогѣ въ городъ и заслалъ сватовъ къ родителямъ Маруси, но получилъ отказъ отъ Наума, потому что Василю была очередь идти въ рекруты; если же онъ непремѣнно хочетъ сдѣлаться его зятемъ, то впередъ долженъ пріискать за себя наемщика. Василь пошелъ къ купцу, торговавшему желѣзомъ, въ сидѣльцы, выучился у него грамотѣ и такъ полюбился хозяину, что онъ обѣщалъ поставить на его мѣсто рекрута. Наумъ, обрадованный этимъ, сдѣлалъ сговоръ и обручилъ свою дочь съ Василемъ; но свадьба отложена была на время, по случаю отъѣзда жениха по разнымъ торговымъ дѣламъ въ Одессу, Москву и др. Въ отсутствіе его Маруся простудилась, получила воспаленіе легкихъ и умерла. Василь воротился къ похоронамъ Маруси и затѣмъ навсегда удалился изъ села. Онъ умеръ іеродіакономъ Венедиктомъ въ кіево-печерской лаврѣ.

Этнографическаго элемента въ этой повѣсти весьма мало: онъ проглядываетъ только въ описаніи народныхъ обрядовъ сватанья и погребенія. Затѣмъ, все содержаніе Маруси—общечеловѣческаго характера, въ духѣ сентиментальности, получившей у насъ широкое развитіе съ легкой руки Н. М. Карамзина. И Квитка, подобно Карамзину, бралъ сюжеты своихъ повѣстей изъ низшаго или средняго класса народа, влагалъ въ своихъ героевъ и героинь возвышенныя, благородныя и нѣжныя чувства, располагающія въ ихъ пользу и высшіе классы общества, и заставлялъ своихъ читателей и читательницъ проливать обильныя слезы. „Написалъ Квитка свою повѣсть „Маруся", говоритъ Кулишъ, и кто ни читалъ ее, всякій плакалъ. О чемъ же плакать, читая „Марусю"? Развѣ ея доля ужъ очень несчастна? Нѣтъ, тутъ не печаль об-

нимаетъ душу, не изъ этого источника текутъ у читателя слезы. Душа тутъ обновляется, смотря на роскошную красу дѣвичью и чистое дѣвическое сердце. Это—не Маруся у насъ передъ глазами: это—наша юность, это—тѣ дни святые, приснопамятные, когда и у насъ было красно, чисто и свято въ сердцѣ". „Это—первая была книжка,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—которая дышала тѣмъ же духомъ, какимъ и слово Учителя благаго. Квитка посмотрѣлъ на насъ, простыхъ людей, тѣмъ же самымъ простымъ взглядомъ, какъ и тотъ великій человѣколюбецъ. Мы изумились, какъ ясно засіялъ нашъ народный образъ, даромъ, что къ нему густымъ слоемъ присталъ пахарскій потъ. Глубоко заглянули мы съ Квиткой въ душу простаго народа и сами задумались, откуда у него такая неотразимая глубина... Квитка первый довелъ украинцевъ до слезъ рѣчью украинскою и тѣмъ показалъ, что мы еще не сдѣлались никуда негодными, потому что и у насъ есть что разсказать по-своему, есть надъ чѣмъ заплакать. И, должно быть, много значитъ нашъ народъ простой въ своихъ домотканныхъ свиткахъ, когда, вошедши въ семью, самый разумный и ученый изъ насъ считаетъ эту семью своею родною, самый славный и знатный изъ насъ, самый высокій и чистый духомъ не отказался бы признать Марусю родною сестрою, и ея матерь—родною матерью, и ея отца—роднымъ отцомъ... Одна очень развитая въ области вкуса дама выразилась о Наумѣ Libertyтѣ: „это—такой мужикъ, у котораго съ почтеніемъ можно поцѣловать руку". Вотъ такимъ-то людомъ, убогимъ и смиреннымъ, похвалился нашъ Квитка передъ всѣмъ свѣтомъ: есть ли, молъ, другой такой на всемъ великомъ свѣтѣ" [1]). Въ этомъ восторженномъ отзывѣ г. Кулиша о Квиткиной „Марусѣ" довольно ясно обрисованы сентиментальныя черты ея, можетъ быть—помимо сознанія самого г. Кулиша. А Н. И. Костомаровъ въ первомъ (по времени) своемъ обзорѣ украинской литературы прямо замѣчаетъ, что „характеръ Василя неясенъ и даже неестественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Марусѣ,—онъ сентименталенъ, и самое его удаленіе въ монастырь не производитъ сильнаго эффекта [2]). Кромѣ того, г. Мастакъ находилъ, что повѣсть „Маруся" чрезвычайно растянута и невольно наводитъ скуку при чтеніи.

Совершенно подъ-пару Марусѣ другая героиня Квитки Галочка въ его повѣсти „Щира любовь" и драматической пьесѣ съ тѣмъ же заглавіемъ. Галочка, дочь обывателя подгородья Гончаривки, Таранца

---

[1]) „Основа", мартъ, 1861 г., стр. 28, и апрѣль того же года, стр. 54 и 81.

[2]) „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малороссійскомъ языкѣ", въ Молодикѣ, за 1844 годъ.

полюбилась умному, честному и благородному офицеру Зорину и сама его полюбила, но любовью идеальною и самоотверженною, и не хотѣла выйти за него замужъ, чтобы неравнымъ бракомъ съ нимъ не повредить его общественному положенію и служебной карьерѣ. Она выходитъ замужъ за своего работника Миколу, сохнетъ отъ грусти и умираетъ. Повѣсть несомнѣнно написана при участіи жены Квитки Анны Григорьевны и отличается сильной идеализаціей и сентиментальностью. Редакторъ „Современника“ Плетневъ назвалъ Галочку существомъ нѣсколько идеальнымъ. Въ отвѣтъ на это Анна Григорьевна писала ему „Почему вы находите, что Галочка—существо неземное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобъ въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я васъ могу увѣрить, что Галочка существовала и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступаюсь за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ я давно просила мужа описать его“.—„Увы!—замѣчаетъ по поводу этого письма Г. Данилевскій,—почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи и — разсказать его все-таки сентиментально и вяло“.

Болѣе живой и человѣческій характеръ представляетъ „Сердешна Оксана“. Она была дочь вдовы Веклы Ведмедихи, которая, не смотря на свое вдовство, платитъ подушное, какъ мужчина, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ даетъ умные совѣты сельскому старостѣ. Оксана, въ противоположность сосредоточеннымъ въ себѣ Марусѣ и Галочкѣ, отличалась веселымъ характеромъ. Она привѣтлива была къ матери, но, какъ избалованное дитя, ничего не работала, хотя и способна была работать. Она согласилась выйти замужъ за крестьянина Петра, но втайнѣ мечтала о панской жизни. На бѣду, въ селѣ остановился на постой одинъ капитанъ со своими солдатами, полюбился Оксанѣ, соблазнилъ ее и увезъ съ собою. Но и для капитана она стала въ тягость, какъ только добился онъ своей нечистой цѣли, и потому онъ напоилъ ее пьяною, остригъ ей волосы и бросилъ ее на постояломъ дворѣ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, у Оксаны родился ребенокъ. Поруганная Оксана бѣжитъ съ этимъ ребенкомъ къ родному селу и на дорогѣ встрѣчается съ Петромъ, который любитъ ее по-прежнему и возобновляетъ сватовство; но Оксана считаетъ себя недостойною его руки и отказываетъ ему. Когда же и мать Оксаны была убита горемъ и дочернимъ срамомъ, Оксана соглашается поселиться въ хатѣ Петра, но все-таки не выходитъ за него замужъ. Однажды подросшій ея сынокъ увидѣлъ

въ селѣ капитана, который по лицу узналъ въ немъ сына Оксаны и далъ ему гривенникъ, но Оксана, догадавшись, что этотъ капитанъ былъ ея обольститель, выбросила гривенникъ за окно. Квитка самъ, какъ видно, считалъ „Сердешну Оксану" одною изъ лучшихъ своихъ повѣстей и даже сопоставлялъ ее съ „Катериной" Т. Г. Шевченка. Въ письмѣ отъ 23 октября, 1840 года, Квитка писалъ Шевченку: „А что Катерина, такъ ужъ подлинно Катерина! Хорошо, батюшка, хорошо! Больше не умѣю сказать. Вотъ такъ-то москалики военные обдуриваютъ нашихъ дѣвушекъ! Написалъ и я „Сердешну Оксану", вотъ точнехонько какъ и ваша Катерина. Прочитаете, какъ г. Гребенка напечатаетъ. Какъ это мы одно думали про бѣдныхъ дѣвушекъ да про бусурманскихъ солдатъ!"—По крайней мѣрѣ, это совпаденіе предметовъ у двухъ лучшихъ малорусскихъ писателей показываетъ, что и „Сердешна Оксана" и „Катерина" имѣютъ подъ собою бытовую почву, дѣйствительные жизненные факты, вытекающіе изъ склада жизни бездомнаго и зачерствѣлаго солдата и простой деревенской красавицы, заглядывающейся на блестящіе военные мундиры. Но, за исключеніемъ этой правдоподобной коллизіи, остальное въ повѣсти Квитки все-таки довольно идеально. Особенно это нужно сказать о характерѣ Оксаны, ея матери и Петра.

Повѣсть Квитки „Добре роби—добре й буде" доводитъ идеализацію сельской жизни до крайнихъ предѣловъ. Герой ея, простой крестьянинъ Тихонъ Брусъ, представляетъ изъ себя олицетвореніе разума и небесной добродѣтели на землѣ, безъ всякихъ земныхъ пятенъ, безъ живыхъ мѣняющихся красокъ. Въ виду угрожающаго голода, Тихонъ Брусъ совѣтовалъ своему обществу сдѣлать складчину хлѣба и производить аккуратную и бережливую выдачу изъ общественнаго магазина. Но общество не послушалось его, а между тѣмъ голодъ приближался. Тогда Брусъ употребилъ все свое довольно значительное состояніе на покупку хлѣба, даже заложилъ вещи своихъ домашнихъ, къ ихъ великому огорченію и неудовольствію, и спасъ все общество отъ голода, продавая ему закупленный хлѣбъ по сравнительно дешевой цѣнѣ. Повидимому, такой святой подвигъ долженъ былъ найти вознагражденіе въ себѣ самомъ; но онъ вознаграждается у Квитки самымъ обыденнымъ образомъ: Тихонъ Брусъ получаетъ серебряную медаль отъ царя и денежное вознагражденіе за убытки. Самъ издатель повѣстей Квитки, г. Кулишъ, въ своей рекламѣ объ этихъ повѣстяхъ какъ будто чувствовалъ всю неправдоподобность подобнаго черезчуръ идеальнаго характера въ крестьянской средѣ и неразъ увѣряетъ, что это не выдумка, а сущая правда, но увѣряетъ голословно.

Значительная доля идеализаціи находится и въ повѣсти „Козырь-дівка". Содержаніе повѣсти слѣдующее. Зажиточный крестьянинъ Тро-

химъ Макуха, содержатель постоялаго двора, имѣлъ въ своемъ семействѣ сына Тимоху—гулящаго и безпутнаго парня, дочь Ивгу—умную и добрую дѣвушку, и кромѣ того пріймита Левка—честнаго и трудолюбиваго парня. Левко и Ивга полюбили другъ друга и мечтали о взаимномъ счастьи въ супружествѣ. Но на постоломъ дворѣ у Макухи случилась пропажа денегъ. Ихъ укралъ сынъ Макухи Тимоха, а волостной писарь, самъ разсчитывавшій жениться на Ивгѣ, обвинилъ въ покражѣ Левка и препроводилъ его въ уѣздный судъ. Судъ, въ которомъ засѣдали бездѣятельные и безголовые судьи, притомъ же взяточники, не разслѣдовавъ дѣла, подтвердилъ обвиненіе и отправилъ Левка въ губернію для окончательнаго утвержденія судебнаго приговора надъ Левкомъ и отправки его въ Сибирь. Ивга знала дѣйствительнаго виновника покражи и рѣшилась во что бы то ни стало раскрыть передъ блюстителями правосудія истину и спасти ни въ чемъ неповиннаго и дорогаго для нея Левка. Она послѣдовала за своимъ Левкомъ въ уѣздный городъ; напрасно здѣсь домогалась того, чтобы ее выслушали уѣздные судьи. Ивга отправляется за осужденнымъ Левкомъ въ губернскій городъ и, по указанію губернаторскаго чиновника, обращается къ самому губернатору, который оказался въ высшей степени человѣкомъ безкорыстнымъ, благороднымъ и дѣятельнымъ. Разумѣется, онъ выслушалъ Ивгу, приказалъ разслѣдовать дѣло и воздалъ каждому по дѣламъ его. Кстати, и самъ виновникъ всей этой кутерьмы,—Тимоха, явился на ту пору въ губернскомъ городѣ, въ качествѣ рекрутскаго кутилы—наймита за другое лицо.—Справедливо говоритъ г. Кулишъ, что эта повѣсть есть „горькій укоръ тѣмъ людямъ, которые выбились изъ темнаго, безграмотнаго народа въ законники, да и засѣли въ законахъ, какъ мыши въ засѣкѣ". Это собственно относится къ волостнымъ писарямъ и членамъ уѣзднаго суда. Но, кромѣ этихъ мышей или канцелярскихъ крысъ, у Квитки въ этой повѣсти представлены и положительные типы, не только въ лицѣ Ивги и Левка, но и въ лицѣ губернатора. Напрасно г. Кулишъ говоритъ,—и притомъ не къ чести Квитки,—будто бы послѣдній похвалилъ губернатора, боясь его задѣть чѣмъ либо, или оскорбить. По нашему же мнѣнію, Квитка былъ вѣренъ себѣ, изображая въ хорошихъ чертахъ губернатора. Квитка часто изображалъ людей не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а какими они должны быть по евангельскому слову и общечеловѣческому идеалу. Поэтому и губернаторъ его есть губернаторъ идеальный, существовавшій только въ воображеніи автора.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о повѣсти Квитки „Перекати-поле". Она не можетъ быть отнесена къ сентиментальнымъ повѣстямъ, равно какъ и не принадлежитъ къ разряду шутливыхъ, комическихъ повѣстей Квитки и составляетъ особое въ нѣкоторомъ родѣ

исключительное явленіе. Повѣсть изображаетъ народныя нравственныя понятія и для этого пользуется народнымъ степнымъ преданіемъ о растеніи перекати-поле, которое, оторвавшись отъ своего корня, перекатывается вѣтромъ черезъ поля и степи и иногда пробѣгаетъ громадныя пространства. Въ фантазіи украинскихъ писателей перекати-поле часто служитъ поэтическимъ символомъ безроднаго скитальца, оторваннаго отъ роднаго корня. Квитка разсказываетъ въ своей повѣсти о двухъ парубкахъ—Денисѣ Лискотунѣ и Трохимѣ, сынѣ Венгерихи, изъ которыхъ первый издавна занимался воровствомъ, хотя и слылъ за честнаго человѣка. Оба они отправились на заработки въ одинъ городъ; Трохимъ достаточно заработалъ, а Денисъ Лискотунъ прогулялъ все время и пустился на воровство, но былъ пойманъ Трохимомъ. Домой возвращались они вмѣстѣ, и Лискотунъ, опасаясь дома огласки своего воровства, убилъ и обобралъ своего спутника, который передъ смертью указалъ своему убійцѣ на перекати-поле, какъ на свидѣтеля преступленія. Дѣйствительно, перекати-поле глубоко врѣзалось въ душу убійцы, мучило его преступную совѣсть и заставило, наконецъ, сознаться въ убійствѣ Трохима. По народному колориту, поэтическому замыслу и естественности разсказа, это—одна изъ лучшихъ, по нашему мнѣнію, украинскихъ повѣстей Квитки.

Итакъ, мы видимъ, что произведенія Квитки—самаго разнообразнаго содержанія и характера: писаны частію на русскомъ, частію на малорусскомъ языкѣ, касаются то городской и панской, то сельской жизни, и изображаютъ ту и другую въ отрицательномъ и положительномъ свѣтѣ. Мы выше замѣтили, что все это разнообразіе произведеній Квитки можетъ быть подведено подъ одно общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городскою изысканною и сельскою простою жизнью. Тѣмъ не менѣе, не всѣ его произведенія имѣютъ равную цѣну и значеніе. Ниже всего стоятъ его нравоописательные романы на русскомъ языкѣ—„Панъ Халявскій» и „Похожденія Столбикова". Выше ихъ стоятъ русскія его комедіи „Дворянскіе выборы", „Шельменко деньщикъ" и „Шельменко писарь", по крайней мѣрѣ нравившіеся русской публикѣ. Но малороссы собственно цѣнили его произведенія на украинскомъ языкѣ, къ которымъ относятся его драматическія пьесы и повѣсти Однѣ изъ нихъ представляютъ украинскую жизнь въ комическомъ и отчасти каррикатурномъ видѣ и имѣли предшественниковъ своихъ въ операхъ и комедіяхъ Котляревскаго и Гоголя—отца; другія, и притомъ болѣе многочисленныя, развивали элементъ чувства, свойственный малорусской природѣ, но нерѣдко доводили его до крайностей искусственной сентиментальности и иногда только приближались къ чистѣйшимъ звукамъ украинской народной словесности и поэзіи. Послѣднія-то собственно и пред-

ставляютъ новый вкладъ въ исторію украинской литературы и поэтому должны характеризовать Квитку, какъ писателя попреимуществу сентиментальнаго.

Но современники и ближайшее поколѣніе часто обращаютъ вниманіе не на характеристическія произведенія извѣстнаго писателя, а на второстепенныя и подражательныя. Такъ случилось и съ Квиткой. Какъ талантливый писатель, онъ имѣлъ немало послѣдователей; но собственно его идиллическимъ и сентиментальнымъ повѣстямъ подражали только немногіе, и притомъ большею частію позднѣйшіе писатели, напримѣръ Кулишъ, Марко-Вовчокъ, Ганна Барвинокъ и др. Большинство же его послѣдователей имѣло въ виду его комическія произведенія въ драматической формѣ и такимъ образомъ смотрѣло на него, какъ только на продолжателя литературной дѣятельности Котляревскаго въ его операхъ; но къ этому прибавляло кое-что изъ новыхъ русскихъ писателей—Крылова, Жуковскаго и даже Пушкина, а можетъ быть—и изъ польскихъ писателей

Къ числу ближайшихъ послѣдователей Квитки, но съ примѣсью другихъ литературныхъ элементовъ, относятся: Степанъ и Петръ Писаревскіе, Степанъ Васильевичъ Александровъ, Михайло Михайловичъ Макаровскій и Кириллъ Тополя [1]). Первые четыре писателя принадлежатъ лѣвобережной Украинѣ и находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ русской или малорусской литературы; послѣдній, хотя писалъ на малорусскомъ языкѣ, но отчасти носитъ на себѣ слѣды польскаго вліянія и принадлежитъ правобережной Украинѣ.

2

Степанъ Писаревскій [2])

Степанъ Писаревскій, больше извѣстный подъ псевдонимомъ Стецька Шерепери, по свидѣтельству Закревскаго, былъ харьковскимъ про-

---

[1]) Извѣстны еще слѣдующія украинскія произведенія этого времени: 1) „Маруся", повѣсть въ стихахъ, Одесса, 1834 года: 2) „Явтухъ-Горемыка", Таганрогъ, 1846 года; 3) „Цыганьска Шолопутьнява, або мій шляхъ до родины", Петра Довгоносенка (Сил...ль...ва), Петербургъ, 1836 года; 4) „Повисть Ганка, чи цвитъ пидъ судьбы косою", Вильгельма Чеховскаго, Кіевъ, 1852 г. Но мы не могли достать этихъ повѣстей. Сюда же можно отнести сочиненія братьевъ Карпенковъ.

[2]) Свѣдѣнія о его произведеніяхъ см. въ „Купала на Ивана", опера, Харьковъ, 1840 г.; „Сніпъ", Корсуна, Харьковъ, 1841 г.; „Ластовка", Гребенки, 1841 г., и „Старосвѣтскій бандуриста", Н. Закревскаго, 1860 г., стр. 29.

топопомъ и, вѣроятно, получилъ образованіе свое въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ или семинаріи; произведенія его писались и печатались между 1813 и 1841 годами. Изъ числа ихъ намъ извѣстны: 1) „Писулька до мого братухи Яцька, Мірянського пан-отця, тоді-ще, якъ я бурлакувавъ"; 2) пѣсня „За Нѣмань иду", сочиненная на походъ русскихъ войскъ за границу въ 1813 году для освобожденія Европы отъ власти Наполеона; 3) „Купала на Ивана, малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ, въ которой обряды купала и свадьбы, какъ водится у малороссіянъ, представлены въ подлинномъ ихъ видѣ съ національными пѣснями, сочиненіе Стецька Ш(ерепери), Харьковъ, 1840", но сочиненная еще въ 1838 году; 4) „Байка:—Крути, Панько, головою"; 5) „Пісня—Де-бъ-то допитаться правди", и 6) нѣсколько народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Шерепереею, подходящихъ къ разряду соромливыхъ.

„Писулька до мого братухи Яцька, Мірянського пан-отця (священника)" есть еще школьное произведеніе автора, въ которомъ онъ описываетъ въ комическомъ тонѣ благоденственное житіе своего брата священника, въ противоположность жалкому положенію школьника:

Ты, мабуть, повні закопелки
Уже наковкъ дітвори;
И цвіркуни, буцімъ суремки,
Цвірчать до тебе изъ нори...
Теперъ, братко, тобі ні-гадки!
Засівъ, якъ вовкъ, біля пань-матки;
Гризешъ шкоринку відъ книша...
Та дмешь сивуху изъківша...

—

Дерешъ изъ мертвого, зъ живого,
Захарамаркаешь—та й шагъ!
Чи хто окотиться у кого,
Чи мишу знайдуть въ бурякахъ,
Чи хто кому пашню закрутить,
Чи відъ кутти кому занудить,
То треба жъ, бачъ, щобъ помоглось:
Вже тутъ тобі не безъ чогось!

—

До тебе йде весь міръ зъ поклономъ,
Несе горілку та книши:
А якъ не такъ, то й макогономъ!
Адже?—Кажи жъ бо, не бреши!
Пани до тебе—сповидаться,
Смиренні вдови—покуматься,

Кунці, цигане, шинкарі
Въ тебе, якъ бджоли, на дворі!

—

А нашу браттю школяруку
Теперь десь, мабуть, ні-ухомъ", и проч.

По комическому тону, впрочемъ благородному и задушевному, эта писулька напоминаетъ намъ комическія произведенія Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго и, вѣроятно, написана подъ ихъ вліяніемъ. Комическимъ тономъ отзывается и байка (басня) С. Писаревскаго „Крути, Панько,—головою!" хотя содержаніе ея, повидимому, историческое. Въ баснѣ разсказывается, какъ Панько съ своею Одаркою, заслышавъ о набѣгѣ татаръ, спрятались на чердакъ. Къ нимъ прилѣзли еще Тимішъ и Харько; но всѣ они, одинъ за другимъ, выдали себя татарамъ неумѣстными восклицаніями. Когда татары поймали Панька на арканъ, ему—

Тимішъ кричить зъ журбою:
—Та що се ти, Панько! Крути лишъ головою!
„Алла! Тутъ не одинъ Иванъ [1]).
Й Тимішъ попався на арканъ!
—Ой, сучі ви сини! Ну, шобъ було мовчати!
Харько тоді озвавсь,—
Та й самъ на той арканъ попавсь...
И досі ще, якъ хто зустрінеться зъ бідою,
То ми кричимъ ему: крути лишъ головою!

Но болѣе замѣчательными въ историко-литературномъ отношеніи произведеніями С. Писаревскаго мы считаемъ его пѣсню „За Нѣмань иду" и оперу „Купала на Ивана", такъ какъ въ нихъ авторъ болѣе приближается къ уровню современной русской и украинской литературы, чѣмъ въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ. Его пѣсня „За Нѣмань иду", написанная тоническимъ размѣромъ, есть подражаніе стихамъ В. А. Жуковскаго—„Дубрава шумитъ, сбираются тучи", въ его стихотвореніи „Тоска по миломъ", а опера „Купала на Ивана" похожа своимъ содержаніемъ и складомъ на Квиткины драматическія пьесы изъ народной жизни и, кромѣ того, носитъ на себѣ печать вліянія поэзіи Пушкина.

Пѣсня „За Нѣмань иду" въ настоящее время сдѣлалась почти народною пѣснею и въ устахъ народныхъ потеряла первоначальный размѣръ свой. Мы возстановляемъ этотъ размѣръ въ первыхъ строфахъ ея, чтобы нагляднѣе видѣть ея отношеніе къ оригиналу Жуковскаго:

---

[1]) Иванами называютъ русскихъ.

За Нѣмань иду,
Ой, коню мій, коню!
Заграй підо мною,
Дивчино, прощай!
—За Нѣмань идешь, мене покидаешь:
Чого жъ ти, мій милий, собі тамъ бажаешь?
Хиба жъ тобі краща чужа сторона,
Своеи милійше родини вона?—
—Иду я туды,
Де роблять на диво
Червонее пиво
Зъ крові супостатъ.
—Чи вже-жъ ти задумавъ тимъ пивомъ упитись?
Чи вже-жъ ти задумавъ зо мной розлучитись?
Тобі мої слези, тобі моя кровь;
Да тилько не кидай за вірну любовь! и проч.

Содержаніе и ходъ оперы „Купала на Ивана“ слѣдующіе: парубокъ Иванъ Коваленко, влюбленный въ Любку Мирошникивну, возвращается съ Дочу домой и останавливается отдохнуть въ лѣсу у стараго дуба, невдалекѣ отъ хора дѣвицъ, справлявшихъ Купала. Отъ хора отдѣляется его Любка, подходитъ къ тому же дубу, отламываетъ вѣтки для купальскаго костра и, не замѣчая Ивана, обращается къ дубу, какъ къ живому существу, и высказываетъ передъ нимъ свою любовь къ Ивану и жалобу на то, что ее хотятъ отдать за немилаго, и затѣмъ возвращается къ подругамъ. Иванъ пораженъ этою новостью и не знаетъ, что дѣлать. Между тѣмъ, изъ цыганскаго шатра, расположеннаго вблизи, доносится цыганская пѣсня, по-малороссійски составленная изъ цыганской пѣсни Пушкина:

Мы блукаемъ по поляхъ,
По лисахъ дремучихъ.

По поводу этой пѣсни, Иванъ вспомнилъ про цыгана Шмагайла, расторопнаго и способнаго на всѣ штуки человѣка, и рѣшился обратиться къ нему за помощью. Является и самъ Шмагайло и сообщаетъ Ивану, что мать Любки Өеська умерла, и Любку взялъ къ себѣ дядя ея Панько Шереперя и хочетъ отдать ее, противъ ея воли, за кривоокаго Юрка Палыводу. Цыганъ обѣщается отбить Любку у Палыводы и проучить всю его компанію и для этого употребляетъ совершенно такой же пріемъ, какой употребилъ для той же цѣли его единоплеменникъ въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя: перерядившись со своей компаніей въ вѣдьмъ, вовкулаковъ (оборотней) и домовыхъ, Шмагайло пугаетъ Юрка Палыводу и его компанію и заставляетъ его отказаться отъ Любки въ пользу Ивана Коваленка. Въ заключеніе празднуется

свадьба Ивана съ Любкой, на которой цыганъ Шмагайло является дружкомъ.

Съ художественной стороны эта опера незамѣчательна и даже слабовата; но она заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ отношеніямъ своимъ. Квитка также писалъ оперу „Купало на Ивана", до насъ не дошедшую [1]), и опера С. Писаревскаго-Шерепери, по всей вѣроятности, есть подражаніе Квиткиной оперѣ, если не передѣлка ея. Далѣе, въ оперѣ Писаревскаго-Шерепери приведена цыганская пѣсня, по-малороссійски составленная изъ цыганской пѣсни Пушкина въ его поэмѣ „Цыганы". Очевидно, подъ вліяніемъ этой поэмы цыганъ Шмагайло является въ оперѣ С. Писаревскаго-Шерепери не вѣроломнымъ конокрадомъ, какимъ представляетъ цыгана простой народъ, а человѣкомъ честнымъ и правдивымъ, и участвуетъ на свадьбѣ Ивана и Любки въ качествѣ дружка. Съ такими же чертами цыганъ является и въ повѣсти Гоголя „Сорочинская ярмарка".

3.

Петръ Писаревскій [2]).

Петръ Писаревскій, вѣроятно, братъ Степана Писаревскаго, тоже воспитывался въ „бурсѣ", т. е. въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, вѣроятно, въ харьковскомъ коллегіумѣ. Въ своей стихотворной повѣсти „Стецько" онъ самъ называетъ себя „бурсакомъ". Изъ его произведеній извѣстны: 1) „Мирошникъ" (мельникъ), изъ Державина; 2) басни „Панъ" и „Цыциня" (щенокъ), изъ коихъ первая, повидимому, есть переложеніе басни Крылова „Вельможа"; 3) басни—„Панське слово—велыке дило" и „Собака та злодій" (воръ) и 4) „Стецько можебилиця", повѣсть. Изъ нихъ первыя два стихотворенія показываютъ отношеніе автора къ русской литературѣ. Басни „Собака та злодій" и „Панське слово—велыке дило", по своему содержанію и характеру, ближе всего подходятъ къ малорусскимъ баснямъ П. П. Гулака-Артемовскаго. Обѣ онѣ, подобно баснѣ „Панъ та собака" послѣдняго, имѣ-

---

[1]) „Украинская Старина", Г. Данилевскаго, 1866 г., стр. 284.

[2]) Стихотворенія его помѣщались въ альманахахъ: „Снѣпъ", А. Корсуна, и „Ластовка", Е. Гребенки, 1841 года, и въ Сборникѣ галицко-русской матицы, Львовъ, 1869 г.

ють въ виду представить и осмѣять несправедливыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и иногда прямо подражають баснѣ Гулака-Артемовскаго. Такъ, въ баснѣ „Собака та злодій" является тотъ же Рябко, что и у Гулака-Артемовскаго, и также допускаетъ воровъ обокрасть своего пана, но по нѣсколько иной причинѣ: Рябка не бьютъ у Писаревскаго, но привязываютъ на цѣпь въ канурѣ и лишаютъ возможности свободно преслѣдовать воровъ.

Рябко вже бачыть, що видъ хаты
Ему пидмоги та не ма,—
Сказавъ: „теперь-то й глузоваты,
Якъ въ мене волоньки чортъ-ма!

Въ другой баснѣ—„Паньске слово—велике дило", крестьянинъ терпитъ отъ забывчивости своего пана, равнодушнаго къ крестьянскимъ нуждамъ. Басня эта основана на малорусской поговоркѣ—„Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле"—и оканчивается слѣдующимъ выводомъ:

....Такъ бува частенько намъ,
Що панъ намъ тильки обищае;
Згадай,—не дасть, та ще й полае.

Болѣе капитальнымъ произведеніемъ П. Писаревскаго была его повѣсть или поэма—„Стецько можебилиця", написанная совершенно въ духѣ украинскихъ повѣстей Квитки. Въ началѣ авторъ разсказываетъ о себѣ, что, будучи еще школяромъ, онъ отправился домой на рождественскіе праздники пѣшкомъ и дорогой выпросился погрѣться въ одну хату. Хозяинъ, дядя Сидоръ Петровичъ Швидкій, принялъ школяра, если не совсѣмъ радушно, то и не враждебно.

Узнавши жъ відъ мене, що птиця школярська,
По книжному мовить зо мною звязавсь;
„А ну—лишень, Петре! (мене це такъ звати)
Що е вище неба? а ну, відгадай!"
—Огонь би, чи що то? я ставъ відвічати.
—„Писаніе каже, що вышче вода!"
Та й ставъ глузувати: „От-так-то, небого,
Й сего ты не знаешъ! Чому жъ ви вчитесь?
А се е въ псалтирі: Хваліте, бачъ, Бога!
Тамъ ще яксь: Вода ще що вышче небесъ".

У этого Сидора Петровича была дочка Любка и пріемышъ Стецько, которые собственно и являются главными героями повѣсти. Любка была привѣтливая, ласковая дѣвица, которую Сидоръ Петровичъ берегъ, какъ зеницу ока, и думалъ было выдать ее за хозяйскаго сына. Но Любка полюбила безроднаго сироту-пріемыша Стецька и призналась въ этомъ отцу. Сидоръ Петровичъ разсудилъ такъ:

„Кричати на неи и все-бъ то свариться—
Не в-могу, бо Любку вінъ дуже любивъ..
Пустить мимо очи, віддати за его—
А хто вінъ? Підкидишъ?—От-тут-то й біда!
Ще що въ его е!. Охъ, багацько усего!
И небо зъ зірками, земля и вода!.“
Вінъ здумавъ: якъ буду Стецькові сміятись:
То дурнемъ, то ще якъ его лицевать;
То Любка й розлюбить и стане жахатись,
И вийти за его не буде бажать.

Онъ и сталъ при всякомъ случаѣ смѣяться надъ Стецькомъ; но Любка еще болѣе полюбила его, безталаннаго и несправедливо обижаемаго. Тогда отецъ послалъ Стецька за рыбою на Донъ. Въ отсутствіе его, къ Любкѣ посватался сынъ богатаго хозяина Пархома, но она отказала ему, рѣшившись идти въ монахини, если ее не отдадутъ за Стецька. Наконецъ, воротился съ Дону Стецько, какъ разъ въ то время, когда у Сидора Петровича ночевалъ авторъ.

Війшовъ парубійко облиплиній снігомъ:
Високий та гарний, якъ яворъ стрійний!..
Тутъ Сидіръ спитався: чи все було справно,
Чи дуже багацько вінъ риби привізъ;
И потімъ сказавъ вінъ: „Якъ хто уже гарній,
То скверннимъ не зробишъ, хочъ якъ не мудрись!
Теперъ же, Степане, ось сердце порука!
За все твое добре, що ти не робивъ,
Даю тобі дівку от-сю, мою Любку:
Бо знаю, ти дуже ін полюбивъ.
Кохайтесь у-правді, живіть собі з Богомъ!
А ти будь покірна и слухай Стецька,
То будешъ щастлива, й година лиха
Ніколи не буде за вашимъ порогомъ!“
Тутъ Сидіръ заплакавъ и річъ закінчавъ.

4.

Степанъ Васильевичъ Александровъ.

Степанъ Васильевичъ Александровъ родился близъ города Изюма, харьковской губерніи, въ казенномъ селеніи Цареборисово; воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ еще до преобразованія училищъ; по

окончаніи ученія (около 1815 г.), три года жилъ въ Цареборисовой, потомъ перешелъ въ Бугаивку, селеніе изюмскаго же уѣзда, принадлежавшее помѣщикамъ Донецъ-Захаржевскимъ, и живши тамъ постоянно въ продолженіи 26-ти лѣтъ, имѣлъ случай изучить народный бытъ. Въ 1845 году онъ перешелъ въ военное поселеніе Гракову. На этомъ прерываются біографическія свѣдѣнія объ Александровѣ, который, по всему вѣроятію, былъ приходскимъ священникомъ. Отъ него дошло одно только сочиненіе: „Вовкулака, украиньське повирье, разсказъ въ въ стихахъ".

Вовкулаки—это оборотни, чародѣйскою силою превращенные изъ людей въ волковъ. Герой разсказа г. Александрова, Володька, гуляетъ на Савкиной свадьбѣ; но здѣсь онъ разсердилъ, и то заочно, злую вѣдьму Колпачку, которая и превратила его на три года въ вовкулаку. Въ первой части разсказа описываются довольно вѣрно свадебные обычаи и обряды малороссовъ, а во второй изображаются трехлѣтнія страданія героя въ волчьей шкурѣ,—какъ онъ скрывался отъ людей и собакъ, какъ онъ голодалъ и съ опасностью жизни искалъ себѣ пищи, какъ его били люди и рвали собаки и проч. Черезъ три года онъ снова сталъ человѣкомъ и воротился къ семейству въ богатой одеждѣ и съ деньгами, которыя оставилъ у его убѣжища напуганный его волчьимъ воемъ человѣкъ.

Подъ какими литературными вліяніями появился этотъ разсказъ,—объ этомъ говоритъ самъ г. Александровъ въ предисловіи къ нему. Здѣсь онъ упоминаетъ объ „Энеидѣ" Котляревскаго, „Салдацькомъ патретѣ" и „Марусѣ" Квитки, баснѣ „Панъ та Собака" Гулака-Артемовскаго, „Думахъ" А. Могилы (Метлинскаго) и альманахѣ „Снiпъ" Корсуна. Въ предисловіи же „до землякивъ" Александровъ говоритъ даже, что онъ принялся за перо подъ вліяніемъ „Кобзаря" Шевченка, который, какъ извѣстно, первымъ изданіемъ вышелъ въ С.-Петербургѣ, въ 1840 году. Вотъ слова Александрова:

Двинадцать литъ проживъ я въ бурси,
Та й не прийшло тоди въ догадъ,
Що наша кобза въ Петенбурси
Колись-то буде грати въ ладъ
Тепера жъ якъ въ мое виконце
Писень знакомихъ зъ пъять прийшло,—
Мени здалося—наче сонце
Посередъ ночи изийшло.

Но между оригиналами Александрова и его „Вовкулакою" большая разница, и притомъ далеко не въ его пользу. Этнографическій элементъ разсказа напоминаетъ нѣсколько нѣкоторыя украинскія повѣсти Квитки; но анализъ внутренняго состоянія „Вовкулаки" или обо-

ротня слишкомъ неестественъ и произволенъ. Г. Александровъ не имѣетъ и серьезной задачи. Вся мораль разсказа ограничивается слѣдующимъ четверостишіемъ:

Въ биду-жъ Володька-бъ не попався,
Якъ би Колпачки не страмивъ;
Та ще горилки не впивався,
То-й досе-бъ дома тихо живъ.

Что касается Т. Шевченка, „Кобзарь" котораго вдохновилъ собою Александрова, то, кромѣ формы разсказа и стихотворной рѣчи, между этими писателями нѣтъ ничего общаго. Да и самое стихотвореніе—тоническое, и языкъ г. Александрова отстоятъ отъ поэмъ Шевченка, какъ небо отъ земли. Въ этомъ литературномъ курьезѣ интереснѣе всего для насъ то, какъ понимали Шевченка подобные Александрову господа и пародировали его самымъ обиднымъ образомъ.

5

Михаилъ Михайловичъ Макаровскій [1]).

Михаилъ Михайловичъ Макаровскій родился въ 1783 году. Отецъ его былъ священнонамѣстникомъ во флотѣ, а потомъ священникомъ въ селѣніи Галицкомъ (хорольскаго или кременчугскаго уѣзда) и въ мѣстечкѣ Кропивной (золотоношскаго уѣзда). Макаровскій окончилъ курсъ ученія въ полтавской семинаріи, на содержаніи своего старшаго брата. До 1818 года онъ былъ домашнимъ учителемъ у помѣщиковъ Корсуна, Кодинця, Кулябки; съ этого же года опредѣлился на службу въ гадячское уѣздное училище, гдѣ былъ сначала учителемъ закона Божія, исторіи, географіи, латинскаго и русскаго языковъ, а потомъ штатнымъ смотрителемъ. Въ числѣ учениковъ его былъ Амвросій Метлинскій. Макаровскій зналъ и говорилъ по-латыни, по французски и по-нѣмецки, имѣлъ даръ произношенія и написалъ довольно сочиненій; но русскій литературный языкъ, по обстоятельствамъ жизни, всегда оставался у него нѣсколько книжно-устарѣлымъ. „Несравненно чище и сильнѣе,

---

[1]) Источники: „Южный русскій сборникъ", А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 года; „Русскій Вѣстникъ", 1857 года, т. XII, ч. 1, „Современная Лѣтопись", стр. 231, статья Кулиша: „Мова зъ Украіни", Полтава, 1864 г.

говоритъ Метлинскій, его необыкновенное эпическое дарованіе проявилось въ сочиненіяхъ народныхъ, потому что онъ глубоко зналъ языкъ и бытъ народный, и, кажется, если бы онъ началъ заниматься этимъ раньше, то могъ бы сдѣлаться творцомъ замѣчательной народной эпопеи". Онъ умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора и кавалера, 7 сентября, 1846 года, 63 лѣтъ отъ роду. Послѣ него остались—поэма „Наталя" и повѣсть въ стихахъ „Гарасько, або таланъ и въ неволи", на основаніи которыхъ Метлинскій такъ высоко цѣнилъ эпическій талантъ Макаровскаго, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. „Наталя" написана была въ 1844 году, а „Гарасько"—нѣсколько позже.

Содержаніе поэмы „Наталя" слѣдующее. Въ селѣ Теплицахъ женщина Харитина восемь лѣтъ горевала по своемъ мужѣ Тарасѣ, который отправился погонцемъ за Дунай и пропалъ безъ вѣсти. Но она не сидѣла сложа руки, а трудилась съ дочерью своею Натальей и имѣла хорошее хозяйство и деньги. Ея Наталья славилась красотою и расторопностью, но съ нѣкотораго времени стала грустить и сохнуть. Напрасно ей старались помочь знахарки: Наталья полюбила прохожаго молодца Опанаса и сохла по немъ. И Опанасъ, въ свою очередь, полюбилъ Наталью съ перваго взгляду, но не признался ей въ этомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ прислалъ своего дядю развѣдать о Натальѣ и вслѣдъ затѣмъ посватался къ ней. Дѣло сладилось, и начали справлять „весілле", т. е. свадьбу. Но передъ самымъ послѣсвадебнымъ обѣдомъ пришелъ къ Харитинѣ и мужъ ея Тарасъ. Бывши за Дунаемъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ турку, бѣжалъ отъ него къ греку, облеталъ море и землю и, сколотивши копѣйку, вернулся теперь домой. Такимъ образомъ Харитина имѣла двѣ доли разомъ: дочку выдала замужъ и встрѣтила своего мужа, котораго считала пропавшимъ. Старики разбогатѣли, дождались внука и тихо умерли, отказавши имѣніе свое зятю и внуку.

Поэма эта, по словамъ Кулиша, была замѣчена всѣми знатоками малороссійской словесности. По эпическому складу, по отдѣлкѣ стиховъ и красотѣ простонародныхъ типовъ, она составляетъ истинную драгоцѣнность. Послѣ Квитки и Шевченка, это было самое замѣчательное произведеніе въ южнорусской словесности, тѣмъ болѣе, что появилось въ эпоху внезапнаго перерыва дѣятельности малочисленныхъ южнорусскихъ писателей. Эта поэма—скажемъ отъ себя—есть панегирикъ простой, трудолюбивой жизни и домовитости малорусскаго крестьянина и отличается идиллическимъ характеромъ. При несложности содержанія, она богата вѣрнымъ изложеніемъ бытовыхъ частностей украинскаго простолюдина и отличается хорошимъ языкомъ.

Гораздо ниже цѣнится другая поэма Макаровскаго—„Гарасько, або таланъ и въ неволи", которая, по словамъ Кулиша, едва можетъ

быть признана сестрою первой. Герой поэмы, Гарасько Знемога, отправленъ былъ своими родными въ чужіе края искать счастья и нанялся въ Таганрогѣ писаремъ у одного купца-грека. Этотъ грекъ велъ заморскую торговлю и отправился съ Гараськой въ Трапезонтъ на кораблѣ. Во время пути поднялась буря и потопила корабль и людей. Спасся какимъ то чудомъ Гарасько и присталъ къ берегу, гдѣ замѣтилъ его черкесъ Баязетъ и взялъ къ себѣ въ плѣнъ. Гарасько исправно служилъ своему господину и пріобрѣлъ его довѣріе, но отказывался отъ его предложенія принять магометанство. Въ домѣ у Баязета жила сестра его, дѣвица Мериме, терпѣвшая отъ него притѣсненія и обиды. Она полюбила Гараська и ухаживала за нимъ во время болѣзни; полюбилъ ее и Гарасько. Однажды, въ отсутствіе Баязета, они бѣжали вдвоемъ при помощи одного богатаго грека Фоки, бывшаго другомъ-пріятелемъ отцу Мериме, и прибыли въ Таганрогъ. Здѣсь Мериме приняла христіанство и вышла замужъ за Гараська, а грекъ Фока купилъ для нихъ домъ. Молодые разбогатѣли, пригласили къ себѣ жить стариковъ Знемоговъ и успокоили ихъ старость.

Языкъ этой поэмы такой же, какъ и въ „Наталѣ“; но въ ней нѣтъ уже характеристическихъ особенностей украинскаго быта, по свойству самаго разсказа, переносящаго читателей на Кавказъ и въ Таганрогъ, въ среду черкесовъ и грековъ и таганрогскихъ купцовъ. Нельзя не замѣтить, что поэма „Гарасько“ своимъ содержаніемъ напоминаетъ „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина, отличаясь только тѣмъ, что Гарасько не оставляетъ влюбленной въ него черкешенки, но возвращается съ ней на родину и женится на ней.

Какое же мѣсто занимаютъ поэмы Макаровскаго въ общемъ ходѣ развитія украинской литературы? Внѣшней формой своей онѣ напоминаютъ намъ поэмы Пушкина и Шевченка, и нѣтъ сомнѣнія, что авторъ написалъ свои поэмы не безъ вліянія этихъ поэтовъ. Но въ поэмахъ Макаровскаго нѣтъ ни драматическаго нерва, проходящаго почти чрезъ всѣ произведенія Шевченка, ни демоническаго жала, какимъ снабжены Пушкинскіе герои. Макаровскій просто рисуетъ идеалы семейнаго, мѣщанскаго счастія, съ разными препятствіями, возвышающими цѣну этого счастія. Въ этомъ отношеніи его поэмы ближе всего подходятъ къ характеру украинскихъ повѣстей Квитки, дѣлая только внѣшнія уступки новому направленію русской и украинской литературы въ лицѣ Пушкина и Шевченка.

6.

Кириллъ Тополя [1]).

О жизни этого писателя мы ничего не знаемъ положительнаго. Нѣкоторыя предположительныя свѣдѣнія можно заимствовать изъ его сочиненій: 1) „Чары, или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ", Москва, 1837 года, разрѣшеннаго цензурой еще въ 1834 году, и 2) „Чуръ-Чепуха, или нѣсколько фактовъ изъ жизни украинскаго панства", Казань, 1844 года. Слѣдовательно, литературная дѣятельность К. Тополи относится къ десятилѣтію между 1834—1844 годами. Дѣйствіе пьесъ происходитъ на правомъ берегу Днѣпра, въ кіевской Украинѣ, „что ниже Кіева по Днѣпру, тамъ, гдѣ города Черкасы, Каневъ и сосѣднія имъ мѣста"; слѣдовательно, здѣсь жилъ нѣкогда авторъ и наблюдалъ малорусскую жизнь, которую потомъ изобразилъ въ своихъ пьесахъ. „Предувѣдомленіе" къ „Чарамъ" написано довольно безграмотно и обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, весьма мало знакомаго съ русскимъ языкомъ. „Въ сей піесѣ, подъ названіемъ Чари и проч., говоритъ авторъ, прѣдставлены мною частію очевидныя были, частію разсказы преданій народныхъ. А доказательствомъ чего-либо, могутъ служить пѣсни. Такъ, какъ служили они и нѣкоторымъ истинамъ историческимъ". По всей вѣроятности, К. Тополя былъ полякъ, долго жившій на Украинѣ и изучившій ея языкъ, обычаи и обряды. О литературныхъ преданіяхъ его и о литературной школѣ, къ которой онъ принадлежалъ, тоже нельзя сказать ничего положительнаго. Правда, его пьесы представляютъ значительное сходство съ нѣкоторыми пьесами Квитки и съ „Купало на Ивана" Шереперы, по крайней мѣрѣ—по общему колориту; но первая пьеса Тополи „Чари" явилась раньше этихъ произведеній и скорѣе сама могла имѣть на нихъ свою долю вліянія. Поэтому съ большимъ правомъ можно предположить, что литературныя преданія Тополи заключались въ польской литературѣ, а не въ русской или украинской. Въ польской литературѣ тоже былъ сентиментальный періодъ съ этнографическимъ оттѣнкомъ, смѣнившій собою псевдоклассическую литературу, а съ начала нынѣшняго вѣка образовалась даже цѣлая школа польско-украинскихъ поэтовъ, ро-

[1]) Источники: „Чари" и „Чуръ-Чепуха" Кирилла Тополи и „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ", Іеремія Галки, въ „Молодикѣ" за 1844 годъ, стр. 180—182; ст. Кулиша въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1857 годъ; „Семейная Библіотека" С. Шеховича, Львовъ, 1855 г.

домъ изъ Украйны, которые стали воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ необозримую ширь южнорусскихъ степей и вдохновляться заунывными мотивами пѣсенъ малорусскаго простонародья, его повѣрьями и проч. Къ числу сентиментально-идиллическихъ польскихъ писателей принадлежитъ, между прочимъ, Войтѣхъ Богуславскій (1760—1829). Его опера „Краковяки и горцы", игранная въ 1794 году, воспроизводила въ наивной простотѣ нравы, пѣсни и напѣвы крестьянъ и пастуховъ, занимающихъ предгорья Карпатъ. Того же характера и пьеса Тополи "Чари", въ которой, кромѣ изображенія народныхъ обычаевъ, заключается болѣе 20-ти украинскихъ народныхъ пѣсенъ; разница только въ томъ, что К. Тополя писалъ свои пьесы для русской публики и потому не употреблялъ польскаго языка.

Ходъ пьесы „Чари"—слѣдующій. Въ первой вступительной сценѣ представлено народное гулянье въ жидовскомъ шинкѣ, куда, ради воскресенья, собрались войтъ и парубки съ дивчатами. Между ними выдѣляются парубки—Грицъ и Василь и дивчата—Галя, Христя и Любка. Во второмъ дѣйствіи Грицъ и Василь разговариваютъ о дивчатахъ, но, завидѣвши Галю и Любку, прячутся за колодки и подслушиваютъ ихъ разговоръ, изъ котораго узнаютъ, что Галя любитъ Грица, а Любка Василя. Отцы этихъ парубковъ, Лопата и Коваль, застаютъ ихъ въ компаніи съ Галей и Любкой и находятъ ихъ подходящими невѣстами для своихъ сыновей. Но Грицъ былъ вѣтренный и избалованный парубокъ, обманувшій не одну дивчину и уже неспособный полюбить искренно. Однажды Галя съ подругами, спрятавшись за колодки, подслушала его насмѣшливыя рѣчи о дивчатахъ и стала сохнуть отъ безнадежной любви къ нему. Мать ея Кугутка, по происхожденію полька, пригласила къ дочкѣ Домаху Зміючиху, мѣстную знахарку и вѣдьму, къ которой, по народному повѣрью, леталъ огненный змѣй. Въ одной изъ сценъ пьесы и изображаются сборы Домахи съ ея подругами на чертовскій шабашъ и самый этотъ шабашъ на Лысой горѣ, куда попалъ и деревенскій войтъ, по ошибкѣ выпившій у Домахи вѣдомскаго зелья, вмѣсто водки. Хоромъ вѣдьмъ и знахарей на Лысой горѣ заправлялъ самъ чортъ, въ образѣ жида, и пѣлъ слѣдующую пѣсню на польско-жидовскомъ языкѣ:

Яце, таце, супарнаце [1])—
Моя-зъ бабусенько-зъ!
У мне-зъ бендо бабусенько
Вельмы-зъ старенько-зъ.

---

[1]) Это латинская пословица—tace, jace sub fornace, свидѣтельствующая о школьномъ происхожденіи пѣсни.

Завше сеньзе на пецу,
Ядле собе калацу—
—Пифъ пифъ, пифъ пифъ!
Якъ калацуфъ не достаіо-зъ,
Беньзе любіо гадаіо-зъ,
Тшеба-зъ также й ворожбыць,
Цобъ цимъ бендо и позиць—
—Охъ вій, охъ вій, вій!
Яце-зъ, таце-зъ, супарнаце-зъ—
Моя-зъ бабусенько-зъ.

Домаха Зміюха, по приглашенію Кугутки, лечитъ Галю отъ пристрита и привораживаетъ къ ней Грыця; а потомъ и сама Галя обращается къ Зміюхѣ, чтобы отравить Грыця, сосватаннаго на Христѣ, и получаетъ отъ нея какое-то настоенное зелье, которымъ и отравляетъ Грыця. Умирая, Грыць сознается въ своей винѣ противъ Гали и говоритъ: „Ахъ, Боже мій! теперь тильки я бачу, що хто не по правдѣ вѣкъ живе, той не по правдѣ и вмирае". Послѣдняя сцена представляетъ гуляющую на улицѣ деревенскую молодежь, которой, однако, послѣ смерти Грыця, все какъ будто не доставало чего-то. Нѣкоторые парубки поютъ пресловутую украинскую пѣсню—„Ой, не ходы, Грыцю, довго на улыцю", которая такъ шла къ положенію покойнаго Грыця и можетъ быть названа тэмою цѣлой пьесы.

„Чары" г. Тополи,—писалъ о нихъ въ 1844 г. Н. И. Костомаровъ,—какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ „Библіотекѣ для чтенія" указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ „Чарахъ" нѣтъ здраваго смысла, ни тѣни народности. „По мнѣнію г. Костомарова, „читатель малороссіянинъ не увидитъ въ „Чарахъ" отпечатка творчества, но онъ все-таки прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ, прочтетъ не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на „Чары", какъ на нѣчто полное, оконченное,—то онѣ вамъ представятся съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ и признался въ томъ: содержаніемъ своей пьесы взялъ онъ народную пѣсню—„Не ходы, Грыцю, на вечерныци"; но если бы онъ взялъ для этого и другую пѣсню, „Чары" бъ все остались „Чарами";—нужно бы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ назвалъ „Чары, или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ",—и далъ самое опредѣленное названіе. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами по себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что видѣлъ, слышалъ, что умѣлъ подмѣтить. У него нѣтъ развитыхъ характеровъ,

но за то каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ: по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица вы можете представить себѣ въ воображеніи его пріемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ „Чарахъ“ нѣтъ единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвушки спрятались за колодками, чтобъ подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. Напримѣръ, чортъ, начальникъ вѣдьмъ, изображенъ въ видѣ жида, говорящаго по-польски: это—въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинкѣ, гдѣ изображенъ разгулъ малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представилъ эту сторону народнаго быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между тѣмъ какъ поэтически! дурная сторона не видна, хотя сцена списана прямо съ натуры. Это—не идеалъ, котораго разсѣянныя черты вы должны искать вездѣ: это—простое описаніе того, что авторъ видѣлъ, и описаніе вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безъискусственны у Тополи пѣсни, которыя поютъ его герои!.. Языкъ г. Тополи не можетъ даже назваться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усѣянный затѣйливыми пословицами и поговорками...; однимъ словомъ, если вы не знаете Малороссіи, прочтите „Чары“,—и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта“.

Но подобные восторженные отзывы о Тополѣ значительно охладѣли съ появленіемъ второй его пьесы—„Чуръ-Чепуха“, которая своимъ содержаніемъ дѣйствительно оправдывала вторую половину своего заглавія. Г. Закревскій видитъ въ этой пьесѣ необработанный матеріалъ, изъ котораго могла выйти занимательная статья только при тщательной обработкѣ. Еще строже отзывается о г. Тополѣ Кулишъ, говоря, что „въ первой своей пьесѣ—„Чары“—онъ обѣщалъ что-то похожее на талантъ, но въ слѣдующихъ затѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность“. Даже самъ г. Костомаровъ, такъ восхвалившій Тополю за его „Чары“, не обращаетъ на него вниманія въ позднѣйшемъ своемъ очеркѣ украинской литературы.

III.

Романтико-художественная украинская литература.

Романтизмъ—слово довольно неопредѣленное. Адамъ Мицкевичъ показываетъ существенныя черты романтизма путемъ историческимъ, сопоставляя романтизмъ съ другими литературными явленіями. Во всемірной исторіи литературы онъ видитъ слѣдующія крупныя явленія: классицизмъ, средневѣковой романтизмъ новыхъ народовъ, французскій псевдоклассицизмъ и романтизмъ ново-европейскихъ литературъ. Творческій талантъ греческаго художника былъ слѣдствіемъ равновѣсія между воображеніемъ, чувствомъ и разсудкомъ; поэтому, художественныя произведенія грековъ имѣли изящную соотвѣтственную форму какъ въ построеніи, такъ и во внутреннемъ содержаніи,—и такое свойство и характеръ изящныхъ произведеній называется стилемъ греческимъ, или классическимъ. Новыя чувства и представленія, свойственныя только варварамъ, такъ называемый духъ рыцарскій и соединенныя съ нимъ уваженіе и любовь къ женщинѣ, чуждыя Греціи и Риму, строгое сохраненіе правилъ чести, религіозный экстазъ, миѳическіе вымыслы и представленія варварскихъ народовъ, прежде язычниковъ, а теперь христіанъ, перемѣшанныя между собою,—все это составляетъ въ средніе вѣка міръ романтическій, котораго поэзія называется тоже романтическою. Поэзія эта имѣла свой опредѣленный характеръ, видоизмѣняемый только мѣстнымъ вліяніемъ суровыхъ и восторженныхъ норманновъ, веселыхъ миннезенгеровъ, чувствительныхъ трубадуровъ. Французская псевдоклассическая поэзія, подавившая собою средневѣковый романтизмъ, только драпировалась въ классическую одежду, а въ сущности была поэзіею разсудочною и формальною. Въ ней не могли найти мѣста никакіе смѣлые замыслы, никакія народныя басни; скорѣй искали предметовъ историческихъ но если брали изъ старины, или изъ среднихъ вѣковъ, то всегда принаровляли къ французской знати. Наконецъ, новая романтическая поэзія явилась

на смѣну французскому псевдоклассицизму и отчасти вызвана была его злоупотребленіями. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Великобританіи, менѣе другихъ подчиненной чужимъ вліяніямъ, гдѣ въ Шотландіи до сихъ поръ сохраняются древнія народныя пѣсни. Великій Шекспиръ воспитался единственно на взглядахъ народныхъ. Преемниками его въ позднѣйшее время являются два британскіе генія: Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Первый посвятилъ свой талантъ народной исторіи, издавая народныя повѣсти изъ міра романтическаго, обработанныя классически; онъ создалъ народныя поэмы и сдѣлался для англичанъ Аріостомъ. Байронъ, оживляя образы чувствомъ, создалъ новый родъ поэзіи повѣствовательной и описательной, въ которомъ онъ—то же, что Шекспиръ въ драматической поэзіи. Въ Германіи новоромантизмъ осложнился вліяніями греческимъ, итальянскимъ, англійскимъ и другими и имѣетъ представителями своими Шиллера, Гёте и др. [1]). Сущность этого новоромантизма, смѣшаннаго съ другими направленіями литературы и поэзіи, нѣкоторые новѣйшіе писатели понимають какъ гармоническое сочетаніе въ новѣйшемъ художественномъ идеалѣ романтической глубокой жизни души и классической красоты формы. Поэтому, новоромантизмъ вѣрнѣе слѣдуетъ назвать художественнымъ романтизмомъ. Нѣкоторые представители его вели борьбу противъ французскаго псевдоклассицизма, чтобы возстановить дѣйствительное классическое образованіе, какъ оно было въ Греціи. Греческая поэзія, греческая философія въ дѣлѣ новоромантическаго движенія нерѣдко были руководительными началами.

Но гармоническое сочетаніе романтическаго содержанія съ классическою формою проявилось не во всей новоромантической литературѣ одинаково, смотря по различію національностей, стороннихъ вліяній и личнаго настроенія поэтовъ. Въ Англіи романтизмъ, если представителями его признать Вальтеръ-Скотта, Борнса, Байрона, Мура, Вашингтона-Ирвинга, былъ прежде всего націоналенъ и соотвѣтствовалъ какъ историческому развитію народа, такъ и кореннымъ началамъ, лежавшимъ въ основаніи его умственной, нравственной и религіозной жизни, и потому пришелъ къ отраднымъ явленіямъ, изъ которыхъ очень многія по справедливости носятъ на себѣ признаки классицизма. Англійская романтика получала мотивы для поэтическихъ созданій изъ „древней романтической страны", но вмѣстѣ съ тѣмъ служила орудіемъ для рѣшенія вопросовъ современной жизни. Въ Германіи новоромантика, въ лицѣ Гёте и Шиллера, опиралась на классическую древность и тоже имѣла въ виду насущныя потребности настоящаго времени. Но возник-

[1]) O poezyi romantycznej, А. Мицкевича,—предисловіе къ первому изданію его стихотвореній 1822 г.

шая затѣмъ въ собственномъ смыслѣ романтическая школа, со Шлегелями и Тикомъ во главѣ, вся погрузилась въ отжившую старину, тосковала по утраченной родинѣ и сдѣлалась даже орудіемъ политической реакціи и застоя. Нѣмецкіе романтики этого рода искали высшаго единства жизни и обратились къ романтизму среднихъ вѣковъ, въ которомъ, по ихъ понятіямъ, христіанство связывало въ единство—государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвѣщено, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что, поэтому, въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни пріобрѣли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго ромартическаго міра—въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука [1]).

Хотя романтизмъ былъ собственно продуктомъ жизни западно-европейскихъ народовъ, но возобновленіе его или новоромантизмъ отразился и на литературѣ славянскихъ народовъ, въ силу тѣснаго общенія ихъ съ западною Европой, и представителями этого новоромантизма являются у поляковъ—Адамъ Мицкевичъ, отчислявшій себя къ разряду романтиковъ, а у русскихъ—Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ и Лермонтовъ. Но у поляковъ и русскихъ новоромантизмъ выразился нѣсколько различнымъ образомъ. Мицкевичъ въ изданіи своихъ стихотвореній 1829 года, въ предисловіи „къ читателю о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ", указывая на представителей новоромантизма Гёте, Мура, Байрона и др., ссылается также на Шлегелей, Тика, Гизо, Вильмена и др., т. е. на авторитеты реакціоннаго романтизма, обращеннаго на давнопрошедшую жизнь, и слѣдовательно является романтикомъ отчасти регрессивнымъ. Въ противоположность господствовавшему въ Варшавѣ псевдоклассицизму, онъ обратился къ народнымъ преданіямъ и баснямъ и открылъ для себя новую Шотландію, но нашелъ ее не между поляками, утратившими наивную прелесть первоначальной поэзіи, а въ русскомъ народѣ, который имѣлъ неизсякаемый источникъ народной поэзіи. Эти преданія онъ и разработывалъ съ романтической точки зрѣнія и образовалъ цѣлую школу польско-украинскихъ поэтовъ, къ которой, между прочимъ, принадлежали Мальчевскій, Богданъ Залѣсскій, Одынецъ, Северинъ Гощинскій, Занъ и др. Но такъ какъ Польши въ то время болѣе не существовало, то идеалы этихъ писателей обращены

---

[1]) „Обзоръ англійской литературы XIX столѣтія", Ю. Шмидта.

были къ прошлымъ временамъ самостоятельнаго существованія Польши и освящали собой многія ненормальныя явленія въ жизни этого безобразно-феодальнаго государства. Въ другомъ положеніи находилась Россія, могущественное и новое государство, которое, при своей молодости и сравнительномъ недостаткѣ образованія, было воспріимчивѣе ко всякимъ литературнымъ вліяніямъ вообще и въ частности къ новоромантическому, быстро воспринимало ихъ и примѣняло не столько къ прошедшей своей жизни, сколько къ настоящей. Здѣсь мы видимъ чистѣйшій романтизмъ у Жуковскаго, мотивы классической поэзіи древнихъ у Батюшкова и соединеніе обоихъ элементовъ у Пушкина и Лермонтова.

Что же касается собственно украинской литературы, то и она не чужда была этого новоромантическаго движенія и знакомилась съ нимъ или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературъ. Одинъ изъ профессоровъ харьковскаго университета, Кронебергъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка познакомилъ русскихъ съ важнѣйшимъ представителемъ новоромантической поэзіи Шекспиромъ. Малорусскій писатель Кулишъ говоритъ за себя и за своихъ земляковъ, что, наравнѣ съ Пушкинымъ и Гоголемъ, они поначитывались Байрона и Шиллера. К. Думитрашковъ и П. П Гулакъ-Артемовскій переводятъ нѣкоторыя стихотворенія изъ Гёте. Н. А. Маркевичъ перевелъ на русскій языкъ „Еврейскія мелодіи“ Байрона и свои „Украинскія мелодіи“ написалъ по образцу „Ирландскихъ“ и „Еврейскихъ мелодій“ Томаса Мура и Байрона. Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) написалъ нѣсколько стихотвореній въ подражаніе Байрону и съ эпиграфами изъ него, какъ напримѣръ „До жидивки“, „Журба еврейска“, „Місяцъ“, „Погибель Сеннахерибова“, „Дика Коза“ и проч. а въ своихъ историческихъ драмахъ и отчасти историческихъ изслѣдованіяхъ является послѣдователемъ Вальтеръ-Скотта. А. Навроцкій переводитъ изъ Гейне, Марѳа Писаревская (псевдонимъ) переводитъ сонеты Петрарки, а Кулишъ вдохновляется Дантомъ.

Но болѣе всего малороссы знакомились съ новоромантизмомъ черезъ русскихъ и отчасти польскихъ представителей его и воспроизводили ихъ мотивы въ своей литературѣ. А. Навроцкій переводитъ изъ Мицкевича и Хомякова, Шереперя (Ст. Писаревскій) подражаетъ въ одной пѣснѣ Жуковскому. Нѣкоторые признаютъ даже, что первыя произведенія Т. Г. Шевченка „Причинна“, „Утоплена“, „Тополя“, написаны въ формѣ баллады въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго [1]). Классическіе мотивы Батюшкова отчасти воспроизводятся

[1]) „Т. Г. Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати“, Одесса, 1879 г., стр. 6.

въ антологическихъ стихотвореніяхъ Я. Щоголева, товарища поэта Щербины по университету. Но особенное вліяніе на украинскую литературу имѣли два наши великіе поэта Пушкинъ и Лермонтовъ. „Больше всего мы полюбили изъ сосѣдней словесности Пушкина,—говоритъ Кулишъ,—и—негдѣ правды дѣть—поупивались его поэзіей, какъ будто тѣмъ старымъ медомъ, что называютъ *пьяное чело*. Онъ силой затащилъ насъ на пышный бенкетъ [1]). Мотивы пушкинской поэзіи мы видимъ у Шерепери, Макаровскаго, Л. Боровиковскаго, П. Кореницкаго, Гребенки и др. Не меньшимъ почетомъ и уваженіемъ пользовался въ украинской литературѣ и Лермонтовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали уже о пародированномъ переложеніи П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ „Думы" Лермонтова на украинскую рѣчь. Кромѣ того, ясные слѣды подражанія Лермонтову мы находимъ у малорусскихъ стихотворцевъ М. Петренка и С. Л. Метлинскаго (подъ псевдонимомъ Родыны). Но, что всего замѣчательнѣе, вліянію двухъ знаменитыхъ поэтовъ русскихъ въ извѣстной степени подчинился даже Т. Г. Шевченко. Кулишъ говоритъ, что Шевченко „Пушкина зналъ наизусть, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда бы ни ѣхалъ [2]). Изъ дневника же самого Шевченка мы знаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія изъ стихотвореній Лермонтова и называлъ его *великимъ поэтомъ*, а стихи его—*очаровательными*. Въ послѣднее время изъ Лермонтова переводили на малорусскій языкъ В. Александровъ и М. Старицкій. Тотъ же Александровъ переводилъ изъ Козлова, а Руданскій подражалъ въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцову. Конечно, вліяніе русскихъ новоромантическихъ поэтовъ на украинскую литературу имѣло мѣстный отпечатокъ и характеръ; но нельзя не замѣтить, что мѣстному колориту этихъ вліяній немало помогли басни Крылова, которыя часто переводились и передѣлывались на украинскую рѣчь и украинскіе нравы, и притомъ украинскими писателями въ романтическомъ духѣ.

Менѣе замѣтно на украинской литературѣ вліяніе польскаго новоромантизма, хотя оно все-таки есть, и притомъ иногда немаловажное. П. П. Гулакъ-Артемовскій переложилъ нѣкоторыя польскія стихотворенія на малорусскій языкъ и, между прочимъ, „Пана Твардовскаго" Мицкевича. Изъ послѣдующихъ украинскихъ писателей извѣстны своими переводами польскихъ романтическихъ образцовъ или подражаніями имъ А. Метлинскій, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ), А. Навроцкій, Кулишъ и Ломусъ, подъ которымъ скрывается,

---

1) „Хата" Кулиша, 1860 г., стр. VIII.

2) „Основа", январь, 1862 г., библіографія, ст. 60—61.

по всей вѣроятности, тотъ же Кулишъ. Между романтическими польскими писателями немаловажное значеніе имѣлъ для украинской литературы Богданъ Залѣсскій, избравшій спеціальностью для своей поэзіи малорусскія думы. Изъ его стихотвореній выбранъ эпилогъ въ „Русалкѣ Днѣстровой" 1837 года, освѣщавшій идею этого русинскаго сборника. Украинскіе критики находятъ, что Богданъ Залѣсскій и другіе украино-польскіе писатели имѣли въ свое время большое значеніе для правобережной Украины.

Нѣкоторые изъ украинскихъ романтическихъ писателей съ теченіемъ времени выросли изъ этого направленія и преслѣдовали другія цѣли и задачи,—и о нихъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ мы остановимся на такихъ украинскихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе оставались вѣрными романтико-художественному направленію. Это большею частію незначительные поэты, о которыхъ часто умалчиваютъ критики и историки украинской литературы, или отзываются о нихъ мимоходомъ и даже съ извѣстной долей пренебреженія. Таковы: А. Л. Метлинскій, А. Корсунъ, Л. Боровиковскій, П. Кореницкій, В. Забѣлла, Т. Думитрашко-Райчъ, М. Петренко, С. Л. Метлинскій (подъ псевдонимомъ Родины) и А. Аѳанасьевъ-Чужбинскій [1]).

1.

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій.

Амвросій Аукьяновичъ Метлинскій [2]), извѣстный также подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, родился въ 1814 году, въ гадячскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго уже

---

[1]) Извѣстны еще сборники стихотвореній: 1) „До чумака", Ф. С. Морачевскаго, 1855 г.; 2) „Pienia" и „Ukrainky" Тимка Падурры, 1842 и 1844 гг.; 3) „Украінська Квітка" Шишацкаго-Иллича, 1856—7 гг.; 4) „Хохлацьки спивки", Крутоярченка, С.-Петербургъ, 1858 г.; 5) „Прочинокъ, вистачну М. Прибура", Лейпцигъ, 1859 г.; 6) „Поспіви и розмови" Петраченка, Кіевъ, 1858 г. Но, кромѣ стиховъ Крутоярченка и Падурры, мы ихъ не видѣли. Судя по отзывамъ другихъ, они рѣшительно не стоятъ вниманія.

[2]) Источники и пособія указаны въ „Покажчикѣ новоі украінськоі літератури" М. Комарова. Кіевъ, 1883 г. Къ нимъ нужно еще прибавить: критику на „Народныя южнорусскія пѣсни" въ „Современникѣ" за 1855 г., т. 50: „Иллюстрированную Газету", 1870 года, т. 26, № 31; „Справочный Словарь", Геннади, II, 314.

нымъ украинскаго писателя М. М. Макаровскаго. Отсюда перешелъ онъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ харьковскій университетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто библіотекаря университета, посвящая свободлое отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненіе магистерской диссертаціи. Въ качествѣ этой диссертаціи явилась рѣчь его „объ истинномъ значеніи поэзіи", 1843 г. Новый магистръ вошелъ въ среду профессоровъ харьковскаго университета и занялъ въ немъ каѳедру русской словесности. Въ 1849 году А. Л. Метлинскій изъ адъюнктъ-профессоровъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ на ту же каѳедру въ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ и въ 1858 году издалъ въ Харьковѣ свою докторскую диссертацію: „Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи". Въ Кіевѣ Амвросій Лукьяновичъ оставался недолго (до 1854 года). По возвращеніи въ Харьковъ, онъ занялъ прежнюю свою каѳедру и не оставлялъ ее до выхода въ отставку въ 1858 году. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женевскаго озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ іюня мѣсяца 1870 года отъ раны, нанесенной собственной рукой въ припадкѣ меланхоліи.

Метлинскій собственно ученымъ никогда не былъ и не могъ быть ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилаго, не допускавшаго возможности усидчивыхъ занятій. Даже его докторская диссертація есть только передѣлка „Теоріи поэзіи въ ея историческомъ развитіи" Шевырева. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ—не болѣе, какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требованіемъ отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и не признававшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самого Пушкина. Другой типъ педагоговъ-словесниковъ представляли дѣйствительно литераторы по натурѣ, но забубенные, строчившіе гладкіе и звучные стихи, писавшіе поэмы и восторгавшіеся Пушкинымъ, не понимая его, но болѣе обожавшіе Бенедиктова, Марлинскаго и Нестора Кукольника. Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать: надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ, и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда,—и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Взгляды самого Метлинскаго на литературу не многимъ отличались отъ взглядовъ Бѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ

и почитатель тогдашнихъ корифеевъ нѣмецкой литературы и эстетики. Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, поистинѣ рѣдкаго. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ,—смѣло можно сказать,—была идеальная, товарищеская. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ недурно, кто имѣлъ страстишку пописывать стишки, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни, кто даже, по его украинскому мнѣнію, отличался чистотою великорусскаго говора. Самъ Метлинскій писалъ преимущественно стихи украинскіе, да и то изрѣдка, и стихотворства вообще не поощрялъ; но онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Оставивъ замѣтный слѣдъ въ южнорусской литературѣ своими „Думками и пѣснями" 1839 г. и „Южнымъ русскимъ сборникомъ" 1848 г., Метлинскій еще болѣе сдѣлалъ для русской этнографіи. Онъ записывалъ не только пѣсни южнорусскія, но и ихъ мелодіи, по примѣру Н. А. Маркевича. Нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи бандуристы, эти истые рапсоды козачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій. Перебравшись въ Кіевъ, онъ издалъ здѣсь въ 1854 году „Народныя южнорусскія пѣсни" и вмѣстѣ съ княземъ Дабижею составилъ „Программу для этнографическаго описанія губерній кіевскаго учебнаго округа", изданную въ томъ же году. Такимъ образомъ, учено-литературная дѣятельность Метлинскаго распадается на два отдѣла: собственную его стихотворную дѣятельность и собираніе этнографическаго матеріала и особенно южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ [1]).

Стихотворенія Метлинскаго помѣщались въ „Молодикѣ" Бецкаго за 1843 годъ („Розмова зъ покійными" и „Ридна мова") и въ двухъ изданныхъ имъ сборникахъ: „Думки и пѣсни та ще де-що Амвросія Могилы", 1839 г., и „Южный русскій сборникъ", 1848 года. Въ первый сборникъ, кромѣ оригинальныхъ произведеній, вошло собраніе его

---

[1]) Извѣстны еще мелкія статьи и брошюры Метлинскаго: „Красногорскій монастырь" въ „Очеркахъ Россіи" Пассека, „Дополненіе къ статьѣ Сементовскаго—замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ" въ „Москвитянинѣ" за 1841 годъ и „Маякѣ" за 1843 годъ, т. XI, стр. 71 и сл., и „Извѣстіе объ изданіи южнаго русскаго сборника", съ перечнемъ явленій украинской литературы, 1848 г., изъ Харьков. Губерн. Вѣдом.". Кромѣ того, въ 1852 году онъ издалъ въ Кіевѣ „Байки" Л. Боровиковскаго, будто бы безъ согласія на то автора, и въ 24 № „Москвитянина" за 1852 годъ помѣстилъ рецензію этой книги, подъ псевдонимомъ „Землякъ".

переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ; во второмъ сборникѣ помѣщены сочиненія М. Петренка, С. Александрова, М. Макаровскаго и Г. Квитки и только четыре стихотворенія самого Метлинскаго, да и то не новыя, а лишь немного передѣланныя изъ перваго сборника.

Какъ поэтъ, Метлинскій пользовался въ свое время большою извѣстностью. Малорусскіе критики видѣли во всемъ имъ написанномъ большую глубину чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и художественное выполненіе. По поводу его „Думокъ и пѣсенъ", Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) писалъ слѣдующее: „Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностью. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не высказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ невѣдомаго источника: его чувство идетъ объ руку съ мыслью; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила, по формѣ—поэтъ лирическій, но субъективность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, напримѣръ, первое его стихотвореніе „Бандура".

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дидъ заспивае, въ бандуру заграе,—
Плаче бандура, мовъ оживае,
Жаль визьме дитину, визьме и бурлаку.
Его бандура, схоче винъ, завые;
Его бандура й вороном закряче;
Мовъ та дитина, жалибно плаче...
Слезы польются, серденько ные...

„Собственныя чувства поэта высказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣваетъ вами, и вы сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это—достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдитъ за малороссіяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ поднимается изъ сферы обыкновенной жизни, тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими. Малороссіянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь,—вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустью и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понялъ поэзію степной козацкой жизни; у него козакъ вездѣ

является существомъ высокимъ, но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: „Чарка", отличающаяся горькою ироніею, „Козачья смерть", гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, „Козакъ та буря", гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и „Смерть бандуриста", прекрасная по своимъ бестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія „Старець" и „Дитина—сиротина"—изображенія другой стороны жизни малороссійской,—горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ „Думкахъ и пѣсняхъ" правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе. Могила пишетъ болѣе силлабическимъ размѣромъ, который иногда подходитъ подъ метрическій, часто перемѣняется въ одной и той же пьесѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполнѣ, и гармонія стиха соотвѣтствуетъ гармоніи чувства [1]).

Такая похвала Метлинскому, кажущаяся слишкомъ преувеличенною для нашего времени, показываетъ, какъ высоко смотрѣли на поэтическую дѣятельность А. Метлинскаго его современники, оцѣнивая его преимущественно съ художественной точки зрѣнія. Похвала Метлинскому тѣмъ болѣе понятна для насъ въ устахъ его современниковъ, что онъ началъ писать свои стихотворенія раньше появленія Шевченка и былъ въ нѣкоторомъ родѣ его предтечею.

Кромѣ художественнаго характера, стихотворенія А. Метлинскаго имѣютъ много и народнаго украинскаго элемента. Метлинскій воспиталъ свою музу на украинскихъ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, которыя собиралъ почти цѣлую жизнь, и нерѣдко клалъ ихъ въ основу своихъ стихотвореній. Таковы, напримѣръ, его стихотворенія: „Кладовище", „Пидземна церква", „До гостей", „Покотиполе", „Дитина—сиротина" и др. Возьмемъ для примѣра послѣднее. Въ немъ изображается сиротка, не нашедшая для себя привѣта даже въ первый день пасхи. Изъ церкви всѣ пошли по своимъ домамъ веселиться, но никто не пригласилъ сиротки. Она подошла къ играющимъ дѣтямъ, но и тѣ не отозвались къ ней ни однимъ словомъ. Сирота опять воротилась къ церкви, побрела дорогою къ кладбищу, поплакала надъ могилками, какъ будто здѣсь нашла родныхъ батька и матку и поговорила съ ними, и вечерней порой опять вошла въ церковь. Это стихотвореніе своимъ содержаніемъ и тономъ напоминаетъ намъ слѣдующую народную южнорусскую пѣсню о сиротѣ:

---

1) „Молодикъ", 1844 г., стр. 182—184.

Сталася на світі новина,
Осталась одъ матери сирота едина.
Ой, згадала, якъ на світі жити,
Пішла сирітка по світі блудити.
Блукае сирітка, рочикъ минае,
А мамуні своеі нігде не відае.
Иде сирітка, здибавъ іі Господь,
Ставъ іі питати:
— Куди идешь, сирітко!
— Мамуні шукати!
— Вернися, сирітко, бо далеко зайдешь,
Мамуні не знайдешь!
Бо твоя мамуня на высокій горі,
Спочивае въ гробі..
Прийшла на той грібъ, стала ридати,
Ажъ одзиваецця рідненькая мати.

Мать не можетъ взять сиротки къ себѣ въ гробъ и отсылаетъ ее къ мачихѣ, чтобъ она вымыла ей голову и сшила сорочку. Но сиротка отвѣчаетъ, что мачиха ей сорочки не шила, а уже ее здоровья лишила, что мачиха еще не заплела ей косы, а уже ею сироткой всю хату замела. Господь послалъ ангеловъ взять сиротку въ ясное небо, а злую мачиху бросить въ адъ.

Но, воспроизводя въ своихъ стихотвореніяхъ народныя преданія и пѣсни, Метлинскій почти исключительно выбираетъ грустные тоны. Можетъ быть, они соотвѣтствовали личному настроенію поэта, такъ трагически окончившаго свою жизнь, а можетъ быть вызываемы были и современнымъ ему положеніемъ украинскаго языка и быта, отжившаго или отживавшаго, какъ ему казалось, свою жизнь. Метлинскій— пѣвецъ могилъ или кургановъ, этихъ памятниковъ минувшей козацкой, какъ думали тогда, славы, откуда заимствовалъ и свой псевдонимъ „Могила". „Южнорусскій языкъ,—говоритъ онъ,—со дня на день забывается и молкнетъ и—придетъ время—забудется и смолкнетъ... Но можетъ быть и то, продолжаетъ онъ, что въ эпоху пренебреженія русскаго языка любовь къ нему проснется. Кто же соберетъ, какъ добрый сынъ прахъ отцовъ своихъ, исчезнувшіе останки южнорусскаго слова? Они разсѣяны отъ Вислы до Кубани. Метлинскій обращаетъ взоры на Россію, какъ на представительницу славянскихъ племенъ, и приглашаетъ ихъ слиться съ нею въ общенародномъ чувствѣ:

Гей вы, самотни спѣвцы!
Що никчемнія для краю
Всѣ самотнія пѣсни!
Той пустився въ синье море,

Той на темный чужій край:
Мовъ не вчули (щобъ имъ горе!),
Що мовлявъ розумный царь...
Е въ насъ вѣра, царь и мова,
И чи мало насъ словенъ,
Все свое въ насъ... ну, чого намъ
Ще шукати въ бусурменъ?

На этомъ пунктѣ Метлинскій является однимъ изъ первыхъ представителей украинскаго славянофильства. Онъ перевелъ также на русскій и малорусскій языкъ нѣсколько стихотвореній славянскихъ поэтовъ— Челяковскаго, Коляра, Вѣтвицкаго, Суходольскаго, Одынца, изъ Краледворской рукописи и др.

Важнѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдавался весь, въ теченіи всей почти своей жизни, начиная съ 1836 года, было собираніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ онъ собралъ до 800 и издалъ ихъ въ 1854 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ „Народныя южнорусскія пѣсня". Въ предисловіи къ нимъ онъ писалъ слѣдующее. „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго, преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ, по волѣ промысла, на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслію, что всякое нарѣчіе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный призракъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между единовѣрными, единородными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальнѣйшихъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа... Передавая свѣту этотъ памятникъ народной поэзіи, составленный многолѣтними трудами, желаю отъ всей души и молю Бога, да послужитъ эта простая народная поэзія на пользу науки языка русскаго во всѣхъ его отрасляхъ, еще болѣе обогатитъ нашъ общій и богатый языкъ русскій и его словесность и возвыситъ взаим-

ное познаніе и любовь между всѣми племенами и сословіями нашего великаго отечества".

О выборѣ пѣсенъ издатель замѣчаетъ въ предисловіи слѣдующее: „При окончательномъ пересмотрѣ пѣсенъ, оказалось весьма много или уже напечатанныхъ, или весьма сходныхъ между собою, или не сохранившихся въ первоначальной красотѣ и силѣ и потому болѣе или менѣе слабыхъ по содержанію и формѣ. При ограниченныхъ средствахъ для изданія, я предпочелъ при окончательномъ выборѣ только то, что нигдѣ не напечатано (кромѣ немногихъ исключеній) и дѣйствительно достойно вниманія въ какомъ нибудь отношеніи. Не допуская произвола въ составленіи пѣсенъ изъ нѣсколькихъ варіантовъ (различій), я напечаталъ несходные стихи варіантовъ особо, указывая, куда, т. е. къ какимъ стихамъ главной пѣсни они относятся. Если варіанты казались особенно замѣчательными по чему либо (напримѣръ, весьма различаясь, или относясь къ любимѣйшимъ пѣснямъ), то и вполнѣ печатались, какъ образцы различной обработки одной первоначальной пѣсни". Благодаря добросовѣстности и точности изданія и богатству содержанія сборника. онъ и доселѣ не утратилъ своего значенія.

2.

Александръ Алексѣевичъ Корсунъ.

Александръ Корсунъ [1]), по всей вѣроятности, изъ помѣщиковъ полтавской губерніи, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ. Изъ біографіи М. М. Макаровскаго, бывшаго воспитанника полтавской семинаріи, мы узнаемъ, что въ 1818 году онъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ у помѣщика Корсуна [2]); слѣдовательно, фамилія Корсуновъ имѣла связи не только съ университетомъ харьковскимъ, но и съ духовно-учебными заведеніями того времени. Можетъ быть, вслѣдствіе этого Александръ Корсунъ, задумавъ издавать свой „Сніпъ" (снопъ), вышедшій въ 1841 году, пригласилъ въ сотрудники себѣ какъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума, такъ и

---

[1]) Источники: альманахъ „Сніпъ" А. Корсуна, Харьковъ, 1841 г.; журналъ „Маякъ" за 1842 и 1845 годы; рецензія К. Сементовскаго въ 12-й книжкѣ „Маяка" за 1842 годъ.

[2]) См. „Южный русскій сборникъ" А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 г.

воспитанниковъ харьковскаго университета. Къ числу первыхъ относятся Порфирій Кореницкій и Степанъ и Петръ Писаревскіе, стихотворенія которыхъ были помѣщены въ „Снопѣ“. Изъ воспитанниковъ харьковскаго университета сообщили Корсуну свои произведенія для его „Снопа“ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) и Михаилъ Петренко. Къ этому г. Корсунъ присоединилъ и собственныя произведенія.

Изъ собственныхъ сочиненій Александра Корсуна помѣщены въ его „Снопѣ“: „Украинські повірья“ и „вирши“ (стихи), между коими четыре болѣе или менѣе самостоятельныя и семь переведенныхъ съ чешскаго. Кромѣ того, въ „Маякѣ“ за 1842 и 1845 годы помѣщено семь его малорусскихъ стихотвореній, а именно: „Козакъ та гулянка“, „Перська пісня“, „Мана“, „Рідна сторона“, „Могила“, „Кохання“, „До Шевченка“, „Рожа и дивчина“.

Между оригинальными стихотвореніями А. Корсуна есть пародированныя, въ родѣ пародированныхъ Гораціевыхъ одъ у Гулака-Артемовскаго.

Такъ, напримѣръ, „Писулька до кума“ содержаніемъ и тономъ своимъ напоминаетъ посланія Гулака-Артемовскаго „До Пархима“, съ такими же комически-философскими увѣщаніями забыть горе, плевать на судьбу и пить водку:

Писавъ ти, куме, що лучилось
Зъ тобою лихо: що й казать!
Чи можно-жъ лихомъ те назвать,
Що по приказу учинилось
Відъ Бога? Годі-жъ сумувать!
Бачь, *вмерла жинка*, що-жъ тутъ дива!
Палашка гарна, бачь, *була*,
Зъ тобою тількі рікъ жила..
Гай, гай!.. Та въ мене здохла сива
Кобыла..!

Въ заключеніе авторъ обращается къ куму съ такимъ совѣтомъ:

Такъ такъ-то, куме, не журися!
На долю плюй: нехай ій пекъ!
Въ мене хочь трохи поучися:
Якъ стане нудно—заразъ глекъ
Зъ вишнівкою на стілъ я ставлю,
Горілочки туди підбавлю,—
Тамъ глекъ у руки та й у рітъ...
И заразъ веселіше стане—
Нудьга відъ серденька відстане:
На дворі—ничь, въ очицяхъ світъ.

Въ „Украинськихъ повірьяхъ", изложенныхъ тоническими стихами, г. Корсунъ тоже допускаетъ много пародіи и даже цинизма, во вкусѣ „Энеиды" Котляревскаго, такъ что нѣкоторые стихи, по этой причинѣ, не могли быть вполнѣ напечатаны. Но основа этихъ украинскихъ повѣрій имѣетъ народный украинскій характеръ. Всѣ эти повѣрья пріурочены у г. Корсуна къ похожденіямъ Юрка и Петра и Бѣлбога, въ котораго вѣрила тогдашняя русская наука о миѳологіи. Эти похожденія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ апокрифическимъ обходамъ апостольскимъ, получившимъ начало свое еще въ Византіи. У Корсуна передаются въ обработанномъ видѣ повѣрья о томъ, почему жиды не ѣдятъ свинины, а также о происхожденіи медвѣдей, открытіи тютюна и табаку, происхожденіи черепахи, пугача, жабъ, чапуръ и проч. О нѣкоторыхъ изъ нихъ можно сомнѣваться, не присочинены ли они, или не передѣланы ли очень сильно самимъ г. Корсуномъ; но есть между ними и такія повѣрья, которыя несомнѣнно заимствованы изъ народныхъ устъ. Таково повѣрье о происхожденіи черепахи изъ двухъ мисокъ, которыми закрыла отъ своей матери неблагодарная дочь жареную курицу, одинаково встрѣчающееся и въ народныхъ южнорусскихъ разсказахъ, и въ западномъ сборникѣ Gesta Romanorum [1]). Въ предисловіи къ послѣднему разсказу г. Корсунъ высказываетъ свои патріотическія и славянофильскія убѣжденія. „И я, и вы, и всѣ мы родились и выросли, говоритъ онъ, на Украинѣ. Она кормила насъ, дѣтей своихъ, и за то всѣ мы, сколько насъ ни есть, любимъ ее, какъ родную мать. Да только вотъ что; видите, она—мать, стало быть—женщина, а женское дѣло извѣстно: что она? женщина, да и все!.. Такъ видите, нужно еще намъ и батька... Дакъ такъ-то: благодарите Господа милосерднаго, что онъ не оставилъ насъ сиротами, что онъ далъ намъ роднаго отца, царя православнаго! Такъ видите: мы не сироты, у насъ есть мать, есть и отецъ. А была и для насъ тяжелая пора. Да вы, вѣроятно, слышали, какъ насъ уродовалъ дьвольскій ляхъ со своимъ невѣрнымъ королемъ: то былъ таки хорошій батько!! Нѣтъ, ребята, нѣтъ: то не былъ нашъ родной батько; ибо гдѣ жъ таки видано, чтобъ у православныхъ былъ батько католикъ?! Спасибо гетману Хмельницкому, что хорошо присовѣтовалъ дѣдамъ нашимъ; спасибо и дѣдамъ, что послушали гетмана. Такъ вотъ какъ! Только это было давнымъ-давно... А еще прежде нашего бѣдованья подъ ляхомъ у насъ были свои князья, цари стало быть: и тѣ цари были тоже крещеные, какъ и мы; и тогда братья

---

1) См. „Малорусскія народныя преданія и разсказы", Кіевъ, 1876 года, стр. 190, и рецензію на эту книгу въ „Трудахъ кіев. духов. акад.", за мартъ, 1877 г., стр. 607—608.

наши, червоноруссы, сербы, чехи назывались, какъ и мы, славянами и жили вмѣстѣ. А потомъ, какъ нашъ народъ поддался ляху, то и они покорились нѣмцу; и съ того времени всѣ славяне порасползлись, какъ сверчки отъ чаду; ибо у самихъ москвичей оказалась татарва межъ пальцами... Но только москвичи, да мы, и вымолили себѣ у Господа счастія и теперь благоденствуемъ за царемъ православнымъ; а тѣ сердечные, что у нѣмца.. иные бѣдуютъ отъ католиковъ, другіе и сами совратились въ католичество, а нѣкоторые сдѣлались нѣмцами. Вотъ такъ-то это было и есть; а еще вотъ что: у сербовъ, у чеховъ да у червоноруссовъ всѣ простые люди говорятъ по-старому, по-славянски; но такъ какъ и мы изъ славянъ, то и рѣчь ихняя очень смахиваетъ на нашу, и пѣсни и сказки тоже сходны съ украинскими".

Въ этихъ словахъ высказывается идея возрожденія славянскихъ народностей, но въ связи съ русскою народностью, равно обнимающая и россійскую литературу, и нарѣчія славянскихъ племенъ, находившихся въ областяхъ Турціи и Австріи. Примѣняя эту идею къ Украинѣ, г. Корсунъ одинаково заимствовалъ и переносилъ въ украинскую литературу произведенія изъ литературы русской и западныхъ славянъ. Есть у чего произведенія, писанныя въ духѣ Пушкина и Лермонтова, напримѣръ „Блискавка", „Відчого", „Коханка". Для примѣра приведемъ начало втораго изъ этихъ стихотвореній, написаннаго въ 1839 году:

Що се таке—відчого квітоньками
Гарнесенько та рожа розцвіта,
Й метеліківъ уранці слізоньками
Заманюе, мовъ би коханка та?

—

Що се таке—чи поцілунокъ, може,
У річці гоне фили гарно такъ;
И соловейко той по-биля рожи
Звідчого такъ виспівуе, козакъ?

—

Що се таке, що серденько такъ бьеться,
И сняться сни такі-собі чудні:
То—мовъ морозъ по тілу розильеться,
То—мовъ огонь—и я горю въ огні?

Съ чешскаго переведены или передѣланы Корсуномъ стихи: „Рожа" (роза), изъ Краледворской рукописи, „Велика панихида", „Горе", „Серце", „Про себе самого" (Ганкѣ) и „Гарна дівчина". Въ этихъ переводахъ Корсуна, какъ и вообще въ его взглядахъ на славянство, нельзя не видѣть сходства со взглядами и литературною дѣятельностью А. Метлинскаго, которое, по всей вѣроят-

ности, произошло не безъ вліянія одного изъ этихъ писателей на другаго.

Корсуну довелось услышать и громкія пѣсни Шевченкова „Кобзаря и привѣтствовать его особымъ стихотвореніемъ, которое мы здѣсь приводимъ сполна.

Скажи, брате, кобзареві—
Хай соби співае!
Хай співае объ родині
Та й объ тімъ, що знае..
Голосити надъ труною
Дітямъ не мішають;
Співать пісні про колишнѣ
Не забороняють.
Хай расказуе унукамъ:
Якъ діди ихъ жили;
Якъ ходили підъ султана,
Ляхівъ тормошили;
Якъ невірнихъ за чуприну
До нігъ пригинали;
Якъ съ треклятихъ недовірківъ
Шкуру издирали;
Якъ на Сичи запорожці
Старшину судили,
И хто бувъ зъ ихъ виноватій—
Въ три кія лупили;
Якъ у Глухові зъ гетьманомъ
Рада положила,
Шобъ сердешная Украйна
Москалю служила;
Якъ Вкраина обмогалась,
И якъ уставала;
Якъ протекціи у хана
Опісля прошала,—
И якъ вдруге, а тамъ втреттѣ...

. . . .

Скажи жъ, брате, *кобзареві*:
Хай собі співае!
Бо кобзаря на Вкраині
Народъ поважае.
Скажи жъ, брате, *кобзареві*:
Хай співа шо знае;

Бо старій, сліпій, понурій
Добрій голосъ мае...

Послѣ 1845 года мы не встрѣчали больше въ печати произведеній Корсуна.

3

Левъ И. Боровиковскій.

Левъ И. Боровиковскій [1], родомъ изъ Хорола, полтавской губерніи, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ на казенномъ коштѣ, около 1830 года окончилъ здѣсь курсъ по словесному отдѣленію со степенью кандидата за отличіе, болѣе семи лѣтъ преподавалъ въ курской гимназіи сначала предметы историческіе, а потомъ латинскій языкъ, и въ 1838 г. перешелъ въ полтавскую гимназію, гдѣ былъ тогда учителемъ и братъ его. Распространившійся въ Полтавѣ слухъ, будто бы учителя гимназіи предназначаются къ переводу въ польскія губерніи, побудилъ Боровиковскаго въ 1839 году просить М. А. Максимовича быть заступникомъ его. „При слабомъ здоровьѣ моемъ,—писалъ Боровиковскій,—я нелегко перенесъ бы переводъ, который, конечно, заставитъ оставить службу". Желаніе Боровиковскаго было исполнено: онъ остался въ Полтавѣ, преподавалъ въ здѣшней гимназіи латинскій языкъ и потомъ русскую словесность, былъ инспекторомъ гимназіи и оставилъ тамъ весьма добрыя воспоминанія о себѣ; теперь находится въ отставкѣ. О характерѣ своемъ онъ самъ говоритъ въ своей байкѣ „Веселій":

Чого ти, Левку, все веселий та шутливий?
Мене приятель раз спитав;
А я йому сказав:
Такий я зроду вдавсь, и вид того щасливий.

Литературную дѣятельность свою Боровиковскій началъ еще тогда, когда былъ студентомъ харьковскаго университета, издавъ свою балладу „Маруся" въ третьей книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1829 г.

---

[1]) Источники указаны въ „Покажчикѣ" М. Комарова, Кіевъ, 1883 года, № 27.

Поступивъ на службу, онъ постоянно занимался собираніемъ разныхъ памятниковъ малороссійской словесности и литературною обработкою ихъ. Въ письмѣ къ М. А. Максимовичу отъ 1 января 1836 года онъ писалъ слѣдующее: „Занимаясь болѣе пяти лѣтъ собираніемъ разныхъ памятниковъ языка общей намъ родины и простонароднаго быта земляковъ, я, сколько позволялъ досугъ при занятіяхъ по службѣ, приводилъ собранный запасъ въ порядокъ и посильно хотѣлъ знакомить любителей языка малороссійскаго съ преданіями и повѣрьями малороссіянъ, облекая оныя въ свѣжія формы поэзіи. Вотъ плоды трудовъ моихъ I) Собраніе простонародныхъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ числомъ болѣе тысячи; приведены въ алфавитный порядокъ. II) Басенки на малороссійскомъ языкѣ, числомъ 250. Изъ нихъ болѣе 200 оригинальныхъ, прочія—подражаніе Красицкому. III) Простонародныя малороссійскія пѣсни (еще нигдѣ не изданныя, или варіанты изданныхъ), числомъ около 150. IV) Словарь малороссійскаго языка, съ показаніемъ корней словъ, буквы а, б, в, г. V) Собственныя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ (мнѣніе ложно, яко бы языкъ малороссійскій способенъ только для выраженія смѣшнаго и низкаго). Здѣсь балладъ 12, думъ 12 (сюжеты—преданія, повѣрья и пр. малороссійскія), переводъ семи крымскихъ сонетовъ Ад. Мицкевича, пѣсенъ 20, смѣсь—26 пьесъ, нѣкоторыя переведены изъ Мицкевича. VI) Переводъ (сонетами) крымскихъ сонетовъ Ад. Мицкевича на русскій языкъ. Кромѣ сего, я записывалъ суевѣрія, повѣрья, преданія, способы простонароднаго леченія болѣзней и пр. и имѣю—переводъ (въ стихахъ) Федровыхъ басенъ (труды моихъ учениковъ-гимназистовъ), нѣсколько объясненныхъ и въ стихи переведенныхъ одъ Горація и мелкія стихотворенія на русскомъ языкѣ. Теперь я хотѣлъ бы начать изданіе кой-чего изъ сказаннаго запаса и начать—баснями. Прилагая у сего 50 (кстати и туземный подарокъ вамъ на новый годъ) на безпристрастный судъ вашъ, покорнѣйше прошу, если найдете стоющими изданія, помочь мнѣ дѣломъ или совѣтомъ вашимъ въ отношеніи типографическомъ: я не могу опредѣлить на это теперь болѣе 300 рублей (думаю—недостаточно этого?); посему, для избѣжанія хлопотъ, нельзя ли продать рукопись или поручить кому либо изданіе на условіяхъ? Я самъ не могу по многимъ причинамъ... Истинно жаль, что желаніе мое служить въ Малороссіи пять лѣтъ остается только желаніемъ. А это отнимаетъ возможность употребить въ пользу любовь и пытливость мою ко всему родному малороссійскому въ отношеніи языка. Это была цѣль, для коей изучилъ я языкъ польскій“ [1]. Изъ перечисленныхъ трудовъ Боровиков-

---

[1]) „Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу“, сообщ. С. И. Пономаревъ, въ „Истор. Вѣст.“, за май, 1881 г.

скаго въ послѣдствіи времени изданы были: 1) шесть малороссійскихъ народныхъ балладъ, переданныхъ на русскомъ языкѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1840 годъ; 2) малороссійскій переводъ „Фариса“ Мицкевича, указываемый г. Пыпинымъ; 3) „Народныя пословицы“, 10 басенъ и 6 стихотвореній въ альманахѣ Е. Гребенки „Ластовка“, 1841 года. Стихотворенія эти: „Чорноморець“, „Вывідка“; „Палій“, „Волохъ“, „Зимній вечиръ (зъ Пушкина)“ и „Розставання (зъ писенъ)“. 4) „Байки и прибаютки“, изданныя А. Метлинскимъ въ Кіевѣ въ 1852 году, въ составъ которыхъ, однако, не вошло до пяти басенъ, помѣщенныхъ въ 1841 году въ „Ластовкѣ“; 5) нѣсколько простонародныхъ малороссійскихъ пѣсенъ издано въ сборникѣ „народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ“ А. Метлинскаго, 1854 г.

Малороссійскія простонародныя баллады Л. Боровиковскаго заимствованы изъ запаса народной памяти. „Занимаясь постоянно нѣсколько лѣтъ собираніемъ всего,—говоритъ Л. Боровиковскій, что выражаетъ характеръ, языкъ, бытъ, понятія и суевѣрія малороссіянъ, я, между прочимъ запасомъ, имѣю нѣсколько народныхъ балладъ и легендъ: представляю здѣсь любознательнымъ читателямъ нѣкоторыя изъ нихъ по-русски, обѣщаясь со временемъ передать и другое, что есть любопытнаго въ моемъ запасѣ“. Въ подтвержденіе народнаго происхожденія этихъ баладъ можно указать на лучшую изъ нихъ о „двухъ доляхъ“. Въ „малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ“, 1876 года, мы встрѣчаемъ разсказъ о „долѣ богатаго и бѣднаго“ (стр. 182—184). Здѣсь говорится, что бѣдный братъ однажды ночью замѣтилъ, что какая-то богато убранная женщина ходитъ по полю, собираетъ колосья на его нивѣ и носитъ ихъ къ богатому брату. Бѣднякъ поймалъ ее, вывѣдалъ у нея, гдѣ живетъ его собственная доля, нашелъ послѣднюю и, получивъ отъ нея три рубля, началъ торговать рыбою и разбогатѣлъ. Тогда и богатый братъ захотѣлъ быть еще богаче и тоже началъ торговать рыбою, но разорился совсѣмъ. Содержаніе баллады Л. Боровиковскаго въ общемъ сходно съ приведеннымъ разсказомъ; но у Боровиковскаго, очевидно, этотъ разсказъ значительно выправленъ и округленъ. Самое изложеніе баллады отличается искусственностію; она написана мѣрною рѣчью, какъ будто бѣлыми стихами. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ разсказа о томъ, какъ меньшій братъ, позавидовавъ счастью старшаго, хотѣлъ выкопать кладъ и выкопалъ „злыдни“. „Роетъ да роетъ. Вотъ колъ застучалъ, показался: алчной рукою онъ дернулъ, и брызнули разомъ фонтаномъ... червонцы? нѣтъ! злыдни! Остолбенѣлъ мой кладокопатель! Домой прибѣгаетъ—ужъ домъ его заняли гости нежданные—злыдни“. Въ такомъ же родѣ баллады Боровиковскаго: „Хромой скрипачъ“, „Великанъ“, „Ружье совсѣмъ“, „Лыхо“, „Кузнецъ“. Послѣдняя имѣетъ отношеніе къ повѣсти Гоголя „Ночь

накануне Рождества" и свидѣтельствуетъ о народной основѣ этой повѣсти.

Продолженіемъ этнографическихъ работъ Л. Боровиковскаго служатъ „Народни пословици", изданныя въ альманахѣ „Ластовка", 1841 года. Нѣкоторыя изъ нихъ легли въ основу его „баекъ и прибаютокъ" и должны быть разсматриваемы въ связи съ послѣдними.

„Байки и прибаютки" Л. Боровиковскаго пользовались въ свое время значительною извѣстностію. Онѣ восполняли собою литературу южнорусскаго языка такою отраслью произведеній, которая дотолѣ почти не существовала на этомъ языкѣ. „Басни Боровиковскаго, говоритъ Метлинскій,—частію заимствованы изъ Крылова и другихъ баснописцевъ, частію принадлежатъ самому автору; но всѣ болѣе или менѣе вѣрны духу народа, исполнены юмора, шутливости, остроумія и нерѣдко могутъ служить вѣрнымъ зеркаломъ народныхъ обычаевъ. Часто мысль басни, или нравоученіе выражается формою народной пословицы" [1]. Таковы, напримѣръ, пословицы: „поки богат, то поты й сват"; „пьяному море по коліна"; „хто мовчыть, той двох навчить" и т. д. Иногда басня составляетъ не болѣе, какъ развитіе и объясненіе народной пословицы. Изъ Крылова, повидимому, переведены басни: „Судця", „Розбійник", „Коник (стрекоза) и Муравей", „Лев и Миш", „Брехня", „Вовк та Вивчари", и др. Какія изъ басенъ Боровиковскаго составлены по подражанію Красицкому, мы не можемъ сказать въ настоящее время. Басня „Судъ" заимствована или изъ повѣсти о „Шемякиномъ судѣ", или изъ „Смѣющагося Демокрита" (Democritus ridens), и разсказываетъ о томъ, какъ Петро, взявши у Федора кобылу для работы, оторвалъ у нея хвостъ, и какъ судья присудилъ Петру держать у себя чужую кобылу до тѣхъ поръ, пока не выростетъ у ней хвостъ. Изъ „Смѣющагося же Демокрита" заимствованъ сюженъ басни о „Климѣ пьяномъ", который выставилъ впередъ ключъ, думая, что къ нему придутъ двери. Есть между „байками" Боровиковскаго и такія, которыя обнаруживаютъ его литературныя связи съ предшествующими украинскими писателями и особенно съ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ. Байки Боровиковскаго „Щука и Плиточка" и „Горохъ" есть не что иное, какъ сокращеніе сказокъ П. П. Гулака-Артемовскаго „Плиточка" и „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози". Басня „Дорожній стовпъ" воспроизводитъ стихотвореніе П. Кореницкаго „Панько та Верства". Но есть у Боровиковскаго много и такихъ басенъ и особенно „прибаютокъ", которыя представляютъ развитіе и даже близкое переложеніе народныхъ

---

[1]) „Москвитянинъ", 1852 года, ч. VI. Критика и библіографія, стр. 81—84 и др.

пословицъ и поговорокъ. Такова напримѣръ байка „Сидир", развитая изъ пословицы „оженивсь та й зажуривсь".

Веселій Сидир оживився
Та й зажурився.
Край гаю сидячи, нобачив вин телят —
И скачуть, и шалять,
Та й каже: добре вы, телята, расходились—
Запевно ще ви не женились;
А вас щоб присмирить—
Женить.

Содержаніе подобной басни мы слышали изъ народныхъ устъ. Пословицы „сова хочь спыть—та курей бачыть" и „тогда деры лубья, якъ дерутся", записанныя самимъ Боровиковскимъ, легли въ основу его басенъ „Курча" и „Хома". Нечего и говорить, что подобныя басни имѣли и имѣютъ полную цѣну, какъ памятники народнаго творчества. Даже и переводныя басни принимаютъ у Боровиковскаго народный характеръ до того, что иногда трудно распознать ихъ чужеземное происхожденіе. Такова, напримѣръ, басня „Чорт".

Колись у Полщи Чорт на сейми так возився,
Що вовся там хвоста лишився.
От, втикши, до дяка просився в грубник жить,
И став дякови говорить:
Що миром, без хвоста, не буде вже мутить.
Дяк думае, що чорт вже зовсим другим стався,
Став ладоном курить—
Так Чорт в болото швидче вбрався!..
Хоть вовк линяе,
Та норов не переминяе.

Не смотря на спеціально-украинскій этнографическій колоритъ басни, вся она есть не что иное, какъ варьяція Федровой или Эзоповой басни „Кающійся Волкъ" (Lupus poënitens).

Съ появленіемъ украинскихъ басенъ Л. Глѣбова, „Байки и прибаютки" Л. Боровиковскаго стали терять свое прежнее значеніе. Кулишъ въ 1857 году назвалъ басни Л. Боровиковскаго даже „тупыми" [1]).

Болѣе для насъ имѣютъ интереса мелкія лиро-эпическія произведенія Л. Боровиковскаго, частію переводныя, частію оригинальныя, каковы „Фарисъ" (изъ Мицкевича), „Чорноморець", „Вывидка", „Палій",

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ", 1857 года, т. XII. „Современная Лѣтопись", стр. 230.

„Волохъ"; „Зимній вечиръ" (изъ Пушкина), „Розставання (зъ писень)". Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, яснѣе обозначились литературныя симпатіи Боровиковскаго. Его „Розставання (зъ писень)" по содержанію и тону похоже на пѣсню Писаревскаго-Шерепери „За Нѣманъ иду" и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ этой послѣдней. Стихотвореніе „Палій", не обрисовывая этого историческаго героя малорусской исторіи индивидуальными чертами, мѣстами напоминаетъ стихотворенія Державина и особенно его оду „Атаману и войску донскому", 1807 года. Здѣсь Боровиковскій говоритъ, между прочимъ, о Паліѣ слѣдующее:

Хто якъ стрѣлка изъ майдану
Выхромъ мчытся за Украйну?
Яръ, лисъ, ричка, туча сыня
Козакови не запына;

—

Хто въ трави—вривни съ травою;
Хто въ води—вривни зъ водою;
Хто у лиси—вривни зъ лисомъ,
Ниччю—перевертнемъ бисомъ?
Палій.

Особенно важны стихотворные переводы Боровиковскаго изъ Мицкевича и Пушкина, именно „Фарисъ" и „Зимній вечиръ", свидѣтельствующіе о его романтическихъ наклонностяхъ. Къ этимъ переводамъ нужно прибавить еще стихотвореніе „Волохъ", которое есть не что иное, какъ переложеніе отрывка изъ „Цыганъ" Пушкина. Стихотворенія „Вывидка" и „Чорноморець" воспроизводятъ въ художественной формѣ народные сюжеты. Изъ нихъ стихотвореніе „Чорноморець" основано на народной пѣснѣ, одинаково встрѣчающейся и въ южной и въ сѣверной Россіи, и напоминаетъ нѣсколько стихотвореніе русскаго поэта Некрасова „Среди пошлостей жизни и прозы". Боровиковскій говоритъ въ этомъ стихотвореніи объ убитомъ черноморцѣ, къ которому три ласточки—

Пригортаются: перша ластивка
Маты ридна рыда;
А другая—сестра;
Третя ластивка—жинка покійного.
Де матуся рыда,
Тамъ кровава рика
Протикае до моря глыбокого;
Де ридненька сестра,
То вже ричка пройшла
И просохла, не влывшыся до моря;

А де жинка була—
И росыци нема
И завьяла трава край покійного.

4.

Порфирій Кореницкій.

Порфирій Кореницкій [1]) написалъ „Вечерниці, сатирицську поэму", и басню „Панько та Верства". Изъ перваго произведенія можно заключить, что авторъ былъ воспитанникомъ одной изъ бурсъ, какъ назывались тогда духовно-учебныя заведенія, и вѣроятно харьковской семинаріи. Въ этой поэмѣ авторъ прямо называетъ себя бурсакомъ.

Ні! вамъ соромъ буде въ хаті
Зъ бурсакомъ такимъ, якъ я,
Що въ смальцеванімъ халаті
Влізе въ хату, мовъ свиня.

Въ другомъ мѣстѣ поэмы дьякъ, къ которому заходитъ авторъ, называетъ его поповичемъ: „Ні, поповичу, не ждавъ!"

Первое изъ произведеній П. Кореницкаго представляетъ замѣчательную помѣсь пріемовъ Котляревскаго въ его перелицованной „Энеидѣ" съ мотивами пушкинскаго стиха и поэзіи, тѣмъ болѣе странную, что тѣ и другіе не срослись въ поэмѣ органически и живутъ своими домами. Сама поэма, очевидно, написана по подражанію „Энеидѣ" Котляревскаго. Тотъ же сатирическій или, точнѣе, пародированный складъ и тонъ; такимъ же образомъ у Кореницкаго выводятся на сцену классическіе боги и богини въ каррикатурномъ видѣ, гуляютъ въ шинкѣ, дуютъ сивуху и ругаются послѣдними словами, хотя основное содержаніе поэмы заимствовано не изъ классическаго міра. Воспользовавшись безчувственнымъ состояніемъ пьянаго Орфея, авторъ поэмы укралъ у него кобзу и на ней воспѣваетъ свои вечерницы. Онъ говоритъ:

А я кобзу лишь настрою,
Ту, въ Орфія що укравъ
Підъ Парнаською горою,

---

[1]) Стихотворенія его помѣщены въ альманахахъ „Сніпъ" Корсуна и „Ластовка" Е. Гребенки, 1841 г.

Якъ въ шинку изъ нимъ гулявъ.
Гей, Орфію, любій пане,
Музикантівъ отамане!
Ти й не думавъ, не гадавъ,
Щобъ бурсакъ, школяръ поганій,
Безталанній, голодрабій,
Такъ швиденько кобзу вкравъ;
А тебе-бъ заставивъ спаты
Чуть живого биля хати—
На посмишище людямъ
И парнаськимъ всімъ богамъ.

Самое описаніе народныхъ вечерницъ написано безъ серьезнаго сочувствія къ народному быту и изображаетъ только разгулъ и распущенность молодаго крестьянскаго поколѣнія, едва ли встрѣчающіеся въ такомъ видѣ на вечерницахъ въ дѣйствительной жизни крестьянства. Есть въ поэмѣ и хронологическіе промахи. Вечерницы, соотвѣтствующія сѣверно-русскимъ бесѣдамъ или посидѣнкамъ, обыкновенно бываютъ глубокою осенью и зимою; между тѣмъ, Кореницкій разсказываетъ, будто бы парни, идя на вечерницы, залѣзаютъ въ чужіе сады и крадутъ здѣсь яблоки, сливы и груши для дѣвокъ, а дѣвки и молодицы располагаются на ночлегъ въ садахъ.

Но къ этой безобразной поэмѣ приставлена голова, мало соотвѣтствующая туловищу. Введеніе къ поэмѣ есть не что иное, какъ спившъ изъ стихотвореній Пушкина „Зимній вечеръ" и „Утопленникъ" Вотъ начало предисловія:

Хмара хмару швидко гоне,
Грімъ по небу торохтить;
Вітеръ плаче, вітеръ стогне;
Дожчъ по вікнахъ порощить.
Підъ чмалену сю незгоду,
Мовъ побиті люди сплять;
И хрещеного народу
На сели вже не видать.
Тилькі де-коли скотина
Чуха боки коло тина
И на все село реве,
Наче звіръ ій дере.
То собака инде гавкне,
То захрюкае свиня,
То шкодлива кішка нявкне,
То цвіріньке горобя;
То відъ ляку сичъ стрипнеться,

Якъ блискавка заблищить;
То дитина въ сні жахнеться,
Грімъ якъ въ небі затріщить.

Надобно полагать, что самая поэма составлена была раньше предисловія.

Серьезнѣе по содержанію другое произведеніе Кореницкаго „Панько та Верства", помѣщенное въ „Ластовкѣ" Гребенки и представляющее, повидимому, сатиру на сельское духовенство. Здѣсь разсказывается о томъ, какъ проживавшій въ Липцахъ „швець" (сапожникъ) Панько однажды отправился въ городъ за товаромъ, сѣлъ отдохнуть около верстоваго столба и сталъ спрашивать его, почему онъ постоянно стоитъ на одномъ мѣстѣ и не подвинется немного къ городу. Верста отвѣчала:

Мене уткнулы тутъ небогу;
Щобъ я казала всимъ дорогу,
Хто скильки выхавъ и пройшовъ,
Та й скильки треба мандруваты,
Щобъ що у городи узяты:
Чи брыль кому, чи пидошовъ.

—

Но хочъ усимъ я проиэжалымъ
И всимъ по шляху прохожалымъ
Дорогу въ городъ и кажу,—
Сама-жъ стою, та все куняю,
Иты у городъ не бажаю,
Та и николы не хожу.

—

— Такихъ въ сели у насъ багацько!
Сказавъ Панько ій скорохвацько,—
Що учуть насъ, а самы сплять;
Що намъ велять добро робыты,
Мовлятъ туды й сюды ходыты,
Самы-жъ у хатахъ все сидять!

Это стихотвореніе Кореницкаго Л. Боровиковскій воспроизвелъ въ своей баснѣ „Дорожній стовпъ".

5.

Викторъ Николаевичъ Забѣлла [1]).

Главныя свѣдѣнія о жизни Зебѣллы мы имѣемъ въ „Запискахъ М. И. Глинки". Говоря о пребываніи своемъ въ 1838 году въ Каченовкѣ, въ помѣстьи Григ. Степ. Тарновскаго, борзенскаго повѣта, Глинка, между прочимъ, разсказываетъ слѣдующее: „Сосѣдъ Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Маркевичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и поддѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы... Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостилъ въ Каченовкѣ Двѣ его малороссійскія пѣсни: „Гуде витеръ вельми въ поли" и „Не щебечи, соловейко" я положилъ тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ изображать въ лицахъ; въ особенности хорошо представлялъ слѣпцовъ. Первый скрипачъ, Калиничъ, однажды былъ приведенъ отъ такого представленія въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: „Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ". Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломанымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно аккуратенъ, и всѣ наши удовольствія и сюрпризы непремѣнно оканчивались до полуночи и ранѣе, при чемъ хозяинъ вѣжливо раскланивался, и гости расходились. Но не всѣ предавались сну: у меня въ оранжереѣ собирались Маркевичъ, П. Скоропадскій, Забѣлла и Штернбергъ... Играли русскія и малорусскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, къ нѣкоторой досадѣ аккуратнаго хозяина. Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу". Этотъ портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащемъ нынѣ императорской публичной библіотекѣ. Около 1846 года В. Забѣл-

---

[1]) Источники: „Записки М. И. Глинки", въ „Русской Старинѣ" 1870 г., т. 2, стр. 278—279, и въ особомъ изданіи 1871 г.; „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка", М. К. Чалаго, Кіевъ, 1882 г., стр. 59 и 196. Увѣряютъ, что о В. Забѣллѣ говорится еще въ статьѣ П. М—са „Эпизоды изъ жизни Шевченка", помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника югозападной и западной Россіи" за 1863 г., но безъ означенія его имени и фамиліи. Нѣкоторыя украинскія стихотворенія В. Забѣллы помѣщены въ „Ластовкѣ" Гребенки 1841 года. Есть также нѣсколько свѣдѣній о В. Забѣллѣ въ статьѣ Н. М. Бѣлозерскаго „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ" въ „Кіевской Старинѣ", за октябрь 1882 года.

ла познакомился съ Шевченкомъ и въ 1861 году участвовалъ въ его погребеніи на родинѣ. Умеръ въ 1869 г.

Кромѣ указанныхъ Глинкою двухъ пѣсенъ В. Забѣллы, намъ извѣстны неизданное его стихотвореніе „Остапъ да Чортъ“ и слѣдующія стихотворенія, помѣщенныя въ „Ластовкѣ“ Гребенки: „Голубъ“, „Писня“, и безъимянная, начинающаяся словами „Повіяли витры буйны“. Н. М. Бѣлозерскій упоминаетъ еще объ его юмористическомъ посланіи „До Тараса“ (Шевченка), въ стихотворной формѣ.

Изъ нихъ стихотвореніе „Остапъ да Чортъ“, заимствовавшее сюжетъ свой изъ народныхъ повѣрій, повидимому написано по подражанію „Пану Твардовскому“ П. П. Гулака-Артемовскаго. Вотъ это стихотвореніе:

Жывъ соби десь чоловикъ, винъ Остапомъ звався.
Разъ поихавъ въ гай по дрова, зъ чортомъ постричався:
Прылягавъ, бачъ, гаекъ его до болота блызько;
Росла всячына на ему высоко и ныззько.
Завелось въ тому болоти чертякивъ до врага,
Булы й голи, й волохати,—цилая ватага;
Булы чорни и перисты, шути и зъ рогамы,
На собачыхъ булы лапахъ, булы и зъ ногамы.
Остапу тому й казалы, щобъ винъ постеригся,
Щобъ не издывъ самъ у гай той, зъ чортомъ щобъ не стрився.
Дакъ що! може, винъ ухопыть? Сырый—не покурыть!
Улепетне й чортъ одъ мене, и рогы загубыть!
Дывовалыся мыряне, що винъ такъ хвабруе,
Що про бисивъ такъ винъ смило подъ вечоръ толкуе.
Бо воны якъ темно стане, до такъ и шмыгають,
Перевернувшысь во що-небудь, да все й пидслухають;
Жабамы инколы скачуть, жукамы литають,
Де-що робытця на свити—усе бисы знають.
И Остапъ—нехай Богъ простыть—мабуть зъ нымы знався:
Ходывъ въ ночи самъ усюды, чортивъ не боявся.
Разъ рубавъ винъ въ гаю дрова... зыркъ, поручъ чортяка!
Трохы не впустывъ сокыры, злякавсь неборака.
— „Здоровъ бувъ, пане Остапе!“—бисъ озвавсь до его.
Ище бильшъ Остапъ злякався, не сказавъ ничого;
Потимъ трохи прочуняся (дуже бувъ проворный).
— „Чувъ я про тебе, Остапе,—ты на все моторный“—
Чортъ сказавъ до его знову. Остапъ тильки чухавсь..,
Мовчавъ довго съ переляку, пислч оправывся.
— „Якъ въ якому—бачте—дилу“, Остапъ ставъ казаты:

„Орать, сіять, хмеу плесты, ставыть вмію хаты“.
— „Ну, а зайця чы доженешъ?“ спытався чортяка.
— „Не дожену, паве чорте, бо я не собака“.
— „Отъ же я дакъ и піймаю!“—„Дакъ де-жъ его взяты?“
— „Заразъ буде, колы хочешъ, биля насъ стрыбаты“.
Де узявся справди заець! Остапъ *катя* крыкнувъ;
Заразъ и піймавъ чортяка, заець и не пыкнувъ.
Якъ поймавъ винъ въ свои лапы, тилькы стрепенувся.
— „Дыковинка!“ Остапъ каже, а чортъ улыбнувся.
— „Ну, а свыснуть чи зъумієшъ?“ чортъ изновъ пытае.
„Я такъ свысну, що въ дерева лыстя позлитае.
— „А я не такъ ще умію“. Остапъ почавъ мовыть:
„Нихто въ свити, въ закладъ пиду, на ногахъ не встоить“.
— „Давай въ закладъ, що я встою!“ Остапъ наготовывъ
Гарную соби дубынку, зновъ соби промовывъ:
— „Свыстить же вы попереду, тоди станемъ бытця
„Мы у закладъ, що впадете, готовъ побожытця“.
— „Заразъ! Затуляй же уши!..“ Свысь!!! и лисъ затрусывся,—
Ажъ Остапъ насылу встоявъ, зъ дуба лыстъ звалывся.
— „Теперъ же вы, пане чорте, завяжить очыци:
Бо якъ свысну, то инначе хто вриже по пыци“.
— „А якый же буде закладъ?“ Чортяка пытае.
— „Повну шапку срибныхъ грошей“,—Остапъ одвичае.
— „А ты мыни, якъ не впаду, що ты обѣщаешъ?“
— „Усе, усе, що е въ мене—все позабираешъ!“
— „Добре!“ Да и завязавъ очи, винъ перехрыстывся,
Якъ урпзавъ дубцемъ въ високъ, чортъ и покотывся!
Застогнавъ, ажъ сумно стало, якъ бугай въ болоти;
Остапъ квачемъ ему въ горло, щобъ не сохло въ роти.
Облызувався чортяка, насылу ажъ дыхавъ,
Крутывъ зъпершу головою, а дали й зачмыхавъ.
— „На здоровья, паче чорте! годи вамъ качатця:
„Я пиду уже до дому, пора рощытатця“.

. . . .

. . . .

Землю пооравъ, якъ плугомъ, чортяка рогамы,
Повырывавъ зъ корнемъ зилья, якъ дрыгавъ ногамы.
Крутывсь, вертивсь, пидскакувавъ, скреготывъ зубамы.
Мабуть дуже винъ бувъ нижный: все плямкавъ губами,
Якъ сова пры свитли въ хати, все лупавъ очыма,
Хвостомъ вертивъ, росправлявся да кывавъ ушыма;

Прочумався, ставъ на ногы, ниначе бувъ пьяцый,
Позихавъ да потягався, ниначе заспаный.
Трошкы зъ годомъ заговорывъ: „ну, Остапъ, ты свиснувъ!
„Справди, ниначе хто въ ухо мене дуже триснувъ".
— „Ище добре, що очици соби завьязалы,
„Не тилькы ричъ бы отняло, може бъ слипи сталы".
Чортъ оддавъ Остапу гроши, та въ болото тягу,
Скорише воды напывся, прогнавъ трохы смагу.
Писля Остапъ росказувавъ, якый бувъ чортяка:
Волохатый, и зъ рогамы, чорный мовъ собака;
Двое очей въ его лоби: одно превелыке,
Якъ жаръ було червонее, а маленьке—дыке.
Языкъ въ его предовгенный, черезъ губу висытъ;
Самъ не встоить, все тупае, мовъ бы глину мисытъ.

—

Такъ и вирь отцимъ Остапамъ, чвалаямы ходять,
Зовсимъ воны неучены, до бисивъ проводять.

Другія стихотворенія В. Забѣллы—лирическія. Въ нихъ г. Чупрына (А. А. Котляревскій) видитъ подражаніе Шевченкѣ и А. Метлинскому. „Счастливые опыты въ стихахъ автора *Думъ*,—говоритъ онъ,—поэзія котораго пришлась такъ по сердцу украинцамъ, и Амвросія Могилы указали другимъ тотъ путь, на которомъ встрѣчаемъ талантливаго Забѣллу, отчасти Чужбинскаго" [1]). Не смотря на веселый характеръ В. Забѣллы, какимъ изображаетъ его Глинка, лирическія стихотворенія нашего автора почти всѣ отличаются глубокою грустью человѣка, навсегда потерявшаго радости любви и семейнаго счастія. Можетъ быть, грустный тонъ его лирическихъ стихотвореній навѣянъ Метлинскимъ и отчасти Шевченкомъ, но, можетъ быть, онъ найдетъ свое объясненіе и въ обстоятельствахъ жизни самого автора [2]). Нѣкоторое исключеніе представляетъ только его „Писня", въ которой, по крайней мѣрѣ, не высказывается безнадежность любви. Проѣхавъ дважды мимо двора милой и не видѣвъ ея въ очи, герой пѣсни мысленно обращается къ ней со слѣдующими словами:

Чи й ты такъ скучаешъ?
Колы мене вирно любышъ,

---

[1]) Литературный отдѣлъ „Москов. Вѣдом.", 1856 г., № 41: „Литературныя замѣтки, скубента Чупрыны".

[2]) Покойный А. А. Котляревскій передавалъ пишущему эти строки, что В. Забѣлла былъ несчастливъ въ своей семейной жизни и потому былъ „великий недурень выпити".

То й бачыть бажаешъ.
Ой, якъ вирно мене любышь,
Будемъ жыть зъ тобою
Цилый викъ, мое серденько,
Якъ рыба зъ водою!

Стихотвореніе „Повиялы витры буйны“ жалуется на разлуку съ дивчиною:

Повіялы витры буйны
Зъ холодного краю:
Розлучылы зъ дивчиною,
Котру я кохаю.
Та не витры, люде злыи
Мини се зробылы;
Самы мене звелы зъ нею,
Самы й розлучылы.

Въ стихотвореніи „Голубъ“ молодой козакъ плачетъ по своей несчастной долѣ, разлучившей его съ подругою жизни и разрушившей его семейное счастье. Козакъ спрашиваетъ голубя, зачѣмъ онъ такъ тяжко стонетъ, и голубъ высказываетъ передъ нимъ такую же печаль—тоску, какая грызла и самого козака:

Того, козаченьку,
Того, кучерявый,
Що я спарувався,
Та не поживъ лита
Зъ сызою своею:
Яструбы убылы.
И дитокъ прыдбалы
Двойко малюсенькихъ,
Згодувать не вспилы;
Погынулы й дитвы
За мылою швыдко,
Я стогнать остався.

Онъ не хочетъ уже летѣть въ поле, чтобы тамъ найти стадо и прогнать свое горе:

Що стадо поможе
Мини бидоласи?
Тамъ усе чужіи.
Однялы у мене
Голубку и ридныхъ
Вороги лихіи...
Колы суха витка,
Котра пидо мною,

Зновъ зазеленіе,
Тогди сыза буде
Зъ ріднымв до мене,
И сердце зрадіе.
Та й застогнавъ дуже,
И сплеснувъ крыламы,
Ажъ лисъ стрепенувся,
Полетивъ по пущи...
Бильшъ на тую витку
Винъ и не вернувся.

Такого же грустнаго тона и пѣсня Забѣллы „Не щебечи, соловейку", переложенная Глинкою на музыку. Благодаря этому обстоятельству, она получила большую извѣстность въ Малороссіи и стала почти народною. Мы приводимъ ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она записана для насъ на Волыни:

Не щебечи, соловейку,
На зорі раненько!
Не щебечи, малюсенькій,
Підъ вікномъ близенько!
Твоя писня дуже гарна,
Ти гарно співаешъ;
Ти щасливий спаровався
И гніздечко маешь,
А я бидний, безталанний
Безъ пари, безъ хати;
Не судилось мині въ світі
Весело співати.
Ой, літи ж ты къ тимъ людямъ
Котри веселятся!
Вони пісьнею твоею
Будутъ забавлаться.
Мині писенька такая
Серце розривае;
Гірше бьеця въ груді
И духъ замирае.
Мині пугачъ такъ згодився,—
Стогне, не співае.
Нехай стогне коло мене
И смерть возвіщае!

По всей вѣроятности, были у Забѣллы и другія стихотворенія; но онъ писалъ ихъ про себя и скупо дѣлился ими съ публикою.

6.

Тимоѳей Думитрашко-Райчъ.

Тимоѳей Думитрашко-Райчъ извѣстенъ въ украинской литературѣ небольшимъ сборникомъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Бандура", 1858 года [1]). Здѣсь въ стихотвореніи „До предка" Т. Думитрашко-Райчъ производитъ свой родъ отъ извѣстнаго въ малороссійской исторіи переяславскаго полковника Думитрашка, который въ 1674 г., при гетманѣ Самойловичѣ, съ 20,000 козацкаго войска и двумя полками великороссійскими, разбилъ на голову надъ Ташлыкомъ татаръ и Дорошенка [2]). Гнѣздомъ этихъ Думитрашковъ было село Бакумовка, близь м. Березани, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи. Въ бакумовской церкви, теперь упраздненной, въ 1693 году сооруженъ былъ и расписанъ маляромъ Миславскимъ иконостас „жертвою пана Радиона Думитрашка Райчя [3]). По всей вѣроятности, нашъ авторъ родился и выросъ въ селѣ Бакумовкѣ. О себѣ онъ говоритъ:

. . . хотівъ предка
Прославить ділами
И положить головоньку
Баючись изъ врагами;
Не трапилось, такъ я теперь
Граю на бандуру.

Судя по содержанію стихотвореній Т. Думитрашка-Райча, онъ сочинялъ ихъ для себя, на разные случаи изъ собственной жизни и жизни тѣснаго кружка своихъ родныхъ и знакомыхъ; но безплодіе украинской литературы въ періодъ со времени ссылки Т. Г. Шевченка и до воцаренія покойнаго императора Александра II и тогдашнее предпочтеніе украинскому слову чужой словесности побудили нашего автора издать свои стихотворенія въ свѣтъ. Въ первомъ стихотвореніи „До віршъ" онъ обращается къ нимъ со слѣдующими словами:

---

1) Полное заглавіе: „Бандура. Думки и пісьни Тимофія Думитрашко—Райча. Выпускъ первый. Кіевъ, 1858".

2) См. „Краткое описаніе Малороссіи", составленное около 1734 года, въ изданіи „Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ..", Кіевъ, 1878 г., стр. 277.

3) „Извѣстія церковно-археологич. общества при кіевской дух. академіи за 1879 годъ", Кіевъ, 1880 г., стр. 80.

Идить, мои сиротята,
У світъ прихилитьця;
Идить, мои голубята,
Тутъ вамъ нігде дітьця;
Тутъ въ почоті чужіи діти,
А свои безъ долі:
Тяжко нудять воны світомъ,
Мовъ пташка безъ воли.

Скромность стихотворца и искреннее желаніе его принести посильную пользу родному слову обезоруживаютъ критика и заставляютъ его снисходительно смотрѣть на сравнительно слабыя стихотворенія Т. Думитрашка-Райча на малорусскомъ языкѣ.

Всѣхъ стихотвореній въ первомъ выпускѣ „Бандуры" (второй выпускъ не выходилъ) 29-ть, которыя писаны въ разное время. Старѣйшія изъ нихъ должны быть отнесены приблизительно къ 1843 году, такъ какъ въ „Бандурѣ" есть стихотвореніе „На смерть Квитки", умершаго въ этомъ году.

Большая часть изданныхъ стихотвореній Т. Думитрашка Райча— любовнаго характера и изображаетъ или разлуку съ милой и одиночество влюбленнаго, или же стремленіе къ ней и желанное соединеніе съ нею. Нѣкоторыя изъ нихъ очень сильно напоминаютъ намъ собою лирическія стихотворенія В. Забѣллы, напримѣръ, „Жайворонокъ", „Соловейко", „Яворъ" и др. Стихотвореніе „Соловейко" оканчивается слѣдующими стихами:

Оттакъ и я колись співавъ
У ночи въ садочку,
Якъ траплялось, що выжидавъ
Мою коханочку;
И душа такъ выливалась
Щира-невраддива,
Якъ до серця пригорталась
Моя чорнобрива!
Та недовго тішивъ таланъ,
Люди разлучили!
Улетівъ вінъ, мовъ той туманъ,
Іи зхоронили!
Теперь уже соловейкомъ
Більшъ я не співаю,
Тужу пугачемъ въ пустині,
Долю проклинаю!.

Стихотвореніе „Сиротина", по сюжету сходное съ соотвѣтствующимъ стихотвореніемъ А. Метлинскаго „Дитина-Сиротина", перенимаетъ нѣкоторые мотивы у Шевченка:

Дуже тяжко сиротині
Въ світі погибати,
Якъ нікуды прихилитьця,
Та ще въ чужій хаті!
Въ чужій хаті, въ чужій праці,—
Така жизнь—не доля!
Серце знае, що бажае,—
Та не его воля!
А де-жь тая воля?
Нудьга изсушила!
А дежь тая доля?
Одняла могила!
Свого тата не зазнаю,
А неню святую
Ледви-ледв,и мовъ изо сну,
Іі памятую;
Не багацько живу въ світі,
А дуже змарніла!..
Неню моя, люба неню!
Де-жъ моя могила?
Возьми, рідна, молю тебе,
Свою ты дитину!
Тяжко дуже на сімъ світі,
Пришлось до загину;
Бо тутъ люди...—Богъ изъ ними!
Ничого й казати!..
Бога ради, візьми мене,
Моя ридна мати!

Во второй половинѣ перваго выпуска „Бандуры" помѣщены преимущественно стихотворенія, или представляющія передѣлку народныхъ южнорусскихъ лирическихъ и обрядовыхъ пѣсенъ, или стремившіяся изобразить минувшій бытъ Малороссіи. Къ первымъ относятся— „Сосідъ", „Обжинки", „Весільни (свадебныя); ко вторымъ—„Переясловъ", „Старосвіцькій козакъ дома", „Старосвіцькій лицарь на войні" и „До предка". Но авторъ не имѣлъ, какъ видно, основательныхъ свѣдѣній ни по этнографіи, ни по исторіи малорусской, и притомъ наличныя свои свѣдѣнія старался переработывать и влагать въ искусственную форму, вслѣдствіе чего, при недостаткѣ таланта, только обезличивалъ народныя пѣсни и историческія преданія. Стихотвореніе

„Сосідъ“ можетъ служить для насъ примѣромъ его передѣлокъ народныхъ пѣсенъ:

А въ сосіда гарна хата,
Всімъ заможна и богата,
Жінка повна, щічкі красны,
Ротикъ гарный, очки ясны

—

Вона въ домі господиня,
А у людяхъ мовъ княгиня,
И танцюе и співае,
Усімъ очи засліпляе, и проч.

Это стихотвореніе есть передѣлка извѣстной ходячей малорусской пѣсни „У сосіда хата біла“, неизвѣстнаго и сомнительнаго происхожденія.

Изъ стихотвореній съ историческимъ сюжетомъ приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія Т. Думитрашка-Райча „До предка“:

Дожилася Бакумовка
До самого краю!
Була вона колысь гарна,
Мовъ куточокъ раю;
Тутъ вельможніи живали
Паны на всю губу;
Воны славу добували
Ворогамъ на згубу.
Тутъ гарматы невгомонны
День и нічь гремілы;
Католики й бусурманы
Мовъ трясця тремтіли;
Тутъ полковникъ Думитрашко
Боронивъ границы.
Утікалы орда, ляхи,
Мовъ одъ орла птицы.
Громивъ вінъ врагівъ лютыхъ,
Де зъ ними зпідкався;
Злый татаринъ, ляхъ зрадливый
Зъ опалу жахався.
Рятовавъ нашъ лицарь славный
Матірь Украіну;
А теперь его забули,
Мовъ малу дитину;
Тилько знае Орловиця,
Та Чигиринъ знае,

Та ще може якій дідусь
Де-коли згадае,—
Якъ Думитрашко, мовъ той соколъ,
Уславъ трупомъ поле!..

Это стихотвореніе основано не на козацкихъ народныхъ думахъ, а на исторической справкѣ въ малороссійскихъ хроникахъ, доступныхъ автору.

7.

Семенъ Лукьяновичъ Метлинскій.

Семенъ Лукьяновичъ Метлинскій [1]), братъ А. Л. Метлинскаго, родомъ изъ гадячскаго уѣзда, полтавской губерніи, по его собственнымъ словамъ, съ малолѣтства жилъ въ южной Россіи, собиралъ народныя украинскія пѣсни для сборника А. Л. Метлинскаго и состоялъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества, отъ котораго получилъ за свои сообщенія „самые лестные отзывы благодарности". Въ 1858 году онъ издалъ въ Кіевѣ сборникъ своихъ стихотвореній на южнорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Мова зъ Украины", закрывшись псевдонимомъ С. Л. Родыны. Цѣль сборника состояла въ содѣйствіи народному образованію, которое, по словамъ автора, „не должно уже заключаться въ отдѣльныхъ какихъ либо слояхъ общества, но охватывать должно собою, болѣе или менѣе, судя по потребностямъ, и всѣ низшіе классы общественной жизни... Видя,—продолжаетъ онъ,—что въ недавнее время стали издаваться для чтенія простолюдиновъ, при воспитаніи ихъ въ сельскихъ школахъ, книги на языкѣ понятномъ имъ, приспособленномъ къ ихъ разговору, я рѣшился въ этой книгѣ изложить нѣкоторые предметы, необходимые и полезные при религіозно-нравственномъ образованіи простаго народа тѣхъ губерній, гдѣ для него великорусскій языкъ не столько понятенъ, сколько бы это нужно, а употребляется нарѣчіе южнорусское". Вторая часть „Мовы зъ Укра-

---

1) Источники: 1) „Мова зъ Украины. Кіевъ, 1858". 2) „Мова зъ Украины, Полтава. 1864". Кромѣ того, мы имѣли подъ руками вторую брошюру въ рукописи, съ письмомъ С. Л. Метлинскаго въ редакцію „Основы", отъ 25 августа, 1862 г.

ины" издана въ Полтавѣ въ 1864 года, и въ этой части, кромѣ стиховъ самого С. Л. Метлинскаго, помѣщены также стихи М. М. Макаровскаго.

Не смотря однако на свое народолюбіе, авторъ все-таки обнаруживаетъ свои барскія наклонности и взгляды и порой довольно наивно высказываетъ ихъ. Въ стихотвореніи „Начатокъ весны", описывая прелести этого пріятнаго времени года, онъ говоритъ:

Поидуть пахари съ плугамы,—
Раскыдають по нывахъ зерно
Зъ молытвами до Бога урожаю;
Садкы запахнуть, пташкы защебечуть;
И ранкомъ теплымъ, напывшись чаю,
Панъ выйде весело къ своимъ крестьянамъ.
Проснецця все, що спало, що замерло;
И мушка й чоловикъ, все славыть Бога стане.

Какъ этотъ „панъ" похожъ здѣсь на взяточника-чиновника съ его идиллическимъ взглядомъ на весну, когда пчелка съ каждаго цвѣточка беретъ себѣ взятку!

Ни по содержанію и техникѣ стиховъ, ни по языку, ни по общественнымъ взглядамъ автора, сборникъ его не заслуживалъ бы вниманія; но онъ итересенъ для насъ по той прозрачности, съ какою отразились на немъ разныя литературныя вліянія. Въ предисловіи къ своему сборнику С. Л. Метлинскій говоритъ, что его стихотворенія суть подражанія чисто народнымъ произведеніямъ. И дѣйствительно, между 52-мя его стихотвореніями можно указать нѣсколько такихъ, которыя передѣланы изъ народныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ по слѣдамъ брата своего А. Л. Метлинскаго и даже иногда повторялъ его сюжеты, напримѣръ въ стихотвореніи „Сиритка". Въ стихотвореніи „Свекруха—люта видьма" свекровь послала невѣстку жать пшеницу и силою чародѣйства превратила ее въ колосокъ пшеницы; мужъ отыскалъ ее и снова превратилъ въ женщину. Въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ „Зъ чужои стороны зозулею полетила до родныхъ", дочка, тосковавшая на чужой сторонѣ по роднинѣ, просила ворожею превратить ее въ зозулю и въ такомъ видѣ слетала на родину и подслушала здѣсь тоску своей матери. Но чаще подражанія эти состояли только въ южнорусскомъ языкѣ и дѣйствительными оригиналами своими имѣли не народныя пѣсни, а произведенія Пушкина и особенно Лермонтова, перенимая ихъ внѣшніе пріемы и даже слова и выраженія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его стихотворенія: „Осинь", „Печаль невынныхъ душъ про свитъ земный", „Дытына" и „Пидъ небомъ литае хмаронька высоко". Первое изъ названныхъ стихотвореній начинается такъ:

Небо крыють хмары темни,
Буря вые, скризь литае,
Листы съ дерева зелени
Осинь хмурна осыпае;
Сонце въ хмары заховалось,
И десь-недесь часомъ гляне:
Чи-то холоду злякалось?
Чи-то журыцця, що въяне
Те, що въ весну, литомъ землю розкрашало?..

Эти стихи—подражаніе „Зимнему вечеру“ Пушкина. Стихотвореніе „Печаль невынныхъ душъ про свитъ земный“, повидимому, развиваетъ мысль „Пророка“ и „Поэта“ Пушкина и Лермонтова; но въ срединѣ почти буквально повторяетъ стихотвореніе Лермонтова „Ангелъ“:

Ще зъ дитку ихъ души
Святую писню янголъ проспивавъ;
Та писня на души осталась вичне:
И земный сей мыръ турмою мовъ имъ ставъ.
И часто думка ихъ лита на небо.

Стихотвореніе „Дытына“ рисуетъ дитя такими же красками, какими изображена Тамара въ „Демонѣ“ Лермонтова. Наконецъ, стихи С. Л. Метлинскаго „Пидъ небомъ литае хмаронька высоко“ есть слабое подражаніе стихотворенію Лермонтова „Тучки“, съ примѣненіемъ его къ человѣческой судьбѣ. Вотъ это стихотвореніе С. Л. Метлинскаго:

Пидъ небомъ литае хмаронька высоко,
Литае по-витру, куды винъ несе:
Хочь блызько, далеко,—
Чи знать ій про се?..
Такъ я молодий:
Не знаю, де мисце соби обберу,—
Якій на жыття мене прыйме край,
Въ якій сторони я умру!..

5.

Михайло Николаевичъ Петренко.

Михайло Николаевичъ Петренко [1]) родился въ 1817 году и большею частью проживалъ и узналъ языкъ и бытъ народный въ г. Сла-

[1]) Источники: „Сніпъ“, 1841 г.: „Молодикъ“ Бецкаго, на 1843 годъ, и „Южный русскій сборникъ“, Метлинскаго, 1848 г.

вянскѣ и его окрестностяхъ, изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи; окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ университетѣ въ 1841 году и потомъ опредѣлился на службу по гражданскому вѣдомству. Онъ написалъ одну оперу, нигдѣ не напечатанную, и нѣсколько лирическихъ стихотвореній, которыя помѣщались въ альманахѣ „Снiпъ" Корсуна, 1841 г., въ „Молодикѣ" Бецкаго на 1843 годъ и въ „Южномъ русскомъ сборникѣ" А. Метлинскаго, 1848 года. Въ послѣднемъ перепечатаны и прежнія стихотворенія Петренка. Извѣстны слѣдующія его стихотворенія: „Недоля", „Вечернiй дзвiнъ", „Смута", „Думи та спiви", „Брови", „Вечиръ", „Батькивська могила", „Небо", „Весна", „Славьянскъ", „Иванъ Кучерявий", „Недугъ" и „Дума про батька".

Нѣкоторыя стихотворенія Петренка напоминаютъ собою пѣсни Котляревскаго въ „Наталкѣ Полтавкѣ" и написаны подъ тонъ знамеменитой его пѣсни „Вiютъ витры". Такова, напримѣръ, пѣсня Петренка „Минулися мои ходи", въ которой, между прочимъ, поется:

Другимъ счастя и коханьня,
А я тилько плачу,
Сльозам, горю, тоскованьню
И киньця не бачу.
Мене милий чернобривий
На-лихо не любе;
Суше мене, псуе мене,
Дарма серце губе.

Но другія стихотворенія Петренка написаны подъ вліяніемъ Козлова и Лермонтова. Къ такимъ стихотвореніямъ относятся: „Вечернiй дзвiнъ", „Недоля", „Вечиръ", „Думка". „По небу блакитнiмъ очiма блукаю" и др. Изъ нихъ „Вечернiй дзвiнъ" свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ Петренка къ пушкинской поэзіи и именно къ Козлову, одному изъ представителей пушкинской школы, а остальныя три стихотворенія написаны по подражанію Лермонтову. „Вечернiй дзвiнъ" Петренка напоминаетъ намъ стихотвореніе Козлова подъ тѣмъ же заглавіемъ и, вѣроятно, написано подъ его вліяніемъ.

Як в сумерки вечернiй дзвин
Пид темний вечир сумно дзвоне
Як з витром в поли плаче вин,
А у диброви тяжко стогне,
Тоди душа моя болить,
Вид смути плачу по невирний,
А думка все туди летить,
Де вперш почув я дзвин вечирний,
Де вперше так я полюбив
Поля привольни та диброви,

Де вперше свит и радисть вздрив,
Та кари очи й чорни брови!
Проснеться все в души тоди,
Вечерний двин усе розбуде;
Сльоза пробье, и вид нудьги
Душа вси радости забуде...
О! тяжкий, дзвоне, твий привит
Тому, хто милои не мае;
Душа болить и меркне свит,
А серце гирше занивае.

Стихотвореніе „Недоля“ сначала напечатано было съ эпиграфомъ изъ „Молитвы“ Лермонтова и въ самомъ дѣлѣ подделывается подъ ея тонъ.

Дивлюся на небо та й думку гадаю:
Чому я не соколъ, чому не літаю?
Чому мені, Боже, ти крилля не давъ?
Я бъ землю покинувъ и въ небо злітавъ...
Далеко, за хмари, подальше відъ світу,
Шукать собі доли, на горе привіту,
И ласки у сонця, у зірокъ прохать,
И у світі ихъ яснімъ себе покохать;
Бо доли ще змалку кажусь я нелюбій,
Я наймітъ у неи, хлопцюга приблудній:
Чужій я у долі, чужій у людей...
Хиба хто кохае нерідних дітей?..
Кохаюся лихомъ и щастя не знаю.
И гірко безъ долі свий вікъ коротаю;
Й у горі спізнавъ я, що тільки одна
Далекое небо—моя сторона...
И на світі гірко! Якъ стане ще гірше
Я очи на небо!—мені веселіше,
И въ думкахъ забуду, що я сирота—
И думка далеко, високо літа!..
Такъ дайте же крилля, орлячого крилля!
Я землю покину—я на новосілля
Орломъ бистрокрилимъ у небо полыну
И въ хмарахъ відъ світу на-вікъ утону.

Лермонтовскіе мотивы и пріемы азмѣтны также въ стихотвореніи Петренка „Вечіръ“. Оно ближе всего подходитъ къ стихотворенію Лермонтова „Выхожу одинъ я на дорогу“. Петренко также наблюдаетъ ночное небо и спрашиваетъ его о причинѣ своей грусти:

Схилившись на руку, дивлюся я
Въ вечирне край-небо далеко и глибоко,
И чую, проситься душа моя
Туди, де потонуло в хмарах око.
И тьохка серце у мені,
А в очах темно, темно, мутно...
Чого ж в души становиться такъ смутно,
Коли дивлюсь, вечирне небо, на тебе?
Покрите хмарами, мов хвилями те море,
Що ти там мовиш в вишини?
Чи перши радости, чи тяжке горе
Ти шлеш самотному мени?
Чого твоя журлива мова
Моий души недовидома?
И мова ся, й велика рич
Для мене темна так, мов тая нич.
Ти, може, мовиш те, що так як хмари
Покрили край-небо, краси твои,
Так потемніють дни мои
Безъ радости и видъ людскои кари?
И те, що мий сиритській слидъ
Зальеться на свити сльозами,
А доля зла, и хмари бидъ
На бидну голову посиплються громами?
Тебе я не пойму, якъ и того, що буде,
А тилько важко так мени,
Неначе небо все и хмари ти
Мени схилилися на груди.

Но, при несомнѣнномъ подражанін Лермонтову, поэзія Петренка отличается еще болѣе грустнымъ тономъ, постоянно о чемъ-то вздыхаетъ и порывается отъ земли къ небу. Къ Петренку болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, идутъ слѣдующіе стихи П. П. Гулака-Артемовскаго въ его пародированномъ переложеніи „Думы“ Лермонтова „Упадокъ вѣка“:

Не ззіли, ні спили, та все, неборaки,
На хмари дивлячись, здихають важче й важче.

Повидимому, А. Корсунъ пародировалъ Петренка въ извѣстной уже намъ „Писулькѣ до кума“.

9

Александръ Степановичъ Аөанасьевъ (Чужбинскій).

Александръ Степановичъ Аөанасьевъ [1]) родился въ 1817 году, въ лебединскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ населеннымъ имѣніемъ. Въ 1829 году онъ былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и отданъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко. Здѣсь онъ квартировалъ у профессора Соловьева, человѣка весьма замѣчательнаго, вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкою, впослѣдствіи пріобрѣвшимъ извѣстность въ качествѣ повѣствователя. Вскорѣ по вступленіи Аөанасьева въ число воспитанниковъ гимназіи, это заведеніе было преобразовано въ лицей, и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента лицея и правомъ на чинъ XIV класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Аөанасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ товарищей своихъ, описавшаго ему свой бытъ самыми поэтическими красками, поступилъ въ 1836 году юнкеромъ въ бѣлгородскій уланскій полкъ, но на первыхъ же порахъ встрѣтилъ самое горькое разочарованіе и 1843 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Въ 1847 году онъ снова поступилъ на службу въ канцелярію воронежскаго гражданскаго губернатора и въ томъ же году назначенъ редакторомъ неоффиціальной части „Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей“; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года, послѣ чего снова вышелъ въ отставку. Умеръ въ Петербургѣ 6 сентября 1875 г.

Аөанасьевъ началъ писать очень рано, еще въ лицеѣ, гдѣ въ то время вѣялъ литературный духъ. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было стихотвореніе „Кольцо“, помѣщенное въ „Современникѣ“ (1838 г., т. XI), съ подписью „Чужбинскій“. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, т. е. до появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ его изданій „Галлерея польскихъ писателей“ и „Русскій солдатъ“, подписанныхъ уже его настоящимъ именемъ. Съ тѣхъ поръ Аөанасьевъ началъ выставлять подъ своими статьями и сти-

[1]) Библіографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „А. С. Аөанасьевъ“ В. Толбина, въ книгѣ „Лицей князя Безбородко“, 1859 г., вышедшей вторымъ изданіемъ въ 1881 году; 2) „Поэзія славянъ“ Гербеля, С.-Петербургъ, 1871 г., стр. 193—194. Перечень малорусскихъ его произведеній въ „Покажчикѣ новоі украінськоі літератури“, М. Комарова, Кіевъ, 1883 г. Другіе источники, менѣе важные, будутъ указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту.

хотвореніями поперемѣнно то фамилію, то псевдонимъ, а съ 1853 года сталъ соединять фамилію съ псевдонимомъ, т. е. подписывался „Аѳанасьевъ-Чужбинскій". Изъ многочисленныхъ его сочиненій и статей, которыя онъ печаталъ почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, можно указать на слѣдующія: „Словарь малорусскаго нарѣчія", въ „Извѣстіяхъ академіи наукъ" за 1856 г. (т. IV) [1]), „Безъименные типы" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1856 г. (№ 23), „Замѣтки о Малороссіи" въ „Экономическомъ указателѣ" за 1857 г. (№ 13) и въ особенности на собраніе мелкихъ его стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ, изданныхъ имъ въ 1855 году, подъ заглавіемъ „Що було на серци". Въ 1856 году Аѳанасьевъ вмѣстѣ съ другими нашими писателями Островскимъ, Писемскимъ, Максимовымъ и Михайловымъ, былъ приглашенъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ составить описаніе нравовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и прирѣчныхъ жителей Россіи. Аѳанасьевъ избралъ низовья Днѣпра, какъ предѣлы, болѣе ему извѣстные. Плодомъ его дѣятельности во время этой поѣздки былъ цѣлый рядъ статей, помѣщавшихся въ „Морскомъ Сборникѣ въ теченіи 1856—1860 годовъ и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Поѣздка въ южную Россію [2]). Изъ позднѣйшихъ его сочиненій и статей укажемъ: 1) „Мельница близъ села Ворошилова", 1856 г.; 2) „Дорожныя записки" въ „Русскомъ Словѣ", 1860 г., №№ 1 и 8; 3) „Бѣглыя замѣтки на пути о Малороссіи" въ „Сѣверной Пчелѣ" 1860 г., № 288; 4) „Сказки и повѣсти Г. П. Данилевскаго" въ „Основѣ", за январь 1861 г.; 5) „Землякамъ. Надъ гробомъ Т. Г. Шевченка", „Русское Слово", 1861 г., № 2; 6) „Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ", тамъ же, № 4; 7) „Изъ корнетской жизни", „Современникъ", 1861 г., № 7; 8) „Конокрады", „Время", 1862 г., № 4; 9) „Бабушка", „Отечественныя Записки", 1862 г., № 6; 10) „Очерки прошлаго", 4 ч., С.-Петербургъ, 1863 г.; 11) „Разборъ журнала „Основы" въ „Русскомъ Словѣ" 1868 г., № 1; 12) „Фаня", С.-Петербургъ, 1872 г.; 13) „Петербургскіе игроки", 4 ч., С.-Петербургъ, 1872 г.; 14) „Листопадъ" гр. А. Ржевусскаго, перев. съ польскаго, С.-Петербургъ, 1873 г., и др. [3]).

Большая часть сочиненій А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго писана на общерусскомъ литературномъ языкѣ. По-украински же имъ напи-

---

[1]) Въ III томѣ „Извѣстій импер. акад. наукъ" за 1854 г. И. И. Срезневскій помѣстилъ записку о словарѣ Аѳанасьева. См. „Основу" за январь 1862 года.

[1]) О „Поѣздкѣ въ южную Россію" см. въ „Основѣ" за январь 1862 г.

[3]) Перечень остальныхъ сочиненій Аѳанасьева-Чужбинскаго на русскомъ языкѣ см. въ „Истор. Вѣстн." за октябрь 1881 г., стр. 320.

сано только нѣсколько лирическихъ стихотвореній, помѣщавшихся въ „Ластовкѣ“ Гребенки, 1841 г., „Молодикѣ“ Бецкаго, 1843 г., въ „Основѣ“ за 1861 и 1862 гг. и особенно въ его книжкѣ „Що було на серци“, 1855 г., которыя собственно и должны войти въ исторію украинской литературы. Въ 4 № „Москвитянина“ за 1855 годъ мы читаемъ объ этой книжкѣ слѣдующій отзывъ: „Эта изящная книжка, превосходно отпечатанная, заключаетъ въ себѣ всего 15 стихотвореній, на 44 страницахъ. Видъ ея — самый скромный, и критика, быть можетъ, пройдетъ ее безъ сочувствія. Но въ ней столько теплоты, свѣжести и самобытныхъ красокъ, какъ мы давно уже не встрѣчали этого въ украинскихъ изданіяхъ со временъ „Гайдамаковъ“ и „Присказокъ“ Гребенки. Книжка неизвѣстнаго автора далеко обойдетъ уголки, гдѣ читались Квитка и Котляревскій, и не одну слезу вырветъ изъ глазъ панночекъ, распѣвающихъ на берегахъ Днѣпра, Ворсклы и Грунь-Тихой: „Ой, у поли могила“ и „Віють витры“. Перепечатавъ стихотвореніе „Прощання“, рецензентъ прибавляетъ: „Кто бы могъ ожидать, чтобы столько свѣжести, силы и теплоты заключала элегія во вкусѣ Байрона на языкѣ дегтарниковъ и чумаковъ?“ Стихотворенія Аѳанасьева-Чужбинскаго отзываются сильнымъ субъективизмомъ и составляютъ какъ бы исторію внутренней жизни самого поэта. Онъ часто жалуется на свою скитальческую жизнь и на одиночество на чужбинѣ, откуда, кажется, заимствовалъ и свой псевдонимъ Чужбинскаго. Въ этомъ отношеніи характерно его стихотвореніе „Товарышеві“, гдѣ онъ говоритъ:

Жывіть голубъ зъ голубкою,
Щастя нажывайте,
Та и часомъ колы небудь
Козака згадайте,
Котрый десь-то на чужыні,
Сердега убогый,
Піде шукать помежъ людми
Своеі дорогы,
Котрый вікъ свій промандруе
Зъ пустымы рукамы,
Вставаючы й лягаючы
Вмыетьця слезами...

Благодаря задушевности и теплотѣ чувства, стихотворенія Аѳанасьева-Чужбинскаго сдѣлались любимыми пѣснями въ нѣкоторыхъ кружкахъ украинскаго общества. Въ предисловіи къ своей книжкѣ „Що було на серци“ онъ самъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Пѣлъ и я, братцы, выливалъ въ пѣснѣ то, что было на сердцѣ, что роилось на умѣ и, видя, какъ иногда чернобровыя дѣвушки перенимаютъ мои пѣсни, подумалъ: пускай же не пропадаютъ золотыя мгновенья, кото-

рыя, Богъ ихъ святой знаетъ откуда, вторгались въ душу и громко вырывались на волю". Въ „Старосвѣтскомъ бандуристѣ" Закревскаго, 1860 года, между народными пѣснями помѣщена и нижеслѣдующая пѣсня Аѳанасьева-Чужбинскаго (стр. 29):

Ой у поли на роздольи
Шовкова травиця;
Середъ неи край тополи
Чистая криниця.
Тильки туды кониченька
Мини не водити,
Изъ тіеи криниченьки
Водици не пити.
Травка звьяне, травка зсохне
Коню вороному,—
Отрутою вода стане
Мини молодому!
На тій шовковій травици
Багато отруты:
А зъ тіеи криниченьки
Пивъ мій ворогъ лютый.

Стихотвореніе „Евгенію Павловичу Гребенкѣ" положено на ноты и тоже помѣщается между народными пѣснями [1]). Это самое популярное стихотвореніе Аѳанасьева-Чужбинскаго. Вотъ оно:

Скажы мини правду, мій добрый коваче,
Що діяти серцю, колы заболыть,
Якъ серце застогне и гірко заплаче
И дуже безъ щастя воно защемыть?
Якъ горе, мовъ теренъ, всю душу поколе,
Колы одцуралось тебе вже усе,
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Не знаешъ, куды тебе вітеръ несе?
„Э, ни!" кажешъ мовчки: „скосывшы былыну,
Хочъ ранокъ и вечіръ водою полый,
Не зазеленіе;—кохай сыротыну,
А матері й батька не бачиты іи.
Оттакъ и у світі: хто рано почуе,
Якъ серце заплаче, якъ серце здыхне,
Той рано й заплаче... А доля шуткуе—
Поманыть, поманыть, та й геть полыне".

---

[1]) См. „Народни украінскі пісні зъ голосомъ", О. Гулака-Артемовскаго, вып. 1. Кіевъ. 1868 г. № 52.

А можна жъ утерпіть—якъ яснее сонце
Блысне и засяе для миру всего
И гляне до тебе въ убоге віконце?..
Осліпнешь, а дывысся все на его.

Кромѣ того, ходили по рукамъ стихотворенія: „Безталання", „Дівоцька правда" и двѣ „Думки". Они напечатаны были въ журналѣ „Основа" за ноябрь и декабрь 1861 г. и за августъ 1862 г., съ предположеніемъ, что это—первые опыты Т. Г. Шевченка. Между тѣмъ оказалось, что всѣ эти стихи написаны Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ и два первыя стихотворенія уже отпечатаны были въ его книжкѣ „Що було на серци" [1]). Одно малорусское стихотвореніе Аѳанасьева-Чужбинскаго попало даже въ пражское изданіе „Кобзаря Т. Г. Шевченка", 1876 г. Эта мистификація всего лучше обнаруживаетъ внутреннее достоинство стихотвореній Аѳанасьева-Чужбинскаго, которыя были признаны первыми, слабыми опытами Т. Г. Шевченка.

---

[1]) См. журналъ „Основу", за октябрь, 1862 г. Библіографія.

IV.

Украинскій націонализмъ или національная школа въ украинской литературѣ.

Націонализмомъ въ русской литературѣ обыкновенно называютъ то направленіе ея, которое, опираясь на историческое и этнографическое изученіе народа, идеализируетъ прошлую или современную жизнь его, удовлетворяется и услаждается ею и свысока, пренебрежительно смотритъ на чуждыя вліянія, отражавшіяся на русской жизни. Это направленіе обязано своимъ происхожденіемъ многоразличнымъ причинамъ и источникамъ, и въ томъ числѣ чужеземнымъ вліяніямъ, отъ которыхъ оно открещивается. Сюда, прежде всего, принадлежитъ возбужденіе интереса къ устной народной словесности. „Такъ называемыя обыкновенно просвѣтительныя идеи XVIII вѣка,—говоритъ А. Гулакъ-Артемовскій,—помимо многихъ злоупотребленій ими въ другихъ случаяхъ, благодѣтельно повліявшія на славянъ, пробудивъ въ нихъ нѣкоторое сознаніе племеннаго единства и важности значенія памятниковъ внутренней духовной народной жизни, были едва ли не первымъ сознательнымъ моментомъ, обусловившимъ признаніе смысла за вопросомъ о важности значенія произведеній народнаго творчества, хотя нельзя отрицать, что сознаніе важности значенія чисто народныхъ произведеній по временамъ изрѣдка проглядывало еще и прежде на Руси". Но болѣе сильное вліяніе на возбужденіе у славянъ народнаго сознанія имѣли нѣмцы. „Нельзя не отдать справедливости нѣмцу Гердеру, который, по словамъ чешскаго научнаго словаря Ригера, первый обратилъ вниманіе ученыхъ славянскихъ на важное значеніе, между прочимъ, народныхъ пѣсенъ. Своимъ лестнымъ отзывомъ о славянской поэзіи и указаніемъ на важное ея значеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ возбудилъ въ чехахъ неудержимый энтузіазмъ къ дѣлу собиранія этого рода этнографическаго матеріала. Отъ чеховъ эта sui generis манія перешла и на другіе сла-

вянскіе народы“ [1]). Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка ученые чехи посѣтили Москву и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали возбужденію среди русскихъ ученыхъ любви къ изученію старинныхъ письменныхъ памятниковъ и устной народной поэзіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на пробужденіе народнаго самопознанія въ Россіи имѣлъ непосредственное вліяніе и примѣръ западноеврейскихъ народовъ. Говоря о развитіи у насъ любви къ отечественной исторіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, Н. Полевой полагаетъ одну изъ причинъ этой любви въ примѣрѣ нашихъ европейскихъ сосѣдей. „Теперь вездѣ,—говоритъ онъ,—исторія и матеріалы историческіе въ сильномъ ходу и дружно разработываются; исторія проникаетъ всюду; она зашла въ романъ, она овладѣла драмой, ее прилагаютъ ко всякой наукѣ и ко всѣмъ знаніямъ. Мы не могли быть чужды тому, что сдѣлалось общимъ всей Европѣ [2]). А профессоръ Шевыревъ въ своей „Исторіи поэзіи“ 1836 г. прямо указываетъ на примѣръ нѣмцевъ, содѣйствовавшій развитію у насъ народнаго самосознанія. Онъ именно разумѣетъ здѣсь возрожденіе нѣмецкаго романтизма въ отпоръ господству французскаго просвѣщенія. Велѣдъ за нѣмцами и русскіе обратились къ своей исторіи, къ изученію прошедшаго, искали здѣсь самобытныхъ началъ народной жизни и объявили войну французскому псевдоклассицизму и французскому просвѣщенію. Въ противоположность французской революціи и французскому безбожію, этими началами русской жизни оказались: самодержавіе и православіе, къ которымъ присоединено было третье начало—народность. Они получили наглядное выраженіе для себя въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и въ вѣдомствѣ оберъ-прокурора св. синода. Пламенное желаніе императора Александра I видѣть успѣхи вводимыхъ имъ, по всѣмъ частямъ управленія, преобразованій,—говоритъ одинъ иностранный писатель о Россіи,—побудило министра внутреннихъ дѣлъ представлять ему отчеты. Ему подражать стали министръ народнаго просвѣщенія и оберъ прокороръ св. синода. Тріумвиратъ этихъ министровъ представляетъ, будто бы, то символическое единство, которое подъ тройственною эгидою *самодержавія*, *народности* и *православія* должно со временемъ упрочить славную будущность имперіи“ [3]). Особенное значеніе имѣло министерство народнаго просвѣщенія. Въ 1831 году изданъ былъ высочайшій указъ, имѣвшій цѣлью реформировать

---

[1]) Предисловіе къ его сборнику: „Народни украінскі пісні зъ голосомъ“. Выпускъ I. Кіевъ, 1868.

[2]) „Очерки русской литературы“. Соч. Н. Полеваго. Ч. 2. 1839 года, стр. 231—232.

[3]) L'Eglise schismatique Russe, d'après les relations recentes du pretendu Saint—Synode. 1846.

общественное воспитаніе, установить его на твердыхъ національныхъ основахъ, которыми опять-таки являются православіе, самодержавіе и народность Въ общемъ отчетѣ, представленномъ императору Николаю I по министерству народнаго просвѣщенія за 1837 годъ слѣдующимъ образомъ формулируются главныя основанія упомянутаго высочайшаго указа касательно реформы общественнаго просвѣщенія: „при оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охранить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства, внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе, безъ совершенства нравственнаго,—мечта, и мечта пагубная; изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго и необузданнаго пристрастія къ поверхностному и къ иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только принаровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому, потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное позорище, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи *православія*, *самодержавія* и *народности*: вотъ въ немногихъ чертахъ направленіе, данное вашимъ величествомъ министерству народнаго просвѣщенія!“ Эту грандіозную программу общественнаго образованія нужно добавить еще тѣмъ, что министерство народнаго просвѣщенія учредило при университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій и для приготовленія къ нимъ отправило молодыхъ людей въ славянскія земли, что въ свою очередь много содѣйствовало историческому и этнографическому изученію Россіи въ связи ея съ другими славянскими племенами.

Правительственныя мѣропріятія и взгляды налагали свою казенную печать и на науку и литературу и сообщили имъ общій колоритъ и тонъ такъ называемаго руссофильства. Совершенно въ духѣ указаннаго нами общаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1837 годъ говоритъ М. А. Максимовичъ въ своей „Исторіи древней русской словесности“ о періодахъ ея развитія.. Раздѣляя исторію русской словесности на четыре періода, г. Максимовичъ начинаетъ четвертый періодъ съ царствованія Николая I и характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытію русскаго духа, означилось просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положи-

тельности. Раскрытіемъ и силою народности своей русскіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашнимъ природнымъ свойствомъ народности русской—въ самой поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ просвѣщеніемъ". „Послѣ вѣка разрушительнаго, вѣка борьбы и волненія страстей,—говоритъ профессоръ Давыдовъ въ своихъ „Чтеніяхъ по словесности",—настало время мира и тишины, родилась потребность успокоительнаго равновѣсія враждующихъ началъ, возникло стремленіе къ произведенію новой жизни человѣчества. Глубокое уваженіе къ вѣрѣ созидаетъ храмы на развалинахъ жертвенниковъ дерзкаго и самонадѣяннаго разума. Въ области мышленія опытъ и умозрѣніе идутъ рука объ руку въ святилище истины... Сближеніе умозрительныхъ наукъ съ дѣйствительностію явилось въ искусствѣ и въ словесности. Уже сущность, мысль берутъ верхъ надъ формою, внѣшностью; теорія искусства въ соединеніи съ его исторіею образуютъ истинную критику; искусство перестаетъ подражать мертвой вещественной природѣ, начинаетъ созидать творенія по живымъ идеаламъ духа. Классицизмъ не почитается враждебнымъ романтизму; словесность отличаетъ красоты міровыя отъ народныхъ, согласуетъ изящную форму древней поэзіи съ глубокою идеею новой. Отсюда—господствующая мысль о словесности народной, созидаемой изъ отечественныхъ элементовъ". Харьковскій профессоръ Якимовъ посвятилъ свою плохую диссертацію „О словесности въ Россіи до Ломоносова" православію, самодержавію и народности, этимъ тремъ основамъ, на которыхъ долженъ былъ стоять русскій міръ. Впослѣдствіи это патріотическое руссофильское направленіе отъ самоуслажденія и самовосхваленія дошло до униженія всякаго значенія западно-европейской цивилизаціи, какъ односторонней, ложной и уже закончившей свое развитіе; но на этой стадіи своего развитія руссофильство уже переходитъ въ славянофильство.

Этотъ-то націонализмъ или руссофильство отразились отчасти и на украинской литературѣ 30-хъ годовъ и послѣдующаго времени, съ нѣкоторыми отличіями отъ сѣверно-русскаго руссофильства. Украинскіе ученые и писатели этого времени избирали для себя мѣстное, удѣльное содержаніе, но разсматривали его, какъ необходимую часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и часто писали даже на общемъ литературномъ языкѣ русскомъ. Называя русскаго царя роднымъ своимъ батькомъ, они ставили рядомъ съ нимъ свою родную мать—Украину и идеализировали ея прошедшую исторію и современную жизнь.

Въ научной области украинскій націонализмъ выразился цѣлымъ рядомъ изданій памятниковъ письменной и устной народной словесности украинской, имѣвшихъ важное значеніе и для литературы. Еще

въ 1777 году нѣкто Григорій Калиновскій издалъ въ С.-Петербургѣ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“ и проч., перепечатанное въ 1854 году во 2-й книгѣ „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“ Калачова. Въ 1819 году князь Н. А. Церетелевъ, бывшій воспитанникъ московскаго университета, издаетъ древнѣйшія украинскія думы, а въ 1827 году М. А. Максимовичъ издаетъ въ Москвѣ „Малороссійскія народныя пѣсни“, изъ коихъ многія получены имъ частію отъ Ходаковскаго, частію отъ князя Церетелева. Это былъ самый вліятельный сборникъ по малорусской народной поэзіи, вызвавшій своимъ появленіемъ польскіе и украинскіе сборники малорусскихъ пѣсенъ, пословицъ и сказокъ, каковы, напримѣръ: „Сборникъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска“ (Б. Залѣсскаго) 1833 г., Лукашевича 1836 г., Жеготы Паули 1839—1840 гг., Из. И. Срезневскаго 1833—1838 гг., А. Терещенка 1848 г., Зенькевича 1851 г., Ед. Руликовскаго 1853 г., А. Метлинскаго 1854 г., Н. Гатцука, Н. Закревскаго и множество другихъ позднѣйшихъ По изученію украинскихъ пословицъ, первымъ замѣчательнымъ изданіемъ были „Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С.“ (Смирницкимъ), Харьковъ, 1833 г., а народныя украинскія сказки первый началъ издавать Осипъ Бодянскій въ своей небольшой книжкѣ „Украиньскы казкы“, 1835 года. Вмѣстѣ съ памятниками устной украинской словесности издавались и письменные памятники и цѣлыя сочиненія по исторіи Малороссіи, между которыми видное мѣсто занимали „Исторія объ уніи“ и „Исторія Малороссіи“ Бантышъ-Каменскихъ, „Лѣтопись“ псевдо-Конисскаго, труды Ап. А. Скальковскаго по исторіи Сѣчи и особенно многочисленныя изданія О. Бодянскаго по разнымъ отраслямъ украинской исторіи.

Эта чисто научная дѣятельность скоро оказала сильное вліяніе на возбужденіе народной украинской литературы, и вотъ является съ первой четверти настоящаго вѣка цѣлый рядъ историческихъ романовъ и драматическихъ сочиненій изъ жизни Малороссіи, преимущественно на русскомъ языкѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній: „Козакъ-стихотворецъ“, опера-водевиль князя Шаховскаго, С. Петербургъ 1822 г.; „Зиновій Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Малороссія“ Ѳ. Н. Глинки, С. Петербургъ, 1819 г.; „Бурсакъ“ Нарѣжнаго, Москва, 1824 г.; „Наливайко“, поэма въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 г.; „Иванъ Госницкій, историческій романъ съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ запорожскихъ“, Т—а Ив., Москва, 1827 г.; разсказы и повѣсти Ореста М. Сомова (Порфирія Байскаго)—„Юродивый“, „Гайдамакъ“, „Русалка“ (въ „Подснѣжникѣ“ за 1829 г.), „Оборотень“ „Ночлегъ гайдамаковъ“, „Сватовство“, „Кіевскія вѣдьмы“ и др.; романы Голоты— „Иванъ Мазепа“, „Хмельницкіе“, „Наливайко, или времена бѣдствій Малороссіи, романъ XVI вѣка“, 1833 г., „Заруцкій, гетманъ войска

запорожскаго (1606—1616 г.)"; романы Александра Кузмича—„Козаки" 1843 г., и „Зиновій Богданъ Хмельницкій", 1846 г.; „Гетманъ Ст. Остряница, или эпоха смутъ и бѣдствій Малороссіи.—историческій романъ В. Кореневскаго", Харьковъ, 1846 г.; „Головатый" А. В. Ростиславича въ „Современникѣ" за 1848 г. (кн. 10); разсказы и повѣсти К. Котляревскаго—„Баштаны„ и „Гуляйпольцы" въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1851 и 1852 годы, и др.

Но лучшимъ выразителемъ національнаго направленія украинской литературы въ обще-русскомъ духѣ является Н. В. Гоголь. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, именно въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ украинскаго быта, онъ представляетъ блестящее изображеніе дорогой ему Украины и является въ нѣкоторомъ родѣ мѣстнымъ писателемъ въ національномъ духѣ. Онъ пишетъ на общелитературномъ языкѣ русскомъ и такимъ образомъ дѣлаетъ свои произведенія достояніемъ всей русской литературы. Мѣстный сюжетъ имѣетъ и его поэма „Тарасъ Бульба", представляющая картину прежней жизни Малороссіи и казачества. Но въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ своихъ онъ становится все болѣе и болѣе на общерусскую точку зрѣнія, такъ что, по его словамъ, онъ самъ не зналъ, какая у него душа, хохлацкая или русская, и проникается благоговѣніемъ предъ величіемъ и могуществомъ единой и нераздѣльной Россіи. Недаромъ въ его поэмѣ „Мертвыя души" лирическія отступленія о величіи Россіи считались въ свое время лучшими мѣстами, какъ самыя поэтически—вдохновенныя и патріотическія.

Впрочемъ, признавая Н. В. Гоголя лучшимъ выразителемъ націонализма въ украинской литературѣ, мы не считаемъ его единственнымъ представителемъ этого направленія. При всей своей геніальности, Н. В. Гоголь не явился въ нашей литературѣ внезапно, какъ бы упавъ съ неба, ноимѣлъ своихъ предшественниковъ, съ которыми имѣетъ болѣе или менѣе тѣсныя связи. Мы уже указывали рядъ повѣстей и романовъ изъ украинскаго быта, завершеніемъ которыхъ служатъ украинскія повѣсти Н. В. Гоголя. Между первыми, повѣсти О. Сомова (Порфирія Байскаго) казались нѣкоторымъ современникамъ его дотого сходными съ украинскими повѣстями Гоголя, что Н. Полевой приписывалъ послѣднія, на первыхъ порахъ появленія ихъ, О. Сомову. Особенное же значеніе для развитія поэтическаго таланта Гоголя имѣлъ М. А. Максимовичъ какъ своимъ сборникомъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, такъ и личными своими отношеніями къ Гоголю.—Съ другой стороны, такое великое свѣтило, какъ Гоголь, не могло пройти одинокимъ и безслѣднымъ на горизонтѣ украинской литерчтуры и не увлечь за собой спутниковъ и подражателей. Что касается послѣдователей Гоголя въ русской литературѣ, то они указаны съ достаточною полнотою и обстоятельностію; но доселѣ почти вовсе не указана и не опредѣлена

Гоголевская школа въ украинской литературѣ. А между тѣмъ и здѣсь Н. В. Гоголь имѣлъ немало послѣдователей, рядъ которыхъ не прерывается и до настоящаго времени. Особенно онъ имѣлъ вліяніе на послѣдующую украинскую литературу своими повѣстями, разсказами и поэмами изъ современной или прошедшей жизни Малороссіи Всѣ они переведены были въ разное время на малорусскій языкъ [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ произвели цѣлый рядъ подражаній. Послѣдователями Гоголя въ этомъ отношеніи нужно признать Е. П. Гребенку, А. П. Стороженка, Г. П. Данилевскаго, Свидницкаго и въ послѣднее время П. Раевскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ они, болѣе или менѣе, пишутъ въ общерусскомъ направленіи и на русскомъ языкѣ, или по крайней мѣрѣ безразлично на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, всѣ смотрятъ на Украину, какъ только на часть цѣлой Россіи, и идеализируютъ ея прошедшее или настоящее, нерѣдко доводя идеализацію до крайностей преувеличенія и до фантазированія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти писатели значительно и различаются между собою. Различіе между ними касается и языка, и самого содержанія литературныхъ произведеній, и тона изложенія, и зависитъ отъ этнографическихъ разностей, отличающихъ одну часть Малороссіи отъ другой. Микола Гатцукъ въ предисловіи къ своему „Ужинку рідного поля“ различаетъ въ малорусскомъ нарѣчіи говоры—полтавскій, харьковскій или слободской и кіево-чигиринскій. Первые два принадлежатъ лѣвобережной, а послѣдній—правобережной Украинѣ. П. И. Житецкій въ своемъ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876 года), различаетъ въ нынѣшней Малороссіи говоры подлясскій, галицко-подольскій, волынскій и украинскій и козацкій, къ которымъ нужно присовокупить еще говоръ слободско-украинскій или харьковскій. Всѣ эти говоры развились путемъ историческимъ, въ связи съ жизнію народа, и въ извѣстной мѣрѣ служатъ ея отраженіемъ. Слѣдовательно, и въ самой жизни малорусскихъ областей существовало и существуетъ такое же различіе, какое и въ языкѣ. Это-то различіе въ языкѣ и содержаніи самой жизни отчасти отразилось и на перечисленныхъ нами украинскихъ писателяхъ въ національномъ направленіи. Самъ Н.В. Гоголь въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ и разсказахъ является живописцемъ преимущественно гетманщины, существовавшей на лѣвомъ берегу Днѣпра, и въ частности нынѣшнихъ полтавской и черниговской губерній, хотя касается также и Запорожья. Ему во всемъ слѣдовалъ Е. П. Гребенка. А. П. Стороженко, изображая въ бытовыхъ своихъ произведеніяхъ ту же гетманщину, въ историческихъ своихъ поэмахъ и разсказахъ преимуще-

[1]) Изъ переводчиковъ произведеній Гоголя на украинскую рѣчь извѣстны: М. Лобода, Д. Мордовцевъ, О. Пчілка, М. Старицкій и др.

ственно старается воспроизводить бытъ Запорожья. Г. Свидницкій, сынъ священника подольской губерніи, изображаетъ преимущественно исключительныя явленія подольской жизни, объясняемыя близостью Подоліи къ бессарабской и австрійской границамъ. Продолжателемъ его дѣятельности въ настоящее время является Петръ Раевскій, родомъ изъ черниговской губерніи. Сначала онъ писалъ сцены изъ малороссійской жизни средней полосы Украины; но въ послѣднее время онъ беретъ сюжеты для своихъ повѣстей и разсказовъ изъ быта Волыни и Полѣсья и представляетъ ихъ въ фантастическомъ, необыкновенномъ видѣ. Наконецъ, Гр. Данилевскій, воспитанникъ харьковскаго университета, въ литературной своей дѣятельности является представителемъ Слободской Украины, сосѣдней съ Великороссіей, и отъ явленій харьковской и новороссійской жизни постепенно переходитъ къ изображенію общерусскихъ предметовъ и интересовъ. Послѣднія его произведенія включаютъ автора въ число чисто русскихъ писателей.

Оставляя въ сторонѣ Гр. Данилевскаго и А. Свидницкаго [1], какъ писавшихъ исключительно на русскомъ языкѣ, мы относимъ къ національной школѣ въ украинской литературѣ слѣдующихъ писателей: М. А. Максимовича, О. М. Бодянскаго, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенку, А. П. Стороженка и П. Раевскаго.

1.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ [2].

Максимовичъ родился 3 сентября, 1804 года, въ украинской степи, неподалеку отъ Золотоноши, полтавской губерніи. Въ 1812 году онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію, а въ 1819 году въ московскій университетъ по словесному отдѣленію, гдѣ восхищался оба-

---

[1]) О Свидницкомъ см. въ „Историческомъ Вѣстникѣ", за сентябрь, 1882 года, стр. 529—540.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о немъ: 1) „Біографич. и историко-литературный очеркъ" С. И. Пономарева, въ „Журн. минист. народн. просв." за 1872 г. и особой брошюрой; 2) „Юбилей М. А. Максимовича", С.-Петербургъ, 1872 г.; 3) „Максимовичъ, его литературное и общественное значеніе", М. Драгоманова, въ „Вѣстникѣ Европы" за мартъ, 1874 года; 4) „М. А. Максимо-

ятельнымъ словомъ Мерзлякова, котораго Максимовичъ называлъ „соловію стараго времени". Черезъ два года онъ перешелъ въ отдѣленіе физико-математическое. Звѣздою этого отдѣленія былъ тогда М. Г. Павловъ, даровитѣйшій ученикъ Шеллинга, только что воротившійся изъ-за границы въ Москву на каѳедру сельскаго хозяйства. Его лекціи о природѣ, въ духѣ натуральной философіи, вѣяли новою жизнію и привлекали студентовъ. Онѣ произвели впечатлѣніе и на Максимовича и сообщили поэтическій колоритъ его научнымъ изысканіямъ въ области естествовѣдѣнія. Его „Размышленія о природѣ" (1827 г.) называютъ поэмою о природѣ, которая, однако-же, заключала ученыя свѣдѣнія, глубоко оцѣненныя не въ одной Россіи, но и за границей. „Это были цвѣты науки, поэзія естествознанія", говоритъ одинъ изъ современниковъ Максимовича. Въ 1823 году Михаилъ Александровичъ кончилъ курсъ кандидатомъ, но слушалъ лекціи по медицинскому и словесному отдѣленіямъ. Въ 1827 году онъ издалъ сборникъ „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ", съ предисловіемъ, словаремъ и объяснительными примѣчаніями. Въ 1829 году, послѣ защиты магистерской диссертаціи и напечатанія нѣсколькихъ сочиненій по естествознанію, онъ сдѣланъ былъ адъюнктомъ въ московскомъ университетѣ, а въ 1833 году ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники. Въ 1834 году ботаникъ Максимовичъ былъ назначенъ въ Кіевъ, въ ново-открываемый университетъ, на каѳедру русской словесности. Переходъ этотъ отъ ботаники къ словесности не покажется очень рѣзкимъ, если мы припомнимъ, что и на природу Максимовичъ смотрѣлъ глазами поэта—мыслителя, и что онъ слушалъ въ университетѣ лекціи по словесности и самъ занимался литературными трудами. Кромѣ сборника „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ" 1827 г., онъ писалъ статьи объ исторической вѣрности поэмы Пушкина „Полтава" (1829 г.); въ 1833 году напечаталъ разборъ Вельтманова перевода „Слова о полку Игоревѣ"; въ 1830—1834 гг. издалъ нѣсколько книгъ альманаха „Денница", а въ 1834 году онъ издалъ второй болѣе обширный сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ, съ историко-филологическими примѣчаніями. Съ 1834 по 1841 годъ Максимовичъ былъ профессоромъ въ Кіевѣ, а до конца 35 года и ректоромъ университета. Въ 1841 году онъ вышелъ въ отставку, по разстроенному здоровью, и только временно, съ 1843 по 1845 годъ, по найму препода

вичъ" Чаева, въ „Русскомъ Архивѣ" за ноябрь, 1874 г.: 5) „Исторія славянскихъ литературъ" Пыпина и Спасовича, т. 1, 1879 г. стр. 399 и сл.; 6) „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка" М. К. Чалаго, Кіевъ, 1882 г., стр. 125, 177 и др. Сочиненія его на русскомъ языкѣ изданы особо, подъ заглавіемъ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича", т. I—III, Кіевъ. 1876—1880 г. Малорусскія его сочиненія перечислены въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 г.

валъ въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ Максимовичъ жилъ большею частью въ деревнѣ, изрѣдка появляясь на зиму въ Москву и въ послѣднее время въ Кіевъ.

Со времени переселенія въ Кіевъ, Максимовичъ отъ естествознанія перешелъ къ трудамъ историко-филологическимъ и археологическимъ, которыхъ требовали съ одной стороны его новая спеціальность, съ другой—самый характеръ Кіева, съ его множествомъ наслоеній древнерусской жизни, и современное отношеніе кіевской земли къ полякамъ. Этому историко-филологическому и археологическому направленію М. А. Максимовичъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Но, перейдя отъ природы къ археологіи, и для послѣдней старый естествоиспытатель нашелъ въ душѣ своей живую воду: тысячелѣтняя старина являлась ему не голою, нѣмою развалиной, а вся разодѣтая въ благоуханную зелень широкоствольныхъ дубовъ, осокорей, черемухъ и березокъ; камни, ручьи—заговорили, завороженные чудною силою сердца и воображенія. Короткіе разсказы Максимовича о стародавнихъ людяхъ похожи на воспоминанія внука о маститомъ дѣдѣ, живо памятномъ еще ему и крѣпко-крѣпко любимомъ. Даже коротенькимъ извѣстіемъ о найденной пещерѣ, въ поэтическомъ мракѣ которой онъ бродилъ съ другомъ Иннокентіемъ, онъ вліялъ и вліяетъ на художника, „какъ тѣ молящіеся въ церквахъ простолюдины, которые, по слову Гоголя, даютъ крылья вашей молитвѣ, вашему размышленію".

Независимо отъ поэтическаго колорита, историко-филологическія и археологическія изысканія М. А. Максимовича почти всѣ направлены къ уясненію современнаго ему положенія Малороссіи и потому имѣли, кромѣ научнаго значенія, интересъ общественный и политическій. Въ Кіевъ Михаилъ Александровичъ явился, приготовивъ сборникъ украинскихъ пѣсенъ 1834 года. Если мы посмотримъ на эпиграфы этого сборника, на примѣчанія къ нему,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—то мы увидимъ, что руководящею идеей въ немъ была идея о близости малорусской народной поэзіи съ памятниками литературы удѣльнаго періода, особенно съ „Словомъ о полку Игоревѣ". Эта мысль побудила потомъ Максимовича перевести обломокъ поэзіи старо-кіевской Руси. Эта же мысль является господствующею въ рѣшеніи капитальнаго вопроса о происхожденіи малорусскаго племени, гдѣ Максимовичъ защищалъ самобытность народа и языка. Всякому, кто знакомъ съ исторіей юго-западной Руси и съ ея положеніемъ, кажется, понятно будетъ, какое огромное практическое государственное значеніе имѣетъ мысль, что рѣчь, поэзія, чувства хлопа въ юго-западной Руси—прямые потомки рѣчи, поэзіи, чувствъ князей древне-кіевской земли. И дѣйствительно, тѣ работы и тѣ интересы, какимъ предавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько же научное, сколько и

политическое значеніе. Въ 1840—1841 гг. Максимовичъ издавалъ сборникъ „Кіевлянинъ", посвященный изслѣдованію мѣстной старины, о которомъ покойный Хомяковъ отзывался такимъ образомъ: „пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и жизнь лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ— городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями". Въ 1841 году пришла мысль Максимовичу съ Иннокентіемъ объ основаніи „Кіевскаго общества исторіи и древностей славено-русскихъ". Это общество не состоялось въ то время [1]); но взамѣнъ его учреждена была при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ археологическая коммиссія, въ которой Максимовичъ являлся какъ начинатель и какъ дѣятельный сотрудникъ. А извѣстно, что труды этой коммиссіи дали возможность прослѣдить непрерывность народной русской традиціи въ юго-западномъ краѣ подъ разными чуждыми наслоеніями. Интересъ къ народности повелъ Максимовича еще къ одному живому дѣлу, къ дѣлу народнаго образованія. Его „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ", вышедшая въ 1833 году, есть одинъ изъ первыхъ у насъ опытовъ популярной литературы, заглавіе котораго показываетъ начало идеи о народности въ педагогіи. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ первыя изданія „Букваря" Максимовича. Максимовичъ же является и однимъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ священнаго писанія на народный языкъ своими „Псалмами, переложенными на украинскій языкъ", въ „Украинцѣ" 1859 года, а потомъ въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ" за 1867 годъ.

Вообще, дѣятельность М. А. Максимовича почти исключительно посвящена одному краю: это—мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда, при всей спеціальности его работъ, онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ біографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ Максимовичъ былъ для кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ.

Въ область украинской литературы М. А. Максимовичъ входитъ своими сборниками малороссійскихъ пѣсенъ и думъ 1827, 1834 и 1848 гг., переводами „Слова о полку Игоревѣ" и „Псалмовъ" и собственны-

---

[1]) Оно учреждено въ послѣдніе годы жизни Максимовича, при кіевскомъ университетѣ, и по смерти Максимовича слилось съ кіевскимъ обществомъ Нестора лѣтописца.

ми своими небольшими стихотвореніями. Изъ послѣднихъ четыре напечатаны въ его сборникѣ „Украинецъ“ 1864 г., нѣсколько—въ статьяхъ С. И. Пономарева „Кіевская старина и новина“, въ „Кіевлянинѣ“ за 1881 годъ (№№ 93, 236 и 272), и въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“, 1882 года. Кромѣ того, мы имѣли подъ руками цѣлую тетрадь украинскихъ стиховъ М. А. Максимовича, собственноручно имъ переписанныхъ, подъ заглавіемъ: „Мои украинськи стихи“. Здѣсь помѣщены слѣдующія его стихотворенія: 1) „П. А. Кулѣшу“, 20 ноября, 1856 г. Михайлова Гора. 2) „Шевченкови“, 25 марта, 1858 г., застольный стихъ. Москва, на Поварскомъ. 3) „Машѣ“, 2 ноября, 1858 г. Москва, на Тверскомъ бульварѣ. 4) „Плачъ Ярославны“. 5) „На смерть Т. Г. Шевченка“ 12 марта, 1861 г. 6) „На погребеніе Шевченка подъ Каневомъ“, 10 мая, 1861 г. 7) „Пѣсня на Тарасову годовщину 10 мая 1862 року. Посвящается Николаю Дмитровичу Иванишеву. 15 мая, 1862 г. Михайлова Гора. 8) „На люблинскую унію 1569 года“, 1863 г. 9) „Пѣсня“, 1863 г. 10) „На 1864 годъ“. 11) „Пѣсня 1864 года“. 12) „Югозападному оратору“, въ іюнѣ 1864 г. 13) „3 сентября, 1864“. 14) „Пословица“, 3 сентября, 1864 г. 15) „Экспромптъ“, въ Кіевѣ, 1864 г. 16) „Олексѣйку“, 1 декабря, 1864. 17) „22 дек. 1864 г.“ 18) „Олексѣйку“, 31 декабря, 1864 года. 19) „Пѣсня“, 25 февраля, 1865 года. Кіевъ. 20) „Пѣсня“, 10 августа, 1865 г. Михайлова Гора. 21) „Воспоминаніе“, 20 января, 1866. Михайлова Гора. 22) „Старымъ друзьямъ“, 1866. 23) „На смерть юнаго Г-на“, 2 мая 1869 г. и 24) „Степану Алексѣевичу Маслову въ привѣтъ и отвѣтъ съ Михайловой Горы“, 30 іюня, 1869 г. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, впрочемъ, уже напечатаны въ вышеуказанныхъ изданіяхъ. О переводахъ М. А. Максимовича на малорусскій языкъ и особенно объ его переводѣ „Слова о полку Игоревѣ“ Гербель, Пыпинъ и другіе дѣлаютъ прекрасные отзывы; но г. Кулишъ отозвался о немъ очень невыгодно. Что же касается собственныхъ стихотвореній М. А. Максимовича, то они отзываются недостаткомъ поэтическаго вдохновенія и дѣланностію.

Самое важное значеніе въ историко-литературномъ отношеніи имѣли изданные г. Максимовичемъ сборники малороссійскихъ пѣсенъ, по ихъ идеѣ и по вліянію на ходъ и направленіе тогдашней русской литературы. Въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ 1827 года Максимовичъ говоритъ слѣдующее: „наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе, да создастся поэзія истинно русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая началась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пере-

садками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи больше вниманія заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная". Въ этомъ и послѣдующихъ сборникахъ Максимовича ученая критика находитъ поддѣлки и поправки, на которыя, какъ видно, смотрѣли тогда очень снисходительно; но и въ такомъ видѣ малорусскія пѣсни Максимовича произвели благопріятное вліяніе на тогдашнюю русскую литературу и сдѣлали его однимъ изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей жуковско-пушкинской и гоголевской эпохи. Однажды Пушкинъ, встрѣтивъ Максимовича у графа Уварова, сказалъ: „Мы давно знаемъ васъ, Максимовичъ, и считаемъ литераторомъ. Вы подарили насъ малороссійскими пѣснями". Самъ Михаилъ Александровичъ разсказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ. „А я обираю ваши пѣсни",—сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву", вышедшую въ 1829 году. „Полтава"— одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной, по теперешнимъ понятіямъ, блѣдности изображенія,— одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ. Нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Михаиломъ Александровичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ и Погодина, и письмомъ Н. В. Гоголя, который говорилъ о сборникѣ Михаила Александровича 1834 года: „я похвастаюсь имъ предъ Пушкинымъ". И, можетъ быть, не безъ вліянія этихъ сборниковъ совершился переворотъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго и Пушкина въ національную сторону, о которомъ Н. В. Гоголь писалъ въ 1831 году г. Данилевскому слѣдующее: „все лѣто я провелъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестныхъ вещей вышло изъ подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть октавами писанная—кухарка (Домикъ въ Коломнѣ), въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того, сказки, русскія народныя сказки, не то что Русланъ и Людмила, но совершенно русскія. У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки—чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій, ничего германскаго и прежняго". Самъ Н. В. Гоголь велъ знакомство и дружескую переписку съ Максимовичемъ и особенно интересовался его собраніемъ малорусскихъ пѣсенъ. Вотъ что онъ писалъ о пѣсняхъ украинскихъ Максимовичу отъ 9 ноября, 1833 года: „теперь я принялся за исторію

нашей Украины... Я порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, обитыми книгами и книжною пылью, съ жадностію жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя—пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни; даже неисторическія, даже и... онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе... прошедшую жизнь и... прошедшихъ людей. Велите сдѣлать это (переписать пѣсни) скорѣе". Пламенное желаніе Гоголя было исполнено: въ библіотекѣ покойнаго Максимовича мы видѣли рукописное собраніе малорусскихъ пѣсенъ Ходаковскаго, на пробѣлахъ котораго Н. В. Гоголь собственноручно вписалъ нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, большею частію „соромливыхъ". Правда, Гоголь не написалъ малороссійской исторіи; но онъ написалъ въ этотъ періодъ „Тараса Бульбу",—до сихъ поръ единственный, вполнѣ художественный русскій историческій романъ. Въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ „Женитьбу", „Ревизора" и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самопознанія.

2.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій [1]) родился въ 1808 году, 3 ноября, въ полтавской губерніи, лохвицкаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Варвѣ,

---

[1]) Большая часть источниковъ указана въ „Покажчикѣ" М. Комарова. Но здѣсь опущены: 1) четыре малороссійскія вирши Бодянскаго въ 99 № „Молвы" за 1833 годъ, 2) историко-библіографическая поминка А. А. Котлярев-

откуда заимствовалъ свой первый литературный псевдонимъ „А. Вода—Варвинець“. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и учился въ полтавской семинаріи, находившейся тогда въ городѣ Переяславѣ. По свидѣтельству одного школьнаго товарища своего, онъ тогда еще отличался особенною любовію къ упражненіямъ по словесности, игралъ въ „комедійныхъ дѣйствіяхъ“ роль Наполеона. „Малороссійскія пѣсни“ Максимовича (М. 1827 г.) и въ особенности одушевленное „введеніе“ къ нимъ возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины. Въ 1831 году онъ написалъ четыре малороссійскія вирши, помѣщенныя потомъ въ 99 № „Молвы“ за 1833 годъ, и поступилъ для довершенія образованія въ московскій университетъ. Съ 1831 года мы видимъ его тамъ бодрымъ, дѣятельнымъ, остроумнымъ участникомъ ученыхъ занятій въ университетѣ и литературныхъ внѣ его. К. С. Аксаковъ въ своихъ „литературныхъ воспоминаніяхъ“ (въ Днѣ) отзывается о немъ, какъ о добромъ товарищѣ и членѣ кружка Станкевича. Въ словесномъ факультетѣ московскаго университета господствовала тогда историческая школа Каченовскаго, который, обладая обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ и ученостію, умѣлъ привлекать молодые умы къ серьезному труду. Подъ руководствомъ Каченовскаго, Бодянскій довершилъ свое образованіе и началъ учено-литературную дѣятельность. Въ 1835 году Бодянскій написалъ кандидатскую диссертацію „О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси“ и въ томъ же году издалъ особой брошюркой „Наськы украиньски казкы“, подъ псевдонимомъ „запорозьця Иська Матырынкы“. Въ это время онъ состоялъ учителемъ гимназіи и обратилъ уже на себя вниманіе попечителя графа Строганова. Въ половинѣ 1837 года онъ защитилъ свою магистерскую диссертацію „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“. Въ то время возникла мысль объ основаніи въ нашихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ, и въ августѣ 1837 года Бодянскій отправленъ былъ за границу „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также въ Варшаву“. Въ славянскихъ земляхъ Бодянскій оставался почти пять лѣтъ. Возвратившись въ Москву въ концѣ октября 1842 года, онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій. Съ этихъ поръ начинается его обширная ученая дѣятельность въ области славянскихъ изученій и

скаго въ „Славянскомъ ежегодникѣ“ Н. Задерацкаго, Кіевъ, 1878 года, и 3) „Исторія славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, т. I, 1879 года, стр. 394 и др.

русской исторіи. Въ 1843 году онъ перевелъ знаменитую книгу Шафарика „Славянское народописаніе“, которая вмѣстѣ съ „Древностями“, впослѣдствіи также переведенными Бодянскимъ, имѣла великое значеніе въ изученіи славянства. Въ 1845 году Бодянскій перевелъ съ польскаго книгу Дениса Зубрицкаго „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси“. Въ февралѣ того же года онъ былъ выбранъ въ секретари „Общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ“, и съ тѣхъ поръ оно впервые пріобрѣло важное значеніе въ нашей исторіографіи и изученіи славянства, и заслуга этого значенія принадлежала всего больше, почти исключительно Бодянскому. Съ слѣдующаго же года онъ началъ издавать „Чтенія“ этого общества, которыя съ перваго раза стали богатымъ запасомъ изслѣдованій и матеріаловъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по русской и славянской исторіи. Особенное вниманіе Бодянскій обратилъ на малорусскія историческія произведенія стараго времени, до тѣхъ поръ никому неизвѣстныя, кромѣ немногихъ любителей. Это было возстановленіе цѣлой литературы. Въ отдѣлѣ матеріаловъ, среди множества важныхъ источниковъ исторіи общеславянской и русской, въ „Чтеніяхъ“ открылся цѣлый рядъ старыхъ малорусскихъ историческихъ памятниковъ. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: „Лѣтопись Самовидца“, труды Ригельмана, Симоновскаго, Ханенка, „Исторія Руссовъ“ псевдо-Конисскаго и др. Въ 1849 году изданіе „Чтеній“ подъ редакціей Бодянскаго было прекращено „по независящимъ обстоятельствамъ“, именно потому, что въ послѣдней книжкѣ „Чтеній“ Бодянскій помѣстилъ переводъ знаменитой книги англичанина Флетчера, заключающей описаніе его путешествія въ Россію XVI вѣка. Книга „Чтеній“ была задержана; самое изданіе остановлено; Бодянскій, обязанный службой за свое заграничное путешествіе, назначенъ былъ къ переводу въ Казанскій университетъ; но онъ рѣшительно отказался выѣхать изъ Москвы и подалъ въ отставку. Министръ ея не принялъ, дѣло дошло до государя, и только черезъ годъ Бодянскій возвращенъ на прежнюю каѳедру. Но „Чтенія“ возстановились только черезъ десять лѣтъ, уже въ новое царствованіе. Бодянскій снова сталъ дѣйствовать въ „Обществѣ исторіи и древностей“ и продолжалъ по прежней программѣ замѣчательное изданіе, необходимое для тѣхъ, кто изучаетъ славянскую, общерусскую и малорусскую древность, исторію и этнографію. Между прочимъ, здѣсь напечатанъ громадный сборникъ „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“ Е. В. Головацкаго. Въ 1877 году издана была Бодянскимъ *сотая* книга „Чтеній“. Въ 1870 году Бодянскому суждено было перенести ударъ—удаленіе изъ университета вслѣдствіе забаллотировки. Онъ умеръ въ первыхъ числахъ сентября, 1877 года. Подъ его руководствомъ воспитывались и трудились позднѣйшіе славис-

ты Е. П. Новиковъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, А. А. Майковъ, А. А. Котляревскій, А. А. Дюверну, А. А. Кочубинскій и др.

Собственно къ области украинской литературы относятся самыя раннія литературныя произведенія Бодянскаго на малорусскомъ языкѣ. Это 1) четыре „малороссійскія вирши“, помѣщенныя въ 1833 г. въ 9 № „Молвы“, издававшейся Надеждинымъ при „Телескопѣ“ („До пана здателя слухивъ“, „Козацкая пѣсня“, „Епитафія Богдану Хмѣльницкому“ и „Сухая ложка—апологъ“); 2) вирша „Кирилу Розуму“ написанная 24 апрѣля 1832 г., и помѣщенная во второй части „Молодика“ Бецкаго, 1843 г., и 3) „Наськы украинськы казкы“, 1835 г. [1]). Малороссійскія вирши представляютъ первую литературную пробу нашего автора. Для примѣра, приведемъ его стихотвореніе „Кирилови Розуму“:

Постій, козаче, не бижи!
Ось глянь на хрестъ! читай, чія могила?
Остатьнего се гетьмана Кирила!
Присядь же, брате, потужи!

Гораздо ихъ выше были „Украинськы казкы“, о которыхъ г. Костомаровъ отзывался въ 1844 году, что онѣ „достойны вниманія и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка“. Что онъ хорошо зналъ малороссійскую народность и языкъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Сказки его (числомъ три) всѣ заимствованы изъ народныхъ устъ, и основное содержаніе ихъ воспроизводится въ записанныхъ въ позднѣйшее время народныхъ малорусскихъ сказкахъ въ изданіяхъ Рудченка, Драгоманова и др. Такъ напр. „Казка про царивъ садъ да живую супилочку“ напечатана у Рудченка [2]); „Казка про дурня да его коня срибна шерстынка, золота шерстынка“ и „Казка про малесенького Ивася, змію, дочку ін Олесю та заднихъ гусенятъ“—въ сборникѣ „Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ“ Драгоманова, 1876 г. (стр. 262—267 и 353—355). Но, по обычаю того времени, Бодянскій не буквально воспроизводилъ эти народныя сказки, а обдѣлывалъ ихъ литературнымъ образомъ и передавалъ ихъ тоническими стихами съ риѳмою. Для образца, приведемъ начало первой сказки въ переложеніи Бодянскаго:

Якъ жывъ соби царь да царыця,
Да не було у ихъ дѣтей.
Отъ, бѣдныи, и ну журытьця,
Давай пытаты знахорей:
„Скажить намъ, добры люде,

---

[1]) По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, „Казкы“ скоро выйдутъ вторымъ изданіемъ.
[2]) „Южнорусскія народныя сказки“ Рудченка, вып. I, стр. 150—151.

Чи, справди, въ насъ не буде
До вѣку вѣчного дѣтокъ?
Чы, може, тилькы се на срокъ...

Понятно, что въ настоящее время ,,казки" Бодянскаго почти не имѣютъ этнографическаго интереса; но за то онѣ имѣютъ немаловажное историческое значеніе какъ для уразумѣнія и оцѣнки нравственнаго характера О. М. Бодянскаго и его учено-исторической дѣятельности, такъ и для уясненія исторической связи между явленіями украинской литературы. Онъ посвятилъ свои сказки „матери своій ридненькій неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ" и въ предисловіи высказываетъ горячую любовь къ ней и ревнуетъ о ея славѣ. „Хыба жъ, оце,— говоритъ онъ здѣсь отъ лица пана—головы,— наша неня Украина такъ зъ глузду зсунулась, що вже ни метелыци не потанцюе, ни козачка зъ парубкомъ не прогарцюе? Ой ни, пане куме, вона хоча й старенька, да все такы ще геть-то моторненька... А дѣты іи? Хыба й воны зледащилы? Хыба воны забулы, якъ колы-сь весело бурлаковалы, хвацько козаковалы, въ Крыму й на Дону чумаковалы? Хыба мы й доси ще не згадуемо свого батька Богдана,

Якъ Польщу винъ, колы-сь, трощывъ,
Де ни піймавъ ляхивъ,— душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды залицялысь: въ Волощынѣ, Турещынѣ, Нѣмещынѣ, Крыму, на сынимъ морѣ и по тимъ боцѣ моря, якъ тіи свѣтлыи соколонькы просвѣщались?—Або й теперъ, хиба вже бъ томы перевчылися воеваты? Дарма, що въ тій пѣсьнѣ спѣваютъ:

Да вже шаблы заржавѣлы,
Мушкеты—безъ куркивъ...

Слухай, що далѣ?

А ще серце козацькее
Не боицьця туркивъ!..

Бачъ? Не боицьця туркивъ! Да не тилькы туркивъ, й самого чорта, пане-брате!.. Або хыба такы мы не хороше жывемъ? А де, лышень, знайдешъ ты такіи розмаитьни пѣсьни, що тилькы зачуешь, такъ серце тобѣ ходоромъ й заходыть, затлѣе, замлѣе, серденька просыть... Такую хлѣбъ-силь, такихъ дѣвонекъ й парубятъ? Нибы въ ротъ тобѣ кажне слово кладуть. Де стильки казокъ, прыказокъ, загадокъ и всякои всячины?.. Я вже мовчу про нашу землю, про наши поля, сады, лугы, степы, рѣчкы, про наше збѣжьжя... Що й доси нихто не схаменецьця, не гляне да не подывыцьця на сее? Мій Боже, Боже! Чымъ же мы прошкодылысь? Хибажъ—то—вже у насъ душа зъ лопуцька, не хоче того, чого й людська? Ни! ни! Въ гостяхъ добре, якъ-то кажуть, а дома ще лучьче... Чы, може, хочете дождацьця, щобъ якый врагъ нетруженый нашою батькивщиною пожививея. Насъ же да на-

шымъ же добромъ почаствовавъ? Улизъ у солому да ще й шелыстыть? А, здаецьця, не забаромъ тее буде. Бо, що-сь, не передъ добромъ, якъ я бачу, сякы—такы, немазаны хвертыкы шляюцьця частесенько уже промижъ намы. Гладить, лышень, щобъ воны зъ нашого-жъ хворосту да не загнулы якои чуденнои карлючкы! Отъ-то-то буде сорому—сорому, за всѣ головы сорому" [1]).

По всѣй вѣроятности, мысль о собираніи и изданіи украинскихъ сказокъ возникла у Водянскаго подъ вліяніемъ М. А. Максимовича, который въ предисловіи къ сборнику малороссійскихъ пѣсенъ 1827 года указывалъ на украинскія пѣсни и сказки, какъ на такіе памятники, въ коихъ выражается народность. Въ предисловіи къ своимъ сказкамъ Бодянскій обѣщалъ на будущее время печатать и другія подобныя сказки: а ,,тамъ, колы воны прыйдуцьця понутру нашому ковацтву, якъ пану головѣ,—говоритъ онъ,—выпечатаю ище дещо его жъ роботы". Слѣдовательно, Бодянскій по отношенію къ украинскимъ сказкамъ хотѣлъ быть тѣмъ же, чѣмъ былъ Максимовичъ въ отношеніи къ изданію малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Правда, онъ не исполнилъ своего обѣщанія и въ дальнѣйшей своей дѣятельности является попреимуществу историкомъ; но 1) его примѣръ собиранія и изданія украинскихъ народныхъ сказокъ не остался безъ подражанія и вызвалъ собою дѣятельность въ этомъ родѣ Шишацкаго-Иллича, Г. Данилевскаго, П. Кулиша, И. Рудченка, М. Драгоманова и др.; 2) та же любовь къ своей матери родной, старенькой любимой матери Украинѣ, какую высказывалъ Бодянскій при изданіи украинскихъ сказокъ, побудила его теперь обратить особенное вниманіе на малорусскія историческія произведенія стараго времени и въ этой сферѣ содѣйствовать развитію народнаго самосознанія.

5.

Николай Васильевичъ Гоголь.

Н. В. Гоголь входитъ въ область украинской литературы собственно первоначальными повѣстями своими изъ украинскаго быта, къ кото-

---

[1]) „Примѣч. корректора. Сими словами панъ голова (отъ имени коего идетъ рѣчь) намекаетъ на нерадѣніе своихъ соотечественниковъ къ собранію и изданію украинскихъ народностей. Сѣтованіе его, конечно, не безъ основа-

рымъ относятся его „Вечера на хуторѣ близь Диканьки", „Миргородъ" и, пожалуй, „Тарасъ Бульба". На эти-то произведенія мы и обратимъ свое вниманіе и коснемся ихъ въ связи съ тѣми біографическими данными, которыя могутъ служить къ уясненію происхожденія и характера этихъ произведеній Гоголя.

Въ свое время разсказы и повѣсти Гоголя изъ украинскаго быта произвели на русскую публику благопріятное, освѣжающее впечатлѣніе. „Вечера на хуторѣ" произвели впечатлѣніе прежде всего на вождя тогдашней русской литературы Пушкина. Вотъ что писалъ онъ: „сейчасъ прочелъ *Вечера близь Диканьки.* Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей титературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ; и все это слогомъ камердинера, профессора Тредьяковскаго [1]). Вообще, русская читающая публика и критика встрѣтила сочиненія Гоголя съ восторгомъ. Менѣе сочувственно, а иногда и совсѣмъ враждебно, относились къ Гоголю малороссы. „Конечно,—говоритъ Іеремія Галка,—Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ; но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое то же самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше" [2]). А г. Кулишъ въ предисловіи къ историческому роману своему „Черная Рада" и въ „Обзорѣ украинской литературы" въ журналѣ „Основа" произнесъ строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта, хотя незадолго передъ тѣмъ издалъ извѣстныя „Записки о жизни Гоголя" въ панегирическомъ тонѣ. Сущность этого приговора состоитъ въ томъ, что Гоголь не зналъ, будто бы, въ достаточной мѣрѣ своего народа и невѣрно изобразилъ его въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ, и что онъ подкупилъ сѣверно-русское общество въ свою пользу блескомъ зиждущей фантазіи, аффектаціею и, пожалуй, новостью предмета. Эти повѣсти писаны молодымъ поэтомъ подъ вліяніемъ тоски по родинѣ. „На меня находили припадки тоски,—говоритъ Гоголь,—мнѣ самому необъяснимой, которая происхо-

---

нія; ибо легко можетъ случиться, что и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ земляхъ, кто-нибудь изъ постороннихъ предупредитъ ихъ на семъ поприщѣ.

[1]) „Вѣстникъ Европы", за мартъ, 1874 г., стр. 448.

[2]) „Молодикъ", 1844 г. стр. 161.

дила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому выйдетъ отъ этого какая польза". Смѣшное онъ пересыпалъ трогательнымъ, а это довершало очарованіе, производимое на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя. „Украина у Гоголя,—продолжаетъ г. Кулишъ,—явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эфирныхъ насѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, подъ которыми прыщетъ золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣнивыми и беззаботными до того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторіею, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню чрезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдьмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до сихъ поръ въ россійской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родинѣ". Въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя постоянная аффектація или каррикатура. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь сквозь театральность и искусственность только какъ бы случайно, какъ будто мимо вѣдома самого автора. Поэзія простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню онъ изучилъ далеко невполнѣ. Отъ этого любовники простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ будто поютъ, а иногда и просто-напросто словами извѣстныхъ каждому пѣсенъ.

Разсматривая въ частности съ этнографической и исторической точки зрѣнія украинскія повѣсти Гоголя, г. Кулишъ коснулся, въ неоконченномъ очеркѣ своемъ, слѣдующихъ повѣстей: „Сорочинская ярмарка", „Ночь наканунѣ Ивана Купала", „Майская ночь или утопленница" и отчасти „Тарасъ Бульба".

Въ „Сорочинской ярмаркѣ" Кулишу кажутся неприличными уже самыя фамиліи дѣйствующихъ лицъ, напримѣръ Голопупенко и т. п.

Самый ходъ разсказа и его подробности несогласны съ украинской дѣйствительностію и даже прямо противоположны ей Мужикъ Солопій съ женой своей Хиврей и дочкой Параской отправляются на Сорочинскую ярмарку. Дорогой привязался къ нимъ парубокъ Голопупенко, полюбилъ съ перваго взгляда Параску и пустилъ комомъ грязи въ ея ворчливую мачиху Хиврю. На ярмаркѣ за спиной отца, Голопупенко такъ близко познакомился съ Параской, что позволилъ себѣ цѣловать и обнимать ее, и тутъ же попросилъ у Солопія руки его дочери. Солопій соглашается, забывъ даже сказать объ этомъ своей женѣ,—и всѣ трое отправляются въ шинокъ пить могорычъ. Голопупенко оказался лихимъ питухомъ и этимъ привелъ въ восторгъ своего нареченнаго тестя Солопія. Но подоспѣвшая Хивря наотрѣзъ отказалась выдать свою падщерицу замужъ за сорванца и пьяницу Голопупенка. Тогда послѣдній прибѣгаетъ къ помощи цыгана, который пугаетъ Солопія съ его супругой и кумомъ чертовскою красною свиткой и морочитъ ихъ обвиненіемъ въ мнимомъ воровствѣ кобылы и рукава отъ чертовской красной свитки. Въ видѣ отрывочнаго разсказа, вводится здѣсь любовная сцена между старою Хиврею и поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ. Дѣло оканчивается согласіемъ Солопія на бракъ своей Параски съ Голопупенкомъ, не смотря на противодѣйствіе Хиври. Идя предупредить Параску о приходѣ жениха, Солопій застаетъ ее танцующею съ зеркаломъ въ рукѣ и самъ пускается съ нею въ плясъ.

По отзыву г. Кулиша, несогласно съ вѣковыми обычаями малороссіянъ, чтобы молодой человѣкъ самъ сватался къ дивчинѣ, и притомъ на ярмаркѣ, предварительно обидѣвши мачиху своей невѣсты: обыкновенно засылаютъ сватовъ къ родителямъ невѣсты, съ извѣстными обрядами, и согласіе дается отцомъ и матерью вмѣстѣ. Такое важное дѣло, какъ сговоры, никогда не запивается у мало-мальски порядочныхъ людей въ корчмѣ, равно какъ нельзя и представить, чтобы когда нибудь прибѣгали малороссы къ содѣйствію цыгана въ брачныхъ дѣлахъ. Любовная сцена между старой Хиврей и поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, неестественная по ихъ лѣтамъ и положенію, имѣетъ обстановку вовсе не украинскую: „хата съ подмостками подъ потолкомъ, — говоритъ Кулишъ,— на которыхъ Хивря спрятала поповича, не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями". Неправдоподобно также, что Параска танцуетъ съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку, а старый Солопій, увлекшись ея примѣромъ, пускается въ присядку.

„Ночь наканунѣ Ивана Купала" имѣла въ виду представить бытовую картину изъ прежняго времени, лѣтъ за сто назадъ: но изображенія этого времени, по отзыву Кулиша, нѣтъ у Гоголя: повѣст-

безразлично может быть отнесена къ какому угодно времени. Въ ней всего захвачено по-немножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Есть тутъ намеки хоть бы и на времена Наливайки. Но въ этой повѣсти нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какъ въ „Сорочинской ярмаркѣ", и замѣтно пробиваются мѣстныя краски. Однако и здѣсь Гоголь не понимаетъ своего народа въ его поэтической повседневности и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, нарумянить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перефразированную пѣсню на великорусскомъ языкѣ. „*Вечеръ накануне Ивана Купала* мы относимъ,— говоритъ Кулишъ,— къ безполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей".

Въ повѣсти „Майская ночь или утопленница" Гоголь является (для Кулиша) попеременно то великимъ живописцемъ того, что онъ видѣлъ или могъ живо себѣ представить, то фальшивымъ разсказщикомъ о томъ, чего никакъ невозможно вообразить безъ предварительнаго изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ нетрудно быть въ Украинѣ; но все, что относится къ чувствамъ, обыкновенно таимымъ въ душѣ каждаго, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ нравамъ и обычаямъ народнымъ,—все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающихъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ. Сліяніе чудеснаго съ дѣйствительностію въ *Майской ночи* сдѣлано Гоголемъ по образцу Гофмановыхъ повѣстей, но безъ Гофмановскаго искусства.

Относительно повѣсти „Тарасъ Бульба" Кулишъ говоритъ, что въ ней Гоголь обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ. Перечитывая теперь „Тараса Бульбу", мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсни, лѣтопись или преданіе бросаютъ ему искру свѣта, съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ, Тарасъ Бульба только поражалъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Въ частности, Кулишъ указываетъ, что подъ Дубномъ не было никакого сраженія, какъ представляетъ Гоголь, и неестественно, чтобы Тарасъ Бульба дрался на кулачкахъ со своими дѣтьми, и чтобы сынъ его Андрей, истый козакъ, влюбился въ польку.

Съ легкой руки Кулиша, старались умалить достоинство украинскихъ повѣстей и другихъ произведеній Гоголя и послѣдующіе писатели. Нѣкто генералъ Герсевановъ издалъ въ 1861 году въ Одессѣ брошюру подъ заглавіемъ „Гоголь предъ судомъ обличительной литературы“, посвященную русской женщинѣ, оклеветанной будто бы Гоголемъ. Вся книжка наполнена доказательствами, что Гоголь былъ лакей въ низкомъ смыслѣ этого слова, что онъ всѣхъ надувалъ, что онъ безпрестанно обвинялъ родную мать. „Чѣмъ же былъ Гоголь?“—спросятъ многочисленные его обожатели. „Онъ былъ нищій, лакей, ненавистникъ русской женщины, клеветникъ ея, клеветникъ Россіи!“ Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ украинскихъ писателей, коснувшись „Тараса Бульбы“, безъ церемоніи называетъ Гоголя „нетямущимъ“, т. е. почти-что безтолковымъ...

Правда, самъ Гоголь не очень-то выгодно смотрѣлъ на свои украинскія повѣсти. Въ предисловіи къ изданію 1842 года онъ отзывался о нихъ такъ: „много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!.. Это—первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя“. Въ предполагаемомъ же изданіи своихъ сочиненій 1851 года Гоголь хотѣлъ совершенно выпустить „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Но то была лишь у строгаго къ себѣ Гоголя сравнительная оцѣнка „Вечеровъ“ съ болѣе поздними и совершенными произведеніями его, которая не исключаетъ своего рода достоинствъ какъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“, такъ и въ другихъ его повѣстяхъ изъ украинскаго быта. За эти достоинства ручаются уже какъ приведенный нами отзывъ А. С. Пушкина объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, такъ и мнѣніе о нихъ знатока малорусской словесности М. А. Максимовича. Да и самъ Гоголь находилъ въ нихъ много несовершеннаго, но не все.

Главную причину недружелюбнаго отношенія Кулиша къ украинскимъ повѣстямъ Гоголя мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Кулишъ разсматриваетъ ихъ относительно этнографической и исторической вѣрности, тогда какъ самъ Гоголь былъ поэтъ—художникъ, который дѣйствительную жизнь своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое. „Въ этомъ отношеніи,—говоритъ М. А. Максимовичъ,—нашъ другой великій художникъ—Пушкинъ, по свойству своего генія, въ поэмѣ „Полтава“ былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ „*Тарасѣ Бульбѣ*“ [1]). То же отчасти нужно сказать и объ его „Вечерахъ на хуторѣ близъ Ди-

[1]) Собраніе сочиненій М. А, Максимовича, т. 1, Кіевъ, 1876 года, стр. 517.

ваньки" и „Миргородѣ", но съ необходимымъ добавленіемъ, что и въ этихъ своихъ повѣстяхъ Гоголь не такъ мало знакомъ съ этнографіей своей родины и не такъ искажаетъ ее, какъ воображаетъ себѣ это г. Кулишъ. Г. Кулишъ обвиняетъ Гоголя въ томъ, что онъ не употреблялъ въ своихъ повѣстяхъ и будто бы не зналъ малорусскаго языка и не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній о современномъ бытѣ и старинѣ Малороссіи. Но тотъ же М. А. Максимовичъ, бывшій другомъ-пріятелемъ Гоголя, и самъ глубокій знатокъ украинскаго языка и быта, утверждаетъ, что Гоголь зналъ свое родное украинское нарѣчіе основательно и владѣлъ имъ въ совершенствѣ, и что онъ очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа и всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, уже та самая „Сорочинская ярмарка", въ которой Кулишъ болѣе всего видитъ промаковъ противъ этнографической правды, показываетъ, что Гоголь дѣлалъ эти мнимые промахи не по незнанію малорусскаго народнаго быта, а по чему-то другому. Въ ней онъ говоритъ устами Хиври и супруга ея Солопія Черевика, что такъ не справляются свадьбы, какъ она справляется по сказанію повѣсти, и слѣдовательно зналъ тѣ обычаи и обряды, какими должна бы сопровождаться свадьба. Что Гоголь хорошо зналъ бытъ своего народа и его вѣрованія, это, между прочимъ, можно видѣть въ его разсказѣ изъ малороссійскаго быта „Ночь передъ Рождествомъ", который передѣланъ былъ впослѣдствіи въ малороссійскую оперетту „Рідвяна нічь", и доселѣ не потерявшую своего значенія.

Въ основѣ разсказа „Ночь передъ Рождествомъ" лежитъ малорусская сказка о кузнецѣ и чортѣ, дополненная подробностями изъ другихъ малороссійскихъ преданій и повѣрій. Сказку эту въ болѣе полномъ видѣ мы находимъ между „малороссійскими простонародными балладами" Л. Боровиковскаго, гдѣ она носитъ названіе „Кузнецъ". Кузнецъ Яремка былъ мастеръ своего дѣла и порой любилъ пѣсенку спѣть, поплясать, поиграть на своей свирѣли, и пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Въ кузницѣ у него подлѣ горнила, на самой печкѣ, висѣлъ намалеванный на холстѣ чортъ, повѣшенный кверху ногами. Яремка выпачкалъ чорта грязью и дегтемъ, выжегъ у него очи и всячески издѣвался надъ чортомъ. Чортъ рѣшился отомстить кузнецу, нанялся къ нему въ работники въ видѣ цыгана и сталъ перековывать старыхъ и больныхъ людей въ молодыхъ и здоровыхъ. Народу и денегъ повалило бездна. Но однажды работникъ—цыганъ отлучился, а старый баринъ Яремкинъ приходитъ къ Яремкѣ съ приказомъ перековать его въ молодца. Яремка

[1]) Тамъ же, стр. 517 и 529.

сталъ перековывать, вынулъ изъ огня обгорѣлыя кости барина и молотомъ разбилъ ихъ въ дребезги. Яремка осужденъ, какъ убійца. Идетъ онъ изъ острога въ родимую хату проститься съ ней на вѣки и приглашаетъ священника съ молитвой. Но какъ только священникъ началъ кропить забытый чортовъ портретъ надъ дверями,—является пропавшій работникъ—цыганъ и обѣщается Яремку выручить изъ бѣды, если онъ не будетъ кропить его портретъ святою водой. Сказано—сдѣлано. Послѣ этого Яремка снялъ чертовскій портретъ, отнесъ въ кузницу и бросилъ въ огонь. Холстъ сгорѣлъ, а проклятый метнулся въ трубу. И съ этой поры чортъ почернѣлъ еще хуже; его борода обгорѣла, и любимое мѣсто его осталось—кузнечныя трубы [1]). И у Гоголя въ „Вечерѣ наканунѣ Рождества" главнымъ лицомъ разсказа является кузнецъ Вакула, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и хорошій маляръ. „Торжествомъ его (малярнаго) искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ св. Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злаго духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, поднималъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, не смотря на все, работа была покончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ, но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу и для этого рѣшился украсть мѣсяцъ". На этомъ необычайномъ обстоятельствѣ основана вся цѣпь событій, совершившихся наканунѣ Рождества. Развязка ихъ тоже въ общихъ чертахъ напоминаетъ собою окончаніе малорусской сказки въ пересказѣ Л. Боровиковскаго. Когда Вакула кузнецъ, желая исполнить прихоть возлюбленной красавицы Оксаны, задумалъ прибѣгнуть къ помощи чорта и отдаться ему,—чортъ вскочилъ кузнецу на шею, началъ отъ радости галопировать и думалъ про себя: „теперь-то попался кузнецъ! теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей"! Но Вакула, схвативъ чорта за хвостъ, сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался тихъ, какъ ягненокъ. „Постой же,—сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю,—будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ!" Тутъ куз-

[1]) „Отечест. Записки", 1840 г., кн. II, Смѣсь, стр. 50—51.

нецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія. „Помилуй, Вакула!" жалобно простоналъ чортъ: „все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!"—„А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сейчасъ же на себѣ! слышишь, неси какъ птица!"—„Куда"? произнесъ печально чортъ.—„Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!" И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ. Такимъ образомъ и у Гоголя чортъ, желая отомстить кузнецу—маляру, самъ попадается въ бѣду и силой крестнаго знаменія вынуждается оказать кузнецу услугу. Разница только въ способѣ чертовской услуги; но эта разница, по всей вѣроятности, зависѣла отъ разницы самой редакціи сказки у Гоголя, которая во всякомъ случаѣ вѣрна стариннымъ русскимъ представленіямъ о чортѣ, попадающемся въ просакъ, и напоминаетъ книжное сказаніе о томъ, какъ св. Іоаннъ Новгородскій въ одну ночь путешествовалъ на бѣсѣ въ Іерусалимъ, первоначально связавши бѣса въ рукомойникѣ крестнымъ знаменіемъ.

На этомъ общемъ фонѣ народной сказки Гоголь помѣстилъ въ своемъ „Вечерѣ наканунѣ Рождества" и другія частныя черты изъ малороссійскихъ народныхъ повѣрій и разсказовъ. Летанье вѣдьмъ на метлѣ черезъ печную трубу и знакомство ихъ съ чертями—общепризнанный народною миѳологіею фактъ. Разсказъ о томъ, какъ чортъ снялъ съ неба мѣсяцъ, не покажется для насъ исключительнымъ и страннымъ, если мы припомнимъ, что, по разсказу Белецкаго-Носенка, въ концѣ прошлаго вѣка (?) козаки присудили гадячскую полковницу къ сожженію на кострѣ за то, что она будто-бы снимала „зірки" съ неба. Разсказъ Гоголя о томъ, какъ кузнецъ Вакула вынесъ въ мѣшкахъ изъ своей хаты чорта и трехъ человѣкъ, любовниковъ своей матери—вѣдьмы, напоминаетъ собою малорусскій народный разсказъ „о гибели трехъ поповъ" [1]).

Еще вѣрнѣе народнымъ преданіямъ повѣсть Гоголя „Вій", о которой самъ авторъ ея говоритъ слѣдующее: „Вій есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ". Намъ остается только разсмотрѣть, какъ воспользовался Гоголь готовыми народными преданіями. Въ основѣ этой повѣсти Гоголя

---

1) „Малорусскія народныя преданія и разсказы". Кіевъ, 1876 года, стр. 55 и сл.

собственно лежать два народныя преданія: объ упырѣ и Віѣ. Въ малорусскихъ сказкахъ разсказывается объ упырѣ, какъ одинъ человѣкъ получилъ отъ царя приказаніе читать три ночи псалтырь надъ его умершей дочерью волшебницей, стоявшей въ церкви. Ему угрожала явная смерть, но отъ нея онъ спасается, благодаря совѣтамъ старичка (св. Николая), и даже женится на бывшей волшебницѣ [1]). И у Гоголя философъ Хома Брутъ такимъ же образомъ читаетъ три ночи псалтырь надъ убитой имъ вѣдьмой, дочерью сотника, испытываетъ разные ужасы и наконецъ на третью точь погибаетъ отъ нечистой силы. Его отыскало въ церкви чудовище Вій, призванное для этого убитой вѣдьмой въ церковь. Въ народныхъ преданіяхъ этотъ Вій составляетъ предметъ особаго сказанья и представляется приземистымъ, корепастымъ существомъ, у котораго вѣки опущены до земли. Когда ихъ насильно поднимутъ, отъ глазъ Вія летятъ молніи и вихри)

Даже въ такихъ фантастическихъ разсказахъ Гоголя, каковъ, напримѣръ, разсказъ „Страшная месть", мы увидимъ впослѣдствіи [3]) присутстіе народнаго малорусскаго элемента, Но какъ въ этомъ, такъ и другихъ украинскихъ разсказахъ Гоголя складъ народныхъ воззрѣній и быта рѣдко удерживалъ свою обычную вѣковѣчную элементарность и простоту. Гоголь любилъ и въ столкновеніяхъ своихъ съ простонародьемъ, и въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ вызывать и поставлять малоросса въ исключительное положеніе, нарушавшее обычное теченіе его жизни и заставлявшее его уклоняться отъ общепринятыхъ обрядовъ и обычаевъ. Въ этомъ отношеніи интересно воспоминаніе о Гоголѣ А. П. Стороженка, который разсказываетъ о томъ, какъ 18-лѣтній Гоголь, уже и тогда удивительно умѣвшій играть на струнахъ человѣческаго сердца, перелѣзши черезъ чужой плетень, нарочно разсердилъ и довелъ до бѣшенства молодицу-хозяйку, и какъ на обратномъ пути онъ эту же молодицу сдѣлалъ своими словами изъ злой фуріи кроткою овечкою, къ величайшему удивленію ея смиреннаго мужа [4]). Читая это воспоминаніе г. Стороженка, мы невольно припомнили Голопупенка въ „Сорочинской ярмаркѣ", который разозлилъ жену Солопія Черевика Хиврю, бывшую грозою для ея смиреннаго мужа, и въ заключеніе все-таки женился на ея падчерицѣ. Поэтому само собой напрашивается предположеніе, не скрывается ли въ этой повѣсти какого-либо дѣйствительнаго происше-

---

[1]) Тамъ же, стр. 268—269. См, „Народныя южнорусскія сказки" Рудченка, вып. II, 1870 г., стр. 27 и сл.; „Воспоминаніе о Новомосковскѣ" Надхина въ „Основѣ" за октябрь 1862 г., стр. 23 и сл.

[2]) „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", Аѳанасьева, т. I., гл. IV.

[3]) При обозрѣніи произведеній А. П. Стороженка.

[4]) „Отечеств. Записки", 1859 г., № 4.

ствія, подстроеннаго самимъ Гоголемъ въ видѣ эксперимента надъ человѣческими сердцами.

И такъ, Н. В. Гоголь несомнѣнно хорошо зналъ этнографію своей родины и полагалъ ее въ основу своихъ украинскихъ повѣстей; но при этомъ онъ часто соединялъ и переплеталъ въ своихъ повѣстяхъ нѣсколько народныхъ преданій и повѣрій и иногда съ намѣреніемъ выводилъ крестьянина изъ его обычнаго, неподвижнаго состоянія и изображалъ его въ такомъ видѣ. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ какъ бы уклонялся отъ этнографической правды; но и самыя эти уклоненія не всегда были произвольны и часто опредѣлялись его многоразличными связями и отношеніями съ искусственной украинской литературой, предшествовавшей Гоголю и современной ему.

Изъ біографическихъ свѣдѣній о Гоголѣ мы узнаемъ, что дѣдъ нашего поэта Аѳанасій Гоголь былъ въ свое время полковымъ писаремъ и женатъ на внучкѣ полковника Танскаго. Одно уже названіе писаря показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ кіевской академіи, или, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ семинарій, которыя занимами тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, „и кто знаетъ,—говоритъ г. Кулишъ,— не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни старинпаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти *Вій*. Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Отъ него Н. В. Гоголь могъ заимствовать и остатки старинныхъ преданій, заключающихся въ „Пропавшей грамотѣ", „Тарасѣ Бульбѣ" и т п.[1]). Къ этому нужно прибавить, что въ семействѣ Гоголя должны были сохраняться и родовыя литературныя преданія. Одинъ изъ предковъ его по женской линіи Танскихъ несомнѣнно воспитывался въ кіевской академіи и въ свое время слылъ знаменитымъ стихотворцемъ, который притомъ же писалъ свои стихотворенія на украинскомъ языкѣ[2]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ—то семейныхъ литературныхъ преданій, Н. В. Гоголь любилъ въ своей молодости старинныя малороссійскія произведенія. Въ его „Книгѣ всякой всячины или подручной энциклопедіи" 1826 г., между прочимъ, вписаны были слѣдующія статьи: „Вирша, говоренная гетману Потемкину запорожцами", „Выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Скалозубу", „Декретъ миргородской ратуши 1702 года" и др. Вслѣдствіе этого самая рѣчь Гоголя, когда онъ воспитывался въ нѣжинской

---

[1]) „Лицей князя Безбородко", С-Петербургъ, 1859 г., II, стр. 29.

[2]) „Древняя и новая Россія", ноябрь, 1878 г.: „О драматическихъ произведеніяхъ Георгія Конисскаго".

гимназіи, отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми [1]).

Еще тѣснѣе были у Гоголя связи съ новѣйшей украинской литературой и ея важнѣйшими представителями И. П. Котляревскимъ, П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ и особенно отцомъ своимъ В. А. Гоголемъ. Большая часть эпиграфовъ къ его „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки“ взята изъ сочиненій этихъ и другихъ современныхъ имъ украинскихъ писателей. Самый тонъ разсказовъ, каррикатурно-юмористическій, совершенно въ духѣ этихъ писателей. Мѣстами есть даже заимствованія и подражанія. Совершенно справедливо г. Кулишъ видитъ сходство гоголевскаго Голопупенка въ „Сорочинской ярмаркѣ“ съ окаррикатуреннымъ Энеемъ въ „Энеидѣ“ Котляревскаго. „Эхъ, хватъ! за это люблю!“ говоритъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ ее потомъ въ дребезги. „Что скажешь, Параска? какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки танетъ пѣнную!“ По мнѣнію г. Кулиша, это есть перифразированная рѣчь каррикатурнаго Зевеса у Котляревскаго объ Энеѣ, кстати поставленная эпиграфомъ къ третьей главѣ „Сорочинской ярмарки“:

Чи бачишъ, вінъ який парнище?
На світі трохи е такихъ:
Сивуху такъ, якъ брагу, хлыще!
Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ.

Въ той же „Сорочинской ярмаркѣ“ супруги Черевики Солопій и Хивря напоминаютъ намъ басню Гулака-Артемовскаго о соименныхъ супругахъ, но являются въ иныхъ положеніяхъ, сходныхъ съ положеніями героевъ комедій отца Гоголя. Солопія, который хотѣлъ было продать на Сорочинской ярмаркѣ свою кобылу, морочатъ точно такъ же, какъ москаль обманываетъ мужика въ комедіи Гоголя—отца „Собака—вивця“, и очень можетъ быть, что самый эпиграфъ къ X-й главѣ „Сорочинской ярмарки“ заимствованъ изъ этой утраченной нынѣ комедіи. Любовныя похожденія Хиври съ поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ напоминаютъ намъ похожденія Хомы Григоровича въ другой комедіи отца Гоголя „Простакъ“. Этотъ Хома Григоровичъ является даже героемъ предисловія къ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки“.

Совмѣщая въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ всѣ элементы прежней и современной украинской литературы, Гоголь является достой-

---

1) „Лицей князя Безбородко“. 1859 г., II. стр. 41. Сн. „Записки о жизни Гоголя“, 1856 г., т. I.

нымъ завершителемъ новой украинской литературы перваго періода ея развитія. Но онъ не ограничивался одними интересами собственно украинской литературы и очень рано сталъ увлекаться чисто художественными стремленіями. „Русская литература того времени,— говоритъ одинъ изъ воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, была проникнута духомъ Байрона: Чайльдъ—Гарольдовъ и Онѣгиныхъ можно было встрѣчать не только въ столицахъ, но даже у насъ въ гимназическомъ саду". Младшій профессоръ нѣмецкой словесности Зингеръ (съ 1824 г.) открылъ намъ новый живоносный родникъ истинной поэзіи. Любовь къ человѣчеству, составляющая поэтическій элементъ твореній Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро привилась и къ намъ и много способствовала развитію характера многихъ. До Зингера на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣобѣденнымъ. Онъ умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательнымъ преподаваніемъ,— и не прошло года, какъ у новаго профессора были ученики, переводившіе „Донъ—Карлоса" и другія драмы Шиллера; а вслѣдъ за тѣмъ и Гёте, и Кернеръ, и Виландъ, и Клопштокъ, и всѣ, какъ называли, классики германской литературы, не исключая даже и своеобразнаго Жанъ—Поль—Рихтера, втеченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера. Кстати замѣтить, что развитію германизма между нѣжинцами много способствовалъ „Телеграфъ", коего изданіе въ Москвѣ началъ тогда Н А. Полевой [1]). Гоголь не могъ остаться въ сторонѣ отъ этихъ художественныхъ стремленій въ литературѣ, и мы видимъ, что онъ участвуетъ въ представленіи лучшихъ тогдашнихъ комедій русскихъ—„Недоросль", „Урокъ дочкамъ", и издаетъ въ гимназіи рукописные журналы, со статьями, писанными высокимъ слогомъ [2]). По выходѣ изъ гимназіи, онъ еще болѣе подчиняется художественному направленію тогдашней русской литературы. Одинъ изъ украинскихъ разсказовъ Гоголя „Страшная месть" представляетъ, по нашему мнѣнію, попытку создать по народнымъ преданіямъ титаническій мрачный типъ злодѣя, въ духѣ байронизма. Мы имѣемъ основаніе думать, что типъ цыгана въ „Сорочинской ярмаркѣ" Гоголя, противорѣчащій народнымъ взглядамъ на цыганское племя, созданъ подъ вліяніемъ поэмы Пушкина „Цыгане" [3]).

---

[1]) „Лицей князя Безбородко", 1859 г., I, стр. 107.

[2]) Тамъ же, II, стр. 67,

[3]) Мы основываемъ это мнѣніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Шереперя (С. Писаревскій) въ своей оперѣ „Купала на Ивана" выводитъ на сцену совершенно такого же цыгана Шмагайла и заставляетъ его участвовать въ крестьянской свадьбѣ; но Шереперя создалъ типъ цыгана подъ вліяніемъ поэмы Пушкина „Цыгане" и даже прямо ссылается на нее въ своей оперѣ. По-

Нѣкоторые видятъ на Гоголѣ вліяніе даже столь второстепеннаго писателя, какъ Марлинскій [1]). Но въ послѣдствіи времени заправляющую роль въ художественномъ развитіи Гоголя имѣлъ А. С. Пушкинъ. „Мы знаемъ изъ *Переписки съ друзьями*—говоритъ Кулишъ,— что первыя главы *Мертвыхъ душъ* читаны были уже Пушкину, а въ *Авторской исповѣди* говорится даже, что сюжеты *Ревизора* и *Мертвыхъ душъ* даны были Гоголю Пушкинымъ Слѣдовательно, можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ *Тарасъ Бульба*, *Ревизоръ*, первая часть *Мертвыхъ душъ*, вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина!—пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ" [2]).

Художественный элементъ въ творческой дѣятельности Гоголя не позволилъ ему остаться въ тѣсной сферѣ украинскихъ интересовъ и литературы и былъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ сліянію въ его произведеніяхъ украинскихъ интересовъ съ сѣверно-русскими и образованію цѣльнаго русскаго міровоззрѣнія. „Скажу вамъ одно слово насчетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская,— писалъ Гоголь въ 1844 году къ А. О. С(мирнов)ой,— потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая, или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,— явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, сліявшись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда ника-

этому можно думать, что та же поэма имѣла вліяніе на типъ цыгана и у Гоголя.

[1]) „Лицей князя Безбородко". 1859 г., II, стр. 67.

[2]) Записки о жизни Гоголя, 1856 г., т. I, стр. 194.

кихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во время глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже не совсѣмъ заслуженными порицаніями, и въ нихъ видѣнъ покамѣсть писатель, еще не утвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ, точно, есть кое гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто и не замѣтитъ и не увидитъ„ [1]).

Въ этомъ художественномъ сочетаніи интересовъ двухъ племенъ русскаго народа состоитъ величайшая заслуга Гоголя, которую признаютъ и украинскіе писатели. Въ эпилогѣ къ „Чорной Радѣ“ Кулишъ говоритъ слѣдующее о Гоголѣ: „Обратясь въ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Все-таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣскольких повѣстяхъ, комедіяхъ и наконецъ въ „Мертвыхъ душахъ“, этой великой попыткѣ произвесть нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ „Мертвыя души“? Сами москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь украинецъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (К. Аксаковъ). Но созданіе „Мертвыхъ душъ“ или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ его „Исповѣди“ и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ полтавской губерніи, которая была поприщемъ последняго усилія извѣстной партіи украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ великорусскимъ, поэтъ, воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія бардъ козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностію къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному русскому народу, какой только можетъ желать отъ украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это—самое великое дѣло Гоголя по своимъ послѣдствіямъ и. можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо другомъ, оправдывается зародившееся въ немъ еще съ-дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра. Со временъ Гоголя, взглядъ великоруссовъ на натуру украинца перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 43.

русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ также почувствовать. Назначеніе Гоголя было—внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки" [1]).

Не имѣя своею своею задачею подробно анализировать всѣ произведенія Н. В. Гоголя и оцѣнивать ихъ значеніе для русской литературы вообще, обратимся собственно къ украинскимъ писателямъ Гоголевской школы, также старавшимся поддержать любовную связь съ сѣверно-русскою національностью, хотя и невсегда сознательнымъ образомъ. Между ними есть даже такіе послѣдователи Гоголя, которые подражали собственно его манерѣ и внѣшнимъ пріемамъ, опуская изъ виду духъ и характеръ сочиненій Гоголя. Рядъ этихъ прдставителей Гоголевской школы въ украинской литературѣ открывается младшимъ товарищемъ Гоголя по нѣжинской гимназіи Е П. Гребенкой.

4.

Евгеній Павловичъ Гребенка [2]).

Е. П. Гребенка родился 21 января 1812 года, въ отцовскомъ помѣстьи Убѣжищѣ, въ 16-ти верстахъ отъ г. Пирятина, полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ среди патріар-

---

[1]) Предисловіе къ „Черной Радѣ" Кулиша.

[2]) Біографическія свѣдѣнія въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) „Лицей князя Безбородко", изд. 1859 и 1881 г.; 2) „Литературныя воспоминанія", Панаева, въ „Современникѣ" за 1861 г.; 3) біографія при „Собраніи сочиненій Гребенки" 1862 г.; 4) „Памятная книжка полтавской губерніи на 1866 годъ"; 5) „Поэзія славянъ" Гербеля, 1871 г.; 6) Коротенькая біографія при „Пирятинской Ластівкѣ" 1878 г. Перечень малорусскихъ произведеній Гребенки см. въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 г.

хальнаго сельскаго быта, посреди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильно биться его дѣтское сердце. Семейныя воспоминанія указываютъ, какъ на первый источникъ, питавшій живое воображеніе ребенка, на разсказы няньки, которая ходила за Евгеніемъ Въ сочиненіяхъ Гребенки есть нѣсколько страницъ, въ которыхъ, не смотря на вымышленную форму, ясны черты изъ его ранней поры. Въ 1825 году Гребенка былъ отвезенъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ въ „Гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко" (нынѣ институтъ). Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ наукъ съ правомъ на чинъ XIV класса и тотчасъ же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервы 8-го малороссійскаго казачьяго полка; но вскорѣ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Петербургъ. 1-го февраля этого года онъ былъ опредѣленъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Въ ноябрѣ 1838 года Евгеній Павловичъ оставилъ службу въ коммиссіи духовныхъ училищъ и былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ дворянскій полкъ. Вся служба Гребенки съ этихъ поръ ограничивается преподаваніемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Состоя на службѣ въ дворянскомъ полку, онъ познакомился съ Т. Г. Шевченкомъ и былъ его руководителемъ въ ознакомленіи съ русской литературой. Въ 1841 г. Гребенка былъ переведенъ изъ дворянскаго полка въ учители словесности во второй кадетскій корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ. Гребенка умеръ въ декабрѣ 1848 г. Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушіе его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ, сходившіеся съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особенною теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ веселостью, съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени.

Гребенка началъ заниматься литературой еще въ нѣжинскомъ лицеѣ. Большею частію первые опыты его были писаны по малорусски. Малорусскій переводъ „Полтавы" Пушкина, не совсѣмъ удачный, также относится ко времени его студенчества, равно какъ и „Малороссійскія приказки", выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году, въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребенка началъ еще усерднѣе заниматься литературой. Его „Приказки" имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малорусскій

переводъ „Полтавы“, съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило его съ Александромъ Сергѣевичемъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротой своей, принялъ теплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ „Современникѣ“ на 1837 годъ два стихотворенія Гребенки. Есть даже свѣдѣніе, что малороссійскія басни молодаго писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно „Волкъ и Огонь“, онъ перевелъ будто бы на русскій языкъ. Мы приводимъ ее, какъ образецъ малорусскихъ стихотвореній Гребенки:

У лісі хтось расклавъ Огонь.
Вуло то въ осени вже пізно,
Великий холодъ бувъ, вітри шуміли рязно;
И била ожеледь, и снігъ ишовъ либонь;
Такъ, мабудь, чоловікъ біля багаття грівся
Да идучи й покинувъ такъ его.
Ажъ ось, не знаю я того,
Якъ сірий Вовкъ тутъ опинився.
Обмерзъ, забовтався; мабуть, три дні не ївъ;
Дріжить, якъ мокрий хіртъ, зубами знай цокоче.
Звірюка до Огню підскочивъ,
Підскочивъ, озирнувсь, мовъ тороплений сівъ,
Бо зъ-роду вперше вінъ Огонь узрівъ.
Сидить и самъ собі радіе,
Що смухъ его Огонь, мовъ літомъ сонце, гріе.
И ставъ вінъ обтавать, ажъ пара зъ шерсти йде.
Изъ леду бурульки, що знай кругомъ бряжчали,
Уже зовсімъ пообпадали.
Вінъ до Огню то рилю підведе,
То лапу коло жару сушить,
То біля поломья кудлатий хвістъ обтрусить,
Уже Огонь не ставъ его лякать.
Звірюка думае: „Чого его боятьця?
Зо мною вінъ, якъ панібратъ!“
Ось нічка утекла, мовъ стало розсвітать,
Мовъ почало на світъ благословлятьця.
„Пора“,—Вовкъ думае,—„у лози удирать!“.
Ну, щобъ собі итти? ни, треба попрощатьця:
Скаженний захотівъ Огонь поцілувать,
И тілько що простягъ свое въ багатте рило,
А поломъе его до-щенту обсмалило.

—

Мій батько такъ казавъ: „Съ панами добре жить,

Водитьця зъ ними хай тобі Господь поможе.
Изъ ними можно істи й пить,
А цілувать іхъ—крий насъ Боже!"

Первыя стихотворенія Гребенки на малорусскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный. Онъ перешелъ къ русскимъ стихотвореніямъ и воспроизводилъ въ нихъ мотивы Жуковскаго и Пушкина; но и русскими стихотвореніями своими ему трудно было обратить на себя вниманіе въ то время, когда еще дѣйствовалъ Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребенка понялъ это и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣствовательной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были „Разсказы Пирятинца", принятые публикою довольно радушно. Всѣ заимствованные изъ быта и преданій Малороссіи, разсказы напоминаютъ и содержаніемъ своимъ и манерой повѣствованія „Вечера на хуторѣ близь Диканьки" Гоголя. Несомнѣнно, что повѣсти геніальнаго товарища по школѣ заронили въ Гребенку мысль его „Разсказовъ Пирятинца"; несомнѣнно, что и слогъ, и языкъ, и образъ выраженія въ „Вечерахъ" сильно поразили своею новостію, свѣжестію и свободой молодаго Гребенку и положили свою печать на его манеру. Но при этомъ несправедливо было бы обвинять Гребенку въ исключительномъ подражаніи Гоголю. Если на „Разсказахъ Пирятинца" и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ повѣстяхъ и разсказахъ Гребенки есть слѣды вліянія Гоголя, то на нихъ есть слѣды и другихъ вліяній, напримѣръ Марлинскаго, Загоскина. Гребенка принадлежитъ извѣстному литературному періоду, который наложилъ на него свою печать, какъ на человѣка, не обладавшаго самостоятельнымъ талантомъ, пролагающимъ новые пути въ литературѣ. Онъ—изъ числа тѣхъ посредствующихъ дарованій, которыя являются въ извѣстную пору цѣлыми группами, какъ связующая нить между геніями, создающими эпоху, и публикой.

Со времени изданія „Разсказовъ Пирятинца" имя Гребенки начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разсказами, очерками и стихотвореніями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходились безъ какого нибудь произведенія Гребенки. Повѣсти его, явившіяся съ 1837 года, почти всѣ распадаются на два отдѣла: въ однихъ описываетъ онъ родныя мѣста, въ другихъ—Петербургъ. Изъ произведеній его за это время болѣе или менѣе заслуживаютъ вниманія: „Записки Студента", „Вѣрное лекарство", альманахъ „Ластовка", „Нѣжинскій полковникъ Золотаренко", историческій романъ „Чайковскій" и повѣсть „Иванъ Ивановичъ".

Въ повѣсти „Записки студента" есть автобіографическія черты. Кромѣ описанія дѣтства, въ ней находится и еще много взятаго авто-

ромъ изъ жизни. Такъ, опредѣленіе въ военную службу и скорое оставленіе ея напоминаетъ поступленіе Евгенія Павловича въ малороссійскіе козаки и его краткое служеніе въ полку. По словамъ людей, близкихъ къ автору, самая завязка повѣсти заимствована изъ его собственной жизни. Повѣсть эта едва ли не болѣе всѣхъ другихъ произведеній Гребенки имѣла успѣхъ въ публикѣ. Въ ней, точно, много страницъ теплыхъ и задушевныхъ, но въ цѣломъ она неудовлетворительна и нелишена нѣкоторой слезливости въ тонѣ. Кромѣ того, здѣсь замѣтна небрежность и краткость очерковъ, та эскизность, которая вообще характеризуетъ повѣсти Гребенки. Онъ описываетъ только внѣшность извѣстнаго типа, но не даетъ ключа къ пониманію и разумному освѣщенію этой внѣшности,— ключа, скрывающагося въ свойствахъ человѣческой природы вообще, и выражающейся въ извѣстной формѣ подъ вліяніемъ различныхъ статистическихъ и историческихъ обстоятельствъ. Въ „Вѣрнюмъ лекарствѣ“ болѣе всего видно вліяніе Гоголя, именно его „Записокъ сумасшедшаго“. Нельзя, однако же, не признать за этою повѣстью замѣчательныхъ достоинствъ: она исполнена истинно комическихъ чертъ; самое положеніе героя повѣсти богато юморомъ. Главная ошибка автора заключалась въ томъ, что онъ избралъ форму, въ которой, послѣ Гоголя, уже трудно было создать что нибудь самостоятельное. Въ „Вѣрномъ лекарствѣ“ расказывается отъ лица главнаго дѣйствующаго лица, въ формѣ дневника, а это лицо—сумасшедшій. — Въ повѣсти „Нѣжинскій полковникъ“ неразъ мелькаютъ воспоминанія о городѣ, гдѣ воспитывался Евгеній Павловичъ. Альманахъ „Ластôвка“ наполненъ сочиненіями Шевченка, Квитки-Основъяненка, Боровиковскаго, Забѣллы, Кулиша, Мартовицкаго, П. Писаревскаго, С. Шерепери (С. Писаревскаго). Самъ собиратель приложилъ къ нему предисловіе „Такъ соби, до землякивъ“, гдѣ изображены четыре времени года Малороссіи. Повѣсть „Иванъ Ивановичъ“ принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ произведеній Гребенки, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, автору повредилъ его легкій взглядъ: онъ скользнулъ только по поверхности факта, представлявшаго много глубокихъ и потрясающихъ сторонъ, которыми грѣхъ не воспользоваться художнику. Но замѣчательнѣйшее и лучшее изъ всѣхъ произведеній Гребенки есть его романъ „Чайковскій“, о которомъ Бѣлинскій отозвался съ большою похвалой. Содержаніе его заимствовано преимущественно изъ семейныхъ преданій матери Гребенки и изъ украинской думы объ Олексѣ Поповичѣ въ собраніи. М. А. Максимовича 1834 года.

Дѣйствіе романа открывается въ г. Пирятинѣ, гдѣ проживаетъ со своею дочкою лубенскій полковникъ Иванъ. Сынъ пирятинскаго священника Якова, Олексій Поповичъ, учился въ кіевской академіи и предназначался на отцовское мѣсто въ Пирятинѣ; но онъ и не думалъ

о посвященіи въ попы. Проживая дома, Олексій Поповичъ сошелся съ дочерью полковника Мариной, полюбилъ ее и неразъ видѣлся съ нею на рѣчномъ островѣ. Но нельзя было и думать о томъ, чтобы гордый и суровый полковникъ согласился на неравный, по его мнѣнію, бракъ своей дочери съ Олексіемъ Поповичемъ. Къ тому же, между влюбленными сталъ лихой человѣкъ, который постарался разлучить ихъ между собою и чуть не погубилъ самого Олексія Поповича. Дѣло въ томъ, что у стараго полковника въ числѣ домашней челяди были два козака совершенно противоположныхъ характеровъ: силачъ Гадюка, босой, нечесанный и ходившій безъ шапки, вѣрный полковнику какъ собака, и плюгавый и хитрый Герцикъ темнаго происхожденія. Послѣдній привелъ полковника на островъ во время тайнаго свиданія Олексія Поповича съ Мариной, и Олексій Поповичъ едва избѣжалъ смерти отъ рукъ разгнѣваннаго полковника и долженъ былъ бѣжать изъ Пирятина. Онъ направляется въ Сѣчь, гдѣ кошевымъ тогда былъ товарищъ его по кіевской академіи Грицько Стрижка, называющійся теперь Зборовскимъ, и недалеко отъ самой Сѣчи останавливается для отдыха на хуторѣ Варки и Тетяны, куда беззаботные запорожцы собирались пображничать. Между сѣчевыми гостями Олексій Поповичъ засталъ здѣсь нѣкоего Никиту Прихвостня. Здѣсь Тетяна успѣла полюбить Олексія Поповича и призналась ему въ любви; но Олексій Поповичъ открылъ ей, что онъ имѣетъ уже невѣсту. Наконецъ, онъ является къ кошевому, дѣлается писаремъ и наединѣ, въ дружеской бесѣдѣ, разсказываетъ ему свою любовную исторію. Кошевой обѣщаетъ оказать ему, при удобномъ случаѣ, свое содѣйствіе. Скоро послѣ этого запорожцы отправились на своихъ чайкахъ опустошать турецкіе берега, а съ ними отправился и Олексій Поповичъ. Во время ихъ похода поднялась буря на Черномъ морѣ и угрожала запорожцамъ гибелью; для утишенія бури, нужно было принесть въ жертву морю живаго человѣка,— и Олексій Поповичъ самъ вызвался быть этой жертвой. Буря тотчасъ же утихла; Олексій Поповичъ остался цѣлъ и невредимъ. Запорожцы тутъ же сложили про него пѣсню:

На Черному морі, на білому камни
Ясненькій сокілъ жалобно квилить—проквиляе, и проч.

Они благополучно воротились въ Сѣчь. Между тѣмъ, послѣ побѣга Олексія Поповича изъ Пирятина, старый полковникъ съ Мариною переселился въ Лубны. Бѣжала отъ отца и Марина розыскивать Олексія Поповича, переодѣлась у зимовника Касьяна въ козацкое платье и подъ именемъ Олексія Поповича прибыла въ Сѣчь Запорожскую, куда подъ страхомъ смертной казни запрещено было принимать женщинъ. Здѣсь она отыскала своего Олексія, но ихъ чуть не погубилъ тотъ же Герцикъ, который и прежде помѣшалъ ихъ счастію. На отца Марины,

лубенскаго полковника, напали татары,— и онъ отправилъ Герцика въ Сѣчь просить помощи. Герцикъ узналъ здѣсь Марину, раскрылъ ея тайну, и запорожцы, возмущенные нарушеніемъ ихъ стародавнихъ обычаевъ, ведутъ Олексія на судъ къ кошевому и „товариству“ и уже заранѣе посылаютъ за палачемъ—татариномъ. Тетяна хочетъ выручить Олексія изъ-подъ топора, но онъ отвергаетъ ея услуги. Его спасаетъ отъ смерти кошевой Зборовскій. Онъ предложилъ товариству назвать Олексія Чайковскимъ, въ память того, что своимъ самоотверженіемъ онъ спасъ козацкія чайки на морѣ отъ крушенія, и когда товариство согласилось на это, освобождаетъ Олексія Чайковскаго отъ казни, которую заслужилъ Олексій Поповичъ. Послѣ этого кошевой празднуетъ свадьбу Чайковскаго съ Мариной. Тетяна, узнавъ объ этой свадьбѣ, умираетъ. Новобрачные ѣдутъ на зимовикъ къ Касьяну, который вслѣдъ за тѣмъ отправляется въ Лубны, чтобы примирить полковника съ дочерью и молодымъ зятемъ. Онъ благополучно отбивается дорогою отъ разъѣздовъ крымцевъ и пріѣзжаетъ въ Лубны; но неблагополучно было въ г. Лубнахъ. Вѣроломный Герцикъ удаляетъ отъ полковника его вѣрнаго слугу Гадюку, запираетъ самого Касьяна въ подвалъ и предаетъ полковника въ руки татарамъ. Правда, его выручаетъ Гадюка, но полковникъ вскорѣ умираетъ отъ ранъ. Герцикъ составляетъ отъ его имени ложное завѣщаніе въ свою пользу и будто бы отъ себя уже посылаетъ Маринѣ мѣшокъ дукатовъ. Освободившись изъ подвала, Касьянъ ѣдетъ въ свой зимовикъ и передаетъ Маринѣ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Скоро является на зимовикъ и Герцикъ съ гостинцами въ рукахъ для новобрачныхъ и съ новыми кознями въ душѣ. Но здѣсь на соколиной охотѣ его ужалила змѣя. Знахарка-цыганка, призванная къ нему на помощь, прикладываетъ къ ранѣ какой-то корень и еще болѣе увеличиваетъ его мученія. Въ предсмертныхъ мукахъ Герцикъ приноситъ страшную исповѣдь, изъ которой открывается, что онъ—родомъ жидъ, ненавидѣлъ христіанъ, погубилъ полковника, хотѣлъ погубить и Олексія Поповича и овладѣть Мариной. Мнимая цыганка-знахарка узнаетъ изъ этой исповѣди, что Герцикъ—сынъ ея Йосель, и сознается, что она сама по ошибкѣ погубила его изъ мести христіанамъ, приложивъ яду къ его ранѣ, и что Тетяна—ея родная дочь. Романъ оканчивается описаніемъ пирушки у пирятинскаго сотника Чайковскаго, на которой были кошевой Зборовскій со своими запорожцами, Гадюка, Никита Прихвостень, Касьянъ зимовникъ и другіе. Родъ Чайковскихъ въ настоящее время пресѣкся. Послѣдній изъ представителей его, офицеръ Созонтъ Чайковскій, умеръ на Кавказѣ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка.

„Старинный бытъ Украйны,—писалъ Бѣлинскій объ этомъ романѣ,—прекрасно отразился въ „Чайковскомъ“; самъ авторъ воодушевляется,

говоря о дѣлѣ, припоминая разсказы стариковъ и изъ нихъ возстановляя картины минувшей жизни этихъ странъ. Онъ самъ наконецъ возвышается до пафоса очевидца, сочувствуя своему предмету, какъ бы раздѣляя козацкую удаль и принимая горячо къ сердцу страданія южной Руси отъ ея степныхъ сосѣдей—хищныхъ татаръ... Нѣкоторые характеры, особенно полковника Ивана, козака Никиты Прихвостня и Касьяна очень хорошо обрисованы авторомъ; въ другихъ лицахъ много исторической вѣрности; интрига очень занимательна, хотя мѣстами авторъ впадаетъ въ мелодраму, особенно при изображеніи женщинъ. Впрочемъ, женщины въ казачествѣ играли неважную роль. Есть сцены эффектныя, а главное—весь романъ рисуетъ бытъ и обычаи и образъ мыслей запорожцевъ Нѣкоторые не хотятъ признавать въ „Чайковскомъ" всѣхъ его достоинствъ, потому что Гоголь написалъ „Тараса Вульбу", гдѣ изображены тѣ же, и еще полнѣе, элементы козачества; но изъ того, что Гомеръ написалъ „Иліаду", а Орфэй „Походъ аргонавтовъ", развѣ не читали греки съ удовольствіемъ другихъ поэтовъ, обрабатывавшихъ эпизоды изъ тѣхъ же событій и изображавшихъ тѣ же лица?"

Незадолго передъ смертью Е. П. Гребенка принялся за собраніе и изданіе всѣхъ своихъ беллетристическихъ произведеній. Первые четыре томика вышли въ 1847 году, еще четыре въ 1848 году. Смерть Гребенки прекратила это изданіе, въ которое вошло только 18 повѣстей изъ числа 50-ти, написанныхъ Гребенкой. Въ 1862 году книгопродавецъ И. Литовъ издалъ полное собраніе сочиненій Е. П. Гребенки, въ пяти томахъ; но это изданіе рѣшительно не имѣло успѣха. Въ томъ же 1862 году Н. Гатцукъ писалъ, что онъ предполагаетъ издать переведенный уже на малорусскій языкъ романъ Гребенки подъ названіемъ „Чайковскій" [1]). Въ переводѣ Ксенофонта Климковича этотъ романъ изданъ былъ во Львовѣ въ 1864 году. Въ 1874 году издана была въ Кіевѣ, въ малорусскомъ переводѣ Л. Б., повѣсть Гребенки „Ніженський полковникъ Иванъ Золотаренко", а въ 1878 году въ Кіевѣ же издана была „Пирятинська ластівка, кобзарь Е Гребінки", съ портретомъ и коротенькой біографіей. Тутъ собрано все, что когда либо напечатано было Гребенкой по-украински.

---

[1]) „Основа", іюль, 1862 г.: „о правописаніяхъ, заявленныхъ украинскими писателями съ 1834 по 1861 годъ.

5.

Алексѣй Петровичъ Стороженко [1]).

Алексѣй Петровичъ Стороженко родился въ 1805 году, воспитывался въ одномъ изъ столичныхъ военно-учебныхъ заведеній и около 1823 года поступилъ въ военную службу. Въ 1825 году онъ стоялъ со своимъ полкомъ въ Немировѣ, брацлавскаго уѣзда, подольской губерніи, и слушалъ здѣсь разсказы о Немировѣ отъ 98-лѣтняго священника, который на девятомъ году своего возраста былъ поводатыремъ у своего прадѣда, также слѣпаго столѣтняго дидугана, самовидца немировской рѣзни и козацкаго бунта въ замкѣ князя Четвертинскаго, и распѣвавшаго „Исаіе ликуй", когда вѣнчали Цавлюгу (Кобзу) съ княгинею Четвертинскою. Лично также зналъ Стороженко запорожца Коржа и слушалъ его разсказы, которые, по указанію Алексѣя Петровича, записаны и изданы были архіепископомъ Гавріиломъ въ 1842 году. Въ 1829 г., въ турецкую кампанію, Алексѣй Петровичъ раненъ былъ подъ Журжею и получилъ орденъ св. Георгія, а въ 1831 году участвовалъ въ польской кампаніи. Затѣмъ, онъ состоялъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, а далѣе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій и съ 1863 года при М. Н. Муравьевѣ въ западномъ краѣ. Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ, близъ Бреста, и состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, страдая аневризмомъ отъ контузіи въ битвѣ подъ Журжею. „Не такъ давно,—писалъ онъ незадолго до своей смерти,—еще я сгибалъ двугривенные и носилъ на гору десять пудовъ". Умеръ 7 ноября 1874 г., 68 лѣтъ отъ роду.

„Съ свѣтлымъ умомъ и чистымъ, теплымъ сердцемъ,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—Алексѣй Петровичъ былъ талантливый музыкантъ на віолончели, скульпторъ и рисовальщикъ. За работы по скульптурѣ получилъ онъ отъ академіи художествъ медаль, а за проэктъ памятника Нестору лѣтописцу—званіе художника. Притомъ, какъ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о немъ заключаются въ слѣдующихъ изданіяхъ и статьяхъ: 1) некрологъ въ „Газетѣ Гатцука", 1875 г., № 47; 2) некрологъ въ „Кіевскомъ Телегр.", 1874 г., № 150; 3) некрологъ въ „Правдѣ", 1875 г., № 13; 4) „Стороженко и его литературная дѣятельность", въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" 1874 г., № 282,; 5) предисловіе къ поэмѣ Стороженка „Марко проклятий". Одесса, 1879 г

большой любитель природы, онъ усердно занимался садоводствомъ при своей усадьбѣ, возлѣ г. Бреста".

Изъ литературныхъ его трудовъ намъ извѣстны слѣдующіе: 1) „Братья—близнецы", романъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, напечатанный въ „Библіотекѣ для чтенія" Дружинина за 1857 годъ и переведенный на нѣмецкій языкъ. 2) „Разсказъ изъ крестьянскаго быта Малороссіи". С.-Петербургъ 1858. (Изъ „Сѣверной Пчелы за 1857 и 1858 годы). 3) „Сотникъ Петро Серпъ". Быль XVII столѣтія. С.-Петербургъ 1858. 4) Рецензія на малороссійскій литературный сборникъ Мордовцева, въ „Отечеств. Запискахъ" за 1859 г. (№ 9, т. 126). 5) „Воспоминаніе о Гоголѣ" въ 4 № „Отечеств. Записокъ" за 1859 годъ. 6—7) Переводъ на русскій языкъ повѣстей Квитки: „Свѣтлый праздникъ мертвецовъ" и „Солдатскій портретъ". С.-Петербургъ 1860 года. 8) Переводъ на русскій языкъ повѣсти Квитки „Козырь—дівка". С.-Петербургъ 1861. 9) „Стехинъ Рогъ", повѣсть. въ „Основѣ" за январь, 1861 г. 10) „Матусине благословення", малороссійская повѣсть въ журналѣ „Основа" за сентябрь 1861 г. 11—33) двадцать три малороссійскія повѣсти и пьесы, помѣщавшіяся сначала (не всѣ) въ журналѣ „Основа" за 1861 и 1862 годы и въ 1863 году вышедшія особымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ „Українські оповідання" [1]). 34) „Изъ портфеля чиновника", въ 1 № „Отечественныхъ Записокъ" за 1863 г. 35) „Тетушкина молитва" во 2 № «Отечественныхъ Записокъ" за 1864 г. 36) „Видѣніе въ Несвижскомъ замкѣ", въ „Вѣстникѣ Западной Россіи" за декабрь 1864 г. 37) „Встрѣча вновь назначеннаго довудцы" (комедія въ одномъ дѣйствіи) тамъ же, за ноябрь 1865 года и особымъ оттискомъ [2]). 38) Эпизодъ изъ поѣздокъ по сѣверо-западному краю Россіи", тамъ же, за 1865 г., кн. IV. 39) „Марко проклятий". Поэма на малороссійскомъ языкѣ изъ преданій и повѣрій запорожской старины. Одесса, 1879 г. 40) «Былое не минувшее»,—доселѣ не изданное сочиненіе.

Изъ этихъ сочиненій и переводовъ А. П. Стороженка четырнадцать на русскомъ языкѣ и двадцать шесть на малорусскомъ. Главнѣйшая разница между тѣми и другими состоитъ исключительно въ языкѣ. „Стороженко прекрасно владѣлъ малороссійскимъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ едва ли не первое мѣсто въ ряду

---

[1]) Перепечатки и переводы украинскихъ повѣстей и разсказовъ Стороженка означены въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 г. Послѣ изданія этого „Покажчика" вышли въ Кіевѣ", въ 1883 г., особыми брошюрами: „Вуси", „Межигорский дідъ" и „Не въ добрий часъ".

[2]) Въ „Вѣстникѣ Западной Россіи" подъ этой комедіей нѣтъ фамиліи Стороженка, но она значится подъ особымъ оттискомъ комедіи.

малороссійскихъ писателей. Онъ усвоилъ себѣ ту образность, пластичность языка, которая придаетъ такой оригинальный колоритъ рѣчи малоросса и дѣлаетъ ее особенно малороссійскою рѣчью, а не русскою, въ которой русскія слова замѣнены только малороссійскими“ [1]). Что же касается содержанія произведеній А. П. Стороженка, то, за исключеніемъ двухъ его повѣстей изъ русскаго быта „Изъ портфеля чиновника“ и „Тетушкина молитва“ и неизданнаго сочиненія „Былое не минувшее“, всѣ остальныя относятся къ исторіи и этнографіи Малороссіи и отличаются частью идеализаціей Украины, частію ультра-русскимъ направленіемъ, въ духѣ покойнаго „Вѣстника юго-западной Россіи“. въ которомъ онъ принималъ въ послѣднее время дѣятельное участіе.

Мнѣніе о внутреннихъ достоинствахъ произведеній А. П. Стороженка еще не установилось прочно. Въ былое время его считали однимъ изъ лучшихъ знатоковъ запорожскаго быта и первоклассньмъ писателемъ украинскимъ. П. П. Гулакъ-Артемовскій, прочитавши рукописную поэму его „Марко проклятый“, своею рукою написалъ: „зъ роду лучшого не читавъ, и до смерти вже не прочитаю“. Журналъ „Основа“, помѣщая на своихъ страницахъ его разсказы изъ народныхъ устъ, считалъ ихъ образцовыми въ своемъ родѣ и особенно интересовался его разсказами изъ стариннаго запорожскаго быта. „Разсказы запорожца Коржа,—говоритъ Кулишъ,—были записаны архіепископомъ Гавріиломъ. по указанію А. П. Стороженка, тому назадъ около 20 лѣтъ (слѣдов , около 1840 г.). Такъ какъ А. П. Стороженко зналъ запорожца Коржа лично и, сверхъ того, бесѣдовалъ съ другими подобными ему „січовиками“, то мы не теряемъ надежды, что онъ исполнитъ нашу неотступную просьбу написать для „Основы“ устное повѣствованіе всѣхъ ихъ по памяти и по книгѣ архіепископа Гавріила, на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ совершенствомъ“ [2]). А. П. Стороженко отчасти исполнилъ эту неотступную просьбу „Основы“, но не удовлетворилъ всѣхъ ея читателей и даже почитателей его таланта, такъ какъ избралъ дѣятельность особаго рода, которая не показывала въ немъ особеннаго политическаго и общественнаго пониманія [3]). Позднѣйшіе же собиратели памятниковъ устной народной украинской словесности, какъ напр. И. Рудченко, не видятъ

---

[1]) „Современникъ“, 1863 г. № 8: „Русская литература“, стр. 129.

[2]) „Основа“, за январь 1862 г.: библіографія, стр. 45. Разсказы Коржа изданы особой книгой: „Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Коржа. Одесса, 1842“.

[3]) „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, 2 изд., т. 1, 1879.

въ его разсказахъ изъ народныхъ устъ этнографической точности [1]) Это и неудивительно. Алексѣй Петровичъ жилъ и воспитывалъ свой литературный талантъ при иныхъ условіяхъ и литературныхъ взглядахъ, когда и серьезные ученые, какъ напримѣръ Максимовичъ, Срезневскій и Водянскій, строго не различали чисто народныхъ пѣсенъ и сказокъ отъ сочиненныхъ и даже сами позволяли себѣ дополнять и подкрашивать малороссійскія народныя пѣсни и сказки. Но у А. П. Стороженка это подкрашиванье доходило до крайности, такъ что извѣстное народное произведеніе давало ему иногда только поводъ къ свободной дѣятельности фантазіи. „Наша чудная украинская природа,— говоритъ Стороженко въ своей повѣсти „Закоханий чортъ“,— согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ. Какъ сѣмя зрѣетъ на нивѣ и складывается въ копны и стоги, такъ и оно, это сѣмя, запавши въ сердце и душу, зрѣетъ словеснымъ колосомъ и слагается въ народные разсказы и легенды“. Эти слова нужно отнести не только къ народнымъ украинскимъ произведеніямъ, но и къ украинскимъ разсказамъ самого Стороженка, который рисуетъ въ нихъ Малороссію какою то сказочною страною, гдѣ люди живутъ во всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованцы, поютъ пѣсенки, да кохаются съ чернобривыми красотками. Счастливые обитатели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ. „Чудная природа, согрѣтая полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ... тихій вѣтерокъ щекочетъ.. лѣса обнимаютъ прохладою... горлица нашептываетъ сердцу что-то такое, что заставляетъ сердце млѣть и трепетать“ и проч [2]) Сама редакція «Основы» замѣтила игривость фантазіи у Стороженка въ его украинскихъ разсказахъ и въ примѣчаніи къ повѣсти „Се та баба, що чортъ їй на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ“ говоритъ слѣдующее: „народъ нашъ — великій и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно свѣжія и здоровыя *зерна для дальнѣйшаго творчества*. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону рѣчи, придавая своимъ произведеніямъ все величіе народной поэтической красоты и граціи. На этотъ небольшой разсказъ г. Стороженка обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, народное сказанье, народная пословица часто служили только тэмою для дальнѣйшаго творчества Сто-

---

[1]) Предисловіе къ первому выпуску „Южнорусскихъ народныхъ сказокъ“, 1869 г. стр. VII.

[2]) „Современникъ“, 1863 г., № 82: „Русская литература“, стр. 123.

роженка, который при этомъ пользовался народными преданіями и повѣрьями въ видѣ орнамента, съ особымъ указаніемъ на нихъ въ примѣчаніяхъ, какъ напримѣръ въ упомянутой уже повѣсти „Закоханий чортъ". Въ этомъ отношеніи произведенія А. П. Стороженка представляютъ нѣкоторую параллель съ повѣстями Гоголя изъ украинскаго быта и, можетъ быть, имѣли въ виду восполнить то, чего недоставало Гоголю, по мнѣнію нѣкоторыхъ украинофиловъ, т. е. малорусскаго языка. Игривость фантазіи у Стороженка—такая же, какъ и у Гоголя въ его украинскихъ повѣстяхъ, и такое же смѣшеніе чудеснаго съ дѣйствительнымъ. Мы увидимъ впослѣдствіи даже частнѣйшіе пункты соприкосновенія между украинскими повѣстями Гоголя и произведеніями Стороженка Но, при нѣкоторыхъ сходныхъ чертахъ въ произведеніяхъ обоихъ этихъ писателей, вт творческой ихъ дѣятельности есть и значительная разница От болѣе или менѣе фантастическихъ украинскихъ повѣстей Гоголь перешелъ впослѣдствіи къ созданію реальныхъ типовъ, живьемъ выхваченныхъ изъ русской дѣйствительности. Но А. П. Стороженко не имѣлъ того дара читать людскія сердца, какой онъ подмѣтилъ въ 18-лѣтнемъ Гоголѣ,—и образы дѣйствительныхъ предметовъ нерѣдко испаряются въ его произведеніяхъ въ заоблачную, безцѣльную игру фантазіи. Читая его произведенія, иногда недоумѣваешь, какая реальная подкладка его разсказа, что онъ хотѣлъ сказать и съ какою цѣлью написалъ его. Таковы, напримѣръ, первыя его украинскія повѣсти: „Стехинъ рогъ", «Закоханий чортъ», „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ" и др.

По содержанію своему, произведенія А. П. Стороженка изъ украинскаго быта распадаются на два отдѣла: этнографическія и историческія Въ тѣхъ и другихъ одинаково замѣчается избытокъ фантазіи автора; но тогда какъ первыя легко могутъ быть провѣрены современными этнографическими матеріалами,—его историческія повѣсти изъ стариннаго запорожскаго быта, съ уничтоженіемъ въ настоящее время и слѣдовъ этого быта, возбуждаютъ чувство нѣкотораго неудовольствія на автора за то, что онъ, имѣвши случай бесѣдовать съ послѣдними представителями запорожскаго быта, не воспроизвелъ въ подлинномъ видѣ ихъ сказаній, но передалъ въ формѣ искусственныхъ повѣстей, въ которыхъ трудно отличить дѣйствительное отъ вымышленнаго

Къ повѣстямъ этнографическаго свойства у А. П. Стороженка относятся: „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ", „Скарбъ", „Жонатий чортъ", „Сужена", „Два брати", „Дурень", „Не въ добрий часъ" и другіе. Къ нимъ же можно отнести разсказы: „Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ" и „Вуси". Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей.

Въ первой изъ нихъ разсказывается, какъ чортъ, будучи самъ не въ состояніи поссорить счастливыхъ супруговъ Якова и Катерину, обратился за помощью къ ехидной, хитрой и лукавой бабѣ и обѣщалъ ей за услугу красные чоботы съ серебряными подковками. Баба нашептала Якову, что его Катерина влюбилась въ Семена Прудкаго и намѣрена зарѣзать мужа, когда будетъ искать у него въ головѣ, а Катеринѣ сказала, что вдова Бистриха приворожила къ себѣ ея Якова, и посовѣтовала, для уничтоженія чаръ Бистрихи, отрѣзать у соннаго мужа клокъ волосъ. Супруги послушались злой бабы. Однажды Яковъ притворился спящимъ, подстерегъ Катерину съ острымъ ножемъ надъ своей головой и этимъ же самымъ ножемъ зарѣзалъ ее за мнимое покушеніе на убійство. Чортъ такъ пораженъ былъ успѣхомъ злой бабы, что боялся близко подойти къ ней и передалъ ей обѣщанные чоботы на маховыхъ вилахъ. Въ цѣльномъ видѣ такого разсказа мы не встрѣчали ни въ одномъ чисто народномъ произведеніи, но знаемъ нѣсколько пословицъ о злобѣ женской, которыя, по всей вѣроятности, и послужили тэмою для разсказа Стороженка. Такова, напримѣръ, пословица: «гдѣ чортъ не сможетъ, тамъ бабу пошли». Маховыя вилы, которыми чортъ передавалъ злой бабѣ чоботы, напоминаютъ одну южнорусскую сказку въ собраніи И. Рудченка: но здѣсь баба борется съ чортомъ черезъ плетень вилами и побѣждаетъ его [1]).

Разсказъ подъ заглавіемъ „Скарбъ" изображаетъ немыслимаго въ дѣйствительномъ мірѣ лѣнтяя, которому однако удивительно везетъ счастье. Лѣнтяй этотъ, Павлусь, былъ единственный сынъ у своихъ родителей, любимецъ и баловень своей матери. Старуха-мать умерла, простудившись въ то время, когда пошла отыскивать меду для своего сына; умеръ и старикъ-отецъ. Павлусь остался на попеченіи наймички и ея мужа и только и зналъ, что ѣлъ да пилъ. Лежа подъ яблоней, онъ лѣнился даже толкнуть яблонь ногою, чтобы посыпались ему въ ротъ яблоки. „Розбудить его наймичка вечерятн, нагодуе, здийме свитину, чоботи, покладе на перину, а вінъ тільки вже самъ засне". Однажды парубки позвали его «на зелену неділю» искать „скарба", т. е. клада; но Павлусь не пошелъ,—и парубки, возвращаясь съ поисковъ, въ насмѣшку бросили ему въ окно дохлаго „хорта" (собаку), который оказался кладомъ и разсыпался въ хатѣ деньгами. Павлусь разбогатѣлъ, женился и имѣлъ дѣтей. „Завидуете щастю мого Павлуся,—заключаетъ Стороженко свой разсказъ,—а ніхто бъ не схотівъ бути Павлусемъ". И этотъ разсказъ не принадлежитъ въ цѣльномъ видѣ народной фан-

---

[1]) „Южнорусскія народныя сказки" И. Рудченка, вып. I, 1869 г., стр. 52—54: „Чортъ и баба".

тазіи и представляетъ собою какъ бы мозаическое изображеніе, сдѣланное изъ разныхъ кусочковъ. Существуетъ въ народѣ насмѣшливая присказка о матушкиномъ сынкѣ—лѣнтяѣ, который проситъ свою маму накормить его, уложить въ постель, закрыть и перекрестить, а заснуть обѣщается самъ. По другому разсказу, слышанному, впрочемъ, на сѣверѣ Россіи, Лѣнь и Тварь лежали подъ яблонью, какъ и Павлусь въ повѣсти Стороженка. Лѣнь говоритъ: „кабы это яблочко да упало ко мнѣ въ ротъ"! На это Тварь замѣчаетъ: „какъ тебѣ, Лѣнь, хочется говорить-то"! Подробныя присказки и прибаутки сшиты въ одно цѣлое въ разсматриваемой повѣсти.

Ближе къ народнымъ сказаніямъ стоятъ разсказы А П. Стороженка: „Жонатый чортъ" и „Два брати". Первый изъ нихъ есть не что иное, какъ вольный пересказъ общераспространенной сказки, изданной у Рудченка подъ заглавіемъ „Зла Химка и чортъ" [1]). Мужикъ и чортъ, оба пострадавшіе отъ злой жены, дѣлаютъ между собою, на извѣстный срокъ, условіе, по которому чортъ будетъ входить въ утробы женщинъ, а мужикъ, за хорошее вознагражденіе, будетъ яко-бы выгонять оттуда чорта. Такъ они и дѣлали. По окончаніи срока условія, чортъ забрался въ утробу княжны и не хотѣлъ выходить оттуда, а между тѣмъ князь, подъ угрозою смертной казни, требовалъ отъ мужика, чтобы онъ вылечилъ его дочь. Тогда мужикъ вспомнилъ о злой женѣ и напугалъ ею чорта: „тікай, чорте, жінка йде!" Чортъ испугался и убѣжалъ.

Разсказъ Стороженка „Два брати" есть осложненная нѣкоторыми подробностями варьяція народнаго разсказа о „двухъ доляхъ" [2])

Лучшими въ этнографически-бытовомъ отношеніи мы считаемъ разсказы А. П. Стороженка: „Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ" и „Вуси". Оба они дышатъ житейскою правдою, хотя нѣсколько и утрированы. Первый изъ этихъ разсказовъ рисуетъ лѣнивую Палажку, которую пріучили къ работѣ въ домѣ ея свекра голодомъ. Передъ обѣдомъ свекоръ обыкновенно спрашивалъ своихъ домочадцевъ, кто-что дѣлалъ, и давалъ ѣсть соразмѣрно съ работою. Сначала Палажка ничего не дѣлала и оставалась голодною; на другой день она воды принесла, на третій кашу замѣшивала и мало помалу втянулась въ работу, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала получать и полный обѣдъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ отецъ навѣдать ее и, къ величайшему удив-

---

1) Тамъ же, стр. 57 и сл.

2) „Отеч. Записки" 1840 г., кн. II, смѣсь. Сн. „Малорусскія народныя преданія и разсказы", 1876 года, стр. 182 и сл., и выше о Л. Боровиковскомъ.

ленію своему, засталъ ее за работою Зная обычай своего свекра, Палажка дала и отцу своему пять „шкуратокъ“ (кусокъ засохшей кожи), чтобы дать ему право на обѣдъ у свекра.—Другая повѣсть „Вуси“ (усы) переноситъ насъ въ другой, чиновничій міръ и въ комическомъ видѣ сопоставляетъ наивную простоту и патріархальность нравовъ малороссійскаго уѣзднаго дворянства съ чопорною кичливостію губернскаго предводителя дворянства, лоскированнаго на столичный ладъ. Разсказъ ведется отъ лица дворянина, выбраннаго въ засѣдатели По требованію губернскаго предводителя дворянства, онъ отправляется съ своими товарищами въ Полтаву явиться къ нему лично. Здѣсь визитную книгу предводителя дворянства они приняли, по своей наивности, за обыкновенный деревенскій альбомъ и написали въ немъ разные стишки и глупости. Гнѣвно принялъ ихъ предводитель за эту невинную выходку, нашелъ неформенными ихъ длинные усы и велѣлъ ихъ сбрить. Разскащикъ сбрилъ свои усы, но послѣ этого самъ не узналъ себя, и домашніе встрѣтили его съ испугомъ и слезами. Дѣло, впрочемъ, кончилось благополучно: одинъ изъ мѣстныхъ уѣздныхъ юристовъ отыскалъ въ законахъ статью, разрѣшающую отставнымъ военнымъ носить усы и на гражданской службѣ. Эта повѣсть Стороженка была въ свое время едва ли не самою популярною изо всѣхъ его повѣстей.

Вообще же, всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней каррикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что тэмы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній.

Комическій элементъ въ значительной мѣрѣ замѣтенъ и въ историческихъ повѣстяхъ, поэмахъ и драмахъ Стороженка, но онъ не является здѣсь преобладающимъ: рядомъ съ нимъ выступаютъ и серьезные мотивы. Впрочемъ, и въ этихъ произведеніяхъ много вымысла и мало правдоподобія. Болѣе фантастичны и менѣе правдоподобны историческія произведенія Стороженка изъ XVII вѣка, какъ болѣе отдаленнаго отъ него,— тогда какъ разсказы изъ позднѣйшаго быта Запорожья, съ представителями котораго онъ былъ лично знакомъ, можетъ быть, имѣютъ дѣйствительное историческое основаніе. Къ историческимъ произведеніямъ перваго разряда относятся: поэма „Марко проклятий“, „Матусине благословення“, „Стехинъ рогъ“, „Закоханий чортъ“; къ историческимъ произведеніямъ втораго разряда—„Оповідання Грицька Клюшника“, „Братья близнецы“, „Гаркуша“, „Межигорський дідъ“, „Кіндратъ Бубненко-Швидкій“ и „Голка“.

Выше всего цѣнилъ А. П. Стороженко свою поэму „Марко проклятий“. „Это—отверженный скиталецъ,— говоритъ Стороженко,— котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: „товчéцця якъ Марко по пеклу“. Стало быть, въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о похожденіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ многое собрать. По народнымъ преданіямъ, похожденія Марка относятся до далекихъ временъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 года, бывшею послѣдствіемъ возстанія Хмельвицкаго.. Поэма моя выношена подъ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ“.—На это мы прежде всего замѣтимъ, что если существуетъ въ народѣ поговорка о Маркѣ въ пеклѣ, то отсюда не слѣдуетъ заключать о томъ, что въ изустномъ преданіи народа непремѣнно существуетъ или существовала и легенда о похожденіяхъ Марка. Малорусская пословица „товчецця якъ Марко по пеклу“, по словамъ г. Крыжановскаго, есть буквальный переводъ польской пословицы Wykręcisię jak Marek w pieklie. Она, по сознанію многихъ папистовъ, принесена была въ Польшу съ флорентинскаго собора и составлена для осмѣянія Марка Ефесскаго, съ такою твердостію возстававшаго противъ ухищреній католиковъ [1]). Если же такъ, то едва ли не напрасны были тридцатилѣтніе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о похожденіяхъ Марка проклятаго. До сихъ поръ мы ничего не имѣемъ изъ устъ народа ни о какомъ Маркѣ, кромѣ Марка богатаго, который, однакоже, не имѣетъ никакого отношенія къ герою поэмы Стороженка. Типъ Марка проклятаго созданъ у него подъ вліяніемъ сказаній о вѣчномъ жидѣ и, можетъ быть, на основаніи нѣкоторыхъ безъименныхъ легендарныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшникѣ [2]). Есть также въ поэмѣ нѣкоторыя черты, роднящія ее съ произведеніями Гоголя. Поэма „Марко проклятый“ имѣетъ въ виду изобразить ту эпоху въ жизни малорусскаго народа, которую изобразилъ Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“, и такими же крупными, размашистыми штрихами. Личная судьба самого Марка проклятаго напоминаетъ судьбу героя гоголевской повѣсти „Страшная месть“. Въ послѣдней разсказывается, что при Стефанѣ Баторіѣ жили два козака, Иванъ и Петръ, и жили дружно, какъ братъ съ братомъ; наконецъ, Петръ, изъ зависти, рѣшился погубить своего названнаго брата Ивана и столкнулъ его съ

---

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей“, 1860 г., т. I, стр. 300.

[2]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 130—132. „О кровосмѣсителѣ и разбойникѣ“.

малюткой сыномъ въ глубокій провалъ между карпатскими горами. На судѣ Божьемъ Иванъ просилъ Господа сдѣлать такъ, чтобы все потомство измѣнника Петра не имѣло на землѣ счастія, чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и чтобы отъ каждаго его злодѣйства дѣды и прадѣды его не имѣли бы покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ. „И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку,—говорилъ Иванъ,— подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ этой горы въ самый глубокій провалъ". Послѣдній изъ потомковъ вѣроломнаго Петра и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ повѣсти Гоголя „Страшная месть". Это былъ колдунъ, который зарѣзалъ свою жену, убилъ своего зятя и внука, хотѣлъ обольстить свою родную дочь и убилъ святаго старца—схимника, признавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, которому нѣтъ помилованія. Гонимый внутреннимъ страхомъ, колдунъ вскочилъ на коня и направился—было черезъ Каневъ и Черкасы въ Крымъ, но, противъ собственной воли, заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону, къ карпатскимъ горамъ. Чудесный всадникъ ухватилъ колдуна рукою, поднялъ на воздухъ и бросилъ его въ пропасть. Въ то же время поднялись изъ земли мертвецы, вскочили въ пропасть, подхватили колдуна и вонзили въ него свои зубы. Нѣкоторые мотивы этой повѣсти, имѣющей основаніе въ народныхъ легендахъ о великомъ грѣшникѣ, примѣняются у А. П. Стороженка къ Марку проклятому, отецъ котораго жилъ и дѣйствовалъ тоже при Стефанѣ Баторіѣ. Будучи вскормленъ кровью вмѣсто матерняго молока, Марко сдѣлался неукротимымъ, кровожаднымъ человѣкомъ. Въ гнѣвѣ онъ чуть не убилъ отца своего, сожегъ вмѣстѣ съ хатою свою бывшую невѣсту и ея мужа, влюбился въ родную сестру и задавилъ прижитаго отъ нея своего сына и наконецъ убилъ свою сестру и мать. Тѣнь отца поднялась съ того свѣта и прокляла Марка: „проклынаю и я тебе, сыну, зъ того свиту; не прийме тебе ни земля, ни пекло; будешъ ты, оглашенный, якъ той Каинъ, блукаты по свиту до страшного суду, ажъ поки добрымы дилamы, та щырымъ покаяннемъ не спасешъ своеи души и загубленныхъ тобою душъ!.. Носыся-жъ по свиту зъ тяжкою твоею совистью и симы головамы, що суботы Божой будемо до тебе приходыть!" Съ послѣднимъ словомъ онъ кинулъ Марку отсѣченныя головы и пропалъ. И пошелъ Марко бродить по бѣлу—свѣту съ этими головами, совѣтовался съ монахами и попами, и одинъ только пустынникъ въ карпатскихъ горахъ обнадежилъ его милостію Божіею, если онъ будетъ исполнять святой законъ Господа и его волю не изъ корысти и благъ будущей жизни, а на утѣху и великую радость своей душѣ и сердцу. Былъ Марко и въ „пеклѣ", т. е. въ аду, куда путь

шелъ черезъ дупло, на высокой горѣ, въ галицкой землѣ. Тамъ онъ толкся по пеклу цѣлую ночь и поразгонялъ всѣхъ чертей; но загубленныя имъ души сказали ему: „тикай, Марку звидци! На симъ свити ты насъ не вырятуешь, а тильки на тимъ!" Съ тѣхъ поръ Марко, этотъ вѣчный украинскій жидъ, ходитъ со своею страшною сумою по бѣлому свѣту и творитъ добрыя дѣла, для спасенія себя и загубленныхъ имъ душъ. Въ войну Хмельницкаго съ поляками Марко являлся въ самыя критическія минуты и выручалъ козаковъ изъ бѣды, помогалъ раненымъ и погребалъ убитыхъ. Выбравшись изъ фантастическаго міра на историческую почву козацкихъ войнъ съ поляками, Стороженко обставляетъ своего героя эпизодами о Кривоносѣ, Вовхурянцахъ, Павлюгѣ и немировской рѣзнѣ, полученными совершенно изъ другихъ источниковъ. По словамъ Стороженка, эпизоды эти основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которые и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа. Разсказъ о Немировѣ переданъ Стороженкѣ 98-лѣтнимъ немировскимъ священникомъ, который на девятомъ году своего возраста былъ поводатыромъ у своего прадѣда, тоже столѣтняго старика, бывшаго свидѣтелемъ немировской рѣзни и ея послѣдствій. „Съ этой стороны, нѣкоторыя особенности, касающіяся быта Запорожья, дѣйствительно очень важны: это, въ своемъ родѣ, похоже на вновь открытый островъ среди океана". Въ нихъ отражается, по изустнымъ народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ, древній, почти первоначальный видъ Запорожья, его характеръ и міросозерцаніе.

Къ одному изъ эпизодовъ войны между козаками и поляками при Богданѣ Хмельницкомъ примыкаетъ своимъ содержаніемъ разсказъ Стороженка „Матусине благословення", который онъ собирался передать Н. В. Гоголю. На дворѣ у козака Тараса Самсоновича Коротая, между Ромнами и Прилуками, росъ вѣковой дубъ, называемый „Матусине благословення", подъ которымъ семейство обыкновенно обѣдало въ лѣтнюю пору. По поводу этого дуба хозяинъ разсказалъ автору слѣдующее. Пращуръ Коротая жилъ во времена Богдана Хмельницкаго, отличался громадною силою и участвовалъ въ дѣйствіяхъ Вовгурянцевъ на Волыни противъ князя Яремы Вишневецкаго. Въ одну изъ развѣдокъ Коротай увидѣлъ у криницы заплаканную дивчину, у которой польскіе жолнеры убили отца и брата, ранили матерь и сожгли домъ ея, вмѣстѣ съ селомъ. Коротай приходитъ съ дивчиной къ ея умирающей матери, соглашается жениться на Марусѣ,—и мать благословляетъ ихъ дубовымъ желудемъ, кромѣ котораго ничего другаго у нея не нашлось, и умираетъ. Коротай отправляетъ свою невѣсту на одинъ хуторъ, а самъ продолжаетъ воевать съ поляками. Между тѣмъ этотъ хуторъ былъ сожженъ, и жители его перешли на другую сторону Днѣпра. Коротай отыскалъ тамъ

свою Марусю и женился на ней, а жолудь посадилъ на дворѣ, и изъ него выросъ громадный дубъ.

Къ XVII-му же вѣку, приблизительно ко временамъ Богдана Хмельницкаго, относятся два фантастическіе разсказа: „Стехинъ рогъ" (мысъ) и „Закоханий чортъ", хотя они по своему содержанію безразлично могутъ быть отнесены къ какому угодно вѣку. Дѣйствіе перваго разсказа происходитъ на берегу Днѣпра, въ полтавской губерніи, еще при польскомъ владычествѣ. У бѣднаго рыбака съ женою была дочь красавица Стеха, до того скромная и стыдливая, что купалась ночью одна съ мыса. Однажды подмѣтилъ ее здѣсь водяной царь Синько-водяний, плѣнился красавицею и, чтобы овладѣть ею, устроилъ такъ, чтобы она загубила свою душу. Скоро послѣ этого пришли въ село жолнеры, и молодой ротмистръ ихъ влюбился въ Стеху, которая въ свою очередь полюбила его; ротмистръ обѣщалъ жениться на ней. Скоро ротмистръ отправился на войну въ туречину и утопленъ былъ водяникомъ въ волнахъ Дуная. Стеха съ горя бросилась въ Днѣпръ и такимъ образомъ загубила свою душу. Водяникъ ласково принялъ ее къ себѣ и предпочиталъ ее всѣмъ остальнымъ русалкамъ. Одна изъ нихъ изъ зависти превратила Стеху въ плотичку, которую поймалъ отецъ Стехинъ и принесъ домой. Здѣсь родители узнали въ плотичкѣ свою дочь и умолили за нее Бога. Водяникъ, узнавъ о пропажѣ Стехи, разъярился и поднялъ страшную бурю, вслѣдствіе которой оторвалась скала отъ берега и упала въ Днѣпръ, но не могъ получить обратно Стехи и выбросилъ ея тѣло на рогъ или мысъ. Здѣсь оно и погребено было, а мысъ сталъ называться „Стехинъ рогъ". Заключающіяся въ этой повѣсти сказанія о водяникѣ были бы весьма драгоцѣнны для насъ, если бы были достовѣрны. Къ сожалѣнію, мы не можемъ ручаться за ихъ чисто народное происхожденіе. Въ ней замѣтно только слабое отраженіе народныхъ вѣрованій о русалкахъ.

Еще менѣе народнаго элемента мы находимъ въ другой фантастической повѣсти Стороженка „Закоханий чортъ", хотя зерно этой повѣсти, по словамъ автора, получено отъ бывшаго січовика, 90-лѣтняго дѣда, пережившаго разореніе Сѣчи, который, въ свою очередь, слышалъ этотъ разсказъ отъ своего дѣда. Дѣдъ его Кирило былъ запорожецъ—характерникъ и знался съ вѣдьмами и чертями. Потерявши коня въ боевой схваткѣ съ татарами, онъ пошелъ въ слободы искать другаго коня и дорогою остановился переночевать въ лѣсу. Здѣсь подмѣтилъ онъ сцену любовнаго свиданія чорта съ вѣдьмою, которая, однако же, соглашалась отдаться чорту на десять лѣтъ не иначе, какъ подъ условіемъ исполнить одно ея желаніе. Чортъ согласился. Въ свидѣтели договора приглашенъ былъ дѣдъ Кирило. Вѣдьма пожелала спасенія. При посредничествѣ Кирила, чортъ согласился и на это и даже самъ отвезъ Кирила съ вѣдьмою во св. горы къ пустыннику. Пустынникъ за-

творилъ вѣдьму въ пещеру, а Кирилѣ далъ противъ дьявола крестъ, при помощи котораго Кирилю ѣздилъ на чортѣ пять лѣтъ, какъ на добромъ конѣ. Въ заключеніе черти разрываютъ закоханаго чорта въ клочки, а вѣдьма Одарка избавляется отъ дьявола и выходитъ замужъ за Кирила. Кромѣ общаго представленія о вѣдьмахъ и обманутомъ кривомъ чортѣ, мы не находимъ народныхъ элементовъ и мотивовъ въ этомъ разсказѣ, который мѣстами скорѣе напоминаетъ намъ нѣкоторые эпизоды изъ украинской повѣсти Гоголя „Ночь накануне Рождества", гдѣ чортъ также ухаживаетъ за вѣдьмою.

Чѣмъ болѣе удаляется Стороженко въ своихъ историческихъ повѣстяхъ отъ XVII вѣка и приближается къ своему времени, тѣмъ болѣе его произведенія получаютъ правдоподобіе и реальный характеръ. Первая, по старшинству содержанія, повѣсть Стороженка въ этомъ родѣ есть „Дорошъ" изъ „Оповідань Грицька Клюшника". Герой разсказа „Дорошъ", по разореніи Сѣчи въ 1709 году, удалился съ другими запорожцами въ Алешки, гдѣ и осадились они въ 1712 году. Но въ 1733 году часть запорожцевъ возвратилась въ Россію и осадила новый кошъ на рѣкѣ „Підпольній". Дорошъ былъ войсковымъ эсауломъ запорожскимъ въ Алешкахъ, вернулся съ другими запорожцами въ Россію въ 1733 году, размѣрялъ окопы и дѣлалъ раскаты для новаго коша. На старости лѣтъ онъ ушелъ въ степь, сѣлъ зимовникомъ и завелъ пасѣку, проводя пустынническую жизнь. Въ то время татары еще дѣлали набѣги на южную Русь, а гайдамаки преслѣдовали татаръ. Дорошъ не боялся ни тѣхъ, ни другихъ, и однажды спасъ жизнь татарину Чортенку отъ своеволія гайдамаковъ. Какъ бы для того, чтобы больше оттѣнить простую и патріархальную жизнь Дороша, авторъ выводитъ на сцену хвастливаго шляхтича Бужинскаго, который забрался ночью въ таинственный лѣсъ и едва былъ вытащенъ изъ болота.

„Межигорскій дідъ—оповіданне бабусі" передаетъ незначительныя черты изъ жизни запорожцевъ XVIII вѣка со словъ бывшаго запорожца межигорскаго дѣда, и упоминаетъ о нѣкоторыхъ запорожскихъ думахъ. При незначительности содержанія, этотъ разсказъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что удачно схватываетъ и характеризуетъ болтливость безпамятной старухи-разскащицы, постоянно сбивающейся въ сторону отъ разсказа.

Драматическія картины „Гаркуша" и историческій романъ „Братья близнецы" относятся къ одному и тому же времени и даже оба говорятъ объ одномъ и томъ же героѣ Гаркушѣ, съ тою только разницею, что въ первомъ произведеніи Гаркуша является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а во второмъ онъ играетъ второстепенную роль.

Драматическія картины „Гаркуша" идеализируютъ этого разбойника, который надѣленъ у автора красотою, удальствомъ и храбростью,

умомъ и образованіемъ, великодушіемъ и добрымъ сердцемъ. Онъ похищаетъ у стараго сотника Бутуза молодую жену его Марусю, которая, въ свою очередь, полюбила его, не зная, что онъ разбойникъ; онъ убиваетъ подчиненнаго ему старшину разбойниковъ Помело за грубое обращеніе съ дивчатами, беретъ въ плѣнъ самого сотника Бутуза и издѣвается надъ нимъ. Погулявши съ сотничихой, Гаркуша возвращаетъ ее домой. Здѣсь по подаркамъ отъ Гаркуши она узнаетъ, что ея коханокъ есть знаменитый въ то время разбойникъ Гаркуша; но тѣмъ не менѣе она бросаетъ навсегда своего стараго мужа, идетъ за Гаркушею и уговариваетъ его идти на войну противъ турокъ. По словамъ запорожцевъ, Гаркуша дѣйствительно участвовалъ въ турецкой войнѣ 1768 года и умеръ въ Молдавіи отъ чумы [1]).

Въ видѣ эпизода, этотъ же самый разсказъ о Гаркушѣ вводится и въ историческій романъ Стороженка „Братья близнецы", писанный на русскомъ языкѣ; но здѣсь Гаркуша играетъ второстепенную роль. Главными героями романа являются братья близнецы, Иванъ и Семенъ Бульбашки, сыновья мелкихъ украинскихъ помѣщиковъ. Они учились сначала у мѣстнаго дьякона, а потомъ у переяславскаго бурсака Галушки, который преподавалъ имъ грамматику, ариѳметику, географію и исторію. Во время дѣтства братьевъ, однажды весь околодокъ встревоженъ былъ вѣстью о приближеніи разбойника Гаркуши съ шайкою. Окрестные помѣщики, разные Капельки, Малинки, Покрышки, Драбины, и т. п., держатъ военный совѣтъ и собираютъ ополченіе противъ разбойника, подъ командою Драбины. Не смотря на всѣ предосторожности, Гаркуша легко и свободно проникъ въ домъ Бульбашекъ и уже совсѣмъ было хотѣлъ ограбить ихъ; но его поразили здѣсь храбрость и неустрашимость маленькаго Семенка, который угрожалъ Гаркушѣ саблею, безстрашно стоялъ передъ направленнымъ на него дуломъ и отвергнулъ предложеніе Гаркуши побрататься съ нимъ. Уважая въ мальчикѣ эти качества, Гаркуша не только отмѣнилъ свое намѣреніе ограбить Бульбашекъ, но и побратался съ матерью Семенка. Въ качествѣ названнаго ея брата, онъ попировалъ у Бульбашекъ и къ утру улетѣлъ со своей шайкой, не оставивъ и слѣда. Поздно узналъ Драбина объ этомъ набѣгѣ. Явившись со своимъ ополченіемъ къ Бульбашкамъ, онъ падаетъ отъ внутренняго волненія, передаетъ храброму Семенку саблю Богдана Хмельницкаго и вскорѣ умираетъ. Скоро о Гаркущѣ и слухъ замолкъ. Молодые Бульбашки подростали и готовились въ козаки. Но въ Будищахъ на ту пору квартировалъ армейскій батальонъ, командиръ кото-

---

[1]) См. историческія свѣдѣнія о Гаркушѣ въ „Кіевской Старинѣ", за мартъ, 1883 г., не совсѣмъ сходныя съ преданіями у Стороженка.

раго майоръ Красноскуловъ познакомился съ Бульбашками и убѣдилъ ихъ отдать своихъ сыновей не въ козаки, а въ армію, и именно къ нему въ батальонъ. Иванъ и Семенъ поступили подъ команду Красноскулова и начали военную службу на глазахъ родителей. Между тѣмъ, дѣйствія русскихъ войскъ противъ Барскихъ конфедератовъ и сожженіе Балты подали Турціи поводъ объявить войну Россіи. Вслѣдствіе этого русскія войска стали подвигаться къ предѣламъ Турціи. Туда же направленъ былъ и батальонъ Красноскулова, въ которомъ служили молодые Бульбашки. Дорогой они посѣщаютъ Субботово и Кириловскій монастырь, настоятель котораго архимандритъ Мелхиседекъ даритъ имъ по саблѣ. Наконецъ, они являются въ дѣйствующую армію, участвуютъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, получаютъ раны и подвергаются большой опасности, отъ которой спасаютъ слуга ихъ Захарко и Гаркуша. Послѣдній извѣщаетъ свою названную сестру о состояніи здоровья ея дѣтей. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, братья берутъ отставку и возвращаются домой въ майорскихъ чинахъ, но уже не застаютъ въ живыхъ своего отца. Иванъ женится на дочери Пампушки Галѣ, а Семенъ на подругѣ Гали Любинькѣ, жившей у своей тетки, скряги Ховайлихи. Долго они жили счастливо и мирно, но по смерти своей матери раздѣлились и скоро поссорились изъ-за неправильнаго хода въ карточной игрѣ. Оба они стали постепенно сохнуть и примирились только передъ смертью, въ той самой комнатѣ, въ которой родились 50 лѣтъ назадъ.

И въ этомъ романѣ есть нѣсколько подробностей, заимствованныхъ изъ устныхъ преданій и разсказовъ. Такъ, напримѣръ, о Гаркушѣ разсказывалъ автору въ Екатеринославѣ запорожецъ Коржъ, столѣтній старецъ, знавшій Гаркушу еще до побѣга его изъ Коша. Разсказъ о геройскихъ подвигахъ на войнѣ Захарки, слуги Бульбашекъ, взятъ, по словамъ автора, съ истиннаго происшествія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это первое по времени произведеніе Стороженка во многихъ мѣстахъ носитъ на себѣ явные слѣды подражанія Гоголю. Старики Бульбашки живутъ такою же патріархальною жизнію, какъ Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ Гоголя. Воспитатель молодыхъ Бульбашекъ, бурсакъ Галушка, описывается такими же чертами, какими бурсакъ въ повѣсти Гоголя „Вій“. Сосѣди Бульбашекъ—Дудки, Передеріи, Кныши, Малинки и проч., напоминаютъ намъ типы мелкопомѣстныхъ дворянъ въ поэмѣ Гоголя „Мертвыя души“. Скряга Ховайлиха есть не что иное, какъ Гоголевскій Плюшкинъ въ юбкѣ. Наконецъ, ссора братьевъ Бульбашковъ и смерть ихъ довольно точно воспроизводятъ повѣсть Гоголя о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Можетъ быть, колебаніе Стороженка между разными источниками, т. е. устными преданіями

съ одной стороны и произведеніями Гоголя съ другой, были причиною того, что разсматриваемый романъ не имѣетъ выдержанности и единства плана и отличается эпизодичностью и отступленіями отъ главнаго предмета.

Разсказъ А. П. Стороженка, подъ заглавіемъ „Кіндратъ Бубненко-Швидкий“, названъ по имени главнаго лица, столѣтняго запорожца, котораго авторъ зналъ лично въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Съ виду онъ казался шутникомъ и проказникомъ и даже юродивымъ старикомъ, но въ душѣ любилъ правду и чистоту сердечную и своими смѣшными выходками преслѣдовалъ только нехорошихъ людей. Послѣ уманьщины, поляки вырѣзали его семью, кромѣ дочери, которую одинъ панъ взялъ къ себѣ въ наложницы. Самъ онъ, приговоренный къ смертной казни, убѣжалъ отъ ляховъ изъ каменной башни. Кіндратъ Бубненко-Швидкий умеръ въ 1827 году въ день пасхи, и могила его окружена народною любовію.

Разсказъ подъ заглавіемъ „Прокіпъ Ивановичъ“ изъ „Оповіданъ Грицька Клюшника“ говоритъ уже объ участи запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи Текеліемъ въ 1775 году. Послѣ этого событія, одни изъ запорожцевъ пошли въ Черноморію, другіе—во владѣнія султана турецкаго, третьи—на Украйну. Между послѣдними были Прокіпъ Ивановичъ и Грицько Клюшникъ. Они встрѣтились съ однимъ добрымъ паномъ, поселились на его земляхъ, женились и обзавелись хозяйствомъ, но все-таки отличались дикимъ характеромъ січовиковъ и неподкупною правдивостію. Что же касается січовиковъ, отправившихся въ Черноморію, то ихъ отчасти касается извѣстная уже намъ повѣсть Стороженка „Закоханий чортъ“. Разсказчикъ ея, старый дѣдъ, не желая быть, послѣ разоренія Сѣчи, панскимъ, отправился съ семействомъ въ Черноморію, но въ степяхъ лишился сына, дочери и жены и изъ Черноморіи снова вернулся на родину и скитался здѣсь въ теченіи тридцати лѣтъ.

Этимъ и исчерпывается содержаніе историческихъ повѣстей Стороженка изъ запорожскаго быта. Есть еще одна историческая повѣсть „Голка“, но она касается уже другой среды и говоритъ объ извѣстномъ панѣ Каневскомъ (графѣ Потоцкомъ), прославившемся своимъ самодурствомъ и выходками. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ Потоцкій убилъ одного чужаго жида вмѣсто птицы и заплатилъ за него цѣлымъ возомъ своихъ жидовъ, какъ убилъ Вондарівну за то, что она не хотѣла отдаться ему, и особенно останавливается на исторіи съ иголкой. Дѣло въ томъ, что Потоцкій во время своихъ разъѣздовъ имѣлъ при себѣ иголку съ ниткой, чтобы, въ случаѣ нужды, починить свою одежду, и требовалъ, чтобы и другіе слѣдовали его примѣру. Однажды онъ велѣлъ отдуть нагайками шляхтича Кондратовича за то, что этотъ не имѣлъ при себѣ иголки съ ниткой; но и Кондратовичъ отплатилъ ему

тѣмъ же самымъ. Узнавъ, что Потоцкій ходитъ по субботамъ въ каплицу одинъ, въ рубищѣ нищаго, молиться Богу, Кондратовичъ подстерегъ его здѣсь и сташно избилъ его за то, что этотъ мнимый нищій не имѣлъ при себѣ иголки съ ниткой. Потоцкій никому не сказалъ объ этомъ, но черезъ нѣсколько времени велѣлъ отыскать Кондратовича и за науку щедро наградилъ его землею и деньгами. Всѣ эти разсказы о Потоцкомъ или панѣ Каневскомъ (по резиденціи его г. Каневу) увѣковѣчены народной памятью въ историческихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, которыя и доселѣ въ томъ же видѣ ходятъ въ устахъ народа. Мы слышали ихъ въ волынской губерніи, около Почаева, гдѣ онъ возстановилъ и украсилъ почаевскій монастырь и нерѣдко проживалъ здѣсь въ минуты капризныхъ порывовъ къ спасенію своей мятежной души.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Стороженка въ „Вѣстникѣ западной Россіи", въ ультра-русскомъ направленіи. Она вызвана была послѣднею польскою смутою и отличается чисто-полицейскими воззрѣніями на нее. Для примѣра, мы остановимся на его комедіи „Встрѣча вновь назначеннаго довудцы". Здѣсь авторъ изображаетъ въ каррикатурномъ видѣ хвастливый задоръ повстанцевъ, лицемѣрный патріотизмъ польскихъ паннъ и панночекъ, которымъ они прикрывали свои мелкіе, своекорыстные интересы, волокитство пановъ и податливость женскаго пола, самозванство лакеевъ, ловившихъ рыбу въ мутной водѣ, изувѣрство ксендзовъ, дѣйствовавшихъ отравою, трагикомическое положеніе повстанцевъ передъ организованными правительственными войсками и печальный исходъ повстанія. Болѣе благоразумный изъ дѣйствующихъ лицъ, панъ Цибульскій, заканчиваетъ комедію слѣдующею тирадой, выражающей мысли автора: „Творецъ милосердный! до какого безобразія довели насъ нелѣпыя, несбыточныя затѣи?.. Какъ безсмысленно, по-дѣтски, нашимъ апатичнымъ бездѣйствіемъ мы предали себя въ руки красной сволочи?.. какъ глупо поставили себя между двухъ огней, между кровожаднымъ революціоннымъ жондомъ и законнымъ правительствомъ, которому рано или поздно прійдется дать отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?.. Оглянитесь-же, безмозглые, что происходитъ вокругъ васъ: самые скверные люди въ краѣ забрали въ руки власть, самопроизвольно назначаютъ налоги, воруютъ общественныя деньги и грозятъ вамъ висѣлицей!.. Лакей случайно получаетъ диктаторскую власть, расхищаетъ кассы народнаго жонда и вѣшаетъ нашего брата—помѣщика!.. Ксендзы, проповѣдники смиренія и кротости, съ кинжалами, напоенными ядомъ, предводительствуютъ шайками и какъ бандиты отравляютъ пищу!.. И все это совершается во имя свободы и какой-то идеальной *ойчизны!*"

6.

Петръ Раевскій.

Петръ Раевскій—сынъ священника черниговской губерніи, современный писатель. Онъ началъ свое литературное поприще съ 1869 года и до настоящаго времени написалъ—„Эпизоды изъ жизни малороссовъ (въ сценахъ)“, 1872 г., „Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта“, имѣвшія четыре изданія 1871, 1875, 1878 и 1882 гг., „Новыя сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта“, 1883 г., и болѣе 60 повѣстей и разсказовъ на русскомъ языкѣ, помѣщавшихся въ кіевскихъ газетахъ „Кіевлянинъ“ и „Трудъ“. Съ 1877 года онъ пишетъ среднимъ числомъ по 8 повѣстей и разсказовъ въ годъ. Содержаніе его произведеній самое разнообразное; но среди этого разнообразія можно различать двѣ главныя группы его произведеній. До 1877 года Раевскій почти исключительно пишетъ сцены, эпизоды, повѣсти и разсказы изъ быта крестьянъ черниговской губерніи и изъ жизни Кіева Но съ 1877 года значительное количество повѣстей и разсказовъ Раевскаго почерпаетъ свое содержаніе изъ быта и преданій Полѣсья, преимущественно волынскаго. Эта разница въ содержаніи отчасти отразилась на характерѣ произведеній Раевскаго обоихъ періодовъ его литературной дѣятельности. Правда, въ повѣстяхъ и разсказахъ того и другаго періода замѣтна у автора болѣе или менѣе сильная игра фантазіи, нагромождающая рядъ необычайныхъ событій одно на другое и представляющая рядъ запутаннѣйшихъ узловъ; но игривость фантазіи и лементъ необычайнаго имѣютъ свои степени развитія и состоянія, и въ этомъ отношеніи черниговскіе и кіевскіе сцены, эпизоды, повѣсти и разсказы гораздо трезвѣе и реальнѣе его полѣсскихъ повѣстей и разсказовъ.

Причину этой разности можно видѣть отчасти въ самой разности содержанія украинской и полѣсской жизни. Если Малороссія слыветъ страною таинственнаго и чудесъ, то особенно этимъ отличается Полѣсье. Въ одной изъ своихъ повѣстей, именно „Полѣсскій Каинъ“, авторъ замѣчаетъ, что полѣсская сторона особенно богата страшными разсказами о лѣсныхъ русалкахъ, вѣдьмахъ, лѣшихъ, разбойникахъ и т. п. Въ глухомъ Полѣсьѣ человѣкъ, окруженный таинственностію вѣковыхъ деревьевъ, въ борьбѣ со звѣрями и въ страхѣ отъ укрывающихся тамъ разбойниковъ, болѣе чувствуетъ свою зависимость отъ стороннихъ силъ, поражается ихъ явленіями и создаетъ иногда чудовищные образы фантазіи, какихъ не встрѣчается у жителей равнинъ. Въ этомъ отношеніи

между нынѣшнимъ Полѣсьемъ и собственно Украиной существуетъ такая же разница, какая между древними полянами и древлянами...

Къ этому присоединилось еще различіе литературныхъ вліяній, которымъ подчинялся Раевскій. Въ своихъ украинскихъ эпизодахъ, сценахъ и разсказахъ онъ является въ значительной мѣрѣ реалистомъ, послѣдователемъ того направленія въ нашей литературѣ, которое начато Гоголемъ и въ настоящее время имѣетъ своимъ представителемъ Глѣба Успенскаго. Очевидное подражаніе Гоголю замѣчается и въ разсказахъ Раевскаго изъ украинскаго быта, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Герой разсказа „Въ голодный годъ", скряга помѣщикъ Хмара, который, выжидая повышенія цѣнъ на хлѣбъ, допустилъ мышамъ и крысамъ съѣсть его скирды хлѣба и наконецъ самъ былъ заѣденъ ими, прямо называется у Раевскаго „старымъ Плюшкинымъ" и созданъ по образцу этого Гоголевскаго прототипа. Въ другомъ разсказѣ Раевскаго „Что случилось въ Кіевѣ на новый годъ" почти буквально повторяются нѣкоторыя сцены изъ „Ревизора" Гоголя, и самый герой этого разсказа, кіевскій жуликъ Корольковъ, принявшій на себя роль гвардейскаго офицера для обмана богатаго старика, немножко смахиваетъ на Хлестакова. Въ полѣсскихъ же своихъ разсказахъ и повѣстяхъ Раевскій ближе всего походитъ на тѣхъ неумѣлыхъ подражателей и послѣдователей Гоголя, которые больше всего разсчитываютъ на внѣшнюю эффектность и запутанность интриги, а не на внутреннее содержаніе и бытовую правду [1].

Особенною популярностію пользуются въ нѣкоторыхъ слояхъ мѣстнаго общества „сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта", о чемъ свидѣтельствуетъ одно уже количество изданій ихъ. Въ нихъ преимущественно изображаются смѣшныя столкновенія простаго украинскаго народа съ изысканною городскою жизнію, съ міромъ чиновниковъ и солдатъ. Да и эти сцены и разсказы далеко не всѣ отличаются самобытностію и оригинальностію. Одни изъ нихъ встрѣчаются у предшествовавшихъ украинскихъ писателей, другіе взяты изъ анекдотической русской литературы, возникшей подъ западно-европейскимъ вліяніемъ. У Кухаренка есть комическій разсказъ о превращеніи солдата въ монаха и въ лошадь. Подобный разсказъ, имѣющій, впрочемъ, основаніе и въ народной южнорусской литературѣ, мы находимъ и у Раевскаго. Черезъ городскую площадь крестьянинъ ведетъ бычка на веревочкѣ; бычокъ упрямится и неохотно подается впередъ. Крестьянинъ, не осматриваясь, помахиваетъ впереди себя кнутомъ и покрикиваетъ: „да гей-же, бодай тебе москаль вхопывъ". Въ это время изъ

[1]) Обзоръ повѣстей и разсказовъ Раевскаго на русскомъ языкѣ см. въ „Историч. Вѣстникѣ", за сентябрь, 1882 г.

за забора показываются два солдата, тихонько подкрадываются къ бычку, одинъ изъ солдатъ перерѣзываетъ веревку, передаетъ бычка другому, а самъ, держась за отрѣзанный конецъ и упираясь, слѣдуетъ за крестьяниномъ. Оборотившись, наконецъ, мужикъ бросаетъ веревку и бычка и возвращается домой Онъ приходитъ къ убѣжденію, что „страшенна война буде“, потому что изъ его „бычка коскаль зробывсь“. Общую анекдотическую основу имѣетъ разсказъ Раевскаго „Дивный сонъ“, въ которомъ выводятся на сцену рабочіе великороссъ и малороссъ, шедшіе вмѣстѣ въ городъ. Въ дорогѣ малороссъ захотѣлъ ѣсть и попросилъ у своего товарища. Великороссъ предложилъ такое условіе: „вотъ скоро придемъ на ночлегъ, ляжемъ спать, и поутру вставши, разскажемъ другъ дружкѣ свои сны; кому изъ насъ лучшій сонъ приснится, тотъ и позавтракаетъ изъ этого узелочка“. Приходятъ на ночлегъ, легли спать. Поутру великороссъ разсказываетъ, что ему снилось, будто бы онъ ходилъ по пріятному цвѣтистому полю и взятъ былъ двумя ангелами Господними прямо ко Всевышнему.

Малороссъ. Мыни снывся дывнійшій!

Великороссъ. Говори, увидимъ.

Малороссъ. Снылось мыни, що сыжу я въ раю коло Бога; колы се й тебе приносятъ янголы, а Богъ глянувъ та й каже: не треба мыни кацапивъ, ось у мене есть Грыцько!

Великороссъ. Твой завтракъ, Богъ съ тобой“!

Лучшими изъ сценъ и разсказовъ Раевскаго считаются: „Любопытный“, „Мертвое тѣло“, „У колокола“, „Въ мировомъ судѣ“ и др. Для образчика, передадимъ содержаніе разсказа „Мертвое тѣло“. Черезъ село Вырвихвистку проѣзжалъ становой приставъ и, увидѣвши недалеко отъ управы издохшую курицу, потребовалъ къ себѣ старшину Гаврила Очкурню, сдѣлалъ ему внушеніе за то, что дозволилъ валяться мертвому тѣлу тамъ, гдѣ ему лежать никакъ не подобаетъ, и оштрафовалъ его десятью рублями Послѣ того старшина сталъ осмотрительнѣе и, замѣтивши на левадѣ Максима Булава издохшую свинью, послалъ становому рапортъ съ донесеніемъ, что недавно онъ наткнулся на смердячее, неизвѣстно кому принадлежащее *мертвое тѣло* зъ вырьовкою на шыйі“. Черезъ три дня выѣхали на слѣдствіе въ Вырвихвистку становой, лекарь съ фельдшеромъ и слѣдователь. „Якъ затупотыть на мене ликарь,—разсказывалъ Очкурня,—якъ крыкне: чы ты сумашедшій, чы що? Якый це тоби дурень наторочывъ, що це мертвое тѣло, колы се здохла свыня“!—Эге, кажу, такъ да не такъ: вы може й на здохлу курку сказалы-бъ *здохла курка*, та й заплатылы-бъ десять карбованцивъ штрафу. На око, то воно тошно, що це здохла свыня, ну, а якъ пійде вже на діло, то це есть *мертвое тѣло*“.

Не смотря, однако, на популярность сценъ и разсказовъ Раевскаго, нѣкоторые украинцы не очень довольны ими, потому что видятъ въ нихъ шутливое передразниванiе простаго украинскаго народа, каррикатуру на него. „Мы понять не можемъ,—говоритъ одинъ рецензентъ,—какiя достоинства названной книги могутъ заставить читать помѣщенные въ ней разсказы. Это цѣлый рядъ неостроумныхъ анекдотовъ, желающихъ представить нашего простолюдина въ смѣшномъ видѣ. „Смѣяться, право, негрѣшно надъ тѣмъ, что истинно смѣшно", и мы понимаемъ смѣхъ надъ порокомъ, какъ нравственнымъ недостаткомъ; но когда остроумiе основано на томъ, что мужикъ лимоны называетъ „фылымонамы" и, думая, что они вкусны, покупаетъ и ѣстъ ихъ, браня продавца, то невольно вспоминается очень дешевый балаганный прiемъ остроумiя. А между тѣмъ во всей книжкѣ найдется не болѣе 5 разсказовъ, заключающихъ въ себѣ сколько нибудь дѣйствительнаго остроумiя и юмора" [1]).

Въ сочиненiяхъ указанныхъ нами писателей—послѣдователей Гоголя пересмотрѣны всѣ главнѣйшiе пункты Малороссiи и въ нихъ указаны болѣе крупныя, выдающiяся черты. Но эти писатели обозрѣвали Малороссiю только какъ часть единой, нераздѣльной Россiи; „потому что, какъ писалъ Гр. Данилевскiй,—въ наше время болѣе, чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живется русскому человѣку всюду, въ костромскихъ и орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскiй духъ и Русью пахнетъ". Притомъ, они обращали преимущественное вниманiе на крупныя, грандiозныя и, если угодно, исключительныя явленiя изъ мѣстной жизни, часто не задаваясь мыслiю о томъ, составляютъ ли эти явленiя существенныя, постоянныя черты малорусской жизни, или же только случайныя и временныя. Поэтому большинство писателей такъ называемаго нами нацiональнаго направленiя въ украинской литературѣ представляются намъ какими-то верхоглядами, которые соблазнились казистою внѣшностiю мѣстныхъ явленiй и изъ-за нихъ не видѣли ничего болѣе. Тѣмъ не менѣе и это нацiональное на-

---

1) „Кiевская Старина", iюнь, 1883 г. Библiографiя: „малорусскiя изданiя 1882 года", стр. 366. О первомъ изданiи см. рецензiю Чередниченка въ 262 № „Кiевскаго Телеграфа" за 1871 г.

правленіе принесло въ свое время незамѣнимую пользу украинской литературѣ. Выходя изъ него и руководясь его указаніями, какъ бы спасительными маяками, другіе украинскіе ученые и писатели отправились на дальнѣйшіе поиски за существеными, отличительными особенностями малорусской жизни, предприняли цѣлый рядъ болѣе тщательнихъ и строго научныхъ этнографическихъ и историческихъ изыскаій и пришли къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ относительно отличительныхъ особенностей малороссовъ, мѣстѣ и значеніи ихъ среди другихъ славянскихъ племенъ. То были украинофилы, которыхъ вѣрнѣе слѣдовало бы назвать украинскими славянофилами.

V.

Украинское славянофильство и его представители.

Тотъ замѣчательный періодъ въ исторіи украинской литературы, къ обозрѣнію котораго мы приступаемъ, доселѣ не имѣетъ твердо установившагося названія. Литературу этого періода называютъ и украинофильскою или, въ презрительномъ тонѣ, хохломанскою, и литературою въ духѣ славянскаго возрожденія. Эти названія, однако, не выражаютъ сущности этой литературы, такъ какъ они или слишкомъ тѣсны, напримѣръ названія „украинофильство" или „хохломанство", или слишкомъ широки, напримѣръ „славянское возрожденіе". Первыя два названія представляютъ украинскую литературу этого періода слишкомъ узкою, исключительно племенною, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она имѣла въ виду и внутреннія отношенія всего русскаго народа и всеславянскія интересы; названіе „славянскаго возрожденія" слишкомъ широко, потому что его нельзя приписывать исключительно только этому періоду, и оно можетъ быть приложимо, какъ и дѣйствительно прилагается иногда, вообще къ возрожденію украинской литературы подъ вліяніемъ славянскаго возрожденія. Ближе всего подходитъ къ дѣлу названіе панславизма или славянофильства, которое одинаково появилось и на сѣверѣ и на югѣ Россіи и состояло въ стремленіи отыскать своеобразныя народныя начала русской жизни, но искаженныя позднѣйшими наслоеніями, возвратить имъ первоначальную чистоту и слиться всѣмъ славянамъ въ одну плотную федерацію. Существенное отличіе украинскаго славянофильства или панславизма отъ московскаго состоитъ въ томъ частномъ пунктѣ, что украинофилы считали малороссовъ особымъ племенемъ среди другихъ племенъ славянскаго міра, со своимъ особымъ языкомъ и культурой, имѣющими право на дальнѣйшее разви-

тіе, чего не допускало большинство московскихъ славянофиловъ. Рельефнымъ выраженіемъ украинскаго славянофильства или панславизма было Кирилло-Меѳодіевское общество или братство, задуманное въ 1846 году въ Кіевѣ „съ цѣлью дѣйствовать (совершенно мирно) какъ для внутренняго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянской взаимности. Общество основывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ основаніяхъ. Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, вліяя на молодое поколѣніе, готовили бы его къ будущей дѣятельности, рѣшено было дѣйствовать только силою мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насильственныхъ; въ религіи признавалась полная свобода мнѣній. Относительно Украины думали прежде всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для него полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ. Дѣломъ первой важности считалось уничтоженіе крѣпостнаго права и сословныхъ привиллегій, тѣлесныхъ наказаній и т. п. Чтобы ясно было однако, что Украина вовсе не составляетъ исключительнаго интереса, патронами общества избраны были всеславянскіе апостолы, и общество названо Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ“. Во главѣ общества стояли Гулакъ, Н. И. Костомаровъ, Т. Г. Шевченко; косвенно принадлежали Кулишъ и Бѣлозерскій; потомъ присоединилось еще нѣсколько малорусскихъ патріотовъ. Главныя лица кружка мечтали объ очищенномъ идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любитъ, особливо бѣдняка, которое стоитъ за правду и народность. Это были тѣ мечты, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламенне, Гверрацци и проч. Слѣды этого христіанскаго направленія можно видѣть въ стихахъ Іереміи Галки (Н. И. Костомарова) и Шевченка, также и въ трудахъ Кулиша. Славянскій вопросъ ставился въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ. То, что говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко выражалъ поэтическими образами (его замѣчательныя пьесы: „До мертвих, живих“, „Шафарикові“ и др). „Изъ этого одного можно видѣть,— говоритъ одинъ біографъ г. Кулиша,— какимъ духомъ отличался кіевскій кружокъ. Христіанство и исторія славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что славянамъ надо надѣяться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, и этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанское самопожертвованіе“. Ихъ идеаломъ политическимъ было не централизованное государство, а федерація подъ протекторствомъ русскаго императора; но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего распространить убѣжденіе о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права и расширеніи просвѣ-

щенія. [1]) Но это общество или братство убито было въ самомъ зародышѣ. Въ 1847 году послѣдовалъ доносъ на руководителей этого кружка съ обвиненіемъ въ составленіи будто бы ими тайнаго политическаго общества, доносъ, который имѣлъ тѣмъ болѣе вѣроятности и успѣха, что въ 1846 году уже начиналось въ бывшемъ царствѣ польскомъ противоправительственное движеніе, перешедшее затѣмъ и въ Австрію. Сами западные славяне, къ которымъ Кирилло-Меѳодіевское братство простирало свои объятія, вовсе не имѣли желанія идти въ эти объятія. Пражскій съѣздъ, бывшій въ 1848 году, формулировалъ свои мнѣнія о междуславянскихъ отношеніяхъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „въ политическомъ отношеніи мы можемъ высказать только горячее сочувствіе ко всѣмъ нашимъ единоплеменникамъ... Если бы наше слово было оцѣнено и внѣ Австріи (т. е въ Россіи), мы бы высказались за примиреніе русско-польскихъ споровъ и за освобожденіе славянъ изъ-подъ турецкаго ига... Когда бы въ особенности русскій народъ въ своемъ отечествѣ скорѣе увидѣлъ свѣтъ свободы!.. Когда они (турецкіе славяне) завоюютъ себѣ независимость, тогда обниметъ и ихъ союзъ славянскаго федеративнаго государства“ [2]). Слѣдовательно, прежде, чѣмъ заботиться о соединеніи всѣхъ славянъ въ одну федерацію, подъ главенствомъ Россіи,— нужно было болѣе всего позаботиться объ улучшеніи внутреннихъ отношеній Россіи, что собственно и сдѣлалось задачей русской и украинской литературъ съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Подъ вліяніемъ горькаго опыта и новыхъ требованій, сами дѣятели братства, получившіе амнистію въ началѣ минувшаго царствованія, впослѣдствіи далеко не остались вѣрны своимъ старымъ идеямъ, и между ними особенно Кулишъ.

Главнѣйшими представителями украинскаго славянофильства являются Н. И. Костомаровъ, П. А. Кулишъ и Т. Г. Шевченко. Къ нимъ можно присовокупить еще второстепеннаго дѣятеля А. А. Навроцкаго.

1.

Николай Ивановичъ Костомаровъ [3]).

Николай Ивановичъ Костомаровъ, извѣстный русскій исторіографъ, родился 4-го мая, 1817 года, въ острогожскомъ уѣздѣ, воронежской

---

[1]) „Исторія славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, томъ I, 1879 года, стр. 376.

[2]) Стат. Пыпина въ „Вѣстн. Европы“, за ноябрь 1878 г.

[3]) Источники: 1) „Художественный Листокъ“, 1860 г., № 20; 2) „Slownik Nauczny“, S. V; 3) „Портретная галлерея русскихъ дѣятелей“, изд. А. Мюн-

губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ воронежской гимназіи Затѣмъ онъ поступилъ въ харьковскій университетъ, жилъ нѣкоторое время на квартирѣ у П. П. Гулака-Артемовскаго и въ 1836 году окончилъ полный курсъ по словесному факультету, со степенью кандидата. По выходѣ изъ университета, г. Костомаровъ провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя большею частью въ Харьковѣ и его окрестностяхъ и посвящая все свое время изученію малороссійской народности. Тогда же началъ онъ писать на малороссійскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Костомарова на малорусскомъ языкѣ была драма „Савва Чалый", изданная имъ въ Харковѣ въ 1838 году. Затѣмъ, въ 1839 году онъ напечаталъ свои „Украинскія баллады", а въ 1840 году сборникъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Вѣтка". Кромѣ того, въ томъ же году помѣстилъ онъ въ сборникѣ Корсуна „Снипъ" свою трагедію „Переяславська нічъ" и малорусскій переводъ „Еврейскихъ мелодій" Байрона. Въ 1840 году Костомаровъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ. Къ этому времени нужно отнести передаваемое М. Де-Пуле извѣстіе, что Н. И. Костомаровъ занималъ нѣкоторое время въ университетѣ одну изъ должностей, къ которой онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей: онъ былъ тогда субъинспекторомъ. Извѣстный уже любителямъ малороссійской литературы подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, онъ пріобрѣлъ въ это время общую извѣстность въ Харьковѣ и особенное сочувствіе студентовъ своею диссертаціею „Объ уніи", которая была одобрена университетомъ, но уничтожена по приказанію министерства. Въ 1843 году молодой ученый написалъ и блистательно защитилъ другую диссертацію, до сихъ поръ не потерявшую научной цѣн-

---

стера, т. 2, С.-Петербургъ, 1869 г.; 4) „Поэзія славянъ" Гербеля, 1871 г.; стр. 172—5; 5) „Г. Костомаровъ, какъ историкъ Малой Россіи", Г. Карпова, Москва, 1871 г.; 6) „Крестный Календарь" Гатцука, на 1873 годъ; 7) Письмо Н. И. Костомарова, съ исправленіемъ ошибокъ „Крестнаго Календаря" въ его біографіи, въ 93 № „Голоса" за 1874 г.; 8) „Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности Н. И. Костомарова", 1838—1873 г., въ 1 № „Русск. Слова" за 1874 г.; 9) „Харьковскій университетъ" М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы", 1874 г., т. 1, стр. 107; 10) „Современные дѣятели", изд. Баумана, С.-Петербургъ, 1877 г., т. 2; 11) „Исторія славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, т. 1, 1879 г.; 12) „Русская Старина", за мартъ 1878 г.; 13) „Хуторна поэзія", Кулиша, Львовъ, 1882 г.; 14) „За крашанку—писанка" Д. Мордовцева, Спб., 1882 г.; 15) „Кіевская Старина", за февраль, 1883 г. Малороссійскія сочиненія Н. И. Костомарова (Іереміи Галки) перечислены въ „Покажчикѣ" Комарова, 1883 г. Главнѣйшія изъ нихъ собраны въ „Збірникѣ творівъ І. Галки", Одесса, 1875 г. Къ нимъ нужно присовокупить повѣсть „Черниговку" 1881 г.

ности, а для того времени весьма замѣчательную,—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", въ которой доказывалъ важность изученія народныхъ памятниковъ для исторіи, съ цѣлью уразумѣть взглядъ народа на себя и на все, его окружающее [1]). Получивъ степень магистра, Костомаровъ оставилъ Харьковъ и поселился на Волыни, гдѣ принялся за изученіе тамошней народности, при чемъ осмотрѣлъ всѣ мѣстности, ознаменованныя событіями изъ эпохи гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго, исторію котораго онъ началъ писать съ 1844 года. Въ 1846 году онъ поселился въ Кіевѣ и избранъ былъ единогласно тамошнимъ университетомъ на каѳедру русской исторіи. Здѣсь напечатано было имъ, но не могло выйти въ свѣтъ, сочиненіе о славянской миѳологіи. Но въ Кіевѣ онъ пробылъ недолго. Въ томъ же 1846 году онъ познакомился здѣсь съ поэтомъ Шевченкомъ и вмѣстѣ съ нимъ попался въ бѣду. „Въ то время,— говоритъ Н. И. Костомаровъ,— всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, и когда я навелъ разговоръ съ нимъ на этотъ вопросъ, то услыхалъ отъ него самое восторженное сочувствіе, и это болѣе всего сблизило меня съ Тарасомъ Григорьевичемъ". Но въ 1846 году, „въ первый день праздника Рождества Христова, случилось событіе, имѣвшее печальныя послѣдствія на судьбу мою и Шевченка. Вечеромъ въ этотъ день сошлись мы у одного нашего общаго пріятеля Николая Ивановича Гулака, молодаго человѣка, очень образованнаго и необыкновенно симпатичнаго. Кромѣ насъ, былъ у него еще одинъ помѣщикъ полтавской губерніи, бывшій когда-то воспитанникъ харьковскаго университета, посѣтившій Кіевъ проѣздомъ въ чужіе края. Разговоръ у насъ шелъ о дѣлахъ славянскаго міра: высказывались надежды будущаго соединенія славянскихъ народовъ въ одну федерацію государственныхъ обществъ, и я при этомъ излагалъ мысль о томъ, какъ было бы хорошо существованіе ученаго славянскаго общества, которое бы имѣло широкую цѣль установить взаимность между разрозненными и мало другъ друга знающими славянскими племенами. Мысль эта, неразъ уже повторяемая всѣми нами, и въ этотъ разъ возбудила у всѣхъ восторженное одобреніе" [2]). Въ другомъ мѣстѣ Н. И. Костомаровъ излагаетъ тѣ desiderata, въ которыхъ выражалось то, что, по ихъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. „Первое желаніе,— говоритъ онъ,— касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя бы нашли въ себѣ силу

---

[1]) Въ этомъ же году онъ помѣстилъ въ XI томѣ „Маяка" статью: „О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южнорусской поэзіи".

[2]) „Русская Старина", за мартъ, 1880 г.

быть апостолами славянскаго возрожденія. Это желаніе состояло въ томъ, чтобы соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями; затѣмъ слѣдовали желанія, касавшіяся славянъ. Они были немногочисленны и несложны и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной связи ихъ между собою; установленіе точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукой; 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привиллегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія, употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова, и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей" [1]. „Разговоръ нашъ объ этомъ прекратился,— продолжаетъ Н. И. Костомаровъ,— я потомъ завелся новый объ исторіи Малороссіи, особенно объ эпохѣ Хмельнищины, которою я тогда занимался уже въ продолженіе многихъ лѣтъ сряду. Между тѣмъ за стѣною квартиры Гулака была другая квартира, изъ которой черезъ стѣну слушалъ наши бесѣды какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ (студентъ кіевскаго университета Петровъ) и потомъ постарался написать и послать куда слѣдуетъ сообщеніе о насъ, сбивъ чудовищнымъ образомъ въ одно цѣлое наши разговоры о славянской взаимности и объ исторіи Малороссіи и выводя отсюда существованіе тайнаго политическаго общества. Устроенный подъ нами подкопъ произвелъ свое дѣйствіе. 31 марта, 1847 года, меня отправили въ Петербургъ" [2]. Его осудили на годичное заключеніе въ петропавловской крѣпости, а потомъ отправили въ Саратовъ на гражданскую службу, съ воспрещеніемъ навсегда печатать и преподавать. Здѣсь Н. И. Костомаровъ безвыѣздно прожилъ съ 1848 по 1856 годъ, продолжая заниматься русскою исторіею, а также мѣстной этнографіей. Съ восшествіемъ на престолъ блаженной памяти императора Александра II, Костомаровъ былъ уволенъ отъ обязательнаго пребыванія въ Саратовѣ и въ 1857 году уѣхалъ за границу. По возвращеніи оттуда, онъ отправился, въ концѣ

---

1) „Кіевская Старина", за февраль. 1883 г., стр. 228—9.
2) „Русская Старина", за мартъ, 1880 г.

августа 1858 г., въ Саратовъ, куда былъ приглашенъ въ должность дѣлопроизводителя въ комитетъ по освобожденію крестьянъ и вернулся въ Петербургъ въ маѣ 1859 года. Весною 1859 года онъ получилъ приглашеніе занять каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ и былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора въ октябрѣ того же года. Со времени амнистіи возобновляется и учено-литературная дѣятельность Николая Ивановича. Въ 1856 году онъ напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" свою монографію „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго" Въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ было напечатано его большое историческое сочиненіе „Богданъ Хмельницкій", пріобрѣвшее всеобщую извѣстность и поставившее имя Костомарова наряду съ именами первыхъ русскихъ историковъ. Затѣмъ, въ 1858 году Костомаровъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Зэпискахъ" новое свое историческое сочиненіе „Бунтъ Стеньки Разина", а въ слѣдующемъ году въ „Современникѣ" монографіи—„Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ", „Легенду о кровосмѣсителѣ" и „Начало Руси". Послѣдняя статья, гдѣ, въ противность общему мнѣнію о норманнскомъ происхожденіи варяго-руссовъ, доказывается, что они пришли изъ прусской Жмуди, возбудила оппозицію со стороны М. П. Погодина, который вызвалъ Николая Ивановича на публичный ученый поединокъ, состоявшійся 19 марта, 1860 года, въ залѣ петербургскаго университета. Въ 1861 году въ журналѣ „Основа", кромѣ мелкихъ статей, было напечатано „Гетманство Выговскаго". Въ 1862 году Н. И. Костомаровъ вышелъ въ отставку по прошенію [1]) и съ этого времени исключительно посвятилъ себя историческимъ изслѣдованіямъ и литературнымъ занятіямъ. Въ 1863 году вышли отдѣльными изданіями два замѣчательныя его сочиненія—„Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльновѣчеваго уклада" и „Историческія монографіи и изслѣдованія"; затѣмъ, появились въ 1864 году „Ливонская война", въ 1865 году историческія изслѣдованія „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка" и „Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніи царя Михаила"; въ 1866 году въ журналѣ „Вѣстникъ Европы" обширная историческая монографія „Смутное время Московскаго Государства"; въ 1869 и 1870 годахъ въ Вѣстникѣ же Европы—два историческихъ сочиненія „Паденіе Рѣчи-Посполитой" и „Костюшко и революція 1794 года". Изъ позднѣйшихъ его произведеній и изданій болѣе извѣстны: „Историческое значеніе южнорусскаго

---

[1]) О своей отставкѣ Н. И. Костомаровъ помѣстилъ замѣтку въ газетѣ „Кавказъ" за сентябрь 1861 г.

народнаго пѣсеннаго творчества“ въ „Бесѣдѣ“ за 1872 г.; „Великорусская народная пѣсенная поэзія“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1872 г. „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, 1873—6 г. г., въ пяти выпускахъ; „Збірникъ творівъ Іереміи Галки“, Одесса, 1875 года; „Кудеяръ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876—7 г; „Сынъ“, разсказъ изъ XVII в.; „Черниговка, быль второй половины XVII вѣка“, 1881 г.; „Мазепа“ историческая монографія въ „Русской Мысли“ за 1882 годъ и особой книгой; „Жидотрепаніе“ въ „Кіевской Старинѣ“ за январь и мартъ 1883 года, и др.

Какъ историкъ Россіи, Н. И. Костомаровъ можетъ быть названъ славянофиломъ, съ тою разницею отъ московскихъ славянофиловъ, что онъ не раздѣлялъ ихъ московскаго патріотизма и тяготѣлъ къ родной ему Малороссіи. Славянофильскія стремленія, по всей вѣроятности, явились у него еще въ Харьковѣ, этомъ университетскомъ городѣ съ разноплеменнымъ составомъ университетскихъ преподавателей и слушателей. Стремленіе знакомиться съ литературами западныхъ и восточныхъ славянъ мы замѣчаемъ еще у профессора А. Метлинскаго и Александра Корсуна, съ которыми Н. И. Костомаровъ былъ хорошо знакомъ во время харьковской своей жизни. Но особенное возбужденіе въ пользу славянскаго единенія произвелъ въ Харьковѣ покойный Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, извѣстный славистъ и вмѣстѣ любитель и знатокъ украинской литературы. По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ Измаилъ Ивановичъ изучалъ славянскія нарѣчія, онъ открылъ курсъ по этому предмету въ 1843 году. „Успѣхъ его былъ громадный,—говоритъ М. Де-Пуле. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія, № 1-й, не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коляра, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласитъ преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коляра не сходили, можно сказать, съ его устъ, *а славянское братство и единеніе въ духѣ мира и любви* едва ли въ другомъ русскомъ университетѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ“. Съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ Костомаровъ былъ друженъ еще до отъѣзда его за границу и проводилъ его туда теплыми дружескими стихами. Нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдь Измаила Ивановича Срезневскаго о славянскомъ братствѣ и единеніи въ духѣ мира и любви произвела сильное дѣйствіе и на Н. И. Костомарова. Мы уже слышали его признаніе, что около 1846 года всю его душу занимала

идея славянской взаимности, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, что онъ питалъ надежды на будущее соединеніе славянскихъ народовъ въ одну федерацію государственныхъ обществъ и излагалъ мысль о томъ, какъ было бы хорошо существованіе ученаго славянскаго общества, которое бы имѣло широкую цѣль установить взаимность между разрозненными и мало другъ друга знающими славянскими племенами. Какъ извѣстно, за эти стремленія Н. И. Костомаровъ былъ осужденъ и водворенъ въ Саратовѣ. Но его славяно-украинофильскія стремленія получили здѣсь для себя новую пищу. Удаленный изъ Малороссіи, онъ имѣлъ возможность познакомиться здѣсь съ воззрѣніями московскихъ славянофиловъ и умѣрить ими прежніе свои взгляды, ограничивъ ихъ предѣлами взаимныхъ отношеній между сосѣдними славянскими племенами—поляками, русскими и малороссами. Что Н. И. Костомаровъ хорошо изучилъ и оцѣнилъ лучшихъ представителей московскаго славянофильства, это видно изъ его рѣчи о заслугахъ К. С. Аксакова для русской исторіи, 1861 года, гдѣ онъ выразилъ полное уваженіе и сочувствіе къ этому представителю московскаго славянофильства, съ нѣкоторыми ограниченіями его крайнихъ воззрѣній „Труды Аксакова,— говорилъ здѣсь Костомаровъ,—останутся навсегда знаменательными для науки русской исторіи. Онъ опровергъ теорію родоваго быта, на которой хотѣли построить русскую исторію; онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ русской исторіи—общинное вѣчевое, которое прежде наукою оставлено было въ тѣни онъ; возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни и, вмѣсто чуждыхъ наносныхъ взглядовъ, поискать своихъ—народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Ивана Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому и ясному уразумѣнію его эпохи. Наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ русской исторіи – идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и издѣвались и безъ котораго неосуществима плодотворность научной дѣятельности въ сферѣ русской исторіи; ибо никакія событія непонятны, если мы не знаемъ воззрѣнія, образовавшагося у того народа, который творилъ эти событія и участвовалъ въ нихъ“. Не нравились Костомарову въ трудахъ К. С. Аксакова идеализація старины и исключительность московскаго патріотизма.

Послѣднія ошибки московскихъ славянофиловъ Н. И. Костомаровъ и старался исправить въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ по русской исторіи, но придерживаясь основныхъ воззрѣній этихъ славянофиловъ на федеративное начало въ древней Руси, на двойственность земли и государства, на подавленіе государствомъ земли съ теченіемъ времени и на необходимость сознательнаго, разумнаго воскрешенія подавленныхъ началъ древнерусской жизни въ настоящее время.

Въ этомъ отношенія программа русской исторіи у Н. И. Костомарова почти совпадаетъ съ исторической программою другаго московскаго славянофила, европейски образованнаго человѣка, Хомякова. По воззрѣніямъ Хомякова, въ до-татарскій періодъ русской исторіи, случайно были соединены нѣсколько племенъ славянскихъ, мало извѣстныхъ другъ другу, не жившихъ никогда одною общею жизнію государства; соединены они какою-то федераціею, основанною на родствѣ князей, вышедшихъ не изъ народа, и, можетъ быть, отчасти единствомъ торговыхъ выгодъ: какъ мало стихій для будущей Россіи!.. Области жили жизнію отдѣленною, самобытною... Народъ не просилъ единства, не желалъ его. Когда же честолюбивый князь стремился къ распространенію власти своей, то противъ него не только возставало властолюбіе другихъ князей, но еще болѣе завистливая свобода общинъ и областей, привычныхъ къ независимости... До нашествія монголовъ никому,—ни человѣку, ни городу,—нельзя было сказать: „я—представитель Россіи, я—центръ ея, я сосредоточу въ себѣ ея жизнь и силу"! Когда же пришли татары, то многіе, убѣжавшіе съ береговъ Дона и Днѣпра и т. д. въ лѣса, покрывающіе берега Оки и Тверцы, верховья Волги и скаты Алаунскіе, построили новыя села и новые города, такъ что сѣверъ и югъ, смѣшавшись между собою, проникнули другъ друга,—и началась въ пустопорожнихъ земляхъ, въ дикихъ поляхъ Москвы, новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но обще-русская. Москва была городъ новый, не имѣющій прошедшаго, не представляющій никакого опредѣленнаго характера, смѣшеніе разныхъ славянскихъ семей, и это—ея достоинство.. Она столько же была созданіемъ князей, какъ и дочерь народа; слѣдовательно, она совмѣстила въ тѣсномъ союзѣ государственную внѣшность и внутренность,—и вотъ тайна ея силы! Наружная форма для нея уже не была случайною, но живою, органическою,—и торжество ея въ борьбѣ съ другими княжествами было несомнѣнно". Слѣдствіемъ этого торжества было „распространеніе Россіи, развитіе силъ общественныхъ, уничтоженіе областныхъ правъ, угнетеніе быта общиннаго, покореніе всякой личности мысли государства, добро и зло до-петровской Россіи". Въ заключеніе Хомяковъ говоритъ, что теперь, когда эпоха созданія государственнаго кончилась, наступило уже время для воскрешенія подавленныхъ началъ древнерусской жизни [1]).

Той же исторической программы, въ общихъ ея чертахъ, придерживается и Костомаровъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, давая въ ней видное мѣсто Украинѣ и отчасти Польшѣ. Лучшимъ выраже-

---

[1]) „О старомъ и новомъ", въ полномъ собраніи сочиненій Хомякова, т. 1, стр. 369—375.

ніемъ его славяно-украинофильскихъ воззрѣній мы считаемъ его статьи, помѣщенныя въ журналѣ „Основа“, подъ заглавіемъ „О федеративномъ началѣ въ древней Руси“ и „Двѣ русскія народности“, въ которыхъ онъ довольно искренно высказалъ свои коренныя убѣжденія. Причины теперешняго различія между двумя русскими народностями, сѣвернорусскою и южнорусскою, г. Костомаровъ находитъ въ географическомъ положеніи, въ жизненныхъ историческихъ обстоятельствахъ, въ сокровенныхъ внутреннихъ причинахъ и проч. Начало этого отличія теряется въ глубокой древности. „Чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частностей, это—поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ“. Сначала всѣ русскія области, въ томъ числѣ и южная Русь, находились въ федеративномъ союзѣ, сохраняя свои особенности. „Южная Русь сохраняла, въ теченіе вѣковъ, древнія понятія; перешли они въ плоть и кровь послѣдней безсознательно для самаго народа,—и южная Русь, облекшись въ форму козачества, форму, зародившуюся собственно въ древности, искала той же федераціи въ соединеніи съ Московіею, гдѣ уже давно не стало началъ этой древней федераціи“. Московія образовалась изъ смѣшенія племенъ. „Новгородецъ, суздалецъ, полочанинъ, кіевлянинъ, волынецъ приходили въ Москву каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, сообщали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у перваго, и у втораго, и у третьяго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ расширенію своей территоріи“. Въ этомъ отношеніи Москва представляетъ замѣчательную параллель съ древнимъ Римомъ... Вообще, между сѣверною и южною Русью обозначились слѣдующія различія: 1) у южноруссовъ перевѣсъ личной свободы, у великоруссовъ—перевѣсъ общинности; 2) въ общественномъ строѣ жизни у первыхъ преобладаетъ духъ, у вторыхъ—тѣло; 3) у южноруссовъ стремленіе къ федераціи, у сѣвернорусcовъ—единовластіе и самодержавіе. Такая же разница существуетъ и въ духовной области. Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріальному и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. „Задачею вашей „Основы“, пишетъ далѣе Костомаровъ, будетъ—выразить въ литературѣ то вліяніе, какое должны

имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это вліяніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ сплоченію, къ слитію, къ строгой государственной и общественной формѣ, поглощающей личность, и стремленіе къ практической дѣятельности, впадающей въ матеріальность, лишенную поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее начало. Южнорусское племя въ прошедшей исторіи доказало неспособность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить племени великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачею общей русской исторіи было составленіе государства. Но государственная жизнь сформировалась, развилась и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступитъ въ сферу самобытнаго развитія и окажетъ воздѣйствіе на великорусскую. Совсѣмъ другое отношеніе южнорусской народности къ польской. Если южнорусскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то зато гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера... Но зато, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа. Поляки и южноруссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе — мужицтва" [1]).

По этой программѣ написаны почти всѣ историческія изслѣдованія и монографіи Н. И. Костомарова, касающіяся какъ южной, такъ и сѣверной Россіи. На сѣверѣ и югѣ онъ слѣдитъ русскія народоправства, т. е. выраженіе самодѣятельности народной въ исторіи, и разныя внутреннія и внѣшнія причины, препятствовавшія развитію народоправства, именно — съ одной стороны московскій абсолютизмъ, съ другой — насилія Польши по отношенію не только къ южной, но и къ сѣверной Россіи.

Мы не имѣемъ права разсматривать чисто историческія сочиненія Н. И. Костомарова, но сочли нужнымъ уяснить его историческую точку зрѣнія потому, что она, сама по себѣ составляя достояніе литературной исторіи, такъ или иначе должна была отразиться и на его чисто литературныхъ произведеніяхъ. Къ послѣднимъ относятся: 1) „Сава Чалий, — драматичні сцени", 1838 г.; 2) лирическія стихотворенія, помѣщавшіяся въ разное время въ „Віткѣ" самого Н. И. Костомарова, „Сніпѣ" Корсуна, „Молодикѣ" Бецкаго, „Сборникѣ" Мордовцева и въ „Основѣ" В. Бѣлозерскаго; 3) „Переяславська нічь, трагедія" въ „Сніпѣ" Корсуна 1841 года; 4) „Загадка, — сцени", въ „Основѣ", за фев-

[1]) „Основа", за мартъ, 1861 года, и „Историческія монографіи", т. 1.

раль. 1862 г., и 5) „Черниговка, быль", 1881 г. Кромѣ „Черниговки", всѣ онѣ перепечатаны въ „Збірникѣ творівъ Іеремии Галки" 1875 года, изданномъ въ Одессѣ [1]). Всѣ эти литературныя произведенія Н. И. Костомарова частію имѣютъ въ виду изобразить внутреннія отношенія древнихъ южноруссовъ къ своимъ князьямъ и вельможамъ, частію даютъ освѣщеніе позднѣйшимъ отношеніямъ южноруссовъ къ полякамъ и сѣверноруссамъ, частію воспроизводятъ народныя южнорусскія преданія и мотивы въ художественной формѣ, частію знакомятъ малороссовъ съ поэзіей другихъ народовъ и особенно славянскихъ племенъ.

Нѣкоторыя изъ мелкихъ лиро-эпическихъ произведеній Н. И. Костомарова имѣютъ своимъ предметомъ первобытныя, патріархальныя отношенія древнихъ южноруссовъ къ своимъ князьямъ и боярамъ. Таковы его стихотворенія „Ластівка", „Співець Митуса" и сцены „Загадка" Въ первомъ изъ этихъ произведеній воспроизводится народное вѣрованіе о происхожденіи ласточки отъ одной вдовы, плакавшей по убитомъ на войнѣ сынѣ своемъ и превратившейся въ эту птичку; но это вѣрованіе у Н. И. Костомарова хронологически связано съ походомъ русскихъ противъ половцевъ въ 1103 году. На радѣ князей въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ, князь переяславскій, разсказываетъ о видѣніи ему знаменія въ видѣ огненнаго столпа и убѣждаетъ князей идти ратью на Донъ противъ половцевъ. Дружина святополкова возражала: „не время веснѣ воевати, хочешь погубити смерды и ролью имъ". На это отвѣчалъ имъ Владиміръ: „дивно ми, дружино, оже лошади жалуешь, ею же ореть кто, а сего чему не расмотрите, оже начнеть смердъ орати, и половчинъ пріѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу поиметь, а въ село въѣхавъ, поиметь жену его и дѣти и все имѣнье его возьметь? То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуете?" Наконецъ, убѣжденія Мономаха одержали верхъ, и противъ половцевъ собрано ополченіе. Въ этомъ ополченіи былъ и сынъ вдовы, превратившейся въ ласточку. Такимъ образомъ, въ этомъ стихотвореніи смѣшаны мотивы народныхъ преданій и нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія. На основаніи лѣтописи же написано и другое стихотвореніе Н. И. Костомарова „Співенць Митуса", котораго, по сказанію ипатьевской лѣтописи, „древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного, акы связаного, приведоша. Н. И Костомаровъ считаетъ Митусу народнымъ поэтомъ, обличителемъ княжескаго самовластія, и влагаетъ въ его уста слѣдующія энергическія слова:

Кончились віки! Зілля сухее огонь поідае—
Хай поідае! хай пропадае Русь и зъ князями!

---

[1]) Переченъ малорусскихъ сочиненій Н. И. Костомарова см. въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 г.

Божье проклятти чорними хмарами висить надъ нею;
Хмари згустіють, віки проминуть, и знову, хочъ не скоро,
Знову розгонить яснее сонце туманъ віковічній;
Въ той часъ-годину инших пісень співці заспівають,
Иншимъ князямъ, та не вамъ,—иншому руському люду!..

Но, по замѣчанію М. А. Максимовича, Митуса былъ не пѣснотворецъ, подобный Бояну и пѣвцу Игоря Святославича, а скорѣе знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки перемышльскаго, не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Даніила Романовича Галицкаго [1]). Древнія отношенія между простымъ народомъ и боярами изображаются у Н. И. Костомарова въ „Загадкѣ“, которая въ пяти сценахъ воспроизводитъ народныя сказки о хитрой дѣвкѣ и панѣ и о Ѳомѣ и Еремѣ. Хитрая дѣвка, называемая у Н. И. Костомарова Марусей Поклоненковой, выступаетъ передъ паномъ въ роли Февроніи Муромской, рѣшаетъ всѣ его загадки и въ свою очередь предлагаетъ ему свои загадки. Вотъ нѣкоторыя загадки пана и отвѣты на нихъ Маруси: „що е на світі надъ усе сітчішъ, швидчішъ и милішъ“? Сытѣе всего земля, быстрѣе око, а милѣе всего сонъ. Въ другой разъ панъ поручаетъ сказать Марьѣ Поклоненковой, чтобы она пріѣхала къ нему, да только такъ, чтобы ни санями, ни возомъ, сама чтобъ была ни боса, ни обута, ни гола, ни одѣта, ни конемъ, ни голоблею, ни съ гостинцемъ, ни безъ гостинца. Хитрая дѣвка достала козла, зайца и воробья, одѣлась въ „ятіръ“, взяла воробья въ одну руку, зайца подъ руку, одну ногу положила на козла, который идетъ дорогою, а другою сама идетъ за дорогою. Когда она прибыла во дворъ пана, онъ велѣлъ выпустить на нее собакъ; но Маруся въ это время выпустила изъ-подъ руки зайца и имъ отвлекла отъ себя вниманіе собакъ. Пришедши въ горницу, она стала давать пану въ гостинецъ воробья, но только-что панъ хотѣлъ взять его, какъ Маруся выпустила изъ рукъ воробья, и онъ вылетѣлъ въ растворенное окно. Послѣ этого Маруся вышла за пана замужъ, но раздражила его своимъ вмѣшательствомъ въ его распоряженія и суды. Панъ прогоняетъ отъ себя Марусю, дозволяя ей взять съ собой то, что для нея дороже всего. Тогда Маруся напоила своего пана пьянымъ и повезла его съ собой, какъ самое дорогое свое сокровище. Панъ просыпается, примиряется съ Марусей и возвращается съ ней домой. Панъ и Маруся—это главныя дѣйствующія лица, около которыхъ, какъ бы для оттѣнка ихъ мудрости, толкутся два дурака, Ѳома и Ерема, въ качествѣ придворныхъ шутовъ и посредниковъ въ сношеніяхъ пана съ Марусею. Сюжетъ

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. 1, 1876 г., стр. 129 и сл.

„Загадки“ Н. И. Костомарова несомнѣнно взятъ изъ народныхъ преданій и разсказовъ и напоминаетъ собою сюжеты народныхъ сказокъ „Хитрая дѣвка и панъ“ [1]) и Ѳома и Ерема [2]). Но въ свою очередь эти народныя сказки принадлежатъ къ числу странствующихъ повѣстей, слегка только окрашенныхъ національнымъ колоритомъ. Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ на сѣверѣ Россіи извѣстна была еще въ XVII вѣкѣ и въ южнорусской редакціи носитъ явные слѣды заимствованія. Что же касается сказки о хитрой дѣвкѣ и панѣ, то мотивы ея суть не что иное, какъ отраженіе судовъ Соломоновыхъ восточнаго происхожденія, перешедшихъ къ славянамъ уже въ историческія времена [3]).

Къ эпохѣ татарщины пріурочено стихотвореніе Н. И. Костомарова „Братъ зъ сестрою“ и разсказываетъ о томъ, какъ въ эти тажелыя времена, когда перемѣшивались и спутывались всякія родственныя отношенія, братъ, по невѣдѣнію, женился на родной сестрѣ. Во время татарскихъ набѣговъ, татары взяли въ Кіевѣ въ плѣнъ дивчину, убивъ ея родителей, но не могли поймать ея брата—хлопця. Выросши, онъ пошелъ въ Сѣчь и, во время своихъ скитаній по бѣлу-свѣту, купилъ у татарина дѣвку и женился на ней. Оказалось, что это была родная его сестра. Подобныя сказанія существуютъ и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи и не составляютъ исключительнаго достоянія южнорусской народной литературы. Есть даже основаніе думать, что подобныя сказанія—только варіація книжной легенды о кровосмѣсителѣ, какимъ является здѣсь то Андрей первозванный, то Григорій Двоесловъ, то Андрей Критскій, замѣнившіе греческаго Эдипа [4]). Слѣдовательно, повѣсть эта относится къ такъ называемымъ странствующимъ повѣстямъ, потерявшимъ свою родину.

Трагедіи Н И. Костомарова „Сава Чалий“ и „Переяславська нічъ“ стараются изобразить трагическое положеніе нѣкоторыхъ представителей южноруссовъ въ перекрестной враждѣ между поляками и козаками.

Первая изъ этихъ трагедій служитъ развитіемъ козацкой думы о Савѣ Чаломъ, доселѣ очень распространенной въ Малороссіи, и, вслѣдъ за Из. Ив. Срезневскимъ, относитъ ее къ 1639 году. По смерти Остря-

---

[1]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, 1876 г., стр. 347—9.

[2]) „Кобзарь Остапъ Вересай“, А. Русова, Кіевъ, 1874. Мы имѣемъ еще варіантъ, записанный въ черниговской губерніи.

[3]) „Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“ и проч., А. Веселовскаго, 1872 г.

[4]) „Историч пѣсни малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова, т. 1, 1874 г., № 63 и сл. Сн. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, 1876 года, стр. 130 и сл.

ницы,—передаетъ драма,—козацкая старшина собралась у Петра Чалаго для избранія гетмана. Въ гетманы мѣтитъ сынъ Петра, Сава Чалый, сподвижникъ Остряницы, и находитъ поддержку у товарища своего Гната Голаго; но старшина избираетъ отца Савина Петра. Огорченный Сава отстаетъ отъ козаковъ, получаетъ отъ Конецпольскаго, чрезъ Гната Голаго, предложеніе быть коронным гетманомъ и соглашается на это предложеніе, женившись передъ отъѣздомъ на Катеринѣ, уже сговоренной было за Гната. Козаки возмущаются переметничествомъ Савы и особенно Гнатъ, потерявшій свою невѣсту. Онъ черезъ Лисецкаго внушаетъ Конецпольскому недовѣріе къ Савѣ и въ то же время оговариваетъ его передъ козаками въ измѣнѣ, а о Катеринѣ распускаетъ молву, что къ ней по ночамъ леталъ змѣй. Вслѣдствіе этихъ интригъ Гната, Сава Чалый оказался между двухъ огней. Конецпольскій требуетъ отъ Савы присяги на вѣрность королю и обязательства содѣйствовать распространенію уніи, но Сава положительно отказывается отъ послѣдняго. Вслѣдствіе этого Конецпольскій беретъ у него назадъ подаренныя ему имѣнія, но впослѣдствіи позволяетъ ему жить въ нихъ. Съ своей стороны, раздраженные козаки отправились въ Немировъ, чтобы погубить тамъ Саву. Джура Хомка доноситъ ему, что вокругъ его двора бродятъ козаки. Сава ѣдетъ домой съ темнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго и старается успокоить испуганную жену съ сыномъ. Врываются козаки и убиваютъ Саву и Катерину, а маленькаго сына ихъ беретъ къ себѣ Хомка джура. Затѣмъ является Павло и уличаетъ Гната въ коварствѣ и безвинной смерти Савы и его жены. Тогда козаки убиваютъ и самого Гната. Наконецъ, вбѣгаетъ отецъ Савы, гетманъ Петръ Чалый,—и смущенные козаки потупляютъ глаза въ землю.

Но козацкая дума о Савѣ Чаломъ относится не къ 1639 году, а ко временамъ гетмана Даніила Апостола, позже на цѣлое столѣтіе. Савва Чалый—это былъ извѣстный гайдамакъ, въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка пошаливавшій въ польской Украинѣ. „Еще въ маѣ 1735 года графъ Вейсбахъ писалъ запорожцамъ, чтобы они послали въ польскую Украину свою команду для поимки „извѣстнаго вора Савки Чалого“, который, будучи запорожцемъ, гайдамачилъ по границѣ и пріобрѣлъ себѣ въ разбояхъ особенную славу. Этотъ гайдамацкій ватажокъ былъ приверженецъ Орлика и, выдавая себя *согласникомъ* короля Станислава Лещинскаго, съ шайкою воровъ и грабителей наѣзжалъ и разорялъ имѣнія помѣщиковъ партіи саксонской и увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ по волѣ всего войска запорожскаго. Чтобы оправдать себя отъ такого подозрѣнія, запорожцы послали одного своего асаула съ козаками въ Немировъ, зная, что тамъ чаще всего подвизался Савка Чалый: но хитрый ватажокъ узналъ отъ своихъ товарищей о посылкѣ запорожцевъ

и, по обычаю гайдамакъ, скрылся въ Бессарабіи. Только асаулъ Василій Шумка и три гайдамака изъ его шайки были пойманы и казнены. Всѣ другіе поиски были напрасны,— и русское правительтство вскорѣ объ этомъ забыло. Савка Чалый, видя, что его оставили въ покоѣ, навербовалъ новую шайку изъ волоховъ, цыганъ, польскихъ поселянъ и десятка бѣглыхъ запорожцевъ (которыхъ укрывалъ полковникъ буго-гардовый Пхайко) и пустился по прежнему грабить и разорять польскія села. Между тѣмъ Лещинскій былъ сверженъ, его партія упала и присоединилась къ Августу III. Помѣщикъ уманскій графъ Потоцкій, ближайшій сосѣдъ Запорожья, желалъ усердно мира и въ польской Украинѣ, гдѣ были его и его роду безмѣрныя имѣнія, но благодаря Савкѣ Чалому никакого покоя надѣяться нельзя было. Тогда-то, говорятъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы этого ватажка завлечь въ свои сѣти, и если не погубить, то сдѣлать полезнымъ для Польши. Однажды чрезъ жидовъ узналъ онъ, что Савка съ однимъ только товарищемъ бываетъ въ Немировѣ, гдѣ, не смотря на угрозы губернатора, явно пируетъ и веселится. Потоцкій самъ лично съ большою командою вошелъ въ домъ, гдѣ скрывался Чалый, и, схвативъ его, предложилъ ему выбирать любое—или быть, какъ гайдамакъ и бунтовщикъ, посажену на колъ, или принять у него службу на выгодныхъ условіяхъ. Выборъ былъ нетруденъ. Савка Чалый былъ опредѣленъ въ полки пограничной козачьей милиціи, порученъ королевскому покровительству, и ему въ команду даны были помѣщичьи козаки съ тѣмъ, чтобы онъ воевалъ съ гайдамаками, а преимущественно съ запорожцами, коихъ всѣ жилища были ему хорошо знакомы. Онъ такъ отличился въ этой службѣ, что въ первомъ наѣздѣ разогналъ команду буго-гардовой паланки, сжегъ церковь походную, зимовники и самый *гардъ*, т. е. плотины, между скалами на Бугѣ для лова рыбы запорожцами учрежденныя, разорилъ. Этотъ подвигъ удостоился большихъ похвалъ въ Польшѣ, и Потоцкій пожаловалъ Чалому въ потомственное владѣніе с. Рубань и сравнялъ его съ другими своими козачьими полковниками. Но и запорожцы не дремали. Наѣздъ Чалаго на ихъ земли, гдѣ его предокъ Яковъ Чалый (1696 г.) былъ кошевымъ атаманомъ, а отецъ—старикомъ куреннымъ, казался для нихъ тяжкимъ безславіемъ; ибо поляки вездѣ разглашали, что запорожцы грабятъ запорожцевъ. Здѣсь документы прекращаются, и начинается сказаніе козацкой думы о насильственной смерти Саввы Чалаго въ Немировѣ отъ руки какого-то Гната Голаго [1]) Разумѣется, ошибочно перенесши думу изъ одного вѣка въ другой, Н. И. Костомаровъ не могъ быть вѣренъ дѣйствительности.

---

[1]) „Исторія новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго“, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 2, стр. 130—133.

Другая историческая драма Н. И. Костомарова „Переяславська ніч" была удачнѣе и въ выборѣ предмета, исторически-бытоваго, и въ деталяхъ. Дѣйствіе происходитъ въ 1649 году въ г. Переяславѣ подъ великъ-день, т. е. пасху. Является въ этотъ городъ какой-то чужестранецъ, сообщаетъ Петру Корженку о подготовляющемся возстаніи всей Украины и Запорожья противъ Польши и подстрекаетъ къ нему жителей Переяслава, обѣщая имъ помощь Богдана Хмельницкаго. Петро Корженко сочувствуетъ возстанію, но замѣчаетъ, что у нихъ силы мало, что они надѣялись на земляка Лисенка, но что онъ погибъ-де отъ руки князя Іереміи Вишневецкаго. Ихъ разговоръ прерывается церковнымъ звономъ, который въ то тяжелое время служилъ благовѣстіемъ, что мѣстный священникъ собралъ нужное количество денегъ и купилъ за нихъ у жида-арендатора право отперетъ церковь и совершить пасхальное богослуженіе. Но жидовская алчность не ограничивается одной арендной платой за открытіе церкви и облагаетъ различными податями всѣ частнѣйшія приготовленія къ празднику и отдѣльныя богослужебныя дѣйствія, какъ напримѣръ печеніе пасокъ, ношеніе плащаницы и т. п. Мать Опанаса взята на три дня къ старостѣ на работу за тайное приготовленіе пасокъ. Арендаторъ жидъ Оврамъ, увидѣвъ, что о. Анастасій обноситъ кругомъ церкви плащаницу, потребовалъ и за это священное дѣйствіе особой платы и даже стащилъ плащаницу на землю. Народъ возмущается святотатственными дѣйствіями арендатора-жида, а чужестранецъ, судя по обстоятельствамъ то подстрекаетъ народъ къ возстанію, то усмиряетъ преждевременныя вспышки народа и улаживаетъ недоразумѣнія, возникавшія между народомъ съ одной стороны и арендаторомъ и старостой—съ другой. Наконецъ, наступаетъ часъ народной мести панамъ-ляхамъ и ихъ пріятелямъ жидамъ. На сцену выступаетъ сынъ покойнаго полковника Семенъ Герцикъ съ толпою хлопцевъ. Онъ жалуется, что староста похитилъ его невѣсту, сестру Лисенка, и возбуждаетъ народъ ко мщенію. Отецъ Анастасій старается сдержать народъ. Но тутъ вмѣшивается въ дѣло чужестранецъ, читаетъ народу листъ Богдана Хмельницкаго съ призывомъ къ возстанію, сообщаетъ, что съ нимъ пришло подъ его командой 5000 козаковъ, и признается наконецъ, что онъ тотъ самый Лисенко, котораго переяславцы считали погибшимъ отъ князя Вишневецкаго. Лисенко дѣлаетъ распоряженія насчетъ нападенія на ляховъ и рѣзни ихъ. Между тѣмъ, пока еще не наступилъ условленный часъ рѣзни, Лисенко видится со своей сестрой Мариной, которая признается ему въ своей любви къ поляку старостѣ Зацвилиховскому и борется между этою любовью и любовью къ своей народности. Наконецъ, она рѣшается вызвать Зацвилиховскаго ночью на извѣстное мѣсто, выдать его козакамъ и сама умереть вмѣстѣ съ нимъ, или же идти въ монахини. Дѣйствительно,

она выходитъ ночью со старостой на условленное мѣсто. Во время самой вспышки народнаго возстанія Лисенко и Зацвилиховскій встрѣчаются, вступаютъ въ единоборство и оба падаютъ смертельно раненные. Умирая, Лисенко обращается къ народу съ такими словами:

Народе православній!.. знайте вси,
Що и всякъ буть мусить чоловикъ.
И христіянинъ .. Усихъ ляхивъ
Повипускайте завтра вранци... Хай
Идуть соби изъ Богомъ до родини..
Прощайте, братци... Хай вамъ Богъ поможе!
Молиться вси за гришну мою душу!

Въ основѣ этой драмы не положено авторомъ какого либо цѣльнаго историческаго происшествія или историческаго лица, какъ въ драмѣ „Сава Чалий". Авторъ, очевидно, преслѣдовалъ не столько историческія, сколько художественныя цѣли. Но въ частностяхъ эта драма намекаетъ на нѣкоторыя историческія событія и лица изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. Изъ монографіи самого Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій" мы узнаемъ, что жиды дѣйствительно арендовали у поляковъ православныя церкви во времена насилій поляковъ надъ православными. „Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно извлечь для себя новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались. Тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи". [1]). „Сподвижники Хмельницкаго, переодѣтые то нищими, то странниками—богомольцами, ходили изъ села въ село и уговаривали жителей то отворить козакамъ Хмельницкаго ворота крѣпости, то насыпать песку въ польскія пушки" [2]). Къ числу ихъ принадлежитъ и чужестранецъ трагедіи, оказавшійся Лисенкомъ. Самая фамилія Лисенка сохранилась

[1]) „Богданъ Хмельницкій", Н. И. Костомарова, изд. 1870 г., т. 1, введ. стр. XLVI—XLVII; сн. стр. CLXXII.

[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 94.

въ исторіи козацкихъ войнъ Богдана Хмельницкаго. Лисенко-Вовгуря былъ въ это время предводителемъ одного загона, называвшагося вовгуревцами и отличавшагося свирѣпостію. Ихъ было сначала 150 человѣкъ, и потомъ въ ряды ихъ принимались только испытанные по силѣ и отвагѣ гайдамаки. „Не было случая, говоритъ лѣтописецъ,— чтобы кто нибудь изъ нихъ живьемъ отдался въ плѣнъ, а врагамъ отъ нихъ *тяжко было, кольки паче жидамъ*". Поляки такъ ихъ боялись, что если, бывало, скажутъ—„вовгуревцы идутъ", то это было ужаснѣе цѣлаго войска козацкаго [1]). Трагедія даетъ понять, что Лисенко ожесточился противъ ляховъ вслѣдствіе какихъ-то непріятныхъ отношеній его къ князю Іереміи Вишневецкому, новому измѣннику православія, но человѣку умному и энергичному [2]). Имѣлъ ли въ дѣйствительности Лисенко какія либо непріятныя отношенія къ князю Іереміи Вишневецкому,—исторія не знаетъ, но, кажется, съ положительностію можно утверждать, что выводимый въ трагедіи панъ Зацвилиховскій, хотя и дѣйствительно существовалъ во времена Богдана Хмельницкаго, но былъ не католикомъ, а православнымъ [3]). „Что касается характера дѣйствующихъ лицъ,— говоритъ К. Сементовскій,—то въ этомъ отношеніи исполненіе „Переяславской ночи" заслуживаетъ особенную похвалу... характеры дѣйствующихъ лицъ вполнѣ сообразны идеѣ, положенной авторомъ въ основаніе своего произведенія, и вообще исполненіе идеи такъ же прекрасно, какъ и она сама... Языкъ трагедіи совершенно приличенъ предмету; стихи вообще плавны; рѣчи Анастасія во всѣхъ отношеніяхъ превосходны. Что же касается грамматической правильности языка, то, пока нѣтъ еще грамматики южнорусскаго языка, все въ этомъ дѣлѣ можетъ быть оспариваемо" [4]).

Отношенія между москвичами и малороссами изображаетъ „Черниговка, быль второй половины XVII вѣка". Содержаніе ея слѣдующее. Въ 1676 году черниговскій полковникъ Василій Кашперовичъ Борковскій, возвратившись изъ Батурина, куда онъ ѣздилъ по гетманскому вызову для войсковыхъ дѣлъ, объявляетъ полковой старшинѣ приказаніе гетмана Самойловича собираться въ походъ за Днѣпръ на Дорошенка и вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ о пріѣздѣ въ Черниговъ новаго воеводы, назначеннаго московскимъ правительствомъ, Тимоѳея Васильевича Чоглокова, который вскорѣ и является съ визитомъ къ полковнику. Новый воевода былъ вдовый женолюбецъ-грѣховодникъ, который однако же старался закрыть свою черную душу личиной внѣшняго благоче-

---

1) Тамъ же, т. 1, стр. 156.
2) Тамъ же, стр. 164 и др.
3) Тамъ же, т. II, стр. 122 и сл.
4) „Маякъ", 1843 г., т. XI, критика, стр. 42 и сл.

стія. Воевода Чоглоковъ узнаетъ отъ сводни Бѣлобочихи, что всѣхъ красивѣе въ Черниговѣ дивчина Ганна Кусовна, дочь козака Куса, и задумываетъ овладѣть ею. Случай для этого выпалъ самый подходящій, по его мнѣнію. Ганна Кусовна считалась невѣстой козака черниговской сотни Якова Өедосѣевича Молявки-Многопѣняжнаго, который, отправляясь въ походъ, выпросилъ у черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича разрѣшеніе обвѣнчаться съ нею по церковному обряду въ петровъ постъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы „весилле" (свадебное пиршество), съ котораго, по старинному малорусскому обычаю, начинался дѣйствительный бракъ, совершено было не въ постъ, а по возвращеніи изъ похода. Въ самый день вѣнчанія и отправки новобрачнаго въ походъ Ганну Кусовну похитили четыре солдата въ тайникѣ, которымъ она отправлялась за водой къ рѣкѣ Стрижню, и притащили въ домъ воеводы Чоглокова, гдѣ онъ заключилъ ее на чердакѣ, въ особой горницѣ, и сотворилъ надъ ней свою грѣшную волю. Для покрытія своего грѣха, онъ отправилъ Ганну Кусовну со своими холопями Васькой и Макаркой въ свою подмосковную вотчину Прогной, гдѣ мѣстный священникъ о. Харитоній, бывшій холопъ Чоглокова, обвѣнчалъ ее, по приказанію Чоглокова, съ холопомъ Васькой. Ганна понемногу свыкалась съ тѣмъ безчувственнымъ спокойствіемъ когда все терпится, не ищется уже средства спасенія, привыкается даже къ тому, къ чему никогда, какъ прежде казалось, привыкнуть невозможно. Васька, однако, не надоѣдалъ Ганнѣ предъявленіемъ своей супружеской власти надъ нею, такъ какъ онъ женился на ней не для себя, а для своего господина. Скоро смѣщенъ былъ, по жалобѣ черниговцевъ, съ воеводства и Чоглоковъ и поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, куда вытребовалъ изъ своей вотчины и Ваську съ Ганной Кусовной, чтобы она была ему наложницей. Прибывши въ Москву, Ганна Кусовна узнала отъ дворни Чоглокова, что въ Москвѣ проживаетъ бывшій гетманъ правобережной Украины Петръ Дорошенко, и отыскала его, а Дорошенко направилъ ее къ думному дьяку Ларіону Иванову, которому она и разсказала о своихъ приключеніяхъ. Вслѣдствіе этого начались для Чоглокова мытарства въ малороссійскомъ и монастырскомъ приказахъ. Онъ ограбленъ былъ въ этихъ приказахъ до ниточки, выгнанъ со двора, шатался по улицамъ, выпрашивая подаяніе на пропитаніе или, вѣрнѣе, на пропитіе, и скоро умеръ подъ заборомъ, всѣми отверженный. Ганна же Кусовна воротилась въ Черниговъ и поселилась у своихъ родителей. Она еще въ Москвѣ узнала отъ бывшаго гетмана Дорошенка о судьбѣ перваго ея мужа Молявки-Многопѣняжнаго. Во время похода подъ Чигиринъ, онъ былъ нѣсколько разъ отправляемъ къ Дорошенкѣ въ Чигиринъ въ качествѣ лазутчика и съ предложеніемъ Дорошенкѣ сложить гетманство и присягнуть рус-

скому царю, и за аккуратное исполненіе порученія возведенъ былъ въ званіе сотеннаго хорунжаго, а затѣмъ назначенъ былъ и сотникомъ въ Сосницу, собственно для наблюденія за поведеніемъ водвореннаго тамъ на время бывшаго гетмана Дорошенка. Пріѣхавши въ Черниговъ за молодой своей сотничихой Ганной Кусовной, Молявка пораженъ былъ на первыхъ порахъ ея безслѣдной пропажею; но, получивъ отъ Чоглокова метрическую выпись о добровольномъ якобы выходѣ ея замужъ за холопа Ваську, женился во второй разъ, но уже не на простой козачкѣ, а на „значной" дѣвицѣ, племянницѣ черниговскаго полковника Дунинъ-Борковскаго, дочери Бутрима. Счастье, повидимому, улыбнулось Молявкѣ-Многопѣняжному и сулило въ будущемъ еще лучшую перспективу. Поселившись въ Сосницѣ для наблюденія за Дорошенкомъ, Молявка соблазнился возможностію отличиться передъ гетманомъ своею умѣлостію надзирать за Дорошенкомъ. Ему очень хотѣлось, чтобы кто-нибудь, либо самъ Дорошенко, либо иной изъ его родни, переведенной на жительство на лѣвую сторону Днѣпра, проговорился, а онъ бы донесъ гетману. Его намѣренію помогъ неосторожно братъ Петра Дорошенка Андрей, допустивши на обѣдѣ у своего брата Петра непристойныя рѣчи о силахъ Юраски Хмельницкаго, которыхъ якобы Москва не одолѣетъ. Молявка донесъ объ этомъ гетману Самойловичу, а этотъ сообщилъ въ Москву. Результатомъ доноса было то, что Петръ Дорошенко вызванъ былъ въ Москву и тамъ оставался до своей смерти Въ это-то время онъ и помогъ Аннѣ Кусовнѣ выпутаться изъ ея тяжелаго положенія. Но и самъ Молявка не только не выигралъ отъ своего доноса, а потерялъ и то, что имѣлъ. Самойловичъ, расположенный теперь къ Дорошенкамъ, охладѣлъ къ навязчивому доносчику Молявкѣ, а сосницкіе атаманъ и писарь выпросили у гетмана возстановленіе давняго своего права избирать сотника вольными голосами и выбрали, вмѣсто Молявки, Андрея Дорошенка. Молявка уѣхалъ съ женой и матерью къ своему тестю Бутриму и долженъ былъ выслушивать отъ сварливой своей жены и ея родителей попреки и жалобы на то, что онъ у нихъ на хлѣбахъ живетъ и не имѣетъ собственныхъ средствъ, и что они ошиблись, отдавши за него свою дочь.

Содержаніе повѣсти взято изъ дѣлъ малороссійскаго приказа, хранящагося въ московскомъ архивѣ юстиціи, но съ прибавленіемъ частныхъ чертъ современной эпохи изъ другихъ источниковъ. Въ особомъ изданіи повѣсти разговоры дѣйствующихъ лицъ изъ малороссовъ ведутся на малорусскомъ языкѣ, чего, конечно, не могло быть въ московскихъ оффиціальныхъ документахъ. Но что передаетъ документъ и что сообщаетъ Н. И. Костомаровъ изъ другихъ источниковъ,—въ повѣсти отдѣлить трудно одно отъ другаго. Во всякомъ случаѣ повѣсть, въ общихъ чертахъ, удачно схватываетъ духъ того времени и изображаетъ

особенности тогдашняго быта, подтверждаемыя другими источниками. Такъ напримѣръ, и послѣ эпохи Дорошенка въ Малороссіи продолжало существовать раздѣленіе церковнаго вѣнчанія и брачнаго „весілля", такъ что нѣкоторыя пары, обвѣнчанныя такимъ образомъ, и вовсе иногда не сходились для брачнаго сожительства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ указъ императрицы Анны Іоанновны, воспрещающій малороссамъ подобные браки Что же касается изображенія быта и жизни Москвы и московскихъ людей того времени, то на него наложены авторомъ уже слишкомъ густыя, темныя краски, производящія отталкивающее впечатлѣніе.

Всѣ перечисленныя произведенія Н. И. Костомарова касаются прошлой исторіи Малороссіи. Но есть у него и такія произведенія, которыя имѣютъ въ виду современное положеніе Малороссіи въ славянскомъ мірѣ. Это—собственно мелкія лирическія стихотворенія, въ которыхъ авторъ или возстаетъ противъ увлеченія западными доктринами, мѣшающими славянамъ познать самихъ себя, и грозитъ гибелью надменному западу, или воспроизводитъ въ художественной формѣ мотивы народныхъ украинскихъ пѣсенъ, или знакомитъ малороссовъ съ поэтическими произведеніями другихъ народовъ и славянскихъ племенъ и въ этомъ отношеніи сходится по своей дѣятельности съ А. Метлинскимъ и Корсуномъ.

Протестъ противъ началъ просвѣщенія, враждебныхъ славянству, мы видимъ въ стихотвореніяхъ г. Костомарова: „Эллада", „Давнина", „На добра-нічь". Въ „Элладѣ" онъ бранитъ безтолковую Элладу за то, что ея посмертная память ослѣпляла маною намъ очи: „ми, на тебе глядючи,—говоритъ авторъ,—не бачили сами себе", т. е. не имѣли славянскаго самосознанія. Въ „Давнинѣ" онъ говоритъ о безпутныхъ эллинскихъ богахъ и глупыхъ людяхъ, считавшихъ ихъ дѣйствительными богами, и высказываетъ сожалѣніе о томъ, что „Прометея нового не мае". Этотъ Прометей явится, какъ звѣзда отъ востока, т. е. со стороны славянскаго міра,—и тогда горе будетъ Вавилону, т. е. западу.

Славянское возрожденіе должно начаться съ возрожденія каждаго отдѣльнаго славянскаго племени, слѣдователно и малорусскаго. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ оно выражалось собираніемъ народныхъ пѣсенъ и вообще литературныхъ произведеній и возсозданіемъ ихъ въ болѣе или менѣе художественныхъ формахъ. То и другое мы видимъ и у г. Костомарова по отношенію къ украинской литературѣ. Онъ занимался собираніемъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и нѣкоторые мотивы ихъ пытался воспроизвести и облагородить въ своихъ мелкихъ лирическихъ произведеніяхъ. Это—преимущественно стихотворенія, написанныя по поводу явленій видимой природы, которыя

г. Костомаровъ сближаетъ съ явленіями человѣческой жизни, находя между ними сходство, или противоположность. Такъ, въ одномъ стихотвореніи „Голубка" она нарекаетъ на своего милаго, который оставилъ ее одинокою. Авторъ совѣтуетъ не нарекать на него напрасно: „ростяла ему головку паньска стрілка хижа". Въ стихотвореніи „Весна й Зіма" авторъ весною вспоминаетъ о зимнихъ „мережкахъ" на окнѣ, а теперь зимой вспоминаетъ о веснѣ. Въ „Веснянкѣ" сравниваются дівчата съ зірьками и квитками. Стихи „Забачення" заключаютъ приглашеніе парубка дивчинѣ выдти „до гаю" и идеализируютъ чистоту любви молодыхъ людей. Въ стихотвореніи „Нічна розмова" парубокъ зоветъ дивчину въ „гай" или въ „очеретъ", обѣщаясь что-то сказать и „нишкомъ робить"; только мѣсяцъ будетъ свѣтить имъ; но дивчина не хочетъ, чтобы глядѣлъ на то и мѣсяцъ. Въ стихотвореніи „Вулиця" представляется цѣлый рядъ моментовъ любви молодыхъ людей. Дивчина вызвала парубка на „вулицю"; тамъ игрались они, миловались вдоволь. Въ другой разъ дивчата опять пошли въ таночекъ, а ее мать не пустила. Милый стоитъ у окна и зоветъ ее на вулицю; но дивчина проситъ его не скрываться отъ людей со своею любовію, а цѣловаться съ ней въ полуденную пору. Въ стихотвореніи „Поприки" парубокъ попрекаетъ дивчину за то, что она не вѣритъ его любви. Въ стихотвореніи „Зірка" козакъ ищетъ на небѣ зірочки—своей доли. Зірочка вспыхнула и погасла, пропало и счастье козака.

Въ этихъ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ трудно указать нагляднымъ образомъ матеріалъ народныхъ пѣсенъ, да едва ли и возможно. Кажется, Н. И. Костомаровъ передѣлывалъ этотъ матеріалъ довольно самостоятельно и извлекалъ изъ него только общечеловѣческіе звуки. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ въ строгомъ смыслѣ поэтомъ-этнографомъ украинскимъ и руководился болѣе эстетическими или художественными стремленіями. Съ этой точки зрѣнія онъ не только позволялъ себѣ довольно самостоятельно переработывать украинскія народныя пѣсни, но и обогащалъ украинскую литературу переводами художественныхъ произведеній другихъ народовъ Извѣстно нѣсколько украинскихъ его переводовъ и передѣлокъ изъ Байрона, какъ-то „До жідивки", „Журьба еврейська", „Місяць", „Погибель Сеннахерибова" и „Дика коза". Есть также значительное число его украинскихъ переводовъ изъ классическихъ славянскихъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ. Стихотвореніе Костомарова „Хмарки" есть, повидимому, подражаніе стихотворенію Лермонтова „Тучки небесныя". Изъ Мицкевича переведены или передѣланы стихотворенія: „До Марьи Потоцької" и „Паничъ и дівчина". Изъ краледворской рукописи переведены: „Олень" и „Турнія".

Вообще же, о всѣхъ произведеніяхъ Н. И. Костомарова нужно замѣтить, что въ нихъ сравнительно мало этнографической вѣрности

украинскому населенію. Вмѣсто чистаго источника народной поэзіи, онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ лѣтописнымъ намекамъ, легендамъ сомнительнаго происхожденія и архивнымъ дѣламъ и пользуется ими, какъ народными произведеніями. Могло это зависѣть какъ отъ того, что Н. И. Костомаровъ родился не въ центрѣ Украины и изучалъ ее попреимуществу теоретически, книжнымъ образомъ, такъ и отъ того, что въ пору молодости его, къ которой относится большинство его произведеній, онъ увлекался эстетическими, художественными стремленіями, какъ это можно видѣть изъ его перваго очерка украинской литературы 1843 года, и этимъ художественнымъ стремленіямъ жертвовалъ этнографическою вѣрностію красокъ. Самый языкъ малорусскихъ произведеній Н. И. Костомарова не отличается чистотою и легкостію. Поэтому г. Кулишъ не безъ основанія замѣтилъ еще въ 1857 году, что „теперь намъ нечего дѣлать съ сочиненіями Іереміи Галки.., хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти пять—шесть стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины“ [1]). Если же эти произведенія и пользовались въ свое время, а отчасти и теперь пользуются извѣстной долей вниманія читающей малорусской публики, то, какъ намъ кажется, потому, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу ветерановъ украинской литературы и внесъ, въ свое время, значительный вкладъ въ тогдашнюю скудную украинскую литературу, и что онъ пользуется большимъ авторитетомъ, какъ историкъ Россіи и въ частности Малороссіи.

2

Александръ Александровичъ Навроцкій [2]).

Александръ Александровичъ Навроцкій родился 28 іюля 1823 г. въ селѣ Антоновкѣ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи; получилъ образованіе сначала въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, по-

---

[1]) „Взглядъ на малороссійскую словесность“ въ 12-мъ томѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1857 годъ, стр. 230.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ статьѣ Н. И. Костомарова въ журналѣ „Кіевская Старина“, за февраль, 1883 года: „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“, стр. 226 и 229. Другія біографическія свѣдѣнія получены отъ самого А. А Навроцкаго.

томъ въ полтавской гимназіи и наконецъ окончилъ курсъ наукъ по первому отдѣленію философскаго факультета въ кіевскомъ университетѣ въ январѣ 1847 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ томъ же году, въ апрѣлѣ, по доносу студента Петрова, Навроцкій взятъ былъ, вмѣстѣ съ Н. Костомаровымъ, Кулишомъ, Шевченкомъ, Н. И. Гулакомъ и студентами Марковичемъ, Пасядой и Андрусскимъ, въ Петербургъ, въ третье отдѣленіе, и черезъ два мѣсяца, по высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Вятку, какъ объявилъ ему Л. В. Дубельтъ, за прикосновенность къ дѣлу объ украинско-славянскомъ обществѣ, и выдержанъ тамъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ, а потомъ опредѣленъ на службу въ одинъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ вятской губерніи, въ г. Елабугу, писцомъ въ земскій судъ. Тогдашній вятскій губернаторъ, А. И. Середа, сочувственно и гуманно принялъ Навроцкаго и въ самый день его прибытія въ Вятку, за большимъ обѣдомъ у себя, сказалъ слѣдующее: „Сюда привезли молодаго человѣка; конечно, его осуждаетъ законъ, но люди не должны осуждать". И затѣмъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ по окончаніи тюремнаго заключенія, онъ оказывалъ молодому человѣку всевозможное вниманіе, не говоря уже о томъ, что аттестовалъ его въ Петербургъ самымъ лестнымъ образомъ. Отправляя Навроцкаго изъ Вятки въ Елабугу, губернаторъ, между прочимъ, сказалъ ему: „куда бы ни бросила васъ судьба, будьте честны, будьте строги къ самому себѣ. Если бы она сдѣлала меня дворникомъ, дровосѣкомъ, я бы такъ же честно исполнялъ обязанности дворника, дровосѣка, какъ теперь исполняю обязанности губернатора. Мужайтесь. Будьте спартанцемъ, будьте хохломъ!" Изъ Елабуги А. А. Навроцкій переведенъ въ 1849 г. на службу въ Курскъ; по снятіи же съ него въ 1851 г надзора полиціи, подъ которымъ находился и въ Елабугѣ, и въ Курскѣ, онъ переѣхалъ въ 1853 г. на службу въ Петербургъ, а оттуда, въ 1858 году, сначала въ Дагестанскую область (г. Темиръ-Ханъ Шуру), а потомъ, въ 1870 году, въ Эривань совѣтникомъ губернскаго правленія, гдѣ служитъ и по настоящее время. Какъ писатель, онъ доселѣ извѣстенъ былъ только двумя малорусскими стихотвореніями своими, помѣщенными въ „Основѣ" за іюнь и августъ 1861 года. Изъ нихъ одно „Останняя воля", повидимому, написано по подражанію Шевченкѣ. Кромѣ того, въ редакцію „Основы" доставлено было не менѣе 22 стихотвореній Навроцкаго, написанныхъ имъ въ періодъ времени между 1847 и 1861 годами, которыя однако же не были напечатаны здѣсь частію потому, что журналъ „Основа" въ 1862 году прекратился, частію по недостатку въ нихъ самостоятельности, живости и поэтическаго творчества. Намъ извѣстны слѣдующія неизданныя стихотворенія А. А. Навроцкаго: „Зірка", 1847 г., „Козакъ и дівчина" 1847 г., „Думка" 1848 г., переводы стихотвореній Хомякова „Зорі", „Вечірня пісня" и „Нічъ" 1856 г.,

„Пісня“ 1856 г.“, „Думка“ 1857 г., „Пісні зъ Гейне“ (три) 1859 г., „Нічъ“ 1859 г., переводы изъ Мицкевича „Те люблю я (баллада)“, „Панічъ и Дивчина“, „Рибка“, „Романтичність“, „Розмова“ и „Могилка Марусі“ 1861 г., „Пронеслися тихі вітри“, „Доля“, „Дума“, „Комета“ и др., писанныя тоже около 1861 года. Послѣ 1862 г., А. А. Навроцкій перевелъ на малорусскій языкъ 12 поэмъ Оссіана; „Земля и небо“, „Каинъ“, „Манфредъ“ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній Байрона; нѣсколько стихотвореній изъ Шиллера и Гёте (изъ послѣдняго „Римські елегиі“ и „Земне життя і апофеоза худоги), переложилъ не гекзаметрами, а малорусскимъ народнымъ стихомъ Иліаду и Одиссею Гомера и написалъ стихотвореніе „На вічню памъять И. С. Тургеневу“. Все это лежитъ пока въ портфелѣ автора. Болѣе раннія изъ перечисленныхъ стихотвореній Навроцкаго имѣютъ немаловажное значеніе для опредѣленія воззрѣній и руководящихъ идей кирило-меѳодіевскаго кружка, которыя высказываются у г. Навроцкаго довольно ясно и опредѣленно. Изъ перечня его стихотвореній видно уже, что онъ въ значительной мѣрѣ вдохновлялся новоромантическими писателями Гейне, Байрономъ, Шиллеромъ, Гёте и Мицкевичемъ. Насколько мы знаемъ, стихотворенія Гейне у А. Навроцкаго въ первый разъ являются въ малорусскомъ переводѣ. Для примѣра, приведемъ одну его пѣсню изъ Гейне:

Знову поле зеленіе,
Стало густо въ гаі,
Вітерець тихенький зъ его
Тепломъ пов вае.
Сонце світить, сонце гріє,
Весело сміетця...
Прийшла, весно! и зъ тобою
Серце знову бьетця!
И твій голосъ, соловейку!
Розніся по гаю...
Чого жъ пісню свою щиру
Ти сумно співаешъ?
То тихесенько ти плачешъ,
То гірко ридаешъ...
Знаю, знаю: у тій пісні
Серце виливаешъ.

У одного только А. Навроцкаго мы встрѣчаемъ также переводы стихотвореній Хомякова, одного изъ представителей московскаго славянофильства. Мы приведемъ здѣсь переводъ его стихотворенія „Зорі“, характеризующаго отношеніе переводчика къ священному писанію:

Опівночі, якъ все стихне,
Й ляже Божая роса,
Подивися окомъ чистимъ
У святиі небеса:
Тамъ далеко, въ мирі тихімъ,
На широкій висоті,
Невідомо намъ творятця
Чудеса якісь святі.
Зорі—Божиі лампади—
Въ небі синему висять,
Ходять, сяють—світомъ вічнимъ
Зорі вічніі горять.
Придивися пильнимъ окомъ,
Серцемъ въ небо позирни,—
И побачишъ ти: глибоко
Зорі вічні въ вишині
Ходять, тонуть; другі йдуть;
А за дальними зірками
Зорі вічні знову пливуть.
Подивись ще—тьма за тьмою
Вище, дальше все пішла:
И огнемъ передъ тобою
Небо синее пала.
Опівночі, якъ все змовкне,
Якъ спаде съ душі кора
И засяе тихо въ серці
Искра чистая добра,—
Подивися ти душею,
Придивися ти тоді
У писанія прости
Галилейськихъ рибарівъ,—
И ввесь миръ передъ тобою,
Небо, вишніі мирі
Зъ невідомою красою
Все розвернетця тобі
Въ тихъ писаніяхъ нехитрихъ.
И побачишъ ти: во тьмі
Зорі—думи, зорі світа
Тайно ходять кругъ землі.
Глянь ище—и другі сходять,
Сходять, сходять и ростуть,
И світъ правди, світъ любові,

Світъ добра у миръ несуть,
Глянь ище, и зорі—думи
Сходять знову безъ числа,—
И іхъ чистими огнями
Серце сонне запала.

Въ болѣе позднихъ стихотвореніяхъ своихъ Навроцкій высказываетъ глубокое сочувствіе къ крѣпостному русскому люду, требуетъ для него свободы и привѣтствуетъ самый фактъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. А намъ уже извѣстно, что освобожденіе крестьянъ было однимъ изъ дезидератовъ кирилло-меѳодіевскаго кружка. Лучшее въ этомъ отношеніи стихотвореніе Навроцкаго, по нашему мнѣнію, есть стихотвореніе „Доля", написанное въ духѣ стихотвореній Кольцова:

Поле мое, поле,
Не оране поле!
Доле моя, доле,
Непроглядна доле!

—

Сімъ літъ ходивъ зъ дому
Зароблять худобу,
Та принісъ до дому
Порожнюю торбу.

—

Гляну я на поле—
Густо зеленіе,
Не жито—пшениця
—Трава половіе.

—

Ой зъоравъ би поле,
Та волівъ немае;
Ще бъ пошукавъ долі—
Та силъ не хватае.

—

Ой піду я въ хату,
Сяду поміркую;
Може тамъ пораду
Собі знайду я.

—

Сумно стоіть хата,
На бікъ похилилась,
На городі тільки
Кропива вродилась.

Холодно и пусто..
И жінка и діти
Давно виглядають
Мене на тимъ світі.

—

Пішовъ би до нихъ я;
Такъ держусь—кріплюся..
Нехай ище горя
Трохи наберуся.

—

Нехай ще страшнні
Та лютні муки
Попомучать въ світі,
Поки скрутить руки.

—

Нехай погуляе,
Нехай покепкуе,
Нехай ще зо мною
Доля пожартуе.

—

Годі ледащицю
Шукать—виглядати;
Пора вже спочинокъ,
Спокій собі дати.

—

Годі! потихеньку
Въ шинокъ помандрую,
Тіеі лихоі
Трошки покуштую.

—

Покуштую въ вечіръ,
Покуштую въ-ранці,
Та й ляжу гарненько
Въ зеленімъ байраці.

—

Зъ вечера и въ ранка
Буду коштувати—
Въ зеленімъ байраці
Долі виглядати.

—

Чи вигляну—виджу,
Чи вже не діждуся,

А шукати злої
Самъ не піднимуся.

—

Въ стихотвореніи „Дума" Навроцкій приглашаетъ душевладѣльцевъ просвѣтиться животворящимъ свѣтомъ и освободить меньшаго брата изъ неволи крѣпостничества:

Зречись тій срамотноі
Власти нелюдськоі,
Щобъ людъ бідний живъ для тебе,
Для твого спокою,
Щобъ на тебе на одного
Тутъ усі робили,
Щобъ тобі душею й тіломъ
Цілий вікъ годили.

Наконецъ, А. Навроцкій дождался освобожденія крестьянъ, по волѣ царя, отъ крѣпостной зависимости и воспѣлъ это освобожденіе въ своемъ стихотвореніи „Пронеслися тихі вітри":

Пронеслися тихі вітри,
Дали звістку дітямъ,
Що немае вже неволі
На білому світі;
Що по слову царевому
Всімъ добро настало,
Що неволі на Вкраіні
Наче не бувало;
Що всімъ вільно, що всімъ рівно
На добро служити,
Що немае вже нікого—
Добро зупинити.
Встане теперъ Украіна,
Піднимитця вгору,
Не попсуе, не знівичить
Святого простору,—
Не попсуе, а на правду,
На святее діло
Щиримъ серцемъ и душею
Прокинитця сміло,
И оживе, и простяне
Замучені руки
До добра—труда святого,
До світа науки.
И тихенько, въ своій хаті,

На рідному полі,
Зробить думку свою щиру
Безъ шуму, по-волі.
Безъ гармидеру, безъ крику,
Въ своій сільскій справі,
Свої крила приборкані
Широко розправить.
Візьме добро, що зъявили
Передніі люде,
И понесе изъ собою
Тихо, безъ огуди,—
Щобъ не соромъ було ввійти
У семъю велику,
Поєднатися зъ братами
До вічнего віку;
Щобъ не соромъ було стати
Міжъ людей на раду,
Щобъ славяне не сказали,
Що стоімъ по-зяду.
И поллютця добра ріки,
Підуть въ усі жерла,
И воскресне усе чисте,
Що було померло...

Въ этомъ стихотвореніи актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости привѣтствуется преимущественно въ его отношеніи къ Украинѣ и разсматривается какъ уничтоженіе одного изъ препятствій къ соединенію славянъ въ одну семью; слѣдовательно, точка зрѣнія у автора—славяно-украинофильская.

3.

Пантелеимонъ Александровичъ Кулишъ [1]).

Пантелеимонъ Александровичъ Кулишъ родился въ 1819 году, въ мѣстечкѣ Воронежѣ, черниговской губерніи, глуховскаго уѣзда.

---

[1]) Источники: 1) „Отвѣтъ П. А. Кулишу", Н. Бунге, въ 12 томѣ „Русскаго Вѣстника" за 1857 г.; 2) Slownik nauczny"; 3) „Жизнь Кулиша", въ галицкомъ

Происходя изъ старыхъ козацкихъ родовъ по отцу и по матери, Кулишъ съ дѣтства росъ среди чисто народнаго украинскаго быта и старыхъ поэтическихъ преданій, которыя въ его воспріимчивой натурѣ стали основаніемъ его позднѣйшей дѣятельности. Онъ учился въ новгородъ—сѣверской гимназіи, потомъ въ кіевскомъ университетѣ; ученье шло неправильно по недостатку средствъ и по другимъ обстоятельствамъ. Кулишъ не кончилъ курса въ университетѣ, но умѣлъ собственными неутомимыми трудами восполнить этотъ недостатокъ и рано обратилъ на себя вниманіе горячимъ интересомъ къ народности и ея знаніемъ. Бывши въ университетѣ, онъ познакомился съ профессоромъ русской словесности, извѣстнымъ Максимовичемъ, который послѣ своими связями помогъ Кулишу устроить свои матеріальныя дѣла. Оставивъ университетъ, Кулишъ былъ учителемъ въ Луцкѣ, въ Кіевѣ, въ Ровно. Въ альманахѣ Максимовича „Кіевлянинъ" (1840—1 гг.) явились первые труды Кулиша, разсказы изъ народныхъ преданій. Около того же времени Кулишъ познакомился съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ Михаиломъ Грабовскимъ, библіоманомъ Свидзинскимъ, содѣйствіе которыхъ много помогло его изученіямъ украинской старины. Въ 1843 году Кулишъ напечаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко", поэму „Украина", въ 1845 году первыя главы своей „Черной Рады" въ „Современникѣ" Плетнева. Въ 1845 году Кулишъ познакомился въ Кіевѣ съ кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ, которые были одушевлены тѣмъ же стремленіемъ работать для своей родины,—Шевченкомъ, В. Бѣлозерскимъ. Между тѣмъ Плетневъ вызывалъ его въ Петербургъ, гдѣ готовилъ ему ученую карьеру: Кулишъ былъ уже въ Варшавѣ, по дорогѣ за границу, куда посылали его для изученія славянскихъ нарѣчій, какъ былъ арестованъ здѣсь, пробылъ два мѣсяца въ крѣпости, потомъ три года прожилъ въ Тулѣ. Однимъ изъ поводовъ къ обвиненію послужила „Повѣсть объ украин-

журналѣ „Правда", 1868 г., №№ 2, 3 и 7: 4) „Молодий вік П. Кулиша", въ „Руськой читанкѣ для среднихъ школъ" О. Партицького, Львовъ, 1871 г.; 5) „Читанка Барвинського", ч. 3, Львовъ, 1871 г.: 6) „Поэзія славянъ" Гербеля, Спб., 1871 г.; 7) „Шевченко, Максимовичъ и Костомаровъ предъ историческимъ судомъ П. улиша", Ив—нка, въ 20 № „Кіевлянина" за 1875 г.; 8) „Русская Старина" за мартъ, 1878 г.; 9) „Исторія славянскихъ литературъ" Пыпина и Спасовича, т. 1, Спб., 1879 г., стр. 373—5; 10) „За крашанку—писанка", Д. Мордовцева, Спб, 1882 г.; 11) „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность", Н. И. Костомарова, въ „Кіевской Старинѣ" за февраль, 1883 г.; 12) „Дѣятельность Кулиша", въ 216 № „Москов. Вѣдом.", за 1883, и въ „Гражданинѣ", за 1883 г. Перечень его украинскихъ сочиненій см. въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 года; но здѣсь не раскрыты многочисленные псевдонимы Кулиша.

скомъ народѣ“, помѣщенная Кулишемъ въ „Звѣздочкѣ“ г-жи Ишимовой. Въ 1850 году Кулишу разрѣшено было ѣхать въ Петербургъ, но было запрещено писать. Онъ поступилъ—было на службу, много работалъ (безъ имени) въ журналахъ, написалъ нѣсколько повѣстей: „Записки о жизни Гоголя“; но служба не шла; онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ на Украйну, гдѣ занялся хозяйствомъ и литературой. Въ 1856 году амнистія дала ему возможность открытой литературной дѣятельности. Въ томъ же и слѣдующемъ году Кулишъ издалъ два тома очень замѣчательныхъ „Записокъ о южной Руси“; въ 1856 году сдѣлалъ второе изданіе „проповѣдей“ священника Гречулевича на малорусскомъ языкѣ, которыя переработалъ и на-половину написалъ самъ; въ 1857 году напечаталъ въ „Русской Бесѣдѣ“ свой давно начатый романъ „Черная Рада, хроника 1663 года“, который тогда же издалъ на малурусскомъ языкѣ. Въ 1860 году онъ собралъ свои „Повѣсти“ (въ четырехъ томахъ), издалъ альманахъ „Хата“; изданіе журнала ему не было разрѣшено, и когда въ слѣдующемъ году началась „Основа“, Кулишъ былъ дѣятельнѣйшимъ ея сотрудникомъ, наполняя чуть не на половину каждую изъ ея книжекъ своими историческими, этнографическими и критическими статьями, повѣстями, всякаго рода замѣтками, поэмами и мелкими стихотвореніями, подъ своимъ именемъ и подъ псевдонимами. Кромѣ того, онъ издалъ сочиненія и письма Н. В. Гоголя (6 томовъ), „Кобзарь“ Шевченка 1860 г. „Повѣсти Григорія Квитки“ (2 тома) и „Народні Оповідання“ Марка Вовчка. Въ 1862 году вышелъ небольшой сборникъ его стихотвореній „Досвітки“. Еще въ 1857 году явилось первое изданіе его „Граматки“, съ которой пошло въ ходъ и принятое имъ правописаніе, такъ называемая „Кулишовка“. Въ 1861 году эта „Граматка“ вышла вторымъ изданіемъ. По прекращеніи журнала „Основы“, Кулишъ участвовалъ въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи“ и въ 1862 году помѣстилъ здѣсь три отрывка изъ своего историческаго романа начала XVII вѣка, именно—„Встрѣча“, „Братья“ и „Два стана“. Около 1863 года стѣсненныя матеріальныя обстоятельства побудили Кулиша искать службы въ Польшѣ; но онъ вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку [1]. Послѣ этого онъ участвовалъ нѣкоторое время въ галицкихъ изданіяхъ, и между прочимъ помѣстилъ въ „Правдѣ“ за 1868 годъ „перший період козацтва ажъ до ворогування зъ ляхами“, и издалъ пятокнижіе, псалтирь и четвероевангеліе на украинскомъ языкѣ. Кулишъ предназначалъ эти труды не для русской Украйны, а только для Галиціи, гдѣ надо было спасать русскую народность въ тамошнемъ об-

---

[1]) О причинахъ отставки см. „Московскія Вѣдомости“, 1883 г., № 216.

дѣйствѣ: онъ хотѣлъ или былъ принужденъ устранять отъ этого дѣла ту же самую народность на Украйнѣ. Какъ говорятъ однако, въ Галиціи, по другимъ соображеніямъ, этихъ книгъ тоже боятся. Съ 1874 года стала выходить его съ разныхъ сторонъ замѣчательная „Исторія возсоединенія Руси“, задуманная въ обширныхъ размѣрахъ, третій томъ которой вышелъ въ 1877 году. Одновременно съ ней стали появляться въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и другія сочиненія Кулиша, какъ-то: „Польская колонизація югозападной Руси“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за апрѣль 1874 г., „Мятель въ степи, польская повѣсть“ въ „Газетѣ Гатцука“ за 1876 годъ, „Турецкая неволя“ въ „Русской Старинѣ“ за мартъ 1877 года, „О козачествѣ“ въ „Русскомъ Архивѣ“ за іюнь 1877 года, и др. Въ 1876 году Кулишъ снова перенесъ центръ своей литературной дѣятельности въ Галицію и продолжаетъ работать и до настоящаго времени, срѣдка посылая свои работы и въ русскія газеты и альманахи. Изъ позднѣйшихъ его трудовъ намъ извѣстны слѣдующіе: „Малеваная гайдамаччина“ въ „Правдѣ“ за 1876 годъ, „Галицька Русь“ и „Хуторянка“ въ буковинскомъ альманахѣ „Руська Хата“ на 1877 годъ, „Святе письмо нового завіту“, 1880 г., „Воспоминанія о Шевченкѣ“ въ 6 № газеты „Трудъ“ за 1881 годъ, „Хуторна поэзія“ и „Крашанка русинамъ и полякамъ на великдень“, Львовъ, 1882 г., и „Шекспирові твори“ въ переводѣ съ англійскаго языка на украинскій, Львовъ, 1882 г., томъ 1. [1]).

---

[1]) Приводимъ здѣсь списокъ извѣстныхъ намъ сочиненій и изданій Кулиша на русскомъ и малорусскомъ языкахъ: 1) „Малороссійскіе разсказы“ въ „Кіевлянинѣ“ на 1840 годъ. 2) „Цыганъ“, повѣсть въ „Ластовкѣ“ Гребенки; перепечатана въ Петербургѣ въ 1861 и въ Кіевѣ въ 1883 гг. 3) „Михайло Чарнышенко, или Малороссія 80 лѣтъ назадъ“. Кіевъ. 1843. 4) „Україна“, поэма. Кіевъ. 1843. 5) „Орися, идиллія“, 1844 г., напечатанная въ „Запискахъ о южной Руси“, 1857 г.; издана особой брошюрой въ С.-Петербургѣ въ 1861 году и въ Кіевѣ въ 1883 г. 6) Первыя главы романа „Черная Рада“ въ „Современникѣ“ за 1845 годъ. 7) „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ въ журналѣ „Звѣздочка“ за 1846 годъ и особымъ оттискомъ. 8) Стихи: „Три слези дівочи“, „Ой колибъ я голосъ соловейка мала“ и „Віє вітеръ надъ Киевомъ“, 1847 года, напечатанные въ альманахѣ „Хата“ 1860 года. 9) Повѣсть „Алексѣй Однорогъ“, 1853 г. 10) „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, два тома 1856. 11) „Записки о южной Руси“, два тома, 1856 и 1857 гг. 12) Сочиненія и письма Гоголя, въ шести томахъ, 1857 года. 13) „Взглядъ на малороссійскую словесность“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1858 годъ. 14) „Кіевскіе богомольцы“ въ „Народномъ Чтеніи“ за февраль 1857 г. 15) Историческій романъ „Чорна Рада“ въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1857 г. и особой книгою. 16) „Граматка“, 1857 г., вторымъ изданіемъ вышедшая въ 1861 году. 17) „Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ“ протоіерея В. В. Гречулевича, переработанныя и дополненныя Кулишомъ, 1857 г. 18) „Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріѣ Самозванцѣ“, 1857 г. 19) „Народні оповідання“ Марка Вовчка, 1857 г. 20) „По-

Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ Кулиша указываетъ на подвижной и энергическій талантъ; но въ немъ бывали извѣстныя неровности и увлеченія. Кулишъ никогда не былъ ни чистымъ этнографомъ, ни чистымъ историкомъ: въ исторію и этнографію онъ вноситъ поэтическое или публицистическое возбужденіе, а въ дѣятельности художественной недостатокъ чистой поэзіи восполняется искусственной обдуманностію. Подъ вліяніемъ чувства, теоретическія воззрѣнія ко-

---

вѣсти Квитки", съ предисловіемъ, 1858. 21) „Маіоръ, малороссійская повѣсть", въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1859 г. 22) „О Климентіѣ", въ „Русской Бесѣдѣ" за 1859 г. 23) „Повѣсть о южной Руси" въ „Народномъ Чтеніи" за 1859 и 1860 гг. 24) „Народныя пѣсни, подобранныя Кулишомъ", тамъ же, за 1859 г., 2. 25) „Н. В. Гоголь",—біографическій очеркъ, въ книгѣ „Лицей князя Безбородко", 1859. 26) „Кобзарь" Т. Г. Шевченка, 1860. 27) „Повѣсти П. А. Кулиша" на русскомъ языкѣ, въ четырехъ томахъ, 1860. 28) Альманахъ „Хата", 1860 г., гдѣ между прочимъ, помѣщены; „Сіра кобила" подъ псевдонимомъ Иродчука и „Колії", украинская драма 1760 годовъ. 29) „На почтовой дорогѣ въ Малороссіи" въ 49 № „Искры" за 1860 годъ. 30) Нѣсколько малорусскихъ стихотвореній въ „Черниговъ. Листкѣ" за 1861—2 годы. 31) „Другой человѣкъ,—изъ воспоминаній былого", 1859 г., напеч. въ „Основѣ" за мартъ, 1861 г. 33) „Хмельнищина", 30 дек., 1860 г., напеч. въ „Основѣ" за мартъ, 1861 г. и особой брошюрой. 34) „Обзоръ украинской словесности" въ „Основѣ" за январь, мартъ, апрѣль, май, сентябрь, ноябрь и декабрь 1861 года. 35) „Листы съ хутора", подъ псевдонимомъ Хуторянина, за январь, февраль, мартъ, апрѣль, ноябрь и декабрь 1861 г. 36) „Южно-русскій словарь", тамъ же, за февраль и слѣдующіе мѣсяцы 1861 г. 37) „Замѣтки и наброски для драмы изъ украинской исторіи Н. В. Гоголя", тамъ же, за январь 1861 г. 38) „Характеръ и задача украинской критики", тамъ же, за февраль, 1861 г. 39) „Знайдений на дорозі листъ", подъ псевдонимомъ Необачнаго. 40) „О публичныхъ чтеніяхъ профессора Костомарова изъ исторіи Украины по смерти Богдана Хмельницкаго", подъ псевдонимомъ Ванька Казюки, тамъ же. 41) „Півпівника, гишпанська дітська казочка", подъ тѣмъ же псевдонимомъ, тамъ же, за апрѣль; перепечатана въ Кіевѣ въ 1883 году. 42) „Плачъ россійскій" 1718 года, тамъ же, за май. 43) „Липовыя пущи", подъ псевдон. Д. П. Хоречко, тамъ же. 44) „Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка", тамъ же, за май, іюнь и іюль 1861. 45) Стихи: „Народня слава", „Солониця", „Зза-Дунаю", „Съ того світу" Вареоломею Шевченкѣ, „Кумейки (1637 г.)", „Что есть мнѣ и тебѣ, жено?" тамъ же, за сентябрь 1861 г. 46) „Украинскія незабудки, очерки изъ невозвратнаго времени", 47) „Передовые жиды". 48) „О повѣсти г. Кузьменка и 49) „Исторія Украіни одъ найдавнійшихъ часівъ", тамъ же, 50) Переводъ балладъ Мицкевича: „Русалка", „Химери", „Чумацькі діти", подъ псевдонимомъ Ломуса, тамъ же, за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1861 г. 51) „Листи Шевченка до Я. Г. Кухаренка и М. С. Щепкина", тамъ же, за октябрь 1861 г. 52) Стихи: „Самъ собі", „Люли-люла", „Старець", „Дунайска дума", „Гоголь и Ворона", тамъ же, 53) „Настуся, поэма (1648 г.)", тамъ же, за октябрь, ноябрь и декабрь 1861. 54) „Великі проводи, поэма (1648)", тамъ же, за январь и февраль 1862 г. 55) Стихи: „Давне горе", „Lago Maggiore", „До Данта", „До Марусі", „Родина едина",

лебались и неразъ впадали въ противоположныя крайности. Такъ, за восторженнымъ панегирикомъ Гоголю въ біографіи слѣдовалъ крайне строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта: этотъ судъ, какъ бы ни были отдѣльныя сужденія справедливы, былъ невѣренъ уже тѣмъ, что совсѣмъ забывалъ отношенія времени и мѣста.

„Святиня", тамъ же, за ноябрь и декабрь, 1861 г. 56) „Виговщина", тамъ же. 57) „Людьска память про старовину", подъ псевдонимомъ Панька Казюки (изъ „Записокъ о южной Руси"), тамъ же, за январь 1862 г. 58) „Библіографія" и „Перегладъ украинскихъ книжокъ", тамъ же, за январь и мартъ 1862 г. 59) „Простакъ" В. А. Гоголя, тамъ же, за февраль, 1862 г.; изданъ особо въ Кіевѣ въ 1872 и 1882 г. г. 60) „Полякамъ объ украинцахъ", тамъ же. 61) Стихи—„До братівъ на Вкраіну", 62) „Устня мова зъ науки", и 63) „Отвѣтъ на письмо съ юга", тамъ же, за мартъ 1862 г. 64) „Поѣздка въ Украину", тамъ же, за апрѣль 1862 г. 65) „Взглядъ южнорусскаго человѣка XVI столѣтія на нѣмецко-польскую цивилизацію", тамъ же, за іюнь 1862 г. 66) Стихи „Заспівъ", „Рідне слово" и „Вареоломееві Шевченкові", тамъ же, за августъ, и октябрь 1862 г. 67) „Исторія испанской литературы по Тикнору", 1861 г. (изъ „Отечественныхъ Записокъ" за 1852 годъ). 68) „Досвітки, думи и поеми", С. Петербургъ, 1852 г.; второе изд. въ Кіевѣ 1878 г. 69) „Драматическія сочинения Квитки", С. Петербургъ, 1862 года. 70) Нѣсколько стихотвореній малорусскихъ въ львовской русинской газетѣ „Слово". 71) Отрывки изъ историческаго романа начала XVII вѣка „Встрѣча", „Братья" и „Два стана", въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи" за 1862 г. 72) „Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра", тамъ же, за 1862 и 1863 гг. 73) „Майоръ (потомки заднѣпровскихъ гайдамакъ)", Спб., 1866 г. 74) „Перший периодъ козацства ажъ до ворогування зъ ляхами", въ галицкой „Правдѣ" за 1868 г. 75) „Пятикнижіе" въ приложеніи къ газетѣ „Правда" 1869 г. 76) „Иовъ", печатавшійся въ „Правдѣ" 1869 г. и вышедшій особо въ 1870 г., подъ псевдонимомъ Ратай. 77) „Псалтирь або книга хвали Божоі", Лейпцигъ, 1870 г., подъ тѣмъ же псевдонимомъ. 78) „Четвероевангеліе", Вѣна, 1871 г. 79) „Польская колонизація юго-западной Руси" въ „Вѣстникѣ Европы" за апрѣль 1874 г. 80) „Исторія возсоединенія Руси", 3 тома, Москва, 1874—1877 гг. 81) „Мятель въ степи,—польская повѣсть" въ „Газетѣ Гатцука" за 1876 г. 82) „Дівоче серце,—идиллія". Кіевъ, 1876. 83) „Малевана гайдамащчина", въ „Правдѣ" за 1876 г. 84) „Турецкая неволя,—историческій очеркъ", въ „Русской Старинѣ" за мартъ 1877 г. 85) „О козачествѣ" въ „Русскомъ Архивѣ" за іюнь 1877 г. 86) „Слава", стихотвореніе, написанное въ Москвѣ 23 августа, 1876 г., но, кажется, неизданное. 87) „Галицька Русь", и 88) „Хуторянка" въ „Руськой Хаті", буковинскомъ альманахѣ на 1877 г. 89) „Святе письмо нового завіту", Львовъ, 1880 г. 90) „Воспоминаніе о Шевченкѣ" въ 6 № кіевской газеты „Трудъ" за 1881 г. 91) „Хуторна поезія", Львовъ, 1882 г. 92) „Крашанка русинамъ и полякамъ на великдень", Львовъ, 1882 г. 93) „Шекспирові твори", т. 1, Львовъ, 1882 г.; второй томъ печатается. 94) Стихи: „До кобзи та до музи" и „На чужій чужині", подъ псевдонимомъ Ратая, въ кіевскомъ украинскомъ альманахѣ „Рада" на 1883 г. Псевдонимы Кулиша раскрыты главнымъ образомъ по указанію шурина его Н. М. Бѣлозерскаго.

Такъ, подъ вліяніемъ чувства,—говоритъ г. Пыпинъ,—произошелъ послѣдній изумительный поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша, выразившійся въ „Исторіи возсоединенія" и въ статьяхъ о козачествѣ въ „Русскомъ Архивѣ" 1877 г., гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла однако вся его прежняя жизнь. [1]). Этотъ поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша и дѣлитъ его учено-литературную дѣятельность на два періода, противоположные между собою по направленію: въ первомъ онъ является рьянымъ украинофиломъ, во второмъ—врагомъ если не украинофильства, то нѣкоторыхъ его прежнихъ основъ.

Въ первый періодъ своей учено-литературной дѣятельности г. Кулишъ отрицательно относился къ московскому нивеллирующему вліянію на Малороссію и старался уяснить и раскрыть положительныя черты украинскаго населенія и его исторіи.

Во многихъ сочиненіяхъ перваго періода своей дѣятельности г. Кулишъ представлялъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ историческія и современныя отношенія московскаго государства и народа къ Малороссіи. Къ числу его сочиненій этого рода относятся: „Повѣсть объ украинскомъ народѣ" 1846 года, написанная имъ „для дѣтей старшаго возраста", „Поѣздка въ Украину" 1857 г., „Майоръ, малороссійская повѣсть", 1859 г., „Другой человѣкъ,—изъ воспоминаній былаго" 1859 г., „Старосвѣтское дворище" 1860 г., „Липовыя пущи", начало романа, съ псевдонимомъ Хоречко, 1861 г., „Украинскія незабудки" 1861 г., отчасти „Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка" 1861 года, и др. Въ этихъ сочиненіяхъ съ исторической и современной точекъ зрѣнія показываются вредныя послѣдствія московскаго вмѣшательства во внѣшнюю и внутреннюю жизнь Малороссіи. Остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ.

О „Повѣсти объ украинскомъ народѣ" Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ въ 1850 году въ дневникѣ своемъ слѣдующее: „этотъ мастерской, прекрасно написанный очеркъ исторіи Украины замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что факты, въ немъ выведенные, ясно обличаютъ односторонность воззрѣнія автора и доказываютъ неопровержимо мысль, прямо противоположную той, на которую онъ намекаетъ довольно ясно во многихъ мѣстахъ. Украина могла бы сдѣлаться самостоятельною, если бы не измѣна дворянства и не владычество Москвы,—вотъ что старается внушить авторъ!" [2]) Еще рѣзче отзывается объ этой

---

[1]) „Исторія славянскихъ литературъ" Пыпина и Спасовича, т. 1, 1879 года, стр. 375.

[2]) „Русскій Архивъ", 1877 г., кн. 2, стр. 229.

довѣсти самъ г. Кулишъ въ своемъ „историчномъ оповіданні“ въ „Хуторной поэзія“ 1889 года.

Начало романа „Липовыя пущи“ изображаетъ бытъ козацкаго рода Вѣниковыхъ, представители котораго, принадлежа къ полковой старшинѣ, пользовались обстоятельствами распадавшейся въ XVIII вѣкѣ гетьманщины для своихъ личныхъ выгодъ и эксплоатировали въ свою пользу простой народъ и козаковъ; но вина въ этомъ, по мнѣнію автора, падаетъ главнымъ образомъ на русское правительство. „Отважное предпріятіе Мазепы,—говоритъ авторъ въ примѣчаніи къ роману,—открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу имперіи слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, со свойственной одному ему геніальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія гетманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи, и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, то оно рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполненіе предначертанія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской булавѣ и оставшихся послѣ приверженцевъ Мазепы земель великороссіянамъ, въ противоположность коренному малороссійскому праву, и притомъ со введеніемъ неслыханнаго въ Малороссіи закрѣпощенія свободныхъ поселянъ, повлекла къ безчисленнымъ притѣсненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и поселившихъ въ Малороссію своихъ управителей и старостъ нѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю завоеванную. Введеніе въ малороссійскій трибуналъ великорусскихъ членовъ породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится волосъ дыбомъ у историка. Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ финскихъ болотахъ быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его калѣками. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи,

безъ всякихъ мѣръ къ ограниченію своевольства и безчинства солдатъ, и произвольные сборы *порціоновъ* и *раціоновъ*, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являвшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общею добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными голосами, уничтожился страхъ общественнаго мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемымъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душею подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстнаго беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное приникло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную націю; все, стремившееся къ обогащенію, къ власти, къ знатности, насѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами козачьихъ земель, на грабежи и насилія всякаго рода и на тяжбы съ сосѣдями за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки [1]).

Такой порядокъ вещей, по взгляду г. Кулиша, продолжался, съ несущественными измѣненіями, и до послѣдняго времени. Г. Кулишъ поставлялъ своею задачею карать своимъ вѣщимъ словомъ поэта, историка и беллетриста активный, поверхностный слой малорусской націи, чтобы поднять и ободрить нижній, пассивный ея слой. Болѣе всего видна эта задача въ повѣсти „Майоръ" и въ очеркахъ невозвратнаго времени „Украинскія незабудки". Выраженіемъ общаго, кореннаго взгляда автора на отрицательные типы въ этихъ произведеніяхъ могутъ служить слѣдующія его слова въ „Украинскихъ незабудкахъ": „Жалкіе! всѣ они болѣе или менѣе несчастные, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванныя души. Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захолустьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ только

---

[1]) „Основа", май, 1861 г., стр. 22—24.

переломила, выворотила наизнанку, одурманила навѣки и бросила на мѣстѣ, какъ будто только для того, чтобы труднѣе было справиться съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями".

„Майоръ" и „Украинскія незабудки" довольно сходны между собою по содержанію и характеру. Главный герой повѣсти „Майоръ", давшій ей названіе, лицо довольно блѣдное, болѣзненное. Это—отставной майоръ Лушнинъ, происходившій изъ козаковъ, и хотя онъ дослужился до высокоблагороднаго чина, но инстинктивно любилъ простую козацкую обстановку и жилъ въ козацкой хатѣ. Болѣе обнаруживають энергіи второстепенныя лица повѣсти, входящія въ столкновеніе съ Лушнинымъ. Это—его племянница Парася, жившая въ его домѣ съ своей матерью, затѣмъ промотавшійся отставной корнетъ Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель почтовой станціи, уѣздный вѣстовщикъ и сплетникъ, чувствовавшій влеченіе ко всякой знаменитости, дѣйствительной и мнимой, и готовый для высокопоставленныхъ лицъ на безкорыстное лакейничанье, и наконецъ молодой человѣкъ Сагайдачный, дослужившійся впрочемъ до значительныхъ чиновъ, который считалъ простой малорусскій народъ единственнымъ самостоятельнымъ обществомъ, съ коренными русскими нравами, и находилъ необходимымъ сродниться съ нимъ. Сагайдачный познакомился на дѣвичьихъ народныхъ гуляньяхъ съ Парасей, которая въ свою очередь любила простоту сельской жизни и убѣгала встрѣчи съ „судовыми панычами", хотя послѣдніе, по ея общественному положенію, были наиболѣе подходящими женихами для нея. „Отдѣлясь отъ низшаго, сельскаго сословія,—говоритъ объ этихъ панычахъ г. Кулишъ,—этотъ классъ людей утратилъ простоту жизни и естественность интересовъ, обратилъ душевныя свои силы къ интересамъ искусственнымъ, чиновнымъ и канцелярскимъ, усвоилъ себѣ языкъ, выдѣланный изъ народнаго кіевскими академистами и смѣшанный потомъ съ городскимъ нарѣчіемъ московскимъ для всероссійскаго оффиціальнаго употребленія; эти люди потеряли чутье къ живописности оборотовъ, къ поэтичности тѣхъ стереотипныхъ формъ рѣчи, которыми пересыпаетъ свою бесѣду наше простонародье, и, обѣднѣвъ природными дарами ума и сердца, пустили въ ходъ полусолдатскія, полукупеческія фразы и манеры, столь же чуждыя народному естественному вкусу, какъ и далекія отъ изящной простоты высшаго, образованнаго общества". Отворачиваясь отъ судовыхъ панычей, Парася отвѣтила взаимностью Сагайданному, какъ сыну народа, вовсе не зная о его богатствѣ и чинахъ, и однажды на перелазѣ

во дворъ, подарила его поцѣлуемъ. Этотъ поцѣлуй случайно подмѣченъ былъ дядей — майоромъ, который объяснилъ его себѣ въ худую сторону и въ порывѣ ревности вызвалъ Сагайдачнаго на дуэль. Дуэли не состоялось, такъ какъ Сагайдачный успѣлъ убѣдить майора въ чистотѣ своихъ намѣреній относительно его племянницы; но больной майоръ такъ былъ взволнованъ и потрясенъ своими страшными подозрѣніями, что вскорѣ умеръ, поторопившись завѣщать свой хуторъ князю Великдану, по внушеніямъ Капитона Павловича Иволгина. Этотъ послѣдній не имѣетъ въ повѣсти своего опредѣленнаго, такъ сказать, штатнаго мѣста и прикомандированъ къ ней только для большаго оттѣненія другихъ лицъ. „Съ самаго дѣтства Иволгинъ никого не любилъ и не увлекался ни одною высокою мыслію. Сердце его было холодное и пустое дупло, въ которомъ гнѣздилась только змѣя дворянской гордости, господствуя надъ всѣми иными чувствами". Прокутившись и остановясь, такъ сказать, на краю пропасти, онъ взялся содержать почтовую станцію и поддержалъ этимъ не только разстроенные свои финансы, но и упадавшее-было свое значеніе въ уѣздѣ. „Черезъ городокъ NN проѣзжали разные генералы, князья, графы. Иволгинъ, обладая счастливою способностью постигать склонности и вкусы знатныхъ людей, предлагалъ имъ кстати свои услуги, въ качествѣ добродушнаго малороссійскаго помѣщика, — смѣшилъ ихъ своими анекдотами, въ качествѣ малороссійскаго юмориста, и, составляя такимъ образомъ кругъ знакомствъ внѣ уѣздной сферы, возвышалъ себя во мнѣніи самыхъ гордыхъ сосѣдей-аристократовъ". Такимъ же образомъ онъ втерся въ знакомство къ пріѣхавшему изъ Петербурга сосѣду князю Великдану и, узнавъ, что ему понравилось мѣстоположеніе майорскаго хутора, убѣдилъ майора Лушнина, во время его темныхъ подозрѣній насчетъ племянницы, завѣщать свой хуторъ Великдану. Но, по смерти майора, Сагайдачный не призналъ законнымъ его завѣщанія и не уступилъ Великдану хутора, а Иволгинъ получилъ отказъ отъ дома Великдана и сталъ болѣе прежняго пьянствовать.

Въ „Украинскихъ незабудкахъ", — очеркахъ изъ невозвратнаго времени, являются или тѣ же самые герои, какіе и въ повѣсти „Майоръ", или же весьма похожіе на нихъ. Фабула очерковъ весьма незамысловата. Къ исправнику Кириму Петровичу Квачу возвращается, послѣ институтскаго образованія, дочь Нина, къ пріѣзду которой родители ея пригласили къ себѣ своихъ родныхъ, сосѣдей и знакомыхъ. Въ числѣ гостей были братья Квача съ семействами, три старыя дѣвы Чечотки, старый холостякъ Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, встрѣчавшійся и въ предыдущей повѣсти, Протазанова съ дѣтьми разныхъ возрастовъ и др., — все отрицательные типы. Здѣсь Иволгинъ рельефнѣе высказываетъ свои лакейскія наклонности. Онъ указываетъ на способность

великороссовъ къ лакейству и на великорусское барство, какъ на образецъ; потому что тамъ барство утвердилось еще при Борисѣ Годуновѣ, „у насъ же,—говорилъ Иволгинъ,—вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе 80 лѣтъ". Дѣвицы Чечотки были злѣйшія сплетницы и интригантки. „Воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суетливомъ и лѣнивомъ, надменномъ и низкопоклонномъ, номинально благородномъ и фактически хищномъ, онѣ были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинской природой красоты, естественной граціи, ума и сердца,—сердца въ особенности. Но, подбитыя несчастной своей любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, онѣ мало по малу потеряли все, что можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались язвою всего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечистыми заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу, Иволгинъ выражался о нихъ въ своемъ ожесточеніи рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: „если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе". Совершенную противоположность Кирилу Петровичу Квачу съ его женой и гостямъ представляетъ его дочь, институтка Нина. Она смущается сборищемъ гостей, съѣхавшихся посмотрѣть на нее, стѣсняется ими, задумывается о неправедно нажитомъ богатствѣ родителей и всѣмъ сердцемъ льнетъ къ своей босоногой прислугѣ. Къ ея счастію, случайно заѣзжаютъ къ ея отцу Михайло Андреевичъ Конашевичъ и профессоръ Нечай, изъ козацкихъ дѣтей, знавшій ее еще съ дѣтства. Нина возобновляетъ старое знакомство съ Нечаемъ, разсказываетъ ему о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ въ родительскомъ домѣ и наконецъ влюбляется въ Нечая. Не смотря на институтское образованіе свое, Нина вполнѣ соотвѣтствуетъ Парасѣ „Майора". Это—только другая сторона одного и того же женскаго идеала. „По своему особенному воспитанію,—говоритъ Кулишъ,—сердце Сагайдачнаго могло отдаться такой женщинѣ, какъ Парася, женщинѣ, образованной или народомъ въ лучшей его средѣ, или совершеннѣйшими людьми просвѣщеннаго общества". Сагайдачный полюбилъ простую Парасю потому, что встрѣтился съ нею; но онъ также могъ полюбить и истинно образованную Нину, если бы встрѣтился съ нею. Естественная простота и высокое истинное образованіе весьма близко граничатъ между собою.

Въ нѣкоторыхъ другихъ повѣстяхъ и разсказахъ Кулишъ развиваетъ подробнѣе тѣ же самые сюжеты, какіе затронуты имъ въ повѣсти „Майоръ" и въ очеркахъ „Украинскія незабудки". Въ разсказѣ

„Поѣздка на Украину" говорится о порчѣ народныхъ обычаевъ и нравственности вблизи желѣзныхъ дорогъ и изображается станціонный смотритель чрезвычайно мрачными красками. Повѣсть „Другой человѣкъ" разсказываетъ объ отставномъ офицерѣ Зарубаевѣ, выслужившемся изъ простыхъ крестьянъ, который теперь считалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ, „благороднымъ", говорилъ по-московски, стыдился честнаго труда и брезговалъ жениться на простой хохлушкѣ. Ему вторилъ низведенный въ дьячки священникъ о. Потапій. Своимъ презрѣніемъ къ бывшимъ своимъ собратьямъ Зарубаевъ оттолкнулъ ихъ отъ себя, а къ панамъ все-таки не присталъ. Въ компаніи съ о. Патапіемъ онъ сталъ порядочно выпивать и, по совѣту о. Патапія и его жены, женился на ихъ родственницѣ, дочери ихъ вдовой попадьи. Черезъ нѣсколько лѣтъ авторъ остановился въ домѣ Зарубаевыхъ. „Меня встрѣчаетъ пригожая, краснощекая женщина,—говоритъ онъ,—и охотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтлицу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты роднымъ хуторомъ. Въ ожиданіи самовара и ужина, я расхаживаю по свѣтлицѣ и не обращаю вниманія на тяжелое храпѣнье кого-то спящаго за перегородкою. Тутъ отворилась изъ сѣней дверь, и дряхлая старушонка въ жалкомъ рубищѣ, кряхтя, появилась съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такія изможденныя лица. Отвѣчая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ея полумертвыя черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смѣнилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когда она принесла мнѣ шипящій самоваръ, я спросилъ: „Ти, бабусю, въ іхъ наймичка?"—„Ні, рідна мати",—отвѣчала она.— „Хто жъ вони таки?—„Зарубаеви. Синъ мій—офицеръ Зарубаенко, а се (она качнула сѣдой головой по направленію къ кухнѣ), се моя невістка".—Я понялъ все. Разспрашивать больше мнѣ было не о чемъ". Въ душеспасительномъ размышленіи „Старосвѣтское дворище" изображается судовый паничъ Коло-Меду-Палецъ, отецъ котораго, бывшій секретаремъ повѣтоваго суда, скопилъ деньжонокъ и купилъ въ городѣ „Старосвѣтское дворище", принадлежавшее прежде завзятымъ козакамъ. Сынъ Никодимъ Трифоновичъ пошелъ по стопамъ своего родителя и сдѣлался чернильной пьявкой. Будучи еще ничтожествомъ, онъ женился на дочери покойнаго протопопа Катеринѣ Лупповнѣ Ковбякъ. Это была хорошая хозяйка, не испытавшая впрочемъ чувства супружеской любви. Дѣти ихъ поведены были сначала просто. Но вотъ Никодимъ Трифоновичъ достигаетъ званія секретаря, а наконецъ стряпчаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились его доходы и завелась роскошь. Старшія дочери уже стыдятся за свое прежнее воспитаніе и за свои прежнія знакомства; мать дѣлается слугою; домъ перестроенъ по-барски, и прекрасный вѣковой садъ вырубленъ.

Что же касается положительныхъ типовъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ Кулиша, то они не отличаются живостью и опредѣленностью своего облика и своихъ идеальныхъ стремленій, потому что большею частію это были типы выдуманные, не имѣющіе подъ собою реальной почвы. Изъ числа этихъ типовъ болѣе полно обрисованъ Сагайдачный въ повѣсти „Майоръ". „Сагайдачный,—по словамъ Кулиша,—находя въ своемъ народѣ безконечный интересъ для наблюдательности и желая войти поглубже въ его жизнь, мѣнялъ иногда свой европейскій костюмъ на полуазіатскую одежду, которая такъ согласуется съ широкими степными пространствами Малороссіи и такъ удобна для перенесенія жаровъ и пыли на нашихъ дорогахъ. Въ этой одеждѣ онъ разъѣзжалъ отчасти для хозяйственныхъ надобностей, а отчасти и изъ любопытства по украинскимъ шумнымъ и безпорядочнымъ ярмаркамъ, походя больше на прикащика, богатаго или зажиточнаго торговца хуторянина, нежели на дворянина. Знаніе малороссійскаго языка помогало ему казаться ниже настоящаго своего званія въ глазахъ незнавшихъ его людей". Изучивъ малорусскій народъ, Сагайдачный пришелъ къ слѣдующему заключенію о немъ: „Простой народъ нашъ есть единственное самостоятельное у насъ общество. Только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей славянской природѣ. Намъ слѣдуетъ жить съ простолюдинами, слѣдуетъ съ ними родниться. Въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искренняго и живаго человѣка, чѣмъ въ высшемъ кругу. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе разсчеты и отношенія". Въ силу этихъ убѣжденій онъ и женился на Парасѣ, представлявшей чистый типъ украинки. Главная идея этой повѣсти есть мысль о животворности народныхъ началъ и о необходимости сближенія съ народомъ даже по внѣшности и костюму; но и эта крайняя мысль является у Кулиша чисто книжною, притомъ же заимствованною изъ чужой литературы. „Сагайдачный—не исключительное явленіе,—говоритъ Кулишъ. Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которою уже не видать движеній чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ чаетъ для своего сердца движенія воды живыя:

Gdy bym mial ieszcze dac me serce komu,
Oddal-bym go dziewczynie z wiesniaczego domu;
Stal-bym sie z ducha synem, ojcem mego ludu...
Godny trud zycia, godne zycie trudu!

(Если бъ у меня было сердце, готовое еще полюбить, я бы отдалъ его дѣвушкѣ изъ простонароднаго семейства, я бы сдѣлался по духу сыномъ и отцемъ моего народа. Подвигъ, стоющій жизни; жизнь, стоющая подвига!)". Эти стихи Мицкевича хорошо выражаютъ сущность повѣсти „Майоръ" и могутъ служить эпиграфомъ къ ней.

Тепличными и книжными созданіями кажутся намъ и другіе положительные типы въ беллетристическихъ сочиненіяхъ Кулиша, какъ-то: въ идилліи „Орися" 1844 г. и идилліи „Дівоче серце" 1876 г., какъ показываетъ и самое наименованіе ихъ идилліями. Первая изъ нихъ навѣяна шестою пѣснью Одиссеи и представляетъ идиллическую картину первой встрѣчи и знакомства миргородскаго Осауленка съ его суженой дочерью сотника Таволги, обставленную таинственными преданіями о такъ называемой „Туровой кручѣ". На этой кручѣ будто бы охотился нѣкогда какой-то князь за турами и проклятъ былъ одною прекрасною дѣвицею, которая обрекла его „блукать по пущі по всі вічниі роки". По разсказу идилліи „Дівоче серце", полюбила Оленка Игната, а потомъ полюбила Павла, съ которымъ и полетѣла на край свѣта. Игнатъ же „одинокии вік звікував, мов той суховерхій". Кулишу же принадлежатъ псевдонимные разсказы „Про злодія у селі Гаківниці" съ именемъ Хуторянина и „Сіра кобила" съ псевдонимомъ Иродчука, разсчитанные на простонародный вкусъ и назначавшіеся для народнаго чтенія; но и въ нихъ отчасти замѣтны или идеализація выводимыхъ характеровъ, или утрировка южнорусскаго народнаго юмора. Разсказъ „Про злодія у селі Гаківниці" выставляетъ симпатическій типъ набожнаго и страннопріимнаго простолюдина, который занимался когда-то воровствомъ. Разскащикъ говоритъ о себѣ, что онъ однажды посланъ былъ громадою, вмѣстѣ съ титаремъ (церковнымъ старостой), собирать подаяніе на построеніе церкви. На обратномъ пути они заѣхали въ село Гакивницу и попросились ночевать; но никто ихъ не хотѣлъ принять къ себѣ, и всѣ указывали на одного злодія, т. е. вора, который одинъ только можетъ принять ихъ. Путникамъ показалось рискованнымъ ночевать у злодія, и они рѣшились на это только по необходимости. Между тѣмъ этотъ злодій вовсе не соотвѣтствовалъ своему прозвищу. Это былъ богатый человѣкъ, который принялъ путниковъ съ полнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Онъ разсказалъ имъ о себѣ слѣдующее. Такъ называемый злодій былъ сначала работящимъ парубкомъ, но бѣднымъ; дивчата смѣялись надъ нимъ изъ-за его бѣдности. Тогда онъ оставилъ хозяина, у котораго служилъ батракомъ, укралъ пару лошадей, продалъ ихъ и началъ богатѣть понемногу. Онъ уже разбогатѣлъ и обзавелся семействомъ, но не оставлялъ воровства, наживши привычку къ нему. Однажды онъ вздумалъ-было обокрасть церковь, но былъ пойманъ и присужденъ громадою къ тѣлесному наказанію. Кромѣ того,

громада назначила его на три года пономаремъ при церкви и обязала, какъ богатаго человѣка, три года принимать всѣхъ путниковъ и странниковъ и положила до самой смерти его звать его не иначе, какъ злодѣемъ. Прошло три года назначенной покуты, но и послѣ этого герой разсказа просилъ громаду оставить его пономаремъ и отсылать къ нему всѣхъ путниковъ и странниковъ для пріюта. Что же касается до разсказа „Сіра кобила", то, при очевидной нелѣпицѣ содержанія, онъ отличается чистымъ народнымъ языкомъ и юморомъ. Этотъ разсказъ въ южной Россіи нерѣдко декламирують на литературныхъ домашнихъ вечеринкахъ.

Вообще же, беллетристическія сочиненія Кулиша, особенно же тѣ, въ которыхъ выводятся положительные типы, отличаются нѣкоторою сентиментальностью, слащавостью, и въ этомъ отношеніи очень походятъ на Квиткины украинскія повѣсти, которыя онъ издалъ въ 1858 году. О повѣстяхъ и разсказахъ Кулиша можно отчасти сказать то же самое, что онъ говорилъ въ 1861 году о современныхъ беллетристахъ. „Въ наше время,—писалъ онъ,—постановкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народу; но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда и недостатокъ здраваго смысла. Скажите же, не достойны ли осмѣянія и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: „господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны", и не только этого не исполняютъ, напротивъ затемняютъ и то, что въ ней было ясно, какъ день" [1]. При всѣхъ достоинствахъ беллетристическихъ сочиненій Кулиша, въ нихъ видна рефлектирующая мысль автора, и притомъ часто предвзятая и тенденціозная, служащая кривымъ зеркаломъ для отраженія украинскихъ типовъ и украинскаго быта

Чтобы глубже понять и вѣрнѣе изобразить типическія черты малороссовъ, для этого нужно было всестороннее изученіе этнографіи и исторіи южнорусскаго края и очищеніе искаженнаго облика южнорусскаго народа образованіемъ. Кулишъ болѣе многихъ другихъ соплеменниковъ своихъ понималъ нужду въ этомъ и много потрудился для этнографіи и исторіи южно-русскаго края и для народнаго образованія. И эти труды его имѣютъ несравненно больше значенія, чѣмъ беллетристическія его сочиненія.

[1] „Характеръ и задача украинской критики", въ „Основѣ", за февраль, 1861 г.

По южнорусской этнографіи особенною извѣстностью пользовался сборникъ Кулиша, подъ заглавіемъ „Записки о южной Руси", въ двухъ томахъ, 1856—7 гг. По намѣренію Кулиша, онѣ должны были представить энциклопедію разнообразныхъ свѣдѣній о народѣ, говорящемъ языкомъ южнорусскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны какъ самимъ издателемъ, такъ и другими лицами. Первый томъ занятъ почти исключительно историческими воспоминаніями малороссовъ, представленными въ томъ видѣ, какъ они передаются въ народѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Сюда вошли преданія о событіяхъ прошлаго вѣка, о запорожцахъ и гайдамакахъ, а иногда и сказанія о болѣе отдаленныхъ временахъ. Большая часть старыхъ легендъ и преданій относится къ имени Хмельницкаго, есть нѣсколько разсказовъ о Паліѣ и Мазепѣ и всего болѣе о гайдамакахъ и запорожцахъ; сюда присоединяются также воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ старой Украйнѣ, объ угнетеніяхъ жидовъ, объ уніи и „благочестіи" (православіи), о татарскихъ грабежахъ, наконецъ разсказы о новыхъ войнахъ и ополченіяхъ. Эти поэтическія думы и простые разсказы о старинѣ дополнены обширными объясненіями издателя и связаны историческими розысканіями о бытѣ и судьбахъ народной малорусской поэзіи. Второй томъ составленъ изъ трудовъ многихъ лицъ, и хотя ограничивается попреимуществу тѣмъ же этнографическимъ вопросомъ, но по содержанію гораздо разнообразнѣе. Въ немъ помѣщены слѣдующія статьи: 1) „Сказки и сказочники", этнографическія замѣтки съ текстами малорусскихъ народныхъ сказокъ, составленныя издателемъ по разсказамъ и запискамъ г. Жемчужникова; 2) „Разсказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ",— статья, составленная по неизданной польской рукописи пана Симона Закревскаго; 3) „Наймичка", поэма Шевченка, безъ его имени; 4) „Записки Григорія Николаевича Теплова о непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи"; 5) „Орися", идиллія Кулиша; 6) „Малорусскія пѣсни", положенныя на ноты для пѣнія и фортепіана г. Маркевичемъ; 7) „О древности и самобытности южнорусскаго языка", І. Могилевскаго; 8) „Похороны", т. е. разсказъ о похоронахъ или погребальныхъ обрядахъ у малороссовъ, и 9) „О причинахъ вражды между поляками и украинцами въ XVII вѣкѣ", двѣ статьи, написанныя Грабовскимъ и Кулишомъ по поводу открытаго недавно универсала гетмана Остряницы.

Разнообразіе предметовъ „Записокъ" придавало имъ особенную пестроту и занимательность, которая увеличивалась отъ новыхъ, своеобразныхъ пріемовъ этнографическаго изслѣдованія. Кулишъ не заботился только о томъ, чтобы собрать пѣсни и напечатать ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, раздѣливъ на категоріи и разряды, какъ это дѣлали его

предшественниками въ этой области,—не старался остановить вниманіе читателя и на томъ процессѣ, которымъ зарождаются и сохраняются на цѣлые вѣка произведенія народной словесности, старался угадать смыслъ, какой связываетъ народъ съ этими выраженіями его поэтическихъ стремленій, и вообще представить полную картину этой любопытной стороны народнаго быта, съ подробностями, невидными для перваго взгляда. Сборникъ выходилъ чрезвычайно занимательнымъ и любопытнымъ. Получивъ его отъ Лазаревскаго, Шевченко записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Въ особенности благодаренъ я ему за „Записки о южной Руси“. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебно живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лирниками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ въ современной исторической литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу“ [1].

Впрочемъ, при важныхъ достоинствахъ „Записокъ“ Кулиша, ученая критика находила въ нихъ и значительные недостатки. Мы не будемъ касаться здѣсь замѣчаній, поправокъ и дополненій М. А. Максимовича на эту книгу, иногда слишкомъ подробныхъ и интересныхъ только для спеціалистовъ [2]; но не можемъ не остановиться на указаніи г. Пыпинымъ нѣкоторыхъ принципіальныхъ недостатковъ въ сборникѣ Кулиша, именно односторонняго пристрастія къ предмету и недостатка сравнительнаго изученія его. „Въ новыхъ трудахъ, изданныхъ Кулишомъ,—говоритъ Пыпинъ,—односторонняя любовь къ своей національности высказалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется, часто вовсе несправедливо; не менѣе вредитъ иногда правильному пониманію предмета отсутствіе научныхъ основаній, дилеттантскій взглядъ. Малорусская пѣсня, сказка, обычай, преданье могутъ быть полны высокаго смысла, и, не смотря на то, еще не могутъ считаться явленіями единственными въ своемъ родѣ, какъ иногда представляется малорусскимъ изслѣдователямъ; они забываютъ аналогичныя явленія въ жизни другихъ народовъ, развившіяся иногда столь же ярко и часто проникнутыя болѣе глубокимъ значеніемъ. Аналогически могутъ быть объясняемы и внѣшняя судьба малорусскаго племени, его тяжелая борьба за свою цѣлость и самобытность, и характеръ его нравственной и поэтической физіономіи... Народныя, такъ называемыя дѣтскія сказки у раз-

---

[1]) „Основа“, за май, 1861 г., стр. 12.

[2]) См. въ 1-мъ томѣ „Собранія сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 года.

ныхъ народовъ представляютъ весьма часто до того сходное содержаніе, что невольно является мысль объ ихъ общемъ происхожденіи во времена доисторическія; не только главныя мысли, но и частныя подробности бываютъ поразительно похожи, не смотря на все различіе національностей. У народовъ одного племени это сходство простирается иногда до буквальнаго повторенія однихъ и тѣхъ же оборотовъ и присказокъ: таково, напримѣръ, отношеніе русскихъ сказокъ къ сербскимъ, чешскимъ, не говоря о бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Единство этихъ послѣднихъ съ великорусскими легко видѣть и по тѣмъ образцамъ, которые напечатаны въ книгѣ Кулиша. Не смотря на то, г. Жемчужниковъ, или самъ издатель „Записокъ", опредѣляетъ ихъ отношеніе нѣсколько иначе". Между сѣвернорусскими и южнорусскими сказками онъ думаетъ видѣть то различіе, будто бы первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ внѣ мужицкаго быта, тогда какъ южнорусскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича—молодцеватымъ козакомъ, и что будто-бы *чудесное* и героизмъ малорусской сказки заключаются не въ торжествѣ физической силы или удальства, непремѣнномъ условіи сказки великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и выжиданіи счастливыхъ обстоятельствъ Замѣтивъ здѣсь у Жемчужникова или Кулиша смѣшеніе великорусскихъ былинъ со сказками, Пыпинъ говоритъ: „Что касается именно до сказокъ великорусскихъ, то сочинитель статьи могъ бы легко убѣдиться въ ихъ однородности съ южнорусскими, если бъ прочелъ нѣсколько страницъ въ изданіи сказокъ г. Аѳанасьева... Въ сѣверныхъ сказкахъ изображеніе царей и царевичей отличается той же простотой и наивностью; цари и царевичи живутъ и дѣйствуютъ среди народнаго быта, за предѣлы котораго сказка и не выходитъ въ представленіяхъ частной домашней жизни. И въ сѣверныхъ сказкахъ чудесное также происходитъ отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, и торжество физической силы никакъ не можетъ быть названо необходимымъ условіемъ сказки великорусской, въ которой столь же высокій смыслъ имѣютъ и чисто нравственныя побужденія человѣка". Однородность южныхъ и сѣверныхъ сказокъ русскихъ идетъ еще далѣе. „Почти всѣ сказки, изданныя Кулишомъ,—продолжаетъ г. Пыпинъ,—имѣютъ свои варіанты въ преданьяхъ великорусскихъ, гдѣ повторяются или цѣлые ихъ сюжеты, или отдѣльныя подробности съ большимъ или меньшимъ развитіемъ. Такова, напримѣръ, и первая сказка о *красавицѣ и злой бабѣ*. Царскому сыну понравилась одна красавица: когда эта красавица плакала, изъ ея глазъ сыпался жемчугъ, когда смѣялась, то всякіе цвѣты разцвѣтали,— и онъ задумалъ на ней жениться; отецъ не позволялъ ему, но, увидѣвши прекрасный рушникъ, вышитый красавицей, согласился. На дорогѣ злая баба выколола глаза

красавицѣ и подмѣнила ее своей дочерью. Покинутую дѣвушку принялъ къ себѣ одинъ дѣдъ; она выручила черезъ него свои глаза у злой бабы и вышила другой рушникъ, по которому царевичъ и отыскалъ свою настоящую жену. Другая сказка *объ Ивасѣ и вѣдьмѣ* напечатана въ изданіи сказокъ г. Аѳанасьева; содержаніе ея почти до буквальности сходно съ текстомъ г. Кулиша. Сказка *о Соловьѣ разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ* представляетъ нѣсколько измѣненное повтореніе сюжета, переданнаго въ великорусской сказкѣ объ Иванѣ, мужицкомъ сынѣ, или въ волошской сказкѣ о Флоріану въ извѣстномъ сборникѣ Шотта" [1]).

Не смотря однако на племенную односторонность „Записокъ" и, можетъ быть, отчасти благодаря ей, сборникъ Кулиша долженъ былъ произвесть освѣжающее впечатлѣніе на малорусскихъ писателей и ученыхъ, которые теперь стали особенно дорожить устной народной словесностью, пользоваться ею, какъ историческимъ матеріаломъ, или же почерпать изъ нея вдохновеніе для себя. „Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ,—говоритъ Кулишъ,—уклоняясь отъ общихъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менѣе интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другаго, мы не проникнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи и, изображая событія народной жизни, будемъ—такъ сказать—скользить по поверхности. Каждый, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею южнорусскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ и историковъ". Эти легенды и преданія поведутъ историка „къ новому пересмотру всего, что ни происходило въ Малороссіи Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало по малу разложимъ массу южнорусской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ ея прошедшемъ, въ связи съ жизнью политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе и болѣе замѣтное вліяніе". Въ другомъ мѣстѣ Кулишъ говоритъ такъ: „Наши пѣсни, сложенныя народомъ, послужатъ, если не послужили уже отчасти, къ возсозданію

[1]) „Современникъ", 1857 г., №№ 1 и 5.

вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части касательно образа жизни и всего, что сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра" [1]).

Эти понятія свои о важности южнорусской народной словесности для оживленія современной поэзіи народнымъ духомъ и для правильнаго уразумѣнія южнорусской исторіи Кулишъ пытался оправдать на своихъ собственныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, и историческихъ и историко-литературныхъ произведеніяхъ. Мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на лирическихъ стихотвореніяхъ Кулиша, частію переведенныхъ изъ Мицкевича, частію написанныхъ по подражанію народнымъ южнорусскимъ пѣснямъ, такъ какъ, по признанію самого Кулиша, онъ началъ писать или печатать ихъ только по смерти Шевченка и—такъ сказать—временно только исполнялъ должность украинскаго лирическаго поэта („До братівъ на Вкраіну"). Несравненно важнѣе историческіе и историко-литературные труды Кулиша въ народномъ направленіи. Онъ старался популяризировать украинскую исторію, проводя въ ней новые взгляды, почерпнутые изъ устной народной южнорусской словесности, и слѣдовательно является въ нихъ историкомъ-этнографомъ и публицистомъ. Еще въ своихъ „Запискахъ о южной Руси" Кулишъ пришелъ къ признанію древней поэзіи малорусской, къ которой онъ относилъ и „Слово о полку Игоревѣ". Ему хотѣлось провести соединительную линію между древними памятниками русскаго эпоса и позднѣйшими вполнѣ малорусскими пѣснями о временахъ козачества и Хмельницкаго, чтобы доказать исконность и непрерывную преемственность малорусской народности и народной литературы. Эта же самая тенденція пробивается и въ его историческихъ сочиненіяхъ относительно Малороссіи. Возьмемъ для примѣра его историческія сочиненія „Исторію Украіни одъ найдавнійшихъ часівъ" и „Хмельнищину". Въ первомъ изъ этихъ сочиненій Кулишъ разсказываетъ, что споконъ вѣка поляне управлялись общественными вѣчами и платили дань хазарамъ, пока русскіе князья не овладѣли русскою землею и не подчинили своей власти поднѣпровщину. Князья пользовались полюдною и судною податью и вели торгъ съ греческою землею. Вошедши въ силу, они начали нарушать общинныя права. Раздѣлившы землю между своимъ

[1]) „Записки о южной Руси", стр. 121, 181 и сл.

родомъ, они опустошили ее усобицами. Тѣмъ временемъ весь русскій міръ собрался подъ властью князей въ одно цѣлое и началъ сознаваться самъ съ собою. Греческая вѣра еще болѣе тому способствовала и распространила полянскую культуру по всѣмъ русскимъ странамъ. Поляне, предки нынѣшнихъ малороссовъ, представляются у Кулиша центральнымъ и самымъ цивилизованнымъ племенемъ въ древней Руси. Дальнѣйшая судьба этихъ полянъ-малороссовъ излагается въ „Хмельнищинѣ“. Послѣ татарскаго погрома и бѣгства князей,—передается здѣсь,—южнорусскій народъ сталъ сосредоточиваться въ сельскія общины и управлялся самъ собою. Независимо отъ селъ, многіе города выпрашивали себѣ у польскихъ королей привиллегіи—жить по старинѣ и получали магдебургское право, обеспечивавшее имъ значительную долю самоуправленія. Но когда поляки, вмѣстѣ съ жидами, стали мало по малу ограничивать и нарушать эти привиллегіи, тогда послѣдовало возстаніе Богдана Хмельницкаго. Онъ присоединился къ Россіи потому что москали сами запрашивали его въ свое подданство.

По литературной отдѣлкѣ и языку, эти историческія сочиненія Кулиша поставлялись его пріятелями наряду съ высокими творческими произведеніями. „Помѣщаемъ эту статью,—говоритъ редакція „Основы“ о „Виговщинѣ“,—вмѣсто литературнаго извѣстія о продолженіи полезнаго труда П. А. Кулиша по предмету общедоступной исторіи Украины. Въ настоящее время подобный трудъ, представляющій, кромѣ историческаго содержанія, образецъ литературной обработки народнаго языка, долженъ стоять наравнѣ съ высокими произведеніями“ [1]). Печатая „Исторію України одъ найдавнійшихъ часівъ“ Кулиша, редакція „Основа“ хотѣла показать, „въ какой степени языкъ украинскій способенъ къ строгому научному изложенію столь важнаго предмета, какъ исторія“ [2]).

Но строгое научное изложеніе историческое, хотя бы и основанное на народныхъ южнорусскихъ началахъ, все-таки стѣсняло нѣсколько поэтическій полетъ мысли Кулиша, и потому, вѣроятно, онъ предпочтительно предъ исторіей писалъ историко-литературныя произведенія, относящіяся къ Малороссіи, въ указанномъ направленіи, какъ-то: историческіе романы и повѣсти, историческія думы въ народномъ вкусѣ и такіе же драматическіе очерки и сцены. Къ числу ихъ относятся слѣдующія произведенія Кулиша: 1) поэма „Украина“, 1843 года; 2) „Солоница“,—дума 1596 года о Наливайкѣ; 3) „Кумейки“,—дума (1637); 4) „Настуся, поэма“ о женитьбѣ Морозенка, имѣвшая цѣлью

1) „Основа“, за ноябрь—декабрь, 1861 г.

2) Тамъ же, за сентябрь 1861 г.

изобразить домашній бытъ козаковъ послѣ войны, или въ промежутокъ ея; 5) „Велкі проводи, поэма" (1648), воспѣвающая подвиги Голки, который, будучи посланъ княземъ Еремою Вишневецкимъ противъ козаковъ, измѣняетъ ему, беретъ въ Гадячѣ въ плѣнъ панну Рарожинскую и бѣжитъ съ нею; 6) „Дунайска дума" (1648—1654 гг.); 7) „Черна Рада,—хроніка 1663 року", 1857 г.; 8) „Колиї, українська драма (актъ первый въ останнего польского панування на Вкраїні)", и др. Мы остановимся только на капитальнѣйшемъ изъ этихъ произведеній, именно на „Черной Радѣ", такъ какъ, по сознанію автора, это былъ первый на малорусскомъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ.

При преемникахъ Богдана Хмельницкаго, Малороссія, послѣ колебаній въ разныя стороны, распалась на двѣ половины,—правобережную, тяготѣвшую къ Польшѣ, и лѣвобережную, которая оставалась въ повиновеніи московскому царю. Въ правобережной Украинѣ утвердился гетманомъ Павелъ Тетеря, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра сразу явились три претендента на гетманскую булаву, — переяславскій полковникъ Сомко, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко,—оба шурья Богдана Хмельницкаго по двумъ его женамъ,—и запорожскій кошевой атаманъ Иванъ Мартынович Брюховецкій, бывшій прежде слугой Богдана. Сторонники послѣдняго, запорожцы, просили московское правительство собрать „черную раду", т. е. такое собраніе, въ которомъ бы присутствовали и подавали голоса не одни козаки, а все посподьство; ибо де простой народъ преданъ царю и конечно изберетъ такого гетмана, который будетъ сохранять повиновеніе московской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они увѣряли народъ, что Брюховецкій желаетъ гетманства для того, чтобы ввести въ Украинѣ совершенное равенство, отдать богачей и знатныхъ на разграбленіе черни, что при новомъ гетманѣ не будетъ уже различія козаковъ и посполитыхъ, а всѣ сдѣлаются козаками,—свободнымъ сословіемъ, не будетъ бѣдныхъ, а все будетъ общее; самъ же Брюховецкій располагалъ въ свою пользу запорожскихъ старшинъ и вождей запорожцевъ. Онъ склонилъ въ свою пользу и князя Великогагина, явившагося въ Украину для открытія черной рады, и князь приступилъ къ дѣлу съ намѣреніемъ рѣшить судьбу народа по заданному условію. Только тогда, когда сторона Брюховецкаго брала явный перевѣсъ въ народѣ, Василій Золотаренко отказался отъ притязаній на гетманство и соединился съ Сомкомъ; но уже было поздно. Черная рада 17 іюня 1663 года провозгласила Брюховецкаго гетманомъ; Сомко былъ выданъ головою своему врагу, обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ. Правленіе Брюховецкаго сдѣлалось торжествомъ не равенства, а грубаго деспотизма запорожцевъ, получившихъ уряды и власть надъ чернью.

Эту-то смутную эпоху изъ исторіи Малороссіи выбралъ г. Кулишъ для своей хроники. Героемъ сочиненія выбранъ паволоцкій попъ-козакъ, лицо дѣйствительно существовавшее, котораго Кулишъ прозвалъ Шрамомъ. Оставивъ боевую жизнь и ставши священникомъ, этотъ богатырь снова принялъ полковничій урядъ, когда Тетеря началъ склонять Украину подъ польское владычество, и, возстановивъ Паволочь противъ Тетери, хотѣлъ соединиться съ Сомкомъ, но, послѣ черной рады, осажденный въ Паволочи Тетерею, отдался врагу и былъ казненъ.

Завязка „хроники" основана на путешествіи Шрама съ сыномъ Петромъ изъ Паволочи на лѣвый берегъ Днѣпра для сообщенія съ Сомкомъ. Всѣ явленія представлены въ видѣ встрѣчъ во время этого путешествія. Шрамъ съ сыномъ пріѣзжаютъ въ хуторъ Хмарище близь Кіева, къ семейному сотнику Черевану, у котораго жили выкупленный имъ изъ турецкой неволи Василь невольникъ и слѣпой кобзарь, носившій въ народѣ прозвище Божьяго человѣка. Кобзарь разсказываетъ Шраму о положеніи дѣлъ въ Украинѣ и интригахъ Бруховецкаго, а Петръ знакомится съ дочерью Черевана Лесей и влюбляется въ нее. Черевань непрочь выдать ее за Петра; но когда и Шрамы и Череваны всѣ поѣхали въ Кіевъ, жена Черевана дорогою объявляетъ Петру, что Леся уже почти сосватана за гетмана Сомка. Въ Кіевѣ путешественники наталкиваются на пьяную толпу мѣщанъ, видятъ около братскаго монастыря оригинальную сцену разгульнаго прощанія стараго козака съ міромъ, рѣшившагося удалиться въ монастырь и посвятить остатокъ жизни отшельничеству, и наконецъ отправляются въ печерскій монастырь и встрѣчаются съ Сомкомъ, который ведетъ ихъ на свой хуторъ, построенный близь монастыря для приходящихъ на богомолье козаковъ, и получаетъ отъ Черевана рѣшительное согласіе на бракъ съ его дочерью. Сюда же приходятъ запорожцы Кирило Туръ и Богданъ черногорецъ. Туръ открыто высказываетъ свое намѣреніе похитить у Сомка невѣсту и бѣжать съ нею въ Черную Гору. Уже одна странность такой откровенности заставляетъ всѣхъ принимать ее за шутку, свойственную юродствующимъ запорожцамъ. А между тѣмъ Кирило Туръ ночью дѣйствительно похитилъ Лесю; но его подстерегаетъ все еще влюбленный въ Лесю Петръ, преслѣдуетъ похитителя и вступаетъ съ нимъ въ поединокъ, въ результатѣ котораго оба противника падаютъ замертво. Въ это время подъѣзжаютъ къ мѣсту поединка Шрамъ и Сомко, которыхъ извѣстилъ о похищеніи Петръ черезъ Василя-невольника, и берутъ на свое попеченіе раненыхъ: Сомко—Кирила Тура, а Шрамъ и Леся—Петра. Послѣдняго жена и дочь Черевана увозятъ на свой хуторъ для излеченія, во время котораго Петръ и Леся еще болѣе сблизились между собою и полюбили другъ друга. По

выздоровленіи Петра, Шрамы и Черевани ѣдутъ въ Нѣжинъ, чтобы тамъ примирить съ Сомкомъ Золотаренка и кстати отпраздновать свадьбу, и останавливаются у Гвинтовки, женившагося на польской княжнѣ, которую онъ взялъ насильно, убивъ ея мужа, и перенявшаго у нея высокомѣрное обращеніе съ прислугой и простымъ народомъ. Онъ лавируетъ между партіей Сомка и запорожцами и подчиняется внушеніямъ послѣднихъ. Является въ Нѣжинъ и Кирило Туръ, имѣвшій здѣсь матерь и сестру, подвергается наказанію отъ коша за свой поступокъ съ Лесею и весьма благополучно выдерживаетъ это тяжелое наказаніе. Между тѣмъ Шрамъ заѣхалъ въ Ворону и, узнавъ тамъ отъ сотника Бѣлозерца о наступленіи черной рады, поспѣшилъ въ Нѣжинъ. Далѣе описывается весь ходъ черной рады, занимающей въ „хроникѣ" около трехъ главъ. Бруховецкій остался побѣдителемъ; Сомко, выданный бояриномъ Великогагинымъ врагу, заключенъ въ тюрьму; Череванъ убѣжалъ съ рады очень комически. Шрамъ, прощаясь съ нимъ, намекаетъ на какое-то отчаянное свое намѣреніе. Выбранный въ гетманы, Бруховецкій на первыхъ же порахъ обманулъ ожиданія и черни, и запорожцевъ. Сомко сидѣлъ въ тюрьмѣ; Бруховецкій беспокоился, такъ какъ недовольная имъ чернь готова была перейти на сторону Сомка, если бъ онъ явился на свободѣ. Бруховецкій задумалъ убить его. Узнавъ объ этомъ, Кирило Туръ переодѣтый явился къ Бруховецкому и притворно предложилъ ему свои услуги. Бруховецкій далъ ему перстень, съ которымъ Кирило Туръ проникъ въ тюрьму къ Сомку, чтобы спасти его: онъ уже заранѣе уговорился со Шрамомъ и велѣлъ ему въ извѣстномъ мѣстѣ дожидаться освобожденнаго Сомка. Но Сомко не захотѣлъ купить своей жизни цѣною самопожертвованія Кирила; ибо Кирило Туръ не иначе могъ спасти его, какъ оставшись самъ на его мѣстѣ въ тюрьмѣ. Въ послѣдней главѣ коротко разсказывается о смерти Шрама, о казни Сомка, объ отъѣздѣ Кирила Тура со своимъ побратимомъ черногорцемъ въ Черногорію и о женитьбѣ Петра на Лесѣ.

Первую оцѣнку этому роману сдѣлалъ самъ Кулишъ въ эпилогѣ къ своей „хроникѣ", гдѣ онъ, называя „Тараса Бульбу" Гоголя „эффектнымъ, потѣшающимъ воображеніе", о себѣ самомъ и своемъ романѣ говоритъ такъ: „я подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникою въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе", и проч. Весьма сочувственный отзывъ сдѣлалъ объ этомъ романѣ-хроникѣ и Н. И. Костомаровъ. „Читая это сочиненіе,—говоритъ онъ,—съ перваго взгляда можно замѣтить, что авторъ имѣлъ цѣлью изобразить собранные народные типы и рѣзкія явленія, высказывающія особенности страны и вѣка... Г. Кулишъ представляетъ избранную эпоху съ разнообразныхъ сторонъ: у него изображены и политическія

страсти, и борьба эгоистическихъ побужденій, и семейный бытъ, и могущество, и слабость духовной жизни народа. Не только цѣлое проникнуто мыслію: нѣтъ страницы, которая бы не возбуждала думъ въ душѣ читателя. Каждое лицо выражаетъ собою какую нибудь изъ сторонъ вѣка. Ярче всѣхъ поражаетъ читателя характеръ Кирила Тура—вѣрное и до крайности странное олицетвореніе могучести духа въ эпоху броженія, въ вѣкъ юношеской силы, начинающей чувствовать начатки ранняго безсилія. Только при многолѣтнихъ трудахъ изученія книжныхъ и пѣсенныхъ памятниковъ, только послѣ разносторонняго знакомства съ народомъ, можно было создать такое лицо, воскресить идеалъ запорожца стараго времени. Постоянная брань съ мусульманами, потребность отстаивать православіе противъ Польши развили въ малороссійскомъ народѣ религіозное настроеніе духа, внутреннее благочестіе, подчиненность жизни набожному воззрѣнію; но безпрестанныя неудачи, всеобщее страданіе народа, повальныя бѣдствія, какія малороссіяне должны были выносить на плечахъ своихъ, частая потребность самопожертвованія, непрочность домашняго очага, необходимость расторженія гражданскихъ и семейныхъ связей—воспитали въ этомъ народѣ сознаніе земной ничтожности, презрѣніе къ жизни, насмѣшливый взглядъ на всѣ ея измѣненія, который и теперь, послѣ долгихъ лѣтъ успокоенія, составляетъ поразительную черту малороссійскаго характера... Точно то же можно сказать о томъ юродствѣ, къ которому едва ли такъ склоненъ какой либо другой народъ, какъ малороссіяне. Этимъ юродствомъ въ старину особенно отличались запорожцы. Запорожье было населено выходцами изъ Украины, которые не уживались съ тамошнею гражданственностію и приходили въ Сѣчь, принося съ собой убѣжденіе въ ничтожности прежнихъ своихъ стремленій и трудовъ. Запорожецъ, если онъ былъ одаренъ энергическою, высокою душею, болѣе или менѣе дѣлался юродомъ. Такой образъ представляетъ собой Кирило Туръ. Военное занятіе препятствуетъ ему обладать кротостію и незлобіемъ Христа ради юродиваго; съ презрѣніемъ къ земной жизни и насмѣшками надъ нею, свойственными послѣднему, онъ соединяетъ жестокость и грубость воина варварскаго вѣка... У него нѣтъ другаго убѣжденія, кромѣ того, что жизнь ничего не стоитъ, а потому онъ смѣется надъ жизнію, смѣется надъ смертію, смѣется надъ радостями, смѣется надъ страданіями, смѣется надъ правдою, смѣется надъ зломъ, смѣется не забавляясь: если для него есть что нибудь серьезное, то развѣ его собственный смѣхъ, которымъ онъ осушаетъ невольно пробивающіяся свои слезы. Есть другой типъ сознанія земной ничтожности—это Божій человѣкъ. Онъ также разувѣрился въ господствѣ правды, но не считаетъ безполезнымъ стремиться къ ней. Онъ прозрѣваетъ ея величіе въ видимомъ униженіи. Лишась зрѣнія, онъ не сдѣлался отшельникомъ, но

обратилъ послѣднія силы на трудъ для правды и облегченія страданія своихъ ближнихъ. Стоя на рубежѣ земнаго міра, онъ равнодушенъ къ торжеству зла, когда другіе сокрушаются объ этомъ; убѣжденный въ непріемлемости добра людьми, онъ проповѣдуетъ его до послѣдней минуты, ибо слишкомъ проникнутъ созерцаніемъ его красоты. Тѣ же побужденія, какія, при сознаніи зачатковъ безсилія и упадка, произвели юродствующаго запорожца, безъ этого горькаго сознанія, выражаются на лицѣ Шрама. Буря, вырвавшая южную Русь изъ правильнаго теченія, сдѣлала возможнымъ соединеніе въ одномъ лицѣ такихъ противоположностей, какъ православный священникъ и козакъ. Исторически извѣстно, что этотъ типъ, столь обычный въ Черногоріи, существовалъ и у насъ. Г. Кулишъ воскрешаетъ его не столько на основаніи бумажныхъ памятниковъ, сколько по разумѣнію народнаго духа.—Бруховецкій есть выраженіе дурной стороны духовныхъ силъ описываемаго времени. Человѣкъ ума проницательнаго, сильный волею, но сосредоточившій способности на зло, эгоистъ, дѣйствующій постоянно для собственнаго возвышенія и тщеславія, готовый на всякія низости для корыстныхъ цѣлей, отлично пользующійся обстоятельствами и увлеченіями другихъ,—таковъ былъ Бруховецкій и такимъ представленъ въ разбираемой нами хроникѣ. Въ лицѣ Черевана авторъ знакомитъ насъ съ образомъ малороссіянина добраго сердца, съ благородными убѣжденіями, но съ ограниченнымъ умомъ, безъ сильной воли, способнаго къ порывамъ гражданской доблести, но скоро охладѣвающаго: это—человѣкъ массы, готовый на самопожертвованіе вслѣдъ за другими, полезный тамъ, гдѣ такихъ, какъ онъ, много; въ противномъ случаѣ, годный только на то, чтобы войти смѣшнымъ образомъ въ жизненную драму.—Леся съ перваго взгляда кажется лицомъ темнымъ, мало очерченнымъ. Но, присмотрѣвшись къ этой личности, можно замѣтить, что авторъ поставилъ ее въ тѣни съ намѣреніемъ. Малороссійская дѣвушка была существомъ безгласнымъ, неразвитымъ, осужденнымъ и въ грядущей жизни оставаться безъ проявленій собственныхъ желаній и свободной дѣятельности; поэтому она и должна была явиться въ тѣни... Это—полуразвернутый полевой цвѣтокъ, не сіяющій разнообразіемъ красокъ и отливовъ, но тѣмъ не менѣе прекрасный въ своей бѣдной, простой красотѣ.—Нельзя не остановиться на изображеніи княгини, жены Гвинтовки, которой безвыходное положеніе представлено художественно и и возбуждаетъ въ душѣ читателя ужасъ.—Характеры Сомка и Петра вышли слабѣе другихъ. Они довольно общи. Впрочемъ, что касается до Петра, блѣдность этого лица произошла отъ положенія, въ которомъ оно изображено въ продолженіе всего дѣйствія: этотъ юноша постоянно съ отцомъ, и самобытность уничтожается какъ родительскими отношеніями, такъ равно и высотою характера Шрама".

Новымъ и значительнымъ подаркомъ малорусской литературѣ XIX вѣка считалъ „Черну Раду" и М. А. Максимовичъ; но подъ вліяніемъ эпилога къ этому роману, гдѣ Кулишъ слишкомъ строго судитъ о Гоголѣ и очень снисходительное оказываетъ вниманіе къ своей историко-романтической дѣятельности, г. Максимовичъ указалъ нѣсколько примѣровъ того, какъ г. Кулишъ иногда слишкомъ произвольно обходится съ историческимъ фактомъ и съ историческими лицами. „Изъ приведенныхъ примѣровъ,—говоритъ онъ,—можно видѣть достаточно, что романистъ не всего себя подчинилъ былому, что главнодѣйствующія историческія лица являются у него частенько не въ своемъ видѣ, и что его олицетворенная исторія нерѣдко обращается въ маскарадъ. Я очень знаю,—продолжаетъ Максимовичъ,—что романистъ и не обязанъ такою строгою покорностью къ изображаемой имъ дѣйствительности, какъ историкъ. Но если уже г. Кулишъ вполнѣ воспользовался этою свободою, зачѣмъ же говоритъ онъ, что въ Гоголевскомъ дивномъ созданіи мало художественной и исторической истины, а я де всего себя подчинилъ былому! и романъ мой—не романъ, а олицетворенная исторія, хроника!.." [2]). Гораздо неблагопріятнѣе отнеслись къ этому роману нѣкоторые сѣверно-русскіе критики. Въ этомъ „художественномъ произведеніи,—говорится въ „Библіотекѣ для Чтенія",—г. Кулишъ доказалъ только одно, что у него вѣрный глубоко-историческій тактъ, большія свѣдѣнія по части исторіи и древняго быта Малороссіи, рѣдкое по своей вѣрности воззрѣніе на Запорожье и Сѣчь, но не столько творческія силы, чтобы вполнѣ овладѣть избранной имъ тэмой. Притомъ, давно уже извѣстно, что всякія такъ называемыя заднія мысли обыкновенно идутъ въ ущербъ художественному произведенію. Самъ Гоголь, когда вздумалъ въ послѣднее время олицетворить свои любимыя идеи въ формахъ художественнаго созданія, споткнулся и породилъ безобразныхъ Мурузовыхъ, Костанжогло, Уливекъ и т. п. Да и странно, съ другой стороны, доказать романомъ, какъ много Малороссія дала Великороссіи, какія богатыя энергическія силы присоединило къ себѣ московское государство съ пріобрѣтеніемъ исторически знаменитаго товарищества славнаго Запорожья. Вслѣдствіе подобной трудности, не смотря на любовь и знаніе дѣла, романъ г. Кулиша произвелъ на насъ

[1]) „Современникъ", за январь 1858 г.

[2]) „Объ историческомъ романѣ г. Кулиша „Черная Рада". въ собраніи сочиненій М. А. Максимовича, т. 1, 1876 г. Мы съ своей стороны обратили вниманіе на слѣдующую поэтическую вольность въ романѣ г. Кулиша. Между другими героями онъ выводитъ здѣсь борзенскаго сотника Бѣлозерця и нѣжинскаго Гордія Костомара съ единственною цѣлью намекнуть на древнее происхожденіе фамилій своихъ пріятелей Бѣлозерскихъ и Костомарова.

слѣдующаго рода впечатлѣніе. Прежде всего бросается въ глаза какая-то напряженность въ изложеніи событій. Оттого и характеры выходятъ у него слабыми, неяркими; главный типъ ускользаетъ иногда, и остаются однѣ довольно удачныя, а мѣстами и достойныя полной похвалы частности изъ подробностей быта малороссіянъ XVII вѣка. Но вы не живете съ этими героями и равнодушно глядите на ихъ горести и радости, что очень обидно и горько должно быть для каждаго автора, хотѣвшаго создать произведеніе художественное и хоть отчасти достигшаго своей цѣли" [1]).

Языкъ хроники,—по словамъ Н. И Костомарова,—правиленъ и своеобразенъ, слогъ простъ, плавенъ и благороденъ. Встрѣчаются слова и обороты, вышедшіе изъ употребленія, но счастливо возобновленные авторомъ; встрѣчаются также новые, но столь удачно составленные, что малороссіянинъ, слыша ихъ въ первый разъ, тотчасъ же свыкается съ ними: авторъ не произвольно ихъ выдумалъ, а отыскивалъ въ законахъ построенія живой рѣчи народа, столь глубоко имъ понятой. „Черная Рада" на малороссійскомъ языкѣ выигрываетъ передъ русскимъ переводомъ, напечатаннымъ въ „Русской Бесѣдѣ" [2]).

„Черная Рада"—это лучшее литературное произведеніе Кулиша на малорусскомъ языкѣ, отличающееся сравнительною широтою и глубиною воззрѣнія, такъ какъ оно, составляя плодъ многолѣтнихъ трудовъ автора, принимало во вниманіе не только архивные историческіе документы, но и устныя южнорусскія народныя произведенія, преимущественно историческаго характера, и основывалось на нихъ. Но, къ великому удивленію всѣхъ, знавшихъ Кулиша, какъ писателя, въ послѣднее время онъ отвергъ тѣ самыя основанія, на которыя опиралась его литературная дѣятельность въ самую лучшую пору ея развитія, подвергъ себя самобичеванію и въ цѣломъ рядѣ историческихъ, публицистическихъ и поэтическихъ произведеній сталъ проповѣдывать взгляды и идеи, прямо противоположныя прежнимъ своимъ убѣжденіямъ. Объ этомъ превращеніи г. Кулиша Н. И. Костомаровъ говоритъ слѣдующее. Въ 60-хъ годахъ Кулиша „считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ козаччины; имя его неотцѣпно прилипало къ такъ называемому украйнофильству... Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, занялся съ большимъ вниманіемъ изученіемъ исторіи своего края и увидѣлъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе разцвѣченномъ видѣ, въ болѣе

---

[1]) „Библіотека для Чтенія", 1857 года, т. 146, кн. 2. „По поводу Черной Рады".

[2]) „Современникъ", за январь 1858 г.

плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою историческою истиною. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ симпатіямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшей жизни. Это желаніе Кулиша видно изъ собственныхъ его отзывовъ въ послѣднихъ его сочиненіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видно изъ духа, какимъ проникнуты его сочиненія, явившіяся послѣ десятилѣтняго молчанія въ литературѣ. Г. Кулишъ совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія на все малорусское, и на прошедшее, и на современное. Можно ли обвинять его за это одно, какъ нѣкоторые думаютъ? Конечно, нѣтъ. Измѣнять свои убѣжденія не только не предосудительно, но похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ. Но, видно, справедлива старая поговорка: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно. Г. Кулишъ могъ измѣнить свои взгляды на прошедшее и настоящее Малороссіи, а своей природы измѣнить не могъ. Въ произведеніяхъ съ направленіемъ, діаметрально противоположнымъ прежнему, онъ остался тѣмъ же г. Кулишомъ, какимъ являлся за нѣсколько лѣтъ, когда навлекалъ на себя упреки въ излишнемъ пристрастіи къ козачеству. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженія къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастія. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша въ послѣднихъ его произведеніяхъ много стремленій къ безпристрастію, а безпристрастія нѣтъ ни на-волосъ". Цѣль Кулиша въ послѣднихъ его произведеніяхъ—убѣдить читателей, что козаки были не болѣе, какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей безнравственности и по своимъ злодѣяніямъ, вовсе недостойные той идеализаціи, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ Кулишъ паче всѣхъ), а напротивъ достойны всякаго порицанія и презрѣнія [1]. Выраженіемъ основныхъ взглядовъ перевернувшагося Кулиша на козачество можетъ служить его стихотвореніе „Слава", 1876 года:

Не поляже, кажеш, слава?
От же вмре, поляже,
И онуки те забудуть,
Що дідам роскаже!

—

Занедбають потверезу,
Що попъяну снилось,
Ніби воля з панським правом
На Вкраіні билась.

[1]) „О козакахъ", Н. И. Костомарова, въ „Русской Старинѣ" за 1878 г., т. 21, стр. 385—387.

Ні! з порядком господарнім
Бились голыя лпаки,
Через лінощі ветяги,
Через хміль бурлаки.

—

Не герої правди й волі
В комиші ховались
Та з татарином дружили,
З турчином еднались.

—

Утікали туди слуги,
Що в панів прокрались,
И, влизнувши з рук у ката,
Гетьманами звались.

—

Павлюківці й Хмельничане,
Хижаки — пъяпиці,
Дерли шкуру з України,
Якъ жиди з телиці.

—

А здравши шкуру, мясом
З турчином ділились,
Поки всі поля кістками
Білими покрились.

—

Не поляже, кажеш, слава?..
Ні, кобзарю брате!
Проклила свое козацтво
Україна хати,

—

Розбишацьким заробітком
Гордувати стала
И поеми гайдамацькі
Брехнями назвала.

—

Все ж бо въ них була омана:
Воля, честь, лицарство,
За що світом колотило
Дике те козацтво.

—

Воля — шарпать панські села,
Честь — людей душити,

А лицарство—християнську
Кров річками лити, и проч.

—

А такъ какъ Шевченко былъ попреимуществу пѣвцомъ козаччины, то и ему досталось отъ Кулиша въ послѣднихъ его произведеніяхъ. „Если бы возможно было,—говоритъ онъ,—всѣ произведенія Шевченка пустить безразлично въ дешевую распродажу, то само общество явилось бы на току критики съ лопатою въ рукахъ: оно собрало бы небольшое, весьма небольшое количество стиховъ Шевченка въ житницу свою; остальное было-бы въ его глазахъ не лучше сору, *его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли*. Отверженіе многаго, что написано Шевченкомъ въ его худшее время, было бы со стороны общества актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умоизступленіи своемъ. *Усе менеться, одна правда зостаеться*,—говоритъ наша пословица" [1]).

Впрочемъ, въ подробномъ развитіи новаго взгляда Кулиша на козацство и Украину есть нѣкоторыя значительныя варіаціи. Въ своей „Исторіи возсоединенія Руси" и въ статьяхъ „Козаки въ отношеніи къ государству и обществу" Кулишъ представляетъ актъ возсоединенія Малороссіи съ Россіей дѣломъ вполнѣ національнымъ, исторически необходимымъ и законнымъ; въ позднѣйшихъ же своихъ брошюрахъ „Хуторна поэзія" и „Крашанка" 1882 года онъ бранитъ уже и Москву, признаетъ возсоединеніе Россіи исторической несправедливостію и убѣждаетъ русиновъ и поляковъ забыть историческія неправды съ обѣихъ сторонъ и подать другъ другу руку примиренія.

Какими путями г. Кулишъ пришелъ къ этимъ выводамъ, объ этомъ онъ нерѣдко самъ говоритъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Въ нихъ онъ старается примѣнить соціологическія идеи Конта и другихъ подобныхъ мыслителей къ разработкѣ украинской исторіи и отводитъ въ этой исторіи самое видное мѣсто городскому или среднему сословію, которое, по его словамъ, „въ исторіи цивилизаціи Европы играетъ роль питомника всѣхъ жизненныхъ идей". Эти соціологическія идеи и служатъ для г. Кулиша критеріемъ для оцѣнки имъ историческихъ матеріаловъ и источниковъ. Для него достовѣрно все то, что служитъ его соціологическимъ задачамъ, и не заслуживаетъ никакого довѣрія то, что противорѣчитъ этимъ задачамъ, несогласно съ ними. Историческіе документы, малорусскія лѣтописи, козацкія думы и т. п. Кулишъ считаетъ ненадежными источниками, потому что они или выду-

---

1) „Исторія возсоединенія Руси", т. 2, стр. 21—25.

маны и искажены духовными руководителями народа, или сочинены пьяными кобзарями. На этотъ основанія онъ казнитъ и свою собственную „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ 1846 г., какъ не выдерживающую исторической критики. „Это была,—говоритъ онъ,—компиляція тѣхъ шкодливыхъ для нашего разума выдумокъ, которыя наши лѣтописцы выдумывали про ляховъ, да тѣхъ, что наши кобзари сочиняли про жидовъ, для возбужденія или для забавы козакамъ пьяницамъ, да тѣхъ, которыя разбросаны по апокрифамъ старинныхъ будто бы сказаній и по поддѣланнымъ еще при нашихъ прадѣдахъ историческимъ документамъ. Это было одно изъ тѣхъ утопическихъ и фантастическихъ сочиненій безъ критики, изъ какихъ сшита у насъ вся исторія борьбы Польши съ Москвою“. Но, отвергнувъ лѣтописи, архивные документы и козацкія думы, какъ ненадежные источники для исторіи Украины, Кулишъ, вмѣсто нихъ, обратился къ польскимъ свидѣтельствамъ и источникамъ, отдавая имъ явное предпочтеніе предъ отечественными украинскими. Слѣдовательно, такъ называемыя соціологическія идеи Кулиша на самомъ дѣлѣ оказываются полонофильскими идеями.

Понятно, что ни русскіе украинцы, ни австрійскіе русины, для которыхъ писалъ г. Кулишъ, не могли быть довольны его послѣдними историческими идеями и сочиненіями и отшатнулись отъ него, какъ отъ измѣнника и врага своей народности, не смотря на то, что онъ въ своей „Хуторной поэзіи“ приглашаетъ своихъ земляковъ работать для воскрешенія украинской народности на поприщѣ украинскаго слова и литературы и разработывать народное слово въ переводахъ поэтическихъ твореній великихъ народовъ и въ философіи, опирающейся на науку естествовѣдѣнія. Въ своемъ нравственномъ одиночествѣ на чужбинѣ Кулишъ утѣшается только надеждою на свое безсмертіе въ грядущихъ поколѣніяхъ Украины. Вотъ лебединая его пѣсня, напечатанная въ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 годъ!

І тебе вже оце не побачу до віку, мій крае коханий,
Не побачу степівъ тихъ роскішнихъ, гаївъ тихъ співучихъ,
І поляжу безъ слави въ могилі німій і нікому незнаній,
І забудуть мене на Славуті-Дніпрі, на порогахъ ревучихъ!

—

Не забудешъ мене, поки віку твого, моя нене Вкраіно,
Поки мова твоя голосна у пісняхъ, якъ срібло чисте дзвонить...
На що глянешъ, усюди згадаешъ свого бідолашного сина:
Відъ тебе, моя нене, его туподумство людське не заслонить!

4

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко [1]).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, по уличному прозванію Грушевскій, сынъ крѣпостнаго крестьянина помѣщика Энгельгардта, родился 25 февраля 1814 года, въ селѣ Моринцахъ, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, но на третьемъ году своей жизни переселился вмѣстѣ со своими родителями въ село Кириловку, того же уѣзда, гдѣ и провелъ первое свое дѣтство. Съ первыхъ лѣтъ предоставленный самому себѣ, какъ и большинство крестьянскихъ дѣтей, онъ бродилъ цѣлые дни по деревнѣ, по полямъ, и рано чуткая душа его стала откликаться на голосъ природы. Чудныя картины Украины рано пробудили въ немъ чувство красоты, фантазію и анализъ окружающаго. Особенно ярко выступаетъ это въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ дѣтской жизни Шевченка. Разъ далеко-далеко въ степи, за нѣсколько верстъ отъ деревни, нашли маленькаго усталаго Тараса проѣзжіе чумаки. Онъ шелъ искать „конецъ свѣту, гдѣ небо упирается въ землю", и „посмотрѣть, какъ тамъ бабы кладутъ на небо вальки". Чумаки привезли его домой, гдѣ братья и сестры пороли горячку, ища его. Старшій братъ хотѣлъ его за это побить; но сестра Ирина вступилась за него, не дала бить и поставила ему на ужинъ галушки. Не успѣлъ онъ съѣсть и одной галушки, какъ сонъ одолѣлъ его, и онъ свалился. Сестра взяла

---

1) Капитальнѣйшимъ трудомъ по біографіи Шевченка считается книга „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка" М. К. Чалаго, Кіевъ, 1882 года; а лучшимъ изданіемъ его произведеній „Збирныкъ творивъ Т. Г. Шевченка", Спб., 1883 г., вышедшій пока только въ одномъ первомъ томѣ. Библіографическій указатель литературы о Шевченкѣ см. въ „Покажчикѣ новоі украінськоі літератури", М. Комарова, 1883 г. Послѣ выхода сего „Покажчика" въ свѣтъ появились въ печати еще слѣдующіе матеріалы: 1) „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857)" въ „Кіевской Старинѣ", за январь, мартъ и апрѣль 1883 г.; 2) „Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и о его могилѣ въ полтавскомъ земскомъ собраніи 1882 г.", В. Г—ка, тамъ же, за январь 1883 г.; 3) „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность" Н. И. Костомарова, тамъ же, за февраль 1883 г.; 4) „Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ", сообщ. С. Пономаревъ, тамъ же, за февраль, 1883 года; 5) „Мои воспоминанія о Шевченкѣ, какъ человѣкѣ" Е. Θ. Юнге, урожденной графини Толстой, въ „Вѣстникѣ Европы" за 1883 г.; 6) „Воспоминаніе о Шевченкѣ" А. Смоктія въ „Кіевской Старинѣ", сентябрь—октябрь, 1883 г.; 7) „Тарасъ Гр. Шевченко" С. Н. Кулябко. Кіевъ. 1883.

его на руки, положила на постель, перекрестила и примолвила, цѣлуя его: „спи, бродяга". Этотъ случай Тарасъ завсегда вспоминалъ съ любовію. Въ другой разъ никто не рѣшался войти въ пещеру, бывшую неподалеку отъ деревни. Тарасъ смѣло пошелъ туда, и съ тѣхъ поръ пещера нерѣдко служила ему убѣжищемъ отъ домашнихъ бѣдъ. Ко времени между 1820—1825 годами, когда Шевченку было 6—10 лѣтъ, относится его первое знакомство съ народными думами про коліивщину, какъ объ этомъ говоритъ самъ Шевченко въ своей поэмѣ „Гайдамаки".

Бувало, въ недилю, закрывшы мынею,
По чарци зъ сусидомъ выпывшы тыеи,
Батько дида просыть, щобъ той росказавъ
Про коліивщыну, якъ колысь бувало,
Якъ Зализнякъ, Гонта ляхивъ покаравъ.
Столитніи очи, якъ зори, сіялы,
А слово за словомъ сміялось, лылось:
Якъ ляхы коналы, якъ Смила горила,
Сусиди отъ страху, одъ жалю нимилы.
И мени, малому, не разъ довелось
За тытаря плакать. И нихто не бачывъ,
Що мала дытына у куточку плаче.

Этотъ дѣдъ Тараса умеръ около 1840 года, имѣя отъ роду 115 лѣтъ; слѣдовательно, самъ былъ свидѣтелемъ или даже участникомъ коліивщины. Живые разсказы своего дѣда Шевченко могъ лично провѣрить на мѣстѣ и восполнить, отправившись вскорѣ на богомолье въ мотронинскій монастырь, бывшій центромъ дѣйствія во время коліивщины [1]).

Въ 1813 году, когда Шевченку было около 8 лѣтъ, умерла его мать, оставивъ пятеро дѣтей, и отецъ женился на другой. Отъ нея явились у отца другія дѣти. Между сведенными дѣтьми постоянно происходили драки и слезы. Въ дѣтскихъ несогласіяхъ всегда преимущество имѣли на своей сторонѣ дѣти мачихи, а дѣти отца становились для мачихи все болѣе и болѣе немилыми. „Не проходило часа,—пишетъ Шевченко въ своихъ воспоминаніяхъ,—безъ слезъ и драки между нами—дѣтьми; не проходило часа безъ ссоры и брани между отцемъ и мачихой". Много вынесъ Тарасъ побоевъ совершенно безвинно, много и за свою задорливость. Однажды его напрасно обвинили въ воровствѣ

---

[1]) Г. Чалый смѣшиваетъ мотронинскій монастырь съ лебединскимъ (стр. 16—17). См. объ этомъ въ „Кіевской Старинѣ" за сентябрь 1882 года статью Пр. П. Л—ва: „Т. Г. Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи)".

трехъ злотыхъ у постояльца—солдата и истязали въ продолженіе трехъ дней съ небольшими перерывами. Впослѣдствіи оказалось, что деньги укралъ сынъ мачихи Степанко, спрятавъ ихъ въ дуплѣ старой вербы. Въ это-то тяжелое время своей жизни Шевченко нераз скрывался отъ домашняго содома въ знакомую уже намъ пещеру недалеко отъ деревни. Отецъ Шевченка, можетъ быть, желая освободить его отъ побоевъ мачихи и замѣтивъ его способности, отдалъ его учиться мѣщанину Губскому. Но въ 1825 году отецъ Шевченка умеръ и передъ смертью, дѣля хозяйство между своими дѣтьми, объ 11-лѣтнемъ Тарасѣ сказалъ слѣдующее: ,,Синові моему Тарасу нічого не треба зъ моего хозяйства; вінъ не буде аби-якимъ чоловікомъ; зъ него вийде або щось дуже добре, або велике ледащо; для его мое наслідство або нічого не буде значить, або нічого не поможе".

По смерти отца, начинается скитальческая жизнь Шевченка. Оставшись сиротой, онъ взятъ былъ въ науку кириловскимъ дьячкомъ Петромъ Богорскимъ, въ теченіи двухъ лѣтъ прошелъ азбуку, часословъ и псалтирь, учился нѣсколько времени письму у священника Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца-погонича, присматривавшаго за скотинкой [1]), и снова перешелъ къ Богорскому. Подъ конецъ курса, по приказанію дьячка, Шевченко ходилъ читать, вмѣсто него псалтирь надъ покойниками-крестьянами, за что дьячекъ платилъ ему десятую копѣйку. Дьячекъ, по обычаю того времени, сурово обходился со своими школярами и задавалъ имъ традиціонныя субботнія припарки. Самъ Шевченко былъ въ послѣднее время сдѣланъ ,,консуломъ" въ школѣ Богорскаго и, по его приказанію, поролъ своихъ товарищей и получалъ отъ нихъ взятки, чтобы не больно сѣкъ. ,,Этотъ первый деспотъ,—говоритъ Шевченко о Богорскомъ,—котораго я встрѣтилъ въ моей жизни, вселилъ въ меня на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ". Отъ треволненій школьной жизни Шевченко отдыхалъ въ саду сосѣдняго крестьянина Жениха, подъ тѣнью калины, въ собственноручно сдѣланномъ шалашѣ. Тутъ, весь отдаваясь поэтическимъ стремленіямъ, Тарасъ рисовалъ, списывалъ стихи Сковороды и напѣвалъ ихъ наединѣ. Онъ покончилъ съ дьячкомъ тѣмъ, что, разъ заставши его до безпамятства пьянымъ, высѣкъ его, сколько силъ стало, розгами и убѣжалъ въ мѣстечко Лисянку, взявъ у дьячка книжечку съ гравированными образами. Въ Лисянкѣ онъ нашелъ себѣ новаго учителя въ лицѣ маляра діакона Ефрема, съ которымъ онъ вошелъ въ связь благодаря Богорскому же; но на четвертый день бѣжалъ отъ него въ село Тарасовку

---

[1]) О жизни Шевченка у священника Кошица см. тамъ же, стр. 563.

къ дьячку—маляру, который славился въ околодкѣ писаньемъ великомученика Никиты и Ивана воина. Но тарасовскій дьячекъ, взглянувъ на лѣвую руку Шевченка, отказалъ ему наотрѣзъ, сказавши, къ крайнему прискорбію Шевченка, что въ немъ нѣтъ способности ни къ чему, даже къ портняжеству и бондарству. Потерявъ надежду сдѣлаться когда нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, Шевченко возвратился въ родное село и имѣлъ намѣреніе сдѣлаться пастухомъ, съ тѣмъ, чтобы хоть за общественнымъ стадомъ читать свою любимую краденую книжку съ гравюрами. Къ этому, конечно, времени относится содержаніе слѣдующихъ стиховъ Шевченка:

Мени тринадцятый мынавъ.
Я пасъ ягнята за селомъ.
Чи то такъ сонечко сіяло,
Чи такъ мени чого було—
Мени такъ любо, любо стало,
Неначе въ Бога...
Уже проклыкалы до паю,
А я соби у бурьяни
Молюся Богу; и не знаю,
Чого маленькому мени
Тоди такъ прыязно молылось,
Чого такъ весело було.
Господне небо и село,
Ягня, здаетъця, веселылось,
И сонце грило—не пекло.
Та недовго сонце грило
Недовго молылось:
Запекло, почервонило
И рай запалыло.
Мовъ прокынувся! Дывлюся:
Село почорнило,
Боже небо голубее
И те помарнило.
Поглянувъ я на ягнята—
Не мои ягнята;
Обернувся я на хаты—
Нема въ мене хаты.
Не давъ мени Богъ ничого!
И хлынулы слезы,
Тяжки слезы... А дивчына,
Пры самій дорози,
Недалеко колю мене,

Плоскинь выбирала,
Та й почула, що я плачу.
Прыйшла, прывитала,
Утырала мои слезы
И поцилувала...
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на свити стало
Мое—ланы, гаи, сады...
И мы, жартуючы, погналы
Чужи ягнята до воды.

Г. Ганенко догадывается, что обласкавшая и утѣшившая маленькаго Шевченка дивчина была подруга его дѣтства Оксана, къ которой онъ привязался съ ранняго возраста. Оксаною назвалъ Шевченко героиню „Гайдамакъ", вѣроятно, въ память о своей Оксанѣ. Говоря о бѣдности Яремы и о томъ счастьи, которое онъ нашелъ въ любви Оксаны, Шевченко вспоминаетъ и свое прошлое счастіе:

Оттакый-то мій Ярема,
Сырота багатый.
Такымъ и я колысь-то бувъ!
Мынуло, дивчата...
Мынулося, розійшлося,
И слиду не стало.
Серце мліе, якъ згадаю...
Чому не осталось?
Чому не осталось, чому не витало?
Легше було бъ слезы, журбу вылывать.
Люде одибралы, бо имъ було мало.

Эти „люди" не иной кто, камъ солдатъ, обманувшій Оксану, послѣ чего она—

Кудысь пишла,
Нихто не знае, де подилась,
Занапастылась, одурила... [1]).

Судя по возрасту Шевченка, онъ былъ пастыремъ овецъ около 1827 года. Старшій братъ поэта Никита попробовалъ было пріучить его къ хозяйству, но всѣ усилія его къ тому остались тщетными. Тарасу скоро наскучили и эти занятія: онъ бросалъ воловъ въ полѣ и уходилъ бродить на свободѣ. Спустя немного времени, послѣ короткаго

[1]) „Новые матеріалы для біографіи Шевченка", Е. Ганенка, въ „Древней и новой Россіи", за іюнь, 1875 г.

пребыванія у брата, онъ еще разъ попыталъ счастія найти учителя и ушелъ въ селеніе Хлѣбновку, славившуюся своими малярами. У одного изъ нихъ онъ и пріютился, но пробылъ всего двѣ недѣли. Хлѣбновскій маляръ, хотя и нашелъ его способнымъ съ живописи, но, боясь отвѣтственности за пристанодержательство крѣпостнаго мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Тарасу выхлопотать сперва разрѣшеніе у помѣщика на свободное жительство и тогда уже поступить къ нему въ науку. Шевченко отправился въ м. Ольшану, гдѣ находилась резиденція главноуправляющаго имѣніями Энгельгардта Дмитренка, и сталъ просить у него вида на жительство у хлѣбновскаго маляра. Но Дмитренко не далъ Шевченку свидѣтельства и взялъ его въ штатъ господской прислуги. Помѣщику П. В. Энгельгардту, наслѣдовавшему въ 1829 г. часть имѣнія своего отца, потребовались разные дворовые—кучера, лакеи, повара, комнатные живописцы и т д. Управляющему Дмитренку было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ и, испытавъ ихъ способности въ Ольшаной, препроводить въ Вильну. Шевченко былъ причисленъ къ штату дворовыхъ мальчиковъ и попалъ на первыхъ порахъ въ поваренки, но, по испытаніи, отмѣченъ былъ „годнымъ на комнатнаго живописца“ и съ этимъ аттестатомъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, въ Вильну къ своему барину, который, замѣтивъ его расторопность, сдѣлалъ его комнатнымъ козачкомъ, для исполненія мелкихъ приказаній. Его обязанностью было молчаніе и неподвижность въ углу передней, пока не раздастся голосъ барина, приказывающій подать близь него стоящую трубку, либо налить ему передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной рѣзвости характера, Шевченко нарушалъ барскій приказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія грустныя пѣсни и срисовывая украдкой образа суздальской школы, украшавшіе господскіе покои. Баринъ Шевченка былъ человѣкъ дѣятельный и постоянно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ, и бралъ съ собою Шевченка. Переѣзжая со своимъ паномъ изъ одной гостинницы въ другую, Шевченко пользовался всякою возможностью украсть со стѣны образокъ и составилъ такимъ образомъ драгоцѣнную коллекцію. Особенными его любимцами были историческіе герои, какъ-то: Соловей Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, козакъ Платовъ и др. Однажды помѣщикъ засталъ Шевченка ночью за копированіемъ козака Платова, выдралъ за ухо, надавалъ пощечинъ и на другой день велѣлъ фурману выпарить его хорошенько. Это было 6 декабря. 1829 года. Но въ заключеніе баринъ убѣдился, что изъ мальчика—лакей плохой, и попытался сдѣлать его комнатнымъ маляромъ. Тарасъ сталъ учиться у маляра въ Вильнѣ, а потомъ черезъ полгода, по совѣту этого же мастера, признавшаго въ мальчикѣ талантъ, помѣщикъ отдалъ Тараса къ портретисту Лампи

въ Варшавѣ. Тутъ шестнадцатилѣтній Шевченко (слѣдовательно, въ 1830 году) полюбилъ дѣвушку-польку швею, съ независимымъ образомъ мыслей, и тутъ, по словамъ самого поэта, ему впервые пришла въ голову мысль о томъ, что и они, крѣпаки, могутъ и должны пользоваться человѣческими правами наравнѣ съ другими сословіями. Любовь, какъ водится, не обошлась безъ жертвъ: коханка потребовала отъ Тараса, во имя сердечной привязанности, отреченія отъ хлопскаго языка въ пользу шляхетской національности. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ она не допускала иного языка, кромѣ польскаго. Волей-неволей Шевченко долженъ былъ учиться по польски. Успѣхи, какъ видно, шли весьма успѣшно, судя по тому, какъ свободно изъяснялся на этомъ языкѣ авторъ „Гайдамакъ“. Изъ дошедшихъ же до насъ свѣдѣній о позднѣйшей эпохѣ его жизни мы узнаемъ, что онъ читалъ въ подлинникѣ Мицкевича и эстетику Либельта.

Но недолго продолжалась поэтическая пора жизни юноши въ Варшавѣ. По случаю подготовлявшагося въ 1831 году польскаго возстанія, Шевченко отправленъ былъ въ Петербургъ къ своему барину и, какъ крѣпостной дворовый, препровожденъ былъ туда по этапу. Дорогою у него порвался одинъ сапогъ, такъ что отпадала подошва, и Шевченко, чтобъ не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, надѣвая на время цѣлый сапогъ на мерзнувшую въ драномъ сапогѣ ногу. Эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ Шевченка по шеѣ [1]).

„Въ 1833 году мнѣ исполнилось 18 лѣтъ,—говоритъ о себѣ Шевченко,—и такъ какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ мастеру, нѣкоему Ширяеву, который соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьячка-маляра и другаго дьячка-хиромантика; но не смотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя осеннія ночи, бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать со статуй. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ я познакомился съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ“. Объ этомъ знакомствѣ съ Шевченкомъ И. М. Сошенко передавалъ пр. П. Л—ву въ такомъ видѣ. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ саду, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ пестрядинномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ

---

[1]) О послѣдней подробности см. въ статьѣ Н. М. Бѣлозерскаго „Т. Г. Шевченко, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“, въ „Кіевской Старинѣ“, за октябрь 1882 г.

статуй, украшающихъ аллеи сада. Замѣтивъ южный типъ физіономіи, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ весьма недуренъ. Тогда, ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко спросилъ: „звидкиль, земляче?"—„Зъ Вильшаной",—отвѣтилъ халатникъ.—„Якъ—зъ Вильшаной? Я самъ зъ Вильшаной",—сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатникѣ Тараса Шевченка [1]). Землячество, несомнѣнный талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился помочь ему по мѣрѣ силъ своихъ. Сошенко былъ хорошо знакомъ съ малороссійскимъ писателемъ Е П. Гребенкою. Съ нимъ-то онъ прежде всего и посовѣдовался насчетъ того, какимъ бы способомъ помочь горю общаго ихъ земляка. Гребенка близко принялъ къ сердцу жалкое положеніе юноши, сталъ часто приглашать его къ себѣ, давая ему для чтенія книги, сообщалъ разныя полезныя свѣдѣнія, помогалъ деньгами. Онъ помогъ Шевченку ознакомиться съ исторіей, словесностью, исторіей искусства и другими необходимыми знаніями. „Пушкина зналъ онъ наизусть,—говоритъ г. Кулишъ о Шевченкѣ, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда бъ ни ѣхалъ [2]). Изъ „Дневника" же самого Шевченка мы узнаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія изъ стихотвореній Лермонтова, называлъ его великимъ поэтомъ, а стихи его—очаровательными. Вѣроятно, первоначальнымъ знакомствомъ съ классическими русскими писателями Шевченко былъ обязанъ Е. П. Гребенкѣ.

Не довольствуясь этимъ первымъ шагомъ къ облегченію участи Тараса, Сошенко представилъ его конференцъ-секретарю академіи художествъ Григоровичу, съ убѣдительнѣйшею просьбою оказать свое содѣйствіе къ освобожденію его отъ невыносимаго гнета маляра Ширяева. Съ Гребенкой Тарасъ Григорьевичъ сталъ бывать у придворнаго живописца Венеціанова, который, по просьбѣ Григоровича, представилъ его В. А. Жуковскому. Желая ближе познакомиться съ направленіемъ самоучки-маляра, Жуковскій задалъ ему однажды тэму—описать жизнь художника. Насколько Шевченко удовлетворилъ пытливости нашего романтика,—неизвѣстно. Извѣстно только, что съ этого именно времени онъ сталъ сильно хлопотать о выкупѣ Шевченка.

---

[1]) О первомъ знакомствѣ Шевченка съ Сошенкомъ см. „Тарасъ Гр. Шевченко" пр. П. Л—ва въ „Кіевской Старинѣ" за сентябрь 1882 г. Въ книгѣ г. Чалаго передается объ этомъ нѣсколько иначе (стр. 22 и 23). Но мы предпочитаемъ извѣстіе пр. П. Л—ва, потому, что оно совпадаетъ съ показаніемъ самого Шевченка въ его „Автобіографіи".

[2]) „Основа", за январь, 1862 года: библіографія", стр. 60—61.

Около этого времени, въ одни изъ каникулъ, Сошенко приглашенъ былъ смотрителемъ Энгельгардтова дома переселиться къ нему для написанія портрета его жены. Шевченко посѣщалъ своего земляка и здѣсь, но допускалъ себѣ вольныя рѣчи съ дворовыми, которые, заразившись отъ него вольнодумствомъ, и сами начали вольничать, заявляя предъ дворецкимъ о своихъ человѣческихъ правахъ. Прехтель хотѣлъ за это высѣчь Шевченка и только по просьбѣ Сошенка и своей жены отмѣнилъ это наказаніе, запретивъ ему видѣться съ дворовыми, подъ угрозой жесточайшей кары. Впрочемъ, о Прехтелѣ Шевченко сохранилъ, повидимому, добрыя воспоминанія. Въ его повѣсти „Матросъ" старики Прехтели представлены свѣтлыми личностями, которыя выше всего ставятъ духовныя достоинства и нравственную чистоту въ человѣкѣ.

Настала осень. Сошенко, окончивъ работу, переселился изъ панскихъ палатъ въ свою убогую квартирку, къ нѣмкѣ Марьѣ Ивановнѣ. Тарасъ опять сталъ навѣщать его. По совѣту Сошенка, онъ началъ работать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ грязныхъ пробъ терпѣливо служилъ ему моделью его землякъ и пріятель Ив. Ничипоренко, дворовой человѣкъ того же помѣщика. Разъ помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренка работу Шевченка, и она такъ ему понравилась, что онъ сталъ употреблять его для рисованія портретовъ со своихъ метрессъ, за которые иногда награждалъ Шевченка цѣлымъ рублемъ серебра.

Между тѣмъ дѣло объ освобожденіи Шевченка отъ крѣпостничества, не смотря на всѣ старанія Венеціанова, Вельегорскаго и Жуковскаго, все-таки впередъ не подвигалось. Шевченко пришелъ однажды къ Сошенку въ страшномъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ нарекалъ на своего помѣщика, не соглашавшагося отпустить его на волю. В. А. Жуковскій, узнавъ объ ужасномъ состояніи духа молодаго человѣка, написалъ къ нему на лоскуткѣ бумажки успокоительную записку. Ближайшимъ толчкомъ къ выкупу Шевченка изъ крѣпостной неволи было, говорятъ, слѣдующее обстоятельство. Какой-то генералъ заказалъ Шевченку портретъ за 50 рублей. Генералу портретъ не понравился, и онъ отказался принять его. Обиженный живописецъ, съ досады на генерала, выкинулъ ему такую штуку. Узнавъ, что этотъ генералъ аккуратно посѣщаетъ одну цирюльню, предложилъ хозяину ея купить у него для вывѣски генерала съ намыленной бородой. Тотъ согласился пріобрѣсть, почти задаромъ, такое пышное украшеніе для своего заведенія. Замѣтивъ на вывѣскѣ свой портретъ, генералъ пришелъ въ бѣшенство и тотчасъ перекупилъ его для себя; а чтобы отомстить дерзкому маляру, обратился къ помѣщику Энгельгардту съ просьбою продать ему крѣпостнаго художника, предлагая ему за него большія

деньги. Энгельгардъ чуть было не согласился на такую выгодную сдѣлку, хотя и зналъ цѣль покупателя. Пока они торговались, Шевченко узналъ объ этомъ и, воображая, что можетъ ожидать его, бросился къ Брюлову, умоляя спасти его. Брюловъ сообщилъ объ этомъ В. А. Жуковскому, а тотъ императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ. Энгельгарду дано было знать, чтобы онъ пріостановился съ продажею Шевченка. Въ непремѣнное исполненіе ходатайства за Шевченка императрица требовала отъ Брюлова окончанія портрета Жуковскаго, давно уже Брюловымъ обѣщаннаго и даже начатаго, но заброшеннаго, какъ это очень часто бывало съ Брюловымъ. Портретъ вскорѣ былъ оконченъ и розыгранъ въ лотерею между лицами императорской фамиліи. Лотерея, по словамъ кн. Репниной, была устроена не въ 2500, какъ сообщаетъ самъ Шевченко, а въ 10000 руб. асс.,—сумму, равную платѣ, предложенной генераломъ за Шевченка помѣщику. Шевченко получилъ свободу 22 апрѣля 1838 года, съ того же дня началъ посѣщать классы академіи художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ—товарищей Брюлова.

Освобожденный изъ оковъ крѣпостнаго состоянія, Шевченко поселился у Сошенка, въ квартирѣ нѣмки Марьи Ивановны, и рѣшился отдаться живописи, ради которой онъ освобожденъ былъ отъ крѣпостнаго состоянія. Онъ сталъ усердно посѣщать академію художествъ. Но въ скоромъ времени живопись у Шевченка отступаетъ на задній планъ, и все сильнѣе и сильнѣе чувствуетъ онъ въ себѣ иной талантъ, зовущій его на другую дорогу. Въ лѣтнемъ саду, въ студіи Брюлова, въ загородныхъ прогулкахъ, передъ Шевченкомъ носятся художественные образы, которые такъ и рвутся на волю, такъ и ждутъ воплотиться въ звучныхъ мелодическихъ строкахъ. Шевченко началъ мало по малу оставлять живопись и предаваться поэзіи. Вотъ какъ говоритъ объ этой первой порѣ своей поэтической дѣятельности самъ поэтъ: „украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ трактирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ“. Первыя поэтическія произведенія Шевченка относятся къ 1838 году. Въ письмѣ къ Квиткѣ отъ 11 ноября, 1838 года, Гребенка писалъ о Шевченкѣ слѣдующее: „а ще тутъ е у мене одинъ землякъ Ш(евченк)о, що то за завзятый писать вирши, то нехай ему сей да той. Якъ що напише, тильки цмокни, та вдарь руками объ полы. Винъ мени давъ гарныхъ стихивъ на сбирникъ“ [1]). То были

[1]) „Украинская Старина“ Г. Данилевскаго, 1866 г., стр. 275 и 281.

стихотворенія Шевченка „Витре буйный“, „Причинна“, „На вичну память Котляревскому“ и первая глава изъ поэмы „Гайдамаки“, помѣщенныя въ „Ластовкѣ“ Гребенки 1841 года.

Внутренній переломъ въ жизни Шевченка въ пользу поэзіи не обошелся ему безъ внутреннихъ мученій и безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній со стороны близкихъ къ нему лицъ. „На нѣкоторое время Шевченкомъ овладѣлъ,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—духъ разсѣянной, веселой свѣтской жизни. Онъ сталъ щеголять, часто ходить въ гости, вообще жилъ весело и мало брался за работу, особенно же живописную, за что не одинъ разъ укорялъ его Сошенко, порицавшій его стихотворныя попытки“. Къ веселой, разгульной жизни располагалъ Шевченка и его знаменитый учитель и покровитель Брюловъ, который и самъ непрочь былъ пображничать. Наконецъ, Шевченко отбилъ у Сошенка племянницу его хозяйки—нѣмки Марью Яковлевну, за что Сошенко выгналъ нашего поэта изъ своей квартиры. Эта Марья Яковлевна жаловалась впослѣдствіи на Шевченка въ академію художествъ.

Шевченко жилъ у Сошенка съ осени 1838 по февраль 1839 г. Разставшись такъ недружелюбно съ пріятелемъ, Тарасъ Григорьевичъ поселился на Острову, въ 5-й линіи, въ домѣ Арнста. Вѣроятно, къ этому времени относятся воспоминанія II. М—са о Шевченкѣ. Этотъ полтавскій дворянинъ познакомился съ Шевченкомъ въ концѣ 1838 г. у Е. П. Гребенки, просилъ Шевченка сдѣлать свой портретъ акварелью и для этого ѣздилъ къ нему на квартиру Квартира его была на Васильевскомъ островѣ, невдали отъ академіи художествъ, гдѣ-то подъ небесами, и состояла изъ передней совершенно пустой, и другой небольшой, съ полукруглымъ вверху окномъ, комнаты. Однажды, окончивъ сеансъ, г. М—съ поднялъ съ пола кусокъ исписанной карандашомъ бумажки и едва могъ разобрать четыре стиха:

Червоною гадюкою
Несе Альта висти,
Щобъ летилы крюки зъ поля
Ляшкивъ—панкивъ йисты (Тарасова ничъ).

Оказалось, что такихъ клочковъ у Шевченка былъ цѣлый лубочный ящикъ подъ кроватью. „Взявши (съ дозволенія Шевченка) бумаги, говоритъ М—съ, я тотчасъ же отправился къ Гребенкѣ, и мы съ большимъ трудомъ кое-какъ привели ихъ въ порядокъ и, что могли, прочитали. При слѣдующемъ сеансѣ я ничего не говорилъ Шевченку объ его стихахъ ожидая. не спроситъ ли онъ самъ о нихъ, но онъ упорно молчалъ. Наконецъ я сказалъ: „знаете, що, Т. Г.? Я прочитавъ ваші стихи,—дуже, дуже добре! Хочете—напечатаю?“— „Ой, ні, добродію! не хочу, не хочу, далебі що не хочу! щобъ ище

попобили! Цуръ іому!" Много труда стоило мнѣ уговорить Шевченка; наконецъ онъ согласился, и я въ 1840 году напечаталъ Кобзаря" [1]. Въ немъ помѣщены были, кромѣ думъ,—„Наймичка", „Причинна", „Утоплена", „Перебендя", „Тополя", „До Основъяненка", „Иванъ Підкова", „Тарасова нічъ" и „Катерина".

Въ томъ же 1839 году Сошенко, отъ усиленной работы, отъ климата, отъ недостатка питанія, заболѣлъ глазами и грудью и, по совѣту врача, не окончивъ курса, уѣхалъ въ Нѣжинъ учителемъ уѣзднаго училища, на четыре рубля мѣсячнаго жалованья. Узнавъ объ его отъѣздѣ, Шевченко пришелъ съ нимъ проститься. Онъ чувствовалъ себя передъ нимъ виноватымъ и принялъ братское участіе въ бѣдственномъ положеніи земляка, которому онъ такъ много былъ обязанъ,— и недавніе соперники разстались дружески, какъ будто межъ ними ничего и не происходило.

Въ домѣ Арнста Шевченко оставался на квартирѣ недолго. По случаю тяжкой болѣзни поэта, товарищъ его по академіи Пономаревъ, занимавшій казенную квартиру въ академическомъ зданіи, пріютилъ его у себя на антресоляхъ, гдѣ впослѣдствіи и умеръ поэтъ. Во время болѣзни Шевченко написалъ свой портретъ, помѣщенный въ „Русской Старинѣ" за 1880 годъ. Рядомъ съ мастерскою Пономарева жилъ другой художникъ Петровскій, работавшій въ то время надъ программою „Агарь въ пустынѣ". Всѣ три живописца, какъ ученики одного учителя Брюлова, жили между собой, какъ братья. Однажды Петровскій жаловался товарищамъ на то, что у него нѣтъ большой птицы для скопированія крыльевъ ангела-утѣшителя Агари. „Помимо этого горя,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Пономаревъ,—мы всѣ трое тужили на пустоту нашихъ желудковъ, такъ какъ сидѣли буквально безъ куска хлѣба, не имѣя ни гроша наличныхъ и ни на копѣйку кредита. Петровскій предложилъ намъ идти съ нимъ обѣдать къ его матери на Пески, но мы должны были отказаться отъ такого радушнаго приглашенія, боясь опоздать къ вечернимъ классамъ. Оставшись съ Тарасомъ въ мастерской Петровскаго, мы съ горя начали пѣть малороссійскія пѣсни. Отъ матери Петровскій вернулся сытымъ да еще и съ рублемъ серебра въ карманѣ. Проголодавшемуся Тарасу пришла въ голову злая мысль: мигнувъ мнѣ запереть двери и держать Петровскаго за руки, онъ моментально вынулъ у него изъ кармана завѣтный цѣлковый, и мы бѣгомъ пустились въ трактиръ Римъ. Такъ какъ злосчастный рубль былъ припасенъ Петровскимъ совсѣмъ не для бифш-

---

[1]) „Эпизоды изъ жизни Шевченка", П. М—са, въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи", за апрѣль, 1863 года.

тексу, а для пріобрѣтенія птицы, то нужно было во что бы то ни стало добыть ее. Шевченка озарила счастливая мысль: у помощника полиціймейстера академіи Соколова на заднемъ дворѣ имѣлся небольшой табунокъ гусей, и мы съ Шевченкомъ отправились на охоту. Накрывъ одного гуся шинелью и зажавъ ему клювъ, мы потащили его въ мастерскую Петровскаго. Крылья ангелу были живо написаны, а гуся солдатъ-истопникъ сварилъ для насъ въ самоварѣ на тризну. Шевченко скоро разбогатѣлъ такъ, что, по уплатѣ Соколову за гуся рубля, у него осталось еще столько же. Карлъ Павловичъ (Брюловъ) очень смѣялся нашей продѣлкѣ изъ любви къ искусству. Тараса онъ очень любилъ, хотя нерѣдко и журилъ его порядкомъ".

Изъ остальной академической жизни Шевченка почти ничего неизвѣстно. Вѣроятно, все это время было посвящено Шевченкомъ больше поэзіи, чѣмъ живописи. Изданіе „Кобзаря" въ 1840 году произвело впечатлѣніе на малорусскую читающую публику, познакомило и сблизило Шевченка съ другими украинскими писателями, напримѣръ Квиткой и Я. Кухаренкомъ, и поощрило къ дальнѣйшимъ поэтическимъ занятіямъ. Въ „Маякѣ" за 1842 годъ помѣщенъ былъ отрывокъ изъ его драмы „Никита Гайдай" на русскомъ языкѣ, стихами и прозой пополамъ. Въ томъ же 1842 году Шевченко приступилъ къ печатанію знаменитой своей поэмы „Гайдамаки". „Было мнѣ,—пишетъ онъ къ Г. С. Тарновскому,—съ ними горя; насилу кое-какъ ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Посылаю три экземпляра: одинъ вамъ, другой—Маркевичу, третій—Забѣлѣ. Да не давайте читать своимъ дивчатамъ: я для нихъ пришлю „Черницю Марьяну": це вже буде не возмутительнее". Во второй части „Молодика" Бецкаго, 1843 года, напечатаны были произведенія Шевченка: 1) думка „Тяжко важко въ свити жити сироти безъ роду"; 2) „Н. Маркевичу" и 3) баллада „Утоплена".

Получивъ въ 1843 году степень свободнаго художника, Шевченко сталъ рваться изъ столицы на родину, гдѣ его съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали земляки. Въ письмѣ своемъ къ одному пріятелю онъ пишетъ: „Карлъ Павловичъ байдаки бье, а *Осада Пскова* жде лита. А я чортъ знае що—не то роблю що, не то гуляю, сновигаю по оцему чертову болоту, та згадую нашу Украину. Охъ, якъ бы мини можно було пріихать до соловья, весело бъ було, та не знаю. Спиткалы мене проклятьі кацапы, такъ що не знаю, якъ и выкручатьця". Какъ сдалъ экзаменъ,—говорилъ Шевченко объ окончаніи своемъ курса нареченному брату своему В. Г. Шевченкѣ,—такъ натворилъ такого, что стыдно теперь и вспомнить. Да! сдалъ я экзаменъ, да какъ загулялъ, такъ опамятовался только тогда, когда моей гульбѣ минуло два мѣсяца. Прочухавшись, лежу я себѣ утромъ да и думаю;

а что же теперь дѣлать? Какъ глядь, хозяйка вошла да и говоритъ: „Тарасъ Григорьевичъ! мнѣ больше нечѣмъ воевать! мнѣ съ васъ слѣдуетъ за два мѣсяца за квартиру, столъ и прачку. Либо давайте деньги, либо ужъ и не знаю, что съ вами и дѣлать". Я попросилъ немножко подождать, а самъ задумался, что и впрямь дѣлать? Только ушла хозяйка, приходятъ прикащики одинъ за другимъ, да все-то за деньгами: „пожалуйте, говорятъ, по счетцу-съ". Что тутъ подѣлаешь? Беру „счетцы" и говорю: „ладно! оставьте счеты, я пересмотрю и пришлю деньги"; а себѣ на умѣ,—когда-то пришлю и откуда денегъ возьму? Только я это думаю, вдругъ приходитъ ко мнѣ Полевой и говоритъ, что думаетъ издать „двѣнадцать русскихъ полководцевъ",—такъ чтобы я ему ихъ портреты нарисовалъ. Обрадовался я, думаю: правду люди говорятъ—„голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ"! Условились мы съ Полевымъ, далъ онъ мнѣ задатокъ; вотъ этими деньгами я и выбрался изъ бѣды да съ тѣхъ поръ и далъ себѣ зарокъ всякій разъ хозяйкѣ платить за мѣсяцъ впередъ, такъ какъ отлично знаю, что у меня деньги въ мошнѣ никогда не залежатся"[1]. Книга Полеваго „Русскіе полководцы" издана имъ въ 1845 году въ Петербургѣ въ трехъ частяхъ, съ 12-ю портретами, гравированными въ Лондонѣ по рисункамъ Шевченка.

Съ половины 1843 года и до своего ареста въ 1847 году Шевченко большею частію проживалъ въ Малороссіи, собирая матеріалы для изданія задуманнаго имъ альбома, подъ названіемъ „Живописная Украина". Въ Малороссіи онъ принятъ былъ съ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Къ этому времени относятся воспоминанія Аѳанасьева-Чужбинскаго о Шевченкѣ, съ которымъ онъ познакомился 29 іюня 1843 года, въ Мосевкѣ, въ домѣ Т. В. В—ской. Шевченко пріѣхалъ съ Е. П. Гребенкою и съ перваго же взгляда расположилъ А. Чужбинскаго въ свою пользу. Поэту былъ оказанъ радушный пріемъ, видимо его тронувшій; онъ былъ видимо въ духѣ и говорилъ на родимомъ украинскомъ нарѣчіи. Кружокъ, овладѣвшій Шевченкомъ, носилъ названіе „общества мочемордія", что-то въ видѣ секты въ честь бога пьянства, съ надлежащей іерархіей и надлежащими обрядами. Старшимъ мочемордой, носившимъ титулъ высокопьянѣйшества, былъ тогда В. А. Закревскій, отставной гусаръ. Пріѣздъ Шевченка отпразднованъ на славу: пили до разсвѣта.

Но Тарасъ Григорьевичъ скоро разочаровался въ нѣкоторыхъ изъ украинскихъ пановъ и посѣщалъ весьма немногихъ, не смотря

---

[1]) „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ" Ѳ. Г. Шевченка, съ предисловіемъ Д. Мордовцева, въ „Древней и новой Россіи", 1876 г., т. II.

на радушныя приглашенія. Крѣпостной гнетъ, тяготѣвшій тогда надъ народомъ,—вотъ что отталкивало поэта и отравляло лучшія минуты его существованія. Чужбинскій разсказываетъ весьма характерный анекдотъ о посѣщеніи Шевченкомъ одного господина въ городѣ Л. „Мы пришли,—говоритъ онъ,—на обѣдъ довольно рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію его, хозяинъ выглянулъ въ двери и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно, по своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ Григорьевичъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался впослѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила немало горя нашему поэту. Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отравляла лучшія минуты". Не менѣе характеренъ поступокъ Шевченка съ другимъ помѣщикомъ, извѣстнымъ собирателемъ малорусскихъ пѣсенъ Лукашевичемъ, съ которымъ Шевченко былъ знакомъ и часто бывалъ въ его имѣніи. Считая его помѣщикомъ добрымъ и гуманнымъ, поэтъ, по свидѣтельству Варѳоломея Шевченка, пріѣзжалъ къ нему со своимъ крѣпостнымъ братомъ, который (будто бы) былъ принятъ радушно, какъ равный. Однажды, въ суровую зиму, этотъ самый Лукашевичъ присылаетъ пѣшкомъ своего крѣпостнаго человѣка въ Яготинъ къ Шевченку (за 30 верстъ разстоянія) по какому-то неважному дѣлу и строго наказываетъ ему возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Узнавъ о такомъ безчеловѣчномъ приказаніи слугѣ, Тарасъ Григорьевичъ не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ; но фактъ былъ на-лицо, и ему пришлось горько разочароваться въ своемъ мнѣніи о человѣкѣ, котораго онъ считалъ въ отношеніи крестьянъ большимъ либераломъ. Не имѣя права удержать посланца до слѣдующаго дня, онъ написалъ его пану письмо, исполненное желчи и негодованія, объявляя ему, что онъ прекращаетъ съ нимъ всякое знакомство навсегда. Крѣпостникъ Лукашевичъ, однако жъ, не унялся и отвѣчалъ Тарасу Григорьевичу письмомъ, въ которомъ все вертѣлось на томъ, что у него 300 душъ такихъ же олуховъ, какъ Шевченко.

Большинство новыхъ знакомыхъ Тараса Григорьевича не отличалось ни особыми нравственными качествами, ни горячею любовью къ родному языку, ни привязанностію къ родной старинѣ. Но среди этой пустыни „мертвыхъ душъ", какъ отрадные оазисы, выдавались нѣкоторыя семейства иного пошиба, отличавшіяся и гуманностію, и образованіемъ. Къ такимъ оазисамъ принадлежало семейство бывшаго украинскаго генералъ-губернатора князя Репнина, который въ 1843 году пригласилъ Шевченка къ себѣ въ Яготинъ для снятія копіи съ своего портрета. Когда же копія была сдѣлана довольно удачно, то Шев-

ченка просили остаться въ домѣ на болѣе продолжительное время, и онъ остался; страстно привязавшись къ просвѣщенному и гостепріимному семейству Репниныхъ, а къ умной, образованной, тогда 33-лѣтней княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ онъ питалъ какое-то особенное благоговѣніе. 11 ноября, 1843 года, онъ посвятилъ ей свое русское стихотвореніе „Тризна", напечатанное въ „Маякѣ" за 1844 годъ и изданное отдѣльной брошюрой. Послѣ выѣзда изъ Яготина, Варвара Николаевна переписывалась съ Шевченкомъ, предостерегала его отъ дурныхъ знакомствъ и особенно отъ знакомства съ мочемордой Закревскимъ. „Я надѣюсь,—писала она Шевченку 20 декабря, 1844 года,—что вы уже не въ перепискѣ съ нимъ (Закревскимъ). Я этого знакомства очень боялась для васъ. Любите сколько вамъ угодно Капниста, Бурковскаго, Галагана, Вл. Лукашевича: съ ними все хорошее, благородное, находящееся въ васъ, разовьется болѣе и болѣе. Какъ жаль, что вы незнакомы съ А. Лизогубомъ: съ какимъ теплымъ сочувствіемъ цѣнитъ онъ ваши поэмы, и какъ сожалѣетъ, что не знаетъ васъ лично":

Къ сожалѣнію, даже вліяніе княжны не всегда имѣло силу удержать поэта отъ опасныхъ для него знакомствъ, отъ кутежей и распущенности. Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Яготина Шевченко опять является въ Мосевкѣ, какъ показываетъ дата подъ его стихотвореніемъ „Чигиринъ", написаннымъ въ Мосевкѣ 19 февраля, 1844 г. [1]).

Подробнаго маршрута дальнѣйшихъ путешествій Т. Г. Шевченка по Украинѣ и Россіи мы не имѣемъ, но въ подписяхъ подъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ его произведеній находится нѣсколько указаній на станціонные пункты въ его страннической жизни. 25 февраля, 1844 года, т. е. по выѣздѣ изъ Мосевки, онъ оканчиваетъ въ Переяславѣ свою русскую повѣсть „Наймичка" [2]). Въ іюнѣ 1844 года Шевченко является въ Петербургѣ, какъ это видно изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ" [3]). Въ слѣдующемъ 1845 году Шевченко является въ Кіевѣ и отсюда дѣлаетъ поѣздки въ разныя мѣста кіевской, полтавской и черниговской губерній. Здѣсь, въ Кіевѣ, года за три—за четыре до 1847 года кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ ученіемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, вмѣстѣ

---

1) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ произведеній Шевченка и даже въ „Кобзарѣ" 1883 г. это стихотвореніе помѣчено такъ: „Москва. 19 февраля 1844 года". Но это ошибка: вмѣсто „Москва" нужно читать „Мосевка".

2) „Основа", за мартъ, 1862 г.: „Извѣщеніе".

3) Эта дата значится въ львовскомъ изданіи произведеній Шевченка, 1867 г., въ двухъ томахъ, которое,—кстати замѣтить,—не помѣчено въ „Покажчикѣ" М. Комарова 1883 г.

и христіанскимъ и научнымъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и Кулишъ [1]). 26 сентября, 1845 года, Шевченко явился на храмовой праздникъ въ свое родное село Кириловку, гостилъ у титаря Игната Бондаренка, подчивавшаго гостей старымъ медомъ, и слушалъ пѣніе кобзаря. Здѣсь онъ показывалъ своему нареченному брату В. Г. Шевченку портреты своихъ кіевскихъ пріятелей, сговорившихся работать для народнаго просвѣщенія. „Эта работа, по его словамъ, должна была идти такимъ путемъ: каждый изъ нихъ, сообразно съ своими достатками, назначалъ сумму, какую онъ можетъ внести въ общественную кассу. Кассою заправляетъ выборная администрація; касса пополняется какъ взносами, такъ и процентами, а какъ возрастетъ достаточно, тогда и будутъ изъ нея выдавать бѣднымъ людямъ, которые, окончивъ курсъ гимназическій, не въ состояніи поступить въ университетъ. Тотъ, кто бралъ это вспомоществованіе, обязывался, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскимъ учителемъ. Сельскимъ учителямъ предполагалось у казны и у дворянъ помѣщиковъ выхлопотать плату; а если эта плата окажется недостаточною, то прибавлять изъ кассы". На вопросъ, какимъ же путемъ можно добиться, чтобы правительство дало разрѣшеніе заводить по селамъ школы, Шевченко „отвѣчалъ, что это сдѣлается очень просто: по козачьимъ и казеннымъ школамъ правительство школъ не запрещаетъ, а завести ихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ—надо склонить помѣщиковъ". В. Г. Шевченко съ большимъ сочувствіемъ выслушалъ проэктъ Тараса о народномъ образованіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ непріятно пораженъ его запретною поэмою „Кавказъ", которую продекламировалъ въ это время Тарасъ Григорьевичъ своему нареченному брату [2]). Черезъ нѣсколько дней Шевченко посѣтилъ кириловскаго священника. У стараго батюшки въ то время гостилъ сынъ его, молодой попикъ изъ новенькихъ, который, въ ожиданіи рѣдкаго гостя, пригласилъ еще одного молодаго батюшку изъ сосѣдняго села. Наперерывъ одинъ передъ другимъ они старались занять именитаго гостя разговорами въ современномъ духѣ; но гость говорилъ съ ними неохотно и весь почти вечеръ былъ занятъ бесѣдой про старину со старенькимъ батюшкой [3]). При возвращеніи въ Кіевъ, братья проводили Шевченка

---

[1]) „Хуторна поэзія", Кулиша, 1882 г., „Исторична оповиданне".

[2]) „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ" В. Г. Шевченка, въ „Древней и и новой Россіи" 1876 г., т. II.

[3]) Недавно напечатано извѣстіе, что въ бытность свою у кириловскаго вященника Шевченко попросилъ у него руки ея дочери; священникъ отказалъ по какимъ-то соображеніямъ, и дѣло дальше не пошло. См. газету „Заря", 1883 г., № 237.

до шабака и затащили выпить на прощанье. Выпили больше, чѣмъ требовалось, и вышло вотъ что: жидъ шинкарь началъ бранить какого-то крестьянина Тарасъ не вытерпѣлъ: „чего глядите, ребята? Растяните жида да и вздуйте!“ Эти слова, какъ огонь, разожгли парней. Не успѣлъ жидъ глазомъ моргнуть, какъ его разложили; въ одинъ мигъ явились розги, и сѣкли жида до тѣхъ поръ, пока Тарасъ сказалъ: „будеть!“ Нечего и говорить, что изъ этого жида сдѣлали цѣлый „бунтъ“. Пошли доносы, что Шевченко проповѣдуетъ колiивщину, и для начала, набравъ сто человѣкъ поселянъ, хотѣлъ вырѣзать всѣхъ жидовъ въ Кириловкѣ! Полиція стала на дыбы; однако кончилось тѣмъ, что Тарасовы братья откупились и заслонили собой тѣхъ, которые принимали участіе въ жидовской поркѣ.

Остальное время 1845 года Шевченко провелъ въ разъѣздахъ по Малороссіи. 16 октября 1845 года онъ написалъ свою поэму „Невольникъ“ въ селѣ Марьинскомъ; 22 ноября, въ Переяславѣ—посланіе къ Шафарику съ поэмой „Иванъ Гусъ“; 14 декабря во Вьюницѣ посланіе „до мертвихъ и живихъ“ и 17 декабря во Вьюницѣ же—„Холодний Яръ“. Поэтъ говоритъ, что для поэзи „Иванъ Гусъ“ онъ прочелъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности, не оставлялъ въ покоѣ ни одного чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или въ другихъ мѣстахъ, у котораго разспрашивалъ топографическія и этнографическія подробности.

Въ началѣ 1846 года Т. Г. Шевченко опять является въ Переяславѣ и 25 просинца (января) пишетъ здѣсь свое „Завѣщаніе“ [1], въ силу котораго онъ впослѣдствіи и погребенъ былъ въ теперешней его могилѣ. Вѣроятно, это „Завѣщаніе“ написано было имъ во время его болѣзни, о которой упоминаетъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій въ своихъ воспоминаніяхъ. „Сошлись мы,—говоритъ онъ,—ближе съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ 1846 году. Я не зналъ, что онъ больной, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня, лежитъ въ переяславскомъ уѣздѣ. И вотъ однажды, совершенно неожиданно, заѣхалъ ко мнѣ въ Исковцы, передъ масляной—блѣдный, съ бритой головой, въ черной бархатной шапочкѣ. Поэтъ хвалился мнѣ, что онъ во время болѣзни написалъ множество стиховъ“. Онъ пригласилъ Чужбинскаго сопутствовать ему въ его археологическомъ путешествіи, такъ какъ онъ располагалъ срисовать

---

[1]) Въ львовскомъ изданіи сочиненій Т. Г. Шевченка 1867 г. это стихотвореніе помѣчено такъ: „25 просинця, 1845. Переяславъ“. Но по другимъ извѣстіямъ, завѣщаніе писано въ 1846 году. Вѣроятнѣе, что Шевченко писалъ свое завѣщаніе во время своей болѣзни, бывшей въ 1846 г.

древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ черниговской губерніи. Изъ Лубенъ они вмѣстѣ поѣхали въ Нѣжинъ. На станціи въ Прилукахъ они замедлили въ ожиданіи лошадей, и въ это время загорѣлась убогая лачуга какого-то еврея; единовѣрцы помогали ему, но мѣстные жители христіане отнеслись къ этому несчастію съ полнымъ равнодушіемъ. Шевченко бросился спасать имущество погорѣльцевъ и по окончаніи пожара держалъ рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ-то неохотно дѣйствовало, на томъ основаніи, что горѣлъ жидъ. При всей нелюбви своей къ этому племени, Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ онъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ. Въ Нѣжинѣ пріѣздъ кобзаря возбудилъ всеобщій восторгъ. Здѣсь Шевченко встрѣтился съ забытымъ всѣми художникомъ, бѣднымъ учителемъ рисованія, своимъ прежнимъ благодѣтелемъ И. М. Сошенкомъ, который не преминулъ уязвить пріятеля, но только не за предпочтеніе поэзіи живописи, а за плохую вещь, напечатанную имъ въ 1844 году „Тризну". Изъ Нѣжина путешественники наши поспѣшили въ Черниговъ и тамъ нашли довольно древностей, которыя необходимо было срисовать. Кромѣ того, Шевченко получилъ нѣсколько заказовъ на портреты. Изъ города поэтъ часто уѣзжалъ въ с. Седневъ, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ кругу дружески знакомаго ему семейства Лизогуба. Здѣсь онъ помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „малярнею"; это, кажется, и была извѣстная „камьяныця", съ намалеваннымъ запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малевавъ", а по ночамъ кутилъ съ лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ [1]).

Того же года, весною, пріятели отправились въ Кіевъ, гдѣ Тарасъ Григорьевичъ нашелъ стараго своего товарища Сажина. Послѣ короткаго пребыванія въ номерахъ, они поселились на Козьемъ болотѣ, кажется, въ домѣ Житницкаго, гдѣ была постоянная квартира Чужбинскаго во время пріѣздовъ его въ Кіевъ. Шевченко задумалъ срисовать важнѣйшія достопримѣчательности матери городовъ русскихъ, а также нѣкоторыя живописныя окрестности. Сажинъ взялъ на себя отдѣлку деталей, и оба художника ежедневно пропадали съ самаго утра. Рисуя развалины Золотыхъ воротъ, онъ между валами (которыхъ въ настоящее время и слѣда не осталось), нашелъ заблудившуюся трехлѣтнюю дѣвочку, посадилъ ее возлѣ себя на разостланный платокъ и изъ лоскутковъ бумаги дѣлалъ ей игрушки. Онъ готовъ былъ оставить

---

[1]) О жизни Шевченка у Лизогуба см. въ „Кіевской Старинѣ", за октябрь 1882 г., въ статьѣ Н. М. Бѣлозерскаго, стр. 72.

ее у себя, если бы подлѣ софійскаго собора не встрѣтилась мать, въ тревогѣ искавшая дѣвочку; ей онъ и вручилъ своего найденыша. „Вечеромъ,—говоритъ Чужбинскій,—мы всѣ трое сходились. Ничего не было пріятнѣе нашихъ вечеровъ, когда мы усаживались за чай и передавали другъ другу свои дневныя приключенія". Собственно о своемъ костюмѣ Шевченко заботился очень мало. На деревенскихъ помѣщичьихъ балахъ онъ не слишкомъ церемонился, но Кіевъ—другое дѣло. Фрака онъ терпѣть не могъ и потому рѣдко кого посѣщалъ, не смотря на частыя приглашенія. „Ходимъ лучше на Днипро, сядемъ де небудь на кручи и заспиваемъ", говаривалъ, бывало, поэтъ, отказавшись отъ какого нибудь великосвѣтскаго приглашенія. Вмѣстѣ съ А. Ф. Сенчиломъ-Стефановичемъ, учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, Шевченко любилъ иногда кататься по Днѣпру въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимѣйшихъ пѣсенъ Шевченка:

Та по тімъ боці, та на толоці
Цвіте горошина;
А въ дівчини та чорнii брови,
Якъ у Волошина [1]).

Иногда, впрочемъ, случалось, что Шевченко долженъ былъ посѣщать и такъ называемые аристократическіе дома, гдѣ его принимали съ уваженіемъ, но гдѣ онъ немало тяготился присутствіемъ чопорныхъ денди и барынь. Пришедши домой съ такого вечера, Тарасъ Григорьевичъ, скидая фракъ, ворчалъ себѣ подъ носъ: „ни, не люблю я такой беседи—ни чарки горилки, ни куска хлиба!" [2]). Въ это время Т. Г. Шевченко познакомился съ Н. И. Костомаровымъ и увлекся его идеею о славянскомъ общеніи и единеніи въ духѣ мира и любви.

По свидѣтельству Н. И. Костомарова, въ іюнѣ 1846 года Шевченко отправился съ профессоромъ Иванишевымъ и Сенчиломъ-Стефановичемъ раскапывать какой-то курганъ. Это были два огромные кургана, въ пяти верстахъ отъ Василькова, Перепетъ и Перепетыха. Найденныя въ нихъ рѣдкости хранятся въ музеѣ университета св. Владиміра. Осенью Шевченко явился къ Костомарову, по возвращеніи послѣдняго изъ Одессы, въ домъ Монькиной, подлѣ Андрея Первозваннаго, съ подаркомъ: то былъ старый, но сохранившійся вполнѣ черепъ изъ разрытаго кургана. Вѣроятно, раскопкою кургановъ навѣяны были стихотворенія Шевченка „Великий Лехъ" и „Розрыта могыла".

---

[1]) О Сенчилѣ-Стефановичѣ, тамъ же, стр. 71.

[2]) О литературныхъ вечерахъ у В. В. Тарновскаго-отца см. „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ" Н. М. Бѣлозерскаго, въ „Кіевской Старинѣ", за октябрь 1882 г.

25 декабря 1846 года происходила въ квартирѣ Н. И. Гулака извѣстная бесѣда членовъ кирилло-меѳодіевскаго кружка, подслушанная и искаженная доносчиками и имѣвшая роковое значеніе для Шевченка и его пріятелей. Ничего не подозрѣвая, Костомаровъ и Шевченко отправились въ Бровары пріискивать на лѣто дачу. Возвращаясь оттуда и переходя Днѣпръ, они едва не утонули. Затѣмъ Шевченко отправился въ черниговскую губернію. О причинахъ этой поѣздки Кулишъ разсказываетъ слѣдующее. „Въ то время,—говоритъ онъ,—я познакомился съ одной изъ молодыхъ украинокъ. Въ это время нашъ кобзарь былъ окруженъ глубокимъ почитаніемъ со стороны представителей малорусской интеллигенціи. Новое творчество поэта подѣйствовало и на украинку, какъ откровеніе чего-то грядущаго въ торжествѣ свѣта надъ мракомъ, правды надъ ложью, любви надъ ненавистью. Никогда я не забуду восторженныхъ слезъ, съ которыми она слушала его поэтическіе *плачи* и торжественныя *пророчества*. Но она не ограничилась одними слезами сочувствія къ поэту великихъ скорбей и великихъ помысловъ. У нея тутъ же явилась мысль исправить погрѣшность „щербатои доли Тараса“. Энтузіастка роднаго слова предложила къ услугамъ странствующаго кобзаря все свое состояніе,—все, чтобы доставить Шевченку возможность провести года три въ Италіи. Устроить это было поручено мнѣ. Тогда я объявилъ поэту, что для него открывается возможность уѣхать года на три за границу. Онъ обрадовался этому съ дѣтскою простотою и согласился не знать, откуда возьмутся на то денежныя средства. Предложеніе это сдѣлано поэту въ Кіевѣ. Въ торжественномъ настроеніи духа выѣхалъ нашъ кобзарь изъ Кіева, чтобы собрать свои рукописи, оставленныя имъ въ разныхъ домахъ, гдѣ онъ гостилъ въ послѣднее время“.

Въ эту послѣднюю предъ своимъ арестомъ поѣздку Шевченко довольно долго прожилъ въ борзенщинѣ и гостилъ въ самой Борзнѣ у Над. Ник. Забѣлиной и Д. М. Щербины, въ Качановкѣ у Г. С. Тарновскаго, у В. Н. Забѣлы въ окрестностяхъ Борзны, въ хуторѣ Николаевкѣ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Е. Н. Бѣлозерской, въ хуторѣ Сорокѣ у Сребдольскихъ, въ хуторѣ Мотроновкѣ у Бѣлозерскихъ, и др. Гостивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ пѣніемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Любимѣйшими тогда его пѣснями были: 1) „Ой изійди, зійди, ты зіронько вечірняя!“ 2) У Кіиві на ринку пьють чумаки горілку“. 3) „Ой горе, горе, який я вдався. брівъ черезъ річеньку та й не вмывався. 4) Де жъ ти, доню, барилася, барилася?—на мельника дивилася, дивилася. 5) Пѣсня про Морозенка. 22 января 1847 года въ вознесенской церкви села Оленовки Шевченко держалъ вѣнецъ во время вѣнчанія П. А. Кулиша съ Ал. Мих. Бѣлозерской, былъ въ „боярахъ“. Когда молодые пріѣхали отъ вѣнца

въ хуторъ Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ невѣстѣ, въ подражаніе одной колядкѣ, воскликнулъ: „чи ти царівна, чи королівна?" На это женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „на чужой коровай очей не порывай да собі дбай!" Шевченко очень дорожилъ тою „квіткою", которую „молода" приппилила ему къ сюртуку [1]). Это была та самая щирая украинка, которая предложила къ услугамъ Шевченка все свое приданое. „Свадьба невѣдомой поэту почитательницы его генія была превращена имъ въ національную оперу,—говоритъ Кулишъ: новый талантъ Шевченка обнаружился въ тотъ же памятный вечеръ; онъ, можетъ быть, былъ лучшій во всей Малороссіи пѣвецъ народныхъ пѣсенъ. Ничего подобнаго пѣнью кобзаря *той поры* я въ Малороссіи, въ столицахъ и нигдѣ не слыхалъ" [2]). 28 января, со словъ Шевченка, въ Мотроновкѣ были записаны три изъ числа любимѣйшихъ его пѣсенъ [3]). 1 февраля 1847 года онъ былъ у В. Н. Забѣлы и писалъ въ Кіевъ письмо къ Н. И. Костомарову, прося его справиться въ университетѣ, утвержденъ ли онъ учителемъ рисованія при кіевскомъ университетѣ.

Вѣроятно, въ февралѣ мѣсяцѣ Шевченко изъ борзенщины переѣхалъ въ Черниговъ и, проживая здѣсь въ Цареградской гостинницѣ, навѣдывался также въ Седневъ къ Лизогубамъ. Во время пребыванія здѣсь поэта, состоялось опредѣленіе его на мѣсто учителя рисованія при университетѣ. Обрадованный такимъ назначеніемъ, Н. И. Костомаровъ поспѣшилъ увѣдомить его и звалъ скорѣе въ Кіевъ на новую должность. Назначеніемъ этимъ, по словамъ княгини Репниной, Шевченко обязанъ былъ ея матери, двоюродной сестрѣ министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова.

А между тѣмъ надъ Шевченкомъ уже собиралась гроза. Когда Шевченко весною 1847 года послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева, то А. И Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не захотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскорѣ полиція розыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищенскаго уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостилъ у старика—князя [4]). 1-го марта, 1847 года, еще до арестованія Шевченка, кіевская „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", при которой онъ состоялъ

[1]) „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ", Н. М. Бѣлозерскаго въ „Кіевской Старинѣ", за октябрь 1882 г., стр. 70—71.

[2]) „Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ" Кулиша, въ 6 № газеты „Трудъ" за 1881 годъ.

[3]) „Кіевская Старина", за октябрь 1882 г., стр. 70—71.

[4]) Тамъ же, стр. 72.

въ качествѣ рисовальщика, исключила его, за своевольную будто бы отлучку его изъ Кіева, изъ числа своихъ сотрудниковъ, съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ [1]). Какъ только разнесся слухъ о предстоявшемъ Шевченку арестѣ, то многіе помѣщики, поклонники поэта, сильно встревожились. Одинъ даже изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, жившій недалеко отъ Яготина, нѣкто Р—въ, хотѣлъ увезти Шевченка за границу подъ видомъ своего слуги и съ этой цѣлью разыскивалъ его у разныхъ помѣщиковъ; былъ между прочимъ и у Репниныхъ Но Шевченко едва ли бы согласился на эту мѣру. „31 марта,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—меня арестовали и отправили въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того (слѣдовательно, въ первыхъ числахъ апрѣля), Шевченко возвращался изъ Чернигова и едва вступилъ на паромъ, ходившій тогда подъ Кіевомъ по Днѣпру во время разлива, вдругъ неожиданно задержанъ былъ полицейскимъ чиновникомъ". На паромѣ случился одинъ гусарскій (по другимъ—артиллерійскій) офицеръ С—а, родственникъ подруги Репниной Глафиры Дуниной-Борковской, большой любительницы поэзіи Шевченка. Догадываясь, что въ чемоданѣ у поэта находится запретный плодъ его музы, онъ хотѣлъ столкнуть его въ воду, но поэтъ не допустилъ его до этого, сказавши: „не треба, нехай забирають" [2]).

Немедленно послѣ заарестованія Шевченка отправили въ Петербургъ. „Мене риштовалы,—говорить онъ самъ,—та посадывши зъ кимъ слидъ на возокъ, привезлы ажъ у самый Петербургъ". Дорогою отъ Кіева до Петербурга онъ былъ чрезвычайно веселъ, безпрестанно шутилъ, хохоталъ, пѣлъ пѣсни и проч. Во все время производства слѣдствія онъ также былъ неизмѣнно бодръ. Передъ допросомъ какой-то жандармскій офицеръ сказалъ ему: „Богъ милостивъ, Тарасъ Григорьевичъ, вы оправдаетесь, и вотъ тогда то запоетъ ваша муза".—„Не якій чортъ насъ усихъ занисъ, колы не ся бисова муза",—отвѣчалъ ему поэтъ. „Послѣ допроса,—говоритъ Костомаровъ, идя рядомъ со мною въ свой нумеръ, Тарасъ Григорьевичъ произнесъ: „не журися, Миколо, доведетця ще намъ укупи житы!" 30 мая,—продолжаетъ Костомаровъ, я увидалъ, какъ вывели Шевченка и посадили въ экипажъ: его отправляли для передачи въ военное вѣдомство. Увидя меня, онъ улыбнулся, снялъ шляпу и привѣтливо кланялся. Тарасъ Григорьевичъ былъ отправленъ въ оренбургскіе линейные батальоны рядовымъ, съ воспреще-

---

[1]) „Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку", въ „Кіевской Старинѣ", за мартъ 1882 г., стр. 608—609. Но здѣсь невѣрно сказано, что это исключеніе послѣдовало послѣ ареста Шевченка.

[2]) „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка" М. Чалаго, 1882 г., стр. 62—63, и „Кіев. Стар.", за октябрь 1882 г., стр. 72—73.

ніемъ писать и рисовать. Онъ главнымъ образомъ пострадалъ за свои стихи, ходившіе въ спискахъ по рукамъ и ставшіе извѣстными правительству. Онъ выслушалъ надъ собою приговоръ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, заявилъ, что чувствуетъ себя достойнымъ кары и сознаетъ справедливость Высочайшей воли". Узнавъ о постигшей поэта карѣ, княжна В. Н. Репнина дѣятельно принялась хлопотать, черезъ своего двоюроднаго брата, министра Уварова, о смягченіи его участи и даже рѣшилась написать любезное письмо, на французскомъ языкѣ, къ шефу жандармовъ гр. А. Ө. Орлову Шефъ отвѣчалъ ей оффиціальной бумагой, въ которой княжнѣ Репниной строго приказывалось не мѣшаться не въ свое дѣло и не вести переписки съ солдатомъ Шевченкомъ чрезъ капитана Левицкаго, и что въ противномъ случаѣ съ нею поступлено будетъ по всей строгости законовъ. „Черезъ пивроку,—говоритъ Шевченко,—вывелы мене на свитъ Божій, та знову посадылы на чортопхайку, та отвезлы ажъ у Оренбургъ и до пріему не водывши надилы на мене салдацькю муныцію, и я ставъ салдатомъ". Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 года его доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ на седьмыя сутки, какъ онъ писалъ объ этомъ въ „Дневникѣ" своемъ. Г. Кулишъ оплакалъ ссылку Т. Г. Шевченка въ слѣдующихъ прочувствованныхъ стихахъ:

Віе вітеръ надъ Киевомъ,
Сади нахиляе;
Синій Дніпръ старихъ сусідокъ
Німихъ гіръ питае:
—„Де гуляе бенкетуе
Синъ нашъ незабутый?
Вже й соловъі одспівали,
А его не чути.
Уже и Духъ, и Купало
И Петро минулись,
И чумаки исъ первоі
Дороги вернулись;
Уже й жито половіе,
Часъ за того й жати;
А вінъ нейде—біля мене
Сісти заспівати".
—Обізвались німі гори:
„Дніпре, старий друже!
Не питавъ ти Украіни,
По кімъ вона тужить,
Не прислухавсь, що дівчата
Плакали—співали,

Про що филі зъ берегами
Нищечкомъ шептали.
Роспитай же буйнихъ вітрівъ
Зъ далекого краю,
Якъ нашъ кобзарь зъ важкимъ ранцемъ
Підъ ружжемъ гуляє!" [1]).

По пріѣздѣ въ Оренбургъ, Шевченко былъ представленъ корпусному командиру В. А. Обручеву, дивизіонному и бригадному генераламъ, и былъ зачисленъ рядовымъ въ оренбургскій линейный батальонъ № 5, находившійся въ Орской крѣпости, куда и отправленъ былъ въ началѣ осени того же года. Въ Орской крѣпости онъ явился къ батальонному и ротному командирамъ. По мѣрѣ пониженія степеней военной іерархіи, пріемы дѣлались грубѣе, и когда очередь дошла до ротнаго, какого-то пьянаго поручика,, тотъ пригрозилъ поэту даже розгами, если онъ дурно поведетъ себя. Чтобы оградить себя отъ опасности, Шевченко прибѣгнулъ къ очень простой и, какъ оказалось, весьма дѣйствительной мѣрѣ: купилъ порядочное количество водки и немного закуски, пригласилъ ротнаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ на охоту и упоилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло какъ по маслу, и когда угощеніе начало забываться, онъ повторилъ. Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что на первыхъ порахъ своей ссылки Шевченко подвергался иногда тѣлеснымъ наказаніямъ. Мнѣніе это основывается на двухъ рисункахъ, присланныхъ Шевченкомъ изъ ссылки своимъ знакомымъ въ 1847—1848 годахъ. Въ 1856 году А. И. Лизогубъ показывалъ Н. М. Бѣлозерскому пять собственноручныхъ писемъ къ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 гг.; на одномъ едва былъ замѣтенъ счищенный резинкою рисунокъ карандашомъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтеръ-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттакъ тобі" [2]). П. М—съ передаетъ даже, что Шевченко прислалъ одной своей знакомой, съ оренбургской линіи, свой портретъ. Нарисовалъ онъ себя безъ рубашки, только въ нижнемъ платьѣ, съ заложенными на голову руками; у ногъ лежитъ солдатская аммуниція, а съ боковъ два солдата съ поднятыми лозами; внизу подпись: „отъ якъ бачите!" Но эти изображенія Шевченка въ роли наказуемаго, по нашему мнѣнію, могли означать только возможную въ положеніи Шевченка случайность, отъ которой онъ не застрахованъ былъ закономъ, а не фактическое наказаніе. Мы такъ думаемъ потому, что мнѣніе о тѣ-

[1]) Въ первый разъ напечатано въ „Хатѣ" Кулиша, 1860 г.
[2]) Объ этомъ рисункѣ см. въ „Кіевской Старинѣ" за октябрь 1882 года, стр. 72.

лесномъ наказаніи Шевченка не подтверждается другими извѣстіями о ссыльной жизни Шевченка, и что, напротивъ, есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Шевченко не испыталъ всей предписанной тяжести состоявшагося надъ нимъ приговора и пользовался нѣкоторыми льготами.

Въ Орской крѣпости Шевченко нашелъ нѣсколько конфирмованныхъ дворянъ, но что это за люди были? „Я имѣлъ случай,—говоритъ поэтъ,—просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клеймеными каторжниками и нашелъ, что къ этимъ заклейменнымъ злодѣямъ слово *несчастный* больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сынамъ беспечныхъ родителей". Одного изъ такихъ субъектовъ Шевченко изобразилъ въ своей повѣсти „Несчастный", напечатанной въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за январь 1881 года. Между дворянами было нѣсколько конфирмованныхъ поляковъ по разнымъ политическимъ преступленіямъ, какъ-то Сѣраковскій, Залѣсскій, Желиговскій (Антоній Сова). Съ ними поэтъ скоро сблизился и впослѣдствіи велъ дружескую переписку.

Въ началѣ 1848 года черезъ Оренбургъ отправлялась ученая экспедиція для описанія Аральскаго моря. Начальникъ ея, лейтенантъ А. И. Бутаковъ, узнавъ о Шевченкѣ, обратился къ ближайшему начальству Шевченка съ просьбой позволить ему отправиться въ экспедицію для снятія береговыхъ видовъ невѣдомаго дотолѣ моря. Просьба Бутакова была уважена Обручевымъ. Шевченко пѣшкомъ отправился до самаго Аральскаго моря и проплавалъ на шкунѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Осенью 1849 года, по возвращеніи изъ экспедиціи, Шевченко возвратился прямо въ Оренбургъ и, по приглашенію г. Герна, поселился у него въ домѣ на слободкѣ. За труды и помощь въ снятіи изслѣдованныхъ мѣстностей, особенно береговъ Аральскаго моря, превосходный альбомъ которыхъ представленъ былъ генералу Обручеву, Бутаковъ оффиціально ходатайствовалъ черезъ послѣдняго о производствѣ Шевченка въ унтеръ-офицеры, что составляло въ то время первый и важный шагъ для разжалованнаго къ возвращенію прежняго положенія. Но изъ Петербурга выразили Обручеву неудовольствіе за то, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ допустилъ Шевченка рисовать; Бутаковъ же подвергся тайному наблюденію III отдѣленія, продолжавшемуся еще во время его командировки въ Швецію для заказа пароходовъ. Альбомъ былъ возвращенъ Шевченку, и онъ подарилъ его Герну, въ благодарность за гостепріимство.

Вскорѣ положеніе Шевченка измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса. Доносъ заключался въ томъ, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ снимаетъ портреты даже съ оффиціальныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. По общему мнѣнію, авторомъ сего

доноса былъ прапорщикъ И—въ, негодовавшій на Шевченка за то, что тотъ помѣшалъ ему въ какой-то любовной интрижкѣ. Вслѣдствіе доноса, генералъ Обручевъ получилъ вторую непріятную бумагу и долженъ былъ отправить поэта въ отдаленное Новопетровское укрѣпленіе, съ приказаніемъ коменданту онаго строго наблюдать за нимъ, чтобы онъ ничего не рисовалъ. Это было въ 1850 году.

Вскорѣ послѣ смѣны Обручева генералъ-адъютантомъ Л. А. Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣдняго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ степныхъ рисунковъ Шевченка, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе и спроситъ, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ дастъ возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ. Но грозный генералъ, лишь только увидѣлъ рисунокъ, тотчасъ догадался, чей онъ, бросилъ его на полъ и сказалъ окружающимъ, чтобы они не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ. Н. С. Лѣсковъ передаетъ, со словъ самого Шевченка и своего дяди англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго, будто бы послѣдній однажды позволилъ себѣ подвергнуть Шевченка тѣлесному наказанію [1]. Но могъ-ли быть г. Шкотъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ? Къ чести Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. Этому противорѣчитъ также разсказъ И. С. Тургенева объ отношеніяхъ Перовскаго къ Шевченку. Какой-то черезчуръ исполнительный генералъ,—передаетъ г. Тургеневъ,—узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два—три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ Л. А. Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генералъ, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ *съ другой стороны* то, что вы сказали!“ Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка. И. С. Тургеневу показывалъ Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога [2].

По водвореніи Шевченка въ Новопетровскѣ, строгости ближайшаго начальства относительно Шевченка, повидимому, смягчились: къ этому времени и слѣдуетъ отнести большую часть „невольничьихъ стиховъ“ кобзаря. Шевченко пользовался расположеніемъ коменданта Ускова и

---

1) „Историч. Вѣст.“, за апрѣль, 1882 г., стр. 191.
1) При пражскомъ изданіи „Кобзаря Шевченка“ 1876 г.

обращался въ обществѣ офицеровъ и ссыльныхъ поляковъ. „Я самъ бачу,—говорилъ Шевченку его сослуживецъ солдатъ Обеременко,—що ми свои, та не знаю, якъ до васъ приступити; бо ви все то въ офицерами, то зъ ляхами, то що [1]) Съ 1852 года, по водвореніи въ Новопетровскѣ, начинается и переписка Шевченка съ петербургскими друзьями, а съ 1853 года—съ товарищемъ по ссыльной жизни въ Орскѣ полякомъ Брониславомъ Залѣсскимъ [2]), и др. Переписка эта еще более оживилась по восшествіи на престолъ императора Александра II. Друзья и почитатели Шевченка стали теперь искать покровительства у сильныхъ міра сего для облегченія жалкой участи солдата-горемыки. Первый лучъ надежды на освобожденіе отъ солдатчины брошенъ въ душу поэта (по инициативѣ В. Н. Репниной), по порученію графини Анастасіи Ивановны Толстой, художникомъ Осиповымъ въ 1855 году; но Шевченко освобожденъ былъ только въ 1857 году.

Первую вѣсть о свободѣ Шевченко получилъ 1 января 1857 г., и съ 12 іюня того же года началъ вести дневникъ на русскомъ языкѣ, съ цѣлью сократить время въ ожиданія разрѣшенія возвратиться къ друзьямъ. 21 іюля, 1857 года, получено наконецъ оффиціальное извѣщеніе объ освобожденіи Шевченка. Комендантъ Ново-петровскаго укрѣпленія Усковъ далъ ему отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, и Шевченко выѣхалъ изъ Ново-петровскаго укрѣпленія 2 августа 1857 года. 19 сентября Шевченко прибылъ въ Нижній Новгородъ, но здѣсь представилось ему непредвидѣнное препятствіе къ дальнѣйшему пути: его задержали здѣсь и хотѣли отослать въ Уральскъ для полученія указа объ отставкѣ. Притомъ же открылось, что свобода ему дана неполная, съ какими-то ограниченіями: ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ долженъ былъ состоять подъ надзоромъ полиціи. Во время невольной остановки въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ познакомился здѣсь съ артисткой К. Б. Піуновой и посватался къ ней, но получилъ отказъ. Наконецъ, всѣ препятствія были улажены друзьями Шевченка, и 27 марта 1858 года онъ уже былъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ поселился въ академіи художествъ, гдѣ ему дали мастерскую, какъ художнику академіи.

Десятилѣтняя военная служба солдатомъ, прекращеніе всякаго сношенія съ міромъ, съ обществомъ, особенно же недостатокъ духовной пищи, конечно, не могли не оставить своихъ послѣдствій и не повліять

---

[1]) „Дневникъ" Шевченка. По газетнымъ слухамъ, въ настоящее время собраны воспоминанія старожиловъ о жизни Шевченка въ Новопетровскѣ и ждутъ изданія. См. газету „Заря" за 1883 г., № 127 или 128.

[2]) Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залѣсскому изданы въ „Кіевской Старинѣ" за 1883 годъ.

на духъ поэта. „Собственно поэтическій элементъ въ немъ проявлялся рѣдко,—говоритъ И. С. Тургеневъ. Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленнаго и обтерпѣвшагося человѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ непродолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости. Теперь чаще въ немъ начали проявляться приливы чудачества и кутежа. Въ послѣдніе годы своей жизни, вращаясь въ избранномъ кружкѣ литераторовъ, читая русскіе журналы и употребляя всѣ усилія, чтобы вознаградить потерянное время, онъ успѣлъ стать въ уровень съ новыми идеями; но пробѣловъ въ его образованіи оставалось все-таки очень много. Притомъ же талантъ его великаго творчества теперь видимо началъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя отъ страха передъ отверзающеюся пропастью хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что ему угрожало. Читанныя имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда читалъ онъ въ Кіевѣ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ,—продолжаетъ И. С. Тургеневъ,—онъ додумался до того, что нешутя сталъ носиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ русскому и малороссу: онъ даже принялся за эту поэму и читалъ мнѣ ея начало. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтное подражаніе Пушкину [1]).

Черезъ годъ по возвращеніи въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1859 г. Шевченко отправился на Украину, пріѣхалъ въ родное село и засталъ тамъ еще въ живыхъ родичей; особенно радостна была встрѣча поэта съ любимой сестрой Ириной. Но больно сжималось его сердце при видѣ близких ему людей въ крѣпостной зависимости, весь гнетъ которой онъ вынесъ на своихъ плечахъ. И этому горю онъ не могъ помочь, не могъ даже матеріально, такъ какъ, самъ бѣднякъ, онъ въ состояніи былъ, уѣзжая, оставить сестрѣ одну рублевую бумажку. Изъ роднаго села онъ направился въ мѣстечко Корсунь къ названному брату своему В. Г. Шевченку, который занималъ тогда должность управляющаго въ корсунскомъ имѣніи свѣтлѣйшаго Лопухина, и здѣсь, измученный и тѣломъ и душой, провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ полномъ спокойствіи. Тогда же они вдвоемъ отыскивали мѣстность, удобную и живописную, гдѣ бы Шевченко могъ поселиться навсегда. Въ половинѣ іюля друзья

[1]) Воспоминанія Тургенева при пражскомъ изданіи „Кобзаря Шевченка“ 1876 года.

разстаяись. Тарасъ Григорьевичъ направилъ свой путь за Днѣпръ, на Михайлову гору, къ М. А. Максимовичу. Варѳоломей Григорьевичъ проводилъ гостя до Межирѣчья, мѣстечка черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, при впаденіи Роси въ Днѣпръ. 20 іюля, оставивъ свой чемоданъ у Максимовича, Шевченко очутился въ Мошнахъ, а потомъ въ Черкасахъ, по слѣдующему обстоятельству. Въ Межирѣчьѣ Тарасъ Григорьевичъ имѣлъ какое-то столкновеніе съ панами ляхами, которые донесли на него мѣстнымъ властямъ, обвиняя его въ свободомысліи. Вслѣдствіе этого доноса Шевченко былъ арестованъ на Днѣпрѣ, когда ѣхалъ къ Максимовичу на званый обѣдъ, препровожденъ въ Мошны и Черкасы, а оттуда въ Кіевъ. Въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ былъ въ ту пору князь И. И. Васильчиковъ. Выслушавъ объясненіе Шевченка, Васильчиковъ велѣлъ его освободить изъ-подъ ареста и позволилъ оставаться въ Кіевѣ, сколько потребуется ему для его надобностей, подъ наблюденіемъ впрочемъ жандарскаго полковника. „Поѣзжайте отсюда въ Петербургъ,—сказалъ Васильчиковъ Тарасу Григорьевичу: тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться насчетъ ближняго".

Объяснившись съ генералъ-губернаторомъ, Шевченко нанялъ квартиру на кіевскомъ предмѣстьи Преваркѣ и прожилъ въ Кіевѣ съ 24 іюля по 10 августа, навѣщая своихъ пріятелей и знакомыхъ И. М. Сошенка, переселившагося теперь изъ Нѣжина въ Кіевъ, Сенчилу-Стефановича, М. К. Чалаго, священника Ботвиновскаго, И. Д. Красовскаго и другихъ. Изъ Кіева Шевченко отправился за Днѣпръ, направивъ свой путь въ конотопскій уѣздъ, къ матери друга своего Михайлы, „божественной старушкѣ" Аѳ. Ал. Лазаревской, и 14 августа писалъ изъ Прилукъ письмо къ В. Г. Шевченку, извѣщая его, что онъ вырвался изъ св. Кіева и ѣдетъ теперь безъ оглядки въ Петербургъ. Туда онъ воротился 7 сентября, 1859 года.

Въ Петербургѣ овладѣла Шевченкомъ давняя его мысль—найти себѣ скромную подругу, съ которою бы онъ могъ провести остатокъ жизни. Послѣ неудачнаго опыта съ Піуновой въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ хотѣлъ теперь жениться на дѣвушкѣ изъ простонародья. Еще въ Корсуни онъ видѣлъ у В. Г. Шевченка крѣпостную дѣвушку князя Лопухина Хариту, служившую наймичкой у Варѳоломея Григорьевича. Нельзя сказать, чтобы она была хороша, но въ ней было что-то симпатическое; тихій характеръ, нѣжное и доброе сердце Хариты, чистая душа и молодость были ея красотою. Теперь Тарасъ Григорьевичъ написалъ, чтобы В. Г. Шевченко переговорилъ съ Харитою насчетъ замужества съ Тарасомъ Григорьевичемъ. В. Г. Шевченко исполнилъ его волю и спросилъ Хариту, не пошла ли бы она за Тараса.—„Что это вы придумали!.. за такого стараго да лысаго...",—отвѣчала Харита

Не желая огорчить Шевченка прямымъ отказомъ, названный братъ его писалъ ему, что Харита ему не пара, потому что она необразованная, что она стала груба, упряма и зла“ [1]). Старались отклонить Шевченка отъ этого брака, какъ неравнаго, и другіе друзья его. Но на убѣжденія Варѳоломея Григорьевича Шевченко отвѣчалъ такъ: „Я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашого безталанного люду, то якъ же таки поеднать себе зъ... паньскою кровью? Та й що та панночка одукована робытыме у моій мужицькій хати?“ А между тѣмъ къ Харитѣ присватался молодой, красивый и хорошій парень, какой то писарь, за котораго она и вышла замужъ. Тарасъ Григорьевичъ огорчился, но скоро задумалъ новое сватовство на Гликеріи, своей землячкѣ, крѣпостной дѣвушкѣ гг. Макаровыхъ, служившей въ Петербургѣ. Вѣроятно, къ ней-то относятся слѣдующія слова Полонскаго о Шевченкѣ: „Говорили мнѣ, что въ это время онъ уже былъ въ связи съ какою-то бѣдною молоденькой мѣщаночкой, былъ къ ней привязанъ всей душой и ворковалъ какъ голубь, когда она приходила къ нему на свиданье въ худыхъ башмакахъ, въ одномъ платкѣ и дрожа отъ холоду въ морозныя ночи [2]). Въ промежутокъ между этими двумя сватаньями, именно въ февралѣ 1860 года, Тарасъ Григорьевичъ написалъ, по желанію одного изъ редакторовъ журнала „Народное Чтеніе“, свою автобіографію. Проникнутая искренностію, она вмѣстѣ съ тѣмъ отличается тихою грустью по загубленнымъ годамъ молодости. „Краткая исторія моей жизни,—говоритъ онъ,—обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! Оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ тяжело вспомнить въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ—крѣпостные! Да, милостивый государь, они крѣпостные до сихъ поръ!“ Къ большему огорченію Шевченка, кончилось неудачно и сватовство его на Лукерьѣ, считавшейся его невѣстою съ 22 іюня приблизительно до половины сентября 1860 года. Легкомысленная, малоразвитая и молоденькая дѣвушка, конечно, не могла понять Шевченка. Она скоро показалась ему вѣтреной, любящей наряды, деньги и удовольствія,—и дѣло разстроилось. Вѣроятно, къ этимъ двумъ неудачамъ жениться относятся тѣ случаи кутежей Шевченка, о которыхъ упоминаетъ Н. И. Костомаровъ

---

[1]) „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“ В. Г. Шевченка въ „Древней и Новой Россіи“, 1876 г., т. II.

[2]) Воспоминанія Полонскаго при пражскомъ изданіи „Кобзаря Шевченка“ 1876 года.

въ своихъ воспоминаніяхъ. „Затосковалъ Шевченко,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—и покинулъ мысль о женитьбѣ, быть можетъ, до того времени, когда онъ поселится на югѣ“. Изъ другихъ источниковъ, впрочемъ, извѣстно, что Шевченко и не думалъ оставлять этой мысли, а напротивъ, настойчиво добивался ея исполненія. Не успѣвши жениться въ Корсуни и въ Петербургѣ, онъ началъ писать въ Полтаву къ старому своему товарищу Ѳ. Т., прося его пріискать ему „полтавку кирпу чорнобривку“. Ѳ. Т. остановился на дочери г. В—скаго, очевидно не простолюдина, и извѣстилъ объ этомъ Шевченка; но она вскорѣ была засватана за другаго. Тарасъ просилъ г-на Т. найти для него другую „кирпу“, но послѣдній не искалъ ея, такъ какъ Шевченко вскорѣ умеръ [1]).

Рядомъ съ поисками невѣсты у Шевченка шли заботы объ освобожденіи своихъ родныхъ отъ крѣпостной зависимости и о пріобрѣтеніи на югѣ Россіи земли и мѣста для своей хаты. Въ ожиданіи освобожденія своихъ родныхъ правительственнымъ актомъ, на общемъ основаніи, онъ хотѣлъ ускорить облегченіе ихъ участи, какъ бы предчувствуя свою кончину, и жертвовалъ для того послѣднимъ достояніемъ. Наконецъ, при содѣйствіи уполномоченнаго отъ „общества пособія литераторамъ“ г. Новицкаго, между помѣщикомъ и братьями Шевченками было заключено формальное условіе, напечатанное въ пятой книжкѣ „Народнаго Чтенія“ за 1860 годъ. Родные Тараса Григорьевича, по сему условію, получили свободу за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія Высочайшаго манифеста 19 февраля, и поэтъ спокойно закрылъ глаза, исполнивъ свой долгъ. Найдена была подходящая мѣстность и для хаты Шевченка: на крутомъ берегу величаваго Днѣпра, на горѣ, у подошвы которой ютились рыбачьи хаты, а за горою стлалась широкая, вольная степь. Обрадованный Тарасъ Григорьевичъ уже выслалъ и деньги за землю, да не суждено было ему умереть на родинѣ.

Уже въ концѣ 1860 года ему было очень худо: водяная быстро развивалась. Въ январѣ 1861 года онъ писалъ мрачныя письма къ друзьямъ, а въ февралѣ болѣзнь сильно развилась, водяная бросилась въ легкія, и 26 числа, въ 5 часовъ утра, поэта не стало. Похороны его совершились 28 февраля, причемъ произнесено было надъ его гробомъ немало задушевныхъ рѣчей. Весной того же года тѣло его перевезено было изъ Петербурга въ Украину и, согласно его поэтическому завѣщанію, написанному еще въ 1846 году, похоронено на высокомъ берегу Днѣпра, вблизи г. Канева.

---

[1]) „Новые матеріалы для біографіи Шевченка“, Е. Ганенка, въ „Древней и Новой Россіи“ за іюнь 1875 года.

„Въ Галичинѣ и русскіе и поляки, — говоритъ г. А. Т—ый, часто принимаютъ украинскаго поэта (Шевченка), какъ представителя шляхетскаго рода *націонализма* и притомъ *традиціоннаго*. И въ Россіи многіе смотрѣли и смотрятъ на него такъ же, считая его пѣвцомъ *военной козаччины и отжившей гетманской Украины*. Но думать такъ значитъ не только принимать форму за сущность, но и не различать разныхъ періодовъ развитія поэта, который никогда не стоялъ на одномъ мѣстѣ. Исторія развитія самого Шевченка, если бъ она была составлена какъ слѣдуетъ, всего бы лучше разъяснила его идеи. Но исторіи этой нѣтъ... Во всякомъ случаѣ, и теперь бѣглый, но внимательный обзоръ однихъ напечатанныхъ въ Россіи произведеній Шевченка дастъ возможность уразумѣть основное въ его стремленіяхъ и идеяхъ, и то мѣсто, какое занимаетъ въ нихъ опоэтизированіе козацкаго и гетманскаго періода Украины“ [1]).

---

[1]) „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати“, А. Т—го, Одесса, 1879 г. Эта брошюра основана главнымъ образомъ на сочиненіи барона Battaglia: T. Szewczenko, życie i piśma jego, Львовъ, 1865 г. Приводимъ здѣсь списокъ произведеній Шевченка съ болѣе или менѣе опредѣленными датами: 1—4) „Причинна“, баллада, одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Шевченка, „Вітре буйний“, „На вічну память Котляревскому“ и первая глава изъ поэмы „Гайдамаки“,—напечатанныя въ „Ластовкѣ“ Гребенки 1841 г., но въ общихъ чертахъ упоминаемыя имъ въ письмѣ къ Квиткѣ отъ 13 ноября 1838 г. 5—14) „Наймичка“, „Утоплена“, „Перебендя“, „Тополя“, „До Основьяненка“, „Иванъ Підкова“, „Тарасова нічъ“, „Катерина“, „Гамалія“ и думы—въ первомъ изданіи „Кобзаря“ Шевченка 1840 года. 15) „Хустына“, предназначавшаяся для второй части „Сніпа“ Корсуна, первая часть котораго издана въ 1841 г. 16) „Гайдамаки“, изд. въ 1841 г. 17) Отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“ на русскомъ языкѣ въ журналѣ „Маякъ“ за 1842 г. 18) „Черниця Марьяна“, упоминаемая въ письмѣ Шевченка отъ 26 марта 1842 г. 19—20) „Н. Маркевичу“ и думка „Тяжко важко въ свитѣ жити сироти безъ роду“ во второй части „Молодика“ Бецкаго за 1843 г. 23) „Безталанный“, иначе „Тризна“, на русскомъ языкѣ, на память 9 ноября 1843 г., княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной, въ Яготинѣ, 11 ноября, 1843 г., изд. въ „Маякѣ“ за 1844 г. и особой брошюрой. 24) „Чигиринъ“, 19 февраля, 1844 г., въ Мосевкѣ. 25) „Наймичка“, повѣсть, написанная прозою на русскомъ языкѣ, въ Переяславѣ, 25 февраля 1844 г. 26) „Сонъ“, въ С.-Петербургѣ, по львовскому изданію въ іюнѣ 1844 г. 27) „Завѣщаніе“, по львовскому изданію 25 января 1845 (1846?) г., въ Переяславѣ. 28) „Кавказъ“, не позже сентября 1845 г., такъ какъ въ это время Т. Г. Шевченко декламировалъ эту поэму своему нареченному брату В. Г. Шевченку. 29) „Невольникъ“, въ селѣ Марьинскомъ, 16 октября, 1845 г. 30) Посланіе къ Шафарику съ поэмой „Иванъ Гусъ“, въ Переяславѣ, 22 ноября, 1845 года. 31) Посланіе „до мертвыхъ и живыхъ, и ненарожденныхъ землякивъ моихъ“, по изданію 1883 г., 14 декабря, 1845 г. 32) „Холодний яръ“, во Вьюнищѣ, 17 декабря, 1845 г. 33) „Варнакъ“, прозаическая повѣсть на русскомъ языкѣ, въ Кіевѣ, 1845 г. 34) „Великий Лехъ“, поэма, по львовскому изданію написан-

Первыя произведенія Шевченка „Причинна", „Утоплена", „Тополя", какъ извѣстно, показываютъ сочувствіе ко всякому горю и страданію, высказанное въ формѣ баллады, въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго; но скоро Шевченко начинаетъ останавливаться на томъ горѣ, которое связано съ соціальными привилегіями и гнетомъ класса надъ классомъ („Катерина"). Поэтъ долженъ былъ обратиться

ная въ 1846 г. (по петербургскому изданію 1883 года будто бы въ 1845 г.). 35) „Пустка", Щепкину, по львовскому изданію, въ Кіевѣ, 1846 г. 36—8) „Калина", „Три шляхи", „Пустка", въ С.-Петербургѣ, 1847 г. 39) „Н. И. Костомарову", въ С.-Петербургѣ, 19 мая, 1847 г. 40) „По-надъ полемъ иде", въ С.-Петербургѣ, 30 мая, 1847 г. 41—42) „Хустына" и „Вечиръ", по изданію 1883 г., будто бы написаны въ первомъ полугодіи 1847 г.; но первое изъ этихъ стихотвореній, по львовскому изданію, написано въ 1858 году въ Нижнемъ Новгородѣ, а второе изъ нихъ, по свидѣтельству г. Чалаго (стр. 151), вь августѣ 1859 г., въ конотопскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. 43—45) „Думы мои, думы мои", „Въ неволи тяжко", „Мині однаково, чи буду", и др., 1847 г., во второмъ полугодіи. 46—47) „Не для людей и не для славы", „Чернець (Кулишу)", въ 1848 г., въ Орской крѣпости 48) „На Різдво (Ѳ. М. Лазаревскому)", Косъ-Аралъ, на Аральскомъ морѣ, 24 декабря, 1848 г. 49) „Та не дай, Господи, никому", 1848 г. 50) „Козацька доля", пидъ Араломъ, 1849 г. 51) „На Вкраину", надъ Араломъ, 1849 г. 52) „Неначе степомъ чумакы", 1849 г. 53) Лічу въ неволи дни и ночи", 1850 г. 54) „Хатына", надъ Каспіемъ, 1850 г. 55) „Княгиня", прозаическая повѣсть на русскомъ языкѣ, посланная княгинѣ Толстой 1853 г. 56) „Музыкантъ", прозаическая повѣсть на русскомъ языкѣ, 15 января, 1854 г. и 1855 г. 57) „Несчастный", прозаическая повѣсть на русскомъ языкѣ, 24 января и 20 февраля 1855 г. 58) „Художникъ", прозаическая повѣсть на русскомъ языкѣ, 25 января и 4 октября 1856 года. 59) „Матросъ, или старая погудка на новый ладъ", иначе—"Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали", на русскомъ языкѣ, 30 ноября 1856 и 16 февраля 1858 г., посвященная С. Т. Аксакову. 60) „Москалева криниця", на память 7 мая, 1857 г., въ Новопетровской крѣпости. 61) „Дневникъ" на русскомъ языкѣ, съ 12 іюля 1857 г. по 13 іюля 1858 г. 62) „Неофиты", 5—8 декабря, 1857 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. 63) „До зорі", изъ поэмы, 1858 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. 64—65) „Муза" и „Слава", 9 февраля, 1858 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. 66) „Відьма", передѣланная 4—6 марта, 1858 года. 67) „Весенній вечоръ", для Максимовичевой, 18 марта, 1858 г. 68) „Прочитавши главу 35 пророка Исаіи", 25 марта 1858 г. 69) „Сонъ", М. А. Марковичці, 13 іюля, 1858 г. 70) „Доля", 13 іюля, 1858 г., въ С.-Петербургѣ. 71) „Марку Вовчку на память 24 января 1859 г." 72) „Прочитавши XI псаломъ", 15 февраля, 1859 г. 73) „Радуйся, ниво неполитая", 25 марта, 1859 г. 74) „Думи мои, думи мои, лихо мені з вами" на память 24 февраля, 1859 г. 75) „Пісня" (Ѳ. И. Черненку), 7 іюня, 1859 г., въ Лихвинѣ. 76) „Ой маю, маю я оченята", 10 іюня, 1859 г., въ Лихвинѣ (по изданію 1883 г. въ Пирятинѣ). 77) „Сестрі", 20 іюля, 1859 года, въ Черкасахъ, во время ареста. 78) „Колысь дурною головою", 21 іюля, тамъ же. 79) „Якъ би то ти, Богдане пьяный", въ Переяславѣ 18 или 19 августа 1859 г. 80) „Во Іудеи, во дни оны", 24 октября, 1859 г., въ С.-Петербургѣ. 81) „Посажу коло хатини", 19 ноября, (по другому извѣстію, 6 декабря) 1859 г., въ С.-Петербургѣ. 82) „Ой діброво", 15 января, 1860 г., въ С.-Петер-

къ козацкому періоду исторіи своей родины, такъ какъ въ этомъ періодѣ все-таки видно стремленіе устроить *равную правду для всѣхъ*, видна была горячая борьба за эту правду, или хоть месть за нарушеніе ея („Иванъ Підкова", „Тарасова ніч", „Гамалія", „Гайдамаки"). Но и въ это время, рисуя кровавыя картины прошлаго, поэтъ все-таки не терялъ гуманнаго чувства и съ особенною любовью воспѣвалъ подвигъ всепрощающей самоотверженной материнской любви („Наймичка", какъ бы продолженіе „Катерины") и не находилъ настоящей правды въ кровавой мести гайдамаковъ (см. монологи Гонты послѣ убіенія дѣтей). И о самомъ симпатичномъ въ этомъ прошломъ поэтъ говоритъ: „було колысь, та що з того? не вернется". Задумавшись глубже надъ настоящимъ и прошлымъ своей родины, надъ тѣмъ, кто виноватъ въ пролитой крови и текущихъ слезахъ, поэтъ нашелъ виновныхъ между чужими и своими. „Виноваты ксендзы, іезуиты, которые именемъ Христовымъ зажгли нашъ рай",—рѣшилъ онъ. А дальше? Дальше и вы, проклятыи гетьмани, усобники, ляхи погани, недоуми, занапастили божий рай. Безъ ножа и аутодафе людей закували, та й мордують". Поэтъ перешелъ въ новую фазу своего развитія. Одною своей стороною онъ приближается къ идеямъ тогдашнихъ передовыхъ столичныхъ западниковъ (Бѣлинскаго и его друзей), обличая, часто смѣлѣе ихъ, недостатки общерусской дореформенной системы. А южнорусское происхожденіе и обязательная необходимость думать и о польскомъ вопросѣ заставила украинскаго поэта подойти и къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ. Уже въ „Гайдамакахъ" онъ плакалъ, что „старыхъ славянъ діты впылыся кровью!" А

бургѣ же, какъ и всѣ нижеслѣдующія произведенія. 83) „Автобіографія", 18 февраля, 1860 г. 84) „Подражаніе сербському", 4 мая, 1860 г. 85) „Плачъ Ярославны", 4 іюня, 1860 г. 86) „Надъ Дніпровою сагою", 24 іюня, 1860 г. 87) Росли у куночці", 25 іюня, 1860 г. 88) Продолженіе „Плача Ярославны", 6 іюля, 1860 г. 89) „Моя ты люба", Ликеріи, на память 5 августа, 1860 г., въ Стрѣльнѣ. 90) Окончаніе „Плача Ярославны", 14 сентября, 1860 г. 91) Макарову, на память 14 сентября, 1860 г. 92) „Поставлю хату", Ликеріи, 24 сентября, 1860 г. 93) „Не нарікаю я на Бога", 5 октября, 1860 г. 94) „Минули літа молодыи", 15 октября, 1860 г. 95) „Титарівна—Немирівна", 19 октября, 1860 г. 96) „И тутъ и всюди—скрізь погано", 30 октября, 1860 г. 97) „Въ ночі и ожеледь и мрака", 3 ноября, 1860 г. 98) „Якъ би съ кимъ сісти", 4 ноября 1860 г. 99) „И день иде, и нічь иде", 5 ноября, 1860 г. 100) „Тече вода", 7 ноября, 1860 г. 101) „Зійшлись, побрались, поеднались", 5 декабря 1860 г. 102) „Суботівъ", 1861 года, передъ февралемъ. 103) Украинскій букварь, 1861 г. 104) „Чи не покинуть намъ, небого", 14 февраля 1861 г. (Хронологія выставлена здѣсь преимущественно по изданіямъ львовскому 1867 г., пражскому 1876 г. и с.-петербургскому 1883 г.).

въ посланіи къ Шафарику онъ поднялся на высоту гуманнаго панславизма, выбравши предметомъ своей пѣсни изъ славянской исторіи не какихъ-либо воителей, а „славнаго мученика Ивана Гуса“, а изъ современныхъ дѣятелей—ученаго. Обращаясь съ поученіемъ къ землякамъ, Шевченко звалъ ихъ не назадъ, а впередъ: „роскуйтеся, братайтеся! обнимите найменьшого брата, учитеся своему и чужому“,—вотъ что онъ внушалъ имъ (посланіе „до живыхъ и мертвыхъ и не нарожденныхъ земляківъ моихъ“). Главнымъ образомъ надѣялся поэтъ на „слово разума святого“, которое поставлено на стражѣ около людей. Но въ это время поэта застигла несчастная доля.

„Въ изгнаніи своемъ,—говоритъ Durand о Шевченкѣ,—онъ возсоздавалъ въ своемъ воображеніи прекрасную Украину съ ея широкими степями, усѣянными курганами, съ ея садами, полными цвѣтовъ, съ дѣвушками, вплетающими въ свои волосы живые цвѣты, съ чистенькими бѣлыми домиками. Онъ грезилъ о своей прекрасной странѣ, гдѣ въ тихія лѣтнія ночи люди сидятъ на чистомъ воздухѣ на призьбахъ, окружающихъ хаты. Думая о своей родинѣ, онъ вновь испытывалъ впечатлѣніе этой ясной тишины родныхъ селъ“. Но, что всего важнѣе для опредѣленія міросозерцанія Шевченка за это время, такъ это то, что во время ссылки своей онъ съ особеннымъ усердіемъ пишетъ повѣсти на русскомъ языкѣ, частію повторяя содержаніе поэмъ своего „кобзаря“, частію избирая новые сюжеты, преимущественно изъ своей и окружавшей его жизни, и посвящаетъ ихъ русскимъ своимъ покровителямъ и пріятелямъ. Еще въ 1842—1845 годахъ написаны были его русскія произведенія „Никита Гайдай“, „Безталанный“ или „Тризна“, „Наймичка“ и „Варнакъ“. Во время изгнанія написаны имъ русскія повѣсти: „Княгиня“ для графини Толстой, „Музыкантъ“, „Несчастный“, „Художникъ“, „Матросъ“ или „Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали“ и, по всей вѣроятности, „Повѣсть о бѣдномъ Петрусѣ“ и „Капитанша“. Изъ нихъ видно, что Тарасъ Григорьевичъ любилъ русскій языкъ, самъ, какъ оказывается, писалъ на немъ и желалъ печатать написанное, но не рѣшался на это по скромности, не надѣясь на достаточное знаніе русскаго языка и на достаточность собственнаго образованія. Слѣдовательно, въ семьѣ славянскихъ нарѣчій онъ отводилъ почетное мѣсто и русскому языку.

Когда Шевченко возвратился въ среду цивилизованныхъ людей, тогда всеобщее уваженіе лучшей части русскаго общества еще менѣе могло дать ему возможности обратиться къ исключительнымъ традиціямъ. Предстоящее освобожденіе крестьянъ поддерживало надежду на будущее, и самый живой интересъ, которымъ жилъ Шевченко въ послѣдніе дни своей надломленной жизни, было народное образованіе; послѣдняя изданная имъ книжка былъ украинскій букварь.

Такимъ образомъ, основное міровоззрѣніе Шевченка было панславистское, въ которомъ любовно примирялись и украинцы, и чехи, и ляхи, и русскіе; но въ этомъ міросозерцаніи замѣтна была значительная примѣсь соціальнаго оттѣнка. Примиреніе славянъ и соединеніе ихъ въ одну семью возможно, по представленію Шевченка, только тогда, когда каждое изъ этихъ племенъ отречется отъ своихъ политическихъ грѣховъ и когда особенно уничтожено будетъ крѣпостное право, унижающее человѣческую личность.

Опредѣливъ основное міросозерцаніе Шевченка, остановимся нѣсколько на частныхъ періодахъ развитія этого міросозерцанія и сдѣлаемъ обзоръ по крайней мѣрѣ важнѣйшимъ его произведеніямъ, извѣстнымъ въ Россіи.

Къ первому періоду его поэтической дѣятельности относятся баллады „Причинна", „Утоплена", „Русалка", „Тополя", въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго, показывающія сочувствіе ко всякому горю и страданію.

Баллада „Причинна" (помѣшанная, порченая)—это есть сказка, взятая изъ устъ малорусскаго сельскаго люда. Дѣвушка сирота полюбила всѣмъ сердцемъ молодаго козака; онъ отправился на войну и долго не возвращался. Ворожея сдѣлала такъ, что бѣдная дѣвушка, ставши лунатичкой, бродила ночью по берегу Днѣпра и высматривала своего милаго. Вѣрно, погибъ онъ,—думаетъ дѣвушка: не китайкою покрылись его козацкія очи и не слеза дѣвичья омыла бѣлое лицо, а вѣрно орелъ съ чужой стороны вынулъ его очи, а волки растерзали тѣло. Не придетъ уже милый, она не поздравитъ его съ радостнымъ днемъ свободы. Широкій Днѣпръ реветъ и вѣтеръ воетъ. Изъ-за тучъ, гонимыхъ вѣтромъ, выглядываетъ мѣсяцъ и освѣщаетъ волны и берега. Когда утихъ вѣтеръ, повыходили изъ Днѣпра малыя дѣти некрещеныя и усѣяли берегъ. Подбѣжавши къ дубу, увидѣли они дѣвушку, которая взобралась на вершину его и оттуда высматриваетъ кругомъ. Наконецъ она слазитъ, а русалки ее и поджидаютъ, и когда она ступила на землю, онѣ ее защекотали, по обычаю своему, съ веселымъ смѣхомъ. А между тѣмъ на утро, передъ восходомъ солнца, возвращается по этой дорогѣ молодой козакъ. Онъ торопитъ усталаго коня: хата милой уже близко, и скоро они уже тамъ отдохнутъ, привѣтствуемые милой. Но вотъ подъ дубомъ лежитъ дѣвушка: это—его милая. Козакъ припадаетъ къ ней, но уже не воскреситъ онъ ее. Съ отчаянія онъ тутъ же разбиваетъ о дубъ свою голову. На другой день дѣвушки, идучи жать въ поле, нашли два трупа и въ испугѣ разбѣжались. Потомъ сошлись дружки и пролили горькія слезы, а товарищи козака выкопали глубокую могилу; пришли попы съ хоругвами, зазвонили звоны, закопали мертвыхъ въ землю и насыпали надъ ними двѣ могилы. Посадили

надъ козакомъ яворъ высокій, а надъ дѣвушкой красную калину. Стали прилетать на эти могилы зозуля (кукушка) и соловей и по вечерамъ жалобно воспоминали о погибшихъ.

Прекрасный образъ малорусскихъ повѣрій представленъ въ разсказѣ „Тополя", основанномъ на народной сказкѣ. Чернобровая дѣвушка горячо полюбила козака, но не удержала его подлѣ себя: онъ ушелъ и погибъ безъ вѣсти. Не полюбила бы она его такъ сильно, когда-бъ знала, что онъ ее покинетъ; не пустила бъ она его отъ себя, если бъ знала, что погибнетъ; если бъ знала, не ходила бы она въ сумерки по воду, не стояла бъ до полуночи съ милымъ подъ вербою... Увы, если бъ то знала... Но лучше ли знать напередъ, что съ нами случится? Нѣтъ, не узнавайте лучше, дѣвушки, не спрашивайте о своей судьбѣ: сердце само знаетъ, кого ему любить, и пусть оно лучше вянетъ, пока не схоронятъ. Не долго, вѣдь, чернобровыя, остаются румяными ваши бѣлыя лица и живыми ваши карія очи: любите же, когда и какъ вамъ сердце укажетъ. Запоетъ, бывало, гдѣ-нибудь на лугу въ калинѣ соловей, и вотъ козакъ съ пѣсней выходитъ на долину, поджидаетъ, пока милая выйдетъ изъ хаты, и онъ потихоньку спроситъ ее: а не била ли ее мать? И постоятъ они, обнявшись, послушаютъ соловьиную пѣсню, затѣмъ разойдутся —и счастливы оба. И никто не увидѣлъ, никто не допрашивалъ: гдѣ была? что дѣлала? Она одна о томъ знаетъ. Такъ любили другъ друга молодые люди; но сердце предчувствовало что-то недоброе, хотя и не умѣло этого высказать: не сказало оно, пока не осталась черноброва одна, покинутая милымъ, какъ голубка безъ голубя. Не щебечетъ, какъ бывало, соловей на лугу, не поетъ и черноброва, стоя подъ вербою: тоскуетъ она, сиротой оставшись въ мірѣ. Прошелъ годъ, а за нимъ другой,—дѣвушка вянетъ, какъ цвѣтокъ полевой. А между тѣмъ ей готовилось и новое несчастіе: мать сосватала ее за стараго богача и говоритъ ей: „иди за него, онъ богатъ, ты будешь пановать".—„Не хочу я пановать, не пойду за него; лучше моими свадебными рушниками спустите меня въ могилу, и пусть попы запоютъ надо мною, а дружки заплачутъ". Но старуха мать не обращала вниманія на отказъ дочери и дѣлала приготовленія къ свадьбѣ. Вотъ однажды въ полночь отправляется дочка къ ворожеѣ и спрашиваетъ ее о своемъ миломъ. Ворожея посылаетъ дѣвушку къ источнику, чтобы она умылась водой изъ него на утренней зарѣ и затѣмъ выпила бы нарочно для нея приготовленнаго чудеснаго питья. Послушалась дѣвушка, сдѣлала все, какъ было приказано, и, ставши среди степи, какъ будто во снѣ запѣла:

Плавай, плавай, лебедонько,
По синёму морю,
Росты, росты, тополенько,

Все вгору та вгору!
Росты тонка та висока
До самои хмары;
Спытай Бога, чы дижду я,
Чы не дижду пары?

Она проситъ тополю посмотрѣть въ далекій край за синимъ моремъ: тамъ гдѣ-то скитается ея милый въ то время, какъ она въ слезахъ и горѣ проводитъ годы, все поджидая его. „Скажи ему, что люди смѣются надо мной; скажи, что я умру, если онъ не вернется: сама мать хочетъ похоронить меня... а кто жъ тогда позаботится о ея бѣдной головушкѣ, кто приглядитъ за ней, кто поможетъ ей въ старости?“ Такую пѣсню запѣла дѣвушка въ степи,—и чары сдѣлали свое дѣло: она сама превратилась въ стройную, высокую тополь, не вернулась уже больше домой.

Обѣ эти баллады имѣютъ значительное родство между собою по содержанію: въ обѣихъ дѣвушка тоскуетъ по любимомъ козакѣ, уѣхавшемъ на чужую сторону, и въ заключеніе сама погибаетъ отъ тоски. А повтореніе однихъ и тѣхъ же мотивовъ въ нѣсколькихъ балладахъ не служитъ ли указаніемъ на бытовую подкладку этихъ балладъ, заключавшуюся въ жизни самого Шевченка? Мы увидимъ впослѣдствіи, что Шевченка постоянно занимали воспоминанія о своей собственной судьбѣ, и онъ неразъ, такъ или иначе, обращался къ нимъ и приноровлялъ ихъ къ разнымъ вымышленнымъ героямъ своихъ русскихъ повѣстей въ разныхъ видахъ. То же, по всей вѣроятности, было и здѣсь. Мы знаемъ изъ біографіи Тараса Григорьевича, что еще на 13-мъ году онъ почувствовалъ на родинѣ вѣяніе чистой дѣвической любви, а подъ старость высказывалъ настойчивое желаніе жениться на землячкѣ, щирой украинкѣ. Вѣроятно, поэтому, что и въ разсмотрѣнныхъ балладахъ оставившій родину и любящую дѣвину козакъ есть не кто иной, какъ самъ Т. Г. Шевченко, выражавшій въ поэтическихъ образахъ свою тоску по родинѣ и чернобровыхъ украинскихъ дивчатахъ.

Послѣ этого, нѣкоторыя біографическія черты поэта можно видѣть и въ его балладахъ „Русалка“ и „Утоплена“, въ которыхъ выступаютъ на первый планъ мрачные образы злой мачихи и даже родной матери. Извѣстно, что Шевченко много натерпѣлся отъ своей мачихи и могъ получить отъ нея живыя краски для изображенія героинь своихъ балладъ.

Баллада „Утоплена“ передаетъ намъ одно изъ многочисленныхъ преданій славянскихъ народовъ о прекрасной падщерицѣ и ненавидящей ее мачихѣ. Она разсказываетъ, какъ одна молодая вдова, весело гуляя съ козаками, родила дочь и отдала ее на-руки чужимъ людямъ, а когда та выросла и красотой своей совсѣмъ затемнила мать, привле-

кая молодыхъ козаковъ, она изъ ревности утопила ее. Рыбакъ, любившій безъ памяти красавицу дочку, видѣлъ это и бросился было за нею, но вытащилъ ее уже мертвою. Съ отчаяніемъ обнимаетъ онъ холодный трупъ и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ бросается и самъ въ воду. Съ тѣхъ поръ каждую ночь при лунномъ свѣтѣ выходитъ изъ воды на одинъ берегъ страшная злая мать и, глядя на другой берегъ, рветъ на себѣ косы, а между тѣмъ на этотъ другой берегъ выплываетъ дѣвушка со своимъ возлюбленнымъ и, посидѣвши вмѣстѣ, вновь исчезаетъ въ глубинѣ пруда.

Преданія о русалкахъ весьма распространены въ Малороссіи, о чемъ свидѣтельствуютъ многія пѣсни. Одна изъ нихъ и послужила тэмой для стихотворенія Шевченка „Русалка". Сельская дѣвушка, соблазненная паномъ, родила дочку. Поссорившись съ любовникомъ, вышла она ночью съ дочкой къ Днѣпру и, пустивши ее на воду, заклята, чтобы она выплыла уже русалкою и отмстила за себя и за свою мать, задушивши отца—соблазнителя. Плыветъ дитятко, укачиваемое волнами; увидѣли его русалки и приняли къ себѣ. Выросши русалкой, поджидаетъ она отца своего, но онъ не приходитъ: видно, мать помирилась съ нимъ и опять роскошествуетъ въ панскихъ палатахъ. Минула недѣля, а мать съ паномъ на берегъ не приходитъ. Но вотъ однажды—

Вийшла маты погуляты—
Не спытьсн въ палатахъ;
Пана Яна нема дома,
Ни зъ кымъ розмовляты.

Истомленная, вышла она къ рѣкѣ и вспомнила о дочкѣ, но недолго думала о ней: забылось уже прежнее горе. Возвращается она спать въ палаты, но не пришлось ей дойти до дому: русалки выскочили изъ воды и, кружась подлѣ нея, затащили ее въ воду и утопили.

Но въ этой послѣдней балладѣ начинается уже новое, тенденціозное направленіе, имѣющее въ виду изобразить то горе, которое связано съ соціальными привиллегіями и гнетомъ класса надъ классомъ. „Произведенія этого рода у Шевченка—самыя многочисленныя. Въ нихъ поэтъ имѣетъ двойную цѣль: онъ хочетъ держать передъ народомъ зеркало, отражающее нравственность и безнравственность, и—далѣе—представить то страданіе, которое паны причиняютъ народу. „Въ стихахъ этого рода,—говоритъ одинъ критикъ произведеній Шевченка,—поэтъ заставляетъ насъ заглянуть въ моральную пропасть, отъ которой мы невольно отворачиваемся: онъ раскрываетъ предъ нашими глазами всѣ соціальные пороки, не переступая, однако, границъ эстетики". Главное соціальное зло того времени было крѣпостное состояніе. „Видишь ли,—говоритъ Шевченко въ одномъ своемъ произведеніи,—въ этомъ раѣ

снимаютъ съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единаго сына, единую подпору; тамъ подъ плетнемъ умираетъ съ голоду опухшій ребенокъ, тогда какъ мать жнетъ на барщинѣ пшеницу; а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отреклись отъ нея, чужіе не принимаютъ ее, нищіе даже отворачиваются отъ нея... а барчукъ.. онъ не знаетъ ничего: онъ съ двадцатою по счету (любовницею) пропиваетъ души". Произволъ и самодурство пановъ доходили до того, что, по словамъ Шевченка,—

. . . . Якъ бы росказать
Про якого небудь одного магната
Исторію-правду, то перелякать
Саме бъ пекло можно; а Данта старого
Полупанкомъ нашымъ можно здывувать (Иржавець).

Особенно времена крѣпостничества славились половою распущенностію пановъ и опозореніемъ крѣпостныхъ женщинъ. Поэтому образъ „покрытки" у Шевченка фигурируетъ большею частію рядомъ съ паномъ или панычемъ. Шевченко изображаетъ и нравственную слабость женщины, отдающейся пану изъ-за выгодъ житейскихъ („Міжъ скаламы, неначе злодій", „Русалка"), и безсердечное легкомысліе парубка (Тытаривна). Но преобладающимъ сюжетомъ этого рода произведеній остаются у Шевченка тѣ положенія, при которыхъ несчастье „дівчины", судьба „покрытокъ" прямо вытекаетъ изъ существовавшихъ въ жизни соціальныхъ отношеній.

. . . . Покы села,
Покы паны въ селахъ,—
Будуть собі тынятыся
Покрытки весели
По шыночкахъ зъ москалямы,
И не турбуйсь, брате! (Якъ бы тоби довелося).

Поэтъ представилъ намъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ, небольшихъ разсказовъ, въ которыхъ является скорбный образъ „покрытки", какъ неизбѣжный результатъ извѣстныхъ соціальныхъ отношеній. Таковы его стихотворенія: „Маты покрытка", „Не спалося, а нічъ якъ море", „Якъ бы тобі довелося", „Сонъ", и др.,—но особенно двѣ его поэмы „Катерина" и „Наймичка". Въ этихъ и другихъ произведеніяхъ Шевченка такъ часто фигурируютъ соблазнители паны, что самъ по-

---

[1]) Покрытка—дѣвица, покрытая по-бабьи платкомъ, въ знакъ потери дѣвственности.

этъ въ одномъ стихотвореніи своемъ опасается, чтобъ его не сочли за клеветника на пановъ:

Неначе цвяшокъ въ серце вбытый
Оцю Марыну я ношу.
Давно бъ спысать несамовыту,
Такъ щожъ? сказалы бъ, що брешу;
Що на панивъ, бачишъ, сердытый,
То все такее и пышу
Про ихъ собачыи звычаи.
Сказалы бъ просто: дурень лае
За те, що самъ крепакъ,
Неодукованный сирякъ (Марина).

Въ стихотвореніи „Маты покрытка" поэтъ рисуетъ двухъ матерей: счастливую, которая, тѣшась своимъ ребенкомъ и дома, и въ людяхъ, несетъ домой своего Ивана, и ей кажется, что все село весь день смотрѣло на него; а рядомъ съ нею—мать несчастную, мать „покрытку", которой „старци навить цураютця:

. . . . . . Села
Мынаешъ, плачучи, в ночи;
И полемъ, степомъ идучы,
Свого ты сына закрываешъ,
Бо й пташка иноди пизнае
И защебече; онъ, байстря
Несе покрытка на базаръ!

Пропала ея дѣвичья краса: все забрала дытыночка... и „выгнала зъ хаты". Придется и ей услышать слово „*мамо*, велыкее, найкращее слово". Ты обрадуешься и разскажешь всю правду своему ребенку о лукавомъ отцѣ его и будешь счастлива.. только не на-долго: не выростетъ на рукахъ твоихъ родное дитя,—

Пійде собі слипця водыть,
А тебе покыне
Каликою на роспутти.

Но не перестанетъ мать любить свое дитя, на горе ей и себѣ родившееся:

И любытымешъ, небого,
Покы не загынешъ
Межы псамы, на морози,
Де-небудь пидъ тыномъ...

Стихотвореніе „Не спалося, а ничъ якъ море" представляетъ разговоръ двухъ часовыхъ, которые, бесѣдуя про свое „солдатское нежитіе", вспоминаютъ, какъ они попали въ солдаты. Сошелся онъ, молодой парень, съ дѣвушкой и идетъ просить ее у пана. Дорого оцѣнилъ панъ

дѣвушку, но парень не отчаевается: онъ идетъ добывать деньгу и два года проходилъ по Черноморіи, по Дону, пока сколотилъ назначенную паномъ сумму. Приходитъ, наконецъ, домой въ село, но давно уже тамъ нѣтъ его Ганны, одну лишь старуху мать ея засталъ онъ умирающею въ пустой хатѣ. Онъ къ сосѣдямъ. „Развѣ ты еще не знаешь? Твоя Ганнуся въ Сибирь пошла: ходила, видишь ли, до панича, пока и родила ребенка, да и бросила его въ колодезь". До сихъ поръ солдату страшно вспомнить, что было съ нимъ тогда: едва могъ выйти онъ изъ хаты и направился прямо въ панскія палаты съ ножемъ въ рукахъ. Но „панычa" уже тамъ не было. Хотѣлъ было онъ сжечь проклятыя палаты, или съ собой покончить, но—Богъ помиловалъ:

Осталыся и батько й маты,
А я пишовъ у москали...

Въ другомъ стихотвореніи Шевченко представляетъ также одну изъ „обыкновенныхъ исторій" въ тогдашнемъ крестьянскомъ быту. На лугу гребли дивчата сѣно, а парубки складывали его въ копны. Вотъ „найкращая зъ всего села" пошла въ яръ къ колодцу по воду и что-то долго не возвращается. А „лановый", строгій къ отлучкамъ, ее и не ищетъ: онъ самъ—угодникъ панича, „стара собака, та ще й быта", онъ знаетъ, какую засаду устроилъ „паничъ несамовытый" этой „найкращей изъ села". Вдругъ донесся до гребцовъ раздирающій крикъ дѣвушки. Бросились на крикъ парубки, прибѣжали въ яръ, но кто жъ посмѣетъ противъ панича? Нашелся одинъ, который вилами покончилъ съ паномъ на мѣстѣ его злодѣянія. И вотъ, спустя извѣстное время, та самая дѣвушка, уже засватанная, съ веселымъ свадебнымъ поѣздомъ встрѣчаетъ на дорогѣ:

Мижъ неволныками въ путахъ
Той самый едыный
Ийи местникъ безталанный
Несе зъ Украины
Ажъ у Сибиръ ланцугъ, пута.

Взглянувъ на него, невѣста узнала, и вотъ въ ней промелькнула мысль, что вѣдь это онъ за нее несетъ эти пута, а она, отдаваясь личному счастію, не будетъ

Ни знаты, ни чуты
Его плачу вседневного.

И вотъ, во время веселаго свадебнаго пира она скрывается и пропадаетъ навѣки для роднаго села: она пошла догонять невольника и побрела съ нимъ въ Сибирь (Якъ би тоби довелося).

Къ этому же роду произведеній Шевченка относятся двѣ лучшія его поэмы: „Катерина" и „Наймичка".

Поэма „Катерина“ посвящена Шевченкомъ поэту Жуковскому на память 22 апрѣля, 1838 года. Катерина горячо полюбила молодаго „москаля“ панича и всей душой отдалась ему, не смотря ни на предостереженія отца и матери, ни на пересуды сосѣдей. Напрасно, бывало, ожидаетъ ее мать по вечерамъ: не одну ночь провела Катерина въ вишневомъ саду съ своимъ милымъ, пока наконецъ и люди стали толковать „недоброе“, а тутъ и горе подкралось... Объявленъ походъ, и пришлось Катеринѣ разстаться съ милымъ. Но она ему вѣритъ: онъ скоро вернется, и она будетъ его женою... Но скоро, ставши „покрыткою“, Катерина лишилась уже навсегда покоя: пришлось избѣгать ей взора людскаго, въ одиночку выходить по ночамъ по воду и слезами прерывать свою пѣсню, до ранняго утра оставаясь безъ сна въ саду подъ калиною. Покрытая „живочимъ“ (бабьимъ) платкомъ, напрасно высматриваетъ она изъ окна убогой своей хаты, напрасно съ тоской глядитъ на дорогу: уже полгода прошло въ печальномъ ожиданіи. Сколько обидныхъ упрековъ должна была вынести бѣдная женщина, качая своего ребенка—солдатскаго сына!.. Наступила весна. Катерина, выходя изъ хаты въ садъ зеленый, не поетъ уже, какъ бывало прежде, когда поджидала своего милаго,—теперь она проклинаетъ судьбу свою. Наконецъ, отецъ и мать велятъ Катеринѣ оставить родную хату и идти за своей парой въ далекую Москву. Послѣ трогательныхъ сценъ, Катерина вышла въ садъ, помолилась Богу, взяла комокъ родной земли и съ ребенкомъ на рукахъ покинула отцовскую хату... Катерина добралась уже до Кіева, питаясь подаяніемъ, ночуя подъ открытымъ небомъ. Наступила зима. Катерина, еле прикрытая убогой свиткой, встрѣчаетъ на дорогѣ команду солдатъ и наивно пускается въ разспросы о своемъ миломъ; но солдаты лишь осмѣяли ее. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ страданій, судьба доставила ей встрѣчу съ покинутымъ любовникомъ. Во главѣ коннаго отряда, какъ начальникъ, онъ ѣхалъ верхомъ, и Катерина, узнавши его, съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему; но вмѣсто ожидаемаго привѣтствія она услышала грозный голосъ: „возьмите прочь безумную“,—повторилъ онъ приказаніе, и отрядъ скоро скрылся изъ глазъ пораженной Катерины. Бросила она ребенка на дорогѣ, а сама въ недалекомъ прудѣ подъ льдомъ покончила съ жизнью. Черезъ нѣсколько лѣтъ по той же дорогѣ проѣзжалъ богатый экипажъ, въ которомъ сидѣлъ панъ съ женой; а на дорогѣ сидѣлъ слѣпой кобзарь-нищій, подлѣ котораго стоялъ оборванный мальчикъ „поводатарь“. Экипажъ остановился, и женская рука, подавши знакъ мальчику, бросила изъ окна мѣдную монету. Господинъ тоже выглянулъ изъ экипажа, но, взглянувши на мальчика, быстро отвернулся: онъ узналъ въ немъ своего сына, сына Катерины, узналъ по каримъ глазамъ и чернымъ бровямъ. Экипажъ тро-

нулся, и пыль покрыла мальчика, подымавшаго брошенную милостыню.

Повѣсть „Наймичка“ по своему содержанію представляетъ родную сестру „Катерины“. Въ воскресенье, рано утромъ, когда вся степь была покрыта туманомъ, сидѣла на курганѣ посреди степи молодая женщина, прижимая къ сердцу своего ребенка, рожденіе котораго принесло ей стыдъ и слезы. Наймичка Ганна, вспоминая свою привязанность къ покинувшему ее любовнику, рѣшается разорвать съ прошлымъ, не питать уже надеждъ на свое собственное личное счастіе, и вся отдается лишь материнской любви. На близкомъ хуторѣ жило счастливое супружество, двое старыхъ людей, Трохимъ и Настя, которые имѣли во всемъ достатокъ, не имѣли только дѣтей. Сидятъ въ воскресный день старики передъ своей хатой, задумавшись. Въ это время послышался какой то плачъ; они вышли за ворота и тамъ нашли завернутаго въ платокъ ребенка, который съ плачемъ протягивалъ имъ свои ручки. Обрадовались старики, увидя въ этомъ посланное имъ Богомъ счастье; берутъ подкинутаго ребенка и сейчасъ же хлопотливо заботятся о крестинахъ. Назвали подкидыша Маркомъ. Не нарадуются старики своему пріемышу, не знаютъ уже, какъ ему и угодить. Черезъ годъ приходитъ однажды къ нимъ на хуторъ молодая женщина и проситъ принять ее въ служанки. Принятая стариками, Ганна обрадовалась несказанно и стала усердно заботиться о хозяйствѣ, а еще больше о маленькомъ Маркѣ, какъ родная мать; но по ночамъ она проклинала свою судьбу и обливала Марка горячими слезами. Много воды уплыло, много лѣтъ миновало. Умерла Настя, а Марко выросъ и сталъ уже чумаковать. Пришло время подумать и объ его женитьбѣ. Настала и свадьба. Старый Трохимъ и Марко просили ее быть посаженой матерью; но Ганна отказалась наотрѣзъ и, благословивши Марка, со слезами разсталась съ хуторомъ и отправилась на богомолье въ Кіевъ. Въ Кіевѣ она купила на заработанныя деньги въ подарокъ Марку шапочку, освященную въ пещерахъ, чтобъ голова не болѣла, а молодой его женѣ—кольцо отъ св. Варвары, и принята была молодыми съ радостью. Четыре года подъ-рядъ повторяла она свое долгое путешествіе, но въ четвертый разъ уже на возвратномъ пути заболѣла и едва добрела до хутора. Молодая Катерина, какъ и всегда, радостно привѣтствовала ее, какъ родную мать, а Марко былъ въ дорогѣ. Разнемоглась Ганна и все тревожнѣе спрашиваетъ о Маркѣ, роняя слезы изъ угасающихъ очей. Наконецъ, пріѣзжаетъ и Марко и въ смущеніи входитъ къ больной, а Ганна къ нему: „Слава Богу, слава Богу! Подойди ближе, не бойся! А ты, Катерино, выйди отсюда! мнѣ хочется съ Маркомъ поговорить“. И Марко наклонился надъ головой умирающей. „Посмотри на меня, Марко! Знаешь ли, какъ я жизнь свою погубила? Я не Ганна-наймичка“...

и умолкла. Марко заплакалъ, а умирающая, вновь открывъ глаза, уставила ихъ на Марка: „Прости мнѣ сынку! Я сама себя казнила всю жизнь, искупая грѣхъ въ чужой хатѣ, на чужомъ хлѣбѣ... Я... я—твоя мать“. Упалъ Марко на землю при этихъ словахъ, а очнувшись спѣшилъ обнять свою мать, но она уже заснула навѣки...

Весь этотъ разсказъ проникнутъ, такъ сказать, библейскою простотою и трогательностію; а что касается до чистоты мысли христіанской,—превосходитъ всѣ другія произведенія Шевченка. Духъ кобзаря отвернулся здѣсь на время отъ непріятныхъ впечатлѣній общественныхъ и, освободившись отъ злобы и отчаянія, вознесся къ образу тихаго самопожертвованія, искупающаго страданія.

Заклятый врагъ всякаго насилія, а тѣмъ болѣе облеченнаго въ законное право, Шевченко потому и избиралъ такъ часто тэмой своихъ пѣсенъ судьбу женщины, какъ одно изъ крупнѣйшихъ пятенъ на общемъ мрачномъ фонѣ общественнаго строя жизни. Но онъ не терялъ изъ виду зависимости частныхъ явленій отъ причинъ болѣе общихъ, тяготѣвшихъ надъ народною жизнію, и мечталъ объ устраненіи этихъ общихъ причинъ, заключавшихся въ отсутствіи свободы и правды. Поэтому-то Шевченко и обратился къ козацкому періоду исторіи своей родины, такъ какъ въ этомъ періодѣ все таки видно было стремленіе устроить *равную правду* для всѣхъ, видна была горячая борьба за эту правду, или хотя месть за нарушеніе ея.

. . . . На всій Украини
Высоки могылы; дывыся, дытыно,
Уси ти могылы—уси оттаки:
Начынени нашымъ благороднымъ трупомъ,
Начынени туго... Оце воля спыть.
Лягла вона славно, лягла вона въкупи
Зъ намы козакамы. Бачышъ, якъ лежыть!
Неначе сповыта... Тутъ пана немае:
Уси мы однако на воли жылы,
Уси мы однако за волю ляглы (Бувае, въ неволи).

Къ произведеніямъ Шевченка изъ козацкаго періода исторіи Украйны относятся двѣ поэмы „Гайдамаки“ и „Гамалія“ и нѣсколько мелкихъ рапсодій и эпизодовъ: „Никита Гайдай“, „Иванъ Підкова“, „Тарасова нічъ“, „Невольникъ“, „Выборъ гетмана“, „Чернецъ“, „Разсказъ покойника“, „Швачка“, „Сдача Дорошенка“, „Якъ бы то ты, Богдане пьяный“, и др. Изъ нихъ произведенія, касающіяся временъ болѣе отдаленныхъ, заходящія въ глубь XVII и начала XVIII вѣковъ, изображаютъ такихъ героевъ, которые почти вовсе неизвѣстны были народу. Въ доселѣ извѣстныхъ и изданныхъ малорусскихъ пѣсняхъ часто о нѣ-

которыхъ изъ нихъ вовсе не упоминается; слѣдовательно, Шевченко въ изображеніи этихъ лицъ не могъ слѣдовать за народомъ. „Любопытно, говорятъ издатели сборника историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа, что народная память не сохранила намъ вовсе пѣсенъ о чисто козацкихъ возстаніяхъ противъ поляковъ, имѣвшихъ цѣлью добыть реестровымъ козакамъ права шляхтичей, а нереестровымъ—права первыхъ, каковы были возстанія Косинскаго (1592 г.), Лободы и Наливайка (1596 г.) и даже послѣдующихъ: 1620 года, возстаніе Тараса Трясила (1630), Павлюка (1637), въ которыхъ уже соціально-крестьянскій элементъ сталъ принимать большое участіе. Только изъ временъ (Богдана) Хмельницкаго, когда возстаетъ противъ польскихъ порядковъ масса народа, по причинамъ соціально-экономическимъ, до насъ дошло много народныхъ не только пѣсенъ, но и думъ. Думы, по всей вѣроятности, обязаны первоначально своимъ происхожденіемъ козакамъ, но думы временъ Хмельницкаго приняли сильно крестьянскій характеръ. Въ большей части изъ нихъ выступаютъ на видъ общенародные соціально-экономическіе интересы, къ которымъ привязаны національные (слабѣе) и религіозные (сильнѣе). Пѣсни же, какъ общенародная, а не кобзарская только форма поэзіи, прославляютъ преимущественно Перебійноса и Нечая, какъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ среди сподвижниковъ Хмельницкаго. При такомъ преимущественно соціально-экономическомъ характерѣ народныхъ пѣсенъ и даже думъ о времени Хмельницкаго, государственная сторона событій этой эпохи оставлена народомъ безъ вниманія до такой степени, что даже о переходѣ Малороссіи изъ подданства королямъ польскимъ въ подданство царямъ московскимъ не осталося ни одной пѣсни. Въ одной только пѣснѣ есть упоминаніе о желаніи козаковъ если не поддаться Москвѣ, то выселиться въ московскія земли, въ такой формѣ:

Звели нам під москалів тікати,
Або звели нам з ляхами великий бунтъ зривати [1]).

Какъ разъ наперекоръ народнымъ пѣснямъ и козацкимъ думамъ, Шевченко воспѣваетъ большею частію неизвѣстныхъ народу предшественниковъ Богдана Хмельницкаго, какъ защитниковъ народной свободы или мстителей за ея поруганіе, и наоборотъ—бранитъ Богдана Хмельницкаго, называя его пьянымъ за то, что онъ присоединилъ Малороссію къ Россіи.

За недостаткомъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и думъ, Шевченку приходилось, по большей части, пользоваться апокрифическими

---

[1]) См. Историческія пѣсни малорусскаго народа, подъ редакціей и съ примѣчаніями Антоновича и Драгоманова т. II, предисловіе. стр. II—IV.

сочиненіями· исторіей Руссовъ псевдо-Конисскаго, Маркевичемъ, Бантышъ-Каменскимъ, нѣсколькими фрагментами неполныхъ лѣтописей, въ родѣ лѣтописи Рубана, и даже историко-беллетристическими сочиненіями, въ родѣ „Черной Рады" Кулиша и др. Вслѣдствіе такой скудости историческаго матеріала, въ каждой почти исторической поэмѣ Шевченка встрѣчаются мелкія фактическія ошибки. Подкова и Гамалія, если существовали, то не предпринимали походовъ на Царьградъ и Скутарія. Есть невѣрности и въ описаніи выбора гетмановъ Лободы и Наливайка: поэтъ рисуетъ картину передачи гетманскаго достоинства старымъ гетманомъ болѣе молодому и приписываетъ это Лободѣ и Наливайку; въ дѣйствительной исторіи нѣчто подобное встрѣчаемъ 30—40 лѣтъ спустя въ исторіи Павлюка и Томиленка. Поэма „Чернець", перелицованная изъ одного мѣста въ „Чорной Радѣ" Кулиша, цѣликомъ основана на фабулѣ, что Палій умеръ въ монастырѣ, чего въ дѣйствительности не было.

Не смотря однако на эти неточности, въ историческихъ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка онѣ искупаются другаго рода достоинствами. Художникъ нерѣдко предугадываетъ то, что будетъ установлено исторической критикою много лѣтъ спустя. Подобное предугадываніе есть и въ историческихъ произведеніяхъ Шевченка, благодаря его могучему поэтическому таланту. Нѣкоторыя черты историческихъ произведеній Шевченка оказываются совершенно вѣрными при повѣркѣ доступными намъ теперь историческими данными. Въ стихотвореніи „Сдача Дорошенка" время руины изображено такъ живо, что подобное наглядное представленіе о немъ можно составить себѣ только по прочтеніи обширной монографіи Н. И. Костомарова. Картина борьбы съ всесильнымъ дворянскимъ сословіемъ въ Польшѣ, наполнявшей первую половину XVII вѣка, мастерски очерчена въ „разсказѣ покойника". Таковъ же цѣлый рядъ картинъ, посвященныхъ обрисовкѣ Запорожья. Мы видимъ, чѣмъ вызывалось стремленіе народа къ Запорожью, каково было тамъ житье, и чѣмъ заканчивалась жизнь запорожца. Въ Запорожьи народъ видѣлъ осуществленіе идеальнаго общественнаго строя. Потому-то и могла пополняться постоянно эта община. Интересно, какъ изображено у Шевченка отношеніе атамана къ остальнымъ запорожцамъ: оно состояло въ полной диктатурѣ, съ полною зависимостью въ то же время диктатора отъ избирателей. Шевченко какъ нельзя лучше понялъ и изобразилъ духъ Запорожья. Выборный атаманъ сознавалъ, что онъ, представитель общественнаго мнѣнія, готовъ былъ подвергнуться его контролю, и обращался къ обществу, какъ къ друзьямъ, какъ къ равнымъ. Что въ такомъ видѣ представлялъ себѣ Шевченко запорожскій строй, видно изъ поэмы „Иванъ Підкова", гдѣ атаманъ останавливаетъ флотилію

при устьѣ Днѣпра и обращается къ спутникамъ съ рѣчью, объясняющею цѣль похода, и съ вопросомъ, продолжать ли этотъ походъ, хотя заранѣе зналъ, что отвѣтъ будетъ утвердительный. Господствовало отношеніе полнаго довѣрія къ выборному атаману. Тотъ же мотивъ выдвинутъ и въ выборѣ гетмана. Старый гетманъ указываетъ на свои преклонныя лѣта и проситъ избрать иного. Такая близкая связь начальствующихъ съ подчиненными указываетъ на то, что выборные были представителями общественнаго мнѣнія и могли создать общественную форму, не мыслимую при современномъ устройствѣ европейскихъ обществъ.

Лучшимъ и самымъ замѣчательнымъ изъ историческихъ произведеній Шевченка считается его поэма „Гайдамаки". Сюжетомъ ея служитъ кровавая уманская рѣзня 1768 года, о которой Шевченко слышалъ въ дѣтствѣ отъ старыхъ людей [1]). Въ первой пѣснѣ, озаглавленной „Интродукція", Шевченко набросилъ въ немногихъ чертахъ исторію Речи-Посполитой и въ особенности безурядицу тогдашняго правленія и шляхты. Вторая часть „Галайда" представляетъ болѣе подробную картину. На сцену является еврей, который, пользуясь защитой польскаго крѣпостнаго права, жестоко обращается съ работникомъ своимъ Яремой, помыкаетъ имъ. Этотъ Ярема является впослѣдствіи подъ именемъ Галайды мстителемъ кровавыхъ обидъ. Несчастный сирота безъ роду безъ племени, Ярема находитъ для себя утѣшеніе въ любви Оксаны, дочери церковнаго старосты въ сосѣднемъ селѣ Вильшанѣ. Однажды онъ побрелъ навѣстить свою Оксану. Въ этотъ день конфедераты нападаютъ на домъ этого еврея, какъ обыкновенные разбойники, а еврей указываетъ имъ на церковнаго старосту въ Вильшанѣ, какъ на самаго богатаго человѣка, у котораго притомъ же есть красавица дочь Оксана. Ляхи приказываютъ еврею проводить ихъ въ Вильшану. Между тѣмъ Ярема въ Вильшаной прощается со своей милой: онъ собрался

---

[1]) Г. М-съ передаетъ, что онъ далъ Шевченку прочитать романъ Чайковскаго на польскомъ языкѣ Wernyhora, и что будто бы содержаніе „Гайдамакъ" и большая часть подробностей цѣликомъ взяты оттуда. Но самъ Шевченко въ предисловіи къ „Гайдамакамъ" говоритъ слѣдующее: „Про то, что дѣлалось на Украинѣ въ 1768 г., разсказываю такъ, какъ слышалъ отъ старыхъ людей: напечатаннаго и критикованнаго ничего не читалъ, п. ч., кажется, и нѣтъ ничего. Галайда наполовину выдуманный, а смерть вильшанскаго старосты церковнаго—правдива; ибо еще есть люди, которые его знали. Гонта и Желѣзнякъ, атаманы того кроваваго дѣла, тоже выведены у меня не такъ, какъ они были, за это неручаюсь. Дѣдъ мой, дай Богъ ему здоровья, если начинаетъ разсказывать что нибудь такое, что не самъ видѣлъ, а слышалъ, то сперва скажетъ: если старые люди врутъ, то и я съ ними".

идти въ Чигиринъ, гдѣ долженъ былъ, приставши къ гайдамакамъ, получить освященный ножъ для истребленія ненавистныхъ ляховъ и жидовъ, для освобожденія Украины. Вечеромъ того же дня врываются конфедераты въ домъ старосты и послѣ страшныхъ истязаній убиваютъ старика, поджигаютъ его домъ и церковь и уносятъ съ собой несчастную Оксану. Кровавая месть слѣдуетъ скоро за совершоннымъ преступленіемъ. Наканунѣ св. Макавея было пусто и тихо въ Чигиринѣ. Люди собрались надъ рѣкою Тясминомъ, въ темной рощѣ, въ ожиданіи освященія ножей и пріѣзда гайдамаковъ, чтобы воздать ляхамъ и жидамъ кровавой отплатой за кровавыя обиды. Третье пѣніе пѣтуховъ было сигналомъ къ жестокой рѣзнѣ. Разразилась гроза по всей Украинѣ. Героями этой рѣзни являются Желѣзнякъ, Гонта, Ярема. Послѣдній бѣшено мститъ и за свою Оксану, и за ея отца, и этимъ страшнымъ озлобленіемъ противъ враговъ обратилъ на себя вниманіе вождей, которые и приняли его въ свою среду, прозвавъ его Галайдою. Въ пѣснѣ „Гупалівщина" открывается картина городовъ и деревень послѣ этой ужасной рѣзни. Поэтъ выражаетъ чувство глубокой скорби при видѣ убійствъ, совершонныхъ „дѣтьми одной матери", которымъ слѣдовало бы жить въ братской дружбѣ и согласіи.—Гайдамаки съ Желѣзнякомъ во главѣ продолжаютъ свой путь. Вотъ прибыли они и въ Вильшану, на мѣсто преступленія конфедератовъ, нашли ихъ въ ближайшемъ лѣсу и всѣхъ перерубили. „Банкетъ у Лысянци" представляетъ страшную картину пира гайдамаковъ на рынкѣ среди огня, крови и труповъ. Ярема тутъ встрѣчаетъ случайно своего прежняго хозяина еврея Лейбу и, обѣщавъ спасти его жизнь, узнаетъ отъ него, что Оксана находится въ замкѣ. Между тѣмъ уже раздается приказаніе Гонты идти на замокъ, въ которомъ заперлись поляки; но Ярема успѣлъ съ помощію Лейбы счастливо спасти свою Оксану и отвезти ее въ Лебединъ. Здѣсь черезъ недѣлю она обвѣнчана была съ Яремой. Однако Ярема въ тотъ же вечеръ уже оставилъ молодую жену и поспѣшалъ къ Умани, чтобы тамъ съ Желѣзнякомъ и Гонтою устроить кровавую свадьбу ляхамъ и евреямъ. Гайдамаки окружили Умань, гдѣ заперлось множество шляхты, скоро ворвались въ городъ и подожгли его. Какъ опьянѣлые, Желѣзнякъ и Гонта подаютъ своимъ гайдамакамъ примѣръ кровавой расправы. Но вотъ гайдамаки приводятъ на площадь ксендза іезуита и съ нимъ двухъ мальчиковъ, сыновей Гонты отъ жены—католички. Они—тоже католики, а Гонта далъ клятву не щадить ни одного католика,—и вотъ онъ въ своей страшной послѣдовательности умерщвляетъ собственныхъ дѣтей... Это сцена—потрясающаго трагизма... „Не похоронить ли ихъ? спрашиваютъ его..." Нѣтъ, вѣдь они—дѣти католички",—отвѣчаетъ онъ и, побуждаемый страшной душевной мукой, спѣшитъ успокоить угрызенія своей совѣсти въ новыхъ потокахъ крови. Но когда докончили гайда-

маки свой кровавый пиръ и усѣлись за столы, они и не замѣтили, какъ кто-то въ черной длинной свитѣ пробирается городомъ и все чего-то ищетъ между трупами убитыхъ: это Гонта ищетъ дѣтей своихъ. Вотъ онъ нашелъ ихъ, взялъ на плечи и осторожно, стараясь, чтобы никто его не замѣтилъ, уходитъ въ поле. Тамъ, при заревѣ горящаго города, вдали отъ дороги, копаетъ онъ своимъ „свяченымъ" ножемъ могилу и погребаетъ въ ней дѣтей своихъ, чтобы „козацкія дѣти" не достались на съѣденіе собакамъ. Въ „эпилогѣ" поэтъ воспоминаетъ свои молодые годы, когда онъ мальчикомъ—сиротою, безъ хлѣба, безъ одежды, блуждалъ по той самой Украинѣ, гдѣ Желѣзнякъ и Гонта такъ страшно „гуляли".

И въ этой поэмѣ есть немало ошибокъ въ частностяхъ. Смерть титаря, напримѣръ,—событіе, имѣвшее мѣсто въ дѣйствительности; но совершилось оно въ иномъ видѣ [1]). Описываемыя въ „Гайдамакахъ" событія занимаютъ почти годъ времени; на дѣлѣ же они продолжались не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Но за то въ поэмѣ вѣрно поняты и обрисованы всѣ истинно-трагическія обстоятельства южнорусскаго края во второй половинѣ XVIII вѣка „Народомъ, выработавшимъ извѣстные идеалы и воззрѣнія,—говоритъ В. Б. Антоновичъ,—владѣла небольшая группа дворянъ, чуждая ему и по идеаламъ, и по экономическимъ потребностямъ. Посредствовавшею группою являлись евреи. Такимъ образомъ, въ краѣ было три чуждыхъ одна другой группы. По общему историческому закону, не смотря на разнородность интересовъ, такія отдѣльныя группы могутъ выработать взаимное уваженіе, извѣстный modus vivendi; но это возможно лишь тогда, когда господствующая группа обладаетъ умомъ, сознаетъ, что съ одною эксплоатаціею далеко не уйти, и готова сдѣлать нѣкоторыя уступки. Польская шляхта не обладала такимъ тактомъ; еще менѣе были способны къ тому евреи. Въ результатѣ получилась печальная постановка отношеній, разразившаяся трагедіей во второй половинѣ XVIII вѣка. Поэтъ прекрасно понялъ это положеніе трехъ группъ населенія въ то время и обрисовалъ отношенія крестьянъ къ дворянству и евреямъ, отношенія шляхты къ схизматикамъ и евреямъ, и вывелъ типъ еврея въ его отношеніи къ козаку и шляхтѣ. Дворянство представлено въ поэмѣ всесильнымъ сословіемъ, не умѣющимъ полагать ограниченіе своей власти, своевольнымъ, не уважающимъ личности. Мы видимъ толпу конфедератовъ, ловящихъ еврея, издѣвающихся надъ нимъ, вламывающихся въ домъ

---

[1]) См. „Мелхиседекъ Значко-Яворскій Ѳ. Г. Лебединцева, 1864 г., и „Руководство для сельскихъ пастырей", 1860 г., т. I. стр. 38 и 45.

почтеннаго человѣка—титаря съ корыстною цѣлію, замучивающихъ его. Дворяне изображены неуважающими человѣческой личности, недопускающими ни малѣйшаго отступленія отъ разъ принятой политической системы. Вторую группу составляютъ евреи. Они кланяются шляхтѣ, но презираютъ ее съ полною увѣренностію, что они умнѣе. Имѣемъ въ поэмѣ и крестьянскіе типы, типы людей, лишенныхъ просвѣщенія, но чувствующихъ свою правду, долгое угнетеніе которыхъ довело до ожесточенія, прорывающагося безчеловѣчною ненавистью. Крестьянскій типъ лучше всего оттѣненъ авторомъ, какъ родной, на сторонѣ котораго была попранная правда. Наряду съ типами Желѣзняка и Гонты, обнаруживающаго крайнее самопожертвованіе въ сценѣ убіенія сыновей ради общаго блага, ложно, впрочемъ, понятаго, встрѣчаемъ болѣе глубокіе образы, напримѣръ образъ благочиннаго, освящающаго народную правду сознательнымъ словомъ. Типъ благочиннаго списанъ съ Мелхиседека Значко-Яворскаго. Автора упрекали въ томъ, что онъ, повидимому, съ сочувствіемъ относится къ изображаемымъ имъ жестокостямъ [1]). Но это несправедливо. Раза два встрѣчаемъ перерывъ въ поэмѣ и среди разсказа читаемъ трогательныя лирическія строфы о томъ, какъ можно было бы ужиться въ этомъ благодатномъ краѣ, если бы отношенія не были проникнуты такою исключительностью. Дважды высказывается такъ поэтъ, и нельзя не согласиться съ нимъ".

Впрочемъ, поэзія Шевченка не была только плачемъ о прошломъ Украины, апоѳеозомъ этого прошлаго, козаччины. Ближе познакомившись съ исторіей своей родины, онъ разочаровался въ „гетманщинѣ" и совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ серьезнѣе изучать исторію, которая должна была убѣдить, что настоящей причиной политическихъ бѣдствій ихъ края была та „козацкая старшина", которая погналась за личными выгодами, забывши объ интересахъ народа. Шляхетскимъ преданіямъ гетманства онъ противопоставляетъ идею освобожденія крестьянства и требуетъ для всѣхъ славянъ внутренней и внѣшней политической свободы. Къ послѣднему разряду произведеній Шевченка относятся большею частію тенденціозныя его произведенія запретнаго

---

[1]) Между прочимъ г. Кулишъ, который объ авторѣ „Гайдамакъ" говоритъ слѣдующее: „Геніальный преемникъ простонародныхъ пѣвцовъ—Шевченко, поддержанный худшими, но вовсе не лучшими умами его родины, въ своихъ козацкихъ воззрѣніяхъ возвеличилъ Максима Желѣзняка, какъ народный идеалъ, за его пьянство, за его слѣпую мстительность, за то, что у него нѣтъ осѣдлости, что онъ чуждъ какой либо культурѣ, что онъ добываетъ золото и на сушѣ и на морѣ и добычу свою называетъ славою". См. Русскій Архивъ, 1877 г., кн. 2, стр., 115.

содержанія, какъ-то: „Кавказъ“, „Невольникъ“, „Сонъ“, „Завѣщаніе“, „Холодный Яръ“, „Чигиринъ“, „Суботовъ“, „Посланіе до живыхъ и мертвыхъ и ненарожденныхъ землякiвъ моiхъ“ и поэма „Иванъ Гусъ“, написанная съ тою цѣлію,—

Щобъ уси славяне сталы
Добрымы братамы,
И сынамы сонця правды
И еретыками—
Оттакымы, якъ констаньскый
Еретыкъ велыкый!

Но эти тенденціозныя стихотворенія не появлялись въ полномъ видѣ въ русской печати и не могутъ подлежать нашему разбору.

Что было бы съ Шевченкомъ, если бы его не постигла извѣстная печальная участь,—не беремся судить. Г. Кулишъ въ своей „Хуторной поэзіи“ полагаетъ, что если-бъ Шевченка не постигла извѣстная печальная участь ссылки, то онъ путемъ науки сравнялся бы съ Пушкинымъ, и русское единство, къ которому стремились Петръ I и Екатерина II, подкрѣпилось бы Шевченкомъ еще больше, чѣмъ самимъ Пушкинымъ. Прибавимъ отъ себя, что на тенденціозныя нецензурныя произведенія Шевченка можно смотрѣть такъ же, какъ и на нецензурныя стихотворенія Пушкина, котораго, однако, нельзя назвать сепаратистомъ въ какомъ либо смыслѣ. Но не предугадывая возможнаго направленія поэтической дѣятельности Шевченка при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, мы обратимся къ тому, что сдѣлано имъ во время ссылки и послѣ нея.

Особенную черту литературной дѣятельности Шевченка во время его ссылки составляетъ обращеніе его къ русскому литературному языку, на которомъ онъ желалъ передать для русскихъ читателей содержаніе важнѣйшихъ своихъ лиро-эпическихъ произведеній прежняго времени. Изъ числа двѣнадцати его произведеній на русскомъ языкѣ большая часть написана во время ссылки [1]). Между ними есть нѣсколько разсказовъ и повѣстей съ тѣмъ самымъ содержаніемъ, которое встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ его малорусскихъ стихотвореніяхъ большаго размѣра, вошедшихъ въ собраніе сочиненій Шевченка, изданное подъ названіемъ „Кобзарь“. Мы приводили содержаніе его поэмы „Наймичка“. Между русскими писаніями Шевченка встрѣчается разсказъ того же содержа-

---

[1]) Хронологія русскихъ повѣстей и разсказовъ Шевченка въ „Основѣ“, за мартъ. 1862 года. Содержаніе ихъ изложено Н. И. Костомаровымъ въ 3 № „Русской Старины“ за 1880 годъ.

нія, съ нѣкоторыми, однако, частностями, которыхъ нѣтъ въ малорусскомъ произведеніи, и съ превосходно изображенными чертами народнаго быта и жизни. Повѣсть эта такъ хорошо написана, что если бы напечатана была до появленія въ свѣтъ ея малорусской стихотворной редакціи, то была бы привѣтствована публикой, какъ выходящее изъ ряду явленіе. Точно также въ бумагахъ покойнаго поэта нашлись двѣ повѣсти—„Княгиня" и „Варнакъ", такого же содержанія, какъ стихотворенія, напечатанныя по-малорусски въ „Кобзарѣ" подъ тѣми же названіями. Затѣмъ, въ бумагахъ его оказались русскіе разсказы и повѣсти: „Близнецы", „Музыкантъ", „Художникъ", „Несчастный", „Матросъ, или старая погудка на новый ладъ", иначе—„Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали", „Повѣсть о бѣдномъ Петрусѣ" и „Капитанша".

Разсказъ „Близнецы" беретъ содержаніе изъ быта малорусскихъ помѣщиковъ средней руки послѣдней половины XVIII вѣка. Здѣсь, между прочимъ, замѣчательно живо и интересно, кромѣ другихъ чертъ мѣстной жизни, представлены пріемы воспитанія. Въ повѣсти „Музыкантъ" изображена судьба крѣпостнаго человѣка у знатнаго малороссійскаго барина. Этотъ человѣкъ—съ необыкновенными способностями къ музыкѣ, но терпитъ отъ путъ крѣпостной зависимости до того, что изъ Петербурга въ Малороссію препровождается, по требованію новаго господина, по этапу; однако, при помощи добродѣтельнаго нѣмца Антона Карловича, получаетъ за деньги отъ помѣщика свободу и женится на благородной дѣвицѣ, живущей у его благодѣтеля [1]). Въ повѣсти „Художникъ" представленъ другой крѣпостной человѣкъ иной профессіи, чѣмъ прежній,—живописецъ, отданный мальчикомъ въ маляры, спасенный благодѣтельнымъ художникомъ и выкупленный на волю при посредствѣ знаменитаго Брюлова. Очевидно, поэтъ, приступая къ написанію повѣсти, имѣлъ въ виду собственную судьбу, такъ какъ въ началѣ разсказываемое въ повѣсти находится въ автобіографіи Шевченка и относится къ его собственной личности. Но этимъ только и ограничивается сходство повѣсти съ автобіографіей. Далѣе въ повѣсти съ художникомъ происходятъ иныя событія: онъ случайно сходится съ рѣзвою дѣвушкою, сначала шутитъ съ нею, потомъ влюбляется и женится, тогда какъ она беременна отъ какого-то мичмана; наконецъ, умираетъ въ домѣ умалишенныхъ. Изъ этого видно, что Шевченка постоянно занимали воспоминанія о своей собственной прошедшей судьбѣ,

---

[1]) Повѣсть „Музыкантъ" напечатана въ газетѣ „Трудъ", 1882 г., № 19 и слѣд., и особой брошюрой, Кіевъ, 1882.

и онъ неразъ, то такъ, то иначе, обращался къ нимъ и приваровлялъ ихъ къ разнымъ вымышленнымъ героямъ своихъ повѣстей въ разныхъ видахъ. Повѣсть „Матросъ" выводитъ на сцену матроса-украинца, который оказалъ геройскій подвигъ въ севастопольскую войну и представленъ былъ къ высокой наградѣ. Но вмѣсто этой награды, онъ проситъ, какъ милости, чтобы освободили его молодую сестру отъ крестьянскаго состоянія. Эта сестра—раба развратнаго помѣщика Курнатовскаго, который взялъ ее въ свой крѣпостной гаремъ, но никакими угрозами не можетъ овладѣть несчастной дѣвушкой. Желаніе матроса готово исполниться, но тутъ Курнатовскій, влюбившійся въ Олену, рѣшается лучше жениться на ней, чѣмъ разстаться съ нею Разсказчикъ, пріѣхавшій изъ Кіева къ родственникамъ, сосѣдямъ Курнатовскаго, попадаетъ къ послѣднему какъ разъ въ то время, когда Олена по крестьянски справляетъ съ подругами свое „весілля", вдали отъ своего повелителя. Свѣжій, посторонній человѣкъ, онъ видитъ омутъ, въ который попала несчастная женщина, видитъ и жизнь, которая ее ждетъ впереди. Онъ устраиваетъ сближеніе ея съ семьей просвѣщеннаго и добраго доктора Прехтеля, также сосѣда, и подъ вліяніемъ этой семьи Олена нравственно закаляется противъ всѣхъ ждущихъ ее невзгодъ. Тѣ же Прехтели оказываютъ благотворное вліяніе и на Курнатовскаго, въ которомъ, при ихъ содѣйствіи, совершается нравственное перерожденіе. Старики Прехтели, выше всего ставящіе духовныя достоинства и нравственную чистоту, высоко цѣнятъ, конечно, простаго, благороднаго матроса и не задумываются отдать за него замужъ свою единственную дочь, только-что кончившую институтъ, узнавъ, что она любитъ его [1]). Повѣсть „Несчастный" написана авторомъ во время пребыванія его въ ссылкѣ, послѣ встрѣчи съ загадочнымъ человѣкомъ. Вдовецъ, провинціальный помѣщикъ, пріѣхавши въ Петербургъ, женился на особѣ сомнительнаго свойства и скоро послѣ того умеръ, убившись на охотѣ. Вдова, искусная лицемѣрка, сдѣлавшись полною госпожею, всю задачу своей жизни поставляетъ въ томъ, чтобы, для пользы своего сына, оттереть дѣтей своего мужа отъ перваго брака. Изъ нихъ сынокъ ослѣпъ въ дѣтствѣ, а дѣвочку мачиха везетъ въ Петербургъ, распуская слухъ, что намѣрена помѣстить ее въ институтѣ, а на самомъ дѣлѣ помѣщаетъ сироту у своей давней пріятельницы нѣмки, которая держитъ швейное заведеніе, беретъ дѣвочекъ будто бы для обученія ремеслу, а на самомъ дѣлѣ для другихъ, болѣе непозволи-

---

[1]) Эта повѣсть издана, отрывками, въ газетѣ „Трудъ", 1881 года, № 122 и слѣд.

тельныхъ цѣлей. Черезъ нѣсколько времени эта госпожа пріѣзжаетъ въ Петербургъ снова со своимъ сыномъ, чтобы докончить его воспитаніе, полученное въ деревнѣ отъ крѣпостныхъ наставниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы окончательно отдѣлаться отъ падщерицы. Сынъ, избалованный матерью шалопай, дѣлается вполнѣ развратнымъ негодяемъ, обкрадываетъ и оскорбляетъ мать и раздражаетъ ее до того, что она, при посредствѣ правительства, засылаетъ его, ради исправленія, въ Орскую крѣпость, гдѣ авторъ и увидалъ его, и гдѣ этотъ потерянный юноша играетъ роль шута между солдатами и сталъ извѣстенъ тамъ всѣмъ подъ именемъ несчастнаго. Но и злую мать постигаетъ заслуженная кара. Нѣмка, у которой мачиха помѣстила свою падщерицу подъ вымышленнымъ именемъ своей крѣпостной Акульки, принимаетъ отъ госпожи посулъ и порученіе выдать мнимую Акульку за какого нибудь посѣтителя веселаго дома, который бы соблазнился нѣкоторымъ приданымъ; но нѣмка сочла за лучшее открыть падщерицѣ и ея жениху всю подноготную и побудить ихъ преслѣдовать закономъ злодѣйку—мачиху. Дѣло кончается тѣмъ, что падщерица вступаетъ во всѣ права своего состоянія, похищенныя у ней обманомъ, а мачиху ссылаютъ въ монастырь на покаяніе [1]. „Художественная выдержка характеровъ,—говоритъ Н И. Костомаровъ объ этой повѣсти,—трогательныя, глубокопотрясающія душу читателя сцены, чрезвычайно занимательное изложеніе,—все это дало бы этой повѣсти почетное мѣсто между лучшими произведеніями нашихъ беллетристовъ, если бъ она была напечатана.— „Повѣсть о бѣдномъ Петрусѣ“ переноситъ читателя въ ту эпоху, когда козацкіе старшины, преобразованные въ русскіе чины и получившіе вмѣстѣ съ ними потомственное дворянское достоинство, совершали крайнія самоуправства, пользуясь крайнею продажностію и мелкодушіемъ судей. Къ сожалѣнію, авторъ наложилъ безъ удержу слишкомъ много густыхъ черезчуръ красокъ, что вредитъ силѣ впечатлѣнія, производимаго на читателя, и строгой исторической вѣрности“ [2]. Содержаніе разсказа „Капитанша“ слѣдующее. Еще во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи (1814--1815 г.) офицеръ увезъ оттуда въ Россію дѣвушку, держалъ по-мужски какъ деньщика, а когда она сдѣлалась беременною, уѣхалъ, оставивъ ее на попеченіе барабанщика. Француженка умерла, а новорожденную ея дочь держалъ у себя одинокій ба-

---

[1] Повѣсть издана въ 1 № „Историческаго Вѣстника“ за 1881 годъ. Объ оригиналѣ, давшемъ сюжетъ для повѣсти, Шевченко упоминаетъ въ своемъ дневникѣ.

[2] Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, находится ли эта повѣсть въ какомъ либо отношеніи къ малорусской поэмѣ Шевченка „Петрусь“.

рабанщикъ до 17-ти лѣтъ, когда въ городѣ Муромѣ капитанъ женолюбецъ насильно увезъ ее; но она отъ него убѣжала, очутилась, какъ бродяга, въ тюрьмѣ и была тамъ отыскана барабанщикомъ съ рожденною ею отъ капитана дочерью. Барабанщикъ женился на невинной жертвѣ гнуснаго насилія, пріютился близъ Глухова, содержалъ тамъ корчму, а выросшая дочь жены его вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика, пріятеля автора [1]). Замѣчательно, что какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ другихъ, авторъ избираетъ для сюжета судьбу простолюдинки, соблазненной или изнасилованной развратникомъ изъ высшаго класса. Тэма эта, какъ видно, почти такъ же занимала Шевченка, какъ и судьба человѣка, выбивающагося съ большими затрудненіями изъ-подъ крѣпостнаго гнета. Послѣднее для насъ объясняется близостію къ судьбѣ самого автора.

О русскихъ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка А. А. Котляревскій говорилъ слѣдующее „Есть немало произведеній стихотворныхъ и прозаическихъ, писанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, оторванныхъ по языку и по своему содержанію отъ родной ему Украины. Какія блѣдныя, безцвѣтныя созданія! Какая печальная картина усилій генія, на время уклоняющагося съ прямой дороги и позабывшаго свою миссію! Историкъ пройдетъ съ равнодушіемъ мимо этихъ произведеній: они безполезны.... Придетъ время (и оно, думаю, недалеко), когда безпристрастный историкъ русской литературы отмѣтитъ въ историческомъ движеніи ея много чистыхъ освѣжащихъ струй, внесенныхъ въ нее поэзіей Шевченка; но онъ укажетъ, что эти струи текутъ не изъ того источника, о которомъ я теперь говорю, а изъ источника живой, „цілющей" воды родной его „Украины", изъ того источника, который своимъ потокомъ вынесъ живую душу крѣпака изъ омута подневолья на свѣтъ божій и отмѣтилъ его великою печатью народнаго поэта" [2]). Гораздо снисходительнѣе отзываются о русскихъ повѣстяхъ и разсказахъ Шевченка Н. И. Костомаровъ и В. Г—ко. „Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, писанныхъ по-русски,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—Шевченко впадаетъ въ мелодраматичность, а нерѣдко и въ растянутость. Редакція русскихъ сочиненій Шевченка въ томъ

---

[1] Фактъ переодѣванія дѣвицы мущиной, выставленный у Шевченка, не исключительный. Мы имѣли подъ руками дѣло 1778 года о женитьбѣ дѣвки Арки, дочери грека, на дѣвкѣ же Маріи Куликовой. Арка называлась Григоріемъ, носила мужской костюмъ и до женитьбы была деньщикомъ у троихъ сыновей бунчуковаго товарища полтавскаго полка Бѣлухи.

[2]) Рѣчь А. А. Котляревскаго въ засѣданіи кіевскаго общества Нестора лѣтописца 1 марта, 1881 года: она передана въ 8 № газеты „Трудъ" за 1881 годъ.

видѣ, какъ они оставлены, сильно страдаетъ небрежностью. Попадаются то недомолвки, то излишнія повторенія, то явные анахронизмы, вообще такія ошибки, которыя несомнѣнно были бы самимъ авторомъ исправлены, если бъ онъ приготовлялъ эти сочиненія уже къ изданію. Теперь они—болѣе наброски, чѣмъ оконченныя сочиненія, и въ настоящемъ видѣ похожи на драгоцѣнные камни въ уродливой оправѣ. Среди всѣхъ недостатковъ и недодѣлокъ, въ нихъ, однако, повсюду свѣтятся признаки громаднаго дарованія автора: вѣрность характеровъ, глубина и благородство мыслей и чувствъ, живость описанія и богатая образность. Послѣднему качеству, какъ видно, способствовало и то, что авторъ былъ живописецъ по профессіи". В. Г—ко, издавая отрывки изъ „Матроса", говоритъ объ этой повѣсти слѣдующее: „Въ строгомъ смыслѣ, это, конечно, не повѣсть, а рядъ впечатлѣній, нѣчто въ родѣ „сантиментальнаго путешествія" Стерна, только съ инымъ характеромъ. Любители „правильности" и „обстоятельности" останутся недовольны значительными длиннотами и многочисленными отступленіями, Намъ приходится сознаться въ ужасной грубости нашего вкуса: чтеніе этой неотдѣланной вещи доставило намъ наслажденіе. Мы нашли въ этихъ набросках больше искренности и души, чѣмъ въ иномъ классически правильномъ и строго выдержанномъ созданіи. Пусть будетъ все это „неправильно", пусть въ рукописи попадаются грамматическія ошибки. Но (скажемъ словами издателей „Дневника" въ „Основѣ"), много ли найдется здѣсь ошибокъ въ пониманіи человѣка, природы, искусства и себя самого? У многихъ ли писателей найдется такое глубокое чутье высшей человѣческой *правды*, такая любовь къ ближнему? Не говоримъ о чертахъ высокаго дарованія, которыя свѣтятся поминутно среди всѣхъ недодѣлокъ. Повѣсть изобилуетъ штрихами, интересными для уясненія личности поэта. Эта сторона, признаемся, занимала насъ въ ней всего болѣе. Все, что писалъ Шевченко, всегда отличалось крайней субъективностью. Такъ и здѣсь: на каждой страницѣ мы видимъ его самого, добраго, чистаго сердцемъ, благороднаго... Всѣ эти черты не составляютъ характерныхъ отличій одной „Прогулки" (Матроса). Ими отличаются и другія русскія повѣсти Шевченка, гдѣ почти сплошь быль перемѣшана съ вымысломъ. и по прочтеніи которыхъ чистый образъ *кобзаря* выступаетъ еще лучезарнѣе" [1]).

Независимо отъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ или недостатковъ въ русскихъ произведеніяхъ Шевченка, эти произведенія во всякомъ случаѣ имѣютъ немаловажное значеніе для опредѣленія полно-

---

[1]) Отзывъ В. Г-ка въ газетѣ „Трудъ", 1881 г., № 122.

ты міровоззрѣнія Шевченка и его національныхъ симпатій. Въ своемъ „Обзорѣ украинской словесности“ г. Кулишъ говоритъ, что на совѣты нѣкоторыхъ писать общепринятымъ въ россійской имперіи языкомъ, изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, Шевченко, обзирая съ своего подоблачнаго полета несравненно обширнѣйшія, невѣдомыя другимъ пространства, отвѣтилъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Правда, мудри!
Спасыби за раду!
Теплый кожухъ, тилько шкода—
Не на мене шытый,
А розумне ваше слово
Брехнею пидбыте.

„И потомъ,—продолжаетъ г. Кулишъ,—развернувъ въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергіею стараго времени и разумною энергіею современнаго генія, онъ восклицаетъ:

Отъ—де мое добро, гроши,
Отъ—де моя слава!
А за раду спасыби вамъ—
За раду лукаву [1]). (Гайдамаки)

Но Шевченко говоритъ здѣсь только противъ исключительнаго употребленія русскаго языка въ своихъ произведеніяхъ и никогда не относился съ пренебреженіемъ къ этому языку. Русскія его произведенія доказываютъ, что во все время своей жизни поэтъ одинаково писалъ по-малорусски и по-русски, хотя и съ разнымъ успѣхомъ, и давалъ русской и малорусской рѣчи одинаковыя права гражданства въ семьѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій. А послѣ своей ссылки, подъ конецъ своей жизни, Шевченко смотрѣлъ на украинскую и русскую рѣчь, какъ на двѣ отрасли одного и того же русскаго языка, и, какъ мы видѣли, задумалъ написать поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ русскому и малороссу. Слѣдовательно, Шевченко далеко не былъ исключительнымъ малорусскимъ поэтомъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ былъ панславистъ и въ своемъ панславизмѣ старался примирить и объединить всѣ славянскія племена, а въ томъ числѣ и великорусское.

Правда, произведенія Шевченка на русскомъ языкѣ были только внѣшнею попыткою примиренія въ дѣятельности Шевченка двухъ род-

---

[1]) См. „Обзоръ украинской словесности“ Кулиша, въ „Основѣ“, за май, 1861 г., стр. 11—12.

ственныхъ литературъ, и притомъ попыткою не совсѣмъ удачною, не имѣвшею важныхъ практическихъ результатовъ. Но эта внѣшняя попытка получаетъ для насъ важное значеніе потому, что она была выраженіемъ и результатомъ болѣе внутреннихъ, интимныхъ связей между украинской поэзіей Шевченка и русской литературой и лучшими ея представителями. Конечно, Шевченко прежде всего былъ малороссъ и оставался болѣе или менѣе вѣренъ своей украинской натурѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изучалъ эпоху гусситизма въ Чехіи, подражалъ польскимъ и сербскимъ образцамъ и переводилъ ихъ и особенно подчинялся вліянію русскихъ поэтовъ—Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и др. Съ другой стороны, и поэзія Шевченка, становясь извѣстною другимъ славянскимъ племенамъ, должна была оказать на нихъ благотворное вліяніе и содѣйствовать дальнѣйшему преуспѣянію ихъ литературъ.

Внутреннія отношенія поэзіи Шевченка опредѣляются, въ значительной мѣрѣ, зависимостію развитія его таланта отъ устной и книжной украинской литературы и отъ литературъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, особенно поляковъ и русскихъ.

Объ отношеніи поэзіи Т Г. Шевченка къ народной украинской поэзіи принято мнѣніе, что Шевченко менѣе всего былъ копіистомъ и воспроизводителемъ устной народной украинской поэзіи, и что только въ болѣе слабыхъ своихъ произведеніяхъ онъ ближе подходитъ къ украинскимъ народнымъ пѣснямъ и думамъ. Мнѣніе это, хотя и высказанное г. Кулишомъ голословно, имѣетъ однако значительную долю правды на своей сторонѣ. Въ большихъ, лучшихъ произведеніяхъ Шевченка на малорусскомъ языкѣ народное преданіе служитъ для него только тэмою, или же даетъ ему основной мотивъ, а иногда и нѣкоторыя детали; но мелкія, сравнительно слабыя стихотворенія Шевченка нерѣдко представляютъ изъ себя только незначительную передѣлку украинскихъ пѣсенъ и преданій.

Мы уже замѣчали выше, что баллады—„Причинна", „Тополя" и „Утопленна" основаны на народныхъ украинскихъ сказкахъ и преданіяхъ; но можно указать и болѣе близкое отношеніе этихъ балладъ къ устной украинской поэзіи. Такъ напримѣръ, въ балладѣ „Причинна" смерть милой въ отсутствіи любимаго и любящаго козака, повидимому, есть воспроизведеніе одной чумацкой пѣсни, въ которой говорится слѣдующее:

Ой не виїхав молодий козак
За густиі лози,—
Ой узяли молоду дівчину
Дрібненькиі слези;
Ой не виїхавъ молодий козак
За билиі хати,—

Треба ж було молоду дівчину
На вітер підняти.
Ой не виїхав молодий козак
За високу могилу...
— Вертайсь, вертайсь, молодий козаче,
Роби домовину [1]).

Въ поэмѣ „Наймичка" почти буквально приводится народная украинская пѣсня о молодой вдовѣ, родившей двухъ сыновей и пустившей ихъ на Дунай:

Ой у поли могыла;
Тамъ удова ходыла,
Тамъ ходыла—гуляла;
Труты-зилля шукала.
Труты-зилля не найшла,
Та сынивъ двохъ прывела,
Въ кытаечку повыла
И на Дунай однесла..

Особенно въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ Шевченка замѣчаютъ воспроизведеніе народныхъ украинскихъ мотивовъ. Для примѣра, мы укажемъ на стихотворенія Шевченка: „Ой не пьютця пива—меди" и „У тиеі Катерини", которымъ можно отыскать двойниковъ въ украинской народной поэзіи. Вотъ первое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Шевченка:

Ой не пьються пыва—меды,
Не пьеться вода,—
Прылучылась зъ чумаченькомъ
У степу бида:
Заболила головонька,
Заболивъ жывитъ;
Упавъ чумакъ коло возу,
Упавъ та й лежыть.
Изъ Одесы преславнои
Завезлы чуму;
Покынулы товарыша,
Горенько ему!
Волы его коло возу
Понуро стоять;
А изъ степу гайвороны
До его летять.

1) См. „Чумацкія пѣсни", Рудченка, Кіевъ, 1874 г., стр. 195

„Ой, не клюйте, гайвороны,
Чумацького трупу!
Наклювавшысь, подохнете
Коло мене вькупи.
Ой полетить, гайвороны,
Мои сызокрыли,
До батечка, та скажите,
Щобъ службу служылы,
Та за мою гришну душу
Псалтырь прочыталы,
А дивчини молоденькій
Скажить, щобъ не ждала".

Подобнымъ образомъ воспѣвается смерть чумака въ одной чумацкой народной пѣснѣ:

Ой сидить пугачъ та на могилі,
Та на вітер надувся:
Ой сидить чумак на переднім возі,
Та вже лиха здобувся.
Ой сидить чумак на переднім возі—
На важницю схилився,—
Ой правою та рученькою
Та за серце вхопився.
— „Ой ви чумаки, молодеэ браття,
Зробіть же ви славу:
Та викопайте мині молодому
Та глибокую яму.
Ой ви чумаки, молодеэ браття,
Ви люде пригожі,—
Та побудуйте мині молодому
Домовину з рогожі!
Ой котилося та яснеэ сонце
Та між могилками...
Ой уже ж мині не чумаковати
Та із вами чумаками.
Ой як же буде з вас котрий, браття,
В своій сторононьці,—
Поклоніться отцю, моій старій неньці,
И моій дівчиноньці [1]).

[1]) См. „Чумацкія пѣсни", Рудченка, № 25, стр. 131—132.

Небольшое стихотвореніе Шевченка „У тиеі Катерини" есть довольно близкая передѣлка народной пѣсни о Марусѣ. О Катеринѣ Шевченко разсказываетъ слѣдующее:

У тыеи Катерыны
Хата на помости;
Изъ славного Запорожжя
Найихалы гости:
Одинъ—Семенъ Босый,
Другый—Иванъ Голый,
Третій—славний вдовыченко
Иванъ Ярошенко.
— Зъйиздылы мы Польщу
И всю Украину,
А не бачылы такои,
Якъ се Катерына.
Одинъ каже: „брате,
Якъ бы я багатый,
То оддавъ бы все золото
Оцій Катерыни
За одну годыну".
Другый каже: „друже,
Якъ бы я бувъ дужый,
То оддавъ бы я всю сылу
За одну годыну
Оцій Катерыни".
Третій каже: „диты,
Нема того въ свити,
Чого бъ мени не зробыты
Для сіеи Катерыны
За одну годыну".—
Катерына задумалась
И третему каже:
„Есть у мене братъ едыный
У неволи вражій—
У Крыму десь пропадае.
Хто его достане,
То той мени, запорожци,
Дружыною стане".
Разомъ повставалы,
Коней посидлалы,
Пойихалы вызволяты
Катрыного брата.

Одынъ утопывся
У Днипровимъ гирли;
Другого въ Козлови
На килъ посадылы;
Третій—Иванъ Ярошенко,
Славный вдовыченко,
Зъ лютои неволи,
Изъ Бакчысараю,
Брата вызволяе.
Заскрыпилы рано двери
У велыкій хати.
—„Вставай, вставай, Катерыно,
Брата зостричаты!"
Катерына подывылась
Та й заголосыла:
—„Се не братъ мій—се мій мылый!
Я тебе дурыла".
—„Одурыла!.." и Катрына
До-долу скотылася
Головонька...—„Ходимъ, брате,
Зъ поганои хаты!"
Пойихалы запорожци
Витеръ доганяты...
Катерыну чорнобрыву
Въ поли поховалы;
А славныи запорожци
Въ степу побраталысь.

Въ народной пѣснѣ подобнымъ образомъ обманываетъ Маруся козака и за то погибаетъ отъ его рукъ:

Маруся, Маруся недужа лежала,
Марусина трой-зілля бажала:
— „Ой хто мені трой-зілля достане,
Той зо мною на вінчані стане".
Обізвався козакъ молоденький:
— „Ой е въ мене три кони на стані—
Воронимъ конемъ до моря доіду,
Сивимъ конемъ море переіду,
Білимъ конемъ до зілля доіду".
Ой ставъ козакъ трой-зілля копати,
Стала ему зозуля ковати:
—„Покінь, козаче, трой-зілля копати!
Вже въ Марусі весілля у хаті".

Козакъ пріѣзжаетъ ко двору нареченнаго тестя своего и снимаетъ Марусѣ съ плечь голову:

Эй, ой я думавъ, да що вітеръ шумить,
А тожъ Марусена съ плечь головка летить... [1]).

Укажемъ еще на поэму Шевченка „Петрусь", которая представляетъ изъ себя воспроизведеніе историческаго народнаго преданія, соединеннаго съ тѣмъ же именемъ Петруся. Поэма Шевченка повѣствуетъ, что дочь пановъ-хуторянъ выдана была замужъ за богатаго генерала, котораго она не могла полюбить. Въ приданое дали ей мальчика-свинопаса, Петруся Молодая генеральша взяла его въ комнаты, принарядила и затѣмъ отдала въ школу. Наконецъ, Петрусь окончилъ курсъ въ Кіевѣ. Генеральша полюбила молодаго своего воспитанника грѣшною любовью и отравила своего постылаго мужа. Она должна была подвергнуться заслуженному наказанію за свое преступленіе; но Петрусь принялъ ея вину на себя, закованъ былъ въ кандалы и отправленъ въ Сибирь.

Народная пѣсня разсказываетъ о томъ же, повидимому, Петрусѣ, но съ разницею въ развязкѣ. Вотъ эта пѣсня:

Ой далеко чути такую новину,
Що вбито Петруню въ глибокій долині.
Тожъ за тую паню, а що собі пана мала,
А що собі пана мала, а Петруню кохала.
Ой приіхавъ панъ вельможний у Прилуку въ гості,
Прийшовъ Петро—Петруня а до вельможноі въ гості.
Ой бувъ же у пана вірнесенький слуга,
Узявъ не пожалувавъ вороненького коня,
Та й нагнавъ вінъ пана у калиновімъ мості:
— „Вернись, вернись, пане, е Петруня въ гостяхъ".
Була жъ у пані вірнесенька слуга,
Вийшла у сінечки, вийшла собі стиха:
— „Тікай, Петре—Петруню, буде тобі лихо!"
Ой ставъ же Петруня зъ покою вставати,
Та й изустрівъ вельможного пана на порозі;
Ставъ же вінъ у пана милости прохати:
— „Чи не можна бъ, пане, життя дарувати?"

Панъ велѣлъ его бросить въ Дунай [1]).

Кромѣ народныхъ, въ поэзіи Шевченка есть и такіе мотивы, которые заимствованы имъ изъ искусственной украинской литературы.

---

[1]) См. „Пісни про кохання", Лавренка, Кіевъ, 1864 г., стр. 146—148.
[1]) См. „Пісни про кохання", Лавренка, стр. 62—64.

Изъ предшественниковъ своихъ въ украинской литературѣ Шевченко ближе всего подходитъ къ Г. Ѳ. Квиткѣ съ его сентиментальными повѣстями изъ украинскаго быта, какъ это замѣчалъ уже и самъ Квитка. 23 октября, 1840 года, по поводу „Катерины" Шевченка, Квитка писалъ ему слѣдующее: „А что Катерина, такъ ужъ подлинно Катерина! Хорошо, батюшка, хорошо! Больше не умѣю сказать. Вотъ такъ-то москалики военные обманываютъ нашихъ дѣвушекъ. Написалъ и я „Сердешну Оксану", вотъ точнехонько какъ и ваша Катерина. Прочитаете, какъ г. Гребенка напечатаетъ. Какъ это мы одно думали про бѣдныхъ дѣвушекъ да про бусурманскихъ солдатъ" [1]). Надобно полагать, что руководитель Шевченка Е. П. Гребенка познакомилъ его и съ произведеніями Квитки. Изъ позднѣйшихъ украинскихъ писателей Шевченко имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Гребенкѣ и особенно къ Н. И. Костомарову и П. А. Кулишу. Они обогатили Шевченка историческими свѣдѣніями и взглядами къ пониманію прошлаго Малороссіи, а одинъ эпизодъ изъ „Черной Рады" Кулиша вдохновилъ Шевченка къ созданію поэмы „Чернецъ". Романъ „Чорна Рада", по сознанію самого автора, былъ оконченъ имъ еще въ 1846 году [2]) и еще въ рукописи извѣстенъ былъ Т. Г. Шевченку. Въ этомъ романѣ, между прочимъ, есть коротенькій разсказъ о поступленіи старыхъ запорожцевъ въ монахи въ кіево-братскомъ монастырѣ. „Дивлятця нашi на тиi на малеванi дива, доходять уже до дзвоницi, ажъ слухають—за оградою щось гуде, стугонить, наче грiмъ грiмить, оддалеки, и музыки играють.—„Се каже ченчикъ, що провожавъ iхъ по манастиревi,—се добриi молодцi запорожцi по Киеву гуляють. Вачте, якъ нашi бурсаки-спудеi бiжать за ворота? Жадною мiрою не вдержишъ iхъ, якъ зачують запорожцiвъ. Бiда намъ", и проч. На основаніи этого разсказа Шевченко написалъ въ 1848 году свое стихотвореніе „Чернецъ", съ примѣненіемъ къ Семену Палію, и посвятилъ его П. А. Кулишу.

Изъ корифеевъ русской литературы имѣли вліяніе на развитіе Шевченка Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ. Мы уже замѣчали выше, что первыя произведенія Шевченка написаны въ формѣ баллады, въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго. Что касается знакомства Т. Г. Шевченка съ поэзіей Пушкина, то объ этомъ г. Кулишъ говоритъ слѣдующее: „Пушкина зналъ онъ наизусть, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ" [3]). Изъ „Девника" же самого Шевченка мы видимъ, что онъ зналъ наизусть и многія стихотворенія Лер-

---

[1]) „Основа", іюль 1861 г., стр. 6.
[2]) См. „Основу", апрѣль, 1861 г., стр. 70; сн. „Хуторну поэзію" Кулиша.
[3]) Тамъ же, за январь, 1862 г., библіографія, стр. 60—61.

монтова, называлъ его великимъ поэтомъ, а стихи его „очаровательными“ [1]). Знакомство Шевченка съ этими поэтами нерѣдко выражалось въ его стихотвореніяхъ буквальнымъ почти цитированіемъ отдѣльныхъ стиховъ изъ этихъ поэтовъ. Вотъ два такихъ мѣста изъ произведеній Шевченка:

Не спалося, а ничъ якъ море,—
Хочъ дiялось не въ осени,
Такъ у неволи. До стины
Не заговоришъ ни про горе,
Ни про младенческіе сны...

Въ другомъ стихотвореніи, говоря о пророкѣ Божіемъ, или поэтѣ, Шевченко продолжаетъ:

Жыва
Душа поэтова святая,
Жыва въ святыхъ своихъ речахъ;
И мы, чытая, оживаемъ
И чуемъ Бога въ небесахъ...

Но можно указать и болѣе тѣсныя связи поэзіи Шевченка съ произведеніями нашихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова. Мы здѣсь особенно имѣемъ въ виду „Наймичку“ Шевченка и нѣсколько его отрывочныхъ стихотвореній о пророкѣ или поэтѣ, на которыхъ болѣе существеннымъ образомъ отразилось вліяніе Пушкина и Лермонтова.

Поэму „Наймичка“ К. Шейковскій считаетъ плодомъ не нашей, т. е. не малорусской почвы [2]). На какой почвѣ выросла эта поэма, К. Шейковскій не говоритъ; но мы не можемъ не обратить своего вниманія на то обстоятельство, что сюжетъ ея еще раньше разработанъ былъ А. С. Пушкинымъ въ его романсѣ „Подъ вечеръ осени ненастной“, въ которомъ выводится на сцену несчастная покрытка дѣвушка, которая съ болью и страхомъ въ сердцѣ, со скорбными причитаньями, пробирается осеннею ночью, пустынными мѣстами, чтобы подбросить своего невиннаго ребенка на порогъ чужаго дома.

Склонившись, тихо положила
Младенца на порогъ чужой,
Со страхомъ очи отвратила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Свою поэму Шевченко начинаетъ совершенно такъ же, какъ и Пушкинъ, но только ведетъ ее далѣе, разсказывая о судьбѣ подкину-

---

[1]) Тамъ же, сентябрь, 1861 г., стр. 20; ноябрь—декабрь, 1861 г., стр. 11—13; февраль, 1862.

[2]) Въ „Опытѣ южно-русскаго словаря“.

таго ребенка и злополучной его матери, которая нанимается къ принявшимъ ея ребенка старикамъ въ работницы и лелѣетъ его до своей смерти, скрывая свои материнскія чувства и званіе.

Извѣстно, что Пушкинъ и Лермонтовъ неразъ изображали въ своихъ стихотвореніяхъ пророка и вдохновеннаго поэта, разумѣя подъ этимъ пророкомъ или поэтомъ самихъ себя. Таковы—„Пророкъ“, „Поэтъ“ и „Чернь“ Пушкина и „Пророкъ“ Лермонтова. И Шевченко любилъ иногда обращаться къ этому предмету: въ его стихотвореніяхъ мы нашли три отрывка о пророкѣ или поэтѣ. Въ „Перебендѣ“ о немъ говорится слѣдующее:

Старый заховавсь
Въ степу на могыли, щобъ нихто не бачывъ,
Щобъ витеръ по полю слова розмахавъ,
Щобъ люде не чулы; бо то Боже слово
То серце поволи зъ Богомъ розмовля,
То серце щебече Господнюю славу,
А думка край свита на хмари гуля,
Орломъ сизокрылымъ литае, шыряе,
Ажъ небо блакытне шырокымы бье;
Спочыне на сонци, его запытае,
Де воно ночуе, якъ воно встае;
Послухае моря, що воно говорыть;
Спыта чорну гору: чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на нiй, широкій, куточка нема
Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
Що море говорыть, де сонце ночуе.
Его на симъ свити нихто не прыйма.
Одынъ винъ мижъ ными, якъ сонце высоке;
Его знають люде, бо носыть земля;
А якъ бы почулы, що винъ одынокый
Спива на могыли, зъ моремъ розмовля,—
На Божее слово воны бъ насміялысь,
Дурнымъ бы назвалы, одъ себе бъ прогналы.
„Нехай по-надъ моремъ,—скавалы бъ,—гуля!“

Здѣсь основная мысль объ одиночествѣ и безпріютности поэта, о насмѣшкахъ толпы надъ нимъ,—таже самая, что въ „Пророкѣ“ Лермонтова; но Шевченковъ „Перебендя“ отчасти похожъ, по своему знанію сокровенныхъ тайнъ природы, и на Пушкинскаго „Пророка“, который говоритъ о себѣ:

Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.

Моихъ ушей коснулся онъ (серафимъ),
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье...

Въ другомъ стихотвореніи Шевченко говоритъ о пророкѣ Божіемъ, котораго лукавый родъ людской побилъ камнями и за это наказанъ былъ Богомъ:

Неначе праведныхъ дитей,
Господь любя своихъ людей,
Пославъ на землю имъ пророка—
Свою любовъ благовистыть,
Святому розуму учыть;
Неначе нашъ Днипро шырокый,
Слова его лылысь—теклы
И въ серце падалы глыбоко,
И, нибы тымъ огнемъ, пеклы,
Холодни души. Полюбылы
Пророка люде и молылысь
Ему, и слезы знай лылы.
А потимъ... люде, родъ лукавый,
Господнюю святую славу
Ростлилы и чужымъ богамъ
Пожерлы жертвы, омерзылысь,
И мужа свята—горе вамъ!—
На стогнахъ каменемъ побылы
И заходылыся гулять,
Святою кровью шынкувать.
И праведно Господь велыкый
На васъ на лютыхъ, на васъ дыкыхъ
Кайданы повеливъ кувать,
Глыбоки тюрмы муровать.

Это стихотвореніе Шевченка во многомъ напоминаетъ своимъ содержаніемъ стихотвореніе А. С. Пушкина „Чернь".

Вліяніемъ на развитіе Шевченка нашихъ знаменитыхъ русскихъ поэтовъ объясняется и близость языка Шевченка къ великорусскому литературному языку, особенно Пушкинскому. „Всего удивительнѣе и всего важнѣе,—говоритъ Кулишъ,—въ стихахъ нашего поэта то, что они ближе нашихъ народныхъ пѣсенъ и ближе всего, что написано по-малороссійски, подходитъ къ языку великорусскому, не переставая

въ то же время носитъ чистый характеръ украинской рѣчи. Тайна этого явленія заключается, можетъ быть, въ томъ, что поэтъ, неизъяснимымъ откровеніемъ прошедшаго, которое сказывается вѣщей душѣ въ настоящемъ, угадалъ ту счастливую средину между двухъ разрознившихся языковъ, которая была главнымъ условіемъ развитія каждаго изъ нихъ. Малороссіяне, читая его стихи и удивляясь необыкновенно смѣлому пересозданію въ нихъ своего языка и близости его формъ къ стиху пушкинскому, не чувствуютъ однако жъ того непріятнаго разлада, какимъ поражаетъ его у всякаго другаго писателя заимствованіе словъ, оборотовъ или конструкцій изъ языка иноплеменнаго. Напротивъ, здѣсь чувствуется прелесть, въ которой не можешь дать себѣ отчета, но которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго ни въ одной славянской литературѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что поэтъ нашъ, черпая одной рукой содержаніе своихъ пѣснопѣній изъ духа и слова своего племени, другую простираетъ къ сокровищницѣ духа и слова сѣверно-русскаго" [1]. „Оттого,—скажемъ словами Н. И. Костомарова,—поэзія Шевченка понятна и родственна великоруссамъ. Для того, чтобы сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно малороссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучить малорусскую этнографію... Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія" [2].

Кромѣ русской литературы, Шевченко знакомъ былъ и съ лучшими представителями польской литературы. Онъ пробовалъ переводить лирическія пьесы Мицкевича. Правда, опыты переводовъ изъ Мицкевича оказались неудачными; но во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ переводчика съ поэзіей Мицкевича, который могъ, поэтому, раздѣлить съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ извѣстную долю вліянія на украинскаго поэта. Недаромъ, поэтому, нѣкоторые критики сопоставляли Шевченка съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ и ставили его на срединѣ между ними: „По красотѣ и силѣ многіе поставляли его (Шевченка) наравнѣ съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ",—говоритъ А. А. Григорьевъ. „Мы готовы идти даже дальше въ этомъ: у Тараса Шевченка есть та нагая красота выраженія народной поэзіи, которая развѣ только искрами блистаетъ въ великихъ поэтахъ художникахъ, каковы Пушкинъ и Мицкевичъ, и которая на каждой страницѣ „Кобзаря" поразитъ васъ у Шевченка... Шевченко еще ничего условнаго не боит-

---

[1] „Русская Бесѣда", 1857 г., кн. 3, стр. 138.

[2] „Воспоминанія о двухъ малярахъ", въ „Основѣ", за апрѣль, 1861 г., стр. 54.

ся; нужны ему младенческій лепетъ, народный юморъ, страстное ворнованье; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, и все это выйдетъ у него свѣжо, могуче, наивно, страстно, или жарко, какъ самое дѣло. У него дѣйствительно есть и уносящая, часто необузданная страстность Мицкевича, есть и прелесть пушкинской ясности, такъ что дѣйствительно по даннымъ, по силамъ своего великаго таланта, онъ стоитъ какъ бы въ срединѣ между двумя великими представителями славянскаго духа. Натура его поэтическая шире своею многосторонностью натуры нашего могучаго, но односторонняго, какъ сама его родина, представителя русской Украйны Кольцова; свѣтлѣе, проще и искреннѣе натуры Гоголя, великаго поэта Малороссіи, поставившаго себя въ ложное положеніе быть поэтомъ совершенно чуждаго ему великорусскаго быта... Да! Шевченко—послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра [1]).“

Изъ числа остальныхъ славянскихъ литературъ Шевченко обнаружилъ большее или меньшее знакомство съ литературами чешской и сербской. Изъ чешской онъ изучалъ періодъ гусситизма и питалъ особенное сочувствіе къ Шафарику, которому написалъ особое стихотворное посланіе и посвятилъ свою поэму „Иванъ—Гусъ“. А свое знакомство съ сербской литературой Шевченко заявилъ только своимъ „подражаніемъ сербскому“, которое написано было имъ 4-го мая 1860 года.

Будучи однимъ изъ первоклассныхъ поэтовъ славянскаго міра, Шевченко, конечно, долженъ былъ произвести своей поэзіей въ духѣ славянскаго возрожденія болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на всѣ славянскія племена и содѣйствовать дальнѣйшему развитію ихъ литературъ. О впечатлѣніи, произведенномъ поэзіей Шевченка на весь славянскій міръ, свидѣтельствуютъ многочисленные переводы его произведеній почти на всѣ важнѣйшія живыя славянскія нарѣчія, не говоря уже о переводахъ на нѣмецкій и другіе неславянскіе языки. Извѣстны переводы всего „Кобзаря“ или нѣкоторыхъ только произведеній Шевченка на языки болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и русскій. Но наибольшую долю вліянія Шевченко долженъ былъ оказать и дѣйствительно оказалъ на свою родную украинскую литературу и на сосѣднія литературы: русскую, польскую и галицко-русинскую. Въ русской литературѣ Шевченко былъ однимъ изъ передовыхъ борцовъ за человѣческія права порабощеннаго крѣпостничествомъ простаго народа и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставленъ въ параллель съ русскимъ поэтомъ

---

1) „Время“, апрѣль, 1861 г., стр. 636—7. Сн. „Русскую Старину“, за мартъ, 1880 г., стр. 594—5.

Н. А. Некрасовымъ, такимъ же пѣвцомъ народнаго горя. Въ польской литературѣ поэзія Шевченка содѣйствовала образованію партіи молодыхъ поляковъ-„хлопомановъ“, примкнувшихъ къ украинскому литературному и научному движенію въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка. Что же касается украинской и родственной ей галицко-русинской литературъ, то онѣ и до сихъ поръ продолжаютъ свое развитіе подъ сильнымъ вліяніемъ поэзіи Т. Г. Шевченка.

VI.

Новѣйшая украинская литература.

Новое украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣетъ близкія и тѣсныя связи съ прежнимъ украинофильствомъ, отличаясь отъ него лишь большею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни Прежнее украинофильство поставляло въ числѣ своихъ задачь приготовленіе простаго южнорусскаго народа къ освобожденію отъ крѣпостничества путемъ его образованія. Теперь же, съ прошлаго царствованія, освобожденіе простаго русскаго народа отъ крѣпостной зависимости стало предметомъ заботъ самого правительства и встрѣчало лишь препятствія въ значительной части душевладѣльцевъ—помѣщиковъ. Поэтому первою насущною потребностію украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало—доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа. На этомъ пунктѣ интересы русской и украинской литературъ слились между собою до того, что одни и тѣже писатели (напр. Марко Вовчокъ) одновременно писали свои повѣсти въ народномъ духѣ и по-украински и по-русски. Когда же въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка освобожденіе простаго народа отъ крѣпостной зависимости стало дѣйствительнымъ фактомъ, тогда явилась особенная нужда въ ознакомленіи и сближеніи привиллегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего потребовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многоразличныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны—возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія. Эти двѣ задачи опять таки были предметомъ общихъ усилій просвѣщенныхъ людей и на югѣ и на сѣверѣ Россіи; но въ подробностяхъ эти задачи уже нѣсколько разнились у южанъ и сѣверянъ.

Изучая простой украинскій народъ, малорусская интеллигенція, вслѣдъ за прежними украинофилами Н. И. Костомаровымъ и П. А. Кулишомъ, усматривала въ этомъ народѣ особое славянское племя, со своими отличительными особенностями и языкомъ, имѣющее право на свою особую, своеобразную жизнь. Указывались особенности этнографическія, историческія, лингвистическія. Въ области изслѣдованія малорусской этнографіи болѣе или менѣе извѣстны, послѣ Кулиша, — Л. Жемчужниковъ, П. Ревякинъ, А. Лонащевскій, М. Драгомановъ, М. Симоновъ (Номисъ), А. Русовъ, И. Рудченко и др. и особенно П. П. Чубинскій; въ исторіи, кромѣ Н. И. Костомарова, В. Б. Антоновичъ; въ лингвистикѣ К. Шейковскій, А. А. Потебня, П. И. Житецкій и др. Въ силу племенныхъ особенностей и преимущественно лингвистическихъ, малорусская интеллигенція стала требовать для образованія украинскаго простонародья и языка народнаго, т. е. украинскаго. Русскій литературный языкъ и русская литература, по представленію новѣйшихъ украинофиловъ, суть искусственныя, ненародныя произведенія, непонятныя простому народу, и потому не могутъ быть орудіемъ народнаго образованія. Отсюда вытекали слѣдующіе выводы: русскій литературный языкъ первоначально самъ долженъ оживиться народными элементами для того, чтобы быть орудіемъ народнаго образованія, и необязателенъ для обученія малороссовъ, которые имѣютъ свой языкъ, чисто народный. Органомъ этихъ идей былъ журналъ „Основа", издававшійся въ 1861 и 1862 гг. Въ послѣдствіи времени, впрочемъ, нашли возможнымъ совмѣстить въ дѣлѣ народнаго образованія въ Малороссіи русскій литературный языкъ съ малорусскимъ и рекомендовали или начинать первоначальное обученіе съ малорусскаго языка и заканчивать литературнымъ русскимъ, или употреблять двухтекстные учебники на обоихъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, обученіе на народномъ малорусскомъ нарѣчіи или, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ участіемъ его составляло особенный предметъ заботливости южнорусскихъ интеллигентныхъ людей въ началѣ прошлаго царствованія Съ 1857 по 1862 годъ, т. е. въ теченіи шести лѣтъ, явилось не менѣе десяти букварей, граматокъ и учебныхъ пособій украинскихъ для народнаго обученія, и въ томъ числѣ Кулиша, Шевченка, Шейковскаго, Гатцука, Деркача, Грещанковскаго, Дарагана, Ященка, Мороза, А Кониськаго, и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ издано было значительное число популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія, и между ними проповѣди Гречулевича и Бабченка, и множество народныхъ повѣстей и разсказовъ, подъ общимъ названіемъ „метеліковъ", перепечатывавшихся изъ „Хаты" Кулиша (1860 г.), журнала „Основы" и др. Въ послѣдствіи времени эта популярная малорусская литература стѣснена была въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но всетаки временами проявляла себя изданіемъ популярныхъ брошюръ, ка-

сающихся ближайшихъ житейскихъ интересовъ простаго украинскаго народа. Между 1874—1876 и 1881—1883 годами изданъ былъ цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ малорусскихъ брошюръ, сообщающихъ популярныя свѣдѣнія о небѣ и землѣ, земныхъ силахъ, почвѣ, воздухѣ, земледѣліи, громѣ и молніи, звѣряхъ, насѣкомыхъ, болѣзняхъ, мировыхъ судахъ, воинской повинности, дифтеритѣ, землѣ и людяхъ въ Россіи и проч., каковы напримѣръ брошюры Горбунова (переводы), Иванова (въ переводахъ г. Комарова), Менчица, Троцкаго, Степовика, Хвидоровскаго, К. Гамаліи, В. Чайченка и др.

Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтить его опредѣлялась и изящная украинская литература первыхъ лѣтъ прошлаго царствованія. Большая часть беллетристическихъ произведеній, помѣщавшихся въ журналѣ „Основа" за 1861 и 1862 годы, имѣетъ характеръ эскизовъ съ натуры и пересказовъ „изъ народныхъ устъ", какъ часто и озаглавливались они. Въ такомъ духѣ прежде всего писала Марко Вовчокъ, лучшая писательница этого времени: первые эскизы свои она предназначала для „Записокъ о южной Руси" Куляша и слѣдовательно первоначально работала, какъ чистый этнографъ. За нею слѣдуетъ цѣлый рядъ украинскихъ писателей въ томъ же этнографическомъ и эскизномъ направленіи, изъ коихъ болѣе другихъ извѣстны: А. Я. Кониссвій, Д. Мордовцевъ въ своихъ малорусскихъ повѣстяхъ, А—ра М. Кулишъ, писавшая подъ псевдонимами Ганны Барвинокъ и А. Нечуй-Вітеръ, и М. Т. Симоновъ подъ псевдонимомъ Номиса[1]). Сюда же должно отнести и И. С. Левицкаго (Нечуя) съ его повѣстями и разсказами изъ простонароднаго украинскаго быта. Но съ него уже начинается нѣкоторый поворотъ въ простонародномъ направленіи украинской литературы, которая теперь, послѣ фактическаго уничтоженія крѣпостнаго рабства, занимается изображеніемъ другихъ неблагопріятныхъ соціально-общественныхъ условій крестьянскаго и вообще простонароднаго быта. Представителями этой разновидности въ новѣйшей простонародной украинской литературѣ являются П. Мирный, М. Л. Кропивницкій и отчасти Я. И. Щоголевъ въ позднѣйшей своей поэтической дѣятельности [2]).

---

[1]) Произведенія ихъ перечислены въ „Покажчикѣ" Комарова, 1883 г. Изъ этихъ писателей болѣе плодовитъ А. Я. Кониссвій, писавшій въ русскихъ и преимущественно заграничныхъ изданіяхъ или только подъ иниціалами О. Я. К—ій, или подъ псевдонимами Ѳ. Верниволя или Ѳ. В., О. Журавель, О. Кошовий, Маруся К.. О. Перебендя, О. Сирота и О. Яковенко; но очень трудно собрать всѣ сочиненія этого писателя.

[2]) Другіе менѣе замѣчательные украинскіе писатели въ простонародномъ направленіи суть слѣдующіе: П. Кузьменко (Косменко), Данило (псевдонимъ), Забоцень (псевдонимъ), Модестъ Дымскій, Митро Олелькович (Димит. Але-

Въ такомъ направленіи своемъ, попреимуществу простонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣетъ полное право на существованіе и дальнѣйшее развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентные классы общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скудную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. То и другое мы и видимъ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Изъ переводчиковъ на малорусскую рѣчь съ другахъ языковъ извѣстны: С. Руданскій (Слово о полку Игоревѣ и Одиссея), В. А. Кендзерскій (Слово о полку Игоревѣ; Кременчугъ, 1875 г.), Л. Глѣбовъ, Мазюкевичъ и Р. Витавскій со своими переводами басенъ Крылова и др., Мордовцевъ (переводы изъ Гоголя въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“, Саратовъ, 1859 г.), М. Лобода или Лободовскій („Тарасъ Бульба, зъ Гоголя“, Кіевъ, 1873 г.), О. Пчілка („Переклады зъ Гоголя“, Кіевъ, 1881 г., также изъ Лермонтова, Козлова и Сырокомли), Вл. Александровъ („Малоруські співанки“, переводы изъ Лермонтова и Козлова, Харьковъ, 1880 г.), А. А. Навроцкій (переводы изъ Мицкевича, Хомякова и Гейне), Л. Ященко („Пташина пісня“, изъ Андерсена, въ „Основѣ“ за 1862 г.), И. С. Левицкій („Повість про те, якъ мужикъ харчувавъ двохъ генералівъ“, изъ Щедрина, въ „Русской Читанкѣ“ Партицкаго, Львовъ, 1871 г.), М. Гетьманецъ (изъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др.), М. П. Старицкій (онъ же и Старыченко), извѣстный своими переводами изъ Крылова, Лермонтова, Гоголя, сербскихъ народныхъ пѣсенъ, Мицкевича, Сырокомли, Шекспира, Байрона, Гейне и сказокъ Андерсена; П. Нищинскій („Антигона“. Драматична дія Софокла,—Одесса, 1883 г.) Кромѣ того, въ послѣднее время г. Кулишъ издаетъ сочиненія Шекспира въ малорусскомъ переводѣ. Разумѣется, лучше удались переводы тѣхъ произведеній, которыя ближе и понятнѣе народному сердцу и умственному развитію и потому безъ

ксандровичъ), М. Н. Александровичъ, Степанъ Носъ, Ка—па, Ѳ. Вильшанскій, В. Г—гл—ській, Вс. Каховскій, В. Тищенко, Мих. Чайка, Кузьма Шаповалъ (К. Шохинъ), Павло Шуликъ изъ крестьянъ, Л. Ященко, Влад. Александровъ, Прохоръ Данилевскій, Алексѣй Грабина, Н. Короленко, Ф. Левицкій, М. Лобода, Григ. Лядовъ, Маркъ Онукъ, Готфридъ Оссовскій, Очеретяный, Стеценко (Нордега Черноморецъ), Цись, Бабенко, Карий Гнатъ, Лопухъ, В. П. Жуковскій („Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго быта“), и др.

натяжки могли быть выражены наличнымъ запасомъ малорусскаго словаря. Въ этомъ отношеніи лучшими считаются переводы Глѣбова—басенъ Крылова, и Старицкаго—сербскихъ народныхъ пѣсенъ.

Другіе малорусскіе писатели, прозаики и стихотворцы, пытались обогатить украинскую литературу болѣе или менѣе самостоятельными украинскими произведеніями, но они большею частію не выходили изъ круга подражанія своимъ и чужимъ образцамъ. Особенно много было подражателей Шевченка или продолжателей его дѣла, изъ коихъ, впрочемъ, никто почти не выдвинулся изъ ряда посредственностей. Къ числу малорусскихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, подражавшихъ Шевченку или воспроизводившихъ украинскія народныя пѣсни и преданія, относятся: Білокопитий (псевдонимъ), Бойчукъ, Вешнякъ, Ф. Галузенко, И. Горза, С. В. Куликъ, Павлусь (П. П. Чубинскій), Тирса, Таволга-Мокрицкій, помѣщавшіе свои стихотворенія въ „Основѣ"; также Грі-ненко, Грінченко, Н. Константиновичъ, Кохнівченко (Клейфъ), Е. Ластивка, графъ Биберштейнъ (Ф. Левицкій), К. Маляревскій, Н. Мельникъ, Ив. Подушка изъ крестьянъ, М. Семенюкъ, Старушенко, Н. Шибитко, М. Юркевичъ, Кононенко и др. Но изъ нихъ заслуживаютъ вниманія развѣ только г. Куликъ, бывшій въ Полтавѣ учителемъ († около 1874 года), и Павлусь (Чубинскій). Изъ другихъ новѣйшихъ украинскихъ писателей, подражавшихъ лучшимъ образцамъ другихъ литературъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія С. Руданскій, слѣдовавшій иногда русскимъ писателямъ Кольцову и Некрасову, и И. С. Левицкій (Нечуй), въ большихъ своихъ повѣстяхъ слѣдовавшій за Тургеневымъ.

Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣчать два существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ вглубь народнаго міровоззрѣнія и сознанія и ищетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ вширь, старается раздвинуть тѣсную сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованіями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надлежащей жизненности. Въ этомъ заключаются существенные недостатки современной малорусской литературы, не смотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей.

Къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ новѣйшей украинской литературы мы относимъ Марка-Вовчка, И. С. Левицкаго, П. Мирнаго, М. Л. Кропивницкаго, Я. И. Щоголева, Л. И. Глѣбова, С. Руданскаго и М. П. Старицкаго.

1.

Марко-Вовчокъ.

Марко-Вовчокъ [1]) есть псевдонимъ, подъ которымъ скрывается М. А. Маркевичъ, урожденная Вилинская, получившая воспитаніе въ одномъ изъ сѣверно-русскихъ институтовъ. Въ юности своей она жила нѣсколько времени въ Орлѣ, кажется, въ семьѣ родственниковъ своихъ Мордовцевыхъ, изъ которыхъ одинъ служилъ секретаремъ орловской гражданской палаты. Въ это самое время, когда она жила дѣвицею въ Орлѣ у своихъ родственниковъ, сюда же, въ Орелъ, былъ присланъ подъ надзоръ губернатора, князя П. И. Трубецкаго, студентъ кіевскаго университета Аѳанасій Васильевичъ Маркевичъ, извѣстный малороссійскій патріотъ и народолюбецъ. Находясь подъ надзоромъ, Маркевичъ служилъ помощникомъ правителя канцеляріи орловскаго губернатора при правителѣ Порохонцевѣ. Маркевичъ былъ коротко принятъ въ домѣ Мордовцевыхъ, гдѣ у всѣхъ тогда жили сильныя малороссійскія симпатіи, доставлявшія въ свое время поводъ безпокоиться мѣстному жандармскому полковнику изъ поляковъ г. Н—му. Аѳанасій Васильевичъ попалъ въ Орелъ въ ссылку по такъ называемой „Костомаровской исторіи" и былъ очень интереснымъ лицомъ, особенно для любителей малороссійскаго быта и малороссійской рѣчи. Кромѣ своего интереснаго политическаго положенія, Аѳанасій Васильевичъ сосредоточивалъ въ себѣ много превосходныхъ душевныхъ качествъ, которыя влекли къ нему сердца чуткихъ къ добру людей, пріобрѣтали ему любовь и уваженіе всѣхъ, кто узнавалъ его благороднѣйшую душу. Литературное образованіе его было очень обширно, и онъ обладалъ умѣньемъ заинтересовывать людей литературою. Въ этомъ отношеніи онъ принесъ въ Орлѣ пользу многимъ. Этотъ-то замѣчательный молодой человѣкъ встрѣтилъ Марью Александровну Вилинскую, которая, кромѣ своей несомнѣнной даровитости, обладала также и прекрасной наружностью. Аѳанасій Васильевичъ полюбилъ молодую красавицу, и они сочетались бракомъ: дѣвица Вилинская стала г-жею Маркевичъ, изъ чего потомъ сдѣланъ ея псевдонимъ Марко-Вовчокъ. Вскорѣ имени этой молодой дамы суждено было „рости", а имени Аѳанасія Васильевича „малитися"; но въ суммѣ вліяній, благопріятныхъ раскрытію душевныхъ силъ и таланта

---

[1]) Нѣкоторыя біографическія черты ея см. въ „Новостяхъ и Биржевой Газетѣ", 1883 г., № 187.

Марка-Вовчка, Аѳанасій Маркевичъ, по мнѣнію многихъ, имѣлъ немалое значеніе. Со смертію его, умерла для украинской литературы и Марко-Вовчокъ, продолжая трудиться на поприщѣ общерусской литературы.

Первые литературные опыты Марка-Вовчка относятся приблизительно къ 1857 году и предназначались для извѣстныхъ „Записокъ о южной Руси" Кулиша. „Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссіи для дальнѣйшихъ томовъ „Записокъ о южной Руси", — говоритъ г. Кулишъ, — нѣкто, назвавшій себя Маркомъ-Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разсказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ къ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня недѣлю и другую. Наконецъ, я удосужился и принялся читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непорочное, полное свѣжести художественное произведеніе! Было прислано сперва только два небольшихъ разсказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ онѣ написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ насмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разсказовъ, и плодомъ его воспоминаній явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ". Г. Кулишъ издалъ эти разсказы въ 1857 году, подъ заглавіемъ: „Народні оповідання" Марка-Вовчка [1]).

И. С. Тургеневъ перевелъ эти „Оповідання" на русскій языкъ, справедливо полагая, что это лучшая рекомендація для начинающаго литератора, и этотъ переводъ изданъ былъ въ 1859 году Кожанчиковымъ, подъ заглавіемъ: „Украинскіе народные разсказы" Марка-Вовчка. Въ томъ же году изданы были въ Москвѣ „Разсказы изъ народнаго русскаго быта" Марка Вовчка. Такимъ образомъ съ первыхъ почти годовъ своей литературной дѣятельности Марко-Вовчокъ писала и малорусскіе и русскіе разсказы и имѣла успѣхъ въ обѣихъ литературахъ. Ея разсказы постоянно печатались въ нашихъ лучшихъ журналахъ и затѣмъ нѣсколько разъ издавались отдѣльными небольшими книжками, которыя въ настоящее время почти всѣ разошлись и сдѣлались библіографическою рѣдкостію. Т. Г. Шевченко назвалъ Марка-Вовчка своей преемницей на литературномъ поприщѣ и своей нареченной дочерью и

---

[1]) Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги „Народні оповідання" Марка Вовчка, г. Кулиша, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1857 г., т. XII.

до самой смерти своей поддерживалъ дружескія, теплыя отношенія къ этой писательницѣ, которая, съ своей стороны, отвѣчала ему взаимностью [1]). Украинскіе патріоты смущались авторствомъ Марка-Вовчка на обоихъ языкахъ, малорусскомъ и русскомъ, и однажды предложили Шевченку такой вопросъ, не слѣдуетъ ли высокоуважаемому имъ писателю, т. е. Марку-Вовчку, ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ. На это Шевченко отвѣчалъ: „да пусть пишетъ хоть по-самоѣдски, лишь бы въ его писаніяхъ была правда“ [2]). Въ послѣдствіи времени Марко-Вовчокъ совершенно оставила украинскую рѣчь, продолжая авторство на русскомъ литературномъ языкѣ, и, наконецъ, почти исключительно обратилась къ переводамъ на русскій языкъ педагогическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ.

Не смотря на важное воспитательное и цивилизующее значеніе переводныхъ трудовъ Марка-Вовчка по педагогикѣ, эти труды не относятся къ области русской литературы, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сообразно съ своей задачей—слѣдить развитіе украинской литературы и украинскій элементъ въ русскихъ писателяхъ, мы остановимся преимущественно на разсказахъ и повѣстяхъ Марка-Вовчка изъ народнаго украинскаго быта, не отказываясь, для полноты характеристики нашей писательницы, порой заглядывать и въ ея великорусскіе народные разсказы.

Къ малорусскимъ разсказамъ и повѣстямъ Марка-Вовчка относятся слѣдующіе: „Сестра“, „Козачка“, „Чумакъ“, „Одарка“, „Чари“, „Сонъ“, „Горпина“ (иначе—Панська воля), „Выкупъ“, „Свекровь“, Оксана (иначе—Знай ляше), „Три долі“, „Не до пари“, „Два сини“, „Ледащиця“, „Відъ себе не втечешъ“ (иначе—Павло Чорнокрылъ), „Институтка“, Максимъ Гримачъ“, „Данило Гручъ“, „Глухой городокъ“, „Тюлевая баба“, „Лемеривна“, „Пройди світъ“, „Кармелюкъ“, „Невільничка“, „Девять братівъ и десята сестриця Галя“, „Ведмідь“ [3]).

Марко-Вовчокъ начала писать свои народные разсказы тогда, когда только-что поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и правахъ простаго, сѣраго народа на самостоятельную, человѣческую жизнь, и одна изъ первыхъ подняла голосъ противъ злоупотребленій помѣщичьей власти и въ защиту человѣческихъ правъ простаго народа. Въ этомъ заступничествѣ за народъ

---

[1]) Письма ея къ Шевченку одно въ „Основѣ“ за іюнь 1861 г., другое—въ книгѣ г. Чалаго „Жизнь и произведенія Т. Шевченка“, 1882 г., стр. 178.

[2]) Значеніе Шевченка для Украйны, въ „Основѣ“, за іюнь 1861 года, стр. 6.

[3]) Подробный библіографическій указатель малорусскихъ сочиненій Марка-Вовчка см. въ „Покажчикѣ“ Комарова, 1883 г.

заключалась величайшая заслуга Марка-Вовчка, какъ писательницы, доставившая ей въ свое время громадную популярность, независимо отъ внутреннихъ достоинствъ ея произведеній. Разсказы и повѣсти Марка-Вовчка обратили на себя вниманіе лучшихъ малорусскихъ и русскихъ писателей и критиковъ, какъ-то: Кулиша, Костомарова, Добролюбова, Скабичевскаго и др., которые посвятили малорусскимъ произведеніямъ Марка-Вовчка болѣе или менѣе подробныя и обстоятельныя рецензіи и критическія статьи [1]).

Въ итогѣ всѣхъ этихъ рецензій и критикъ оказывается, что Марко-Вовчокъ своими этюдами изъ народной жизни, хотя и животрепещущими, но незаконченными, подавала большія надежды на лучшее и совершеннѣйшее творчество, какія высказывались почти всѣми первыми критиками ея, но не оправдала этихъ надеждъ и остановилась на однихъ лишь этюдахъ. Но затѣмъ, мнѣнія о внутреннемъ достоинствѣ этихъ этюдовъ, независимо отъ содержанія и тенденціи ихъ, разошлись у критиковъ разныхъ поколѣній въ противоположныя стороны. Тогда какъ первые по времени критики признавали народные разсказы Марка-Вовчка, если не вполнѣ округленными и законченными, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе вѣрными дѣйствительности и выражающими народный духъ,—позднѣйшій изъ критиковъ г. Скабичевскій отнимаетъ у нихъ и это достоинство и находитъ, что народные разсказы Марка-Вовчка мало имѣютъ подъ собою реальной народной почвы, задаются общечеловѣческими интересами и идеалами и иногда навязываютъ народу то, что въ дѣйствительности не принадлежитъ ему. Для насъ кажется очевиднымъ, что столь противоположныя мнѣнія критиковъ о народныхъ разсказахъ Марка-Вовчка вызывались и опредѣлялись не столько внутренними достоинствами произведеній Марка-Вовчка, сколько впечатлѣніями, полученными отъ этихъ произведеній подъ вліяніемъ стороннихъ обстоятельствъ, именно литературной борьбы противъ отживавшаго крѣпостнаго права и прекращенія этой борьбы съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Первоначально народные разсказы Марка-Вовчка нравились преимущественно за ихъ горячее заступничество за человѣческія права простаго народа. Но когда эти права уже были признаны за народомъ, то тѣ же самые разсказы и повѣсти Марка-Вовчка стали казаться для нѣкоторыхъ сентиментальными, романтическими, довольно

---

[1]) См. эти рецензіи и критики: г. Кулиша—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1857 г., т. XII, ч. 1; въ альманахѣ „Хата“, 1860 г., и въ „Основѣ“ за апрѣль 1861 г. (отъ редакціи); Н. И. Костомарова—въ „Современникѣ“, 1859 г., № 5; Добролюбова—тамъ же, 1860 г., т. LXXXIII, и Скабичевскаго—въ „Отечеств. Запискахъ“ за іюль 1868 г.

однообразными и скучными. Поэтому, для того, чтобы объективнѣе судить о народныхъ разсказахъ Марка-Вовчка, нужно прослѣдить самый актъ творчества писательницы и отношеніе ея къ народнымъ матеріаламъ, которыми она пользовалась. Къ счастію, у нея есть нѣсколько такихъ народныхъ разсказовъ и повѣстей, въ которыхъ просвѣчиваетъ строительный матеріалъ ихъ. Они могутъ дать ключъ къ оцѣнкѣ и остальныхъ произведеній Марка-Вовчка.

Къ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка, въ которыхъ болѣе другихъ замѣтенъ этнографическій матеріалъ, относятся: „Чари", „Лемеривна", „Данило Гручъ", „Невольница" и особенно „Иванъ Кармелюкъ" и „О девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ". Изъ нихъ послѣднія двѣ имѣютъ наибольшее отношеніе къ памятникамъ украинской народной словесности и представляютъ изъ себя только болѣе или менѣе художественное воспроизведеніе народныхъ сказаній.

Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ одинаково извѣстна и въ сѣверно-русской, и въ украинской народной литературѣ. Нѣсколько варіантовъ ея издано въ сборникѣ Рыбникова. Въ свое время она обратила на себя вниманіе А. С. Пушкина и была записана имъ, вѣроятно, съ цѣлію подвергнуть ее художественной обработкѣ [1]). Эту же сказку, въ малорусской ея редакціи [2]), выбрала Марко-Вовчокъ сюжетомъ своей малорусской повѣсти съ тѣмъ же заглавіемъ, распространивъ ее и подвергнувъ лишь незначительной передѣлкѣ въ частностяхъ. Марко-Вовчокъ разсказываетъ объ одной бѣдной вдовѣ, жившей близь Кіева на Подолѣ, которая имѣла девять сыновей и одну дочь. Подростая, сыновья отправились на заработки, но вездѣ терпѣли неудачи и наконецъ присягнули дремучему лѣсу, т. е. сдѣлались разбойниками. Долго старушка мать ожидала возвращенія дѣтей, прислушиваясь къ каждому шороху. Наконецъ, она умерла, не дождавшись сыновей, и дочь Галя осталась одна. Къ окну ея подошелъ однажды незнакомый козакъ. Онъ влюбился въ Галю, женился на ней и попалъ нечаянно къ днѣпровскимъ пещерамъ, гдѣ скрывались Галины братья разбойники. Они напали на молодыхъ, козака убили, а въ женѣ его узнали свою сестру Галю, которая съ отчаянія сошла съ ума и утопилась въ Днѣпрѣ. Одинъ критикъ хвалитъ первую половину этой повѣсти Марка-Вовчка и говоритъ о ней слѣдующее: „если бы писательница покончила этимъ (смертью матери) свой разсказъ, или

---

[1]) См. объ этомъ „Порядокъ", 1881 г., № 11, и „Кіевлянинъ", 1881 г., № 45: „По поводу черновыхъ набросковъ Пушкина".

[2]) Малорусскій варіантъ см., между прочимъ, въ сборникѣ А. Гулака-Артемовскаго „Українські пісні зъ голосами", Кіевъ, 1868 г.

придумала для него другой болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы. Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница пришила на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному разсказу самый нелѣпый и мелодраматическій конецъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ случайностей, ни на чемъ не основанныхъ" [1]). Очевидно, г. критикъ и не подозрѣвалъ народной основы этой повѣсти Марка-Вовчка и ставилъ автору въ вину то, что собственно принадлежало народному пересказу и составляло извѣстную заслугу автора, старавшагося быть вѣрнымъ народному сказанію. Марко-Вовчокъ только округлила народный разсказъ и ввела въ него психологическіе мотивы.

Другая повѣсть Марка—Вовчка, подъ заглавіемъ „Невільничка", несомнѣнно основана на историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ татарской эпохи. По разсказу Марка-Вовчка, давно когда-то родился въ Овручѣ хлопчикъ Остапъ, который, чуть только началъ приходить къ сознанію, какъ увидѣлъ и понялъ, что плохо жить людямъ въ Овручѣ вслѣдствіе набѣговъ турецкихъ и татарскихъ. Однажды онъ самъ видѣлъ своими глазами, какъ вооруженный турокъ мчалъ на легкомъ конѣ свою плѣнницу-дѣвицу, которая простирала къ Остапу руки съ просьбою о помощи. Эта сцена глубоко врѣзалась въ воспріимчивую душу Остапа, который отселѣ не покидалъ мысли объ освобожденіи своей родины отъ турецкаго и татарскаго ига. Выросши и возмужавъ, онъ собралъ большое войско противъ татаръ и турковъ, но въ сраженіи съ ними былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу. Отсюда онъ выбрался, разломавъ кирпичи въ стѣнѣ, и, при помощи видѣнной имъ въ дѣтствѣ русской полоняночки, возвратился на родину; здѣсь онъ собралъ новое войско, напалъ на турокъ и освободилъ плѣнницу. Подобной пѣсни, въ которой бы передавались всѣ подробности изложенной повѣсти Марка-Вовчка, мы не встрѣчали; но частные мотивы повѣсти попадаются въ разныхъ историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ эпохи татарской, одинаково встрѣчающихся и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Изъ малорусскихъ историческихъ пѣсенъ болѣе подходитъ къ содержанію повѣсти пѣсня о Марусѣ Богуславкѣ, хотя Марко-Вовчокъ, по всей вѣроятности, имѣла въ виду какую либо другую малорусскую историческую пѣсню, для насъ неизвѣстную.

Опредѣленнѣе источники другой повѣсти Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ „Иванъ Кармелюкъ". Этотъ лыцарь-разбойникъ, по разсказу Марка-Вовчка, былъ сынъ вдовы и съ малолѣтства еще отличался кра-

---

[1]) „Современникъ", 1864 г, т. 100: „Русская литература. Сказки Марка-Вовчка. С.-Петербургъ. 1864".

сотою, разумомъ и удальствомъ. Онъ рано сталъ задумываться надъ неравенствомъ людскаго счастія, надъ горькою участью бѣдняковъ, льнулъ къ нимъ всею душою своею и самъ женился на бѣдной и забитой, но разумной дѣвушкѣ и нашелъ съ нею супружеское счастіе. Но его еще болѣе стало мучить людское горе и убожество, и Кармелюкъ рѣшился помочь ему. Для этого онъ оставилъ свою семью, мать, жену и дочь, набралъ себѣ вѣрную дружину и сталъ нападать на богачей, оставляя имъ жизнь и раздавая деньги убогимъ и бѣднымъ. Слухъ о красивомъ и милостивомъ къ бѣднякамъ разбойникѣ разнесся далеко и поднялъ на ноги мѣстное начальство, которое всѣми мѣрами старалось поймать его и устроило на него облаву. Однажды Кармелюкъ накрытъ былъ сыщиками у своей жены въ саду, пойманъ и посаженъ въ тюрьму. Его присудили сослать въ Сибирь; но Кармелюкъ дважды убѣгалъ оттуда и въ послѣдній разъ, взявъ съ собою жену и дочь, безслѣдно исчезъ куда-то. Личность Кармелюка—историческая. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нынѣшнихъ подольской и волынской губерніяхъ уже во времена владычества Россіи. Здѣсь сохранились о немъ устныя преданія, и распѣвается малорусская пѣсня, приписываемая самому Кармелюку. Въ одной редакціи она приведена въ разныхъ мѣстахъ повѣсти Марка-Вовчка; въ другомъ спискѣ напечатана она въ сборникѣ Н. Гатцука „Ужінокъ рідного поля", 1857 года. Т. Г. Шевченко невысоко цѣнилъ эту пѣсню о Кармелюкѣ и въ своемъ „Дневникѣ" отзывался о ней такъ: „Сочинечіе этой весьма немудрой пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клевещутъ на славнаго лыцаря. Это рукодѣлье какого нибудь мизернаго Падурры" [1]). Марко-Вовчокъ, взявши эту пѣсню въ основаніе своего разсказа, прибавила къ ней отъ себя романическій элементъ о женитьбѣ Кармелюка и домашней его жизни, вслѣдствіе чего повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: „Кармелюкъ дома" и „Кармелюкъ на разбоѣ". Но эти части не связаны между собою органически и, по замѣчанію критики, рисуютъ своего героя нѣсколько противоположными чертами.

Разсказъ „Лемеривна" тоже весь основанъ на народныхъ историческихъ пѣсняхъ. По разсказу Марка-Вовчка, молодой козакъ Шкандыбенко полюбилъ дѣвицу Лемеривну и, не смотря на троекратный отказъ ея, послалъ къ ней сватовъ Мать приневолила Лемеривну выйти замужъ за Шкандыбенка; но послѣ вѣнца Лемеривна попыталась убѣжать отъ своего мужа и, когда онъ догналъ ее, зарѣзалась. Мать Лемерив-

---

1) Падурра—плохой польско-украинскій стихотворецъ. Извѣстны въ печати три сборника его стихотвореній и между прочимъ Pienia 1842 года и Ukrainky 1844 г.

ны, узнавъ объ этомъ, упала мертвою, а Шкандыбенко куда-то уѣхалъ и уже болѣе не возвращался въ свое село. Эта повѣсть есть не что иное, какъ пересказъ чрезвычайно распространенной и богатой варіантами пѣсни о Лемеривнѣ, пѣсни, начинающейся съ того, что мать Лемерика пропиваетъ свою дочку Шкандыбенку, или Синькевичу, и т. п., а оканчивающейся тѣмъ, что Лемеривна убиваетъ себя, говоря:

Кипи, кипи, мое серце на ножі,
Ніж маеш ти спочивати з нелюбомъ на ложі [1].

Подобнаго содержанія повѣсть Марка-Вовчка, подъ названіемъ „Данило Гdriчъ“. Въ селѣ Глыбовѣ жилъ Охримъ Полищукъ съ женою Ивгой, гордою и спѣсивою, любившій подавать милостыню нищимъ и изъ-за того обѣднѣвшій. Ивга зажурилась. У нихъ была дочь Наталья, которую полюбилъ Михайло Бруй; но, получивъ отъ матери отказъ, онъ отправился чумаковать. Въ его отсутствіе присватался къ Натальѣ богачъ Данило Гручъ, человѣкъ суровый и жесткій, убившій когда то свою родную сестру и ея коханка-ляха. Ивга, разсчитывая на его богатство, отдаетъ за него свою дочь. Разумѣется, житье Натальи было некрасное. Однажды жестокій и ревнивый ея мужъ собрался будто бы въ городъ. Пользуясь его отсутствіемъ, Наталья побѣжала въ лѣсъ, чтобы навѣдать свою мать. Слѣдившій за нею Гручъ преслѣдовалъ ее. Наталья бросилась въ Днѣпръ, а за нею и Гручъ, поймалъ за шелковую косу и замахнулся на нее саблею, но и самъ потонулъ въ Днѣпрѣ; ихъ нашли обоихъ вмѣстѣ. Повидимому, этотъ же самый историко-бытовой сюжетъ разработанъ и въ повѣсти Модеста Дымскаго „Нагаль-озеро“ (въ „Основѣ“ за августъ 1862 г.); но обѣ эти повѣсти должны корениться въ народныхъ малорусскихъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Подобный мотивъ утопленія мы видимъ въ одной пѣснѣ, относимой издателями „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“ къ турецко-татарской эпохѣ: по этой пѣснѣ, дѣвушка топится для того, чтобъ избѣжать брака съ „нелюбомъ“, который, по догадкѣ издателей, долженъ быть турецкій панъ, упоминаемый въ началѣ пѣсни [2].

Укажемъ еще повѣсть Марка-Вовчка съ этнографическою подкладкою; это именно ея повѣсть „Чари“, разсказанная со словъ старой бабуси. Дивчина Хима, отвергнутая своимъ коханкомъ Тимошемъ, силою чародѣйства превращаетъ его невѣсту Олену и ея дружекъ въ ласточекъ, выходитъ за Тимоша замужъ и наконецъ сама погибаетъ отъ его рукъ въ то время, когда превратилась въ чернаго ворона, чтобы пре-

---

[1] „Историч. пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова“. Т. 1, Кіевъ, 1874 г., стр. 311.

[2] Тамъ же, № 68, стр. 313,

слѣдовать кружившуюся надъ ними въ видѣ ласточки Олену. Въ основѣ этой повѣсти лежитъ первобытное воззрѣніе нашихъ предковъ на внѣшнюю природу и живыя, тѣсныя связи ихъ съ ней, наивное вѣрованіе въ возможность человѣка превращаться волшебною таинственною силою въ другія живыя существа. Обломки этихъ воззрѣній и вѣрованій сохранились въ народныхъ преданіяхъ. Въ устной народной южнорусской литературѣ встрѣчается слудующій, напримѣръ, разсказъ о происхожденіи ласточки: „Это, говорятъ, были мужъ да жена"; мужъ что-то рѣзалъ да и запачкалъ руки въ крови, а она къ нему и пришла да такъ около него и вьется. Вотъ, онъ взялъ ее за подбородокъ: ласточка, говоритъ, моя! да и поцѣловалъ, да вдвоемъ и полетѣли ласточками; вотъ потому-то у нее и видать подъ горломъ красненькое [1])

Всѣ перечисленныя повѣсти Марка-Вовчка очень близко держатся историко-этнографическаго матеріала и дѣйствительно могутъ быть названы, въ нѣкоторомъ родѣ, только этнографическими этюдами, за которыми мало остается мѣста творческой самодѣятельности автора. Писательница сама знакомилась и знакомитъ насъ съ народомъ не непосредственно, а показываетъ его намъ сквозь призму историческихъ пѣсенъ и вѣковыхъ народныхъ преданій, которыя можно воспринять и усвоить и чисто книжнымъ путемъ. Этимъ объясняются достоинства и недостатки повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка съ этнографическою подкладкою: съ одной стороны—эпическій складъ и характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ нашей писательницы, съ другой—поэтическое, идеальное представленіе народной жизни въ радужныхъ краскахъ. На долю писательницы остались только выборъ мелодраматическихъ сюжетовъ, имѣющихъ отношеніе къ народному горю и страданію, округленіе народнаго пересказа и мотивированіе его подробностей психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ.

Другую серію украинскихъ народныхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка составляютъ повѣсти и разсказы бытоваго содержанія и характера, преимущественно касающіеся переходной эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны рисуется въ нихъ горькое положеніе униженныхъ и оскорбленныхъ крѣпостничествомъ меньшихъ братій нашихъ, съ другой—выставляются напоказъ и бичуются дурныя склонности и привычки рабовладѣльческаго и вообще привиллегированнаго сословія. Въ герояхъ первой категоріи писательница усматриваетъ свѣтлый человѣческій обликъ, не смотря иногда

---

[1]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы" М. Драгоманова, Кіевъ, 1876 года, № 20, стр. 7. См. „Южнорусскія сказки" И. Рудченка, т. II, Кіевъ, 1870 г., стр. 124—125.

на невольное паденіе ихъ, тогда какъ, наоборотъ, въ представителяхъ рабовладѣльческаго сословія образъ и подобіе Божіе, по ея представленію, часто заслоняются скотскими и звѣрскими наклонностями и привычками. Такимъ образомъ, само собою создаются у Марка Вовчка два типа, положительный и отрицательный, которые проходятъ рядомъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ этой писательницы, но иногда почти исключительно завладѣваютъ повѣстью или разсказомъ. Но тогда какъ сфера отрицательныхъ типовъ, какъ болѣе и ближе знакомая писательницѣ по ея происхожденію и общественному положенію, вѣрно и рельефно изображается ею, другая, чуждая ей сфера крестьянъ и козаковъ, усвоена ею только посредствомъ наблюденія и изученія, основаннаго притомъ на недостаточномъ числѣ фактовъ, которые восполняются у нея извѣстной гуманной тенденціей и теплотою собственнаго чувства, разливающаго вокругъ героевъ и героинь какую-то елейность и сообщающаго разсказу сентиментально-элегическій тонъ. Замѣтимъ кстати, что въ лучшую пору своей литературной дѣятельности Марко-Вовчекъ попеременно жила въ Германіи и Италіи, какъ показываютъ ея письма къ Т. Г. Шевченку, слѣдов. описывала Малороссію изъ прекраснаго далека.

Къ бытовымъ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка изъ южнорусской жизни относятся: „Два сини“, „Не до пари“, „Ледащиця“, „Три доли“, „Відъ себе не втечешъ“ (иначе—„Павло Чорнокрылъ“), Институтка“, „Сестра“, „Козачка“, „Чумакъ“, „Одарка“, „Сонъ“, „Горпина“ (иначе „Панська воля“), „Выкупъ“ „Гримачъ“, „Глухой городокъ“, „Тюлевая баба“. „Пройди—світъ“ и „Ведмідь“.

Болѣе вѣрными въ бытовомъ отношеніи нужно считать у Марка-Вовчка картины и очерки той жизни, которая естествено болѣе знакома писательницѣ, т. е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Къ такимъ повѣстямъ и разсказамъ относятся: „Тюлевая баба“, „Глухой городокъ“ и „Институтка“. Бабами въ Малороссіи и Польшѣ называется родъ пасокъ, приготовляемыхъ къ свѣтлому празднику съ большимъ усердіемъ и хлопотами. Верхомъ кулирнаго искусства служитъ въ этомъ отношеніи такъ называемая „тюлевая баба“, своей ноздреватостью и нѣжностью напоминающая тюль. Въ уѣздныхъ городахъ и захолустьяхъ печеніе бабъ и доселѣ служитъ предметомъ соревнованія хозяекъ и значительно разнообразитъ и оживляетъ ихъ мертвую, монотонную жизнь. Предметъ этотъ недавно снова загронутъ молодою кіевскою писательницею Марусею Доброво [1]). Марко-Вовчокъ разсказываетъ въ своей повѣсти объ одной

---

[1]) Въ газетѣ „Кіевлянинъ“ за 1882 годъ. Въ этой газетѣ помѣщены и другія повѣсти и разсказы этой писательницы, скрывающейся подъ псевдонимомъ Доброво.

барынѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Журбовской, которая слыла на весь околодокъ хозяйкою и лучшею мастерицею печь тюлевыя бабы. На бѣду ея, племянникъ ея Алексѣй Петровичъ женился на Графирѣ Ивановнѣ Турченковой, которая умѣла приготовлять тюленую бабу лучше самой Анны Ѳедоровны. Узнавъ объ этомъ, Журбовская предприняла всѣ мѣры, чтобы одолѣть и превзойти опасную соперницу въ печеніи бабъ, но ея усилія остались напрасными: тюлевая баба Глафиры Ивановны удалась гораздо лучше. Анна Ѳедоровна не выдержала этого удара, подняла, при помощи уѣздныхъ властей, гоненіе на жидовъ, заподозрѣнныхъ ею въ продажѣ Глафирѣ Ивановнѣ лучшей муки, и сдѣлалась заклятымъ врагомъ своей невѣстки. Съ каждымъ годомъ война между ними возрастаетъ и кончится только смертію одной изъ воюющихъ дамъ. Другая повѣсть „Глухой городокъ“ изображаетъ обыденную жизнь уѣзднаго города съ его городничимъ Ерастомъ Антоновичемъ Малимоновымъ и женою его Павлой Андреевной; но эта обыденная жизнь нарушена была выходящимъ изъ ряду явленіемъ, имено выходомъ племянницы городничихи, Насти, замужъ за неровню Григорія Гавриловича Крашовку, не смотря на то, что къ Настѣ сватались болѣе подходящіе по общественному положенію женихи и между ними Данило Павловичъ Копыта. Къ довершенію необычайности этой свадьбы, Григорій Гавриловичъ обманываетъ городничаго, не соглашавшагося на этотъ бракъ, и вмѣстѣ со своими пріятелями похищаетъ изъ его дома свою невѣсту. Но лучшая повѣсть Марка Вочка съ отрицательными типами изъ среды привиллегированнаго сословія есть безъ сомнѣнія повѣсть подъ заглавіемъ „Институтка“, такъ какъ писательница, сама получивъ воспитаніе въ одномъ изъ институтовъ, ближе всего могла знать институтскую жизнь и вѣрнѣе изобразить дурныя ея стороны. Нужно, впрочемъ, сознаться, что эти дурныя стороны, подъ вліяніемъ народолюбія писательницы, сильно ею преувеличены и утрированы, такъ что вся повѣсть можетъ быть названа въ нѣкоторомъ родѣ словомъ о злыхъ женахъ XIX столѣтія. Рядомъ съ героиней повѣсти, институткой, выступаетъ здѣсь цѣлый рядъ безотвѣтныхъ жертвъ ея злобы, внушающихъ къ себѣ полное сочувствіе писательницы и читателей.

Разсказъ повѣсти ведется отъ лица Устины, взятой въ господскій домъ десяти лѣтъ отъ роду. У старой барыни дворовымъ спокойно было жить, хоть и непривольно. У нея была одна только внучка, воспитывавшаяся въ кіевскомъ институтѣ, въ которой бабушка души не чаяла. Наконецъ, пріѣхала изъ института эта внучка, панночка красивая, но капризная и злая, испорченная ложнымъ институтскимъ воспитаніемъ. Она только и выучилась тамъ музыкѣ, танцамъ, французскому языку и умѣнью туманить людей. Осмотрѣла она дворовыхъ дѣвокъ и выбрала Устину для услуженія себѣ. Институтка стала идоломъ обожавшей ее

бабушки, забрала въ домѣ все въ свои руки, заставила бабушку растрясти свои „скрини“ и пыталась даже отучить ее отъ привычнаго ей вязанья чулка, а съ бѣдной Устиной выдѣлывала все, что хотѣло ея жестокое сердце и капризный нравъ. Сначала панночка мечтала выйти замужъ за богатаго князя, или графа, но князь и графъ не являлись за ней, и разочаровывающаяся институтка часъ отъ часу становилась все злѣе и злѣе. Однажды ждали въ гости полковыхъ изъ города. Все было прибрано, какъ къ свѣтлому празднику. Панночка сѣла зачесываться. Неопытная Устина помогала ей, но никакъ не могла справиться съ ея длинною русою косой. „Лишечко жъ мое!“ говоритъ Устина. „Лучше бъ жару червоного у руку набрала, якъ міні довелось туманіти коло ii русоі коси!.. И така, и онака, й геть-прічъ пішла, и зновъ сюди поступай; и пхати мене, и наскакувати на мене,—ажъ я злякалась! Та репече, та дзвякотить, та тупоче—тупоче, а далі якъ заплаче!.. Я въ двері, а вона за мною въ садъ. „Я тебе на шматки розірву; задушу тебе, гадино!“ Оглянусь я на неі,—страшна така зробилась, що въ мене й ноги захитались. Вона мене якъ схопить за шію обіручъ!.. Руки холодні, якъ гадюки!“ Устина упала въ безпамятствѣ около яблони и только отъ холодной воды пришла въ сознаніе. „Дивлюсь,—дівчата коло мене скупчились, білі усі якъ крейда. Панночка на стільчику роскинулась, плаче; а стара надъ моею головою стоіть, и такъ-то вже мене лае, така вже люта,—ажъ ій у роті чорно“. Устина заболѣла, но и больную ее требуетъ къ себѣ панночка. Наконецъ, панночка завлекла въ свои сѣти гордаго, но бѣднаго лѣкаря. Панночка и сама была неравнодушна къ нему, и хотя согласилась выйти за него замужъ, но вмѣстѣ съ бабушкой горевала о томъ, что выходитъ замужъ не за богатаго и не за вельможнаго. Но она и любила своего жениха какъ-то странно: заставляла его исполнять всѣ ея прихоти и капризы и все-таки казалась недовольною его усердіемъ и услужливостію. У лѣкаря былъ родовой хуторъ, на которомъ жили—старая бабуся, Назаръ съ женой Катрей и парубокъ Прокопъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые переѣхали въ хуторъ, взявъ съ собой и Устину. Жившіе въ хуторѣ люди лѣкаря встрѣтили молодыхъ господъ съ хлѣбомъ и солью. Лѣкарь рекомендуетъ имъ свою молодую жену, но она вышла изъ себя отъ злости и заплакала. „Ти, мабуть,—говорила она мужу,—усіхъ мужиківъ такъ изучивъ, що вони зъ тобою за панібрата!.. гарно!.. оглядають мене, всміхаютця до мене, трохи не кинулись мене обнімати... Охъ, я несчаслива!.. Та якъ вони сміють! викрикне на остатку“. Молодая госпожа принялась за хозяйство въ хуторѣ, и сосѣди хвалили ее за распорядительность и умѣнье хозяйничать; а между тѣмъ въ хуторѣ все становилось хуже и хуже. Люди надѣялись сначала на пана; но онъ, при своей добротѣ, не имѣлъ твердой воли и не могъ сдерживать своей

строптивой жены. Тяжелѣе всего было выносить и безъ того тяжелое положенiе крѣпостничества женѣ кучера Назара Катрѣ, родившейся на свѣтъ вольною. У Катри заболѣлъ ребенокъ; но барыня, какъ видно, не признавала за крѣпостными человѣческихъ чувствъ и отношенiй и отправила Катрю на работу на цѣлый день. Дитя Катрино умерло, заболѣла и сама Катря; но барыня все-таки прогнала ее на панщину. Дѣло кончилось тѣмъ, что Катря помѣшалась, бѣгала по лѣсамъ и болотамъ, ища своего ребенка, и, наконецъ, утопилась Назаръ и Прокопъ задумываютъ такъ или иначе освободиться отъ злой барыни и какъ будто стороной и случайно проговариваются объ этомъ при старомъ солдатѣ поварѣ, который до того забитъ былъ суровою солдатчиною прежняго времени, что не допускалъ и мысли о возможности какого либо протеста или самозащиты противъ господскаго самоуправства, несправедливости и жестокости. Черезъ годъ умерла старая барыня, позаботившись передъ смертiю о своемъ душевномъ спасенiи, и молодая госпожа сдѣлалась полною распорядительницею ея и мужнина имѣнiя. Она довела струны помѣщичьяго деспотизма до такой степени напряженности, что онѣ неминуемо должны были лопнуть. Прокопъ, женившiйся на Устинѣ, однажды защитилъ старую бабусю отъ побоевъ молодой барыни, но за то самъ былъ отданъ въ солдаты; убѣжалъ и Назаръ. Сданный въ рекруты, Прокопъ отданъ былъ на попеченiе и обученiе дядькѣ, старому солдату изъ кантонистовъ, и скоро отправленъ былъ въ походъ, куда-то на Литву; а Устина, проводивъ его до Кiева, осталась здѣсь служить. Семь лѣтъ не было никакой вѣсти о Прокопѣ, и Устина сдѣлалась вольною и могла выйти замужъ за другаго.

Эта повѣсть есть безспорно лучшая изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Такою ее признавали Кулишъ и Шевченко. Характеръ институтки выдержанъ и до конца остается вѣренъ себѣ. Многiя частности дышатъ общечеловѣческою и бытовою правдою. Нѣкоторые эпизоды какъ бы случайно приставлены къ повѣсти, не имѣютъ органической связи съ нею и какъ бы нарушаютъ ея единство и цѣлостность впечатлѣнiя; но эти эпизоды такъ хороши мѣстами, что было бы жалко, если бы они были выброшены изъ повѣсти. Таковы—разговоръ Прокопа и Назара со старымъ солдатомъ-поваромъ, разсказецъ о приготовленiи старой барыни къ смерти, характеристика Прокопова дядьки-солдата и др. Для примѣра приведемъ послѣднюю характеристику. Сданный въ рекруты, Прокопъ стоялъ со своей женой Устиной на квартирѣ у старой вдовы. Тутъ же былъ и солдатъ-дядька, которому Прокопъ однажды предложилъ угощенiе. „Вечеряемо, говоримо; а дядько пье та й пье. Зблідъ на лиці и на стилъ схилився. Дивитця на насъ и съ чоловікомъ, та й каже: „ой ви, молодята, молодята! недовго

житимете вкупці.. Та годі, не журітця! Пожили, пороскошували—и буде зъ васъ. Бува й таке.. що зъ споночку ласки-добра не знаешъ,—вікъ звікуешъ підъ палкою.. Оттакъ живи!.. Безъ роду, безъ плімъя, безъ привіту, безъ совіту,—на всіхъ роскошахъ!"

А стара тоді до его: „А де жъ вашъ рідъ, дядечку? Звітки ви сами?"

— Съ кантанистівъ!—одказавъ похмурно москаль.—съ тихъ, коли чули, що насъ у халеру поменшало. Роду нема, не знавъ и не знаю

— А матуся ваша?

— Казавъ: не знаю!.. чого дурно роспитувати?

— Оттаненьки и я теперъ безрідня!—каже хазяйка хлипаючи.

— Ище и вона міжъ люде!—гукнувъ москаль. Що твое лихо!.. плюнуть! Онъ лихо, то лихо: що нікого тобі згадати, ніхто й тебе не згадае; нікуди піти и нігде зостатись. Усі тобі чужі, и все, усе чуже: и хата, и люде, и одежа... Дай, бабо, горілку! випъемо до дна, бо на дні молодиі дні.

А въ самого слезы котятця-котятця. И сміетця вінъ разомъ, и горілку пъе. Далі вже якъ упавъ на лаву, такъ и заснувъ".

Достаточно припомнить очерки быта кантонистовъ Никитина, чтобы яснѣе и отчетливѣе почувствовать всю горечь правды этого эпизода въ повѣсти Марка-Вовчка Рекомендаціей ему можетъ служить и то, что этотъ эпизодъ воспроизведенъ у Марка-Вовчка согласно съ народными представленіями о прежней солдатчинѣ и совершенномъ отчужденіи солдата отъ роду и племени. Въ одной малорусской пѣснѣ, записанной въ черниговской губерніи, говорится слѣдующее о солдатской жизни прежняго времени:

Беруть парня у салдатушки.
У салдатахъ не батька, не мати,
Не брата, не сестриці,
И не живки, не дитинкі.
Продай, мати, сірні коровушки,
Визволяй сина зъ тяжкоі неволюшки!

Мы остановились сравнительно дольше на этой повѣсти потому, что она заключаетъ, какъ въ зернѣ, почти все міросозерцаніе писательницы и можетъ быть признана средоточнымъ пунктомъ для остальныхъ ея разсказовъ и повѣстей изъ народнаго быта прежняго времени Всѣ другія повѣсти и разсказы Марка-Вовчка изъ малорусскаго и великорусскаго быта развиваютъ или просто повторяютъ тѣ же самые сюжеты, какіе намѣчены въ повѣсти „Институтка".

Типъ дворовой дѣвушки, оторванной отъ семьи, какой мы видѣли въ Устинѣ „Институтки", воспроизводится также въ повѣстяхъ и раз-

сказахъ „Ледащиця“, „Одарка“, „Катерина“, „Игрушечка“ и др. Разсказщица повѣсти „Ледащиця“ передаетъ, что она подарена была Иваньковскими господами одной барынѣ среднихъ лѣтъ, которая тщеславилась портретомъ князя-отца, промотавшаго свое имѣніе, и любила часто говорить о немъ. Нужда заставила ее держать столовниковъ. Когда завелось много столовниковъ, барыня взяла къ себѣ крѣпостную молодицу Горпину Чайчику съ дочкой Настей, вышедшую за крѣпостнаго человѣка изъ вольнаго роду. Настя была веселая дѣвушка, а мать ея Чайчиха была угрюмая, пасмурная женщина. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе она становилась пасмурною и стала ходить куда то, а вечеромъ къ ней приходили какіе-то люди. Оказалось, что она искала себѣ съ дочкой воли; но она не получила этой воли, потому что барыня подкупила чиновниковъ. А чего не достигла мать, того добилась дочь Настя, но цѣною собственнаго паденія. Она стала пропадать по вечерамъ и возвращаться домой пьяною. Нашлось у Насти и дитя. Барыня срамила ее при столовникахъ и называла ее ледащицей (негодницей) и другими словами, но ничто не помогало. Однажды она сказала матери: „ну, моя матінко! изнайшла вже я чоловіка, что мене визволить“. Дѣйствительно, года черезъ два получена была бумага о волѣ. При полученіи ея Чайчиха въ первый разъ зарыдала черезъ двадцать лѣтъ и стала добрѣе и ласковѣе, но, взглянувши на дочку, опять закручинилась. А Настя уже стоитъ выпивши. Она начала таять все больше и больше и умерла въ бреду: „Я вільна, вільна!.. ну, добре!.. И вільна, и пьяниця, и ледащо!. Де-жъ мині прихилитись, де? Добрий хазяинъ вижене: „пьяниця, ледащо, треба ïi зъ свого двору виганати!“ скаже, и вижене... и добре зробить“. До самой смерти ей все представлялось, что ее выгоняютъ на дворъ въ суровую зиму.— Разсказъ „Одарка“ рисуетъ дикую животную страсть стараго грѣховодника-помѣщика, которая оторвала отъ родительскаго порога молодое существо и своими собственными руками выкопала ему могилу. Мало того, что обезчещена и поругана невинность, что на мѣсто мирной тишины семейнаго счастія внесено горе, страданіе и раздоръ, — какъ вещь отдана женщина на чужбину для услугъ, и они скоро довели ее до могилы.—Катерина, героиня разсказа съ тѣмъ же заглавіемъ, вывезена была господами изъ Малороссіи въ Россію, въ совершенно чуждую ей среду, и выдана замужъ за человѣка, котораго она не могла любить. Она никому не жаловалась на свою судьбу и съ мужемъ не ссорилась; а „только опуститъ глаза и неподвижная такая станетъ, строгая и суровая передъ нимъ“. Хотѣлось ей найти какое нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо и пѣла на свадьбахъ, больше, впрочемъ, грустныя пѣсни, но не удовлетворялась этимъ и пріучилась-было пить. Наконецъ, прослышала она про знахарку въ околоткѣ, выучилась

у ней, лечать болѣзни и, нашедши въ этомъ занятіи душевное дѣло для себя, тотчасъ и дитя бросила, и ласковая такая стала, привѣтливая. Она тихо скончалась въ мирѣ со своею совѣстью и съ людьми. — Повѣсть „Игрушечка" изображаетъ отношенія молодой барышни къ крестьянской дѣвочкѣ Грушѣ, переименованной въ Игрушечку. Барышня увидѣла на улицѣ Игрушечку и попросила ее себѣ, какъ вещь какую-нибудь, чтобы играть съ нею. Долго жила Игрушечка въ господскомъ домѣ, гдѣ ее держали для забавы, безпрестанно запугивали и придавливали, не смотря на то, что сама барышня и ея родители, повидимому, были люди мягкіе и добрые. Барышня отличалась любознательностью, но, не находя удовлетворенія своей любознательности, на 15 году стала мѣшаться умомъ и вскорѣ умерла. И послѣ смерти барышни еще продолжалась грустная исторія Игрушечки, такъ и оставшейся до конца жизни игрушкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ. Полюбился ей барскій столяръ Андрей, и она ему тоже понравилась. Да пришли они просить барскаго разрѣшенія на свадьбу въ то время, какъ господа продали послѣднюю свою вотчину и вмѣстѣ съ нею Андрея и Игрушечку. Андрей отошелъ къ новымъ господамъ и вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь, а Игрушечку барыня выпросила у покупщика себѣ и увезла съ собой.

Совершенно почти тождественна жена Назара Катря въ повѣсти „Институтка" съ Горпиной въ разсказѣ съ тѣмъ же заглавіемъ, иначе „Панська воля". Въ послѣднемъ разсказывается, какъ въ имѣніи одного господина, который пріѣхалъ управлять полученнымъ наслѣдствомъ съ благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя хаты о трехъ окнахъ, у матери крестьянки умираетъ ребенокъ, оставленный ею безъ призрѣнія потому, что ей надобно было идти на барщину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ тяжелъ, что она сошла съ ума.

Разсказъ „Два сини" касается помѣщичьяго права отдавать крѣпостныхъ въ солдаты по произволу, какъ отданъ былъ и мужъ Устины Прокопъ въ повѣсти „Институтка". Разсказъ „Два сини" ведется отъ имени вдовы, которая осталась послѣ мужа съ двумя сыновьями Андрійкомъ и Василькомъ. Ихъ обоихъ баринъ сдалъ въ рекруты. Андрійко умеръ на службѣ, а Василько воротился домой больной, надломленный царскою службой, и тоже скоро умеръ, не начинавъ еще жить.

Стремленіе освободиться отъ крѣпостничества законными и незаконными путями, какое мы видѣли у Назара въ повѣсти „Институтка", изображается и въ другихъ разсказахъ Марка-Вовчка, „Ледащицѣ", „Выкупѣ", и др. И замѣчательно, что стремленіе къ волѣ и выкупу на волю, по представленію Марка-Вовчка, прежде и сильнѣе всего проби-

валось въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ женщина мать или невѣстка происходили изъ вольнаго козацкаго или мѣщанскаго рода. Мать ледащицы Насти была родомъ изъ вольныхъ людей и передала своей дочери стремленіе вырваться на свободу. Такія женщины, выходившія замужъ за крѣпостныхъ людей, по закону, имѣли право, по смерти своихъ мужей, сами лично отойти отъ своихъ господъ на свободу, но часто не знали своихъ правъ, какъ не знала Олеся въ разсказѣ „Козачка". Вышедши замужъ за барскаго человѣка, Олеся разлучена была съ мужемъ, отправленнымъ бариномъ въ Москву, а наконецъ съ двумя своими сыновьями, заступившими при баринѣ мѣсто своего покойнаго отца, сама осталась при барскомъ дворѣ и умерла здѣсь. Но за то другія козачки не иначе соглашались выходить замужъ за крѣпостнаго человѣка, какъ подъ условіемъ выкупа его на свободу. Въ разсказѣ „Выкупъ" крѣпостной парень Яковъ Харченко посватался въ Хмѣлинцахъ къ козачкѣ Мартѣ Кохановнѣ; но Коханъ не хотѣлъ выдавать свою дочь за крѣпостнаго человѣка. Тогда Яковъ сталъ зарабатывать деньги на выкупъ, при помощи Кохана выкупился на волю за 300 рублей и женился на Мартѣ.

Нравственнымъ основаніемъ правоспособности простаго народа на свободу у Марка-Вовчка постоянно выставляется его человѣческое достоинство, не заглушаемое никакимъ внѣшнимъ гнетомъ. И простой народъ, не меньше привиллегированныхъ классовъ, способенъ къ сильнымъ и глубокимъ страстямъ и нѣжнымъ чувствамъ. Эта мысль лежитъ въ основѣ большинства повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Мы не принимаемъ здѣсь въ разсчетъ повѣстей и разсказовъ объ удалыхъ молодцахъ-разбойникахъ, такъ какъ первоисточники этихъ разсказовъ Марка-Вовчка лежатъ внѣ сферы крѣпостническихъ отношеній. Въ самомъ крѣпостничествѣ Марко-Вовчокъ выставляетъ сильные характеры, способные, при другихъ условіяхъ жизни, къ широкой и плодотворной дѣятельности. Таковъ, напримѣръ, Павло Чорнокрылъ въ разсказѣ подъ заглавіемъ „Відъ себе не втечешъ".

Писательница сама какъ будто чувствовала, что міръ крѣпостнаго крестьянства представляетъ собою слишкомъ неблагодарный предметъ для повѣстей и разсказовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ и характеромъ, и потому охотнѣе выбирала героями и героинями своихъ повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта свободныхъ козаковъ и козачекъ, однодворцевъ и мѣщанъ. Таковы ея разсказы: „Три долі", „Сестра", „Чумакъ", „Сонъ", „Свекровь", „Максимъ Гримачъ", „Пройди світъ", и др. Одни изъ нихъ не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ козаковъ и прелестнѣйшихъ козачекъ и вводятъ въ простонародную жизнь много элементовъ инообыта; другіе, напримѣръ, „Не до пари", хотя тоже посвящены любви,

но въ нихъ выводится не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ сценокъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Здѣсь писательница положила въ основаніе своихъ разсказовъ такое общечеловѣческое явленіе (неравенство браковъ, несходство характеровъ супруговъ), какое можно встрѣтить на каждомъ шагу во всѣхъ слояхъ общества; но въ то же время у нея не хватило красокъ и матеріаловъ, чтобы придать этому явленію такую внѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предразсудка, что будто простой и неразвитый народъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣетъ образованный, писательница впала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ невсегда удается и образованнымъ людямъ. Кромѣ того, нѣкоторые герои и героини Марка Вовчка весьма похожи одни на другихъ. Чайченко въ „Трехъ доляхъ“ и „Иванъ Кармелюкъ“, жена Чорнокрыла и жена Кармелюка писаны однѣми красками и очень схожи между собою.

Къ чести писательницы, она скоро поняла, что рано еще создавать свѣтлые, положительные типы изъ простонародной среды, искаженной неестественными крѣпостническими отношеніями и невѣжествомъ, и что нужно сначала просвѣтить затуманенный образъ нашего простолюдина и барина истиннымъ образованіемъ, и потому въ послѣдующее время оставила роль беллетристической писательницы и принялась за переводы педагогическихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій, хотя и эти переводы разсчитываютъ больше всего на интеллигентные классы русскаго общества, а не на простой народъ.

О языкѣ малорусскихъ произведеній Марка-Вовчка г. Кулишъ говоритъ слѣдующее: „Нашъ Марко-Вовчекъ, какъ пчела Божія, выпилъ наилучшую росу изъ цвѣтковъ нашей рѣчи, потому что полюбилъ ее, полюбилъ тотъ народъ, который вылилъ всѣ свои думы и мысли, все свое сердце тою рѣчью. Безъ любви одна мощь его таланта не помогла бы ему; ничего бы онъ не сдѣлалъ и однимъ разумомъ; а то читаешь—не оторвешься отъ его рѣчи, какъ въ жнива отъ колодца; чуется, вѣрится, что такъ, а не иначе подумалъ, или потужилъ, или порадовался человѣкъ, какъ снято на его рисункѣ. Нельзя также утверждать, что и у такихъ людей, какъ Марко-Вовчокъ, кое-что не рознитъ съ народною рѣчью. Нелегкое дѣло одолѣть это. Мы ушли впередъ отъ своей рѣчи, развиваясь на чужихъ поляхъ, и, взошедши на гору, иногда не слышимъ хорошенько, что она намъ голубка вѣщаетъ“ [1]).

[1]) „Основа“, апрѣль, 1861 г,

Описывая крѣпостной бытъ, М. А. Марко-Вовчокъ была, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ этомъ жанрѣ преемницей Квитки и Шевченка, а, можетъ быть, еще болѣе подражательницей И. С. Тургенева и отчасти американской писательницы Бичеръ-Стоу, автора „Хижины дяди Тома".

2.

Иванъ Семеновичъ Левицкій.

Иванъ Семеновичъ Левицкій, писавшій иногда подъ псевдонимомъ Нечуя, сынъ священника, родился въ 1838 году, въ мѣстечкѣ Стеблевѣ, бывшаго богуславскаго, а нынѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи. Съ 1847 года онъ воспитывался въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ кіевской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ богуславское духовное училище и проходилъ эту должность почти два года. Въ 1861 году онъ поступилъ въ студенты кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ варшавскій округъ, въ калишскую женскую гимназію, учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Польши. Черезъ годъ онъ перешелъ по прошенію въ г. Сѣдлецъ, въ женскую греко-уніатскую гимназію, учителемъ тѣхъ же предметовъ. Пробывъ въ этой гимназіи шесть лѣтъ, И. С. Левицкій былъ переведенъ въ сувалкскую женскую гимназію, но перешелъ, вмѣсто этой гимназіи, въ одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую гимназію, гдѣ и состоитъ учителемъ русскаго языка.

Первые разсказы и повѣсти г. Левицкаго „Экзаменъ", „Судъ надъ нами" (изъ студенческой жизни автора), „Дві московки", „Рыбалка Панасъ Кругь" и „Причепа" печатались, начиная съ 1867 года, за границей въ львовскомъ журналѣ „Правда", гдѣ напечатанъ былъ также его переводъ повѣсти Щедрина „Про те, якъ мужикъ харчувавъ двохъ генераливъ". Изъ нихъ повѣсти „Дві московки", „Рибалка Панасъ Кругь" и „Причепа" изданы были особой книгой, подъ заглавіемъ: „Повісті Ивана Нечуя, томъ I. У Львові. 1871 г". Этотъ первый томъ повѣстей г. Левицкаго былъ пропущенъ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ для напечатанія въ Россіи, но почему-то задержанъ главнымъ управле-

ніемъ по дѣламъ печати и въ цѣломъ видѣ не былъ напечатанъ въ Россіи. Изъ него напечатана въ 1874 году въ Кіевѣ особой брошюрой повѣсть „Рибалка Панасъ Круть", которая въ русскомъ переводѣ помѣщена была въ газетѣ „Кіевлянинъ" за 1874 годъ (№ № 8—10) и перепечатана въ сборникѣ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Повѣсть „Дві московки" перепечатана въ Кіевѣ уже въ 1882 году. Что же касается „Причепы", то эта болѣе капитальная повѣсть не имѣла перепечатокъ въ Россіи.. Она обратила на себя вниманіе за границей, переведена на польскій языкъ, издана въ Познани, въ Пруссіи, подъ заглавіемъ Przybłęnda (Приблуда), ukrainska powiesc Iwana Neczuja, и, какъ видно изъ библіографическаго указателя по дѣламъ печати за 1878 годъ, дозволена въ Россіи безусловно. Рецензія на „Причепу" была помѣщена въ галицкихъ польскихъ газетахъ, и довольно благопріятная, не взирая на то, что въ „Причепѣ" описываются поляки здѣшняго края не съ выгодной для нихъ стороны. Была еще небольшая рецензія на нее въ итальянскомъ журналѣ „Revista Europea, въ статьѣ" Jl movemento literario Ukraino", гдѣ она озаглавлена „Паразиты". Въ Россіи первымъ изъ произведеній г. Левицкаго былъ напечатанъ отдѣльною брошюрою очеркъ „Неможна бабі Парасці вдержатись на селі", который потомъ перепечатанъ былъ и въ газетѣ „Кіевлянинъ" за 1874 годъ (№ 11). Этотъ же очеркъ вошелъ и въ составъ книги „Повісті І. Левицкаго, Кіевъ, 1874, гдѣ, кромѣ того, помѣщены—большая повѣсть „Хмари" изъ жизни Кіева и кіевской академіи и сказка „Запорозьці", вышедшая также и отдѣльною брошюрою въ 1874 году. „Запорозьці" и отрывокъ изъ „Хмаръ", подъ заглавіемъ „Новий чоловікъ", печатались въ „Правдѣ" за 1873 годъ и въ 1875 году были изданы во Львовѣ особою брошюрою Въ томъ же 1875 году напечатана въ „Правдѣ" фантазія „Бідний думкою багатійе" и вышли въ Кіевѣ особыми брошюрами сочиненія г. Левицкаго: разсказъ „Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти", вышедшій новымъ изданіемъ въ 1882 году; „Маруся Богуславка, оперета в четирех діях"; „На Кожумъяках, комедія въ пъяти діях", и историческія популярныя сочиненія—„Унія и Петро Могла", „Перші кіевськи князі Олег, Игорь, Святослав и св. Владимір и его потомки" и „Татари и Литва". Позднѣйшія произведенія нашего автора суть слѣдующія: „Світогляд українського народу", печатавшійся въ „Правдѣ" за 1876 годъ и въ 1877 году вышедшій въ Львовѣ особой брошюрой; повѣсть „Микола Джеря" въ „Правдѣ" за 1878 годъ, перепечатанная въ кіевскомъ альманахѣ „Рада" на 1883 г.; „Украинській гетьман Богданъ Хмельницький и козаччина", Львовъ, 1878 г.; „Исторія Руси", въ четырехъ выпускахъ, Львовъ, 1878—1881 г.; повѣсть „Кайдашева семья", печатавшаяся въ „Правдѣ" за 1879 годъ и вышедшая въ Львовѣ особой брошюрой въ 1880 году; повѣсть „Бурлачка", Кіевъ, 1881 г.. „Прыятели"

и „Шевченкова могила“ въ украинскомъ альманахѣ „Луна“ на 1881 годъ; „Гетьмани Выговськiй та Юрiй Хмельницький“, Львовъ, 1881 года; „Автобiографiя“, въ „Свiтѣ“, 1881 г., №№ 7 и 8; „Нашi батюшкi й матушкi“,—повѣсть, написанная въ 1882 году для журнала „Кiевская Старина“ [1]).

Такимъ образомъ, всѣхъ произведенiй И. С. Левицкаго, написанныхъ имъ въ теченiи 16-ти лѣтъ его литературной дѣятельности, насчитывается въ настоящее время свыше двадцати, что свидѣтельствуетъ о большой плодовитости пера автора, которая, однако, не дѣлаетъ ущерба внутреннему содержанiю и достоинству его произведенiй. Мы уже имѣли случай указать, что нѣкоторыя произведенiя г. Левицкаго обратили на себя вниманiе и иностранной критики. Но еще большимъ вниманiемъ пользуются его произведенiя у русскихъ читателей и рецензентовъ и особенно у его земляковъ. Корифеи украинской литературы сразу замѣтили недюжинный литературный талантъ г. Левицкаго и благосклонно приняли его въ свой ареопагъ. Въ предисловiи къ первому тому повѣстей Ив. Левицкаго, изданному во Львовѣ въ 1871 году, издатель говоритъ слѣдующее: „Его повѣстей выходитъ первый томъ. Скоро можно бы ожидать намъ и дальнѣйшихъ томовъ, если Галичина хорошо встрѣтитъ этотъ прекрасный подарокъ украинскаго писателя, прiобрѣвшаго себѣ еще другими произведенiями добрую славу въ писательскомъ кругу Пантелеймонъ Кулишъ, прочитавши третью повѣсть сего тома („Причепу“), сказалъ про Ивана Нечуя, что онъ первый коснулся нашей общественной жизни и этимъ положилъ начало романамъ соцiальнымъ. Критика Пантелеймона Кулиша служитъ доброю порукой за большое значенiе произведенiй Ив. Нечуя, и потому мы смѣло просимся въ гости въ каждую правдиво-русскую хату. Съ своей стороны мы должны прибавить, что Иванъ Нечуй въ своихъ повѣстяхъ, рисуетъ ли онъ ситуацiи души человѣческой, или представляетъ нашимъ очамъ виды природы, является великимъ художникомъ, и вся Украина возлагаетъ на его талантъ большiя надежды“. Съ неменьшею похвалою отзывается о г. Левицкомъ и Н. И. Костомаровъ. „Г. Левицкiй—говоритъ онъ,—безспорно талантливѣйшiй изъ современныхъ малорусскихъ писателей... По нашему мнѣнiю,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, г. Левицкiй, какъ писатель, посвятившiй свою дѣятельность изображенiю простонароднаго быта, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей этого рода у насъ въ Россiи, и очень жаль, что имя его, кромѣ Малороссiи, недостаточно извѣстно публикѣ другихъ частей нашего

---

[1]) Подробный перечень сочиненiй г. Левицкаго—въ „Покажчикѣ“ М. Комарова, 1883 г.

отечества. Мы высоко цѣнимъ произведенія такихъ писателей, какъ гг. Д. Григоровичъ, П. Мельниковъ (Андрей Печерскій), А Потѣхинъ, Г. Успенскій, и другихъ, посвятившихъ себя спеціально изученію и художественному изображенію быта, нравовъ и пріемовъ жизни великорусскаго простолюдина со всѣми оттѣнками его мѣстной рѣчи. Но никто изъ этихъ талантливыхъ писателей не выводилъ малоросса въ своихъ произведеніяхъ. Никто, надѣемся, не станетъ возражать, что это—большой пробѣлъ въ нашей народной литературѣ. Только такіе писатели, какъ г. Левицкій, и могутъ дополнить этотъ пробѣлъ, и притомъ произведеніями на мѣстномъ нарѣчіи [1])". Очевидно, Н. И. Костомаровъ имѣетъ здѣсь въ виду собственно повѣсти и разсказы г. Левицкаго изъ простонароднаго украинскаго быта, не касаясь болѣе крупныхъ его повѣстей „Причепа" и „Хмари", изображающихъ другія сословія и племена. Но г. Пыпинъ во второмъ изданіи своей „Исторіи славянскихъ литературъ" и эти послѣднія повѣсти ставитъ въ особую заслугу автору, такъ какъ онъ попробовалъ изобразить въ нихъ такіе классы и общественно-политическія отношенія, которыхъ до него не касался никто почти изъ украинскихъ писателей.

Центромъ, около котораго вращается вся литературная дѣятельность г. Левицкаго, служитъ украинскій народъ до эмансипаціи и послѣ нея, въ различныхъ его отношеніяхъ къ московскому и польскому элементамъ. Программою литературной дѣятельности автора могутъ служить слѣдующія слова его въ повѣсти „Причепа": „Хто с киян не памъятае часу перед севастопольскою войною? То був тяжкий час для Украіни, то було йіі лихоліття. Простий народ стогнав у тяжкій неволі під панами, мусів мовчати й терпіти гірше як до Хмельницького. А за кожний стон його московським звичаем катовано. Украіна забула историчні перекази и не могла наукою дійти до страчених думок. На обох боках Дніпра опинились у чужих порядках, в чужій шкурі, набіралися чужоі мови, забували свою Згинула наука, впала просвіта, зоставшись тільки в схоластичних латинських духовних школах. Університецька наука була тільки язбука европейськоі просвіти, обрізаноі по казенній мірі."—„Московська школа на нашій Украіні,— говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ той же повѣсти,— багато одрізнила лучних людей од свого народу, од свого племъя, од семъі, од батька й матері. А знов народ дуже одрізнив сам себе од панів, од вчених украінців и косим оком споглядае на ніх! Меж ними викопана велика безодня! И потрібно великоі, великоі праці не одного генія, щоб за-

---

1) „Вѣстникъ Европы", февраль, 1882 г.: „Задачи украинофильства", по поводу украинскаго альманаха „Луна" на 1881 годъ.

сыпати ту провалину, почату ляхами, скінчану москалями, щоб звязати те, що порвала наша недбайлівість, та стидка украінська байдужість, та лежача недобачливість“. Засыпать эту пропасть, отдѣляющую простой украинскій народъ отъ привиллегированныхъ сословій, и составляетъ задачу нашего автора, который, для выполненія ея, изображаетъ неблагопріятныя соціальныя условія жизни простаго украинскаго народа, выставляя тѣ свѣтлыя черты нравственнаго народнаго облика, которыя видны даже изъ подъ коры внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, и караетъ вѣщимъ словомъ беллетриста-поэта интеллигентные слои мѣстнаго общества, испорченные польскимъ и московскимъ вліяніями. Такимъ образомъ, главная задача писателя, состоящая въ нравственномъ объединеніи всѣхъ слоевъ украинскаго народонаселенія на народныхъ началахъ, подраздѣляется на частнѣйшія задачи, именно: воспроизведеніе въ художественныхъ образахъ прошлаго и современнаго быта малороссовъ и изображеніе шляхетско-польскаго и московскаго вліяній на украинскую жизнь.

Въ художественномъ изображеніи простаго украинскаго народа г. Левицкій началъ съ того, съ чего и Марко-Вовчокъ, т. е. съ изображенія судьбы подневольнаго крѣпостнаго человѣка, но не остановился на этомъ изображеніи, равно какъ и не увлекся иллюзіями о счастливой и блаженной жизни свободнаго крестьянина, а напротивъ указалъ рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій, угнетающихъ свободу человѣка и послѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости.

Повѣсти „Микола Джеря“ и отчасти „Рибалка Панасъ Круть“ и „Дві московки“ коренятся еще въ эпохѣ крѣпостничества и крѣпостныхъ порядковъ. Женившись по любви, крестьянинъ Джеря вынужденъ былъ покинуть родное село и любимую жену и скрываться отъ преслѣдованій жестокаго пана. Микола служитъ на двухъ „сахарныхъ“ (заводахъ), а потомъ въ рыболовной ватагѣ у Аккермана, пока въ Аккерманъ не былъ назначенъ приставомъ близкій пріятель помѣщика Миколы. Тогда десять бѣглецовъ изъ села Вербівки, въ томъ числѣ и Джеря, были арестованы и преданы суду; но въ это время объявлена „воля“, и „бурлаки“, освобожденные отъ тюрьмы, возвращаются свободными людьми на родину. Но Джеря не засталъ жены въ живыхъ; дочь его Любка, покинутая еще груднымъ ребенкомъ, незадолго до того вышла замужъ, и Микола коротаетъ свой вѣкъ „пасічникомъ“, навсегда сохраняя ненависть противъ всякихъ притѣснителей. При надѣлѣ крестьянъ землею, онъ уговорилъ односельчанъ не брать плохой земли, за что снова угодилъ въ тюрьму, но оказался правымъ и скоро выпущенъ на свободу. Вообще г. Левецкій изобразилъ въ Миколѣ крестьянина даровитаго, честнаго, врага всякаго гнета и неправды, го-

товаго терпѣть тяжелыя лишенія и невзгоды, лишь бы избавить себя отъ обидъ и оскорбленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нѣжно любитъ свою семью, и одною изъ наиболѣе удачныхъ частей повѣсти должно считать возвращеніе Джери въ родное село, когда онъ узнаетъ о смерти любимой жены. Повѣсть читается не совсѣмъ легко и далеко не вездѣ съ одинаковымъ интересомъ [1]). — „Рибалка Панасъ Круть" испыталъ другаго рода крѣпостное право, свойственное только юго западной Россіи и доселѣ еще не отмѣненное, и сдѣлался его жертвою Онъ родился въ кіевской губерніи, въ одномъ мѣстечкѣ надъ р. Росью, принадлежавшемъ помѣщику и наполненномъ жидами. Съ одной стороны обременительность чиншевой платы помѣщику, съ другой—еврейская эксплоатація и ремесленная конкурренція парализовали ремесленную предпріимчивость Панаса Крутя. Сначала онъ поочередно брался за разныя ремесла: былъ скорнякомъ, портнымъ, сапожникомъ, охотникомъ и музыкантомъ, чтобы нажить себѣ если не богатство, то достатокъ. Онъ и зарабатывалъ понемногу, но не могъ, какъ говорятъ, на ноги встать. Бѣдность свела въ могилу его жену. По смерти ея, Панасъ Круть остановился, наконецъ, на рыболовствѣ и занимался этимъ промысломъ около 23 лѣтъ, оставляя заработанныя деньги въ шинкѣ у жидовки. Панасъ Круть и умеръ какъ истый рыбакъ, потонувъ въ р. Роси во время половодья.—Своего рода крѣпостничество или закрѣпленіе такъ называемыхъ кантонистовъ за военнымъ сословіемъ, со всѣми грустными послѣдствіями этого закрѣпленія, изображаетъ повѣсть г. Левицкаго „Дві московки". Въ село Момоты, по разсказу повѣсти, возвращается въ безсрочный отпускъ молодой и красивый солдатъ Василь къ своей матери, старой Хомихѣ. Не одна Хомиха обрадовалась возвращенію Василя. На селѣ были двѣ дѣвицы Ганна и Марина, щирыя подруги. Ганна была небольшаго росту, съ тихимъ взглядомъ и характеромъ, а Марина была смугла лицомъ, смѣла и проворна. Обѣ онѣ полюбили молодаго, красиваго москаля (солдата), но Ганна была счастливѣе своей подруги и вышла за него замужъ. Хорошо она зажила съ Василемъ: работали они вмѣстѣ, устроили хозяйство и даже скопили немного деньжонокъ. Ганна подарила Василю сына Ивана. Но счастье молодыхъ супруговъ продолжалось недолго. Въ одинъ прекрасный день момотянскій осаулъ оповѣстилъ Василя, что его требуютъ въ Кіевъ, въ походъ. Василь ушелъ въ походъ и больше не возвращался, старая Хомиха скоро умерла, а Ганна долго еще боролась съ горемъ, зарабатывая себѣ насущный хлѣбъ и подкрѣпляясь надеждой на подростающаго сына; но и сына ея взяли въ кантонистскую школу и длин-

---

[1]) Рецензія на эту повѣсть—въ 104 № газеты „Заря" за 1883 г.

нымъ рядомъ истязаній исказили его нравственно, заставивъ забыть родную рѣчь и безумно гордиться званіемъ какого-то писаря. Ганна умерла въ бѣдности раньше своего сроку, на рукахъ Марины Что же касается самой Марины, то она долго еще тужила по Василѣ и завидовала короткому счастью Ганны; наконецъ, на зло себѣ и людямъ, вышла замужъ за перваго попавшагося жениха, какимъ оказался такой же отпускной москаль, хотя и добрый, но нелюбый ей Тяжко было жить Маринѣ съ немилымъ, и потому она была если не рада, то совершенно равнодушна, когда ея мужа тоже потребовали въ походъ. Проводивъ мужа, Марина повела свободную и веселую жизнь, собирала у себя вечерницы и пѣла и плясала на нихъ. Смерть безпомощной Ганны, послѣдовавшая въ это время, заставила Марину призадуматься на нѣкоторое время и надъ своею будущностію. Но скоро явилась въ селѣ еще какая-то московка изъ города и соблазнила Марину отправиться въ Кіевъ на легкіе хлѣба и хорошій заработокъ. Здѣсь Марина дошла до крайней степени нравственнаго униженія и паденія и умерла въ нищетѣ, гдѣ-то подъ заборомъ Въ художественномъ и битовомъ отношеніяхъ эта повѣсть считается однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Левицкаго. По отзыву одного рецензента, эта повѣсть представляетъ собою „прекрасный, полный глубокаго психическаго анализа разсказъ, и вообще составляетъ лучшую вещь нашего автора [1])." Она „вѣрно и трогательно, — по словамъ Н. И. Костомарова, — изображаетъ судьбу солдатокъ, проживающихъ въ малорусскомъ селѣ". „Судьба этихъ двухъ московокъ,—говоритъ другой рецензентъ, не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры. По нѣжности струнъ, которыя звучатъ въ повѣсти, по типичности характеровъ, выведенныхъ въ ней, повѣсть „Дві московки" прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу не только какъ воспоминаніе о недавномъ прошломъ, но и какъ варіяція тѣхъ испытаній судьбы, которыя и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ: тэма семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана; въ добавокъ эта слащавость въ описаніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органическій недостатокъ автора и повторяющаяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ [2]).

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и отмѣною кантонистовъ, не было, однако, совершенно уничтожено рабство народа, поступившаго

---

[1]) „Кіевскій Телеграфъ", 1875 г., № 30,

[2]) „Кіевская Старина", за іюнь 1883 г.: Библіографія, стр. 364—365.

теперь въ новую кабалу къ евреямъ и другимъ мелкимъ и крупнымъ аферистамъ и эксплоататорамъ. Это не только матеріальное, но и нравственное иго изображается г. Левицкимъ въ разсказѣ „Прыятели" и въ повѣсти „Бурлачка". Въ „Прыятеляхъ" два крестьянина, носящіе одно имя Кузьма, одинъ Кузьма Коваль, другой—Кузьма Гуляй, вмѣстѣ росли, разомъ женились, но шли по разнымъ путямъ: Коваль былъ человѣкъ трудолюбивый и расторопный, Гуляй-лѣвый и безалаберный Послѣдняго жидъ соблазняетъ легкимъ способомъ пріобрѣтать деньги; сначала онъ уговариваетъ его, вмѣстѣ съ сыномъ, принимать на сохраненіе краденыя вещи, потомъ, мало по малу овладѣвши совѣстью отца и сына, подбиваетъ ихъ самихъ на воровство. Сынъ, при участіи отца, обокралъ церковь. Скоро однако преступленіе открылось, и Гуляй былъ обличенъ своимъ давнимъ пріятелемъ Ковалемъ, который узналъ покинутыя похитителями въ притворѣ церкви щипцы, утащенныя у него Кузьмой Гуляемъ изъ кузницы. „Разсказъ живой,—говоритъ объ этомъ произведеніи Н. И. Костомаровъ,—написанный съ знаніемъ пріемовъ народной жизни, хотя неполонъ и кажется болѣе наброскомъ, чѣмъ оконченнымъ сочиненіемъ". Въ повѣсти „Бурлачка" изображена жизнь малорусской дѣвушки, которую жиды увлекли на работы сначала въ панское имѣніе, а потомъ на суконную фабрику. Васылына, такъ звали дѣвушку, подрядившись вмѣстѣ съ другими дивчатами и хлопцами полоть бураки (свекловицу) къ журавскому поссессору пану Владиславу Ястшемьскому, сошлась здѣсь съ парубкомъ Василемъ Кравченкомъ; но еврей Лейба, желая прислужиться пану поссессору, явился сводникомъ между нимъ и Васылыною. Васылына осталась служить во дворѣ пана Ястшемьскаго, стала понемногу забывать Василя и привязываться къ пану, который, притомъ же, обѣщалъ жениться на Васылынѣ. Но онъ только загубилъ молодость, красу и честь молодой дѣвушки, а потомъ выжилъ ее изъ своего дому, задумавъ жениться на паннѣ Брониславѣ Дембинской. По указанію жида Лейбы, Васылына отправилась пѣшкомъ въ м. Стеблевъ къ жиду Лейзору Рабыненкѣ, доставлявшему рабочихъ на сахарную и суконную фабрики стеблевскія, и уже въ самомъ Стеблевѣ, въ бурьянѣ надъ р. Росью, родила сына и въ безсознательномъ состояніи бросила его въ рѣку. Здѣсь нашли ее три бабы и одна молодица Марія Янивна, привели въ чувство и отвели въ хату къ Маріѣ Янивнѣ, работавшей на фабрикѣ. Молодая натура и жажда жизни спасли Васылыну отъ смерти; она понемногу оправилась и стала работать на суконной фабрикѣ, въ свободное время отдаваясь веселію и разгулу среди фабричной молодежи. Она и здѣсь имѣла своихъ обожателей, Мину и столяра Ивана Михалчевскаго, вышла замужъ за послѣдняго и имѣла двухъ дѣтей, сына и дочь. Когда они подросли, Васылына отправилась съ

мужемъ навѣстить своихъ родителей. Свиданіемъ съ ними и оканчивается повѣсть

Главная бѣда малорусскаго простонародья зависѣла и зависитъ не столько отъ евреевъ и разныхъ поссессоровъ, сколько отъ недостатка элементарнаго образованія и первыхъ начатковъ общественности. Противо-общественныя явленія въ сельской жизни г. Левицкій старается изобразить въ своихъ разсказахъ: „Неможна бабі Парасці вдержатись на селі" и „Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти". Первый разсказъ ведется отъ лица Параски, которая никакъ немогла ужиться на селѣ со своими сосѣдями и собиралась переселиться на кубанскія степи. Но особенно она жаловалась на Палажку Соловьиху, у которой будто бы „сім хур чортів сидить в однім очіпку", и которую Параска всячески старалась очернить, взводя на нее разныя небылицы. Другой разказъ составляетъ какъ бы продолженіе перваго. Палажка Соловьиха, въ свою очередь, старается защитить себя отъ нападеній Параски, которая де „як скажена собака бігае по дворах, та вигадуе на нее, Палажку, таке, що й купи не держиться". Палажка не остается въ долгу у Параски, жалуется на нее всѣмъ и тоже распускаетъ всевозможныя клеветы и сплетни о ней. „Разсказы эти, по словамъ Н. И. Костомарова, лучшее произведеніе талантливаго автора и, по неподражаемому юмору, вѣрности красокъ, могутъ стать въ уровень съ Гоголевскимъ разсказомъ о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился въ Иваномъ Никифоровичемъ." Оба эти произведенія г. Левицкаго представляютъ весьма типичные юмористическіе очерки изъ народнаго быта, для болѣе вѣрнаго изображенія котораго авторъ пользуется темными народными вѣрованіями въ вѣдьмъ, катающихся клубкомъ, выдаивающихъ чужихъ коровъ, и искаженными суевѣрными молитвами. Читая эти очерки, такъ и видишь сельскихъ зубатыхъ бабъ, съ ихъ привычкою сплетничать, клеветать и осуждать ближняго, готовыхъ изъ-за пустяковъ подпимать ужасный крикъ. Это схваченное съ натуры и мастерски представленное изображеніе человѣческаго убожества въ образѣ Парашки и Палажки предназначалось авторомъ для народнаго чтенія, съ цѣлью чисто нравоучительной. По крайней мѣрѣ, всякій грамотный малороссъ, прочитавши эти строки, сказалъ бы, что Параска и Палажка—бабы скверныя, и что подобныхъ имъ нужно исправлять, учить уму—разуму. Другая, болѣе серьезная задача этихъ очерковъ заключается въ томъ, чтобы показать, насколько еще грубъ и невѣжественъ нашъ простой народъ, который не имѣетъ никакого образованія и особенно нуждается въ здравыхъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ другомъ, какъ не о грубомъ религіозномъ невѣжествѣ свидѣтельствуетъ слѣдующая, напримѣръ, молитва, приводимая авторомъ разсказовъ: „Ослаби, остави! одпусти, прости й припусти, присунься й

одсунься; прикотись і за село по-за царином покотись од нині й до віка"! [1]).

Тотъ же недостатокъ истиннаго образованія выставляется на показъ въ комедіи г. Левицкаго „На кожумъяках", но съ тою разницею, что здѣсь сфера дѣйствія—не сельская жизнь, а городская, мѣщанская, въ ея соприкосновеніи съ разными мнимо-просвѣщенными людьми. Очевидно, въ этой сферѣ чувствуется уже потребность хоть какого нибудь образованія; но это образованіе понимается чисто съ внѣшней стороны, какъ декоративная сторона невѣсты, дочери зажиточныхъ мѣщанъ, какъ приманка для жениховъ изъ другихъ сравнительно высшихъ сословій. Въ Кіевѣ, на урочищѣ Кожемякахъ, жилъ мелкій торговецъ мѣщанинъ Сидоръ Свиридовичъ Рябковъ съ женой своей Евдокіей Корніевной и единственной дочерью Евфросиной, которая три мѣсяца прожила въ пансіонѣ и потому считалась образованною барышнею. Она представляетъ собою капризное, тщеславное и вѣтреное существо и бранитъ своихъ родителей за то, что они „прості" и говорятъ „помужичий". При появленіи въ домѣ своихъ особыхъ знакомыхъ, съ претензіей на образованность, Евфросина высылаетъ изъ „світлиці" отца „до кімнати", а мать „до пекарні", и тѣ всегда безпрекословно повинуются ей и обращаются къ ней не иначе, какъ на *вы*. Евфросина неравнодушна къ молодому цирульнику Гострохвистому, который былъ выше своей среды только тѣмъ, что носилъ шляпу и перчатки, имѣлъ болтливый языкъ и знался не только съ семинарскими басами, но даже и съ митрополичьими. При своемъ фразерствѣ, Гострохвистый былъ ужасный хлыщъ, любившій пускать „в вічи туману, пройдисвіт и брехун", для котораго не было ничего завѣтнаго и святаго. Сегодня онъ одной клялся въ любви, а завтра другую увѣрялъ въ томъ же. Чтобы выпутаться изъ долговъ, онъ возымѣлъ намѣреніе поживиться деньгами Рябковыхъ и съ этою цѣлію сталъ ухаживать за Евфросиною. Дѣло пошло было на ладъ, и Евфросина считалась уже невѣстой Гострохвистаго. Но онъ не сдержалъ во-время своей поганой натуришки и, къ счастію Рябковыхъ, выдалъ передъ ними самъ себя. Въ домѣ Рябковыхъ онъ увидѣлъ двоюродную сестру Евфросины, смазливую Оленку, дочь торговки Горпины, и приволокнулся за нею: но Горпина однажды застала его на свиданіи со своею Оленкою и хотѣла расправиться съ нимъ посвоему. Тогда Гострохвистый увѣряетъ Горпину, что онъ женится на ея дочери Оленкѣ, и послѣ того бываетъ у Горпины въ качествѣ Оленкива жениха, торопясь вмѣстѣ съ тѣмъ приготовленіями къ свадьбѣ съ

---

[1]) „Кіевскій Телеграфъ", 1875 г., № 30. Есть еще рецензія на эти разсказы въ „Кіевской Старинѣ", за іюнь, 1883 г.: Библіографія, стр. 363.

Евфросиной. Уже назначенъ былъ день свадьбы, и женихъ и невѣста собирались уже къ вѣнцу. Въ это время является къ Рябковымъ Горпина съ Оленкою, раскрываетъ плутни Гострохвистаго и разстраиваетъ бракъ его съ Евфросиною. Рябковы бросаются на него съ крикомъ и бранью и прогоняютъ; уходятъ безъ выпивки и митрополичьи басы, приглашенные—было Гострохвистымъ на свадьбу. Предметъ комедіи взятъ изъ той среды, изъ которой почерпалъ содержаніе своихъ комедій и Островскій. Разница только та, что герои комедіи г. Левицкаго— малороссы, и всѣ ихъ поступки и дѣйствія носятъ печать малорусскаго характера и мѣстныхъ кіевскихъ условій. Н. И. Костомаровъ находитъ въ этой пьесѣ большія комическія достоинства и желаетъ, чтобы она была поставлена на сценѣ [1]).

Восходя отъ низшихъ сферъ къ болѣе и болѣе высшимъ, г Левицкій не разъ пытался бросить свой поэтическій взглядъ и на вопросы высшаго порядка, изобразить внутреннія междуплеменныя отношенія русскаго государства. Эта грандіозная задача лежитъ въ основѣ его сказки-поэмы ,,Запорожці'' и двухъ большихъ его повѣстей ,,Причепа'' и ,,Хмари''. Въ нихъ онъ старается обрисовать историческія и современныя отношенія Малороссіи къ Россіи и Польшѣ. Но для выполненія этой грандіозной задачи у автора не достало средствъ и безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ дѣлу, и поэтому эти произведенія г. Левицкаго обилуютъ тенденціозностію, которая вредитъ самой художественности изложенія, хотя и въ этихъ произведеніяхъ есть много прекрасныхъ частностей.

Общій взглядъ автора на судьбы Малороссіи выражается въ его сказкѣ-поэмѣ ,,Запорожці''. Творческая фантазія автора переносится къ запорожцамъ, которые, благодаря своему ,,характерничеству'', живутъ подъ водою, на волшебномъ островѣ, между скалами днѣпровскихъ пороговъ, со своимъ гетманомъ, ,,високим як Палій, гарним як Мазепа, сміливим як Богдан Хмельницький''. Тамъ запорожцы располагаютъ несмѣтными богатствами и фантастически роскошною природою, а сѣдой кобзарь и прекрасная дѣвица, превращенная въ калиновый кустъ, распѣваютъ имъ украинскія пѣсни. Случайнымъ гостемъ подводныхъ запорожцевъ и очевидцемъ всѣхъ чудесъ этой страны является молодой лоцманъ Карпо Летючій. Онъ взялся провесть черезъ днѣпровскіе пороги купеческій байдакъ, но разбилъ его по неосторожности. Потерявъ чрезъ это репутацію ис-

---

[1]) Въ 1883 г., она, въ передѣлкѣ М. П. Старицкаго, была поставлена на сцену, но, повидимому, не имѣла большаго успѣха. См. газету „Заря", 1883 года, № 240.

кусная лоцмана, а съ нею руку и сердце атаманской дочери Олеси, Карпо бросился въ бушующія волны пороговъ и очутился у подводныхъ запорожцевъ. Отъ него узнали они, что про славныя дѣла запорожцевъ ничего не говорятъ на землѣ ни „попи", ни „ченці", ни „вчени люде", а лишь иногда вспоминаютъ о нихъ кобзари да старики, и что Украйну по-прежнему опустошаютъ жиды, поляки и москали. Услышавъ это, запорожцы помолились Богу за Украйну и отправили назадъ Карпа съ дѣвицею, распѣвавшею имъ пѣсни. Явившись на землю, Карпо узнаетъ, что имущество его отца продано по иску хозяина разбитаго имъ байдака, и что ему самому угрожаетъ жестокое наказаніе, и уходитъ заграницу, на Дунай. Дѣвица же, увидѣвши, что Украина и ея богатства принадлежатъ польскимъ панамъ и жидамъ, а народъ трудится и ничего не имѣетъ, заплакала и, опять превратившись въ калиновый кустъ, начала распѣвать запорожцамъ грустныя пѣсни про бѣдствія Украины. Вслѣдъ за ней зарыдалъ гетманъ, зарыдали и запорожцы, какъ малыя дѣти.

Частнѣйшія черты отношеній Малороссіи къ Польшѣ и Россіи изображаются въ повѣстяхъ „Причепа" и „Хмари".

Дѣйствіе повѣсти „Причепа" открывается въ селѣ Нестеринцахъ, въ домѣ отца Θеодора Чепурковскаго. О. Θеодоръ сидѣлъ за чаркою водки съ сосѣдомъ своимъ о. Моисеемъ и, по своему обычаю, хохоталъ надъ всѣмъ и всѣми, даже надъ самимъ собою, хохоталъ тѣмъ смѣхомъ сквозь слезы, который такъ извѣстенъ въ Россіи по произведеніямъ Гоголя. Веселый, толстый, полный хозяинъ представлялъ рѣшительную противоположность о. Моисею, высокому, желтому, сухому и болѣзненному человѣку, съ очевидными признаками запоя. Ихъ подружила и соединила между собою самая противоположность характеровъ. Батюшки полушутя. полусерьезно разговаривали о домашнихъ дѣлахъ. Между прочимъ, о. Θеодоръ, имѣвшій семь дочерей, высказалъ свое намѣреніе выдать старшую изъ нихъ за нѣкоего Серединскаго, подписаря какого-то писаря, ополяченнаго малоросса, если только этотъ Серединскій сдѣлаетъ предложеніе. На слѣдующій день не успѣли еще отцы опохмѣлиться, какъ являются къ о Θеодору панъ Хоцинскій и панъ Серединскій, первый въ качествѣ свата, а второй въ качествѣ жениха. Въ видѣ приступа, панъ Хоцинскій проповѣдуетъ свои польско-крѣпостническія идеи. О. Θеодоръ съ своей стороны не находилъ препятствія къ браку его дочери съ паномъ Серединскимъ, если только послѣдуетъ на то согласіе матери и самой невѣсты. Дочь Ганя неравнодушна была къ Серединскому, а матери очень не хотѣлось выпустить свою дочь изъ духовной касты и выдать ее за какого-то лишка-панка недовѣрка, но и она, скрѣпя сердце, рѣшилась не противорѣчить мужу и дочери. Начались приготовленія къ свадьбѣ, мастерски описанныя авторомъ, а за-

тѣмъ послѣдовала и самая свадьба. Недолго Серединскій былъ писаремъ на экономіи. Хоцинскій подставилъ ногу старому эконому на другой половинѣ села Нестеринецъ и посадилъ на его мѣсто экономомъ Серединскаго. Ганя была счастлива по своему, помогала мужу въ хозяйствѣ и только по временамъ испытывала истому своего влюбленнаго, ревниваго сердца, когда ея дорогой Ясь почему либо запаздывалъ къ обѣду или и вовсе не приходилъ обѣдать. Она, наконецъ, подарила своему мужу сына. Но Серединскій, помѣшанный на польскомъ гонорѣ, на польской любви къ магнатству, на польскомъ пренебреженіи къ простому народу „быдлу", не могъ удовлетвориться скромною, мирною обстановкою своей украинской семьи и все старался пролѣзть выше и выше, попасть въ вельможные паны. По рекомендаціи Хоцинскаго, онъ перешелъ на лучшее экономское мѣсто въ Кушнірівку, въ 15-ти верстахъ отъ Нестеринецъ, а потомъ приглашенъ былъ однимъ богатымъ княземъ на экономію въ мѣстечко Каманое. Богатое содержаніе, пышная обстановка квартиры не вскружили головы Ганѣ, продолжавшей попрежнему любить меньшую братію и запросто говорить съ наймичками и прислугою; но онѣ вскружили голову Серединскому. Онъ теперь сталъ недоволенъ Ганею за ея простое домохозяйство, за ея гуманное обращеніе съ прислугой, видѣлъ въ ней простую украинскую поповну, недостойную его руки, и втайнѣ сожалѣлъ о томъ, что женился на Ганѣ. Къ довершенію семейной розни, Серединскій познакомился, по рекомендаціи Хоцинскаго, съ семействомъ сосѣдняго бѣднаго эконома Лемишковскаго. Обстановка Лемишковскаго была крайне бѣдна и неприглядна; но среди этой обстановки прозябала завзятая полька Зося, жена Лемишковскаго, промотавшая все состояніе своего мужа на мнимо-великосвѣтскія затѣи и прихоти. Эта Зося Лемишковская и показалась Серединскому тѣмъ идеаломъ польской образованной женщины, о которомъ онъ мечталъ и котораго не видѣлъ въ своей скромной украинкѣ Ганѣ. Отселѣ начинается у г. Левицкаго исторія семейства Лемишковскихъ и тянется дотолѣ, пока она не переплетается прискорбнымъ образомъ съ семейною исторіей Серединскихъ.

Лемишковскій былъ сынъ одного богатаго мѣщанина Лемишки въ западной Украинѣ, истаго украинца. Старые Лемишки крѣпко любили своего единственнаго сына Якима, хотѣли научить его уму-разуму и отдали его въ духовную школу, а потомъ перевели оттуда въ гимназію. Якимъ ненавидѣлъ школу и науку, но все таки кое-какъ окончилъ курсъ гимназіи, вынесши оттуда панское приращаніе *скій* къ своей фамиліи, фанфаровство и презрѣніе къ своей рѣчи и къ своимъ простымъ родителямъ. Поздно старый Лемишка убѣдился, что изъ его сына не будетъ хорошаго хозяина нажитому имъ добру. Лемишковскій поступилъ въ кіевскій университетъ, но плохо учился здѣсь и былъ выгнанъ отсюда

за лѣность, кутежи и буянство. Нравственно испорченный и неспособный ни къ чему серьезному, Якимъ мечталъ только о казенной службѣ, чинахъ и крестахъ и съ этою цѣлію поступилъ канцеляристомъ въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ своего роднаго города. Здѣсь онъ встрѣчается сначала на улицѣ, а потомъ на балу у своего начальника—поляка съ Зосею Пшепшинскою и ея сестрами, дочерьми становаго пристава—поляка, франтихами и кокетками. Якимъ влюбляется въ меньшую сестру Зосю и женится на ней, не безъ интриги съ ея стороны, вопреки желанію стараго Лемишки. Зосѣ, съ ея панскими замашками, противно было выходить замужъ хотя и за молодаго, красиваго и образованнаго, но все-таки мѣщанскаго сына. Она утѣшалась только тѣмъ, что надѣялась прибрать со временемъ въ свои руки всю семью Лемишекъ и прочистить глаза ихъ трудовымъ деньгамъ. Такъ и сталось. Умеръ убитый горемъ Лемишка, умерла и Лемищиха, поздно разочаровавшись въ любимой ею невѣсткѣ Зосѣ. Имѣніе Лемишекъ досталось Лемишковскимъ; но горячая, неугомонная натура Зоси не удовлетворилась этимъ. Зося не захотѣла оставаться въ мѣщанскомъ домѣ, котораго могли гнушаться паны—ляхи, и заставила мужа продать свое имущество и переѣхать на службу подальше, гдѣ бы не знали объ его мѣщанскомъ происхожденіи. Нѣсколько разъ переѣзжалъ Якимъ съ мѣста на мѣсто, спустилъ все свое имущество и замѣтно самъ опускался, пока наконецъ не очутился экономомъ въ Тхорівкѣ, гдѣ и навѣстилъ его Ясь Серединскій.

Визитъ молодаго управителя въ княжескомъ имѣніи, т. е. Серединскаго, оживилъ угасавшія надежды Зоси на веселую жизнь въ большомъ польскомъ свѣтѣ. Зося и ея гувернантка Теодозя, постоянно бредившая Варшавою, стали интриговать пана Серединскаго и унижать передъ нимъ его Ганю, простую украинку. Интрига имѣла полный успѣхъ. Ясь Серединскій полюбилъ гордую, пышную Зосю и охладѣлъ къ своей скромной Ганѣ. Ганя вяла, какъ нѣжный цвѣтокъ, грустилъ и мужъ Зосинъ, Якимъ Лемишковскій. Дѣло окончилось тѣмъ, что о. Ѳеодоръ взялъ свою больную дочь Ганю домой, поколотивъ первоначально Серединскаго; Серединскому было отказано отъ мѣста управителя; сестры Зоси, пріѣхавшія было къ ней въ гости, были выгнаны Якимомъ изъ дому, а Зося осталась съ мужемъ и стала побаиваться его. Ганя умерла, а съ нею умерло и счастье Серединскаго. „И не разъ и не два плакалъ онъ по Ганѣ; да не вернется уже въ другой разъ то, что потонуло въ морѣ бездонномъ“.

Повѣсть имѣла въ виду представить малорусскіе и польскіе типы и изобразить племенныя отношенія ихъ между собою. Между тѣми и другими лежитъ громадная пропасть, фальшиво заграждаемая переходными типами ополячивающихся или уже ополяченныхъ украинцевъ. По одну сторону этой пропасти стоятъ свѣтлые типы истыхъ украинокъ

и украинцевъ, простой украинской поповны Гани и ея отца священника и старыхъ Лемишекъ, которые однако являются у нашего автора нѣсколько идиллическими и блѣдными; по другую сторону помѣщены отрицательные типы польской народности, панны Пшепшинскія, Теодози, Зоси и Хоцинскіе, которые всегда были заносчивы, матеріальны, легкомысленны, недовольны настоящимъ, жестоки, егозливы, неспособны ни къ какому честному и серьезному дѣлу. Между этими двумя противоположными типами стоятъ двуличные типы Яся Серединскаго и отчасти Якима Лемишковскаго, которые, будучи по происхожденію украинцами, заразились польскими нравами и обычаями, презрѣніемъ къ родной рѣчи и роднымъ обычаямъ, и сильно ополячились. Смотря по обстоятельствамъ и направленію вѣтра, эти личности могутъ примыкать къ любому изъ противоположныхъ лагерей. И конечно, сами по себѣ эти личности не заслуживали бы ни симпатіи, ни сожалѣнія, ни любви, ни ненависти; но они становятся для насъ интересными не столько сами по себѣ, сколько потому, что они связали свою судьбу съ представителями чисто украинскаго типа, поставили послѣднихъ въ несвойственную имъ польскую среду или обстановку и приготовили имъ трагическую участь. Какъ Ясь Серединскій, женившись на простой украинской поповнѣ, впослѣдствіи губитъ свою Ганю польско шляхетскими стремленіями и замашками, такъ и Якимъ Лемишковскій, женившись на Зосѣ Пшепшинской, дѣлается послушнымъ орудіемъ своей жены польки, огорчаетъ своихъ родителей и дѣлается косвеннымъ виновникомъ ускоренія ихъ смерти. Въ заключеніе и сами эти межеумки, какъ бы по вдохновенію украинской натуры своей, сознаютъ лживость пройденнаго ими жизненнаго пути, хотя уже и не въ состояніи возвратиться на истинный путь. Наученный горькимъ опытомъ, Якимъ Лемишковскій беретъ въ руки свою жену Зосю, а Ясь Серединскій, лишившись Гани, сталъ твердо смотрѣть на прошедшее и горько сожалѣть о загубленной Ганѣ и загубленномъ съ нею счастія. Остались неисправимыми только Зося съ своими сестрами и Теодози, сдѣлавъ лишь невольную, наружную уступку обстоятельствамъ. Все сочувствіе читателей склоняется на сторону положительныхъ украинскихъ типовъ, Гани съ отцомъ и старыхъ Лемишекъ. Напротивъ, Зося, панны Пшепшинскія, Теодозя и др. не могутъ возбуждать никакого сочувствія. Но этимъ чисто польскимъ отрицательнымъ типамъ нельзя отказать въ значительной энергіи, въ умѣньи достигать своихъ цѣлей, чего нельзя сказать о типахъ малороссовъ, отличающихся инерціей и пассивностью. Поэтому-то, можетъ быть, повѣсть „Причепа" полюбилась и самимъ полякамъ, переведена была на польскій языкъ и заслужила въ польской литературѣ благосклонные отзывы.

Притомъ же, эта повѣсть заключаетъ много бытовыхъ частностей, вѣрныхъ дѣйствительности. Авторъ самъ прожилъ довольно долгое время среди поляковъ, будучи однимъ изъ первыхъ піонеровъ обрусенія юго-западнаго края Россіи послѣ польскаго повстанія 1863 года, кружился въ водоворотѣ племенныхъ отношеній между поляками и русскими и имѣлъ возможность пристально всмотрѣться въ эти отношенія, опредѣлить и изобразить ихъ. Совершенно вѣрно и согласно съ другими свидѣтельствами изображаетъ авторъ кокетство польскихъ женщинъ, не брезгающихъ выйти замужъ за русскихъ чиновниковъ, которыхъ они мечтаютъ взять въ свои руки и передѣлать на свой ладъ. Такимъ же образомъ описываетъ ихъ и бывшій инспекторъ таtаровской гимназіи Линейкинъ (псевдонимъ М. Тулова) въ своей „Гимназической перепискѣ“ [1]). Но тогда какъ у Линейкина звучитъ скрытая иронія, г. Левицкій не считаетъ нужнымъ скрывать своего желчнаго сарказма, направленнаго противъ полекъ.

Совершенную параллель „Причепѣ“ представляетъ повѣсть г. Левицкаго „Хмари“, имѣющая въ виду изобразить отношенія между малороссами и представителями сѣверно-русской интеллигенціи. Въ этой повѣсти авторъ старается изобразить жизнь кіевской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Ходъ повѣсти слѣдующій.

Въ кіевскую академію собираются студенты изо всѣхъ концовъ Россіи и изъ предѣловъ Турціи и представляютъ изъ себя чрезвычайно пеструю смѣсь племенъ и нарѣчій. Не смотря на разность привычекъ и развитія, волей-неволей они должны были уживаться между собою и подчиняться однимъ и тѣмъ же правиламъ общежитія. Развитѣе всѣхъ были, по представленію автора, студенты изъ южныхъ славянъ и изъ малороссовъ, грубѣе—студенты изъ великороссовъ. Представителемъ малороссовъ является Дашковичъ, а представителемъ великороссовъ—Воздвиженскій, совершенно противоположные между собою не только по происхожденію, но и по характеру Не смотря однако на противоположность характеровъ, судьба, какъ бы въ насмѣшку, связала этихъ людей тѣсными узами на всю жизнь. Оба они оставлены были при академіи преподавателями, оба знакомятся уличнымъ образомъ съ дѣвицами Сухобрусовнами, оба дѣлаютъ предложеніе сестрамъ и женятся на нихъ; но ученая карьера ихъ была различная. Воздвиженскій, достигнувъ профессуры, махнулъ рукою на науку и занялся практическими своекорыстными интересами, а Дашковичъ самоотверженно предался наукѣ. Онъ задумалъ создать національную украинскую философію, но

---

[1]) „Основа“, за май, 1861 года. „Гимназическая переписка“ издана въ 1881 году въ Кіевѣ особой книгой.

предварительно счелъ нужнымъ изслѣдовать исторію западно-европейской философіи, а для объясненія послѣдней обратился къ философіи азіатскихъ народовъ. Тамъ онъ и засѣлъ на философіи китайцевъ, не сдѣлавъ ничего для національной украинской философіи. Только съ пробужденіемъ племеннаго чувства малороссовъ въ 60-хъ годахъ и стремленія малорусскихъ патріотовъ изучить бытъ и устную словесность южноруссовъ встрепенулась на время угасавшая мысль украинскаго философа, но лишь только для того, чтобы снова и окончательно угаснуть.

На смѣну этому умирающему профессору выступаетъ молодое поколѣніе, представителемъ котораго является въ повѣсти студентъ университета Радюкъ. Онъ пропагандируетъ какія-то новыя идеи. Но въ его пропагандивной дѣятельности замѣчается что-то порывисто-судорожное, неопредѣленное, недосказанное, противорѣчащее одно другому. „Все народолюбіе его,—говоритъ одинъ рецензентъ,—выражается на дѣлѣ тѣмъ только, что онъ разъ слегка помогъ больной бабѣ. Радюкъ обыкновенно только изливается въ крикахъ, иногда безсвязныхъ, и то не столько о народѣ, сколько о народности, а еще больше занимается нѣжностями съ барышнями, которымъ безразлично носитъ и Шевченка и „Графа Монтекристо“ [1]. Ареной пропагаторской дѣятельности Радюка былъ, между прочимъ, и домъ профессора Дашковича. Это было именно въ ту пору, когда Дашковичъ чуть было не измѣнилъ своей китайской философіи и не сталъ заниматься національными вопросами. Впрочемъ, Радюкъ имѣлъ въ виду не столько Дашковича, сколько его дочь, институтку Ольгу.

Воздвиженскій и Дашковичъ имѣли по дочери, на которыхъ отпечатлѣлись характеры и даже наружность родителей. Катерина Воздвиженская была некрасива, а Ольга Дашковичъ, напротивъ, отличалась красотою истой украинки. Обѣ двоюродныя сестры отданы были въ кіевскій институтъ. Ольга сдѣлалась любимицей начальницы института генеральши Турманъ, плохо училась и переняла у своей начальницы ложные аристократическіе пріемы. Катерина Воздвиженская не пользовалась въ институтѣ такимъ вниманіемъ, какъ Ольга Дашковичъ, но за то училась гораздо прилежнѣе, была задумчивѣе и самоуглубленнѣе. Она чувствовала, что на ней какъ будто лежитъ клеймо отверженія, проклятіе Каиново, перешедшее отъ отца помимо ея воли. Еще задумчивѣе и грустнѣе стала Катерина, когда оставила институтскія стѣны и лицомъ къ лицу встрѣтилась съ жизнію. Больно было для ея дѣвическаго самолюбія, что молодежь отдаетъ предпочтеніе безсодер-

---

[1]) „Кіевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 30.

жательной красотѣ Ольги Дашковичъ передъ умомъ и серьезнымъ развитіемъ ея—Катерины Воздвиженской. И вотъ, на одной изъ домашнихъ вечеринокъ она пропѣла надъ собой грустную лебединую пѣсню, въ которой высказала и жалобу на людскую несправедливость, и скорбь о неизвѣданныхъ, но недоступныхъ для нея радостяхъ любви.

Радюкъ познакомился съ двоюродными сестрами уличнымъ образомъ, подобно тому, какъ познакомились съ Сухобрусовнами Дашковичъ и Воздвиженскій. Онъ сталъ ухаживать за Ольгою и развивать ее въ смыслѣ своихъ идей. Но легкомысленная Ольга тупо поддавалась идеямъ Радюка и интересовалась не столько самими идеями, сколько ихъ проповѣдникомъ. Его ухаживанье за Ольгою кончилось тѣмъ, что, послѣ одного крупнаго разговора съ мѣстными духовными властями въ домѣ Дашковича и начавшагося преслѣдованія украинофильства, Радюкъ получилъ отъ Ольги рѣшительный отказъ.

Мы не будемъ излагать, вслѣдъ за авторомъ, родословной Радюка и не поѣдемъ съ нимъ на его родину любоваться восхитительными видами украинской природы и щирыми украинцами и украинками. Подобныя идиллическія картинки малорусской жизни нарушаютъ цѣлостность впечатлѣнія, производимаго повѣстью, и легко могли бы быть выпущены изъ нея, безъ ущерба дѣлу. Скажемъ только о заключительной судьбѣ героевъ и героинь повѣсти. Ольга вышла замужъ за пожилаго полковника, разсчитывая на его богатство, котораго на дѣлѣ не оказалось. Радюкъ женился на щирой украинкѣ Галѣ Масюкивнѣ, не испорченной институтскимъ воспитаніемъ, а Катерина Воздвиженская вышла замужъ за некрасиваго Кованька, вовсе не любившаго Катерины и только желавшаго воспользоваться ея приданымъ. Катерина знала и видѣла это и все-таки вышла за Кованька замужъ.

„Вѣрность и новость чертъ быта кіево-подольскаго купечества, говоритъ одинъ рецензетъ,—студентовъ и профессоровъ академіи, и нѣкоторыхъ чертъ жизни полусхоластическихъ ученыхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, все это дѣлаетъ повѣсть г. Левицкаго во всякомъ случаѣ цѣннымъ литературнымъ произведеніемъ. Вполнѣ отвѣчаютъ кіевской дѣйствительности шестидесятыхъ годовъ и черты мѣстныхъ Фамусовыхъ и Загорецкихъ, которые, послѣ вечера у Дашковича, сдѣлали Радюку репутацію неблагонадежнаго человѣка“ [1]). Но другой рецензетъ, кажется, принадлежащій къ академической средѣ, не видитъ въ повѣсти г. Левицкаго полноты бытовой правды. „Мѣсто дѣйствія повѣсти „Хмари“,—говоритъ онъ, открывается въ кіевской духовной академіи, выводятся на сцену профессора, студенты академіи и т. д. Прой-

---

[1]) „Кіевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 30.

детъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и какой нибудь любознательный изслѣдователь судебъ кіевской академіи, быть можетъ, воспользуется книгою г. Левицкаго, какъ историческимъ матеріаломъ, для характеристики того періода, когда „ще не було вибырів ни на каѳедри, ни на побічню службу в академіи", и будетъ усиливаться угадывать, какое дѣйствительное лицо разумѣлъ авторъ подъ тѣмъ или другимъ профессоромъ или студентомъ. Теперь, по свѣжей еще памяти, можно сказать, что всѣ усилія возсоздать по книгѣ Левицкаго историческую дѣйствительность недавняго прошлаго академіи будутъ довольно безполезны. Дѣйствительность такъ видоизмѣнена въ субъективномъ представленіи г. Левицкаго, что истинная академія не узнаетъ своей прошлой жизни въ томъ, что выдается г. Левицкимъ за жизнь якобы кіевской академіи... Исключеніе составляютъ нѣкоторыя бытовыя картины, нѣсколько сходныя съ дѣйствительностію, хотя все-таки слишкомъ утрированныя... Люди, близко знающіе прежній академическій бытъ и сами бывшіе студентами академіи, быть можетъ, скажутъ, что и эти картины нарисованы невѣрно" [1]).

Во всякомъ случаѣ, главная цѣль автора состояла не въ дагерротипическомъ воспроизведеніи дѣйствительности, а въ проведеніи извѣстныхъ идей и художественномъ выраженіи ихъ. Но и въ этомъ отношеніи, — по отзывамъ рецензентовъ, — повѣсть оставляетъ желать много лучшаго. „Въ повѣсти, — говоритъ одинъ рецензентъ, — дѣйствуютъ три поколѣнія: купецъ Сухобрусъ, отецъ женъ Воздвиженскаго и Дашковича, эти послѣднія съ ихъ мужьями и дочери ихъ, Катерина и Ольга, съ обожателями послѣдней; среднее поколѣніе можетъ въ равной мѣрѣ быть признано героями, какъ и младшее. Да и въ младшемъ поколѣніи кіевская институтка Ольга, пожалуй, гораздо меньше героиня, чѣмъ хуторская панночка Галя, которая плѣняетъ сначала сердце молодаго Радюка, потомъ безъ особыхъ резоновъ забывается имъ и, наконецъ, безъ особыхъ резоновъ становится его женою, послѣ разрыва его съ Ольгой. Въ повѣсти изображены и два мѣста дѣйствія, Кіевъ съ духовной академіей, ея студентами, профессорами, со студентами университета, институтомъ, и деревня въ Полтавщинѣ съ мелкими и средними панами; затронуто слегка и третье мѣсто, село Сегединцы, родина Дашковича, съ тамошнимъ людомъ. Но всѣ эти картины, или иногда только очерки ихъ, не связаны необходимо одна съ другою, не оттѣняютъ другъ друга, не выясняютъ идеи повѣсти. Собственно говоря, и самую идею схватить трудно, если она не состоитъ въ желаніи показать, какъ лишено бываетъ всякихъ корней воспитаніе, если оно не проникнуто національнымъ чувствомъ, національными стрем-

[1]) „Кіевскія епархіальныя вѣдомости", 1875 г., № 2.

леніями, если оно въ рукахъ чужихъ людей. Идея эта довольно спорная и условная, такъ какъ національность—только форма, а не содержаніе. Идея о народѣ почти что забывается самимъ авторомъ, занятымъ формою, національностью,—отчего у него такъ мало картинъ изъ народной жизни, такъ онѣ блѣдны и такъ мало связаны съ канвою повѣсти, вообще довольно неуловимою... Въ настоящемъ видѣ повѣсть г. Левицкаго вовсе нельзя назвать удавшеюся ни по ея композиціи, ни по идеѣ, ни по изображенію главнаго ея представителя. Въ довершеніе, она безмѣрно длинна и полна повтореній, въ особенности въ описательной части, въ которой, впрочемъ, попадаются прекрасныя мѣста, дышащія неподдѣльнымъ чувствомъ любви къ Кіеву и дѣлающія повѣсть кіевскою попреимуществу. Красота нѣкоторыхъ описаній, нѣсколькихъ лирическихъ мѣстъ, вѣрность изображенія хуторскихъ малороссійскихъ пановъ составляютъ во всякомъ случаѣ достоинство повѣсти. Но всѣ эти достоинства ея еще больше выдвигаютъ на видъ ея недостатки, а сравненіе ея съ прежними повѣстями и разсказами автора заставляетъ призадуматься надъ тою дорогою, на которую выступилъ онъ. Дорога эта шатка и опасна для таланта г. Левицкаго". Самый языкъ „Хмаръ", равно какъ и другой большой повѣсти г. Левицкаго „Причепа", отличается прозрачностію и близостію къ русскому литературному языку и мѣстами обилуетъ иностранными выраженіями. „Какъ нарочно,—говоритъ тотъ же рецензентъ,—языкъ повѣстей Левицкаго, чѣмъ дальше отъ народнаго быта, тѣмъ больше становится не только ненароднымъ, но и мало оригинальнымъ, все меньше малорусскимъ и все больше литературно-русскимъ, и языкъ повѣстей, словно написанныхъ съ цѣлью доказать, что и по-малорусски возможны не только разсказы, но и романы въ родѣ „Рудина" и „Отцы и дѣти", мѣстами оказывается какимъ-то переводомъ если не легкой малорусской подправкой языка Тургенева. Это и совершенно естественно; ибо беллетристика не можетъ упреждать жизнь и безнаказанно отрываться отъ нея" [1]).

Впрочемъ, и самъ г. Левицкій какъ будто понялъ, что ему меньше удается изображеніе нравовъ того образованнаго общества, котораго до него не касались украинскіе повѣствователи, и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ уже не возвращался болѣе къ этому предмету. Попробовалъ—было онъ пересказать украинскія народныя думы о Марусѣ Богуславкѣ въ четырехъ-актной оперѣ; но настоящимъ призваніемъ своимъ считаетъ изображеніе современнаго быта укра-

---

[1]) „Кіевскій Телеграфъ", 1875 г., № 30.

инскаго народа и соціальныхъ его недуговъ. За эти повѣсти и разсказы онъ и пользуется въ Малороссіи заслуженною извѣстностью, хотя и въ нихъ есть значительные недостатки, какъ-то: идеализація украинской природы и жизни, многословность, отступленія отъ главнаго предмета въ сторону и повтореніе однѣхъ и тѣхъ же картинъ природы въ различныхъ повѣстяхъ и разсказахъ.

Изъ малорусскихъ писателей г. Левицкій ближе всего подходитъ къ Марку-Вовчку. Есть у этихъ писателей даже довольно сходныя частности. Изъ русскихъ писателей г. Левицкій слѣдуетъ больше всего Тургеневу, а въ комедіи на „Кожумъякахъ", можетъ быть, и Островскому.

3.

П. Мирный (псевдонимъ) [1]).

П. Мирный, современный писатель, началъ писать приблизительно съ 1872 года и первыя свои произведенія печаталъ за границею. Таковы его произведенія: 1) повѣсть „Лихий попутавъ", въ 8 и 9 №№ галицкой „Правды" за 1872 годъ; 2), „Пьяниця", разсказъ, напечатанный тамъ же, въ 16—19 №№ за 1874 годъ; 3), „Хіба ревуть воли, якъ ясла повні?" романъ изъ народнаго быта въ пяти частяхъ, Львовъ, 1878 года. Въ Россіи появилась пока только первая часть его романа, подъ заглавіемъ „Повія", напечатанная въ украинскомъ альманахѣ „Рада" на 1883 годъ.

О заграничныхъ изданіяхъ произведеній г. Мирнаго мы можемъ кое-что сказать только съ чужихъ словъ „*Лихий попутавъ*" есть первое, молодое произведеніе писателя,— говоритъ В. Г-ко,—исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймички. Она служила въ городѣ, и тамъ мелькнулъ ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпила ее. Оказался обманъ. Наступили черные дни искупленія, безъ надежды впереди. Этотъ разцвѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увяданіе исполнены свѣжести и

---

[1]) Источники: 1) „Покажчикъ" М. Комарова, 1883 г., 2) библіографія въ „Кіевксой Старинѣ", за іюнь, 1883 г.; 3) газета „Заря", 1883 г., № 117.

чувства —*Пьяница*—другой психологическій этюдъ. Молоденькій чиновникъ, существо робкое, тихое, *осмѣлился* полюбить дочь хозяйки—мѣщанки, у которой стоитъ на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной, нѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Пріѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью бравого, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую побѣду. Маленькій чиновникъ запилъ съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное. несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губенскихъ кабаковъ. Личность этого чиновника отличается необыкновеннымъ рельефомъ, и весь разсказъ дышетъ гуманнымъ чувствомъ". Романъ „хіба ревуть воли, якъ ясли повні?" написанъ г. Мирнымъ въ сотрудничествѣ съ другимъ украинскимъ писателемъ И. Біликомъ, переводчикомъ нѣкоторыхъ сочиненій И. С. Тургенева на украинскую рѣчь, составляетъ одно изъ лучшихъ и законченныхъ произведеній автора и, кажется, скоро появится въ Россіи. Этому роману указываютъ видное мѣсто въ украинской литературѣ [1]).

Главнымъ предметомъ послѣдняго романа г. Мирнаго „Повія" служитъ житье—бытье крестьянки вдовы. Тяжело жилось Параськѣ до безвременной смерти мужа; мало она знала радостей въ жизни и прежде. Непрестанная работа,—ни погулять, ни отдохнуть. А нужда, какая была, такой и осталась; „съ самаго малку якъ причепылася, та й досі... Що було доброго въ серці, що було живого въ души, якъ той шашіль вона проточила. І краса була, не знать—коли сносилася, и сила була—не знать, де ділася; яки надіі були—и тихъ не мае". Такъ размышляетъ Приська въ тревожномъ ожиданіи „чоловіка" изъ города. Уже нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пилипъ поѣхалъ въ городъ продать жито на уплату податей, уже односельчане его возвратились въ село, а о Пилипѣ ни слуху, ни духу. Дѣйствіе романа начинается зимою, въ суровые декабрскіе морозы; нужда погнала крестьянъ на ярмарку, не взирая на стужу и вьюгу. Пилипъ былъ человѣкъ добрый; онъ скорѣе, бывало, поступится своимъ, нежели посягнетъ на чужое; иногда, разсердившись, Приська бранила его „макухою", неспособнымъ постоять за свое; а онъ ей, бывало, въ отвѣтъ: „одъ скаженного поли вріжъ, та тікай"; ни жены, ни дочери онъ не обижалъ никогда. Жили они вмѣстѣ долго, „побрались" еще за время „крѣпацтва", 13 лѣтъ вмѣстѣ работали крѣпаками, но и воля

---

1) Мы, впрочемъ, не имѣли возможности прочитать этого романа.

не улучшила ихъ быта. „Въ прошломъ году стянулись на корову",— вспоминаетъ Приська. Но годъ вышелъ неурожайный, хлѣба едва хватило для себя, о продажѣ и думать было нечего. Заработковъ на сторонѣ никакихъ. „А тутъ пристаютъ, давай подушне". Съ весны не заплатили за первую половину, осенью давай за цѣлый годъ. Корова была продана за подать. Но все-таки тогда былъ въ семьѣ мужчина, на немъ лежали всѣ хлопоты и тяжести. А теперь? „прійдуть и хату разнесуть на части... Що вона зробыть? вона недужа, незнаюча нічого" Тревога и опасенія Приськи оправдались. Пилипъ замерзъ въ дорогѣ, и съ этого момента начинается скорбная эпопея бѣдной вдовы—крестьянки, не могущей справиться со всѣми „случайностями", изъ которыхъ обыкновенно складывается жизнь подобныхъ ей существъ. Авторъ мастерски нарисовалъ условія, въ которыя попала крестьянка по смерти мужа, преслѣдуемая жаднымъ до чужаго добра „багатыремъ" Грицькомъ Супруненкомъ, сборщикомъ податей. Онъ взъѣлся на вдову изъ-за сына Хведора, которому полюбилась дочка Приськи Христя, и поставилъ задачей выжить семью изъ села, по крайней мѣрѣ Христю. Онъ не разбираетъ средствъ для достиженія цѣли, грабитъ безпомощную женщину, пользуясь для того своимъ положеніемъ въ селѣ и своимъ вліяніемъ на крестьянъ, особенно на сельское начальство, и невѣжествомъ вдовы. Грицько—„багатырь, дука"; у него три пары воловъ, двѣ лошади, цѣлая сотня овецъ, два двора; въ одномъ онъ живетъ самъ съ женой и неженатымъ сыномъ, другой отдаетъ въ наймы. Прошлымъ Грицька авторъ занимается мало, упомянувъ только, что онъ былъ прикащикомъ у своего помѣщика. А теперь Грицько—сборщикъ и кулакъ, живущій въ дружбѣ съ остальными багатырями села и съ сельскою старшиною, похваляющійся своей силой надъ „міромъ" и, разумѣется, пользующійся дурной славой среди „бідноты". Изъ пяти рублей, которые были найдены на мертвомъ Пилипѣ, Грицько уплачиваетъ три рубля податей, а остальные два удерживаетъ у себя. На всѣ просьбы и мольбы вдовы отдать ей деньги „багатырь" отвѣчаетъ бранью, смѣхомъ и издѣвательствомъ. Это былъ первый опытъ нападенія на бѣдную женщину изъ-за сына, и опытъ удачный. Съ этого времени онъ не даетъ покоя убогой семьѣ, задумывая отнять у нея землю, присвоить ее себѣ или передать кому либо другому, кто платилъ бы и подати, и выкупныя. Послѣдняя попытка впрочемъ не удается, благодаря тому, что въ громадѣ нашлись добрые люди, которые на сельскомъ сходѣ доказали всю несправедливость замысловъ Супруненка. Тогда онъ, вмѣстѣ съ другимъ бгаатыремъ, поддѣлываетъ росписку, по которой Приська обязана или заплатить семь рублей, или отдать единственную дочь въ наймы къ мнимому кредитору. Денегъ у вдовы ни „шеляга", и она вы-

нуждена лишиться любимой дочери-работницы. На этомъ оканчивается первая часть романа, появившагося въ „Радѣ“.

„Такова фабула романа, принадлежащаго несомнѣнно талантливому беллетристу. Въ художественномъ отношеніи романъ Мирнаго,— говоритъ одинъ рецензентъ,—представляетъ, правда, немаловажные недостатки. Прежде всего онъ растянутъ, особенно въ началѣ до извѣстія о смерти Пилипа; здѣсь слишкомъ много мѣста отведено жалобамъ Приськи на свою судьбу; дѣйствительность настолько непригляднa, что правдивое изображеніе ея не нуждается въ реторическихъ прикрасахъ. Есть также немало мѣстъ въ романѣ, посвященныхъ описанію подробностей, которыя понятны сами собою“ [1]).

Впрочемъ, и эти недостатки романа „Повія“ оспариваются другимъ рецензентомъ его г. В. Г—ко, очевидно, близко стоящимъ къ автору. „Г. Мирный,—говоритъ г. Г—ко,—полный хозяинъ въ изображаемой средѣ. Народная жизнь, это ясно, извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнутъ народнымъ міровоззрѣніемъ.. Писать по-малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ изобразителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій заодно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, думающій по-малорусски. Разверните любую страницу „Повія“. Какое полное отсутствіе малѣйшаго усилія! какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на своемъ мѣстѣ и въ свое время! Писатель, видѣвшій народную жизнь мелькомъ, налетами, заботясь о вѣрности „обстановки“, ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Языкъ— живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ „ковкой“. Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобъ прибѣгать къ выдумкѣ. Читая „Повію“, чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочію, какое значеніе имѣетъ она, когда ею, этимъ народнымъ словомъ описывается жизнь народа. Этотъ языкъ слитъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всею духовною природою украинца, и гдѣ найти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ“?

„Судьбу Приськи и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительною,—продолжаетъ В. Г—ко,—краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣтъ въ этой судьбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы вполнѣ обыденна, вполнѣ реальна и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобъ такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явле-

[1]) „Заря“, 1883 г., № 117.

вій онъ беретъ то, которое нужно для задуманной имъ романической коллизіи. Это—его право. Наряду съ жизнью этихъ женщинъ рисуются разнообразныя фигуры крестьянства, отъ бездушнаго, злаго стяжателя и воротилы Грыцька Супруненка, злаго генія Приськи, до прямодушнаго, добраго Карпа и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьянской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центромъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми буднями, ея вѣчной заботой. Только разъ, въ одной главѣ, разсѣевается немного этотъ мракъ. На дворѣ—рождественская ночь, колядки. Христя (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матери, идетъ колядовать съ дивчатами. Какой поводъ для шаблоннаго романиста уснастить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставаемой съ полокъ библіотеки! У г. Мирнаго на первомъ планѣ *люди*, а не *обычаи*, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поэзіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь“ [1]).

4.

М. Л. Кропивницкій.

М. Л. Кропивницкій—современный малорусскій писатель и актеръ, уроженецъ екатеринославской губерніи. Изъ его произведеній извѣстны слѣдующія: 1) „За сиротою и Богъ зъ калитою“, въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ за 1871 годъ; 3) „Турецька війна зъ славъянами“, разсказъ въ 53 № „Одесскаго Вѣстника“ за 1877 годъ; 3) „Дай серцю волю, заведе въ неволю“, драма въ пяти дѣйствіяхъ; 4) „Глитай абожъ павукъ“, драма въ пяти дѣйствіяхъ; 5) „Невольникъ“, драматическія картины въ пяти сценахъ; 6) „Помирились, жартъ въ 1 дії.“ Послѣднія четыре пьесы вышли особой книгой, подъ заглавіемъ: „Збірникъ творівъ Кропивніцького. Кіевъ. 1882 г. Томъ 1“. Кромѣ того, игрались

---

[1]) „Кіевская Старина“, за іюнь, 1883 г.

еще на сценѣ не изданныя пьесы Кропивницкаго. 7) „Доки сонце зійде— роса очі виїсть"[1]; 8) „По ревизіи"; 9) „Лыхо не кожному лыхо", и 10) „Пошылысь у дурні". Мы остановимся только на послѣднихъ восьми пьесахъ, какъ болѣе извѣстныхъ и интересныхъ. Изъ нихъ „Невольникъ"—историческаго характера, а остальныя четыре касаются современнаго народнаго быта.

Пьеса „Невольникъ" передѣлана г. Кропивницкимъ изъ поэмы Шевченка подъ такимъ же заглавіемъ, относящейся, по мысли Шевченка, ко времени разоренія Запорожской Сѣчи русскими войсками въ 1775 году и окончательнаго закрѣпощенія украинскаго простонародья за помѣщиками. Но г. Кропивницкій лишилъ эту поэму ея внутренняго соціально-общественнаго значенія и хронологической даты и дополнилъ свою передѣлку такими прибавленіями, которыя служатъ лишь къ наружному округленію и полнотѣ пьесы и къ сценической постановкѣ ея. Первое и второе дѣйствія, впрочемъ, весьма близко слѣдуютъ за поэмой Шевченка. У Василя Коваля, стараго запорожца, росли вмѣстѣ дочь его Ярина и сирота пріемышъ Степанъ, считавшій себя роднымъ сыномъ Василя. Когда Степанъ и Ярина выросли, старый Василь Коваль задумалъ устроить судьбу молодыхъ людей, жившихъ доселѣ какъ братъ съ сестрою, предварительно пославъ Степана на нѣсколько лѣтъ въ Сѣчь Запорожскую, чтобы онъ повидалъ свѣта и добрыхъ людей и пріобрѣлъ рыцарскую славу въ борьбѣ съ врагами христіанства за православную вѣру. Василь призываетъ къ себѣ Степана и Ярину, заставляетъ ихъ танцевать вмѣстѣ подъ звуки своей бандуры и, послѣ танцевъ, объявляетъ Степану, что онъ не сынъ его, а только пріемышъ, и чтобы онъ собирался ѣхать въ Сѣчь. Степанъ пораженъ новымъ для него открытіемъ объ его происхожденіи, не менѣе его поражена и Ярина; но за то у нихъ пробуждаются новыя, нѣжныя чувства и отношенія другъ къ другу и открывается перспектива взаимнаго супружескаго счастія. Степанъ собирается и отправляется въ Сѣчь,—и второе дѣйствіе оканчивается трогательнымъ прощаніемъ его съ Василемъ Ковалемъ и особенно съ Яриною. Третье и четвертое дѣйствія написаны г. Кропивницкимъ заново. Въ третьемъ дѣйствіи козаки Опара, Кукса, Неплюй и другіе отдыхаютъ около костра послѣ сраженія, на которомъ палъ прежній ихъ куренной атаманъ и на мѣсто его выбранъ въ атаманы отличившійся въ этомъ сраженіи своею храбростію Степанъ, соперничаютъ другъ передъ другомъ въ брехнѣ и пьютъ присланную имъ

---

[1] Перечень сочиненій г. Кропивницкаго и рецензій на нихъ см. въ „Покажчикѣ" М. Комарова, 1883 г. Рецензію на его „Збірникъ" см. въ „Кіевской Старинѣ", за ноябрь, 1883 г.

отъ куреннаго атамана водку. Къ нимъ является бандуристъ Недобитий и играетъ имъ на бандурѣ, а козаки танцуютъ. Черезъ нѣсколько времени появляется Степанъ, и Недобитий передаетъ ему вѣсточку и письмо отъ Ярины. Козацкій отдыхъ прерывается извѣстіемъ о наступленіи орды на козаковъ съ двухъ сторонъ и приготовленіемъ къ бою. Въ четвертомъ дѣйствіи представляется картина турецкой тюрьмы съ невольниками-козаками въ оковахъ. Козаки сговариваются бѣжать изъ тюрьмы. Къ нимъ входитъ бандуристъ Недобитий въ турецкой одеждѣ съ бородою, втершійся какимъ-то образомъ въ довѣріе къ туркамъ, и помогаетъ Степану и его товарищамъ перепилить кандалы и бѣжать изъ тюрьмы по спущенной внизъ веревкѣ. Въ пятомъ дѣйствіи изображается возвращеніе ослѣпленнаго турками за побѣгъ Степана на родину, въ общихъ чертахъ согласно съ поэмой Шевченка, его прибытіе къ Василю Ковалю и женитьба на Яринѣ. Въ этой пьесѣ есть много трогательныхъ мѣстъ, и чувствуется правдоподобіе описанія душевнаго состоянія и быта главныхъ дѣйствующихъ лицъ, безпечности и отваги бездомныхъ сѣчевиковъ; но картины, вставленныя самимъ г. Кропивницкимъ въ восполненіе поэмы Шевченка, мало имѣютъ внутренней органической связи съ существеннымъ содержаніемъ пьесы, а вся пьеса, при всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, не дѣйствуетъ на слушателя возбуждающимъ образомъ, потому что содержаніе ея относится къ безвозвратно минувшему времени, отъ насъ отдаленному.

Другое дѣло—современныя бытовыя пьесы Кропивницкаго „Дай серцю волю, заведе въ неволю", „Глитай або жъ павукъ", „Помирились", „Доки сонце зійде—роса очі виїсть" и др. Въ нихъ затрогиваются животрепещущіе интересы современной южнорусской народной жизни, какъ она сложилась или складывается послѣ уничтоженія крѣпостничества и введенія важнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія.

Одну изъ важнѣйшихъ язвъ народной жизни въ послѣднее время составляютъ кулаки-міроѣды, захватившіе въ свои руки всѣ пружины деревенской жизни и высасывающіе изъ нея послѣдніе соки. Изображенію этой язвы посвящены у Кропивницкаго двѣ пьесы: „Дай серцю волю, заведе въ неволю" и „Глитай або жъ павукъ". Главными отрицательными типами въ обѣихъ пьесахъ являются именно кулаки-міроѣды или ихъ сыновья,—міроѣды, не принадлежащіе, строго говоря, къ народной массѣ и вышедшіе изъ лакеевъ. Но тогда какъ въ первой изъ этихъ пьесъ главныя пружины дѣйствія, находящіяся въ рукахъ сельскаго старшины, заслоняются отъ читателя второстепенными лицами и бытовыми картинами, хотя, тѣмъ не менѣе, чувствуются, такъ сказать, инстиктивно,—въ другой пьесѣ „Глитай або жъ павукъ" эти пружины раскрываются въ самомъ процессѣ ихъ дѣйствія и во всѣхъ почти отталкивающихъ своихъ подробностяхъ.

Ходъ пьесы „Дай серцю волю, заведе въ неволю", слѣдующій. Парубокъ Семенъ Мельниченко и дивчина Одарка любятъ другъ друга и разсчитываютъ жениться. Мельниченко отправился на заработки въ Бессарабію и теперь возвращается домой, заработавши 80 рублей на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ. Прежде всего онъ видится со своей Одаркой, бесѣдуетъ съ ней по-душѣ и отъ нея узнаетъ, между прочимъ, что бывшая подруга Одарки Маруся теперь стала на нее за что-то сердиться, „неначе я Микиту відъ неі одворожила". Этотъ Микита былъ сынъ старшины, избалованный парень, который воображалъ, что ему, какъ сыну властнаго отца, все должно быть покорно въ селѣ, и что ему не смѣетъ отказать въ рукѣ своей ни одна дивчина, ему полюбившаяся. Всякое, даже малѣйшее препятствіе къ осуществленію его желаній и прихотей только еще болѣе раздражало его капризный нравъ. Чѣмъ меньше обращала на него вниманія Одарка, тѣмъ болѣе преслѣдовалъ онъ ее своимъ ухаживаньемъ. Вотъ и теперь первое свиданіе Семена съ Одаркою было прервано вмѣшательствомъ Микиты, который, считая Одарку какъ бы своею собственностію, враждебно встрѣчается съ Семеномъ и съ угрозою требуетъ отъ него, чтобы онъ не ходилъ больше къ Одаркѣ. Но его не слушаютъ и относятся къ нему съ полупрезрѣніемъ. Послѣ столкновенія съ Микитой, Семенъ встрѣчается со своимъ побратимомъ сиротой Иваномъ, весельчакомъ, который проходитъ черезъ всю пьесу, какъ добрый геній Семена и его невѣсты Одарки, и выручаетъ ихъ своимъ самопожертвованіемъ въ самыя критическія минуты ихъ жизни. Оба побратима участвуютъ, затѣмъ, въ выборѣ изъ среды парубковъ „березы", т. е. главнаго распорядителя на деревенскихъ вечерницахъ, сезонъ которыхъ и открывается въ тотъ же вечеръ въ хатѣ вдовы Морозихи. Сюда собираются и парубки и дивчата, первые съ выпивкою, вторыя—съ закускою; въ числѣ другихъ посѣтителей пришли сюда Микита, Маруся, неравнодушная къ Микитѣ и ревновавшая его къ Одаркѣ, Одарка, Семенъ, Иванъ и др. Очеркъ вечерницъ нарисованъ авторомъ превосходно, съ тщательной отдѣлкой частностей. Тутъ вы видите и бытовую обстановку малорусскихъ вечерницъ, и блескъ парубочьяго и дѣвичьяго остроумія и взаимнаго пикированія, и проявленія ревности между мнимыми соперницами Марусей и Одаркой, и заносчивость Микиты и дружный отпоръ ему со стороны остальнаго рядоваго парубоцтва. Все это такъ правдиво, такъ психологически вѣрно! Убѣдившись, что Одарка не только не любитъ его, но и боится его какъ чорта, Микита обратился съ просьбой къ ворожбиту, чтобы онъ приворожилъ къ нему Одарку. Но чары не помогли. Тогда Микита, въ самый день формальнаго сватовства Семена, черезъ Марусю вызываетъ его изъ хаты къ себѣ на улицу и пытается задушить или зарѣзать его; но Семена спасаетъ сторожившій

ею секретно Иванъ и призываетъ своихъ товарищей-парубковъ, которые связываютъ Микиту, какъ злодѣя. Свадьба Семена съ Одаркой была сыграна. Маруся помѣшалась отъ безнадежной любви къ Микитѣ. Арестованный Микита бѣжалъ изъ-подъ ареста и сдѣлался бродягою. Семенъ зажилъ счастливо со своею Одаркою, но и надъ его головой вскорѣ повисла бѣда: его назначили въ рекруты. Это было передъ последней русско-турецкой войной. Иванъ снова выручаетъ Семена изъ бѣды и идетъ за него въ солдаты. Черезъ четыре года послѣ этого судьба или авторъ снова, и не безъ нѣкоторой искусственности и натяжки, сводитъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ вмѣстѣ. Иванъ, воротившись съ войны раненнымъ, гоститъ у Семена и разсказываетъ своему побратиму о своихъ приключеніяхъ на войнѣ. Въ это время къ Семену, занимавшему должность сотскаго, провожатый приводитъ одного арестанта, для отведенія ему квартиры. Оказалось, что то былъ Микита, пойманный какъ бродяга и препровождаемый теперь для водворенія на мѣстѣ жительства. Семенъ и Одарка сообщаютъ Микитѣ, что домъ и имущество его родителей сгорѣли отъ поджога помѣшавшейся Маруси, а сами они умерли, и радушно предлагаютъ ему у себя пріютъ на время. Микита остался у нихъ, но, терзаемый сознаніемъ своего глубокаго паденія и завистью къ счастью Семена, ночью снова рѣшился поднять на него свою преступную руку. Слова примиренія и любви, сказанныя Семеномъ сквозь сонъ, остановили Микиту; онъ хотѣлъ бѣжать изъ хаты, но тутъ же упалъ въ изнеможеніи и скоро умеръ, принесши передъ Иваномъ страшную исповѣдь.

„Драма „Дай серцю волю, заведе въ неволю“ задумана хорошо,— говоритъ одинъ рецензентъ; въ ней много прелестныхъ картинъ и типовъ, хотя нельзя сказать, чтобы они были одинаково полно отдѣланы. Такъ напримѣръ, этотъ Семенъ и Одарка слишкомъ сантиментальны“ [1]). „Это—не живые люди,—говоритъ другой рецензентъ,—а какіе-то ходячіе образы солидныхъ и скромныхъ добродѣтелей. Въ лицѣ Семена и Одарки въ пьесѣ торжествуетъ добродѣтель; порокъ наказывается въ лицѣ Микиты. Но, какъ это часто бываетъ, отрицательный типъ вышелъ болѣе удачнымъ. Въ Микитѣ мы видимъ твердость характера, энергію и силу чувства,—задатки, которые могутъ сдѣлать изъ человѣка и идеальнаго героя, и злодѣя, смотря по тому, на что направятся его силы. Микита не вышелъ ни тѣмъ, ни другимъ: вся сила его характера ушла на личное чувство и, не поборовъ его, сгубила себя. Характеръ Микиты со всѣми его недостатками, съ его недюжинной силой, не сдержанной ни умомъ, ни стойкостью нравственныхъ прин-

---

1) „Южный Край“, 1882 г., № 640.

циповъ, очень живо обрисованъ авторомъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи изстрадавшійся Микита возбуждаетъ въ читателѣ искреннее чувство состраданія и грусти. Кромѣ указаннаго недостатка,—слабой обрисовки идеальныхъ типовъ, драма „Дай серцю волю, заведе въ неволю" страдаетъ въ началѣ и концѣ растянутостью дѣйствія. Первый монологъ Семена и бесѣда его съ Одаркой въ первомъ дѣйствіи слишкомъ растянуты Сантиментальныя изліянія утомляютъ читателя и теряютъ, наконецъ, свой интересъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи монологъ Микиты и сцена его предсмертной агоніи тоже черезчуръ длинны" [1]). При всемъ томъ, эта драма считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Кропивницкаго.

Въ другой пьесѣ „Глитай або жъ павукъ" главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является богатый старикъ—крестьянинъ изъ лакеевъ, Осипъ Степановичъ Бычокъ, сдѣлавшійся пьявкою для всего крестьянскаго населенія въ околодкѣ: всѣ остальныя дѣйствующія лица этой пьесы служатъ только безотвѣтными жертвами алчности и распутства этого стараго, безсердечнаго грѣховодника, прикрывающаго свою черную душу личиною наружнаго благочестія. Бычокъ, какъ и отецъ Микиты въ предыдущей пьесѣ, происходилъ изъ лакеевъ, утаилъ деньги своего умершаго господина полковника и, для большей наживы, опуталъ крестьянъ своими паутиными сѣтями и постепенно высасывалъ ихъ кровь. Въ этой пьесѣ есть нѣсколько явленій, которыя, повидимому, не имѣютъ тѣсной, непосредственной связи съ главнымъ содержаніемъ ея и введены только для того, чтобы показать, какими путями и способами Бычокъ завлекалъ въ свои сѣти простой народъ и опутывалъ его. Это именно сцены встрѣчи Бычка съ Мартыномъ Хандолей, богатымъ селяниномъ лѣтъ 45-ти, сдѣлавшимся жертвой Бычка, и явленіе первое въ четвертомъ дѣйствіи, гдѣ два крестьянина бесѣдуютъ между собою о Бычкѣ и раскрываютъ передъ нами его дѣйствія. Сцены эти введены г. Кропивницкимъ для общей характеристики Бычка и служатъ только фономъ для изображенія главнаго дѣйствія его, главной интриги пьесы. Бычку приглянулась дивчина Оленка, дочь вдовы Стехи, родившаяся у ней отъ какого-то панича. Бычокъ предлагалъ Стехѣ отдать ему свою дочь, чтобы она была „хозяйкою, господинею", убѣждая, что „не то шлюбъ, що піпъ звінча, а то, що Богъ благословить". Но на этотъ разъ Стеха не поддалась убѣжденіямъ Бычка и выдала свою дочь по закону за парубка Андрія Кугута. Тѣмъ не менѣе Бычокъ продолжалъ имѣть свои нечистые виды на Оленку. Онъ начинаетъ дѣйствовать черезъ мать Оленки Стеху, даетъ ей въ долгъ денегъ, чтобы откупиться

---

1) „Одесскій Вѣстникъ", 1882 г., № 260.

отъ сборщиковъ податей, приступившихъ къ описи и продажѣ ея имущества, и задумываетъ выпроводить какимъ либо образомъ Андрія изъ села. Случай къ тому представился скоро. Заѣзжій мѣщанинъ Иванъ Павловичъ, при содѣйствіи Бычка, нанимаетъ къ себѣ Андрія въ прикащики на годъ и увозитъ его съ собой. Въ его отсутствіе сборщики опять приходятъ къ Стехѣ оцѣнивать ея имущество за недоимки въ платежѣ пошлинъ; Бычокъ снова предлагаетъ ей свою помощь и снова заговариваетъ объ Оленкѣ, но послѣдняя и слышать не хочетъ о Бычкѣ. Упорство Оленки еще больше раздражаетъ вожделѣнія Бычка. „Хіба я мало передававъ старій грішми, то хлібомъ?“ говоритъ онъ самъ съ собою. „Та щобъ таки мойе добро и пропало не за понюхъ табаки? О, ні! Якъ не вдастця теперъ, то зновъ куди-небудь затопирю Андрія, а ти, Оленко, таки хочъ на тиждень, на день, а будешъ мойею! Та я бъ задавивъ би себе своіми руками, коли бъ пересвідчився у тімъ, що зъ грішми я не матиму чого зхочу! На що жъ и гроші тоді, на бісового батька вони, коли за нихъ не можна купити весь світъ? Спалить іхъ тоді, въ воду жбурнуть, на вітеръ пустить!..“ Бычокъ перехватилъ письмо Андрія къ Оленкѣ и, узнавъ изъ него, что онъ уже скоро воротится домой, подмѣнилъ это письмо другимъ, въ которомъ Андрей якобы писалъ о себѣ, что онъ полюбилъ на чужой сторонѣ другую и не вернется болѣе къ своей женѣ. Все подстроено было такъ, чтобы Оленка повѣрила этому подложному письму. Разбитая въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ и надеждахъ, Оленка топитъ свое горе въ винѣ, скрѣпя сердце соглашается на гнусное предложеніе Бычка и переходитъ къ нему въ домъ въ качествѣ хозяйки и наперстницы; но она все-таки не можетъ забыть своего мнимаго измѣнника, все еще дорогаго ей Андрія, постоянно бредитъ имъ и доходитъ до помѣшательства. Бычокъ не знаетъ, что съ ней дѣлать, и отправляетъ письмо къ становому, прося у него совѣта и помощи. Въ это самое время возвращается домой Андрій, узнаетъ отъ своей тещи о судьбѣ Оленки и является въ домъ Бычка. Помѣшавшаяся Оленка узнаетъ его и, оттолкнутая мужемъ, падаетъ мертвою. Андрій не хотѣлъ вѣрить ея смерти и обратился-было къ ней съ словами прощенія и любви, но, убѣдившись въ горькой дѣйствительности, схватилъ ножъ, всадилъ его въ бокъ Бычку и затѣмъ предалъ себя въ руки правосудія.

„Въ лицѣ Есипа Ивановича Бычка,—говоритъ одинъ рецензентъ,— авторъ выводитъ предъ нами типъ міроѣда, который, основавшись въ деревенской средѣ, разбрасываетъ понемногу нити своей паутины; и въ этой паутинѣ, подобно довѣрчивымъ мухамъ, запутывается и гибнетъ бѣдный темный людъ. Шестидесяти-пятилѣтній старикъ Бычокъ—это типъ, намѣченный еще покойнымъ Шевченкомъ, но только въ другой средѣ; это имено тотъ „тыхый да смиренный, богобоязлывый“, который

„якъ кишечка підкрадется, выжде нещасливый у тебе часъ та й запустыть назурі въ печінкы,—и не благай, не вымолять ни диты, ни жинка“... Несомнѣнно, что идея этого произведенія имѣетъ глубокое общественное значеніе. Гнетъ и ростъ кулачества, свившаго себѣ гнѣздо въ крестьянскомъ мірѣ,—такое явленіе, мимо котораго не можетъ пройти равнодушно ни одинъ человѣкъ изъ тѣхъ, кому близки интересы народа. На сколько жизнь выдвинула это новое явленіе, видно изъ того, что лучшіе наблюдатели народнаго быта посвятили не одну скорбную страницу изображенію этой язвы народной жизни. Талантливый беллетристъ Наумовъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ рисуетъ намъ образы міроѣдовъ, цѣлую сѣть „паутины“. Глѣбъ Успенскій работаетъ въ томъ же направленіи. Произведеніе г. Кропивницкаго является одной изъ яркихъ картинъ, проливающихъ свѣтъ на эту мрачную сторону крестьянской жизни, представляющихъ зло во всемъ его откровенномъ безобразіи“ [1]. Въ образѣ „глитая“ Бычка г. Кропивницкій правдиво свелъ всѣ черты этого типа: хищничество, лицемѣріе, безпредѣльный эгоизмъ, таящійся подъ личиною благочестія, практическій умъ, знаніе людей, умѣнье стать нужнымъ человѣкомъ, наглость съ слабымъ и полная приниженность и ужасъ въ минуту расплаты за грѣхи. Этотъ образъ дополняется характерной чертой сластолюбія. Въ этой чертѣ —узелъ драмы“ [2]. „Фабула драмы—благодарная; въ ней содержится немало поводовъ къ глубокому драматизму: разлука влюбленныхъ, душевная борьба матери и особенно дочери прежде, чѣмъ отдаться окончательно въ руки паука, душевныя состоянія лицъ, гонимыхъ нуждою въ его сѣти, и т. п. Но характеры и страсти только намѣчены авторомъ, а не развиты съ подобающею полнотою. Въ первомъ дѣйствіи, вообще несценичномъ, кажется несовсѣмъ правдивой сцена разлуки, когда крестьянинъ Андрій отправляется на сторону для заработковъ, и любящая его женщина предается нѣсколько неумѣреннымъ изліяніямъ и жалобамъ. Во второмъ дѣйствіи нѣтъ изображенія тяжкой борьбы, переживаемой женщиною въ виду предполагаемой измѣны возлюбленнаго и обольщенія со стороны „глытая“; вмѣсто этого Олена слишкомъ распространяется о своей красотѣ. За то правда и паѳосъ отличаютъ сцены вынужденныхъ, вымученныхъ нѣжностей Олены съ старымъ „глытаемъ“. Вообще, лучшую часть драмы составляютъ отношенія Олены и Бычка; есть недурныя мѣста и въ роли Стехи. Наибольше таланта обнаружено авторомъ въ послѣднемъ дѣйствіи, въ изображеніи душевныхъ мукъ полупомѣшанной Олены“ [3].—

---

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“, 1882 г, № 260.

[2]) Газета „Заря“, 1883 г., № 13.

[3]) „Заря“, 1882 г., № 273.

Строже всѣхъ отнесся къ пьесѣ рецензентъ, подписавшійся Инкогнито, который дѣлаетъ о ней слѣдующій общій выводъ: „кромѣ тенденціи и отдѣльныхъ весьма немногихъ мѣстъ, въ этой пьесѣ, въ настоящемъ ея видѣ, все плохо“ 1).

Въ параллель съ предыдущими двумя пьесами нужно поставить неизданную еще пока драму г. Кропивницкаго „Доки сонце зійде-роса очі виїсть“. „Мотивъ драмы—самая живая современность“,—говорится въ одной рецензіи. „Это—картина переживаемой нами эпохи сословной розни, съ ея безчисленными жертвами. Борьба интересовъ, страстей, понятій, весь этотъ міръ общественной и нравственной ломки, послѣдовавшей за актомъ освобожденія, розь поколѣній, хаосъ вновь устанавливающихся сословныхъ отношеній, исканье новыхъ путей въ жизни и отстаиваніе стараго,—все это знакомыя черты современности. Одна изъ безчисленныхъ жизненныхъ драмъ, въ которыхъ выражаются и дробятся общія черты современной эпохи, служитъ содержаніемъ драмы Кропивницкаго. Юноша студентъ, полный добрыхъ порывовъ, но не приготовленный и не закаленный воспитаніемъ къ жизни въ новыхъ, болѣе человѣческихъ и болѣе справедливыхъ условіяхъ, къ которой онъ стремится, любитъ крестьянскую дѣвушку. Противъ этой любви возстаютъ всею силой родные его: и отецъ, готовый допустить амурную шалость, но отказывающійся понять истинное чувство къ женщинѣ, стоящей ниже въ общественной лѣстницѣ, и мать, у которой любовь къ сыну не можетъ побѣдить вошедшихъ въ кровь предразсудковъ. Они опутываютъ сѣтью, сплетенной изъ хитростей и ласкъ, неустановившагося слабохарактернаго юношу, чтобы отвлечь его отъ любимой дѣвушки. Въ это время на селѣ противъ той же дѣвушки поднимается интрига, побудительной причиной которой служитъ ревность, а орудіемъ—темнота и невѣжество сельскаго люда. По наговору мнимой соперницы, сельская молодежь продѣлываетъ надъ Оксаной ужасный обрядъ отрѣзыванія косы и надѣванья смоляного очипка. Страшное нравственное потрясеніе, испытанное дѣвушкой, вмѣстѣ съ предполагаемой измѣной „панича“, вгоняетъ ее въ гробъ. Только надъ трупомъ ея открываются глаза у несчастнаго Бориса. Здѣсь совершается надъ нимъ то нравственное перерожденіе, которое изъ ребенка дѣлаетъ человѣка и изъ человѣка колеблющагося—убѣжденнаго. Надъ этимъ дорогимъ трупомъ онъ клянется посвятить всю любовь, таящуюся въ его сердцѣ, на служеніе убогому и темному люду“. Отношенія главныхъ, центральныхъ лицъ пьесы „оттѣняются и объясняются вводными лицами, въ характерахъ которыхъ схвачены также типичныя черты времени. Вотъ старикъ, крѣ-

1) „Заря, 1883 г., № 229.

пакъ Максимъ, человѣкъ, изъѣдавшій на своей шкурѣ всѣ прелести крѣпостнаго права, скептически относящійся ко всѣмъ порывамъ „панича“ Бориса и готовый только тогда повѣрить красивымъ словамъ, когда за ними слѣдуетъ несомнѣнное, реальное дѣло. Вотъ представитель особой категоріи юношества Горнюкъ, готовый бороться открыто и прямо, неся личныя жертвы и неся также на себѣ и отвѣтственность за свое дѣло, которое дѣлаетъ при свѣтѣ дня. Вотъ отщепенецъ деревни „сапожныхъ дѣлъ мастеръ“ Гордѣй Микитовичъ, полный сознанія величія своего полуобразованія, представитель „тѣхъ задворковъ цивилизаціи“, къ которымъ однимъ открытъ пока доступъ людямъ деревни и которые только уродуютъ и развращаютъ ихъ. Рядъ второстепенныхъ фигуръ деревенскаго люда дополняетъ эту галлерею. Всѣ онѣ, подобно главнымъ лицамъ, обрисованы типично и въ сценическомъ отношеніи представляютъ благодарный матеріалъ для актера“ [1]).

Всѣ разсмотрѣнныя доселѣ пьесы г. Кропивницкаго какъ будто написаны по правиламъ прежнихъ героическихъ трагедій и выводятъ на сцену лицъ съ могучими страстями и сильными характерами, которыя едвали встрѣчаются въ обыденной жизни, особенно деревенской. Для выпаруженія силы характера и страсти этихъ лицъ, авторъ иногда поставляетъ ихъ въ такія необыкновенныя и неожиданныя столкновенія, которыя являются у него какъ бы по мановенію волшебнаго жезла и отзываются преднамѣренною искусственностію. Мѣстами есть у него уже очень сентиментальныя сцены, неправдоподобныя въ окружающей ихъ крестьянской средѣ.

Такого мелодраматизма мы не замѣчаемъ въ „жартахъ“ и водевиляхъ г. Кропивницкаго „Помирились“, „По ревизіи“, „Лыхо не кожному лыхо“, „Пошылысь у дурні“, уже по самому свойству жарта или комедіи и водевиля; но и здѣсь есть нѣкоторыя преувеличенія, пародія и утрировка комическаго элемента. Тэмой жарта „Помирились“ авторъ взялъ безпомощное положеніе неграмотнаго, темнаго человѣка, невѣдущаго ни о какихъ новыхъ законахъ и порядкахъ. Тэма эта могла дать матеріалъ и для драмы, и для комедіи. Въ данномъ случаѣ авторъ выдвинулъ комическій элементъ этой тэмы. Хотя въ общемъ этотъ водевиль довольно скученъ, но въ немъ есть очень много бойкихъ мѣстъ, достаточно комическихъ положеній.—Пьеса „По ревизіи“ представляетъ собою картину дѣятельности волостнаго суда. Старшина и писарь уже нѣсколько дней собираются ѣхать по ревизіи, дѣлаютъ необходимыя распоряженія; все уже готово къ отъѣзду, какъ вдругъ появленіе кума „псаломщика“ или кумы-матушки задерживаетъ старшину и писаря;

---

1) „Заря“, 1883 г., № 22.

начинается кутежъ, и отъѣздъ по ревизіи откладывается. Въ тѣсныя рамки этой пьесы авторъ съумѣлъ вложить прекрасныя бытовыя картинки, выхваченныя прямо изъ жизни. Правда, авторъ не вскрылъ *внутреннихъ* распорядковъ волостнаго суда, который изображенъ преимущественно съ его комической стороны, при чемъ комизмъ мѣстами неглубокій, чисто внѣшній, но попадаются въ пьесѣ превосходные моменты и живыя, типичныя лица, обнаруживающія въ авторѣ большую наблюдательность и несомнѣнный талантъ [1]).—Пьесы „Лыхо не кожному лыхо“ и „Пошылысь у дурні“ нельзя иначе назвать, какъ водевилями и, какъ таковыя, онѣ весьма недурны: смотрятся легко, разыграны весело, наполнены куплетами, словомъ—все, что требуется отъ водевилей. Противорѣчащаго народному быту нихъ ничего нѣтъ, но ничего нѣтъ и такого, что ввело бы въ васъ въ народную жизнь, за исключеніемъ развѣ разговоровъ, одежды, жилища и т. п. внѣшнихъ принадлежностей [2]).

„Произведенія г. Кропивницкаго, — говоритъ одинъ малорусскій критикъ,—цѣнное пріобрѣтеніе для нашей небогатой украинской литературы. Въ нихъ сказывается знаніе жизни народной, которая является здѣсь не въ праздничномъ нарядѣ, а въ будничной „латаной свитынѣ“, и если и въ такомъ видѣ эта жизнь влечетъ къ себѣ симпатіи читателя своими свѣтлыми чертами,—эти черты въ ней неподдѣльны. Дань прежнему сантиментальному направленію сказывается у г. Кропивницкаго слегка въ образахъ Семена и Одарки; въ общемъ же онъ стоитъ на вѣрномъ пути изображенія жизни народной, на которомъ нельзя не пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ“ [3]). „Общая всѣмъ произведеніямъ г. Кропивницкаго черта—хорошій малорусскій языкъ, обличающій въ авторѣ знатока живой народной рѣчи съ ея поговорками, пословицами и сравненіями“ [4]). Указываютъ еще на ту особенность въ произведеніяхъ Кропивницкаго, что онъ „выводитъ на сцену жизнь правобережной херсонщины, которая до сихъ поръ была terra incognita для малорусскихъ писателей, изображавшихъ по большей части типы нашего лѣвобережья“. Кромѣ типовъ и обычаевъ херсонщины, немало въ пьесахъ г. Кропивницкаго и провинціализмовъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, № 236; сн, № 247,
[2]) Тамъ же, № 248.
[3]) „Одесскій Вѣстникъ“, 1882 г., № 260.
[4]) „Заря“, 1882 г., № 273.
[5]) „Южный Край“, 1882 г., № 640.

5.

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ.

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ [1]) родился въ 1824 году, въ г. Ахтыркѣ, харьковской губерніи, гдѣ и учился первоначально въ тогдашнемъ народномъ училищѣ, а съ 1836 года въ первой харьковской гимназіи. Пріѣзжая отсюда домой на каникулы, Щоголевъ считалъ особеннымъ наслажденіемъ сидѣть подъ нишами древней монастырской церкви (нынѣ возобновленной), на горѣ, надъ Ворсклою, въ четырехъ верстахъ отъ Ахтырки, и читать романы Вальтеръ-Скотта въ старинныхъ переводахъ. Въ гимназіи онъ познакомился съ произведеніями Батюшкова, Жуковскаго и впослѣдствіи Лермонтова, и, будучи еще гимназистомъ, самъ началъ писать стихи, сначала по-русски. Учитель словесности П. И. Иноземцевъ поощрялъ молодаго стихотворца. Такимъ образомъ написаны и появились въ „Молодикѣ" Бецкаго, 1843—1844 гг., русскія и украинскія стихотворенія Щоголева: „Мелодія", „Яворъ (изъ греческой антологіи)", „Чумацкія могилы", „Мечты и пламень вдохновеній", „Ноготокъ", „Неволя", „На згадуванье Климовського" и „Могила" [2]). Въ это время былъ написанъ имъ порядочный сборникъ стихотвореній, которымъ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ И. И. Срезневскаго и А. Л. Метлинскаго, такъ что, экзаменуясь въ 1843 г. при поступленіи въ университетъ на юридическій факультетъ, онъ во время самыхъ экзаменовъ былъ перетянутъ ими на филологическій. Метлинскій „поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго дарованія. Между студентами нашего времени,—говоритъ Де-Пуле, поступившій въ харьковскій университетъ въ 1842 году,—было такихъ двое: Щоголевъ, изрѣдка и

---

[1]) Источники: 1) „Молодикъ" Бецкаго, 1843 и 1844 гг.; 2) „Хата", Кулиша, 1860 г.; 3) „Поэзія славянъ", Гербеля, 1871 г.; 4) „Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій", М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы", 1874 г., т. 1, стр. 103 и сл.; 5) альманахъ „Луна", 1881 г.; 6) альманахъ „Рада", 1883 г.; 7) „Ворскло. Лірна поэзія Я. Щоголева. Харьковъ. 1883". 8) Газета „Діло", 1883 г., № 47. 9) „Покажчикъ новоі украінськоі літератури", М. Комарова. Кіевъ. 1883 г. Мы пользовались также нѣкоторыми свѣдѣніями о жизни Щоголева, доселѣ неизвѣстными въ печати.

[2]) Есть, впрочемъ, извѣстіе, что Щоголевъ началъ печататься еще въ „Библіотекѣ для чтенія" за 1836 годъ; но мы не провѣряли этого извѣстія.

тогда появлявшійся въ „Отечественныхъ Запискахъ", но потомъ неизвѣстно гдѣ исчезнувшій, и Н. Ѳ. Щербина, впослѣдствіи извѣстный лирикъ, одесситъ". А между тѣмъ знаменитый Бѣлинскій встрѣтилъ тогда всю плеяду молодыхъ стихотворцевъ, и между тѣмъ Щоголева и Щербину, злою насмѣшкой [1]) Н. Ѳ. Щербина не упалъ духомъ, а Щоголевъ изломалъ перо, не сталъ давать ничего въ печать и впослѣдствіи сожегъ рукопись своихъ стихотвореній. Новую попытку писать малорусскіе стихи сдѣлалъ Я. И. Щоголевъ въ 1846 и 1848 годахъ, по просьбѣ А. Л. Метлинскаго, который составлялъ тогда свой „Южный русскій сборникъ", изданный имъ въ 1848 году. Щоголевъ написалъ для него нѣсколько пѣсенъ, которыя однако же Метлинскій почему-то не помѣстилъ въ своемъ сборникѣ. Въ 1858 году онѣ переданы были авторомъ студенту Нѣговскому, отъ котораго онѣ, вѣроятно, и достались въ альманахъ г. Кулиша „Хату", 1860 года. Здѣсь напечатаны были слѣдующія стихотворенія Щоголева: „Гречкосій" („У полі"), „Поминки", „Безталанне", „Безрідні" и „Покірна". Первая изъ этихъ пѣсенъ переложена кѣмъ-то на ноты и распѣвается на Украинѣ, какъ народная пѣсня.

Въ 1848 году Я. И. Щоголевъ окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и, поступивъ на службу, повидимому отшатнулся отъ украинской литературы; но служебныя обязанности его не дали ему возможности прервать связи съ малорусскимъ простонародьемъ и его поэзіей. Онъ служилъ около шести лѣтъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, управлявшему тогда государственными крестьянами, а потомъ секретаремъ харьковской думы, и въ теченіи десяти лѣтъ жилъ по четыре мѣсяца ежегодно на дачахъ, глазъ на глазъ съ народомъ; а потому поэтическая жилка въ немъ не замирала и временами пробивалась наружу, при извѣстныхъ случаяхъ. Въ „Поэзіи славянъ" Гербеля, 1871 г., сказано о Щоголевѣ, будто подъ его именемъ было напечатано нѣсколько стихотвореній въ 1859—1861 гг. въ журналахъ „Народное Чтеніе" и „Основа"; но въ „Основѣ" мы не нашли ничего, принадлежащаго Щоголеву. По его собственному признанію, послѣ 17-лѣтняго перерыва своей поэтической дѣятельности, онъ возобновилъ ее въ 1864 году по слѣдующему случаю. Онъ былъ въ домѣ одного знакомаго ему семейства. Хозяйка, сѣвъ за рояль, запѣла пѣсню: „Гей у мене бувъ коняка" („Гречкосій" или „У полі"), напечатанную въ „Хатѣ" Кулиша, не подозрѣвая въ Щоголевѣ ея автора. Оба они были удивлены: Щоголевъ тѣмъ, что его пѣсня очутилась на нотахъ; а она—, что видитъ ея автора. Назвавшись родственницей Едлички, из-

---

[1]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ", за декабрь, 1843 года.

вѣстнаго композитора малороссійскихъ пѣсенъ, она просила Щоголева дать ей что нибудь для передачи ему. Щоголевъ написалъ и далъ ей слѣдующія четыре пѣсни: „Квітка", „Орелъ", „Діброва", „Маруся", и снова замолчалъ до 1876 года. Въ этомъ году одинъ изъ составителей украинскаго альманака „Луна" высказывалъ желаніе имѣть отъ Щоголева что либо для этого альманаха, и вслѣдствіе этого написано было нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, изъ коихъ два „Козакъ" и „Летыть орелъ по-надъ степомъ" („Орелъ") напечатаны были въ „Лунѣ" на 1881 годъ. Съ этого времени Я. И. Щоголевъ опять сталъ, временами, браться за перо, чему содѣйствовало и то обстоятельство, что около 1880 года онъ вышелъ въ отставку. Теперь вновь составился у него сборникъ малорусскихъ стихотвореній. Изъ нихъ три „Ткачъ", „Родини" и „Шинокъ" напечатаны были въ украинскомъ альманахѣ „Рада" на 1883 годъ. Въ томъ же году самъ авторъ, по настоянію друзей, издалъ въ Харьковѣ сборникъ своихъ стихотвореній, назвавъ его именемъ родной своей рѣки „Ворсклю", съ эпилогомъ изъ книги Іова, относящимся къ возрожденію украинской литературы. Въ этотъ сборникъ вошло 75 малорусскихъ стихотвореній Щоголева, изъ которыхъ десять уже напечатаны были въ „Хатѣ" Кулиша 1860 года, „Лунѣ" 1881 года и „Радѣ" 1883 года, а остальныя 65 появились въ печати въ первый разъ [1]). Но въ этотъ сборникъ не вошли самыя раннія стихотворенія Щоголева, помѣщенныя въ „Молодикѣ" Бецкаго, а можетъ быть и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Перерывъ въ поэтической дѣятельности Щоголева, продолжавшійся съ 1847 до 1864 года, дѣлитъ ее на двѣ половины, значительно отличающіяся между собою по содержанію, тону и характеру. Тогда какъ первыя его стихотворенія отчисляются къ школѣ украинскаго художественнаго романтизма,—послѣднія его произведенія относятся къ новѣйшему направленію украинской литературы съ соціально-общественнымъ направленіемъ и характеромъ.

Въ основѣ харьковскаго образованія того времени, когда учился Я. И. Щоголевъ, лежалъ идеализмъ, лучшая сторона котораго выразилась въ литературномъ направленіи науки и въ литературномъ настроеніи учащихся. Но литературное направленіе, отучая отъ усидчиваго труда и не имѣя органа для выраженія, вырождалось въ идеальничанье и мечтательность. Въ сороковыхъ годахъ начинается противодѣйствіе, реакція противъ этихъ недостатковъ. Въ литературной сферѣ она выразилась въ большей реальности представленія и пластичности изобра-

[1]) Хронологія стихотвореній Щоголева указана имъ въ оглавленіи его сборника.

женія и въ обращеніи къ антологическимъ произведеніямъ и художественнымъ русскимъ поэтамъ. Щоголевъ, вмѣстѣ съ Щербиною, начинаетъ свою поэтическую дѣятельность стихотвореніями въ антологическомъ родѣ и въ этомъ отношеніи является продолжателемъ поэтической дѣятельности Батюшкова, а можетъ быть и подражателемъ его. Первое извѣстное намъ стихотвореніе Щоголева есть „Яворъ“ (изъ греческой антологіи), живо напоминающее намъ антологическое стихотвореніе Батюшкова „Яворъ къ прохожему“. Батюшковъ говоритъ:

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отраду тѣнь;
Завялъ, но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

У Щоголева „Яворъ“ тоже обращается къ прохожему, но представляется въ полной красотѣ растительности и приглашаетъ путника подъ кровъ своихъ тѣнистыхъ вѣтвей:

Прійди подъ сѣнь мою, пришелецъ запоздалый!
Когда наляжетъ мгла надъ доломъ и рѣкой,
И горы темныя освѣтитъ отблескъ алый
Зарницы золотой;
Когда надъ темными, нѣмыми берегами
Камышъ зашелеститъ зелеными листами,—
Я, какъ вѣнцомъ, главу твою
Въ вечернемъ сумракѣ, уныло обовью
Широкими, тѣнистыми вѣтвями;
При шумѣ вѣтерка ты будешь усыпленъ,
И Панова свирѣль нашепчетъ ясный сонъ...

И въ остальныхъ стихотвореніяхъ Щоголева перваго періода его поэтической дѣятельности, болѣе или менѣе оригинальныхъ, вслѣдъ за Батюшковымъ, поэзія прикрѣплялась „къ землѣ и тѣлу, выказывая свою очаровательную прелесть осязаемой существенности“. Господствующая форма въ стихотвореніяхъ Щоголева—элегія. Но къ чувству грусти онъ не примѣшиваетъ ни меланхоліи, ни разсужденій, ни идеальнаго. Въ его элеліяхъ просто и ясно высказывается самая причина грусти, находящаяся въ дѣйствительной жизни. Все это у него—общія черты съ Батюшковымъ; но есть большая разница въ содержаніи и складѣ малорусскихъ стихотвореній Щоголева. Онъ приложилъ свои антологическія стремленія къ изображенію козацкой, преимущественно прошлой жизни, памятниками которой считались могилы или курганы. Подобно Метлин-

скому, Щоголевъ не разъ воспѣваетъ козацкія могилы и преимущественно любитъ останавливаться на изображеніи козацкаго боеваго коня и козацкой удали. Исключеніе представляютъ развѣ только его стихотворенія „Безталанне“ и „Покірна“, изъ коихъ въ первомъ говорится о безталанномъ чумакѣ, который семь лѣтъ ходилъ въ Крымъ за солью и семь лѣтъ на Донъ, но не нашелъ счастья ни въ чужихъ людяхъ, ни дома; а во второмъ—о молодой дивчинѣ, которая собирается умирать съ тоски отъ того, что мать хочетъ выдать ее за немилаго. Мы приведемъ послѣднее изъ этихъ стихотвореній, такъ какъ считаемъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ и близкихъ къ народной украинской поэзіи.

Хоче мене мати
За нелюба ддати...
Ой изовянь, вінку,
Вінку изъ барвінку!

—

Каже мині мати:
— „Иди, доню, гуляти;
Ой будь веселенька,
Бо ти молоденька!“

—

— „И вже, моя мати,
Мені не гуляти!
Треба мені, мати,
Про инше гадати...

—

Мусишъ мені, мати,
Худібоньку дбати.
Не дбай мені, мати,
Ні якого краму;

—

Купи мені скриню,
Скриню-домовину:
Віщуе серденько,
Що швидко загину“.

Нѣкоторые хотѣли видѣть въ первыхъ украинскихъ стихотвореніяхъ Щоголева слѣды явнаго подражанія Шевченку [1]). Но г. Кулишъ даетъ Я. И. Щоголеву самостоятельное значеніе, какъ поэту, перенимавшему голосъ народной пѣсни. Напечатавъ пять пѣсенъ г. Щоголева въ своемъ сборникѣ „Хата“ 1860 г., г. Кулишъ писалъ о нихъ слѣ-

[1]) „Свѣточъ“, 1860 г., кн. IV: „Критич. Обозрѣніе“, стр. 78.

дующее: „Вотъ попалась мнѣ въ руки поэзія какого-то господина Щоголева (вѣрно, не того героя Щоголева, что стрѣлялъ изъ пушекъ подъ Одессою). Обрадовался я, прочитавъ ее. Прочиталъ землякамъ-пріятелямъ въ столицѣ, и они слушали ее съ наслажденіемъ. И обрадовались мы всѣ, что хоть одна таки струна по-человѣчески прозвенѣла на родной бандурѣ. Немного этихъ пѣсенъ, но за то чистый медъ, а не словесная шелуха. То правда, что нельзя ихъ сравниватъ съ Шевченковыми, но все же и это—истинная родная поэзія. Это такъ, какъ иногда весною соловей въ саду громко и хорошо поетъ, а тутъ около тебя золотая пчелка вьется надъ цвѣткомъ. Слушаешь соловья съ великимъ удовольствіемъ, но не скажешь и пчелкѣ: „лети себѣ прочь, не гуди около меня!“ Складъ у этого господина Щоголева—истинно родной Не Шевченковъ голосъ онъ перенимаетъ; перенимаетъ онъ голосъ народной пѣсни и ее беретъ въ основу своего произведенія. А между тѣмъ, какъ истинный поэтъ, а не подражатель, онъ имѣетъ въ своемъ голосѣ что то свое собственное, какую-то свою важность и красоту, которой и въ пѣснѣ народной не укажешь, и въ Шевченковыхъ стихотвореніяхъ не увидишь; потому что онъ не чужое добро себѣ присвоилъ, а очаровываетъ насъ своимъ собственнымъ дарованіемъ. Это все равно, какъ вотъ иногда поютъ дивчата надъ водою, и вьется по водѣ ихъ чистый голосъ, и отдается въ лѣсу, какъ будто чарующія пѣсни самой музы народной,—отдается тихо, неясно, не такъ громко, а любо слушать, и слушаешь его съ удивленіемъ“. Перенимая голосъ народной пѣсни и придавая ей художественную отдѣлку, Я. И. Щоголевъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ малорусскихъ поэтовъ, которые прорубили ей окно въ интеллигентные покои.

Тѣ же струны звучатъ и въ произведеніяхъ втораго періода поэтической дѣятельности Щоголева, съ 1864 года. Есть между этими произведеніями переводы или передѣлки изъ русскихъ художественныхъ поэтовъ, напримѣръ „Вечерній дзвінъ, зъ Козлова“; есть и стихотворенія въ духѣ народномъ и на народные сюжеты, напр. „Лоскотарки“, „Рыбалка“, „Чумакъ“, „Колядка“, „Веснянка“ и др. Но выдающуюся особенность новыхъ стихотвореній Щоголева составляютъ стихотворенія съ семейными и соціально-общественными мотивами, ставящія его въ уровень съ нынѣшнимъ вѣкомъ.

„Теперь мы видимъ“,—говоритъ Михайло К. по поводу сборника „Ворскло“,—что больше всего Щоголевъ поетъ намъ про долю семьи, про житье въ семьѣ, худое и счастливое съ малолѣтства и до старости. Семья—это любимѣйшая его тэма, и дѣйствительно тутъ всего болѣе обнаруживается сила его поэтическаго таланта. Несчастная доля молодицы, въ чужой, непривѣтной семьѣ, разбитая надежда дивчины, искавшей въ любви счастія, смертъ дорогаго человѣка въ семьѣ, тяжелое,

одинокое сиротство и другое несчастіе, какое выпадаетъ на долю каждому,—все это обращаетъ на себя вниманіе уважаемаго автора, вызываетъ его глубокую скорбь и тяжкою болью отзывается въ его поэзіи. Возьмите хоть его думку „Неня“. Молодая дѣвушка стоитъ себѣ, не зная горя, а около нея старуха—мать, посмотрѣла на нее и задумалась объ ея судьбѣ:

Горечка теперъ не знаешъ
Ти, моя дитино;
Підешъ заміжъ—наберешся
Всякоі годинн.

—

Істимуть тебе зовиці,
Істиме свекруха;
Злиднівъ повно, діти плачуть,
Чоловікъ не слуха.

—

Всяке діло за тобою,
И не стане мочі
Все робити та робити
Зъ ранку и до ночі.

—

Отъ и схилишся и станешъ
Ти, моя Маруся,
Въ тридцять литъ уже старенька,
А въ сорокъ—бабуся.

—

Такъ заботится о ней старуха—мать, припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ и свое веселое дѣвическое житье, и свою бѣду, когда стала замужнею. Не такой же ли тяжелой участи ожидать и каждой женщинѣ въ теперешнемъ сельскомъ быту?... Невольно задумаешься надъ этою думкою Щоголева. Посмотришь кругомъ себя и въ самомъ дѣлѣ увидишь безпросвѣтную долю деревенской женщины. Такова сила истинной поэзіи, что простая пѣсня про тяжкую участь одного человѣка, если эта пѣсня трогаетъ васъ и доходитъ до сердца, вызываетъ мысли о связи этой участи съ жизнію всего общества. Или хоть возьмите вы другую его думку „На могилі“. Вотъ передъ вами убогая семья, гдѣ—

Холодно та голодно; горе та робота;
Лихо неперестанне, злидні та голота.

Эту семью постигло новое горе: дочь незамужняя родила дитя, и родители выгнали ее изъ хаты. Бѣдняжка поплелась, куда глаза глядятъ:

Плакала ти, плакала, нила, сумовала,
Та уже якъ слези ті всі повиливала,

Оддала ти хлопчика людямъ годовати,
А сама ударилась въ городъ мамковати.

Несчастная участь этихъ бѣдныхъ дѣтей всѣмъ извѣстна: отъ недосмотру оно захирѣло да скоро и умерло.

Вчула мати вістоньку та й заголосила,
До господи кинулась, билась та просила:
„Рідная голубонько, серденько—паньматко!
Одпусти въ село мене поховать дитятко!“

Да не упросила бѣдная мать; господа не пустили, и она уже должна была передать черезъ людей деньги, чтобы похоронили безъ нея; старалась бѣдняжка о томъ, чтобы сдѣлали гробъ и одѣли какъ слѣдуетъ, да и этого не было сдѣлано: чужіе люди не исполнили ея желанія, а денежки пропили:

Въ понеділокъ хлопчика люди поховали;
Імъ воно чуже було, такъ не сумували.
Доле нещастливая, бідна сиротино!
Нащо васъ у содомъ цей кидають, дитино?

Къ этому же разряду пѣсенъ горя да бѣды, какія поетъ скорбная лира Щоголева, относится большая часть сборника, а между ними, по силѣ поэтическаго чутья и выразительности, лучшія суть слѣдующія: „Завірюха“, „Родини“, „Пожега“, „Новобранець“, „Горілка“, „Шинокъ“, „Хвороба“, „Ткачъ“, „Вівчарикъ“. Послѣдняя такъ хороша, что опять сдѣлаемъ выписку. Поэтъ рисуетъ такую картину. Лебедушка, увидѣвши вверху ястреба, кинулась оборонять своихъ дѣтей.

Въ тую пору хлопчикъ череду пригнавъ
Напувати; самъ на березі стоявъ.

—

Бачивъ все вінъ: якъ шульпіка угорі
Тихо плинувъ, позиравъ по дітворі;

—

Якъ лебедята ховались въ комиші,
Якъ лебедка, що не чула въ іхъ душі,

—

Сумовала, озиралася кругомъ;
Якъ прикрила и пригріла іхъ крилóмъ.

—

И вівчарикъ на кгерликгу похиливсь,
Стиснувъ руки, побілівъ, слізьми обливсь.

—

Мабуть, знае непривітане хлопья,
Що его не гріла рідная сімья;

—

Що хиляючись підъ тиннями одно,
Не тулилося до матері воно.

Но вотъ Щоголевъ, какъ истинный поэтъ, изображающій житье людское такимъ, каково оно въ дѣйствительности, поетъ не про одно только горе, но и про радости вседневнаго житья. Лучшія изъ нихъ „Вечіръ“ и „Баю-баю“. Какимъ привѣтливымъ теплoмъ согрѣваетъ насъ картина счастія искреннихъ друзей въ первой пѣснѣ и какія сладкія и гордыя мечты матери надъ колыбелью дорогаго дитяти вы слышите въ пѣснѣ „Баю-баю“. Есть у Щоголева и веселыя пѣсни по образцу народныхъ, какъ напримѣръ. „Горішки“, очень милая и веселая пѣсенка“ [1]).

Есть у Щоголева и стихотворенія съ соціально-общественными мотивами по поводу такихъ же условій современной русской жизни и въ частности харьковщины. Общую програму стихотвореній Щоголева въ этомъ родѣ представляютъ стихотворенія его „Верцадло“ и „Струни“. Въ „Верцадлѣ“ (зеркалѣ) авторъ видѣлъ поэтическимъ своимъ взоромъ преемственно три историческія картины, изображавшія судьбы его роднаго края. Первая картина представляла слѣдующее:

Сміялися озіръ круги,
Степи, діброви и долини,
Гаі, подоли и луги
Моеі пишноі родини.

—

Изъ-за широкого Дніпра
Сюди одъ лядськоі неволі
Ишовъ народъ шукать добра,
Нікимъ нерушимоі долі.

—

Зъ тіі далекоі пори
Степи побачили оселі:
Вставали въ балкахъ хутори,
Селились слободи веселі...

Другая картина:

Широка хмара округи
Покрила бідну Украіну.

—

Въ хоромахъ аляръ и огні,
Хижацтва й ліні темне царство:

---

[1]) Газета „Діло“, 1883 г., № 47. Есть также рецензія В. Г—ка на сборникъ „Ворскло“ въ „Кіевской Старинѣ“ за январь 1884 г.

Безъ сна й покою, ночі й дні
Веде бенкети господарство.

—

А той народъ, що зъ-за Дніпра
Колясь одъ лядськоі неволі
Сюди прийшовъ шукать добра,
Нічимъ нерушимоі долі,

—

Въ важкихъ кайданахъ на ногахъ,
Зъ залізнимъ ланцюгомъ на спині
Ставъ кметомъ пана и потягъ
Свій пітъ гарячий въ панські скрині....

Третья картина:

Дивлюся я: зъ мужицькихъ нігъ
Упали ланцюги й кайдани.

—

И ждавъ я въ той великий часъ,
Щобъ сонце зъ неба засміялось,—
Такъ промінъ гаснувъ и погасъ
И сонце въ хмари заховалось.

—

Извикши ретязи таскать,
Не мавши розуму, ні сили,
Щобъ щастя въ праці одшукать,
Побрівъ народъ, якъ очманілий,

—

Побрівъ одъ шинку до шинка,
Та й впала тамъ его рахуба;
А тричі проклята рука
Жидюги, німця й салогуба,

—

Простягши зъ молоду пусту,
Теперъ грішми набиту жменю,
Грабаста землю золоту
У іхъ безодню кишеню....

—

Верцадло чисте топло въ млі,
Ще довго въ него я дивився,
Та тільки въ темнімъ кришталі
Изъ неба промінъ не світився....

Слѣдов., возобновленная муза Щоголева воспѣваетъ освобожденный отъ крѣпостной неволи украинскій людъ, продолжающій, однако, стра-

дать отъ другихъ притѣснителей и отъ своей собственной темноты. Въ другомъ стихотвореніи своемъ „Струни“ онъ намѣчаетъ слѣдующіе частнѣйшіе пункты своихъ пѣснопѣній:

Бачивъ я, якъ сильні правду
Бішено топтали,
Якъ у бідного багаті
Крихту одривали;

—

Якъ сірома по підъ тинню
Згорблена тулялась;
Надъ роботою за скибку
Кровью обливалась;

—

И якъ мати неодмовна
Хворую дитину,
Пригортаючи до серця,
Кутала въ ряднину;

—

Якъ ту вродницю побідну
Лихо заідало
Й молоде та пишне тіло
Дарма пропадало.

—

Все я бачивъ; одъ усего
Серце надривалось,—
И тоді журливе слово
На папиръ прохалось....

Много народныхъ бѣдствій происходитъ отъ невѣжества самого народа, отъ его безпомощности въ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ и отъ его пьянства („Пожега“, „Горілка“, „Шинокъ“ и др.); но эти бѣдствія въ значительной мѣрѣ зависятъ и отъ тѣхъ лицъ, которыя стали теперь, вмѣсто пановъ, заправителями и эксплоататорами темнаго народа, каковы, напримѣръ, жиды, адвокаты („Степъ“), подрядчики („По—закону“), старшины и сборщики податей („Горілка“) и проч. Въ результатѣ оказывается, что жизнь освобожденнаго крестьянина въ высшей степени непривлядна и бѣдна:

Ляжете о півночі, встанете ви рано;
Батько піде на поле, мати на вгороді;
„Доню, кажуть, день уже, гаятися годі!“
Діти прочунаютця, істи й пити просють;
Істи дати нічого, такъ вони голосють. („На могилі“).

Впрочемъ, незавидна и городская жизнь, сравниваемая съ сельскою:

Всего е багато
Въ хуторахъ и селахъ:
Неба безъ очерку,
Садовинъ веселихъ;

—

А по хатахъ пусто,—
Тільки й е, що дітокъ;
Гине на горілку
Бідний заробітокъ.

—

Старшини безъ ліку,
А ніде поради;
Глитъ немилосердний
Ість насъ безъ повади.

—

Бачу, що голоті
Доля невесела,—
Отъ я взявъ та й кинувъ
Хутори и села.

—

Въ городи пішовъ я
Тихою ходою;
Мусивъ тамъ шукати
Все жъ таки покою.

—

Въ городахъ я бачивъ
Куряву та камінь,
Грюкотню одъ ранку,
Нічью бісівъ гамінъ.

—

Гроши, якъ полова,
Сиплютця безъ ліку;
Въ кого жъ іхъ немае—
Горе чоловіку!

—

Бенкети, безпуття,
Небагато віри;
Всі бъ одинъ другого
Шарпали, якъ звірі.

Г. Щоголевъ касается и нѣкоторыхъ другихъ соціально-общественныхъ вопросовъ, лежащихъ внѣ сферы крестьянскаго и вообще просто-

народнаго быта; напр., современнаго соціализма („До бурсаківъ"), и др. Но въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ этого рода отражается не столько дѣйствительное положеніе современнаго народа и общества, сколько личный взлядъ автора, оставившаго свѣтлые идеалы позади себя, въ прошлой своей жизни. Въ иныхъ стихотвореніяхъ проглядываетъ дидактика и резонерство, притомъ же относительно мелочныхъ вещей, напримѣръ новомодной женской обуви („Швець") мелочныхъ злоупотребленій какого нибудь портнаго („Кравець"), или члена общества покровительства животнымъ („Членъ"). А все это—элементы, положительно враждебные поэзіи и уменьшающіе цѣну позднѣйшихъ стихотвореній Щоголева.

„Стихъ у Щоголева,—говоритъ Михайло К.,—по складу весьма разнообразный, но вездѣ хорошій, звучный, поэтическій; риема легкая, живая и, какъ говорятъ, вездѣ „до ладу та до прикладу". Что касается языка, то и языкъ Щоголева весьма хорошъ и чисто народный. Это—языкъ Шевченка, Квитки и Марка-Вовчка, лучшихъ нашихъ писателей, языкъ народной пѣсни, какою она сложилась среди не испорченнаго ни польщиною, ни московщиною украинскаго люда, языкъ выразительный и звучный. Можно не одобрить развѣ нѣсколько словъ, которыхъ не слѣдовало бы употреблять".

6

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ полтавской гимназіи, а окончилъ въ лицеѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году съ чиномъ XIV класса. Первое время по выходѣ изъ лицея г. Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (каменецъ-подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и переѣхалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету,, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочув-

---

[1]) Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ находятся въ книгахъ: „Лицей князя Безбородко", 1859 и 1881 гг„ и „Поэзія славянъ", Гербеля, 1871 года, стр. 195 и сл.

ствовавшихъ новымъ реформамъ. Въ настоящее время онъ состоитъ завѣдующимъ земской типографіей въ Черниговѣ. — Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Стихотворенія Леонида Глѣбова". Затѣмъ, въ „Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ" и въ журналѣ „Основа" напечатанъ былъ цѣлый рядъ малороссійскихъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, въ разныхъ родахъ. Изъ оригинальныхъ его произведеній приведемъ его „Пѣсню" въ русскомъ переводѣ Гербеля, которая въ малорусскомъ оригиналѣ напечатана была въ журналѣ „Основа":

Мчится голубь въ поднебесьи,
Отдыху не знаетъ;
Долы, горы и дубровы
На-вѣкъ покидаетъ.

—

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,
Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
Силы молодыя.

—

Отдыхаетъ казачина,
Конь пасется рядомъ...
И сказалъ онъ, голубочка
Провожая взглядомъ:

—

„Ой, куда ты, сизокрилый,
Очи устремляешь?
Ой, зачѣмъ лѣса и долы
На-вѣкъ покидаешь?

—

Аль тебѣ, мой голубь сизый,
Некого голубить?
Аль никто на цѣломъ свѣтѣ
И тебя не любитъ?

—

Если такъ, спустись на землю,
Отдохни со мною,
И потомъ въ иное поле
Полетимъ съ тобою!

—

За горами, за лѣсами,

На иномъ на полѣ
Попытаемъ, не найдемъ ли
Мы счастливой доли.

—

Мы найдемъ, мой голубочекъ,
Темныя дубровы,
И луга въ цвѣтахъ душистыхъ,
И собольи брови.

—

Мы найдемъ тамъ, мы увидимъ
Ясную зарницу:
Мы найдемъ тамъ и голубку,
И красу-дѣвицу.

—

Сизокрылая голубка
Друга приголубитъ,
А красавица дѣвица
Казака полюбитъ.

Но г. Глѣбовъ больше извѣстенъ не оригинальными своими произведеніями, а переводными баснями изъ Крылова, которыя однако же, по отзыву его земляковъ, приспособляются у него къ малорусской жизни и обстановкѣ. „Байки“ его имѣли уже три изданія: 1863, 1872 и 1882 годовъ. Въ примѣръ переводныхъ его басенъ приведемъ его байку „Охрімова свита“, представляющую переводъ „Тришкина кафтана“ Крылова.

Була въ Охріма сіра свита,
Такъ хороше пошита:
Иззади вусики зъ червоного сукна;
На комирі мережечка така—що на.
Хочъ голові носити.
Дурний Охрімъ не вмівъ її глядити.
Таскавъ, коли й не слідъ таскать.
Разъ ставъ вінъ свиту надягать,—
Ажъ дивитьця—рукава вже продрались.
Отъ мій Охрімъ, щобъ люде не сміялись,
Налагодивсь латать.
А де-жъ суконьця взять?
Охрімові не вдивовижу!
— „Мы знайдемо“,—вінъ каже самъ собі—
„Рукава трохи обчикрижу,
„Та й поможу журьбі“.
Зробивъ,

И свиту знову надівъ.
И хороше ему здаєтьця,
Хочъ руки й голі до локітъ;
Такъ отъ біда: куди вінъ не поткнетьця,
Усякъ одъ реготу беретьця за живітъ.
Росердився Охрімъ, що зъ его такъ глузують...
— „Тривайте;—каже,—коли такъ,
Зроблю жъ я озь-де якъ...
Нехай дурні, собі пустують;
У нихъ видно, жуки у голові,
А ми втнемо рукавця и нові,
Хиба мудрація велика".
Охрімъ догадливий бувъ парубіка!
Прихорошенько взявъ,
Підрізавъ поли відъ чи-мало,—
Якъ-разъ, щобъ на рукава стало,—
Покраявъ, та й пипришивавъ—
И знову рукава якъ рукава.
И ходить мій Охрімъ, неначе та проява,
Та й думае: „ось я-то молодець,
Удався хочъ куди хлопчина!"
Дурний, дурний! а на йему свитина
Неначе той німецький катанець!

—

Оттакъ и зъ тимъ буває,
Хто чортъ-зна де добро свое діває,
А тамъ, якъ кинетьця вертить и такъ и сакъ,
Неначе горобець у клітці...
Дивись, згодя: гуляе неборакъ
Въ Охрімовій куценькій свитці.

„Языкъ безукоризненно хорошъ — говоритъ одинъ рецензентъ,— фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а нравоученіе высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни... Сатирическій элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему всѣ средства для ироніи" [1]). Но г. Кулишъ отнесся къ Л. И. Глѣбову гораздо строже. Къ сожалѣнію, говоритъ Кулишъ,— Глѣбовъ мало трудился надъ изученіемъ языка и иногда выражается

[1]) „Кіевская Старина", за іюнь, 1883 г. „Библіографія", стр. 358.

натянуто, не по-народному; но нѣкоторыя изъ его басенъ обнаруживаютъ талантъ неоспоримый, которому не достаетъ только обработки" [1]).

7.

Степанъ Руданскій [2]).

Степанъ Руданскій родомъ изъ подольской губерніи, воспитанникъ кіевскаго университета, умеръ въ 1873 году въ Ялтѣ, на должности врача, не достигнувъ и 40 лѣтъ возраста. Онъ оставилъ по себѣ „хорошую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому доброму дѣлу, частному и общественному". „Покойный Руданскій,—говоритъ г. Креминскій,—обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги южнорусской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали и истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ".

Первыя произведенія свои Руданскій помѣщалъ въ „Русскомъ мірѣ" въ 60-хъ годахъ. Въ 1860 году предназначался для цензуры и изданія цѣлый сборникъ его малорусскихъ произведеній, подъ названіемъ „Співомовки" [3]), который, однако же, почему-то не былъ изданъ при

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ", 1857 года, т. XII: „Современная лѣтопись", стр. 231.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни находятся: въ „Кіевскомъ Телеграфѣ" 1875 года, № 44; въ предисловіи къ „Співомовкамъ", Кіевъ, 1880 г., и въ „Кіевской Старинѣ", за іюнь, 1882 г., въ замѣткѣ г. Креминскаго о стихотвореніи „Обманутый солдатъ".

[3]) Разбирая бумаги покойнаго М. Г. Щербака, мы нашли въ его дневникѣ за 1859—1860 гг. слѣдующую замѣтку: „16 февраля (1860). Вівторокъ принісъ мені изъ цензурнаго комитета Поповъ „Співомовки" Винка Руданьского. Тутъ читали и сміялись. Міні пришла думка писати рецензію, щобъ була готова тоді, якъ выйде изъ печаті ця книжка. А ось я переписавъ дещо, що цензура вже певно не позволе надрукувати". Затѣмъ, выписаны „Приказки на москалівъ", „Запорожці підъ Москвою", „Запорожці у сенаті", „Страшний судъ", „Піпъ и жидъ", „Варвара" и „Добрий человѣкъ",—дѣйствительно нецензурнаго свойства.

жизни автора. Изъ этого сборника напечатано было нѣсколько стихотвореній въ журналѣ „Основа" за 1861 годъ и въ галицкой „Правдѣ" за 1874 годъ. „Співомовки" изданы были Н. Г. Волынскимъ (псевдонимъ) уже въ 1880 году, и то не въ полномъ видѣ. Еще два стихотворенія Руданскаго напечатаны въ „Кіевской Старинѣ" за іюнь 1882 и февраль 1883 гг. Кромѣ мелкихъ стихотвореній, имѣются еще, по словамъ г. Волынскаго, гораздо большія произведенія Руданскаго, какъ-то: переводъ Иліады, нѣсколько поэмъ про нашихъ историческихъ вождей (Мазепу, Полуботка и др.) и весьма хорошій переводъ всего „Слова о полку Игоревѣ", съ приложеніемъ къ нему предисловія, написаннаго тоже по-украински. Переводъ Иліады печатался въ журналѣ „Правда" за 1872—4 и 1876 годы.

„Степанъ Руданскій,—говоритъ г. Волынскій въ предисловіи къ „Співомовкамъ",—принадлежитъ съ давнишнему направленію авторовъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы иногда замѣчаемъ это въ его произведеніяхъ. Порой явится у него романтическій духъ, какъ напримѣръ во всемъ складѣ співомовки „Моя смерть", а тутъ же рядомъ старинная какъ будто смѣхотворная котляревщина, какъ напримѣръ въ тѣхъ анекдотахъ, гдѣ съ одинаковымъ юморомъ разсказываются приключенія и какъ будто того простоватаго мужика, и гордаго, чванливаго пана, и жида, и цыгана. Однако, какъ въ своихъ серьезныхъ, такъ и шутливыхъ произведеніяхъ, Руданскій не остался при одномъ безпочвенномъ ширяніи фантазіи, не остался творцомъ не отъ міра сего и его живой сути". По словамъ другаго рецензента, „Руданскій былъ одинъ изъ весьма немногихъ малорусскихъ поэтовъ недавняго времени съ дѣйствительнымъ талантомъ и съ попытками тронуть новыя тэмы, а не тѣ только, которыя заѣздили предшественники и подражатели Шевченка" [1]). Съ своей стороны, не отвергая поэтическаго таланта г. Руданскаго, мы должны сказать правду, что лучшія его стихотворенія написаны въ духѣ Кольцова и Некрасова и, по всей вѣроятности, по подражанію имъ. Таковы, напримѣръ, стихотворенія г. Руданскаго „Пьяныця" и „Наука".

Стихотвореніе „Пьяныця", имѣющее отношеніе къ печальной страсти самого автора, очень живо напоминаетъ своимъ содержаніемъ и складомъ стихи Кольцова. Вотъ первая половина этого стихотворенія:

Не кыдай мене,
Моя чарочко!
Не жены мене,

---

[1]) „Кіевскій Телеграфъ", 1875 г., № 44.

Ты шинкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе брыдкую
Улюбытыся!
Не безъ жінки я,
Не безъ хаты я,
Все у мене йе,
Распроклятая.
Хліба до-сыта,
Пара волыківъ,
Сынівъ четверо,—
Якъ соколыківъ.
Моя хатонька—
Срібна чашечка,
Моя жіночка—
Мыла пташечка;
Та тяжкі мої
Болі більныї.
Бо не маю я
Волі вільної.
Потомъ мыюся,
Распряжу волы,—
На бікъ хылюся.
Повалюсь на бікъ,
Не здрімаюся,
Зновъ на панщыну
Підіймаюся!..

Другое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Руданскаго „Наука" по содержанію очень сходно съ „Пѣсней Еремушкѣ" Некрасова и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ послѣдней. У Некрасова, какъ извѣстно, старая нянюшка и проѣзжій горожанинъ поочередно поютъ колыбельныя пѣсенки надъ малюткой Еремушкой, совершенно противоположнаго содержанія. Нянюшка напѣваетъ малюткѣ, что—

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Напротивъ, горожанинъ находитъ эту пѣсню нянюшки безобразною и поетъ надъ ребенкомъ свою пѣсенку, въ которой проклинаетъ растлѣвающій пошлый житейскій опытъ и зоветъ дитя къ новой человѣческой жизни, къ братству, истинѣ, свободѣ и къ борьбѣ съ лука-

вою неправдою. У Руданскаго роль Некрасовской нянюшки играетъ мать молодаго человѣка, а роль горожанина—отецъ. Мать, провожая сына въ свѣтъ, совѣтуетъ ему искать такихъ людей, которые не знаютъ тяжелаго крестьянскаго труда, но живутъ въ довольствѣ:

Колы найдешъ іхъ,
Мылый сыночку,
Ты склоны себе
Якъ былыночку,
Простелы себе
Якъ радныночку!
Спына зъ похылу
Не покорчыться,
Чоло зъ пороху
Не изморщыться.
Спына зъ похылу
Не искрывыться;
За те ступыть панъ
Та й подывыться;
За те ступыть панъ
На покірного
И прійме тебе
Якъ добірного.
И въ годыночку—
На драбыночку;
И підешъ тоді,
Мылый сыночку!
И зъ панамы самъ
Порівняешся,
Въ сріблі-золоті
Закупаешся,
Въ сріблі-золоті
Закупаешся,
Зъ полемъ батьківскимъ
Распрощаешся!

Напротивъ, отецъ учитъ сына не гнуть ни передъ кѣмъ спины, убѣгать отъ такихъ людей, которые живутъ чужимъ трудомъ, идти въ свѣтъ и узнать все:

Тоді зъ світомъ ты
Порівняеся,
Въ добрі розумі
Закупаеся.
Въ добрі розумі

Закупаеся,
Зъ полемъ батьковськимъ
Прывітаеся.

Кромѣ подражательныхъ стихотвореній, есть у Руданскаго и чисто переводныя. Мы уже упоминали выше о его переводахъ „Иліады" и „Слова о полку Игоревѣ". Извѣстны также его переложеніе пушкинскаго „Вѣщаго Олега", переводы изъ польскаго поэта Ленартовича („Ластівка") и сербскаго Бранка Радичевича. Остановимся нѣсколько на переводѣ „Иліады".

Переводъ „Иліады", которымъ занятъ былъ Руданскій въ послѣднее время своей жизни, сдѣланъ съ подлинника, но задуманъ былъ не гекзаметромъ, а размѣромъ, хотя часто встрѣчающимся въ малороссійскихъ пѣсняхъ и пословицахъ, размѣромъ народнымъ и плавнымъ, но за-то короче гекзаметра. Отъ этого значительная часть длинныхъ словъ, эпитетовъ гомеровскихъ, должна была пострадать. „Это очень и очень жалко,—говоритъ одинъ малорусскій рецензентъ,—особенно въ виду способности малорусскаго языка къ разнообразному словосоединенію. Переводъ Руданскаго такимъ образомъ не удовлетворитъ вполнѣ знатоковъ Гомера; но легкостью и простотою склада онъ подходитъ къ духу подлинника и производитъ вѣрное впечатлѣніе. Языкъ перевода чистый малорусскій съ кой-гдѣ пробѣгающими славянизмами и подольскими провинціализмами" [1]. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ разговора Пріама и Елены о герояхъ ахейскихъ въ третьей пѣснѣ:

Старий запитавсн и про Одисея:
— „Скажи ж, моя доню, хто там такий другий,
Головою меньший, як цар Атріэнко,
А плечима ширший и грудьми видніщій?
Оружэ поклав він на землю родючу,
А сам він обходить ряди військовіі,
Мов часами в полі баран пелехатий
Обходжуэ стадо біленьких овечок".
Ему и сказала дивная Елена:
— „А се Одисей той, мудрий Лаертенко,
Що зріс у Іфаці, в землі каменистій:
Він и хитрий тяжко и до мови здатний".

---

1) „Кіевскій Телеграфъ", 1875 г., № 44.

8.

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

Михаилъ Петровичъ Старицкій, помѣщикъ подольской губерніи, воспитывался въ кіевскомъ университетѣ, но не окончилъ здѣсь курса. Изъ его переводовъ съ другихъ языковъ, передѣлокъ и самостоятельныхъ произведеній извѣстны слѣдующія: 1) „Казки Андерсена“, полное изданіе, съ портретомъ Андерсена, его біографіей и 11-тю картинками. Кіевъ, 1873 г. Въ 1874 году онѣ изданы и отдѣльными брошюрами. 2) „Різдвяна нічъ“, оперетта по Гоголю. Кіевъ, 1874 года; второе изданіе 1876 и третье 1883 г. 3) „Байки Крылова“. Кіевъ, 1874 и 1882. 4) „Сорочинськиий ярмарокъ“, изъ Гоголя. Кіевъ, 1875 и 1883. 5) „Пісня про царя Ивана Василевича, молодого опричника та одважного крамаренка Калашникова (зъ Лермонтова)“. Кіевъ. 1875. 6) „Сербські народні думи і пісьні“. Т. I, Кіевъ, 1876. 7) „Чорноморці, оперетта по Кухаренку“, съ музыкой М. Лисенка. Кіевъ, 1878. 8) „Зъ давнего зшитку. Пісніи и думи,—переводъ изъ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейне и сербскихъ пѣсенъ. Кіевъ. 1881. 9) Шесть стихотвореній и водевиль „Якъ ковбаса та чарка, то минеться й сварка“, въ альманахѣ „Луна“. Кіевъ, 1881. 10) „Пісні и думи“, — сборникъ своихъ стихотвореній и переводовъ изъ Лермонтова, Некрасова и др. Ч. II. Кіевъ. 1882. 11) „Гамлетъ“, принцъ Данський“, переводъ трагедіи Шекспира. Кіевъ, 1882. 12) Нѣсколько стихотвореній и драма „Не судилося“ въ изданномъ имъ альманахѣ „Рада“ на 1883 годъ. Томъ I. Кіевъ, 1883. 13) Комедія „За двома зайцями“, передѣланная изъ комедіи И. С. Левицкаго. „На кожумъякахъ“, 1883 г., и 14) драма „За правду“, передѣланная для сцены изъ романа Францоза съ тѣмъ же названіемъ [1]).

Первые опыты переводовъ г. Старицкаго были менѣе всего удачны. „Казки Андерсена“,—говоритъ одинъ рецензентъ,—по ихъ чисто слишкомъ нѣмецкому, слащаво-мѣщанскому характеру, а равно по языку перевода, чрезвычайно неровному, вычурному, полному рѣдкихъ провинціализмовъ, полонизмовъ, германизмовъ и неудачно скованныхъ словъ, мало могутъ разсчитывать найти себѣ читателей въ народѣ; кто-же можетъ читать Андерсена и притомъ въ болѣе полномъ составѣ по-русски, тому онѣ ненужны“ [2]).

---

[1]) Рецензію на послѣднюю драму см. въ газетѣ „Заря“, 1883 г., № 276.

[2]) „Кіевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 3.

Болѣе успѣха имѣла оперетта г. Старицкаго „Різдвяна нічъ", передѣланная изъ Гоголя; но и ея успѣхъ опредѣлялся не столько внутренними ея достоинствами, сколько побочными обстоятельствами: сравненіемъ съ другими малорусскими опереттами, заимствованнымъ у Гоголя сюжетомъ и музыкой г. Лисенка. „Появившаяся на дняхъ въ свѣтъ оперетта,—писалъ П. Иван—нко,—внутренними достоинствами своими превосходитъ всѣ доселѣ бывшія произведенія этого рода („Наталка-Полтавка", „Сватання на Гончарівці", „Москаль-Чарівникъ" и др.). Авторы тѣхъ произведеній не подошли такъ близко къ бытовой народной и литературно-художественной правдѣ, какъ это удалось г. Старицкому. Тамъ сюжеты частные, семейные; здѣсь желаніе усложнить частный сюжетъ элементомъ общенародной жизни посредствомъ пріуроченія дѣйствія къ первому дню рождественскихъ праздниковъ. Драматическое дѣйствіе естественнѣе; рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ихъ нравы и обычаи ближе къ этнографической истинѣ; языкъ правильнѣе. Нѣкоторыя мѣста оперы представляютъ художественное воспроизведеніе народной жизни. Но, при всѣхъ указанныхъ достоинствахъ, опера имѣетъ и недостатки: во-первыхъ, заглавіе ея внѣшнее, оно не связано органически съ содержаніемъ; во-вторыхъ, допущены погрѣшности противъ народныхъ нравовъ и обычаевъ; въ третьихъ, избитымъ комическимъ положеніемъ посѣтителей вдовы Солохи Чуба, дьячка и головы, нарушается литературно-художественная правда; въ четвертыхъ, наконецъ, въ ней есть погрѣшности въ языкѣ противъ грамматической и филологической его стороны" [1]). Впрочемъ, всѣ эти достоинства и недостатки оперетты, указываемые г. Иван—комъ, принадлежатъ самому Гоголю, а не Старицкому, на долю котораго остается только одинъ языкъ оперетты. А въ языкѣ его замѣтны кованныя искусственныя слова и провинціализмы. „Намъ приходилось слышать,—говоритъ другой рецензентъ,—что г. Старицкій заставляетъ героевъ „Різдвяной ночи", живущихъ около Нѣжина, говорить языкомъ подольскихъ поселянъ, и потому это произведеніе малороссамъ не совсѣмъ понятно" [2]). Все-таки языкъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ г. Старицкаго; онъ менѣе страдаетъ вычурностію, и свѣжевыкованныхъ словъ въ „Різдвяной ночи" можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица—изъ простонародья, при чемъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора излишней ковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходятъ за предѣлы обыденной народной жизни и, слѣдовательно, народнаго матеріала языка оказывалось вполнѣ

---

1) „Кіевлянинъ", 1874 г., № 3.
2) Тамъ же, 1874 г., № 15,

достаточно для передачи понятій“ [1]). Почти то же слѣдуетъ сказать и о переводѣ „Сорочинской ярмарки“ Гоголя, съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что сюжетъ и изложеніе ея у Гоголя менѣе народны и труднѣе поддаются малорусскому переводу [2]).

„Удачнѣе, по выбору предмета и по выполненію, переводъ басенъ Крылова, которыя въ оригиналѣ именно по своей народности, а потомъ и по своему чисто великороссійскому характеру, подъ-часъ не производятъ должнаго эффекта въ народной и сельской школѣ въ Малороссіи“ [3]). Но и этотъ переводъ далеко уступаетъ извѣстнымъ уже намъ „Байкамъ“ Л. Глѣбова. „Сравнивая переводъ Старицкаго съ переводомъ Глѣбова,—говоритъ одинъ рецензентъ, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одномъ словѣ не запнешься, не задумаешься, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нерѣдко попадаются такія выраженія, надъ которыми остановишься поневолѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованныя,* но ихъ не чувствуешь; значитъ, они скованы совершенно по народному типу, а въ этомъ и состоитъ задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подрядъ такія слова, что понять ихъ—поймешь, объ ихъ значеніи догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, котораго конечно никакими реальными измѣреніями не опредѣлишь, но который даетъ понять, что слово выдѣлано гдѣ-то въ особой готовальнѣ“ [4]). То же можно сказать и о переводѣ „Пісні про царя Ивана Василевича“, изъ Лермонтова, т. е. что этотъ переводъ можетъ помочь ознакомленію малороссовъ съ этимъ произведеніемъ Лермонтова, написаннымъ въ духѣ великорусскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, но положительныхъ внутреннихъ достоинствъ этотъ переводъ не имѣетъ.

Лучше всего переводческій талантъ г. Старицкаго обнаружился въ переводѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ. „Весьма заинтересованный лично сербскимъ народнымъ творчествомъ,—говоритъ одинъ рецензентъ,—г. Старицкій предположилъ такой же интересъ и у многихъ изъ нашей (малорусской) публики и издалъ въ свѣтъ первый томъ своихъ переводовъ на украинскій языкъ сербскихъ народныхъ думъ—большихъ эпическихъ поэмъ. Переводъ былъ сдѣланъ превосходно. Читая эти переводы г. Старицкаго, испытываешь вполнѣ цѣльное эстетическое впечатлѣніе, любуясь какъ прекраснымъ складомъ

---

1) „Кіевская Старина“, за іюнь 1883 г.: „Библіографія“. стр. 361.
2) Тамъ же, стр. 360 и 371, и „Кіев. Телегр.“, 1875 г., № 30.
3) „Кіевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 30.
4) „Кіевская Старина“, за іюнь, 1883 г.: „Библіографія“, стр. 350.

рѣчи, такъ и красотою, плавностію стиха. Время, когда были изданы „Сербскія думы" (1876 г.), казалось, выбрано было тоже какъ нельзя болѣе удачно: это былъ годъ начала войны за освобожденіе братьевъ славянъ, время наибольшаго сочувствія и интереса къ нимъ. Къ тому же и самую выручку отъ продажи „Сербскихъ думъ" г. Старицкій предназначилъ въ пользу страдавшихъ „братівъ". И однако же, не смотря на всѣ эти обстоятельства, не смотря на то, что, прежде всего, по одному количеству матеріала, сборникъ „Сербскихъ думъ" Старицкаго являлся первымъ во всей россійской литературѣ, изданіе это было встрѣчено нашею (малороссійскою) публикою крайне холодно: оно почти не пошло въ продажѣ" [1]). Вѣроятно, по этому второй томъ сербскихъ народныхъ думъ и пѣсенъ, въ переводѣ г. Старицкаго, явился только черезъ пять лѣтъ послѣ перваго, и притомъ онъ заключаетъ въ себѣ только небольшую долю сербскихъ пѣсенъ, съ придачею къ нимъ переводовъ изъ первокласcныхъ европейскихъ и польскихъ писателей. Мы разумѣемъ здѣсь изданіе г. Старицкаго: „Пісні и думи, зъ давнего зшитку. Кіевъ. 1881." Здѣсь, между прочимъ, помѣщены бытовыя сербскія пѣсни, большею частію любовныя, вообще отличающіяся чрезвычайнымъ лиризмомъ, страстностію, иногда простотой и наивностью содержанія и пластичностію. Къ числу коротко-описательныхъ пѣсенокъ относится, напримѣръ, слѣдующая, отличающаяся чрезвычайно граціознымъ выраженіемъ лирическаго порыва:

Не щебечи, соловейку, зрана,
Не буды ты господаря-пана!
Я сама прыспала его зъ ночи,
Такъ сама й збудыты его хочу:
Побіжу я на грядкы квітысті,
Та зірву тамъ васылекъ душистый,
По лыцю торкну его злегенька
І скажу: „вставай, мое серденько!"

Но, заявивъ себя съ хорошей стороны переводомъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ, г. Старицкій снова обратился къ неудачнымъ переводамъ произведеній европейскихъ знаменитостей на украинскую рѣчь.

Въ „Піснях и думахъ" г. Старицкаго, 1881 и 1882 гг., и въ „Радѣ" на 1883 годъ помѣщено нѣсколько его переводовъ изъ Гейне, Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Лермонтова, Некрасова и другихъ, и кромѣ того въ 1882 году изданъ г. Старицкимъ переводъ „Гамлета" Шекспира. Чтобы познакомиться съ переводами г. Старицкаго изъ про-

[1]) Газета „Трудъ", 1881 г., № 96.

изведеній европейскихъ знаменитостей, приведемъ его переводъ „Сосны" Гейне, извѣстной въ русской литературѣ по переводу Лермонтова:

На півночі *млавій* въ заметахъ, у криві,
Самотня соснина дріма;
Куня похилившись і въ біліі ризи
Вдягла іі пишно зіма;
И марить та сосна про сонце бліскуче,
Ій сниться південь—сторона,
Де те-жъ въ самотині на скелі пекучій
Красуеться пальма сумна [1]).

Нѣкоторые, правда, и въ этихъ переводахъ г. Старицкаго, особенно сдѣланныхъ съ польскаго языка, находятъ высокія достоинства [2]); но болѣе глубокіе знатоки малорусской рѣчи недовольны переводами г. Старицкаго изъ классическихъ иностранныхъ поэтовъ. „Мы замѣчаемъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ по поводу переводовъ г. Старицкаго,—что въ послѣднее время у малорусскихъ писателей явилась особенная охота къ переводамъ. Мы думаемъ, что переводы на малорусскій языкъ могутъ быть умѣстны только тогда, когда переводимое можетъ быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитію. Это мы видимъ уже на опытѣ. Мы имѣемъ превосходный переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ по-малорусски; между тѣмъ тотъ же переводчикъ совсѣмъ не такъ удачно исполнилъ свою задачу, когда принялся передавать на малорусскую рѣчь произведенія европейскихъ знаменитостей, какъ Шекспира, Байрона, Андерсена, Мицкевича и др. Мы вполнѣ раздѣляемъ желаніе видѣть малорусскій языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ безъ натяжки можно было передавать все, что составляетъ достояніе культурнаго языка; но на это нужно время и значительное поднятіе умственнаго горизонта въ народѣ... Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей и др. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны и пока ненужны. Что касается до интеллигентнаго

---

[1]) У Лермонтова: На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

[2]) Газета „Трудъ", 1881 г., № 96. Сн. „Зарю", 1883 г., № 117.

класса въ Малороссіи, то для него такіе переводы еще болѣе ненужны, потому что совсѣмъ этимъ онъ можетъ познакомиться или въ подлинникахъ, или въ переводахъ на общерусскій языкъ, который ему такъ же хорошо знакомъ, какъ и родное малорусское нарѣчіе" [1]).

Есть у г. Старицкаго и болѣе или менѣе самостоятельныя произведенія, въ стихахъ и прозѣ, но и они, за немногими счастливыми исключеніями, страдаютъ такими же недостатками языка, какъ и его переводы, а особенно стихотворенія.

Оригинальныя стихотворенія г. Старицкаго помѣщались въ его „Піснахъ и думахъ" и альманахахъ „Лунѣ" 1881 года и „Радѣ" 1883 г. По поводу альманаха „Луна" и въ частности стихотвореній г. Старицкаго Н. И. Костомаровъ писалъ слѣдующее: „Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, мы не можемъ, однако, не выразить нашего несогласія со взглядомъ, господствующимъ, какъ видно, у нѣкоторыхъ современныхъ малорусскихъ писателей. Они думаютъ, что при недостаточности способовъ для выраженія высшихъ понятій и предметовъ культурнаго міра, надлежитъ для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты и тѣмъ обогащать языкъ и литературу. У пишущаго на простонародномъ нарѣчіи такой взглядъ обличаетъ гордыню, часто суетную и неумѣстную. Создавать новыя слова и обороты вовсе не бездѣлица, если только ихъ создавать съ надеждою, что народъ введетъ ихъ въ употребленіе. Такое созданіе всегда почти было достояніемъ великихъ дарованій, какъ это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы.. Но что сталось съ такими на живую нитку измышленными словами, какъ „мокроступы, шарокаталище, краткоодежіе, четвероплясіе" и т. п.? Ничего, кромѣ позорнаго безсмертія, какъ образчики неудачныхъ попытокъ бездарностей! Съ сожалѣніемъ должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этою болѣзнію, и это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежніе годы малорусская литература была чиста отъ такой укоризны. По крайней мѣрѣ у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка-Вовчка едва ли найдется что нибудь такое, о чемъ бы можно было съ перваго раза сказать, что малороссъ такъ не выразится. Теперь же не угодно ли полюбоваться хоть на это произведеніе современнаго поэта (Старицкаго), котораго, однако, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его трудамъ, мы никакъ не можемъ отнести къ разряду бездарностей:

Сыділы мы, каганчыкъ мыготівъ,
Дві тіні, тремтячы, сягалы ажъ до мура,

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", февраль, 1882 г.

А у вікно дывылась нічъ понура
І вітеръ щось сумне, *гробкове* вывъ.

—

Якъ *помники* холодні та німі
Сыділы мы безъ слова и безъ думы...
Іще чорнішъ тіеі *ночі-стумы*
Прыйдешнье намъ вбачалося въ *пітьмі*,—
Безъ просвіту, безъ жадноі меты,
Якъ мертвый шляхъ въ *безлюдяній* пустыні;
Въ мынулому руіна на руіні,
І *силою* поставлені хресты.

—

Чого жъ ще ждать? болiння тільки *мить*...
Але мы все сыділы біля мура,
Дывылась нічъ черезъ вікно понура
І не *вгававъ* сердытый вітеръ выть.

„Охота къ выковыванію новыхъ словъ, геройская отвага къ совершенію такихъ подвиговъ доходитъ до того, что стали выдѣлывать изъ нарѣчій существительныя: есть, напримѣръ, нарѣчіе *байдуже*, т. е. все ни по чемъ. Изъ этого нарѣчія выковали существительное *байдужесть* (у г. Левицкаго). Что бы сказалъ русскій читатель, если бы увидалъ въ русской книгѣ существительное *всенипочемность?* Въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ видно притязаніе на описательность, мы встрѣчаемъ совершенно великорусскій книжный синтаксисъ, какъ будто авторъ сложилъ свое сочиненіе по-русски, только вмѣсто русскихъ словъ вставляя туда слова малороссійскія, съ прибавкою словъ собственнаго издѣлія, какъ напримѣръ „напечатокъ“ вмѣсто отпечатокъ (какъ будто напечатокъ для малоросса понятнѣе, чѣмъ отпечатокъ), „задуманість, поетычна мрія про історічну мынувшість, узькі глыбокі щілыны манылы до себе очи своею чарівнычею свіжыною“. (Мы слышали слово *свіжына* только въ смыслѣ свинины)“ [1]).

Въ послѣднее время г. Старицкій пробовалъ себя въ новомъ родѣ поэтической дѣятельности, именно въ драмѣ, и написалъ водевиль „Якъ ковбаса та чарка, то минеться й сварка“ и драму „Не судилось“. Въ первомъ изъ нихъ нѣтъ ни единства дѣйствія, ни этнографической вѣрности красокъ, ни серьезной мысли. Дѣйствіе происходитъ въ шинкѣ, гдѣ мирятся поссорившіеся изъ-за пустяковъ на охотѣ полупанки Шпонька и Шило. Посредницею является молодая шинкарка Горпина; но собственно примиреніе послѣдовало лишь потому, что обоимъ полу-

1) „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1882 г.

панкамъ захотѣлось выпить и закусить, тогда какъ у Шила была только выпивка безъ закуски, а у Шпоньки—закуска безъ выпивки. Это неумѣлое подражаніе Гоголю въ его „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ" можетъ годиться только развѣ для балаганнаго фарса. Но другое дѣло драма „Не судилось": она производитъ эпоху въ поэтической дѣятельности г Старицкаго, если только это—его оригинальное произведеніе.

„*Не судилось*—серьезное, старательное произведеніе, — говоритъ одинъ рецензентъ,—драма съ законченными характерами и хорошо обрисованными положеніями. Узелъ пьесы составляетъ столкновеніе двухъ общественныхъ слоевъ—крестьянскаго и культурнаго, помѣщичьяго; а по времени событіе относится къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда пробудившаяся общественная мысль въ нашемъ краѣ искала приложенія въ народной средѣ, когда ознакомленіе и сближеніе съ народомъ, просвѣщеніе народа и помощь ему были завѣтными мечтами лучшей части юношества, когда народныя нужды и способы облегченія ихъ были излюбленными тэмами и устныхъ, и литературныхъ споровъ и бесѣдъ, когда *народничество* становилось даже модой, захватывавшей внѣшнимъ образомъ общественныя группы, далеко стоявшія по своимъ понятіямъ и вкусамъ отъ здороваго умственнаго движенія. Авторъ коснулся въ своей драмѣ такъ называемаго хлопоманства или украинскаго народолюбства. Въ драмѣ г. Старицкаго дѣйствуетъ нѣсколько типовъ хлопомана, начиная отъ Павла, беззавѣтно отдающагося служенію народу, и кончая помѣщицей Анной Петровной, ярой крѣпостницей въ душѣ, но готовой, ради достиженія своихъ амурныхъ цѣлей, „побаловаться" малорусской рѣчью. Между этими типами стоятъ Михайло, герой драмы, и упоминаемый только дядя его по отцу, женившійся на крестьянкѣ, разорвавшій всякую связь съ помѣщиками и живущій въ ладу съ крестьянами. Въ драмѣ выведенъ также старый крѣпостникъ-помѣщикъ, говорящій по-малорусски только какъ бы для того, чтобы показать, что малорусская рѣчь не дѣлаетъ еще пана хлопоманомъ.—Уже изъ сказаннаго читатель видитъ, какъ широко ставитъ свою задачу г. Старицкій, какую интересную сторону нашей жизни избралъ онъ для драматической разработки. Всѣ представители культурнаго класса обрисованы въ ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ крестьянскому міру и его интересамъ. Михайло, умный, добрый, искренній юноша, увлекается крестьянской дѣвушкой Катрей, хочетъ жениться на ней, не взирая на протестъ со стороны окружающихъ; но у него не хватаетъ силы характера, чтобы порвать съ привычками и связями; усвоенныя имъ новыя общественныя понятія не преобразили его нравственнаго существа, не закалили его настолько, чтобы онъ былъ въ силахъ осуществить на практикѣ свои теоретическія воззрѣнія. Это

одинъ изъ тѣхъ „лишнихъ людей“, которые въ столь разнообразныхъ видахъ выхвачены были изъ жизни Тургеневымъ, которые цѣлою головою стояли выше окружающей среды по развитію, но всегда оказывались неспособными осилить практическія препятствія даже въ скромной сферѣ личныхъ чувствъ и интересовъ. Въ житейской борьбѣ Михайло побѣжденъ, и любящая, честная дѣвушка дорого расплачивается за довѣріе къ народничающему „паничу“.—Вполнѣ удался автору образъ Бѣлохвостова, родственника Михайла; онъ стоитъ за „культуру“, за приведеніе всѣхъ языковъ къ „одному знаменателю“ и въ украинофильскомъ идеалѣ видитъ „идеалъ рака“. На самомъ дѣлѣ Бѣлохвостовъ—фатъ и карьеристъ, которому совершенно чужды какіе бы то ни было интересы отстаиваемой имъ „цивилизаціи“.—Г. Старицкій гораздо больше занятъ въ своей драмѣ культурными героями и культурною средою; эта сторона пьесы отдѣлана полнѣе и съ большимъ умѣньемъ, нежели другая, на которой стоятъ Катря, Дмитро, мать Катри и др. Въ пьесѣ отсутствуетъ повседневная обстановка этихъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ будничными заботами и радостями, которая объясняла бы и индивидуальныя черты характеровъ крестьянъ. Очевидно, задачею автора было изобразить извѣстное умственное движеніе съ помощью различныхъ типовъ культурнаго слоя, хорошо извѣстнаго драматургу и мастерски имъ возсозданнаго. Во всякомъ случаѣ,—продолжаетъ рецензентъ,—новая драма г. Старицкаго составляетъ, по нашему мнѣнію, крупное явленіе въ украинской литературѣ какъ по замыслу, такъ и по выполненію. Недостатки композиціи несущественны. Важнѣйшій изъ нихъ—растянутость послѣдняго дѣйствія, слишкомъ продолжительное умираніе героини, слишкомъ нѣжныя и продолжительныя предсмертныя ласки, которыми Катря надѣляетъ обидѣвшаго ее Михайла. Эта сцена, по нашему мнѣнію, немного портитъ впечатлѣніе пьесы, построенной на столкновеніи различныхъ идей и общественныхъ порядковъ“ [1]). Съ неменьшею похвалою отзывается о послѣдней драмѣ г. Старицкаго и Н. И. Костомаровъ. „По чистой совѣсти,—говоритъ онъ, не можемъ не признать новое самобытное произведеніе пера этого писателя однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и достойныхъ вниманія явленій въ небогатой количествомъ книгъ малорусской литературѣ. Авторъ затронулъ самыя живыя струны современной общественной жизни, раскрылъ недугъ, чувствуемый повсюду въ наше время, и изобразилъ его въ такихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявляется въ современномъ малорусскомъ обществѣ. Это—увлеченіе народностію, побуждающее молодыхъ интеллигентныхъ людей сближаться съ простонародьемъ. Такое стремленіе

---

1) „Заря“, 1883 г., № 117.

можетъ вести къ самымъ желательнымъ послѣдствіямъ, и мы можемъ указать на благотворные плоды его въ трудахъ, касающихся этнографіи, археологіи, исторіи, филологіи и разработки языка; но у многихъ такое стремленіе, сталкиваясь съ противодѣйствующими жизненными условіями, совершенно не удается и порождаетъ явленія отрицательныя, иногда просто достойныя смѣха, а иногда и печальныя. Одно изъ такихъ нерѣдкихъ въ дѣйствительности явленій изобразилъ въ своей драмѣ г. Старицкій. Дѣйствующія лица въ этой драмѣ „изображены очень выпукло, съ явными чертами, свойственными какъ личности каждаго, такъ и средѣ, въ которой они вращаются. Всѣ они реальны и законченны. Языкъ во всей драмѣ правиленъ и рѣчь вездѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ. Прочитавши эту драму, можно съ перваго разу замѣтить, что авторъ находился подъ вліяніемъ Шекспира: не даромъ онъ былъ переводчикомъ Гамлета. Это вліяніе не выразилось однако такъ, чтобъ на то или на другое мѣсто можно было указать, какъ на снимокъ того, что находится въ томъ или другомъ произведеніи Шекспира; рабскаго подражанія нѣтъ. Вліяніе Шекспира отразилось духомъ великаго англійскаго драматурга, проникающимъ всю пьесу, въ ея построеніи и сопоставленіи характеровъ. Мы не вмѣняемъ автору этой черты въ недостатокъ и скорѣе можемъ неодобрительно отозваться о финалѣ драмы, напоминающей разныя французскія мелодрамы. Героиня убиваетъ себя атрофиномъ, оставленнымъ медикомъ, лечившимъ глазную боль ея матери. Это намъ кажется искусственнымъ, и гораздо болѣе народенъ конецъ драмы Квитки „Щира любовь", по содержанію нѣсколько похожій на „Не судилось" г. Старицкаго, не смотря на сентиментальность, отъ которой не свободно это произведеніе харьковскаго драматурга, наравнѣ съ большею частію его произведеній" [1]).

Драма г. Старицкаго „Не судилось" по сюжету очень сходна съ драмой г. Кропивницкаго „Доки сонце зійде—роса очі виїсть", игранною еще въ 1882 г.; но какого рода родство между этими пьесами и какъ далеко оно простирается, мы не можемъ сказать объ этомъ ничего положительнаго, такъ какъ пьеса г. Кропивницкаго еще не напечатана и потому мало доступна для изученія.

---

[1]) „Кіевская Старина", сентябрь—октябрь, 1883 года: „Библіографія", стр. 297 и слѣд.

Алфавитный указатель личныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ш.

Щ. Ю. Я. Э.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:			ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
стран.	стр. (сверху)		
5	13	Н. Н. Костомаровъ	Н. И. Костомаровъ
21	1	Шевчинко	Шевченко
32	4	антрактихъ	антрактахъ
38	17	занимается	занимаемся
—	41	Пасьмо	Письмо
44	9	гольфалоніере	гонфалоніере
57	19	диссартаціи	диссертаціи
78	38	библіотети	библіотеки
80	23	на сценѣ,	на сценѣ.
82	28	издава	издана
84	32	Кухаренколъ	Кухаренкомъ.
89	32	ввѣроно	ввѣрено
102	16	свытныхъ	свытныкъ
105	28	проближался	приближался
121	11 и 13	Зміюха	Зміючиха
125	15	ромартическаго	романтическаго
128	21	Аукьяновичъ	Лукьяновичъ
129	4	свободлое	свободное
133	41	самотнін	самотніи
137	30	дьвольскій	дьявольскій
143	28	сюженъ	сюжетъ
144	3	ожинився	оженився
145	25	Стихотворереніа	Стихотворенія
147	8	заставивъ	зоставивъ
149	3	Зебеллы	Забѣллы
155	19	Баючись	Бьючись
159	9	Ссменъ	Семенъ
161	32	5	8
163	38	азмѣтны	замѣтны
164	30	подражанін	подражаніи
165	16	1843	въ 1843
166	39	1	2
—	40	2	3
167	34	лагаючи	лягаючи
171	6	западноеврейскихъ	западноевропейскихъ
175	39	литерчтуры	литературы

188	8	всѣй	всей
—	24	обратит	обратить
—	28	5	3
189	13	титературѣ	литературѣ
192	23	правамъ	нравамъ
197	17	присутстіє	присутствіе
201	41	Гоголи	Гоголя
203	11	своею своею	своею
209	12	Чайковсваго	Чайковскаго
217	9	Подробныя	Подобныя
221	7	Хмлильницкаго	Хмельницкаго
228	24	лементъ	элементъ
230	31	Булава	Булавы
239	30	ноявились	появились
240	27	аудитія	аудиторія
241	23	въ тѣни онъ;	въ тѣни; онъ
245	14	ироизведеній	произведеній
—	33	Спiвенць	Спiвець
250	9	сылы	силы
—	20	ч о	что
252	4	принмались	принимались
—	28	кѣка	вѣка
263	37	простяне	простягне
265	34	улиша	Кулиша
266	14	малурусскомъ	малорусскомъ
271	2	1889	1882
273	12	инстиктивно	инстинктивно
278	1	серцде	сердце
—	18	той.	той дуб
291	29	Мурузовыхъ	Муразовыхъ
292	18	Бесѣкѣ	Бесѣдѣ
296	2	этотъ	этомъ
—	30	крае	краю
298	28	1813	1823
301	28	камъ	какъ
303	10	Успѣхи .. шли	Ученье... шло
304	11	посовѣдовался	посовѣтовался
305	24	крѣпостичества	крѣпостничества
311	18	Вареолемея	Вареоломея
313	39	вященника	священника
320	16	солдацькю	солдацьку
323	40	ри	При
324	37	2	1
—	40	3	2
325	3	груьоватаго	грубоватаго
327	16	олубь	голубь
329	42	жтвыхъ	жывыхъ
344	1	сочинепіями.	сочиненіями:
362	7	обмавываютъ	обманываютъ
396	41	Левецкій	Левицкій

399	7	лѣвый	лѣнивый
400	14	разказъ	разсказъ
401	21	цирульнику	цирюльнику
412	33	Кіевксой	Кіевской
413	13	ясли	ясла
414	40	бгаатыремъ	багатыремъ
415	24	налетамн	налетами
417	40	Старинѣ	Старинѣ
419	12	полюбившкася	полюбившаяся
424	11	розь	рознь
426	12	нихъ	въ нихъ
—	13	въ васъ	васъ
432	36	говоригъ	говоритъ
442	11	и нові	й нові
448	16	Пісніи	Пісні
—	25	Левицкаго.	Левицкаго
453	34	Топерь	Теперь
455	14	приложевія	приложенія
II	25	Вишневскій	Вишневецкій

Цѣна 3 руб.

На пересылку за 2 фунта.

Складъ изданія у автора, профессора Н. И. Петрова (Кіевъ, Ильинская ул., д. № 4) и въ редакціи журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи". Тамъ же можно получать другое изслѣдованіе того же автора „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка", оставшееся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ. Цѣна 1 р.; на пересылку за 1 ф.

